

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

**STUDIES
IN MEDIEVAL AND EARLY
MODERN SOCIAL HISTORY AND CULTURE**

Published since 1996
Inter-University collected papers

Volume 12

Anniversary issue

Edited by *A. Yu. Prokoviev*

Saint Petersburg
2015

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Editorial Council:

Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History *I. P. Medvedev*;
Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Doctor of History *P. Y. Uvarov*;
Doctor of History, Professor *A. I. Filyushkin*; Doctor of History, Professor *S. V. Kondratiev*;
Professor of University of Sheffield (Great Britain) *Mark Grenngrass*;
Professor of University of Saint-Étienne (France) *Eliane Viennot*;
Professor of University of Hamburg (Germany) *Norbert Angermann*

Editorial Board:

Doctor of History, Professor *A. Yu. Prokopiev*, **editor-in-chief**; a senior lecturer *E. A. Mekhamadiev*,
executive secretary; Doctor of History, Professor *G. E. Lebedeva*; Candidate of History,
Assistant Professor *V. V. Shishkin*; Doctor of History, Professor *S. E. Fedorov*; PhD, Professor,
University of Franche-Comté (France) *Hugues Daussy*; Assistant Professor (maître de conférences),
Paris IV-Sorbonne University (France) *Tatiana Debbagi-Baranova*; Doctor of History, visiting
Professor of University of Fribourg (Switzerland) *A. Yu. Mitrofanov*; Doctor of History,
Chief of Department of Early Modern Time at University of Heidelberg *Susan Richter*

Reviewers:

Doctor of History, Chief of Department of Manuscripts at Russian National Library
(Saint-Petersburg) *A. I. Alekseev*; Doctor of History, Professor of Department of Modern
and Contemporary History at Saint-Petersburg State University *V. A. Ushakov*

*Printed by the decision of Academic Council
of Institute of History at Saint-Petersburg State University*

Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture / Ed. by
A. Yu. Prokopiev. Vol. 12. SPb.: LLC "PRAVO" PUBLISHING HOUSE", 2015. — 466 p.

The present collected papers are dedicated to anniversary of Doctor of History, Professor of Department of Medieval History at Saint-Petersburg State University Galina Evgen'evna Lebedeva — one of the most outstanding and prominent representatives of Russian and world Byzantine studies. The present issue consists of the studies of colleagues and pupils of Galina Evgen'evna, which cover a vast period from the late Antiquity to 18th and even 20th centuries. The subjects considered in this issue are related to all most important problems of West European Medieval history as well as Byzantine history, that are social structure of society, political development, spiritual culture. The contributors of this issue applied to many new documents, which have not received attention of the scholars. The present collected papers are intended to Medievalists, Byzantinists and all, who are interested in the history of Medieval Europe and Byzantium.

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Издается с 1996 года

Выпуск 12

Юбилейный

межвузовский сборник

Под редакцией *А. Ю. Прокопьева*

Редакционный совет:

Член-корреспондент РАН, д. и. н. *И. П. Медведев*; член-корреспондент РАН, профессор, заведующий сектором истории Средних веков Института всеобщей истории РАН (г. Москва), д. и. н. *П. Ю. Уваров*; д. и. н., проф. *А. И. Филюшкин*; д. и. н., проф. *С. В. Кондратьев*; профессор, Университет Шеффилда (Великобритания) *Марк Гринграсс*; профессор, Университет Сент-Этьен (Франция) *Элиан Вьенно*; профессор, университет Гамбурга (Германия) *Норберт Ангерманн*

Редакционная коллегия:

Д. и. н., проф. *А. Ю. Прокопьев*, **ответственный редактор**;
к. и. н., старший преподаватель *Е. А. Мехмадиев*, **ответственный секретарь**;
д. и. н., проф. *Г. Е. Лебедева*; к. и. н., доцент *В. В. Шишкин*; д. и. н., проф. *С. Е. Федоров*;
доктор наук, профессор, Университет Франш-Конте *Юг Досси*; доцент, Парижский университет — Сорбонна IV, *Татьяна Деббажи-Баранова*; доктор университета Фрибурга (Швейцария) *А. Ю. Митрофанов*; доктор наук, заведующая отделением истории раннего Нового времени Университета им. Рупрехта — Карла Гейдельберг (Германия) *Сюзан Рихтер*

Рецензенты:

Д. и. н., заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки *А. И. Алексеев*;
д. и. н., профессор кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ *В. А. Ушаков*

Печатается по решению Ученого совета

Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

П 78 Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А. Ю. Прокопьева. Вып. 12. СПб.: ООО «ИД «ПРАВО», 2015. — 466 с.

Данный сборник посвящен юбилею д. и. н., профессору кафедры истории Средних веков СПбГУ Галине Евгеньевне Лебедевой — одному из крупнейших представителей отечественной и мировой византистики. Настоящий выпуск включает в себя исследование коллег и учеников Галины Евгеньевны, охватывающие широкий временной промежуток от поздней Античности до XVIII и даже XX вв. Тематика вопросов, рассмотренных в сборнике, затрагивает все важнейшие проблемы истории западноевропейского Средневековья и Византии: социальную структуру общества, политическое развитие, духовную культуру. Авторами привлечены и рассмотрены многие новые документы, ранее не попадавшие в поле зрения исследователей. Материалы сборника предназначены для историков-медиевистов, византистов и всех, кто интересуется проблемами истории западноевропейского Средневековья и Византии.

© Авторы статей, 2015
© А. Ю. Прокопьев, отв. редактор, 2015
© Институт истории С.-Петербурга. гос. ун-та, 2015

Даудов А. Х., Прокопьев А. Ю. К юбилею Галины Евгеньевны Лебедевой 7

I. Страницы из истории кафедры: люди и события

Лебедева Г. Е., Березкин А. В., Черепенина Н. Ю. Труды и дни профессора
В. В. Штокмар 20

II. Проблемы византийской истории

Поляковская М. А., Куц Т. В. Культ Св. Константина Великого в византийской
дворцовой традиции 38
Степаненко В. П. Тмутаракань и Византия в конце XI в. 50
Medvedev I. P. Constantinople comparé à Rome: l'ekphrasis de Manuel
Chrysoloras 63

**III. Эволюция государственности в эпоху поздней Античности
и раннего Средневековья**

Старостин Д. Н. Возникновение королевства франков в контексте
взаимоотношений Римской империи и варваров: Хильдерик и проблемы
легитимности первых Меровингских правителей. 70
Митрофанов А. Ю. Аварский «Потоп»: 580–626 гг. 85
Мехмадиев Е. А. Армения и Римская империя в начале IV в.:
проблемы межгосударственных отношений в эпоху правления армянского
царя Трдата III. 111

IV. Германские штудии

Norbert Angermann. Zur älteren Sozialgeschichte der Baltischen Länder:
Deutsche in der mittel- und unterschicht (13.–17. Jahrhundert) 134
Лурье З. А. Драматург в эпоху Реформации: опыт коллективного портрета. 151
Данилов И. А. Династия и имя в позднесредневековой Германии.
Графы Нассау 170
Вацлав Бужек. Репрезентация Рудольфа II Габсбургского в образе
его похорон. 189
Прокопьев А. Ю. Мать, сын и невестка: семейная коллизия герцога
Эбергарда III Вюртембергского (1628–1674 гг.). 207

V. Власть и общество: от Средних веков к Новому времени

Потехина И. П. Прокурации в налоговой системе средневекового папства228

Дмитриева М. И. Праздники в Сиене эпохи Треченто (по страницам городских хроник).238

Крылов П. В. «Никакой пророк не принимается в своем отечестве . . .»: или как Жанна д'Арк стала «девой из Лотарингии»252

Грин М. Гугеноты и их вклад в воспитание нидерландского дворянства269

Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Совет марки Уэльса и проблемы консилиарной юстиции в англо-валлийском Пограничье в XVI – начале XVII в.293

Susan Richter. Instruments to Ensure the Dynasty in Russia under Peter I and Ekaterina I: Co-Regency and the Role of German Testaments308

VI. Авторы, рукописи, книги и автографы

Кулешова Е. В. Клод де Сейссель (1450–1520) и его трактат «Великая французская монархия» в трудах современных исследователей.336

David Potter. The Correspondence of a Renaissance Monarch: Letters in Francis I's Style of Rule (1515–1547)351

Logutova M. G. The Portrait of Netherlands Priest of the Time of Counter-Reformation (basing on the manuscript housed at National Library of Russia, shelf-mark: Goll.F.XIV.2).373

Бобкова М. С. Исторический компендиум: заметки об аппарате издания 1579 года.389

Шшикин В. В. Книги Генриха III Валуа в Российской национальной библиотеке410

Королев С. В. Книги — ученические награды XVII в.: учебные заведения Франции (к постановке вопроса).424

VII. Рецензии

Старостин Д. Н. Рецензия. Costambeys, Marios, Innes, Matthew, MacLean, Simon. The Carolingian world. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. XIX + 505 p. ISBN: 9780521564946; 0521564948.438

Козлов А. С. Проблема падения Римской империи и книга А. Голдсуорти.442

ББК 63.3(0)4 + 63; УДК 94(495) + 930

А. Х. Даудов, А. Ю. Прокопьев

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ЕВГЕНЬЕВНЫ ЛЕБЕДЕВОЙ

Научно-педагогическая деятельность видного российского ученого-византиста, доктора исторических наук, профессора кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета *Галины Евгеньевны Лебедевой* неразрывно связана с Институтом истории. Здесь она работала лаборантом, ассистентом, доцентом, заведующей кафедрой и продолжает работать профессором.

Г. Е. Лебедева внесла крупный вклад в развитие науки истории. Ее перу принадлежат свыше сотни трудов, получивших широкую известность в нашей стране и за рубежом. В этих монографиях и статьях исследуются важнейшие проблемы перехода от античности к средневековью, динамики структуры византийского общества, истории городов, истории Церкви и духовной культуры Восточной Римской империи. Образцово проведенный Г. Е. Лебедевой анализ кодексов Феодосия и Юстиниана утвердил за ней репутацию одного из крупнейших в России специалистов в сложнейшей области римско-византийского права. Всегда интересовавшие Г. Е. Лебедеву источниковедческие и историографические штудии в последние годы принесли ей особые профессиональные успехи. Возвращены из забвения многие имена и страницы истории отечественной исторической науки. Архивные находки и тонкие наблюдения Г. Е. Лебедевой восстанавливают связь времен в русской историографии, резюмируют ее богатый методологический опыт, актуализируют эвристический потенциал концепций старых мастеров исторического цеха. Характерной чертой творческого метода Г. Е. Лебедевой является сочетание приверженности к новаторству с обостренным чувством исследовательской меры. В прежние времена это качество не позволяло ей быть сторонницей догматического подхода к предмету исследования, а в новейшую пору надежно удерживает от поветрий историографической моды на прочном фундаменте историзма и объективного анализа.

За заслуги в области образования в 2004 г. она награждена знаком «Почетный работник профессионального образования Российской Федерации».

Г. Е. Лебедева родилась в 1935 г. в Туле. Невозможно переоценить воздействие на воспитание Галины Евгеньевны традиций ее семьи. Отец Галины Евгеньевны в годы Великой Отечественной войны проявил себя как крупный организатор оборонной промышленности: под вражескими бомбами организовывал эвакуацию тульского завода на Уран. Не в этом ли отцовском примере истоки так восхищающих нас в характере Галины Евгеньевны искания справедливости, умения быстро принять оптимальное решение, стремления всюду подставить свое надежное плечо, взять на себя ответственность в любом важном деле, ради общего блага жертвовать личным покоем? Добрым словом Галина Евгеньевна всегда вспоминает и тульскую школу. В 1930–1940-х гг. город приютил многих ссыльных москвичей. Школы Тулы были укомплектованы превосходными преподавателями.

После окончания школы Г. Е. Лебедева поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Ее универси-

тетскими учителями были: Георгий Львович Курбатов, Софья Викторовна Полякова, Александр Иосифович Зайцев. Судьба щедро одарила ее возможностью общения и со многими другими замечательными учеными и педагогами: Валентиной Владимировной Штокмар, Марией Ефимовной Сергеенко, Матвеем Александровичем Гуковским, Виктором Ивановичем Рутенбургом, Владимиром Васильевичем Мавродиным, Михаилом Константиновичем Каргером. В аспирантские годы Г. Е. Лебедевой посчастливилось пройти стажировку по истории римско-византийского права в Германии, в университете имени Гумбольдтов у профессора Вольфганга Зейферта, которого она также считает своим учителем.

В аспирантские годы, по собственным словам Г. Е. Лебедевой, с ней «приключилась любопытная история»: «На моей родной кафедре — истории Средних веков — не оказалось аспирантского места, и мне предложили стать аспиранткой на философском факультете, изучать историю византийской философии. Но там не утвердили мою тему и потребовали, чтобы я занималась “моральным кодексом строителя коммунизма”. Целый год длились мои мучения. Каждое заседание кафедры истории философии начиналось с печальной констатации: “У нас есть аспирантка, у которой все еще нет темы!” Наконец, тогдашний заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета М. А. Гуковский пошел на прием к ректору и добился, чтобы меня, вместе с занимаемым мною “аспирантским местом”, перевели обратно на родной факультет и родную кафедру. Потом М. А. Гуковский говорил, что он “целый год бился за Галю, как за Елену Троянскую”».

В 1972 г. Г. Е. Лебедева защитила кандидатскую диссертацию, в 1980 г. вышла ее первая монография, а в 1989 г. она стала доктором исторических наук и в 1990 г. — профессором.

Г. Е. Лебедева всегда выступала и выступает как продолжательница тех традиций, которые сложились на кафедре истории Средних веков еще со времен академика В. Г. Васильевского и были продолжены Ф. И. Успенским, М. В. Левченко, Г. Л. Курбатовым. Последние годы Г. Е. Лебедева уделяет много внимания изучению истории русского византиноведения.

Говоря о стержневом значении научной традиции в жизни именно кафедры истории Средних веков, Г. Е. Лебедева в свое время так сформулировала составляющие этой преемственности: «Во-первых, это неизменный интерес и соответственно глубокая разработка *основных проблем социально-экономической истории*.

Во-вторых, это разделение на собственно западноевропейскую медиэвистику, славистику (в составе кафедры до 2002 г.) и византинистику, наличие самостоятельных исследовательских школ, работающих в каждой

из этих областей, но в то же время и связанных друг с другом в рамках единого научного коллектива. Существование перечисленных автономных направлений, необходимость их дальнейшей разработки обуславливаются логикой развития отечественной медиевистики, вполне осознавшей потребность уяснения типологических, региональных особенностей генезиса и становления феодализма. Дифференцированное исследование специфики феодализации и феодального общества в странах Западной Европы, в Византии и у славян (при возможности сопоставления со сходными или отличными процессами в других регионах, которая существовала благодаря традиционной связи между указанными тремя научными направлениями), вероятно, и объясняет научные достижения кафедры.

В-третьих, особенностью исследовательской работы кафедры является то, что она никогда не ограничивалась узким кругом однородных проблем (например, социально-экономической истории). Обыкновением и правилом для каждого из членов кафедры стало сочетание исследований в области экономической и социальной истории с изучением проблем духовной культуры. Все это придает завершенность исследованиям как в той, так и в другой области, открывает возможности более полного изучения типологии феодализма. Вероятно, сказанное явилось одной из важнейших причин, исходя из которых было решено объединить вокруг кафедры как головной усилия собственно медиевистов, византинистов, историков славянских и ближневосточных стран из университетов, где занимаются изучением типологии.

В ту пору, когда Г. Е. Лебедева приступила к исследованию византийского общества, отечественная наука широко привлекала законодательные памятники, в том числе и римско-византийские, при попытках реконструкции различных социально-экономических аспектов прошлого. Изучение же истории римско-византийского права как такового отходило при этом на задний план. Разрабатываемая Г. Е. Лебедевой диссертационная тема, на первый взгляд, целиком находилась в общем русле отечественных историко-правовых исследований тех лет. Однако избранный диссертанткой подход к материалу, сфокусировавший внимание на категориях римского права, позволил ей выполнить именно историко-правовое исследование из области римско-византийской истории.

Уже первые выступления Г. Е. Лебедевой на научных конференциях и публикации отдельных статей снискали ей известность авторитетного исследователя римско-византийского права. Эту репутацию прочно закрепил выход в свет в 1980 г. монографии «Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)».

Общее восприятие этого труда научным сообществом нашло свое отражение, в частности, в подробнейшей рецензии, опубликованной на страницах «Византийского временника», где дана была высокая оценка исследованию Г. Е. Лебедевой, а ее методы охарактеризованы как убедительные и новаторские¹.

В своих занятиях историко-правовыми сюжетами византийской истории, рано столкнувшись с историографической проблематикой, с необходимостью разбираться в запутанной, уходящей порою в глубь веков генеалогией рассматриваемых ею концепций, Галина Евгеньевна сполна оценила и сложность, и увлекательность таких изысканий. Поначалу историографические экскурсы играли в ее трудах вспомогательную, чисто служебную роль, но со временем такого рода штудии вышли на первый план.

И в этом отношении она продолжила кафедральную традицию: как известно, историей исторической науки много и плодотворно занимались М. В. Левченко, Г. Л. Курбатов, другие члены кафедры.

Войдя во вкус такого рода исследований, она сосредоточила свое внимание на трудах русских византинистов XIX – начала XX в. В послереволюционные годы эти труды — будучи в своем большинстве так или иначе связанными с историей церкви — фактически были преданы забвению, как рассадник клерикально-монархических идей, оплот реакции. Характерно, что даже в пору «борьбы с космополитизмом», когда усиленно выискивались всякие — реальные и мнимые — российские приоритеты, об исследованиях дореволюционных отечественных византинистов предпочитали не упоминать. Исключение делалось для таких всемирно известных ученых, как В. Г. Васильевский или Ф. И. Успенский. Однако и к ним отношение оставалось настороженным. К примеру, предпринятая после войны публикация третьего тома «Истории Византии» Ф. И. Успенского вызвала неодобрение начальства. Такой предвзятый подход утвердился прочно и надолго.

Понимая безосновательность подобных предубеждений, Галина Евгеньевна прежде всего обратилась к творчеству А. П. Рудакова (1886–1940). Его во многих отношениях уникальное исследование «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» вышло в 1917 г., в трудные для страны времена, и не удивительно, что прошло почти незамеченным. Капитальный труд, основанный на новаторском прочтении житий святых, окажется не ко времени и потом, в годы господства вульгаризированного марксизма и антирелигиозных кампаний.

¹ Козлов С. А. [Рец.:], Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980 // ВВ. 1983. Вып. 44. С. 234–240.

Не полагаясь на расхожее мнение и руководствуясь советом весьма уважаемой ею С. В. Поляковой, Галина Евгеньевна сама проштудировала «Очерки византийской культуры...» — и была покорена богатством привлеченного там источникового фонда и мастерством исследователя. Это натолкнуло ее на поиски уцелевших материалов, касающихся Рудакова, на изучение его научного наследия. У Галины Евгеньевны тут был, можно сказать, еще и личный мотив. Она узнала, что А. П. Рудаков был ее земляком; ученый, уроженец Тулы, хорошо знал и любил свой родной город, а в 30-е гг. XX в. вынужденно переехав из Москвы в Тулу, закончил там свои дни.

Поиски в архивах позволили Галине Евгеньевне найти и опубликовать ранее неизвестные материалы, касающиеся Рудакова, в частности — его письма к В. И. Герье, Х. М. Лопареву, В. Э. Регелю. Изучение научного наследия византиниста позволило ей сделать вполне обоснованный вывод, что ученый одним из первых в русской науке обратился к урбанистике и внес весомый вклад в изучение социально-экономической истории Византии. Не будет преувеличением сказать: именно труды Галины Евгеньевны дали стимул к тому, что имя А. П. Рудакова было извлечено из забвения, был переиздан его новаторский труд 1917 г.²

С изысканиями Г. Е. Лебедевой в области истории отечественной науки связано и ее общение с выдающимся английским византиноведом Д. Д. Оболенским. В 1994 г. во время посещения Санкт-Петербурга он принял участие в заседании византийской группы СПб Института истории РАН. «Вспоминается, — пишут И. П. Медведев и Е. К. Пиотровская, — например, затронутый вопрос о судьбе русского ученого-византиниста Александра Петровича Рудакова (1886–1940), автора знаменитых «Очерков византийской культуры по данным греческой агиографии» (М., 1917). Как известно, труд этот был в 1970 году переиздан в Лондоне в серии Variorum Reprints, а в предисловии к нему, автором которого был именно Д. Д. Оболенский, было отмечено, что создатель «Очерков» «исчез в бурных событиях 1917 года». Поскольку исследованиями Г. Е. Лебедевой было доказано, что в действительности А. П. Рудаков дожил до 1940 года, и одну из ее статей об этом прочитал Дмитрий Дмитриевич, он пожелал увидеть автора и извиниться за то, что заранее похоронил ученого. Случай, как

² *Лебедева Г. Е.* К творческой биографии А. П. Рудакова // Тезисы докладов международной конференции византинистов. СПб., 1991. С. 652–654; *Лебедева Г. Е.* А. П. Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // Византийские очерки. 1996. С. 206–217; *Лебедева Г. Е.* А. П. Рудаков и спасение архивов Тульской губернии (1918–1920) // Средневековая и новая Россия. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 738–749; *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. 2-е изд. / статьи, комм.: Г. Е. Лебедева, Г. Л. Курбатов. СПб., 1996.

видим, представился, тем более, что Галина Евгеньевна успокоила гостя, убедив его, что на самом деле тот написал правильно, ибо фактически А. П. Рудаков в 1917 году действительно «умер для византиноведения»³.

Если в свое время это исследование Рудакова выпало из научного оборота во многом лишь потому, что автор для характеристики светского общества использовал агиографические памятники, то к работам отечественных историков византийской церкви отношение тем более было открыто враждебным. Ревнителю чистоты вульгаризированного марксизма не только в своих писаниях презрительно игнорировали церковную историографию и ее представителей, но и попросту истребляли вредные на их взгляд книги. В результате сочинения такого рода уцелели лишь в немногих научных библиотеках, и доступ к ним был ограничен.

Без предвзятости подойдя к наследию старых русских историков, много писавших о византийской церкви и ее влиянии на Русь, Г. Е. Лебедева практически заново открыла для нас целый пласт незаслуженно обойденных вниманием исследований.

В качестве примера из начавшихся в 1990-е гг. многочисленных публикаций по церковной историографии сошлемся на ее статью 2001 г. «А. Ф. Курганов и И. И. Соколов: учитель и ученик». Разыскания Г. Е. Лебедевой истории деятельности и творческого наследия Ф. А. Курганова, И. И. Соколова, Н. А. Скабалановича и А. С. Павлова установили картину преемственности в развитии русской церковной византологии. Возрожденный интерес к почти забытой области отечественной церковной историографии воплотился в многочисленных переизданиях ставших раритетными книг, целый ряд из которых вышел при участии Г. Е. Лебедевой⁴.

Со временем сложится еще одно направление историографических изысканий Галины Евгеньевны. Когда готовился юбилейный сборник, посвященный 70-летию Г. Л. Курбатова, она взяла на себя труд написания статьи о жизни и творчестве юбиляра. Статья послужила своего рода стимулом к тому, чтобы взяться за историю родной кафедры.

³ *Медведев И. П., Пиотровская Е. К.* Сэр Дмитрий Оболенский и его единственный приезд в родной Петербург // Санкт-Петербург — Великобритания. XVIII–XXI вв. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2014. С. 473.

⁴ *Соколов И. И.* Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003; *Соколов И. И.* О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453). СПб., 2003; *Скабаланович Н. А.* Византийское государство и Церковь XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2 кн. СПб., 2004; Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А. Ф. Бычкову / Публ. Г. Е. Лебедевой // Мир русской византистики. Материалы архивов С.-Петербурга. СПб., 2004.

Результатом явится подготовленный ею (совместно с В. А. Якубским) цикл статей, посвященных О. А. Добиаш-Рожественской, А. Д. Люблинской и другим петербургским — ленинградским медиевистам. Свои воспоминания студенческих и аспирантских лет она и на этот раз существенно дополнила в ходе архивных разысканий. Так, ей удалось найти переписку О. А. Добиаш-Рожественской с руководством бывшей Академии истории материальной культуры по поводу написания глав по истории крестовых походов для учебника по истории Средних веков. Переписка эта наглядно показывает, насколько для Добиаш-Рожественской были неприемлемы вульгарно-марксистские схемы, насаждаемые в тогдашней нашей науке, насколько упорно она отстаивала свою точку зрения.

Из других работ этого цикла особо стоит отметить статью, посвященную О. Л. Вайнштейну, в основу которой был положен извлеченный Галиной Евгеньевной из архива протокол конференции исторического факультета Ленинградского университета, проходившей в мае 1949 г. и посвященной борьбе с космополитизмом — печально памятной конференции, где Вайнштейн был главным докладчиком и, вместе с тем, главным объектом травли... Позднее эти работы вошли в вышедшую в 2008 г. книгу «Cathedra Medii Aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов» (в соавторстве с В. А. Якубским)⁵.

Любовь к историографическим исследованиям Галина Евгеньевна сумела привить и своим ученикам.

Научная общественность высоко ценит вклад Г. Е. Лебедевой в изучение ключевых проблем византиноведения и медиевистики. Предложенные ею интерпретации перехода от античности к средневековью, изменений структуры византийского общества, истории средневекового города, Церкви и духовной жизни Византии составляют прочное приобретение современного исторического знания и служат отправным пунктом для дальнейших разысканий.

Интенсивные и плодотворные занятия наукой позволяют Г. Е. Лебедевой вести преподавательскую работу на таком уровне профессиональной культуры, который завещали ей ее университетские учителя, и который она сама прививает своим многочисленным ученикам. В студенческой и аспирантской среде, в первую очередь, авторитетны именно крупные ученые, и именно их воздействие на молодежную аудиторию оказывается наиболее эффективным во всех отношениях. На протяжении без малого полувека Г. Е. Лебедева служит делу исторического образования,

пользуясь широкой известностью как лектор и преподаватель, наставник творческой молодежи.

Лекционные занятия Г. Е. Лебедевой характеризуют ее как яркого педагога, создавшего оригинальную манеру общения с аудиторией и передачи исторических знаний. На ее лекциях можно встретить студентов и аспирантов разных факультетов и вузов.

Не меньшей популярностью пользуются проводимые Г. Е. Лебедевой семинарские занятия. Присущие Г. Е. Лебедевой чувство такта и культура диалога не оставляют места для скованности или пассивности аудитории.

Общение же с Г. Е. Лебедевой как с научным руководителем обогатило не одно поколение молодых исследователей. В юбилейном адресе Института истории СПбГУ говорится, что «по-настоящему значимой и определяющей стала ее работа с подрастающим поколением специалистов, аспирантами, соискателями, молодыми учеными. Стиль работы Г. Е. Лебедевой с учениками отличается особой требовательностью, вдумчивостью в сочетании с огромной добротой и отзывчивостью. Несомненно, важным здесь всегда остается большая нравственная составляющая, стремление видеть в ученике не только будущего ученого, но и патриота своей Родины. Зеркалом научно-воспитательных достижений Г. Е. Лебедевой стала забота и последовательная поддержка регулярных научных конференций молодых медиевистов России, проходящих на базе кафедры истории Средних веков СПбГУ. Конференция собирает молодые таланты, представляющие, в сущности, все ведущие университетские и научные центры Российской Федерации». О значимости этой стороны деятельности Г. Е. Лебедевой писали в приветственном адресе и коллеги с кафедры истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета: «Первый опыт научных выступлений многие из нынешних уже состоявшихся ученых-медиевистов получили на всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения», проводимых усилиями Галины Евгеньевны в стенах Санкт-Петербургского университета».

Масштабность личности Г. Е. Лебедевой проявилась и в ее организаторской деятельности в области подготовки научно-педагогических кадров и координации научных исследований. «Велик вклад Галины Евгеньевны, — пишут коллеги из Екатеринбурга, — в создании и упрочении научных связей между медиевистами различных университетов страны. Ее ученики работают в разных российских ВУЗах, многие кандидаты и доктора наук в начале своего профессионального пути получили научное благословение Галины Евгеньевны». Об этом же проникновенно сказали в своем адресе и коллеги из Ивановского университета: «На протяжении многих лет Ваше неустанное участие в судьбах ива-

⁵ См. рецензии: *Хачатурян Н. А.* // СВ. М., 2009. Вып. 70 (3) С. 196–199; *Толенев В. М.* // СВ. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 199–202.

новских историков, начиная от студентов и заканчивая состоявшимися уже преподавателями, неизменно приносило свои благодатные плоды. Под Вашим научным руководством подготовлено несколько докторских диссертаций ивановскими историками, для целого ряда выпускников ивановской аспирантуры руководимая Вами кафедра гостеприимно распахнула свои двери на пути к диссертационному совету и защите кандидатских диссертаций».

Еще в далекие 1970-е гг. Г. Е. Лебедева была активной участницей первых крупных совместных научных мероприятий с западногерманскими коллегами — учеными из университета Гамбурга. В немалой степени, благодаря ее личной инициативе, первоначальные контакты переросли в крепкие научные связи, столь важные в современном мире. В зарубежных научных командировках и на международных византиноведческих конгрессах Г. Е. Лебедева неизменно достойно представляла отечественную науку и Санкт-Петербургский университет.

В течение многих лет Г. Е. Лебедева является ответственным редактором выпускаемого кафедрой межвузовского научного сборника «Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени», входит в состав редакционных коллегий «Византийского временника» и «Византийской библиотеки» издательства «Алетейя».

Г. Е. Лебедеву характеризуют настоящая интеллигентность, искренняя доброжелательность к ученикам и коллегам, неординарное сознание деловой ответственности. Как заведующая кафедрой, Г. Е. Лебедева сумела создать в коллективе историков-медиевистов атмосферу взаимного доброжелательства и научного поиска. Ее лидерство на кафедре основано на мудрости и деликатности и никогда не требовало авторитарных подкреплений.

Четверть века Г. Е. Лебедева посвятила руководству кафедрой истории Средних веков. На этот период пришелся сложный процесс смены поколений. Галина Евгеньевна сделала все возможное, чтобы продлить творческую деятельность корифеев кафедры: Г. Л. Курбатова, А. Н. Немилова и В. А. Якубского, — привлекая их к работе над исследовательскими и издательскими проектами. В новых сотрудниках кафедры Галина Евгеньевна желала видеть близкие ей черты: фундаментальные знания и эрудицию в области медиевистики, самоотдачу в работе со студентами, высокие нравственные качества. Порой, судьба была крайне несправедлива и жестока. В расцвете лет и на подъеме творческих сил безвременно ушли из жизни Н. С. Горелов и Ю. П. Малинин. С этим невозможно примирится ни умом, ни сердцем. И в который раз Галина Евгеньевна Лебедева вновь набирает учеников и неустанно ведет их к вершинам науки.

Поздравляем профессора Галину Евгеньевну Лебедеву с 80-летием со дня рождения и желаем ей доброго здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в научной и педагогической деятельности.

Данные о статье:

Авторы: Прокопьев Андрей Юрьевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, a.prokopiev@spbu.ru

Даудов Абдулла Хамидович, д. и. н., профессор, директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, a.daudov@spbu.ru

Заголовок: К юбилею Галины Евгеньевны Лебедевой.

Резюме: Статья посвящена юбилею Галины Евгеньевны Лебедевой — одного из наиболее выдающихся и крупнейших отечественных византинистов, специалиста по истории византийского общества и государства в период IV–VI вв., а также по истории русской дореволюционной византистики. Статья рассматривает основные этапы жизни и творчества Галины Евгеньевны, дает подробный обзор ее главных публикаций и тем исследования, рассказывает о фундаментальном вкладе в отечественное византиноведение, который Галина Евгеньевна сделала и продолжает делать в ходе своей научной и учебно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: Галина Евгеньевна Лебедева, Византия, византистика, историография, право, общество, церковь, государство.

Information about the article

Authors: Prokopiev Andrey, Doctor of History, Professor, Chief of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, a.prokopiev@spbu.ru

Daudov Abdulla Khamidovich, Doctor of History, Professor, Director of Institute of History at Saint-Petersburg State University, a.daudov@spbu.ru

Title: On the Anniversary of Galina Evgen'evna Lebedeva.

Summary: The present paper is dedicated to the anniversary of Galina Evgen'evna Lebedeva — one of the most outstanding and leading Russian Byzantine scholar, an expert in the history of Byzantine society and state during 4th–6th centuries as well as in the history of Russian pre-revolutionary Byzantine studies. The paper deals with the main steps of her life and creativity, gives a profound account of her main papers and subjects of study, reports about those fundamental contribution in Russian Byzantine studies, which Galina Evgen'evna already made and continues to make during her scholar and teaching activity.

Key words: Galina Evgen'evna Lebedeva, Byzantium, Byzantine Studies, Historiography, law, society, Church, State.

Литература, использованная в статье:

Из эпистолярного наследия А. С. Павлова: письма к академику А. Ф. Бычкову / Публ. Г. Е. Лебедевой // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 584–615.

Козлов, Александр Сергеевич. [Рец.:] Г. Е. Лебедева. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во ЛГУ, 1980 // ВВ. 1983. Вып. 44. С. 234–240.

Лебедева, Галина Евгеньевна. А. П. Рудаков и его время (к изучению творческой биографии историка) // *Византийские очерки*. М.: Наука, 1996. С. 206–217.

Лебедева, Галина Евгеньевна. А. П. Рудаков и спасение архивов Тульской губернии (1918–1920) // *Средневековая и новая Россия. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 738–749.

Лебедева, Галина Евгеньевна. К творческой биографии А. П. Рудакова // *Тезисы докладов XVIII международной конференции византинистов*. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 652–654.

Медведев, Игорь Павлович, Пиотровская, Елена Константиновна. Сэр Дмитрий Оболенский и его единственный приезд в родной Петербург // *Санкт-Петербург — Великобритания. XVIII–XXI вв.* СПб.: Изд-во «Европейский Дом». 2014. 533 с.

Рудаков, Александр Петрович. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. 2-е изд. / Статьи, комм.: Г. Е. Лебедева, Г. Л. Курбатов. СПб.: Алетей, 1996. 294 с.

Скабаланович, Николай Афанасьевич. Византийское государство и Церковь XI в. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 кн. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 864 с.

Сokolov, Иван Иванович. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 269 с.

Сokolov, Иван Иванович. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 464 с.

Тюленев, Владимир Михайлович // *Средние века*. М., 2009. Вып. 70. № 3. С. 199–202.

Хачатурян, Нина Александровна // *Средние века*. М., 2009. Вып. 70. № 3. С. 196–199.

References

Khachatryan Nina Aleksandrovna. Retsenziya [Review], in *Srednie veka*. 2009. Vol. 70. Pp. 196–199. (in Russian)

Kozlov Aleksandr Sergeevich. Retsenziya [Review]; G. E. Lebedeva. Sozial'naya struktura rannevizantiyskogo obshchestva (po dannym kodeksov Feodosiya i Yustiniana). [Social Structure of Early Byzantine Society (according to Data of Theodosian and Justinian's Codes)] L.: LGU Publ., 1980, in *Vizantiyskiy vremennik*. 1983. Vol. 44. Pp. 234–240. (in Russian)

Lebedeva Galina Evgen'evna. A. P. Rudakov i ego vremena (k izucheniyu tvorcheskoy biografii istorika) [A.P. Rudakov and His Time (on the Study of creative Biography of the Scholar)], in *Vizantiyskie ocherki*. M.: Nauka Publ., 1996. Pp. 206–217. (in Russian)

Lebedeva Galina Evgen'evna. A. P. Rudakov i spasenie archivov Tul'skoy oblasti (1918–1920) [A.P. Rudakov and Saving of Tula region's Archives (1918–1920)], in *Srednevekovaya i novaya Rossiya*. K 60-letiyu prof. I. Ya. Froyanova. SPb.: SPbGU Publ., 1996. Pp. 738–749. (in Russian)

Lebedeva Galina Evgen'evna. K tvorcheskoy biografii A. P. Rudakova [On creative Biography of A. P. Rudakov], in *Tezisy dokladov XVIII mezhdunarodnoy konferentsii vizantinistov*. M.: MGU Publ., 1991. Pp. 652–654. (in Russian)

Lebedeva, Galina Evgen'evna (ed.). Iz epistolarnogo naslediya A. S. Pavlova: pis'ma k akademiku A. F. Bychkovu [From Epistolary Inheritance of A. S. Pavlova: Letters to Academician A.F. Bychkov], in *Mir russkoy vizantinistiki. Materialy archivov Sankt-Peterburga*. SPb.: Dmitriy Bulanin Publ., 2004. Pp. 584–615. (in Russian)

Lebedeva, Galina Evgen'evna (ed.). Rudakov Aleksandr Petrovich. *Ocherki vizantiyskoy kul'tury po dannym grecheskoy agiografii. 2-e izdaniye* [Studies in Byzantine Culture according to data of Greek Hagiography]. SPb.: Aleteya, 1996. 294 p. (in Russian)

Medvedev Igor' Pavlovich, Piotrovskaya Elena Konstantinovna. Ser Dmitriy Obolenskiy i ego edinstvennyy priезд v rodnoy Peterburg [Sir Dmitriy Obolenskiy and His only Visit to native Saint-Petersburg], in *Sankt-Peterburg — Velikobritaniya. XVIII–XXI vv.* SPb.: “Evropeyskiy Dom Publ.”, 2014. 533 p. (in Russian)

Skabalanovich Nikolay Afanas'evich. *Vizantiyskoe gosudarstvo i Tserkov' XI v. Ot smerti Vasiliya II Bolgaroboytsy do votsareniya Alekseya I Komnina. V 2 kn.* [Byzantine State and Church of 11th c. From the Death of Basil II the Bulgar-slayer to Ascending of Alexios II Komnenos]. SPb.: Oleg Abyshko Publ., 2004. 864 p. (in Russian)

Sokolov Ivan Ivanovich. *O vizantinizme v tserkovno-istoricheskom otnoshenii. Izbrannie patriarkhov v Vizantii s serediny IX do nachala XV veka (843–1453)* [On Bizantinism in Church-Historical Relation. The Election of Patriarchs in Byzantium from the mid-9th to the beginning of 15th c.]. SPb.: Oleg Abyshko Publ., 2003. 269 p. (in Russian)

Sokolov Ivan Ivanovich. *Sostoyanie monashestva v Vizantiyskoy tserkvi s serediny IX do nachala XIII veka (842–1204). Opyt tserkovno-istoricheskogo issledovaniya* [The Status of Monasticism in Byzantine Church from the mid-9th to the beginning of 13th c.]. SPb.: Oleg Abyshko Publ., 2003. 464 p. (in Russian)

Tyulenev Vladimir Mikhailovich. Retsenziya [Review], in *Srednie veka*. 2009. Vol. 70. Pp. 199–202. (in Russian)

I. СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ: ЛЮДИ И СОБЫТИЯ

ББК 63.3(0)4 (4Вел) + 63; УДК 930 (47)

Г. Е. Лебедева, А. В. Березкин, Н. Ю. Черепенина

ТРУДЫ И ДНИ ПРОФЕССОРА В. В. ШТОКМАР

Для авторов творческих биографий деятелей науки, по их же собственному признанию, жизнь и труды ученого, университетского профессора всегда представляли большую проблему. Подчиненные рутине, как правило, они лишены внешнего драматизма, а внутренний, скрытый драматизм уже через одно-два поколения неясен потомкам. Помимо всех прочих соображений, это побуждает нас, знавших В. В. Штокмар, взяться за перо. Галину Евгеньевну Лебедеву связывала с Валентиной Владимировной глубокая доверительная дружба, ученические годы Черепениной и Березкина определили дистанцию неизмеримо большую, но мы не старались избегать личного, може быть даже субъективного в отражении эпохи В. В. Штокмар. Одобрила бы она это?

В начале 1980-х гг. на одном из заседаний кафедры истории Средних веков обсуждался вопрос, какое участие примут преподаватели кафедры в планировавшемся мероприятии памяти М. А. Когана. Нахлынувшие воспоминания создали приподнятую атмосферу и присутствовавший при этом В. И. Мажуга с чувством обратился к В. В. Штокмар: «Валентина Владимировна! Вы должны написать воспоминания!» Еще минутой ранее Валентина Владимировна мыслями пребывала в прошедшем. Тотчас вернувшись к действительности, она с присущей ей неизменной любезностью произнесла: «Во-первых, к мемуарам как историческому источнику я отношусь весьма скептически. Во-вторых, еще и вспомню, что не надо».

Позволим себе нарушить завет наставника. Мы обратимся и к нашей памяти и к архивным материалам личного дела В. В. Штокмар — ветхим листам бумаги, заполненным, как правило, от руки простой ученической

ручкой — в общем, не чета произведениям расцветшего ныне канцелярского искусства.

В автобиографии В. В. Штокмар пишет о себе: «... родилась 1 июля 1914 г. в с. Подушкине, Звенигородского района, Московской области. Отец мой, Владимир Петрович Штокмар, умер в мае 1914 г. от скарлатины. Был педагогом. Воспитывала меня мать, Елизавета Ивановна Завьялова. Жили все время в Ленинграде. Окончив среднюю школу, поступила на Государственные курсы иностранных языков (в 1930 г.) на немецкое и английское отделение. С 1933 г., занимаясь еще на курсах, начала работать библиотекарем в Библиотеке ленинградской государственной консерватории»¹.

В консерватории В. В. Штокмар по заданию научно-исследовательского кабинета выполняет ряд переводов и исследований по истории западноевропейской музыкальной эстетики XVII–XIX вв. Лишь одно из них, посвященное К. М. Веберу и его неоконченному роману, было опубликовано в самом авторитетном в те годы отечественном музыкально-ведческом издании². Но, по словам близких, музыкознание как призвание и профессия никогда не привлекало Валентину Владимировну. Интерес же и любовь к исполнительскому искусству она пронесла сквозь годы. Будучи современницей величайших музыкантов и отдавая им должное, в своих пристрастиях она не следовала моде и расхожим мнениям и умела подчас ценить исполнителей второго плана, если находила их интерпретации убедительными.

«Но еще в 1934 г., — продолжает В. В. Штокмар, — начала (помимо консерватории) работать преподавателем иностранных языков в Академии наук (отдел подготовки кадров). В 1937 г. ушла из Консерватории, работала в Академии наук и поступила в экстернат исторического факультета Ленинградского государственного университета. С 1937 по 1939 г. работала также по совместительству преподавателем немецкого языка в Химико-технологическом институте. В 1939-м оставила работу и поступила в аспирантуру Ленинградского государственного университета (исторический факультет)». Количество мест в аспирантуре в те годы было крайне ограничено и они распределялись в Москве Центральной отборочной комиссией по приему в аспирантуру при Наркомпросе РСФСР. 27 сентября 1939 г. Валентина Владимировна была принята лишь в каче-

¹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. л/д ППС за 1984–1985 гг. Связка 45. Д. 106. Л. 9–10. Здесь и далее не оговариваются: раскрытие произвольных сокращений, написание аббревиатур, строчных и прописных букв в названиях учреждений по правилам современной орфографии.

² Вебер К. М. Жизнь музыканта. (Главы из неоконченного романа) / Пер. и комм. В. В. Штокмар // Советская музыка. 1935. № 7/8. С. 3–15.

стве кандидата, а на освободившееся единственное место в аспирантуре проф. Гревса была зачислена 19 октября того же года³. Научными руководителями В. В. Штокмар были выдающиеся медиевисты И. М. Гревс и А. Е. Кудрявцев.

«Аспирантуру закончила, — пишет В. В. Штокмар, — и диссертацию защитила в сентябре 1942 г. Еще в феврале 1942 г. уехала (по эвакуации) с университетом в Саратов. Со мной уехала мать». В Саратове, куда был эвакуирован ЛГУ, В. В. Штокмар представила к защите кандидатскую диссертацию «Произведения Свифта как исторический источник». Судьба художественных произведений как исторических источников по истории Нового времени поразительно изменчива. Периоды значительного энтузиазма в использовании литературных памятников для воссоздания целого ряда сторон ушедшей действительности сменяются паузами, наполненными скепсисом относительно достоверности специфически художественно преломленной информации. Именно с этой негативной позицией полемизирует В. В. Штокмар в «Тезисах к диссертации»: «1. Вопреки установившейся в исторической науке традиции, произведения художественной литературы являются полноправным историческим источником. Материал, который они дают, в силу специфики художественности нуждается в особых методах исследования. Художественная обобщенность не снижает ценности показаний такого рода источника, но, напротив того, увеличивает ее. Художественное обобщение, дающее картину действительности в живых, конкретных образах, позволяет понять истинный смысл эпохи, так как оно дает типическое, неслучайное.

2. Для изучаемой нами эпохи (1688–1720) как раз произведения художественной литературы позволяют хорошо понять смысл событий. Больше всего это справедливо по отношению к произведениям одного из писателей этой эпохи — Свифта»⁴.

Концепция В. В. Штокмар об особой ценности художественных текстов как исторического источника встретила понимание у ее официальных оппонентов — историка М. А. Гуковского и филолога М. П. Алексева. «Работа В. В. Штокмар, — писал М. А. Гуковский, подчеркивая новизну избранного диссертанткой аспекта исследования, — посвящена весьма мало освещенному в советской (и русской вообще) исторической литературе периоду истории — началу XVIII в. в Англии, периоду, предшествующему промышленному перевороту. При этом работа освещает данный период не обычным образом, разбирая экономические, социальные,

³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 502. Л. 65, 68, 73, 129.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1682. Л. 5.

политические или культурные характеристики его, а пытается поставить и разрешить вопрос, что дает для исторического анализа данного периода художественная литература этого времени, в частности, литературные произведения Дж. Свифта. Проблема поставлена свежо и смело, к разрешению ее привлечен большой, по некоторым разделам громадный, материал, общие выводы автора вполне приемлемы и доказаны четко и убедительно, на материале произведений Дж. Свифта автор показывает, что произведения эти не только являются весьма ценным историческим источником, но и источником особого рода, требующим специфической обработки и интерпретации для того, чтобы показания его могли быть использованы надлежащим образом»⁵. О методологической ценности исследования В. В. Штокмар для источниковедения писал в своем отзыве и М. П. Алексеев: «В работе В. В. Штокмар наиболее законченной, цельной и продуманной представляется мне первая глава, в которой автор стремится доказать возможность и целесообразность использования литературных памятников для изучения истории. Хотя мысль эта не нова, но в данной работе автор представляет ее в новом, своеобразном аспекте, приводит ряд очень интересных примеров и анализов отдельных исторических трудов, обнаруживая при этом и хорошее знакомство с обширной литературой на различных европейских языках и собственную методологическую зрелость. При дальнейшем расширении и несколько более стройной группировке материала (в хронологической последовательности) эта глава может иметь самостоятельное значение как интересный очерк по методологии исторической науки и историографии»⁶. 22 сентября 1942 г. состоялась успешная защита диссертации. В дальнейшем исследовательские интересы В. В. Штокмар переместились в тюдоровскую эпоху и новые задачи решались на иной источниковой базе, но студентам и аспирантам Валентина Владимировна охотно давала темы, связанные, например, с изучением английской народной баллады, да и последняя, подготовленная ею самой при жизни публикация, была посвящена антипуританской сатире⁷.

«После защиты, — пишет В. В. Штокмар, — была направлена на работу в Иркутский государственный педагогический институт. В Иркутске проработала до августа 1945 г., когда по вызову вернулась в Ленинград для работы в Ленинградском государственном университете. В феврале 1943 г. получила звание доцента».

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1682. Л. 11–11 об.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 1682. Л. 14.

⁷ Штокмар В. В. Антипуританская сатира // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 136–145.

В. В. Штокмар жила и трудилась в эпоху, заявлявшую о себе высоким стилем. Предельно рациональный Ролан Барт писал, что высокие слова неизбежно обесцениваются. Однако он признавал, что когда за них восходят на эшафот, эти слова вновь исполняются изначальным смыслом. А то была эпоха, когда на эшафот всходили, и кровь под ним лилась. Характеристика В. В. Штокмар, написанная в 1948 г. О. Л. Вайнштейном от руки на плохоньком неформатном листке бумаги, сплошь состоит из клишированных фраз «о советском патриотизме и преданности делу Партии». Если бы не упоминание об одном, без преувеличения, героическом факте — работе Валентины Владимировны в госпитале в период блокады⁸. Подвигом было выжить в осажденном городе, а В. В. Штокмар еще и трудилась в госпитале. Но никому, кроме самых близких друзей, она об этом не рассказывала.

В. В. Штокмар приступила к работе в ЛГУ в непростые для университета и исторического факультета годы. В своем «e-mail-романе» «Разговор по душам» Нина Аловерт, подававшая большие надежды выпускница и аспирантка кафедры, реализовавшая себя, однако, как балетный критик и фотограф, вспоминает: «Пошла на истфак, на кафедру Средних веков. И там столкнулась с интереснейшими людьми, которые как бы жили немножко в стороне от общества (например, с А. Люблинской, с В. Штокмар)»⁹. Написано с самыми лучшими намерениями, и чрезвычайно неточно. Ни Люблинская, ни Штокмар в стороне от общества не жили и свободными от общества себя не считали. Об этом, к примеру, свидетельствует история, как их обеих, к тому времени уже вполне состоявшихся исследователей, обязали в 1949 г. пройти учебу в университете марксизма-ленинизма.

То поистине «море бед», что обрушилось на кафедру истории Средних веков в 1949 г., подробно описано и проанализировано в книге Г. Е. Лебедевой и В. А. Якубского “*Cathedra medii aevi*”¹⁰. Обратимся к наиболее важным моментам. Уже на февральском заседании Ученого совета истфака заведующему кафедрой истории Средних веков О. Л. Вайнштейну были высказаны претензии по поводу методики преподавания общего курса. «Две недели спустя заведующие кафедрами на заседании Ученого совета истфака отчитывались о состоянии идейно-воспитательной работы. И на этот раз Вайнштейну пришлось самокритично признавать свои серьезные промахи: оказалось, медиевистами все еще даже не обсуж-

⁸ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. л/д ППС за 1984–1985 гг. Связка 45. Д. 106. Л. 11.

⁹ Аловерт Н., Бодэ Л. Разговор по душам. E-mail-роман. СПб., 2014. С. 137.

¹⁰ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi*: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2008.

дался вопрос об идейно-политическом самовоспитании членов кафедры. “Есть, — записано в протоколе, — черты формализма в проработке работ Ленина и Сталина”»¹¹. Натиск на кафедру факультетских неистовых ревнителей совпал с раскручивающимся в стране маховиком антикосмополитической компании. В результате, в следующем году О. Л. Вайнштейн был снят с должности заведующего кафедрой, а еще через год уволен; и уже уволенного профессора Министерство перевело (задним числом!) на «постоянную работу в Киргизский государственный университет».

«Зловещий характер происходящего истфакийцы сполна ощутили в июне [1949 г.], когда началась переаттестация преподавательского состава. <...> К медиевистам факультетская комиссия проявила даже повышенный интерес. Как-никак, по свидетельству окончившего университет в 1950 г. А. Х. Горфункеля, кафедра истории Средних веков была “одной из сильнейших на тогдашнем истфаке (зато и наиболее гонимой, бывшей на постоянном подозрении у партийного начальства)”. <...> Главным объектом начальственного внимания на сей раз стала доцент А. Д. Люблинская...»¹². От неминуемого увольнения Александру Дмитриевну спасло заступничество М. В. Левченко и В. И. Рутенбурга.

Эту же пристрастную аттестацию проходила и В. В. Штокмар. В том году она была особенно уязвима, так как у нее не было постоянного общественного поручения. В Аттестации, подписанной 21 июня 1949 г. председателем аттестационной комиссии деканом Н. А. Корнатовским, сказано:

«В. В. Штокмар — растущий молодой научный работник. Она дисциплинирована, работает над повышением своего идейно-политического уровня. Подала заявление в Университет Марксизма-Ленинизма.

Своей должности соответствует.

Потребовать возобновить в полном объеме прерванную за последний год общественную работу»¹³.

На общем фоне происходивших событий дело, можно сказать, завершилось благополучно. А «фон» этот приобретал для членов кафедры все более трагический характер: летом того же 1949 г. был арестован М. А. Гуковский, и затем приговорен к 10 годам лагерей.

В свете этих событий рутинная, в общем, для сотен тысяч советских граждан учеба в вечернем Университете марксизма-ленинизма приобретает иной смысл, когда мы узнаем, при каких обстоятельствах туда вынуждены были записаться два ведущих преподавателя истфака.

¹¹ Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi*... С. 80.

¹² Лебедева Г. Е., Якубский В. А. *Cathedra medii aevi*... С. 81.

¹³ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. л/д ППС за 1984–1985 гг. Связка 45. Д. 106. Л. 21–21 об.

Университет марксизма-ленинизма, куда В. В. Штокмар поступила одновременно с А. Д. Люблинской, она закончила в 1951 г. Этот факт рассматривался как свидетельство высокого идейно-политического уровня В. В. Штокмар в течение всех 1950-х гг. в трех характеристиках, подписанных сменявшими друг друга деканами, и служил В. В. Штокмар целое десятилетие поистине охранной грамотой. Мы нисколько не иронизируем по этому поводу задним числом. В этот период многие преподаватели кафедры и факультета искренне и усердно штудировали марксистскую методологию.

Так, по воспоминаниям В. А. Якубского, эти штудии происходили прямо в живом учебном процессе. На семинарских занятиях со студентами А. Д. Люблинская отшлифовывала марксистский категориальный аппарат «Капитала». А великовозрастные студенты-фронтовики, сокурсники Якубского, ставили Люблинскую своими каверзными вопросами в тупик: «А из ослика, который ходит по кругу и вращает жернова, тоже извлекается прибавочная стоимость?»

Безусловно, В. В. Штокмар также пыталась извлечь рациональное зерно из этих занятий. Так, в своей докторской она единственный раз в жизни употребляет термин «антикоммунистический». И вполне уместно. Так она характеризует ироничные тирады историка Дж. Нефа (вполне ею ценимого) в адрес принципа государственного регулирования экономики.

Слова Н. Аловерт имеют свой конкретный смысл. Они характеризуют то положение кафедры и ведущих ее преподавателей, которое сложилось в 60–70-е гг., когда, наконец, сама работа на кафедре ЛГУ — кузнице, как тогда выражались, кадров для отечественной науки и образования, стала рассматриваться как общественное служение. А собственно общественная работа стала требоваться во вполне гомеопатических дозах.

На рубеже 50–60-х гг. В. В. Штокмар публикует свои наиболее значимые исследования по истории Англии XVI в. и на их основе в 1963 г. успешно защищает докторскую диссертацию. «Очерки по истории Англии XVI века» вышли в свет в 1957 г.¹⁴ К этому времени в русской дореволюционной и советской историографии значительное внимание было уделено аграрной истории и истории народных движений первой половины XVI в. (Штокмар особенно выделяет труды А. Н. Савина и В. Ф. Семенова.) Книга была адресована не только узкому кругу специалистов-медиевистов. Автор «Очерков» осознавала «острую потребность читателя в литературе, освещающей эпоху Шекспира», поэтому ее выбор падает на «наименее освещенные и в то же время вызывающие наибольший интерес вопросы».

¹⁴ Штокмар В. В. История Англии в XVI веке. Л., 1957.

В ряде очерков В. В. Штокмар продолжает темы исследования, традиционные для советской историографии и порою уходящие своими корнями в дореволюционную отечественную науку: пауперизм, проблемы социальной структуры английского общества, мореплавание и торговля и т. д. В ряде других, особенно в очерке о раннем пуританском движении, она одновременно и восстанавливает порвавшуюся связь времен и намечает пути дальнейших исследований. Дело в том, что определенные успехи в изучении пуританизма XVI в. принадлежали представителям отечественной историко-церковной науки, а в советский период проблема пуританского движения рассматривалась как составная часть изучения предпосылок английской буржуазной революции XVII в. Можно сказать, что работа В. В. Штокмар заставила исследователей пуританизма вернуться к изучению его истоков в XVI в.

В следующей монографии В. В. Штокмар «Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета» (Л., 1962)¹⁵ рассматриваются такие узловые проблемы как аграрная политика, промышленная политика. Отдельно выделены проблемы монопольных патентов и финансовой политики и отношения государства к торговым компаниям, покровительства торговле и мореплаванию, взаимоотношения короны и пиратства. В этой работе содержится историографический обзор вопроса об экономической политике английского абсолютизма второй половины XVI века в зарубежной исторической литературе. В. В. Штокмар отдает должное как Э. Гекшеру и Дж. Нефу, питающим склонность к широким обобщениям, с некоторыми из которых она аргументировано спорит (например, с концепцией Нефа о двух промышленных революциях в Англии: 1-я — 1540–1640 гг.), так и авторам конкретно-исторических работ. Штокмар, сама давшая блестящий разбор статута об учениках, высоко ценит исследование Маргарет Гей Дэвис об ученичестве, особенно в той части, где анализируется архивный материал по исполнению статута в графствах, и отмечает при этом в качестве недостатка работы Дэвис — нежелание признать антирабочий характер законодательства и отсутствие обобщения.

Полемика со своими предшественниками была продолжена В. В. Штокмар и в докторской диссертации «Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века» (Л., 1963). Так, Штокмар не согласна с господствовавшей в литературе трактовкой монополий как своеобразного орудия своекорыстной финансовой политики абсолютизма. В истории выдачи монопольных патентов она различает два периода: 1) до конца 1580-х гг. — практика вполне укладывается

¹⁵ Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.

в протекционистскую политику английского абсолютизма; 2) второй период — исключительно в фискальных целях и интересах фаворитов¹⁶.

Защита докторской диссертации В. В. Штокмар состоялась 26 декабря 1963 г. на заседании Ученого совета исторического факультета Ленинградского государственного университета. Официальными оппонентами выступили доктора исторических наук А. Д. Люблинская, В. М. Лавровский и В. И. Рутенбург. Диссертация была высоко оценена и в представленных на нее и на автореферат отзывах: группы всеобщей истории ЛОИИ АН СССР, кафедры истории Средних веков ЛГУ, коллег из Ленинградского, Иркутского и Донецкого пединститутов¹⁷.

Оппонентами В. В. Штокмар выступили крупнейшие отечественные историки. Их развернутые, сугубо индивидуальные по стилю и мысли отзывы¹⁸ интересны не только в части безусловно положительно оцениваемой работы В. В. Штокмар, но и в полемической; в не меньшей мере, чем о диссертации, они свидетельствуют о тех напряженных исследовательских и методологических поисках, которые тогда вели их авторы. Так, В. И. Рутенбург, к тому времени уже эмпирически исследовавший и концептуально обобщивший историю раннего капитализма в Италии, подступал к формулированию своих новаторских концепций кризиса в Италии раннего Нового времени, типологии абсолютизма в странах Западной Европы и регионального абсолютизма в Италии. В своем отзыве он формулирует три ключевых проблемы, вынося их в особые разделы: генезис капитализма, внеэкономическое принуждение при капитализме и абсолютизм. Если в первых двух из них В. И. Рутенбург чаще соглашается с диссертантом (например, с выводом о форме развития товарного производства в цеховой оболочке), то в разделе об абсолютизме он чаще полемизирует именно с типологическими сопоставлениями В. В. Штокмар. Очевидно, что именно над этими проблемами В. И. Рутенбург размышлял в то время и сам.

Отзыв В. М. Лавровского хорошо передает атмосферу завышенных ожиданий международных контактов, возможность которых открылась с периодом оттепели: «Весьма возможно, конечно, что если бы нашей диссертантке была представлена возможность поработать в течение нескольких месяцев в PRO и BM, то она выбрала бы предметом своей докторской

¹⁶ Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Л., 1963.

¹⁷ Отчет о защите см.: И. Ш. [Защита докторских диссертаций в Ленинграде] // Средние века. 1964. Вып. 26. С. 214–216.

¹⁸ Выражаем признательность Елизавете Петровне Семеновой за предоставленную возможность познакомиться с хранящимися в ее личном архиве текстами отзывов на диссертацию В. В. Штокмар.

диссертации более узкую и специальную тему. Но это также относится к области desiderata в направлении исследовательских работ советских историков. Эти дезидерата, к счастью, становятся более реальными и осуществимыми для молодого поколения советских историков <...> Но, подобно С. И. Архангельскому, В. В. Штокмар пришлось строить свою докторскую диссертацию лишь на печатных источниках, что ограничивало неизбежно ее исследовательские возможности. Ей удалось написать на материале печатных источников <...> хорошую, солидную работу...»¹⁹.

Это прямая полемика с источниковедческой установкой В. В. Штокмар: «Источники, на основании исследования которых написана данная работа, разнообразны и многочисленны. Все наиболее важные источники опубликованы, но далеко не все достаточно полно проанализированы и учтены историками, изучавшими XVI столетие. Попытка по-новому подойти к ним и учесть многое, оставленное историками в небрежении, дает возможность сделать ряд интересных наблюдений и прийти к новым выводам»²⁰. Опора на фонд печатных источников, к сожалению, оставалась столбовой дорогой для работы большинства советских медиевистов и в 1960–1980-е гг. Стоит лишь удивляться тому, как много удавалось им сделать.

Коснемся некоторых аспектов этого многопланового исследования В. В. Штокмар.

Неоспоримо его уникальное место первого в отечественной историографии обобщающего труда по истории английского общества XVI в., английского абсолютизма, меркантилистской политике. Место, ничем не замещенное и по сию пору.

Работа В. В. Штокмар подтвердила верность традициям русской аграрной школы, рассматривавшей свои исследования как своего рода моральный долг перед крестьянством прошлого. Признаться, людям нашего поколения, в котором в качестве единственно допустимого стиля научной прозы насаждался, по выражению Корнея Чуковского, *канцелярит*, был не понятен возвышенный и лично глубоко прочувствованный стиль, в котором о крестьянстве писал, например, академик С. Д. Сказкин как в своем спецкурсе по истории западноевропейского крестьянства в Средние века, так и в посмертно опубликованных записных книжках²¹.

¹⁹ Подчеркнуто В. М. Лавровским. PRO — Public Record Office «Государственный архив», BM — British Museum «Британский музей».

²⁰ Штокмар В. В. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Л., 1963. С. 6–7.

²¹ Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968; Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.

В известной степени многое здесь объясняют мемуары Е. В. Гутновой, в которых говорится о беззаветной любви С. Д. Сказкина к крестьянству: «... будучи человеком высокоинтеллектуальным, Сергей Данилович благоговел перед крестьянином-тружеником, которому не только посвятил свои главные научные труды, но и в своих сокровенных мыслях, записанных в дневниках, поклонялся в духе старых народнических идей»²².

Эмоционально В. В. Штокмар сдержаннее, но ее исследование также проникнуто большой симпатией к крестьянству.

Пересмотр этой, как верно отмечено, глубоко народнической традиции мы обнаружили в работе Ю. П. Малинина и Д. А. Коцюбинского, ставившей, помимо прочего, своей целью проанализировать логические основания марксовской концепции генезиса капитализма. «Согласно логике этой теории, — писали Ю. П. Малинин и Д. А. Коцюбинский, — экспропрированным нечем существовать, кроме продаж своей рабочей силы, и они неизбежно должны искать работодателя. Но это чисто умозрительная и фиктивная посылка, ибо нищие и бездомные спокойно существовали, не нанимаясь на работу, как существуют нынче клошары и бомжи, отнюдь не обивая порогов бирж труда. Более того, нищенствуя, а когда воруя и грабя, они зарабатывали гораздо больше, чем могли получить за свой труд. Поэтому им мануфактура была не нужна, и когда с XVII в. стали строить работные дома — эти специализированные мануфактуры для экспроприированных, то их туда загоняли силой и держали под стражей»²³.

В свое время мы, взывая именно к традиции В. В. Штокмар, полемизировали с авторами. «В приведенном выше отрывке примечательна не полемика с концепцией 24 главы “Капитала”, а некая общая тональность. Если Марксом дана логическая схема процесса т. н. первоначального накопления, то в многочисленных исследованиях историков, методологически близких и далеких от Маркса, разъяснено, почему экспроприированные крестьяне предпочитали бродяжничать, в призрачной надежде вернуться к прежнему занятию, а не идти работать на мануфактуру; была ли способна мануфактура поглотить в ту эпоху все избыточное население и т. д. (Попутно отметим, что работные дома стали возникать еще в XVI в.) Отмеченную же тональность определяет даже не использование хлестких слов (“клошары, бомжи”). Когда в 1957 г. В. В. Штокмар писала в более резких выражениях о том, что еще не разорившиеся крестьяне XVI в.

²² Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 362.

²³ Малинин Ю. П., Коцюбинский Д. А. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996. С. 26–27.

рассматривали пролетариат мануфактур как подонки общества, это ни в коей мере не определяло ее собственного отношения»²⁴.

В своих трудах В. В. Штокмар неизменно подчеркивала трагедию обезземеленных крестьян, чудовищный характер обрушенных на них преследований.

По адресу работы В. В. Штокмар оппонентами были высказаны и замечания. Основные сводились к переоценке диссертантом степени осознанности проводимой абсолютистским правительством экономической политики. Это содержится и в отзыве 1963 г. А. Д. Люблинской и в вышедшей в 1968 г. книге О. Л. Вайнштейна «История советской медиевистики»²⁵. Правда, эти упреки адресованы О. Л. Вайнштейном обоим напечатанным монографиям. «В докторской диссертации, — писал историограф, — Штокмар заметно смягчила свои формулировки, сильнее подчеркнув положительную роль абсолютизма в капиталистическом развитии страны и “антинародный” (но не антибуржуазный) характер его законодательства». В этой связи интересен Отзыв группы всеобщей истории ЛОИИ АН СССР о диссертации В. В. Штокмар, написанный О. Л. Вайнштейном. «В. В. Штокмар, — пишет в своем отзыве Вайнштейн, — строит картину государственной политики на широком фоне и во взаимосвязи со всеми важнейшими процессами, протекавшими в Англии в эпоху аграрного переворота и бурной ломки традиционных форм производства и промышленности. <...> Главная цель автора — показать эволюцию правительственной политики как реакцию на важнейшие явления социально-экономической жизни бурного для Англии XVI века — безусловно в диссертации достигнута, что и составляет главное ее достоинство».

Похоже, что для сформулировавших замечание, сознательно проводимая политика — результат объективного отражения и понимания действительности. В. В. Штокмар никогда не рассматривала законодательные меры изолированно, сами по себе. Она понимала, что и своекорыстно проводимые законы имеют целеполагание, независимо оттого, воплощаются они в действительности или нет. А механизм принятия каждого из рассматриваемых ею законодательных памятников она представляла во всех деталях. Английскую действительность XVI в. она реконструировала как на основании собственного анализа источников, так и на основании обобщения значительного массива историографии. Знание многочисленной памфлетной литературы того времени позволяло В. В. Штокмар уяснить,

²⁴ Березкин А. В. Английские памфлеты о бродягах и преступниках XVI — начала XVII вв. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2003. Вып. 4. С. 99.

²⁵ Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968. С. 317.

в каких, порой фантастических формах, эта действительность отражалась в сознании современников. Отнюдь не все диагнозы были верны, а уж средства для лечения проблем английского общества и подавно. Но сквозь всю эту толщу ошибок и заблуждений В. В. Штокмар ясно усматривала совершенно новые тенденции. Правительство Елизаветы Тюдор все чаще привлекало в качестве советников и консультантов при принятии решений сведущих людей, порою не взирая на их социальный статус. Укажем в данном случае на меморандумы знаменитого купца Томаса Грешема, основателя Лондонской Королевской биржи. В. В. Штокмар вжилась в изучаемую ею эпоху и была убеждена в сознательности проводимой абсолютистским правительством политики.

Первой ипостасью, в которой преподаватель предстает перед студентом, является образ лектора. Валентина Владимировна Штокмар была образцом в высшей степени традиционного университетского лектора, в лучшем значении этого слова. В изложении она строго соблюдала баланс между материалом концептуального характера и органически вплетенными в рассказ фактами, событиями, портретными зарисовками, что придавало определенную занимательность ее лекциям. Ее лекции пользовались успехом у широкой аудитории: и у тех зубрилок, кто стремился записать к экзаменам систематически изложенный учебный материал, и у тех, устремленных в науку студентов, кто мог оценить масштабы предварительной источниковой и историографической проработки темы, в результате которой лектор представлял в компактном виде все сложнейшие многоплановые научные исследования по данной тематике. Особенно любили слушать В. В. Штокмар аспиранты, в недалеком будущем сами преподаватели, так как в читаемом ее курсе была бездна методических находок. Так, например, раздел университетского учебника, посвященный Реформации, был написан ведущим советским специалистом в этой области М. М. Смирным. Изложение, как и полагалось, начиналось с анализа социально-экономической обстановки, расклада классовых и политических сил, и лишь затем следовало изложение учения Лютера в объеме, пропорциональном предшествующим разделам. И наш преподавательский опыт показал, что студенту, особенно заочнику, трудно самому увязать все эти разделы. Валентина Владимировна начинала с подробного изложения католической доктрины спасения и затем переходила к лютерову ответу на нее, столь же подробно излагая лютеранское вероучение, а потом удивительно органически на этот материал накладывалась и политическая, и экономическая проблематика. Можете представить нашу радость в тот момент, когда в девяностые годы прошлого столетия в учебнике оксфордского теолога Алистера Макграта мы нашли все тот же мето-

дический ключ к пониманию эпохи Реформации, который в свое время подобрала к ее объяснению Валентина Владимировна. В полемическом запале английский профессор утверждал, что стремление понять данную эпоху, не обращаясь к богословской мысли, равносильно попытке понять русскую революцию, не уяснив себе, что такое марксизм²⁶.

Лекции В. В. Штокмар были образцовыми и в риторическом отношении: мысль излагалась четко и прозрачно, любой экскурс в сторонние предметы завершался возвращением к исходной точке рассуждения, а все рассуждение всегда резюмировалось выводом, изложенным в короткой ударной фразе, особым образом интонированной.

В. В. Штокмар работала на историческом факультете среди множества выдающихся, редчайшей образованности и таланта лекторов, но она не только сумела не потеряться на их фоне, но и проявила свою неповторимую индивидуальность, свое творческое *credo*.

Искусство Штокмар-лектора в полной мере проявилось в учебном пособии для студентов-филологов «История Англии в средние века»²⁷.

Другой ипостасью вузовского преподавателя является его наставничество. В. В. Штокмар трудилась на кафедре, где у каждого из ее коллег было не только свое особое поле исследования (византиноведение, германистика, полонистика), но и особый исследовательский почерк, методологические пристрастия и т. п. Для студентов и аспирантов это создавало уникальную возможность выбора себе наставника по своей интеллектуальной склонности, по душе. С известной долей обобщения можно сказать, что в ученики к Г. Л. Курбатову охотно шли питавшие склонность к широким концептуальным построениям, к А. Н. Немилкову — увлеченные культурой эпохи Возрождения, к В. А. Якубскому — стремящиеся пересмотреть застарелые научные заблуждения, опровергнуть «общие места». Была своя притягательная сила и в занятиях с Валентиной Владимировной. Уже на практикуме по Введению в специальность, который вела В. В. Штокмар, студенты-первокурсники имели возможность увидеть, какую бездну исторических сведений сообщал даже крохотный фрагмент средневекового документа, когда с вопросами к нему подступал опытный источниковед²⁸. А ненавязчивое обучение стилистике перевода!

²⁶ Макграт А. Богословская мысль эпохи Реформации. Одесса, 1996.

²⁷ Штокмар В. В. История Англии в средние века. Л., 1973.

²⁸ Об этом же пишет и С. П. Маркова: «С первых дней, как только студент оказывался под руководством Валентины Владимировны, начиналось его обучение работе с историческими источниками. Это ни в какой мере не ограничивало возможности самостоятельного выбора проблемы исследования и анализа материала документов, самостоятельности выводов, к которым приходил дипломник или диссертант». Маркова С. П. Вспоминая Валентину Владимировну Штокмар (К 100-летию со дня рождения) // Средние века. М., 2014. Вып. 75 (3–4). С. 473.

Будучи профессиональным филологом, В. В. Штокмар учила дозировано использовать архаизмы с тем, чтобы кроме передачи смысловой точности перевод позволил бы читателю стилистически ощутить временную дистанцию, отделявшую его от эпохи создания документа. Словом, в ученики к В. В. Штокмар шли не просто увлеченные, а влюбленные в кропотливую источниковедческую работу. Среди множества педагогических приемов, помогавших раскрытию способностей ее учеников, следует отметить умение В. В. Штокмар с большой осмотрительностью выбирать посильную для студента тему, которая смогла бы возбудить его академический интерес и пробудить его дремлющие, глубоко запрятанные таланты. Все аспиранты и студенты В. В. Штокмар успешно защищались, а А. Н. Немилев, желая сделать ей приятное, как-то заговорил о школе В. В. Штокмар, что она категорически отрицала. Но все прошедшие подготовку на занятиях Валентины Владимировны отлично понимали, что школу, в смысле выучки научной работе, она давала отличную.

«Валентина Владимировна, — вспоминает одна из первых аспиранток Штокмар С. П. Маркова, — обладала еще одним качеством — любить, опекать своих учеников, не терять с ними связей, оказывать им помощь даже на бытовом уровне. Примеры, когда квартира профессора могла на некоторое время стать местом жительства, знаю из собственного опыта и опыта некоторых своих коллег»²⁹.

Валентина Владимировна была наделена исключительным чувством юмора, причем в редчайшем его изводе — академическом, то есть психологически тонкой гранью между точным, резким ударом словом и мягким интеллигентным флером профессорского наставления. Так, дипломник накануне защиты диплома об истории английской купеческой компании, существовавшей в XVI–XVII вв., с пафосом обращается к научному руководителю: «Валентина Владимировна, в этом году исполняется 400 лет со дня основания той компании. Может быть, я начну свое выступление с того, что отмечу юбилейную дату?» Валентина Владимировна мгновенно реагирует: «Да, да, а работу свою Вы посвятите Маргарет Тэтчер?»

Летом 1984-го на факультете торжественно и сердечно отметили 70-летие В. В. Штокмар. Было так много поздравлений от разбехавшихся по всем городам и весям поистине необъятной страны учеников, что И. П. Медведев полусушутя-полубоженно призвал собрание вернуться в Ленинград: все-таки Штокмар — ленинградский ученый.

В июне В. В. Штокмар написала заявление о работе на будущий учебный год. Судьба распорядилась иначе.

²⁹ Маркова С. П. Вспоминаю Валентину Владимировну Штокмар (К 100-летию со дня рождения) // Средние века. М., 2014. Вып. 75 (3–4). С. 473.

Не стало В. В. Штокмар 22 сентября 1984 г.

Уже после ее кончины вышел 3-й том «Истории крестьянства в Европе», итоговый для отечественной аграрной истории труд, в котором принимала участие В. В. Штокмар. Переиздана стараниями Е. П. Семенов и С. Е. Федорова ее «История Англии в средние века»³⁰. Теперь уже не только ее ученики, но и ученики ее учеников продолжают научные и педагогические традиции В. В. Штокмар.

Заклучим словами поэта:

«О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были».

Данные о статье:

Авторы: Березкин Андрей Владимирович, к. и. н., доцент кафедры западноевропейской и русской культуры, a.berezkin@spbu.ru

Лебедева Галина Евгеньевна, д. и. н., профессор кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, g.lebedeva@spbu.ru

Черепенина Надежда Юрьевна, заведующая отделом использования и публикации документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, cherepenina@sga.spbarchives.ru

Заголовок: Труды и дни профессора В. В. Штокмар.

Резюме: Статья посвящена жизни и творчеству Валентины Владимировны Штокмар — советского ученого-медиевиста, специалиста по истории Англии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени. Дана подробная характеристика основных этапов жизненного пути и научной карьеры Валентины Владимировны, представлен обзор ее основных публикаций и тем исследования. Авторы статьи привлекли многие архивные документы, а также воспоминания родственников, коллег и учеников Валентины Владимировны, что позволило им более детально и с новых позиций оценить роль и значение Валентины Владимировны как в развитии кафедры истории средних веков, где она проработала большую часть жизни, так и для развития советской медиевистики в целом.

Ключевые слова: Валентина Владимировна Штокмар, Англия, капитализм, феодализм, Средние века, Ленинградский государственный университет, кафедра истории средних веков.

Information about the article:

Authors: Berezkin Andrey Vladimirovich, PhD (in History), Assistant Professor of Russian and West European Culture's Department at Saint-Petersburg State University, a.berezkin@spbu.ru.

Lebedeva Galina Evgen'evna, Doctor of History, Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, g.lebedeva@spbu.ru

³⁰ Штокмар В. В. История Англии в средние века. 2-е изд. / Предисл. Е. П. Семенов и С. Е. Федорова. СПб., 2000.

Cherepenina Nadezhda Yur'evna, Chief of Department of Application and Publication of Documents at Central State Archive of Saint-Petersburg, cherepenina@cga.spbarchives.ru

Title: Works and Days of Professor V. V. Shtokmar.

Summary: the present paper is dedicated to life and creativity of Valentina Vladimirovna Shtokmar — a Soviet medieval scholar, who was a specialist in the history of England during late Medieval time and early Modern time. A detailed description of the main steps of her life and scholar career is submitted, a survey of her main papers and subjects of study are presented. The authors of present paper turned to many archival documents and memories of relatives, colleagues and students of Valentina Vladimirovna, that enabled them to assess more particularly and from the new point of view the role and contribution of Valentina Vladimirovna both for development of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University and Soviet Medieval studies in whole.

Ключевые слова: Valentina Vladimirovna Shtokmar, England, capitalism, feudalism, Middle ages, Leningrad State University, Medieval History Department.

Литература, использованная в статье:

Аловерт, Нина, Бодэ, Лео. Разговор по душам. E-mail-роман. СПб.: Звезда, 2014. 304 с. Березкин, Андрей Владимирович. Английские памфлеты о бродягах и преступниках XVI – начала XVII вв. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 4. СПб., 2003. С. 91–102.

Вебер, Карл Мария. Жизнь музыканта. (Главы из неоконченного романа) / Пер. и ком. В. В. Штокмар // Советская музыка. 1935. № 7/8. С. 3–15.

Гутнова, Евгения Владимировна. Пережитое. М.: Росспэн, 2001. 463 с.

И. Ш. [Защита докторских диссертаций в Ленинграде] // Средние века. 1964. Вып. 26. С. 214–216.

Лебедева, Галина Евгеньевна, Якубский, Владимир Александрович. Cathedra medii aevi: Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 123 с.

Макграт, Алистер. Богословская мысль эпохи Реформации. Одесса: Богомыслие, 1994. 316 с.

Малинин, Юрий Павлович, Коцюбинский Д. А. Ранний западноевропейский капитализм и его феодальные истоки. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 23–32.

Маркова, Светлана Петровна. Вспоминая Валентину Владимировну Штокмар (К 100-летию со дня рождения) // Средние века. М., 2014. Вып. 75 (3–4). С. 47–481.

Сказкин, Сергей Данилович. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1968. 378 с.

Сказкин, Сергей Данилович. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.: Наука, 1981. 295 с.

Штокмар, Валентина Владимировна. Антипуританская сатира // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 136–145.

Штокмар, Валентина Владимировна. История Англии в XVI веке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 160 с.

Штокмар, Валентина Владимировна. Социальная и экономическая политика английской абсолютной монархии второй половины XVI века. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1963.

Штокмар, Валентина Владимировна. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 155 с.

Штокмар, Владимир Владимирович. История Англии в средние века. 2-е изд. / Предисл. Е. П. Семенов и С. Е. Федорова. СПб.: Алетей, 2000. 203 с.

References:

Alovert Nina, Bode Leo. *Razgovor po dusham. E-mail — roman [A Heart-to-Heart Talk — E-mail novel]*. СПб.: Zvezda Publ., 2014. 304 p. (in Russian)

Berezkin Andrey Vladimirovich. *Angliyskie pamflety o brodyagakh i prestupnikakh XVI — nachala XVII vv. [English pamphlets about vagabonds and lawbreakers]*, in *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Vol. 4. СПб., 2003. Pp. 91–102. (in Russian)

Gutnova Evgeniya Vladimirovna. *Perezhitoe [Past Experience]*. M.: Rosspen, 2001. 463 p. (in Russian)

Lebedeva Galina Evgen'evna, Yakubskiy Vladimir Aleksandrovich. *Cathedra medii aevi: Materialy k istorii leningradskoy medievistiki 1930–1950-kh godov [Cathedra medii aevi: The Data for the History of Leningrad Medieval Studies]*. SPb.: SPbGU Publ., 2008. 123 p. (in Russian)

Makgrad Alister. *Bogoslovskaya mysl' epokhi Reformatsii [Theological Thought of Reformation]*. Odessa: Bogomyslie Publ., 1994. 316 p. (in Russian)

Malinin Yuriy Pavlovich, Kotsyubinskiy D. A. *Ranniy zapadnoevropeyskiy kapitalizm i ego feodal'nye istoki [Early West European Capitalism and its Feudal Origins]*, in *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. SPb.: SPbGU Publ., 1996. Pp. 23–32. (in Russian)

Markova Svetlana Petrovna. *Vspominaya Valentiny Vladimirovy Shtokmar (K 100-letiyu so dnya ee rozhdeniya) [Remembering Valentina Vladimirovna Shtokmar (On the Occasion of her 100th Birth Day)]*, in *Srednie veka*. 2014. Vol. 75. Pp. 47–481. (in Russian)

I. Sh. *[Zashchita doktorskikh dissertatsiy v Leningrade] [A Defence of Doctoral Theses]*, in *Srednie veka*. 1964. Vol. 26. Pp. 214–216. (in Russian)

Shtokmar Valentina Vladimirovna. *Antipuritanskaya satira [Anti-Puritan Satyr]*, in *Problemy sotsial'noy struktury i ideologii srednevekovogo obshchestva*. L.: LGU Publ., 1984. Pp. 136–145. (in Russian)

Shtokmar Valentina Vladimirovna. *Ekonomicheskaya politika angliyskogo absolyutizma v epokhu ego rastsveta [Economic Policy of English Absolutism in the time of its Prosperity]*. L.: LGU Publ., 1962. 155 p. (in Russian)

Shtokmar Valentina Vladimirovna. *Istoriya Anglii v srednie veka. 2-e izd. Predisl. E. P. Semenovoy i S. E. Fedorova [The History of England. 2nd edition. Preface by E. P. Semenova, S. E. Fedorov]*. SPb.: Aleteya, 2000. 203 p. (in Russian)

Shtokmar Valentina Vladimirovna. *Istoriya Anglii v XVI veke [The History of England in XVI c.]*. L.: LGU Publ., 1957. 160 p. (in Russian)

Shtokmar Valentina Vladimirovna. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya politika angliyskoy absolyutnoy monarkhii vtoroy poloviny XVI veka. Avtoreferat doktorskoy dissertatsii [Social and Economic Policy of English Absolute Monarchy in the second half of 16th c. An Abstract of Doctoral Theses]*. L., 1963. (in Russian)

Skazkin Sergey Danilovich. *Iz istorii sotsial'no-politicheskoy i dukhovnoy zhizni Zapadnoy Evropy v srednie veka [From the History of Social-Political and Spiritual Life of Western Europe in Middle Ages]*. M.: Nauka Publ., 1981. 295 p. (in Russian)

Skazkin Sergey Danilovich. *Ocherki po istorii zapadnoevropeyskogo krest'yanstva v srednie veka [Studies in the History of West European peasantry in Middle Ages]*. M.: MGU Publ., 1968. 378 p. (in Russian)

Veber Karl Mariya. *Zhizn' muzykanta. (Glavy iz neokonchennogo romana), per. i kom. V. V. Shtokmar [The Life of Musician. (The Chapters from un-finished Novel)]*, in *Soviet Music*. 1935. N. 7/8. Pp. 3–15.

II. ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ББК 63. 3 (0) 4); УДК 94 (100)“5...” + 82-94

М. А. Поляковская, Т. В. Куц

КУЛЬТ СВ. КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО В ВИЗАНТИЙСКОЙ ДВОРЦОВОЙ ТРАДИЦИИ

Присоединяясь к словам юбилейных поздравлений в адрес профессора Галины Евгеньевны Лебедевой, известной своими изысканиями в области ранневизантийской истории, авторы этой статьи, изучающие проблемы последних столетий Византийской империи, позволили себе перебросить временной мостик из эпохи Палеологов в блестящий век Константина Великого.

Культ императора Константина I Великого (306–337) проходит через всю историю Византии. В основе почитания этого правителя лежит признание его заслуг в становлении и развитии государства ромеев. Именно его усилиями была создана Восточно-Римская империя, христианство провозглашено государственной религией и начато строительство на месте древнего города Византий новой столицы — Константинополя¹. Особое тщание в обустройстве столицы на Босфоре император проявил при возведении колонны Константина на посвященном ему форуме² и при строительстве храма Св. Апостолов³. Именно они стали местами почитания Константина Великого после его кончины.

¹ *Vögt J.* Constantin der Grosse und sein Jahrhundert. München, 1960; *Berger A.* Legetimation und Legenden. Konstantin der Große und sein Bild in Byzanz / Konstantin der Große. Das Bild des Kaisers im Wandel der Zeiten / herausgegeben von A. Goltz und H. Shlange-Schönigen. Köln, Weimar, Wien. 2008. S. 5; *Бибиков М. В.* «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006. С. 18–59.

² *Janin R.* Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. P., 1950. P. 67–69, 81–84.

³ *Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique T. III. Les églises et les monastères. P., 1953. P. 46–56. © М. А. Поляковская, Т. В. Куц, 2015

Как известно, порфиновые барабаны, из которых состоит колонна, были привезены по приказу Константина I из Италии. Установленное на форуме грандиозное сооружение высотой более трех десятков метров украшала статуя Константина в виде Аполлона, императорская голова которого была увенчана лучеобразной короной. Находившиеся в его руках держава с крестом и копье символизировали могущество основанной им христианской империи⁴. После того, как в 1106 г. статуя под порывами ураганного ветра обрушилась с пьедестала, на ее место водрузили крест. Колонна Константина на протяжении веков являлась местом для проведения различных торжественных мероприятий — здесь совершались богослужения, происходили военные триумфы, отмечались религиозные праздники, устраивались мемориальные чествования основателя города.

Второе из упомянутых мест почитания Константина Великого — храм Св. Апостолов — был построен по инициативе самого императора. Почитаемый равноапостольным Константин велел обустроить свою порфиновую усыпальницу между двумя рядами гробниц двенадцати апостолов. Даже отсутствие их мощей в гробницах не снижало значимости храма как места почитания. В 337 г. первый христианский император был погребен здесь с почестями. Предполагалось также, что храм станет местом упокоения всех последующих императоров и их жен.

Спустя два века по повелению императора Юстиниана I построенный Константином храм был за ветхостью снесен, и на его месте сооружен новый, превосходивший прежний своим величием. Современники считали его вторым по значимости и красоте после собора Св. Софии, построенного в то же время⁵. Останки Константина Великого, его порфировая усыпальница и апостольские саркофаги были перенесены в новый храм Св. Апостолов. Императорскую гробницу поместили в специально возведенном мавзолее, вход в который находился в восточной части церкви⁶. Как и замышлял Константин Великий, все последующие василевсы (за редким исключением), вплоть до Константина VIII, умершего в 1028 г., нашли здесь свой последний приют⁷. Несмотря на последующее обновление храма, он не утратил своего назначения как места поклонения Св. Константину Великому. Вплоть до поздневизантийской эпохи опу-

⁴ *Janin R.* Constantinople byzantine... P. 82.

⁵ *Проконий Кесарийский.* О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Пер. П. С. Кондратьева. М., 1996. Кн. 1, гл. 4, 9–10. 159.

⁶ *Grierson P.* The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042) // *Dumbarton Oaks Papers.* 1962. Vol. 16. P. 6.

⁷ *Grierson Ph.* The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors... P. 29; *Tinnefeld F.* Rituelle und politische Aspekte des Herrschertodes im späten Byzanz // *Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher / Hrsg. von L. Kolmer.* Paderborn, 1997. S. 227.

стевший к тому времени саркофаг императора оставался одной из весьма значимых реликвий. Русский паломник Стефан Новгородец, побывавший в Константинополе в 1349 г. и посетивший все наиболее важные христианские святыни города, назвал среди прочих сокровищ храма Св. Апостолов, которым он прибыл поклониться, и гробницу Константина: «А олтарь ту среди церкви велми велик. И пошед от олтаря прямо на вьсток по церкви, ту стоит гроб Царя Константина, велик, от камени багряна, аки аспиду подобна. Инѣх же много гробов царьских, но не святы; ту цѣлвахом грѣшнии»⁸. Так, спустя тысячелетие память об основателе христианской империи оставалась живой для всех христиан, а места, связанные с его культом, служили местом религиозного почитания.

Источниками, позволяющими восстановить «сценарии» процессий в дни почитания Св. Константина Великого, служат «Книга церемоний» Константина Багрянородного (X в.)⁹ и «Трактат о должностях» Псевдо-Кодина¹⁰ (XIV в.). Первый из названных источников является более полным, однако отметим, что общая схема движения процессии и действий ее участников в ходе исполнения ритуала поклонения в значительной степени совпадают в обоих обрядниках, что позволяют дополнить более скудную информацию трактата Псевдо-Кодина сведениями, почерпнутыми из более раннего источника. Предметом рассмотрения в настоящей статье будет прежде всего поздневизантийская церемониальная традиция, в большей или меньшей степени усвоившая практику религиозных процессий и дворцовых выходов предшествующего времени. Нужно помнить, что со времени Льва VI Мудрого императорские выходы были заменены выездами¹¹, шествия же сохранялись лишь в пределах небольших расстояний.

Итак, обратимся к источнику XIV в. — церемониальной книге Псевдо-Кодина. Сведения о богомольных выходах василевсов содержатся в главе V этого трактата¹². По сути дела, она представляет собой календарь торжественных выходов правителя и сановников за пределы дворца по случаю различных религиозных праздников. Согласно Псевдо-Кодину, в течение года — с сентября по август — проходило семнадцать выездов василевса в храмы и монастыри Константинополя. Они, несомненно, составляли значительную часть парадной жизни дворца.

⁸ *Majeska G.* Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Wash., 1984. P. 43.

⁹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / E rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829–1830. Vol. I–II.

¹⁰ Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeaux. P., 1966.

¹¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis... I. 10, 86.

¹² Pseudo-Kodinos. Traité des offices... P. 242–273.

Согласно календарю, первый из таких выходов имел место первого сентября. Именно в этот новогодний день и свершалось торжественное шествие в память императора Св. Константина I Великого, основателя столицы империи Константинополя и христианства как государственной религии. Императорский выход в первый день нового года и годового календарного цикла поклонения святым отличался от прочих тем, что имел целью посещение не какого-либо храма или монастыря (как последующие шестнадцать выходов), а площади, посвященной Св. Константину Великому.

Псевдо-Кодин так описывает празднование памяти Св. Константина: «Первого сентября патриарх с литанией и святыми иконами прибывает к украшенной крестом порфировой колонне на площади, издавна называемой форумом. Прибывает и василевс, слушает проходящую, согласно обычаю, церемонию и затем отправляется во дворец»¹³. Действительно, первым на форум к колонне Константина Великого прибывал крестный ход во главе с патриархом. Спустя немного времени появлялась также императорская процессия с василевсом во главе. Поскольку путь до форума от храма Св. Софии не был протяженным, предпочтение отдавалось пешему шествию.

Приведенный Псевдо-Кодином сценарий выхода первого сентября, в целом схож с тем, что описан в «Книге церемоний» X в.¹⁴

Хотя цитируемый выше автор поздневизантийского обрядника предельно лаконичен, он очень точно очерчивает канву рассматриваемого нами праздника, аналогичного тому церемониалу, который проходил на той же площади четыремя столетиями ранее. Это позволяет внести некоторые добавления из данных «Книги церемоний», которые не противоречат общей картине праздника поздней эпохи.

Прежде всего, следует вспомнить, что религиозные и императорские процессии всегда представляли собой красочное зрелище и привлекали живое внимание жителей столицы, жаждавших стать свидетелями праздника. Улицы и дома вдоль маршрута процессий всегда были пышно украшены. Весь путь был усыпан свежей травой и благоухающими цветами, дома убраны яркими тканями, из открытых окон свешивались ковры и венки цветов. Традиция украшать здания центральных улиц столицы тканями и цветами сохранялась в Византии до последних дней ее существования. Даже в условиях осады Константинополя жители

¹³ Ibid. P. 242. 5–14.

¹⁴ *Беляев Д. Ф.* Byzantina III. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. СПб., 1906. С. 156–157.

города не отказывались от веками сложившихся традиций¹⁵. Когда турки захватили Константинополь в конце мая 1453 г., они увидели украшенные гирляндами роз окна и балконы: май — месяц древнего праздника русалий. Несомненно, обычай украшать улицы и дома в дни больших праздников был принятой нормой. Вероятно, процессия, двигавшаяся в поздневизантийское время к колонне Константина, также могла, ступая по усеянному душистой зеленью улицам, любоваться фасадами домов, убранными цветами и тканями.

Обратимся теперь к характеристике другого календарного события — дня поминаения Св. Константина Великого 21 мая. Псевдо-Кодин сообщает нам о нем лишь следующее: «Для чествования Константина Великого он (василевс) отправляется в храм Святых Апостолов, где находятся его останки»¹⁶.

Прежде чем искать сходство в ритуалах этого торжества в различные эпохи, назовем их отличие. Во времена Константина Багрянородного выход к порфировой колонне и в храм Св. Апостолов свершался в один день, в то время как в Палеологовскую эпоху они были разделены во времени.

Восстанавливая в контексте поздневизантийского времени картину дня поминаения Св. Константина Великого 21 мая, отметим сложность начального этапа пути, который предстояло преодолеть участникам выхода. Дело в том, что Палеологи избрали своей резиденцией — в связи с ветхим состоянием Большого Императорского дворца — бывший загородный дворец во Влахернах. Как пишет Псевдо-Кодин, в Большом дворце прием устраивался лишь в день коронации василевса¹⁷. Поэтому нет оснований полагать, что императоры могли изредка пользоваться Большим дворцом с целью сокращения расстояния до «старого города», где находились основные культовые сооружения. Вероятно, именно Влахерны служили отправной точкой всех праздничных выходов императоров.

Путь из Влахерн до храма Св. Апостолов, куда предполагался выезд в день поминаения Св. Константина Великого, был очень долгим. Добраться до центра столицы василевс и сопровождавшие его сановники могли либо водным путем по заливу Золотой Рог, либо верхом. Вероятно, первый вариант был более предпочтительным.

Церемония выезда василевса и его сопровождения всегда была связана с неоднократной сменой одеяний, что являлось и необходимостью, и одним из важных моментов ритуала. Император и сановники, вынуж-

¹⁵ Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 233–234.

¹⁶ Pseudo-Kodinos. *Traité des offices...* P. 244.14–15.

¹⁷ Ibid. P. 252.4, 263.18.

денные сначала на корабле, а затем верхом преодолеть путь от Влахерн до храма Св. Апостолов, отправлялись в дорогу в роскошных кафтанах для верховой езды. Парадное одеяние василевса и сопровождавших его лиц везли вслед за участниками торжества в специальных длинных коробах¹⁸.

Высидевшись в порту Золотого Рога и оседлав коней, императорская кавалькада, в отличие от прежних времен, сокращая расстояние до храма, двигалась не в сторону улицы Меса, а другим путем. Убедительной представляется точка зрения А. Бергера, который, изучив топографически сложное пространство Константинополя, пришел к выводу: «Единственная улица, построенная после основания Константинополя, которая регулярно использовалась для процессий — это *Macros embolos*, так как она образовывала главное соединение между Месой и побережьем Золотого Рога»¹⁹. Эта улица, называвшаяся в византийские времена Длинной галереей, была предшественницей современной стамбульской Улицы длинного рынка.

Надо полагать, что проезд императорской кавалькады по улице Длинная галерея привлекал не менее оживленный интерес жителей столицы, нежели в прежние века шествие по Месе. Образ императора на коне во все времена византийской истории был символом могущества империи. В подобных выездах императорский конь был обычно белой масти. Невольно вспоминается фресковая композиция Беноццо Гоццолли, изобразившего Иоанна VIII Палеолога в изысканном ездом на белом коне в роскошной сбруе²⁰. Псевдо-Кодин не случайно уделяет много внимания убранству ездом лошадей императорских конюшен. В перечень декорируемой конной сбруи поздневизантийский обрядник включает седло, ковер для седла, попону, стремяна, оголовье, уздечку. Все это блистало яркими красками, золотым шитьем, жемчугом, драгоценными камнями²¹.

Процессия привлекала огромное количество зрителей, мечтавших вочию наблюдать выезд василевса и знатных людей империи. Роскошные парадные одеяния участников выезда, гарцующие кони в сверкающем убранстве — все это должно было производить на жителей столицы самое сильное впечатление.

¹⁸ Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 78.

¹⁹ Berger A. *Imperial and Ecclesiastical Procession in Constantinople // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and everyday Life / Ed. by N. Necipogly. Leiden, Boston, 2001. P. 74.*

²⁰ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 64–71.

²¹ Pseudo-Kodinos. *Traité des offices...* P. 237–241.

Приехав верхом к храму Св. Апостолов, император спешил. К тому времени прибывал и крестный ход, следовавший из Св. Софии во главе с патриархом. Василевс и патриарх приветствовали друг друга целованием и направлялись в церковь.

Войдя в храм Св. Апостолов, василевс удалялся в императорскую комнату, где менял дорожную одежду на парадное одеяние. Цвет одежд императора всегда зависел от церковных праздников. К примеру, на Пасху он приезжал в храм Св. Апостолов в белом златотканом платье²². Поскольку переодевания были непременным атрибутом многих ритуалов, при василевсе в подобных ситуациях всегда находился протовестиарий, занимавший высокую ступень в придворной иерархии²³. Он помогал правителю облачиться в тяжелые и тесные парадные одежды. Протовестиарий был единственным из окружения василевса, кто мог прилюдно, сняв свой головной убор, поправить какую-нибудь деталь в императорском одеянии²⁴. Трудно точно определить, в каких одеяниях василевс находился в храме. Согласно «Книге церемоний», правитель в силу неудобства узкого парадного дивитисия, не позволявшего подниматься по ступеням, переодевался в хламиду. Однако в трактате Псевдо-Кодина отсутствует упоминание о хламиде или каком-либо ином подобном одеянии. Вполне возможно, что это является следствием того, что автор сообщает сведения только о праздничной одежде. Но все же можно согласиться, что в саккосе или каввадии, зауженных внизу, невозможно было подняться по ступеням (особенно по витой лестнице храма Св. Апостолов). Итак, василевс в легкой одежде типа хламиды (может быть, в тунике-рухе)²⁵ входил в пределы храма.

Вероятно, для сопровождавших его знатных лиц в церкви также существовали специальные помещения для переодевания и хранения одежды.

Восстановить картину поклонения мощам и сопутствующих этому действий в храме Св. Апостолов может помочь «Книга церемоний» Константина Багрянородного, поскольку в поздневизантийских источниках описаний ритуала этого дня не найдено. Содержащееся в «Книге церемоний» детальное описание отдельных ритуалов тщательно суммировано в очерковых материалах известного знатока византийской старины, «археолога» дворцовой церемониальной культуры Д. Ф. Беляева²⁶. Его изыскания в значительной степени облегчили поисковую часть работы при написании этой статьи.

²² Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis... I, 10, 71.

²³ Pseudo-Kodinos. Traité des offices... 134. 2–9.

²⁴ Ibid. P. 198. 20–31.

²⁵ Ibid. P. 143.3; 147.12.

²⁶ Беляев Д. Ф. Byzantina III... С. 160–186.

Обращение к более ранним источникам для реконструкции реалий поздневизантийской церемониальной жизни кажется нам оправданным. В такой традиционной стране, как Византия, религиозные традиции были особенно устойчивы. Думаем, что восстановленная таким образом последовательность действий василевса и патриарха не будет в какой-либо заметной мере отклоняться от существовавшей в XIV в. практики.

Ритуал начинался с малого Входа. Василевс и патриарх, как обычно в таких ситуациях, молились в алтаре. Император также поклонялся константинопольским патриархам Иоанну Златоусту и Григорию Богослову, мощи которых находились в алтарной части храма.

Затем наступал кульминационный момент. Войдя в восточную часть храма, где располагался мавзолей Константина, василевс и патриарх молились с зажженными свечами у гробниц поминаемых в этот день Св. Константина и его матери Св. Елены. Затем император и патриарх совершали поклоны возле усыпальниц прежде царствовавших императоров и их жен.

Покинув мавзолей Св. Константина, василевс и патриарх расставались. Патриарх шел в алтарь и начинал литургию, а василевс направлялся к левой витой лестнице, у которой уже стояли знатные сановники, поджидавшие его и певшие в его честь полихронию (многолетие). Сопровождаемый ими император поднимался на катихумений. Там он, как всегда, в одиночестве слушал литургию в закрытом занавесями помещении южной галереи катихумений.

Знатные лица из сопровождения василевса слушали литургию в западной галерее катихумений, где стоял императорский антиминс, на который помещали Св. Дары для причащения василевса и сановников. В определенный момент патриарх поднимался в катихумений и приобщал к Св. Дарам василевса и сопровождавших его придворных, а затем спускался, чтобы закончить литургию. Василевс дослушивал литургию в своей комнате на южной галерее.

По завершении литургии император с сопровождением шел из западной галереи катихумений по внутренним переходам из церкви Св. Апостолов во дворец, расположенный близ храма. Там, в специальной комнате, он поджидал патриарха, чтобы затем отправиться на обед. Списки приглашенных на обед к этому времени были уже розданы.

Дождавшись, когда патриарх отдохнет после завершения литургии, василевс передавал ему приглашение принять участие в совместной праздничной трапезе. Встретившись вскоре, они приветствовали друг друга целованием и направлялись в большой зал, где были накрыты столы. Василевс и патриарх занимали место за главным столом, к которому примыкали столы для приглашенных. Прибывшие с патриархом иереи

совершали предобеденные молитвы. После этого патриарх благословлял трапезу и снимал омофор.

Ход начавшейся трапезы был предметом забот, как всегда в подобных случаях, доместика стола, трапезита и пинкерна. Поднятые императором и патриархом чаши с вином служили сигналом завершения той части пира, которая была обращена к патриарху, как к самому первому гостю за императорским столом. Затем по знаку василевса и по распоряжению доместика стола приглашались в зал те чины, которые имели отношение к организации праздничной трапезы. Далее, также по знаку василевса в пиршественный зал допускали группами сановников в соответствии с заранее составленным списком и установленным порядком²⁷. Этим начиналась традиционная процедура ранжирования приглашенных. «Сценарий» деления групп гостей по их месту в придворной иерархии был строго определенным и четко исполняемым для всех императорских приемов. Псевдо-Кодин во всех деталях описал подобную практику²⁸, известную как «парастасис», неизменно включавшийся в различные ритуалы, в том числе и в ритуал торжественного обеда.

По окончании трапезы группы гостей покидали зал по знаку доместика в том же порядке, как и входили. Затем наступал момент прощания и целования василевса и патриарха, которого сопровождающие лица доводили по переходу до катихумений. Императорская же кавалькада направлялась по прежней дороге в сторону залива Золотой Рог, чтобы оттуда кораблем отправиться во Влахерны.

Подводя итог, еще раз обратим внимание на тот факт, что в обряднике XIV в. сценарий выхода императора со свитой на форум Константина совпадает с рисунком подобного ритуала, описанного в «Книги церемоний» X в. Что же касается той части сценария дня поминовения Константина Великого, которая связана с посещением императором и его приближенными храма Св. Апостолов, то в трактате Псевдо-Кодина упомянут лишь сам факт посещения храма без каких-либо деталей и подробностей. Это можно объяснить существованием определенного церковного обряда, сложившегося в ходе многовековой практики. Этот обряд представлялся современникам общеизвестным и без каких-либо описаний включался в общий трафарет празднования дня памяти Константина Великого.

Наложение сценария обряда поминовения Константина в X в. на ситуацию XIV в. представляется нам вполне допустимым. Даже если при Палеологах в рассматриваемом сценарии появлялись бы какие-либо лакуны или

²⁷ Поляковская М. А. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XIV вв.) // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 157–172.

²⁸ Pseudo-Kodinos. Traité des offices... P. 174–179.

добавления (что весьма сомнительно), то это не сломало бы общую канву проводимого в веках церемониала поминовения Константина Великого. Предпринятую нами реконструкцию ритуала в память императора можно считать репрезентативной, а подобную попытку не бесполезной.

Культе Константина Великого, существовавший в Византии в различных формах, в том числе и в виде торжеств в день его поминовения, составлял основу государственной идеологии во все времена существования империи. В Византии в эпоху Палеологов сохранение традиционного культа Константина Великого было политической потребностью, поскольку империя в недавнем прошлом уже пережила потерю столицы, а после своего восстановления жила в условиях непрерывного давления как со стороны Востока, так и Запада.

Данные о статье:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта № 14-01-00025.

Авторы: Поляковская Маргарита Адольфовна, д. и. н., профессор УрФУ (Екатеринбург), codinos@yandex.ru

Куш Татьяна Викторовна, д. и. н., зав. каф. УрФУ (Екатеринбург), tkushch@yandex.ru

Заголовок статьи: Культе Св. Константина Великого в византийской дворцовой традиции.

Резюме: Статья посвящена поздневизантийской церемониальной традиции почитания Св. Константина Великого. Эта традиция усвоила практику религиозных процессий и дворцовых выходов предшествующего времени. В церемониальном трактате Псевдо-Кодина (XIV в.) содержатся сведения о двух императорских выходах к местам поклонения Константину I. В первый день нового года (1 сентября) свершалось торжественное шествие императора и его свиты к колонне Св. Константина Великого. Второй императорский выход происходил в день поминовения Св. Константина Великого 21 мая с целью посещения его могилы в храме Св. Апостолов. Авторы статьи реконструируют сценарии этих двух праздников, заключая, что культе Константина Великого, существовавший в том числе и в виде торжеств в день его поминовения, в поздней Византии составлял основу государственной идеологии и являлся политической потребностью в условиях нарастающих внешних угроз.

Ключевые слова: Константин Великий, церемониал, императорский двор, Псевдо-Кодин.

Information about the article

This research was supported by the Russian Foundation for Humanities, grant no. 14-01-00025.

Authors: Polyakovskaya Margarita Adol'fovna, Ph. D. in History, Russia, Ekaterinburg, Prof. of Ural Federal University, codinos@yandex.ru;

Kushch Tatiana Victorovna, Ph. D. in History, Russia, Ekaterinburg, Prof. of Ural Federal University, tkushch@yandex.ru.

Title: The Cult of Constantine the Great in Byzantine Court Tradition.

Summary: The article is devoted to the ceremonial tradition of the commemoration of St. Constantine the Great in late Byzantium. This tradition was based on the religious processions'

and palace appearance' practice of previous time. The ceremonial treatise by Pseudo-Kodinos (XIV c.) contains the information about two imperial processions for commemorating of Constantine I. The first day of the new year (on 1 September) a solemn cortège of the emperor and his retinue went to column of Constantine. The second imperial procession visited Constantine's tomb in the church of Holy Apostles on his remembrance day (21 May). The authors of the article reconstruct scenarios of these two holidays, concluding that the cult of Constantine the Great, existing in form of his commemoration in remembrance day, made a basis of the official ideology and was political requirement in situation of growing external dangers in late Byzantine age.

Key words: Constantine the Great, ceremonial, imperial court, Pseudo-Kodinos.

Литература, использованная в статье:

- Беляев, Дмитрий Федорович. Византизм III. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906. 189 с.
- Бибиков, Михаил Вадимович. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. С. 18–59.
- Грабар, Андре. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.
- Поляковская, Маргарита Адольфовна. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. 334 с.
- Поляковская, Маргарита Адольфовна; Чекалова, Александра Алексеевна. Византия: быт и нравы. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 304 с.
- Поляковская, Маргарита Адольфовна. Эволюция парадного обеда византийских императоров (X–XIV вв.) // Античная древность и средние века. 2000. Вып. 31. С. 157–172.
- Прокопий Кесарийский. О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках / Пер. П. С. Кондратьева. М.: Арктос, Вика-пресс, 1996. 519 с.
- Berger, Albrecht. Imperial and Ecclesiastical Procession in Constantinople // Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and everyday Life / Ed. by N. Necipogly. Leiden, Boston: Brill, 2001. P. 73–89.
- Berger, Albrecht. Legitimation und Legenden. Konstantin der Große und sein Bild in Byzanz // Konstantin der Große. Das Bild des Kaisers im Wandel der Zeiten / herausgegeben von A. Goltz und H. Shlange-Schöningen. Köln, Weimar, Wien. 2008. 315 s.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / E rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829–1830. Vol. I–II.
- Grierson, Philip. The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042) // *Dumbarton Oaks Papers*. 1962. Vol. 16. P. 3–60.
- Janin, Raymond. Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1950. 453 p.
- Janin, Raymond. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique T. III. Les églises et les monastères. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1953. 609 p.
- Majeska, George. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 463 p.
- Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeaux. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.
- Tinnefeld, Franz. Rituelle und politische Aspekte des Herrschertodes im späten Byzanz // Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher / Hrsg. von L. Kolmer. Paderborn: Schöningh, 1997. S. 217–228.
- Vogt, Joseph. Constantin der Grosse und sein Jahrhundert. München: Bruckmann, 1960. 303 s.

References:

- Belyaev, Dmitriy Fedorovich. *Byzantina III. Ocherki, materialy i zametki po vizantiyskim drevnostyam. Bogomol'nye vychody vizantiyskikh tsarey v gorodskie i prigorodnye khramy Konstantinopolya*. SPb.: tipografiya I. N. Skorokhodova, 1906. 189 s.
- Bibikov, Mikhail Vadimovich. "Velikie vasilevsy" Vizantiyskoy imperii: k izucheniyu ideologii i emblematici sakralisazii vlasti, in *Svyashchennoe telo korolya: ritualy i mifologiya vlasti* / Pod red. N.A. Khachaturyan. M.: Nauka, 2006. S. 18–59.
- Grabar, Andre. *Imperator v vizantiyskom iskusstve*. Moskva: Ladomir, 2000. 328 s.
- Polyakovskaya, Margarita Adol'fovna. *Vizantiyskiy dvortsovyy tseremonial XIV v.: "teatr vlasti"*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2011. 334 s.
- Polyakovskaya, Margarita Adol'fovna; Chekalova, Aleksandra Alekseevna. *Vizantiya: byt i nravy*. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1989. 304 s.
- Polyakovskaya, Margarita Adol'fovna. *Evolyuziya paradnogo obeda vizantiyskikh imperatorov (X–XIV vv.)*, in *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 2000. Vyp. 31. S. 157–172.
- Prokopiyy Kesariyskiy. *O posroykakh*, in *Prokopiyy Kesariyskiy. Voyna s gotami. O posroykakh* / Per. P. S. Kondrat'ev. M.: Arktos, Vika-press, 1996. 519 s.
- Berger, Albrecht. *Imperial and Ecclesiastical Procession in Constantinople*, in *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and everyday Life*. / Ed. by N. Necipogly. Leiden, Boston: Brill, 2001. P. 73–89.
- Berger, Albrecht. *Legitimation und Legenden. Konstantin der Große und sein Bild in Byzanz*, in *Konstantin der Große. Das Bild des Kaisers im Wandel der Zeiten* / herausgegeben von A. Goltz und H. Shlange-Schöningen. Köln, Weimar, Wien. 2008. 315 s.
- Constantini Porphyrogeniti imperatoris *De cerimoniis aulae Byzantinae* / E rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829–1830. Vol. I–II.
- Grierson, Philip. *The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors (337–1042)* in *Dumbarton Oaks Papers*. 1962. Vol. 16. P. 3–60.
- Janin, Raymond. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1950. 453 p.
- Janin, Raymond. *La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique T. III. Les églises et les monastères*. Paris: Institut Français d'Études Byzantines, 1953. 609 p.
- Majeska, George. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 463 p.
- Pseudo-Kodinos. *Traité des offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeaux*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.
- Tinnefeld, Franz. *Rituelle und politische Aspekte des Herrschertodes im späten Byzanz*, in *Der Tod des Mächtigen. Kult und Kultur des Todes spätmittelalterlicher Herrscher* / Hrsg. von L. Kolmer. Paderborn: Schöningh, 1997. S. 217–228.
- Vogt, Joseph. *Constantin der Grosse und sein Jahrhundert*. München: Bruckmann, 1960. 303 s.

ББК 63.3(0)4 + 63.3(2)41; УДК 94(495).03 + 94(47).027

В. П. Степаненко

ТМУТАРАКАНЬ И ВИЗАНТИЯ В КОНЦЕ XI в.

Довольно давно была издана печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, приписанная князю Тмутаракани Олегу Святославичу (1083–1094)¹. Статус князя вызвал бурную полемику исследователей, в конечном счете пришедших к консенсусу: князь был вассалом Византии². Но локализация Хазарии применительно к восстанию Георгия Цулы в 1016 г. и «всей Хазарии» печати архонта Михаила остаются предметом дискуссии³. Крым или Северный Кавказ?

Политическая ситуация в Крыму 2-й половины X – начала XI в. практически не известна. После краха Хазарского каганата положение здесь

¹ Banescu N. La domination Byzantine a Matracha, en Zichie, en Chazarie et en «Russie» a l'epoque des Comnene // Academie Roumaine. Bulletin de la section Historique, Bucarest, 1941, T. XII, fasc. 2. P. 57–77.

² Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в XI в. // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 254–263 и библиография темы.

³ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА, 1950, 17, с. 384; Скржинская Е. Ч. Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА. 1950. 17 // ВВ. 6. 1953. С. 252–269; Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. 23. 1971. С. 68–74; Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики: I. К интерпретации свидетельства Скилицы о восстании Георгия Цулы // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 23. 1992. С. 125–129; Степаненко В. П. Архонт Хазарии — стратег Херсона? // ХСб., вып. XVI. 2011. С. 153–155; Степаненко В. П. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI в. // Xersonoj femata. Империя и полис. Севастополь, 2013. С. 157–168; Степаненко В. П. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 368–378. Ср.: Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII вв. // Княжа доба. История и культура. Вып. 7. Львов, 2013. С. 49–58; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? // Хазарский альманах, вып. 10, Киев-Харьков, 2010. С. 51–59; Могаричев Ю. М. К вопросу о «Хазарии» на азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 338–342.

© В. П. Степаненко, 2015

должно было коренным образом измениться, но все исследователи в той или иной степени согласны с тем, что отнюдь не вся территория полуострова вошла в состав византийских фем, считать ли ими только Херсон или также мало и плохо известные Готию, Сугдею и Боспор⁴. В любом случае создается впечатление, что империя более или менее стабильно контролировала лишь побережье от Херсона до Боспора с некоторыми изъятиями.

Что касается присутствия хазар в Крыму в данный период, то, по мнению К. Цукермана, не позже конца IX в. собственно хазар вытеснили из Крыма венгры⁵. Но С. А. Плетнева констатировала сохранение хазарского населения в Крыму в X в., «хотя и там жизнь на большинстве поселений замерла примерно в конце X в. Хазарское население сосредоточилось в городах»⁶. Именно в это время Византия предпринимает определенные усилия по возвращению ранее утраченных территорий в Таврике, свидетельством чего является возрождение феми Боспор к 971/75 гг. и появление турмы Готия⁷. При этом политическая ситуация здесь оставалась предельно сложной.

Отвергая, вслед за А. П. Кажданом⁸ предложенное И. В. Соколовой чтение надписи изданной ею печати протоспафария Боспора⁹, Г. Г. Литаврин соглашается с предположением В. и Н. Зайбт что фема Боспор могла быть возвращена Византии князем Владимиром как

⁴ Науменко В. Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. «Империя и полис». Севастополь, 2013. С. 169–204; Виноградов А. Ю. Строительные надписи средневекового Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. IV. М., 2010. С. 217–253.

⁵ Цукерман К. Венгры в Крыму // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997. Севастополь, 1997. С. 91–92. См. также: Цукерман К. Б. К вопросу о ранней истории феми Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 320.

⁶ Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 71.

⁷ Краткая сводка данных — Айбабин А. И. Готия во 2-й половине X–XII вв. / Київ — Корсунь — Константинополь // Сфрагистический меридиан. Международный коллоквиум по русско-византийской сфрагистике. Киев. 13–16 сентября 2013 г. Материалы. Киев-Севастополь. 2013. С. 20–22; Айбабин А. И. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ, XIII, 2, 2006. С. 215–626; Алексеенко Н. А. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. IX. Севастополь, 1998. С. 230–235.

⁸ Каждан А. П. Анн. на: Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983 // BS. XXXIII. 2. 1972. С. 298.

⁹ Соколова И. В.: 1) Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. С. 103–106; 2) Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. 23. 1971. С. 68–74.

«вено», выкуп за Анну¹⁰. Но мы не знаем захватили ли войска князя этот район в 989 г. Тем более что фема известна по Тактикону Икономидиса 971–975 гг., т. е. до похода Владимира на Херсон¹¹.

Что касается Хазарии Скилицы¹², то представляется очевидным, что исследователи предельно произвольно отождествили архонтию Хазарию с фемой Херсон, не имея на то ни малейших оснований. Никто не обратил внимания на то, что вслед за сообщением об экспедиции в Хазарию Скилица пишет о передаче Византии Васпуракана в Армении его царем Сенекеримом Арцруни в 1016 г., Скилица называет его архонтом Мидии¹³. У Скилицы Георгий Цула — не стратиг Херсона, но архонт Хазарии, подобно тому, как царь Васпуракана Сенекерим Арцруни — архонт Мидии-Аспракании, шаханшах Ширак — в Анийском царстве в Армении, Иовханнэс Смбат у Скилицы — архонт Ани (Scyl., 435.72), царь Грузии Георгий — архонт Абазгии (Scyl., 366.32), правитель Тао-Кларджети Давид Багратид — архонт иверов (Scyl., 4, 277.30), Самуил — архонт Болгарии, а Святослав соответственно Руси (Scyl., 4, 277.30). В надписи печати Владимира Мономаха он «благороднейший архонт Руси»¹⁴. А принявший христианство и признавший сюзеренитет василевса Ромеев половецкий хан Кеген в надписи его печати — магистр и архонт Патчинакии¹⁵. Болгарский наместник Моглен Илица — архонт, но речь идет не только о городе, но и его районе — хоре Моглен (1015) (Scyl., 352. 26–34)¹⁶; 19). Относительно

¹⁰ *Зайбт В., Зайбт Н.* Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 27. 1994. С. 95; *Литаврин Г. Г.*: 1) Восстание в Херсоне против византийской власти // Полутролов. К 70-летию В. Н. Топоркова. М., 1998. С. 923–931; 2) Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000. С. 218, прим. 7. — Забывая о том, что ранее со ссылкой на Зайбтов он упомянул печати стратигов Боспора, автор пишет о том, что «известная надпись Льва Алиата, как стратига Херсона и Сугдеи (1059), как и печати стратигов Сугдеи и Готфии свидетельствуют о власти империи не только в Херсоне но и других районах Крыма в середине XI в. Однако эти печати не дают никаких прав на заключение о принадлежности Византии также и Боспора» (С. 220, прим. 6). Но выше (С. 218–219, прим. 7) он констатировал существование печатей стратигов Боспора, датированных рубежом X–XI вв. Отсутствие их для середины XI в. не свидетельствует об исчезновении фемы. Считать же, что уже в это время оба берега Боспора постоянно, а не эпизодически принадлежали Тмутараканскому княжеству, у нас нет оснований. К тому же сами В. и Н. Зайбт предполагали, что Владимир вернул Василию II только Херсон. О Боспоре в этой связи они не упоминают.

¹¹ Oikonomides N. Les listes de preseance Byzantines des IX–XI siecles. Paris, 1971. P. 269.

¹² Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini — Novi Eboraci. 1973. P. 354, 88.

¹³ Scyl. 354.94–355.

¹⁴ *Янин В.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 16.

¹⁵ *Jordanov I.* Corpus of byzantine seals from Bulgaria. V. 1. Sofia, 2003. № 53.1.

¹⁶ *Златарски В.* История на българско царство през средните векове. Т. 1. Ч. 2. София, 1994. С. 747.

функций архонта существует достаточно большая литература¹⁷. Но по Скилице архонт — автономный или вассальный правитель государства, граничащего с Византией.

Предложенная нами локализация «Хазарии после Хазарии» в Крыму, преимущественно северо-восточной его части (с центром в Керчи?) отнюдь не общепризнанна, как и место мятежа Цулы¹⁸.

Историография мятежа в целом и его локализации в пределах Крыма в частности велика и разнообразна. Отметим, что заслуга указания на Херсон как центр мятежа Цулы принадлежит Е. Ч. Скржинской, отождествившей Хазарию с Крымом, центром византийских владений в коем она считала Херсон¹⁹. В дальнейшем исследователи восприняли это как аксиому²⁰.

Что касается Хазарии, то Г. Г. Литаврин полагал, что «в это время данный топоним означал уже не разгромленное Святославом государство Хазарию или ее владения в Крыму, а (в память о былом господстве хазар) лишь Крым или крымские колонии империи. Именно такой смысл имеет этот топоним у Скилицы в цитируемом месте»²¹.

Русь на какое то время смогла закрепиться на европейском берегу Боспорского пролива в Тмутаракани²². Считать это государственное образование древнерусским княжеством вряд ли правомерно. В известной степени оно находилось в политической зависимости от киевских князей. Но показательно, что в то же время оно было убежищем князей изгоев, чья внешняя политика вряд ли контролировалась Киевом. Изолированное положение Тмутаракани имело следствием то, что ее судьбы прослеживаются крайне отрывочно лишь в той степени, в коей они интересовали древнерусских летописцев. Но существует печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, традиционно датируемая концом XI в., ныне известная в семи экземплярах, из коих четыре

¹⁷ Об архонтах см.: *Степанова Е. В.* Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // Балканский сборник. Труды Гос. Эрмитажа. LXII. 2011. С. 180–190 и библиография.

¹⁸ *Науменко В. Е.* Таврика в системе русско-византийских отношений. С. 191; *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань в XI в. и восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 313–319.

¹⁹ *Скржинская Е. Ч.* Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. С. 266.

²⁰ Как, например, Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1996. P. 35–36.

²¹ *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.) СПб., 2000. С. 215–223. Со ссылкой на мнения М. И. Артамонова и О. Прицака.

²² *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-х гг. X в. — 90-х гг. XI в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев, 2012. С. 251–270.

найлены в Судак²³. И Хазария здесь явно не Волжская. В последнее время ее пытались найти на Северном Кавказе восточнее Зихии²⁴. И опять же отождествлять ее с Херсоном или с территорией фемы Херсон нет оснований, ибо стратигом Херсона Михаил явно не был, а на весь Крым вряд ли претендовал.

Судя по надписи князя Тмутаракани Глеба, в 1074 г. он контролировал оба берега Керченского пролива. В противном случае вряд ли он бы нуждался в измерении его ширины. Находка в Керчи четырех из семи монет, приписываемых одному из его преемников Олегу-Михаилу также может косвенно свидетельствовать о принадлежности Корчева-Керчи князьям Тмутаракани по крайней мере в 70–90-е гг. XI в.²⁵ Чеканка этих монет имела сугубо репрезентативный характер и вряд ли они широко использовались в обращении. Отметим также, что статус Олега Михаила в 80–90-е гг. двойственен. Он правит как автономный владетель, явно признающий византийский сюзеренитет, и рассматриваемый в Константинополе в качестве вассала. По крайней мере в надписи приписываемого ему моливдовула он архонт Матрахи, Зихии и «всей Хазарии».

Как известно, в 1079 г. некие «козары» выдали Олега Византии. Два года князь провел в ссылке на Родосе, после чего был возвращен в Тмутаракань. Во время его отсутствия здесь правил наместник киевского князя Всеволода Ратибор, в 1081 г. изгнанный очередными беглецами с Руси князьями Давидом Игоревичем и Володаром Ростиславичем. Их то и пленил возвратившийся из Византии Олег, перебив и «козар»²⁶. Князь сидел в Тмутаракани до 1094 г., когда в союзе с половцами вернулся на Русь и водворился в Чернигов. Учитывая, что князь был сослан на Родос, и вернулся в Тмутаракань через Константинополь, то и данный моливдовул может быть датирован 1083–1094 гг., после возвращения князя из византийской ссылки.

²³ Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев–Судак, 2008. С. 296–330; Степанова Е. В. Находки печатей в Судак // Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 175–1920.

²⁴ См.: Могаричев Ю. М. О «Крымской Хазарии» в XI–XII вв. // Княжа доба. История и культура. Вып. 7. Львов, 2013. С. 49–58; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? // Хазарский альманах. Вып. 10. Киев–Харьков, 2010. С. 51–59; Могаричев Ю. М. К вопросу о «Хазарии» на азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 338–342.

²⁵ Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. 1982. С. 251–254.

²⁶ Раздвильовская летопись // ПСРЛ. Т. 3. Л., 1989. С. 63.

Мы полагаем, что печать отражает византийское видение статуса Олега как архонта, в данном случае территорий, им контролируемых. Обычно смущает включение в титулатуру князя термина «всей Хазарии», но создается впечатление, что в данном случае речь идет лишь о северо-восточном Крыме с Керчью, а не о всем Крыме и уж тем более не о давно исчезнувшем хазарском каганате. Но в этом случае Олег действительно был вассалом Византии, так как она передала ему как вассалу и европейский берег Боспора Киммерийского, принадлежавший империи. До этого Олег правил Тмутараканью чуть более года и вряд ли успел бы формализовать свой статус. «Козары» Повести Временных лет явно обрелись во владениях князя, хотя были ли они этническими хазарами или жителями «Хазарии» как административного образования («вся Хазария») сказать трудно.

Но недавно А. Алферов издал новый моливдовул Олега Михаила, матрицы которого, судя по качеству, явно были сделаны в Константинополе. Надпись печати гласит: «Господи, помоги своему рабу Михаилу, архонту и дуке Таматрахи и всей Хазарии»²⁷. Из географической номенклатуры выпала Зихия. Вышла ли она из под контроля архонта или здесь образовалась отдельная византийская фема, существовавшая недолго, то нам неизвестно. Печать датируется широко 1083–1094 гг. ближе ко второй дате. Судя по всему, за прошедшие десять лет произошли определенные изменения как в подконтрольных архонту территориях. Отпала Зихия, так и в статусе самого архонта, утратившего часть своей автономии. Ныне он архонт и дука. Возникает вопрос о том что из его владений осталось архонтатом и что стало дукатом, Судя по последующим событиям, Олег остался архонтом Таматархи, но утратил статус архонта «всей Хазарии», что свидетельствует о понижении его статуса и превращение в византийского стратига по крайней мере в пределах «всей Хазарии» между 1083–1094 гг.

Для практики отношений Византии с вассальными владетелями это было вполне традиционно. Правитель Южной Грузии (Тао Кларджети) Баграгид Давид за предоставление Василию II воинских контингентов для подавления мятежа Варды Склира получил титул куропалата и территории византийских фем в Закавказье на условиях пожизненного владения. После участия в неудачном мятеже Варды Фоки он был вынужден завещать императору и свои наследственные владения под угрозой вторжения

²⁷ Алферов О. Печатка Михаила, архонта і дуки Матрахи і всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: Київ-Корсунь-Константинополь. Міжнародний коллоквиум по русско-византийській сфрагистике. Київ. 13–16 вересня 2013 г. Матеріали. Севастополь, 2013. С. 28–29.

византийских войск (990). Завещание было реализовано после отравления Давида в 1000 г.²⁸

Находясь в Византии на положении пленника, Олег явно был вынужден принять ее условия своего возвращения в Тмутаракань. Все исследователи соглашаются с тем, что князь возвратился с византийскими контингентами, присланными из Константинополя или собранными на месте в Крыму. Иных у него просто не было. Что касается статуса князя как архонта (Таматархи) и дуки («всей Хазарии»), то и здесь существуют параллели в истории Закавказья. Так, К. Н. Юзбашян детально исследовал процесс инкорпорации Таронского княжества Багратидов в состав Византии, завершившийся в 966 г. превращением его феми после смерти очередного князя, показав изменение его статуса на протяжении 1-й половины X в.²⁹ Князя Тарона как вассалы Византии постепенно утрачивали свои прерогативы, превращаясь в наследственных пожизненных стратигов Тарона, получавших от империи титулы, денежное и натуральное содержание, подобно ее функционерам, и в то же время император принимал в Мангаврском дворце магистра и архонта Тарона как вассала империи.

В Тмутаракани ситуация сходна, хотя положение князя было несколько иным. Во-первых, это была далекая окраина византийской ойкумены, отделенная от территории собственно империи морем, во вторых, в отличие от сыновей последнего князя Тарона, получивших византийские титулы и высланных в пожалованные им владения в феме Халдия, князю было куда возвращаться. И дождавшись смерти Всеволода, а смерть киевского князя традиционно сопровождалась перемещением князей на уделах, Олег вернулся в Чернигов (1094). По видимому, после этого Тмутаракань и стала византийской фемой или частью уже существовавших к этому времени фем (так как печати стратигов феми пока неизвестны)³⁰. Эта дата подтверждается датировкой панегирика Алексею Комнину Михаила Страворомана, в котором Боспор Киммерийский упомянут как возвращенный императором в состав Византии до 1098 г.³¹

На наш взгляд, решающим аргументом в пользу локализации Хазарии в северо-восточном Крыму является недавно изданная печать Никифора

²⁸ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988. С. 136.

²⁹ Юзбашян К. Н. Армянские государства. С. 124.

³⁰ См.: Чхидзе В. Н. Византийские печати из Тамани. М., 2015.

³¹ Каждан А. П. Византийский налоговый сборщик на берегах Боспора Киммерийского в конце XII в. // проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1962. С. 95; Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики: I. К датировке восстановления власти Византии на Боспоре // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 23. 1992. С. 127.

Алана, вестарха и катепана Херсона и Хазарии³². Датирована она может быть только 90-ми гг. XI в., после ухода Олега на Русь. Показательно, что Тмутаракань в состав феми не вошла, по-видимому, составив отдельную административную единицу, тогда как Хазария стала частью катепаната. Будучи византийским стратигом феми, никаких претензий на командование территорией исторической Хазарии, будь то Поволжская или Северокавказская, он явно не имел. Следовательно, Хазария печати — это, вероятнее всего, все тот же восточный Крым.

Данные о статье:

Автор: Степаненко Валерий Павлович. д. и. н. Екатеринбург, профессор Уральского федерального университета.

valpavl@yandex.ru

Заголовок: Тмутаракань и Византия в конце XI в.

Резюме: Известна печать князя Тмутаракани Олега-Михаила Святославича (1083–1094) как архонта Таматархи, Зихии и всей Хазарии. Как полагает большинство исследователей, князь стал вассалом Византии после его пленения, ссылки на о. Родос и возвращения в Тмутаракань. Но остается дискуссионной локализация «всей Хазарии». Недавно была издана новая печать князя как архонта и дуки Таматархи и всей Хазарии. Территориальный состав его владений и его статус существенно изменились. Вероятно, он остался архонтом Тмутаракани, но стал дукой «всей Хазарии», т. е. утратил часть суверенитета, став византийским стратигом Хазарии. После ухода Олега на Русь в 1094 г. его владения вошли в состав Византии. Печать вестарха и катепана Херсона и Хазарии Никифора Алана (90-е гг. XI в.), на наш взгляд, дает основание искать Хазарию на территории восточного Крыма. Вероятно, что князя Тмутаракани не владели данной территорией, принадлежавшей Византии, но получали ее во временное управление как вассалы.

Ключевые слова: Византия, Тмутаракань, вся Хазария.

Information about the article:

Author: Stepanenko Valeriy Pavlovich, Dr. of History, Russia, Ekaterinburg, Prof. of Ural Federal University, Lenin str, 51.

valpavl@yandex.ru

Title: Tmutarakan' and Byzantium at the end of 11th c.

Summary: The seal of prince Oleg-Michel Sviatoslavich (1083–1094) as the archon of Matracha, Zichia and all Chazaria is known. As most of the researchers things, the prince became byzantine vassal after his captivity, exile on Rhodes and return in Tmutarakan'. The localization of «all Chazaria» is debatable. But new seal of the prince as the archon and doux of Matracha and all Chazaria was published not long ago. The territory of his domains is changed. It's probable, he kept the archon of Matracha status, but became not archon, but doux of all Chazaria. As consequence the prince lost the part of his sovereignty and became of a strategos of byzantine themes. After the prince's return on Rus' in y.1094 his domains were included in Byzantium. The seal of Nicephoros Alanos as vestarches and catepano of Cherson and all Chazaria (90th y.),

³² Алексеенко Н. А., Цепков Ю. А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСБ. Вып. XVII. 2013. С. 5–18.

in my opinion, give a possibility to seek the «all Chazaria» in Eastern Crimea. It's possible to suppose, that the princes of Tmutarakan' were not the owners of this territory, but from time to time governed in all Chazaria as the part of the Byzantine domains in Crimea as Byzantine vassals.

Key words: Byzantium, Tmutarakan', all Khazaria.

Литература, использованная в статье:

Айбабин, Александр Ильич. Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. XIII. 2. 2006. Симферополь-Керчь: ООО Керченская городская типография. С. 215–626.

Айбабин, Александр Ильич. Готия во 2-й половине X–XII вв. // Київ — Корсунь — Константинополь // Сфрагистический меридиан. Международный colloquium по русско-византийской сфрагистике. Киев. 13–16 сентября 2013 г. Материалы. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 20–22.

Алексеев, Николай Александрович. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // ХСб. Вып. IX. Севастополь: НПЦ ЭКОСИ-Гидрофизика, 1998. С. 230–235.

Алексеев, Николай Александрович., Цепков Юрий Александрович. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии? // ХСб. Вып. XVII. Севастополь: НПЦ ЭКОСИ-Гидрофизика, 2013. С. 5–18.

Алфьоров, Олександр. Печатка Міхаїла, архонта і дуки Матрахи і всієї Хазарії з колекції О. Шереметьєва // Сфрагистический меридиан: Київ — Корсунь — Константинополь. Киев 13–16 сентября 2013. Материалы. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 28–29.

Булгакова, Виктория Ивановна. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. Вып. III. Киев: Тип. Академперіодика НАНУ, 2008. С. 296–330.

Виноградов, Андрей Юрьевич. Строительные надписи средневекового Крыма. Addenda et corrigenda // Вопросы эпиграфики. IV. М.: Наука, 2010. С. 217–253.

Зайт, Вернер, Зайт, Наташа. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым. АДСВ, 27, Симферополь: Изд-во «Таврия», 1994. С. 95.

Златарски, Васил. История на българско царство през средните векове. Т. 1. Ч. 2. София: Акад. изд-во «Марин Дримов», 1994. 892 с.

Каждан, Александр Петрович. Анн. на: Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983 // BS. XXXIII. 2. 1972. С. 298.

Каждан, Александр Петрович. Византийский налоговый сборщик на берегах Боспора Киммерийского в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М.: Наука, 1962. С. 95–98.

Литаврин Геннадий Григорьевич. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб.: Алетей, 2000. С. 215–223.

Литаврин, Геннадий Григорьевич. Восстание в Херсоне против византийской власти // Полотролов. К 70-летию В. Н. Топоркова, М.: Наука, 1998. С. 923–931.

Могаричев, Юрий Миронович. К вопросу о «Хазарии» на азиатском Боспоре в XI–XII вв. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 338–342.

Могаричев, Юрий Миронович. О «Крымской Хазарии» в XI–XII вв. // Князя доба. История и культура. Вып. 7. Львов, 2013. С. 49–58.

Могаричев, Юрий Миронович, Сазанов Андрей Владимирович. Крымская Хазария в X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? // Хазарский альманах. Вып. 10. Киев-Харьков, 2010. С. 51–59.

Молчанов, Аркадий Анатольевич. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Свято-славича // СА. 1982. 1. С. 251–254.

Науменко Валерий Евгеньевич. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв. (историко-археологический комментарий) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. «Империя и полис». Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 169–204.

Плетнева, Светлана Александровна. Хазары. М.: Наука, 1976.

Раздвильловская летопись // ПСРЛ. Т. 3. Л.: Наука, 1989.

Скржинская Елена Чеславовна. Рец. на: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА. 1950. 17 // ВВ. 6. 1953. С. 252–269.

Соколова, Ирина Васильевна. Монеты и печати византийского Херсона. Л.: Искусство, 1983. 176 с.

Соколова, Ирина Васильевна. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе // ПС. 23. 1971. С. 68–74.

Степаненко, Валерий Павлович. Архонт и дука Тмутаракани в конце XI в. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Империя и полис. Севастополь: СПД Арефьев, 2013. С. 157–168.

Степаненко, Валерий Павлович. Архонт Хазарии — стратиг Херсона? // ХСб. Вып. XVI. Севастополь: НПЦ ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. С. 153–155.

Степаненко, Валерий Павлович. Еще раз о локализации Хазарии в XI в. // МАИЭТ. XIX: Симферополь-Керчь: ООО Керченская городская типография, 2014. С. 368–378.

Степаненко, Валерий Павлович. К истории средневековой Таврики: I. К интерпретации свидетельства Скилицы о восстании Георгия Цулы // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 23. Изд-во УрГУ, 1992. С. 125–129.

Степаненко, Валерий Павлович. К статусу Тмутаракани в XI в. // МАИЭТ. III: Симферополь-Керчь: ООО «Керченская городская типография», 1993. С. 254–263.

Степаненко, Валерий Павлович. К истории средневековой Таврики: II. К датировке восстановления власти Византии на Боспоре // Византия и средневековый Крым. АДСВ. 23. 1992. С. 129–133.

Степанова, Елена Владимировна. Находки печатей в Судак // Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Изд-во «АнтикВА», 2009. С. 175–192.

Степанова, Елена Владимировна. Находки печатей в Судак // Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Изд-во «АнтикВА», 2009. С. 175–192.

Степанова, Елена Владимировна. Архонты Балкан VIII–X вв. (на примере печатей Государственного Эрмитажа) // Балканский сборник. Труды Гос. Эрмитажа. LXII. Изд-во Государственного Эрмитажа, 2011. С. 180–190.

Цукерман, Константин Борисович. Венгры в Крыму // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997. Севастополь: Изд-во «Ахтиар», 1997. С. 91–92.

Цукерман, Константин Борисович. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 320.

Чахидзе, Виктор Николаевич. Византийские печати из Тамани. Российская акад. наук. Ин-т археологии. М., 2015. 202 с.

Чахидзе, Виктор Николаевич. Тмутаракань в XI в. и восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 313–319.

Чахидзе, Виктор Николаевич. Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X в. – 90 гг. XI в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев: Тип. Академперіодика НАНУ, 2012. С. 251–270.

Юзбабян, Карен Никитич. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М.: Наука, 1988. 300 с.

Якобсон, Анатолий Леопольдович. Средневековый Херсонес XII–XIV вв. // МИА. 17. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 256 с.

Янин, Валентин Лаврентьевич. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.: Наука, 1970. 327 с.

Banescu, Nicolau. La domination Byzantine a Matracha, en Zichie, en Chazarie et en «Russie» a l'epoque des Commene // Academie Roumaine. Bulletin de la section Historique, Bucarest, 1941. T. XII, fasc. 2. P. 57–77.

Cheyne, Jean.-Claude. Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. 523 p.

Ioannis, Scylitzae. Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini — Novi Eboraci. Apud Walter de Gruyter et socios. 1973. 557 p.

Ioannis, Scylitzae. Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini — Novi Eboraci. 1973.

Jordanov, Ivan. Corpus of byzantine seals from Bulgaria. V.1. Sofia: Agato Publishers 2003. 210 p.

Oikonomides, Nicolas. Les listes de preasance Byzantines des IX–XI siecles. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1971. 403 p.

References:

Ajbabin Aleksandr Il'ich. Gotiya vo 2 polovine X–XII vv., in *Kiiv — Korsun' — Konstantinopol'*, in *Sfragisticheskij meridian. Mezhdunarodnyj kollokvium po russko-vizantijskoj sfragistike*. Kiev. 13–16 sentyabrya 2013 g. Materialy. Sevastopol': SPD Aref'ev, 2013. S. 20–22.

Ajbabin Aleksandr Il'ich. Nekotorye aspekty istorii Gotskoj eparkhii v Yugo-Zapadnom Krymu, in *MAIET*, XIII, 2, 2006. Simferopol'-Kerch': OOO "Kerchenskaya gorodskaya tipografiya". S. 215–626. 327 s.

Alekseenko Nikolaj Aleksandrovich. Gotiya v strukture vizantijskoj administrativnoj sistemy v Tavrike vo vtoroj polovine X v., in *KHSb.*, vyp. IX, Sevastopol': NPTS EHKOSI-Gidrofizika. 1998. S. 230–235.

Alekseenko Nikolaj Aleksandrovich. Tsepkov Yuriy Aleksandrovich. Katepanat v Tavrike: legendarnye svidetel'stva ili istoricheskie realii? In *KHSb.*, vyp. XVII, Sevastopol': NPTS EHKOSI-Gidrofizika, 2013. S. 5–18.

Al'forov, Oleksandr. Pechatka Mikhaila, arkhonta i duki Matrakhi i vsiei KHarazii z kollekt-sii O. Sheremet'eva, in *Sfragisticheskij meridian: Kiiv — Korsun' — Konstantinopol'*. Kiev 13–16 sentyabrya 2013. Materialy. Sevastopol': SPD Aref'ev. 2013. S. 28–29.

Banescu Nikolau. La domination Byzantine a Matracha, en Zichie, en Chazarie et en «Russie» a l'epoque des Commene, in *Academie Roumaine, in Bulletin de la section Historique*, Bucar-est, 1941, T. XXII, fasc. 2. P. 57–77.

Bulgakova Viktoriya Ivanovna. Sigillograficheskij kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledovanij 2004–2005 gg.), in *Sugdejskij sbornik*, vyp. III. Kiev: Tip. Akademperiodika NANU, 2008. S. 296–330.

Cheyne Jean.-Claude. *Pouvoir et contestations à Byzance* (963–1210). Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. 523 p.

Chkhaidze Viktor Nikolaevich. Tmutarakan' v XI v. i vostochnyj Krym, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. XXIII chteniya pamyati V. T. Pashuto. Materialy konferentsii. M., 2011. S. 313–319.

Chkhaidze Viktor Nikolaevich. Tmutarakan' — vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80 gg. X v. — 90 gg. XI v., in *Sugdejskij sbornik*, vyp. V, Kiev: Tip. Akademperiodika NANU, 2012. S. 251–270.

Chkhaidze Viktor Nikolaevich. *Vizantijskie pečhati iz Tamani*. Rossijskaya akad. nauk. In-t arkeologii. M., 2015. 202 s.

Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Rec. I. Thurn. Berolini — Novi Eboraci. Apud Walter de Gruyter et socios. 1973. 557 p.

Jordanov Ivan. *Corpus of byzantine seals from Bulgaria*. V. 1. Sofia: Agato Publishers. 2003. 210 p.

Kazhdan Aleksandr Petrovich. Vizantijskij nalogovyj sborshhik na beregakh Bospora Kimmerijskogo v kontse XII v., in *Problemy obshhestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavjanskikh stran*. M.: Nauka, 1962. S. 95–98.

Kazhdan Aleksandr Petrovich. Ann. na: Sokolova I. V. Monety i pečhati vizantijskogo Khersona. L., 1983, in *V/S*, XXXIII, 2, 1972. S. 298.

Litavrin Gennadij Grigor'evich. *Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX — nachalo XII vv.)*. SPb.: "Aletejya", 2000. S. 2150150223.

Litavrin Gennadij Grigor'evich. Vosstanie v Khersone protiv vizantijskoj vlasti., in *Πολυτροπον. К 70-letiyu V.N. Toporkova*. M.: Nauka, 1998. S. 923–931.

Mogarichev Yuriy Mironovich. K voprosu o "Khazarii" na aziatskom Bospore v XI–XII vv. in *Bosporskij fenomen. Greki i varvary na evrazijskom perekrestke*. SPb., 2013. S. 338–342.

Mogarichev Yuriy Mironovich. O "Krymskoj Khazarii" v XI–XII vv., in *Knyazha doba. Istoriya i kul'tura*. Vyp. 7. L'vov, 2013. S. 49–58.

Mogarichev Yuriy Mironovich., Sazanov Andrej Vladimirovich. Krymskaya Khazariya v X–XI vv. Khazarskij anklav v Krymu ili istoriograficheskij mif? in *Khazarskij al'manakh*, vyp. 10, Kiev-Khar'kov, 2010. S. 51–59.

Molchanov Arkadij Anatol'evich. Tmutaranskij chekan knyazya Olega-Mikhaila Svyatoslavicha, in *SA*. 1982. 1. S. 251–254.

Naumenko Valerij Evgen'evich. Tavrika v sisteme russko-vizantijskikh otnoshenij sere-diny X — nachala XI vv. (istoriko-arkheologicheskij kommentarij), in *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. «Imperiya i polis»*. Sevastopol': SPD Aref'ev, 2013. S. 169–204.

Oikonomides Nicolas. *Les listes de preasance Byzantines des IX–XI siecles*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1971. 403 p.

Pletneva Svetlana Aleksandrovna. *Khazary*. M.: Nauka, 1976.

Razdvilovskaya letopis'. PSRL. T. 3. Leningrad: Nauka, 1989.

Skrzhinskaya Elena. Cheslavovna. Rets. na: Jakobson A. L. Srednevekovyj Khersones XII–XIV vv. // MIA. 1950. 17, in *VV*. 6. 1953. S. 252–269.

Sokolova Irina. Vasil'evna. *Monety i pečhati vizantijskogo Khersona*. Leningrad: "Iskusstvo". 1983. 176 s.

Sokolova Irina Vasil'evna. Peçhati Georgiya Tsuly i sobytiya 1016 g. v Khersonese, in *PS*. 23. 1971. S. 68–74.

Stepanenko Valerij Pavlovich. Eshhe raz o lokalizatsii Khazarii v XI v. in *MAIET*, XIX: Simferopol'-Kerch': OOO "Kerchenskaya gorodskaya tipografiya", 2014. S. 368–378.

Stepanenko Valerij Pavlovich. K istorii srednevekovoj Tavriki: I. K interpretatsii svidetel'stva Skilitsy o vosstanii Georgiya Tsuly, Vizantiya i srednevekovyj Krym. in *ADSV*. 23. Izd. UrGU, 1992. S. 125–129.

Stepanenko Valerij Pavlovich. K statusu Tmutarakani v XI v., in *MAIET*. III: Simferopol'-Kerch': OOO "Kerchenskaya gorodskaya tipografiya", 1993. S. 254–263.

Stepanenko Valerij Pavlovich. Arkhont i duka Tmutarakani v kontse XI v. in *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Imperiya i polis*. Sevastopol': SPD Aref'ev. 2013. S. 157–168.

Stepanenko Valerij Pavlovich. Arkhont Khazarii — stratig Khersona, in *KHSb.*, vyp. XVI, Sevastopol': NPTS EHKOSI-Gidrofizika, 2011. S. 153–155.

Stepanenko Valerij Pavlovich. K istorii srednevekovoj Tavriki: II. K datirovke vos-stanovleniya vlasti Vizantii na Bospore, Vizantiya i srednevekovyj Krym. in *ADSV*, 23, 1992. S. 129–133.

Stepanova Elena Vladimirovna. Nakhodki pechatej v Sudake, in *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni*. Simferopol': Izd. "AntikvA", 2009. S. 175–192.

Stepanova Elena Vladimirovna. Arkhonty Balkan VIII–X vv. (na primere pechatej Gosudarstvennogo EHrmitazha), in *Balkanskij sbornik*. Trudy Gos. Ermitazha. LXII, Izd. Gosudarstvennogo Ermitazha, 2011. S. 180–190.

Tsukerman Konstantin Borisovich. K voprosu o rannej istorii femy Khersona, in *Bakhchisarajskij istoriko-arkheologicheskij sbornik*, vyp.1. Simferopol', 1997. S. 320.

Tsukerman Konstantin Borisovich. Vengry v Krymu, in Vizantiya i Krym, in *Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferentsii "Vizantiya i Krym"*. Sevastopol', 6–11 iyunya 1997. Sevastopol': Izd. Akhtiar, 1997. S. 91–92.

Vinogradov Andrej Yur'evich. Stroitel'nye nadpisi srednevekovogo Kryma. Addenda et corrigenda, in *Voprosy ehpigrafiки*, IV. M.: Nauka, 2010. S. 217–253.

Yakobson Anatolij Leopoldovich. Srednevekovyj KHersones XII–XIV vv. in *MIA*, 17, Moskva- Leningrad: Izd. AN SSSR, 1950. 256 s.

Yanin Valentin Lavrent'evich. *Aktovye pechati Drevnej Rusi X–XV vv.* T. 1. M.: Nauka, 1970. Yuzbashyan Karen Nikitich. *Armjanskje gosudarstva ehpokhi Bagratidov i Vizantiya v IX–XI vv.* M.: Nauka, 1988. 100 s.

Zajbt Verner, Zajbt Natasha. Pechati stratigov vizantijskoj femy Kherson, in *Vizantiya i srednevekovyj Krym. ADSV*, 27, Simferopol': Izd. Tavriya, 1994. S. 95.

Zlatarski Vasil. *Istoriya na b"lgarsko tsarstvo prez srednite vekove*. T. 1. Ch. 2. Sofiya: Akademichno izdatel'stvo "Marin Drimov", 1994. 892 s.

Список сокращений

- АДСВ — Античная древность и Средние века
 ВВ — Византийский временник
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики
 ПС — Палестинский сборник
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ХСб. — Херсонесский сборник
 BS — Byzantinoslavica

Abbreviations of works cited

- ADSV — Antichnaya drevnost' i srednie veka
 VV — Vizantiyskiy vremennik
 MAIET — Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki
 PS — Palestinskiy sbornik
 PSRL — Polnoe sobranie russkikh letopisey
 KhSb. — Khersonesskiy sbornik
 BS — Byzantinoslavica

ББК 63.3(0)4; УДК 94(4 95).04

I. P. Medvedev

CONSTANTINOPLE COMPARÉ À ROME: L'EKPHRASIS DE MANUEL CHRYSOLORAS*

Il s'agit d'un des plus illustres représentants des intellectuels humanistes byzantins, Manuel Chrysoloras (1350–1415) apparenté à l'empereur Manuel II Paléologue (1391–1425) qu'il accompagna dans ses voyages à travers l'Europe pour trouver l'appui contre les Turcs menaçant Constantinople. Ambassadeur de Byzance en Italie qui s'enracinait de plus en plus sur le sol italien, de fait un homme non revenant, uniate qui finit par se convertir en catholicisme, célèbre pédagogue et professeur de langue et de littérature grecques aux universités italiennes (1397–1400), notamment, à la chaire organisée exprès pour lui à Florence, ou à Pavie et Milan (1400–1403) etc¹.

En 1411 Manuel Chrysoloras faisant partie de l'entourage de Jean XXIII l'accompagne à Rome. Rome l'éblouit. Pendant ses "promenades archéologiques" à travers la ville, en regardant des "yeux avarés et amoureux" les traces de l'antiquité, il essaye de s'imaginer la vie qui avait battu son plein sur ces "itinéraires des marches triomphales" en la comparant avec les antiquités de Constantinople. Ensuite il se met à table pour décrire tout cela dans une lettre prolixe à l'empereur Manuel II Paléologue (autrefois on croyait que cette lettre fût adressée à son fils, futur empereur Jean VIII

* С этим докладом я выступил в ноябре 2011 г. на международной конференции "Ville de toute beauté: l'ekphrasis des cités dans les littératures byzantine — slaves" в Праге, а поскольку текст остался неопубликованным, я хотел бы, пользуясь случаем, преподнести его в честь нашей дорогой юбилярши (если она, конечно, не против).

¹ О Мануиле Хрисолоре см.: *Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit*. Wien, 1994. Fasc. 12. № 31165.

Paléologue)². Dans cette lettre comme le dit G. Dragon: “La plume est celle d’un rhéteur grec, d’un érudit byzantin et d’un fidèle sujet de l’empereur; le regard est celui d’un humaniste de la renaissance, c’est-à-dire d’un homme à double face, encore acteur et déjà héritier de la civilisation qu’il incarne”³.

A mon avis, *la lettre de Manuel Chrysoloras* représente une aperçue originale et réussie des antiquités romaines et byzantines comparées du point de vue de leurs archéologie et art comme celles des deux capitales d’un seul empire. Elle reflète les “normes mentales” des milieux humanistes des intellectuels byzantins qui, dans les conditions extrêmes, essayent de s’affranchir de l’isolement politique de la Byzance. Ces intellectuels justifient l’affinité initiale des Grecs et des Romains et le rôle unique de Constantinople qui les réunit grâce à sa situation géographique choisie délibérément au moment de sa fondation.

D’après Chrysoloras, ce qui est essentiellement propre à l’homme cultivé c’est de savourer le spectacle des villes célèbres qu’il visite. Ce n’est pas par hasard que l’évocation d’un des amis de Libanius, rhéteur bien connu du IVe siècle, devint le refrain permanent de sa lettre. Cet ami après sa visite à Rome en fut tellement bouleversé que dans sa lettre adressée à Libanius caractérisa la ville “pas comme la terre mais comme une partie du ciel” (24 c). Mais si l’homme antique est charmé par la splendeur de Rome, Manuel Chrysoloras — qui d’ailleurs partage cette émotion — est attiré plutôt par son passé mystérieux, son histoire pleine de secrets, d’énigmes et de non-dits.

En effet, le regard de Manuel Chrysoloras sur la Rome à lui c’est celui d’archéologue. Sans prétendre à embrasser tous les côtés de la vie de la ville éternelle et sans un grand intérêt à la vie quotidienne des Romains, ses contemporains, Chrysoloras tient à l’antiquité ou plutôt à ses vestiges.

“C’est grâce à toutes ces épaves des statues, des colonnes, des stèles funéraires et des constructions, — écrit — il, — qu’on peut juger non seulement de la richesse, de l’abondance de la main-d’œuvre, de l’art et, si vous voulez, de la grandeur et de la dignité, mais aussi de la mentalité, de l’amour de la

² Этому знаменитому памятнику посвящена в последнее время значительная литература. См., в частности: Kioussoroulou A. La Ville chez Manuel Chrysoloras: “Sygkrisis Palaia kai Neas Romes” // *Byzantinoslavica*, 1998. T. 59. P. 71–79; Billò C. Manuele Crisolora: “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma” // *Medioevo greco*, 2000. P. 1–26; Roma parte del cielo: “Confronto tra l’Antica y la Nuova Roma” di Manuele Crisolora / Introd. E. V. Maltese, trad. e note di G. Cortassa. Torino, 2000; Cortassa G. *Imago Urbis. L’arte come imagine della storia nella Comparation tra le due Rome e nella lettera a Giovanni Crisolora di Manuele Crisolora* // *Lettere e arti nel rinascimento* / Ed. L. Secchi Tarugi. Firenze, 2007. На русский язык письмо переведено нами, перевод опубликован в: ВВ. 2005. Т. 64. С. 316–334. Но в данной статье мы ссылаемся на его первое издание: *Manuelis Chrysolorae Epistolae* // PG. T. 156. Col. 24–53 (все ссылки в тексте статьи).

³ Dagron G. *Manuel Chrysoloras: Constantinople ou Rome* // BZ. 1987. T. 12. P. 279–288.

beauté, de l’élégance et du luxe de la ville ainsi que de ses idées religieuses, de sa générosité, de ses ambitions, de ses convictions, de ses victoires, de sa prospérité, de son hégémonisme, de sa gloire, de son expérience militaire” (28 a). D’après Chrysoloras, même s’il n’y a presque rien qui fut resté indemne à Rome (quelques constructions tombèrent en ruines elles mêmes, d’autres souffrirent des mains humaines) et si la ville (comme d’ailleurs Constantinople) “devint sa propre mine et sa propre perrière” (25 c), néanmoins, “on devine d’après ses ruines et ses vestiges son état initiale, la beauté et la grandeur de ses constructions”.

“Pas seulement les bâtiments formant un ensemble furent beaux, — dit-il, — mais ceux qui étaient desassortis le semblèrent aussi” (25 d) (cette phrase est suivie d’une liste détaillée et d’une description des monuments différents, des sculptures etc).

Dans ses descriptions Chrysoloras souligne surtout le rôle des inscriptions qu’il trouva et lut, dont un nombre considérable fut rédigé en grec à côté d’autres en latin. Les inscriptions grecques témoignèrent que les monuments furent soit créés par les Grecs à Rome, soit apportés de la Grèce. Parmi les inscriptions latines figura le formulaire bien connu gravé sur l’Arc de Titus: *Senatus Populusque Romanus* etc., traduit en grec par Chrysoloras avec beaucoup d’inexactitude (29 a).

En ce qui concerne les antiquités chrétiennes à Rome, Manuel Chrysoloras ne constate que la conversion des monuments antiques “impies et non sanctifiés en sanctifiés et saints, des temples païens en temples sacrés” (29 d). Finalement la ville devint “une urne funéraire des reliques saintes” (Ibid.). Chrysoloras souligne: «Je n’y prête pas beaucoup d’attention» à l’exception de “deux astres, deux soleils, des cieux qui témoignent de la gloire de Dieu”; il s’agit ici des apôtres Pierre et Paul «dont les reliques se reposent ici et à la mémoire desquels j’écris tout ça». En effet, l’auteur parle beaucoup de ces apôtres en soulignant que si “les œuvres du peuple romain, de Jules César, d’Auguste ou de quelqu’un autre sont ensevelis dans un oubli éternel et sont inconnus à la plupart des hommes, même dans leur Patrie, les œuvres de ces apôtres s’épanouissent dans le monde entier” (33 a).

Il va de soi qu’en découvrant et glorifiant “la Rome” à lui Manuel Chrysoloras fut obligé de manifester une précaution raisonnable à l’égard de son destinataire impériaux et de ne pas offenser sa ville natale Constantinople. “Je ne veux pas faire injure à notre ville, — écrit-t-il. — Et je l’aurais offensé, si je m’étais arrêté ici. Car en contemplant les constructions, les beautés naturelles et artificielles j’admire la ville de l’ancienne majesté et puissance, et je me réjouis surtout en voyant qu’elle ressemble autant aux nôtres (...) Je crois que jamais une fille ne ressembla à sa mère à tel point que notre ville (Constantinople)

ressemble à [Rome]”, et si la mère fut belle et épanouissante, la fille la surpassa dans tous les égards (il procède ensuite à développer le sujet dans les termes de la rhétorique poétique) (37 a–d).

Il faut cependant noter que si dans le cas de Rome nous faisons face à l’attitude d’un archéologue, dans le cas de Constantinople c’est plutôt un critique d’art et un historien d’architecture qui parle. Ici Chrysoloras en tant que critique d’art est obligé d’affirmer que, malgré la ressemblance qu’il constata, la Rome païenne préfère la sculpture, tandis que la ville chrétienne de Constantinople crée et invente la peinture, l’icône, la fresque et surtout la mosaïque pour éviter la similitude aux idoles (*τὴν τῶν ξοάνων καὶ εἰδώλων ὁμοιότητα*). Il écrit: “Les oeuvres de l’art brillant et sûr au plus haut degré qui (la mosaïque surtout) ici (à Rome) seraient rares, n’étant propre qu’à l’Hellade ou à notre ville (Constantinople). Et si on découvre une oeuvre de ce genre (c’est-à-dire en mosaïque) ici (à Rome) ou ailleurs, il est clair que les matériaux et la maîtrise sont de là-bas (de Bysance)” (48 b).

En tant qu’historien d’architecture, Manuel Chrysoloras analyse en détail les monuments architecturaux et fait une attention particulière au célèbre “Mur long” de la ville, aux allées couvertes, aux “colonnes merveilleuses” (dont une est couronnée de la statue de l’empereur législateur, c’est-à-dire, de Justinien le Grand), aux palais impériaux, aux sarcophages des empereurs (par exemple, dans le mausolée majestueux de “l’empereur fondateur de la ville”, c’est-à-dire, de Constantin le Grand ainsi que dans le temple des Apôtres) etc. etc. “La possibilité de les voir serait à elle seule un véritable miracle” (45 b), — souligne Chrysoloras. Mais il ajoute tout de suite qu’il “laisse tout cela sans attention” et “le passe sous silence” pour se concentrer sur “le temple si heureusement baptisé par son créateur comme le temple de la Sagesse Divine, car il n’est pas en effet l’oeuvre de la sagesse humaine” (48 c).

Néanmoins, c’est au génie architectural humain que Manuel Chrysoloras rend hommage. “Il faut admirer, — écrit-il, — non seulement les dimensions immenses du bâtiment et la qualité de ses constructions, mais aussi les gens qui sans avoir le modèle à suivre conçurent et établirent le projet d’une oeuvre aussi grandiose en trouvant possible de la réaliser et le firent” (49 bc).

Sans doute, ces paroles concernent en premier lieu la fameuse coupole de la Sainte-Sophie car “son architecte, selon Chrysoloras, la conçut sous son aspect actuel dès le début — au moment de sa fondation et même avant” (49 c). “Ce que nous voyons aujourd’hui, — constate Manuel Chrysoloras, — paraît incroyable. Probablement cet architecte, technologue et ingénieur éminent, fut absolument sûr de sa maîtrise et des proportions qu’elle lui suggéra (Ibid.)”. “Rien à ajouter! — s’exclame Chrysoloras. — En admirant cette oeuvre les gens ne peuvent pas s’empêcher de s’extasier sur l’ingéniosité et sur l’énorme

habilité non seulement de l’architecte lui-même et des autres constructeurs, mais aussi de tout le genre humain et de l’être humain tout simplement, car de son origine il a tant de fantaisie, d’esprit, de dignité et de force que personne n’eût supposé” (49 cd).

Manuel Chrysoloras, penseur et philosophe, termine cependant son oeuvre d’une manière un peu inattendue — sur une note pessimiste. “En contemplant aujourd’hui les oeuvres antiques dans cette ville (c’est-à-dire à Rome) ainsi que dans la nôtre (à Constantinople), — raisonne-t-il, — on peut non seulement avoir du plaisir mais tirer des conclusions utiles; on peut admirer l’oeuvre des mains humaines, mais on peut aussi les mépriser sans y attacher aucune importance. Car si en les contemplant on réfléchit sur la dominance et la puissance de Rome, sur la dignité des hommes de l’époque, sur leurs actes et leurs soucis, on voit où cela aboutit <...> tout devint poussière et les bâtiments mêmes, stèles et autres constructions devinrent sable. Les seules qui fussent conservées furent enterrées sous des collines <...> et les villes elles-mêmes moururent pratiquement (selon un auteur — il s’agit de Lucien — les villes meurent comme les êtres humains), — que penser dans ce cas des oeuvres humaines? Comment peut-on s’enorgueillir de sa réussite et s’humilier de ses malheurs? De quoi peut-on être fier? <...> Ne l’oublie pas, oh, Basileus!» (52 ab – 53 b).

Un aveu bien éloquent, n’est-ce pas? Il se trouve qu’une grande ville (dans notre cas Rome aussi bien que Constantinople) ayant une qualité magique de charmer, génère en même temps une déduction amère que l’avenir de toute grande ville est l’oubli profond. A chacun est de prendre la décision s’il vaut accepter cette thèse fatale.

Данные о статье:

Автор: Медведев Игорь Павлович, д. и. н., главный научный сотрудник Института истории РАН (СПб), член-корреспондент РАН, medvedip@mail.ru

Заголовок: Константинополь в сравнении с Римом: описание Мануила Хрисолора.

Резюме: Статья посвящена интересному и важному произведению византийской публицистической литературы — топографическому описанию города Рима, которое составил византийский гуманист, политический деятель и писатель Мануил Хрисолор, сопровождавший византийского императора Мануила II Палеолога (1391–1425 гг.) в его поездке в Италию. В своем трактате Мануил дает подробный обзор всех археологических древностей Рима, его интересуют архитектурные памятники и другие вещественные следы ушедшей в прошлое Римской империи. Мануил Хрисолор восхищается древней славой Вечного города, отмечает родство и схожесть исторических судеб римлян и византийцев. Сравнивая христианские археологические памятники Рима и Константинополя, писатель отмечает, что римляне уделяли основное внимание скульптуре, византийцы же сосредоточились на живописи, фресках и мозаике во избежание обвинений в идолопоклонничестве. Тем не менее Мануил крайне пессимистично завершает свой трактат, подчеркивая, что сейчас, т. е. в его время, современные римляне не интересуются своим блистательным прошлым и совершенно не заботятся о сохранности древних архитектурных памятников.

Писатель выражает обеспокоенность, что все следы былой империи постепенно разрушаются, обращаясь в песок, и в скором времени будут погребены под земельными насыпями.

Ключевые слова: Мануил Хрисолор, Рим, Константинополь, гуманизм, описание, архитектура, археология, древности.

Information about the article:

Author: Medvedev Igor' Pavlovich, Doctor of History, a chief researcher of Institute of History (Saint-Petersburg), corresponding member of Russian Academy of Sciences, medvedip@mail.ru

Заголовок: Constantinople as compared with Rome: the description of Manuel Chrysoloras.

Резюме: The present paper deals with an interesting and important work of Byzantine publicistic literature — a topographical description of Rome, which was composed by Byzantine humanist, politician and writer Manuel Chrysoloras, who accompanied Byzantine Emperor Manuel II Palaiologos (1391–1425) in his journey to Italy. In his treatise Manuel gives a detailed account of all the archeological antiquities of Rome, his main interest are archeological monuments and other material traces of deceased Roman Empire. Manuel Chrysoloras praises the fame of Eternal City, he marks an affinity and similarity of historical fates of Romans and Byzantines. Comparing the Christian archeological monuments of Rome and Constantinople, the writer notices that Romans paid main attention to sculpture, but Byzantines focused on painting, frescoes and mosaic in order to avoid condemnations in idolatry. Nevertheless, Manuel ended his treatise extremely pessimistically, denoting that now, i.e., in his own times, contemporary Romans are not interested in their brilliant past and fully neglect the saving of ancient archeological monuments. The writer expresses a great concern that all the traces of ancient empire gradually fall to ruin, converting into sand, and that soon they will be buried under the ground.

Key words: Manuel Chrysoloras, Rome, Constantinople, humanism, description, architecture, archeology, antiquities.

Литература, использованная в статье:

Medvedev, Игорь Павлович. Константинополь в сравнении с Римом: взгляд Мануила Хрисолоры // Византийский временник. 2005. Т. 64. С. 316–334.

Billò, Cristina. Manuele Crisolora: “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma” // Medioevo Greco. 2000. P. 1–26.

Cortassa, Guido. Imago Urbis. L’arte come imagine della storia nella Comparison tra le due Rome e nella lettera a Giovanni Crisolora di Manuele Crisolora // Lettere e arti nel rinascimento / Ed. L. Secchi Tarugi. Fiorenza: F. Cesati, 2000. P. 133–146.

Dagron, Gilbert. Manuel Chrysoloras: Constantinople ou Rome // Bizantinische Zeitschrift. 1987. Bd. 80. P. 279–288.

Kiussopoulou, Antonia. La Ville chez Manuel Chrysoloras: “Sygkrisis Palaias kai Neas Romes” // Byzantinoslavica. 1998. T. 59. P. 71–79.

Manuelis Chrysolorae Epistolae // PG. T. 156. Parisii, 1866. Col. 24–53.

Prospographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Fasc. 12. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994. 267 S.

Roma parte del cielo: “Confronto tra l’Antica y la Nuova Roma” di Manuele Crisolora / Introd. E. V. Maltese, trad. e note di G. Cortassa. Torino: UTET, 2000. 111 p.

References:

Billò Cristina. Manuele Crisolora: “Confronto tra l’Antica e la Nuova Roma”, in *Medioevo Greco*. 2000. Pp. 1–26.

Cortassa Guido. Imago Urbis. L’arte come imagine della storia nella Comparison tra le due Rome e nella lettera a Giovanni Crisolora di Manuele Crisolora, in Secchi Tarugi, Luisa (ed.). *Lettere e arti nel rinascimento*. Fiorenza: F. Cesati, 2000. Pp. 133–146.

Cortassa, Guido (ed.). *Roma parte del cielo: “Confronto tra l’Antica y la Nuova Roma” di Manuele Crisolora*. Torino: UTET, 2000. 111 p.

Dagron Gilbert. Manuel Chrysoloras: Constantinople ou Rome, in *Bizantinische Zeitschrift*. 1987. Vol. 80. Pp. 279–288.

Kiussopoulou Antonia. La Ville chez Manuel Chrysoloras: “Sygkrisis Palaias kai Neas Romes”, in *Byzantinoslavica*. 1998. Vol. 59. Pp. 71–79.

Manuelis Chrysolorae Epistolae, in *Patrologia Graeca*. Vol. 156. Parisii, 1866. Pp. 24–53.

Medvedev Igor' Pavlovich. Konstantinopl' v sravnenii s Rimom: vzglyad Manuila Khrisolory [Constantinople as compared with Rome: the view of Manuel Chrysoloras], in *Vizantiyskiy vremennik*. 2005. Vol. 64. Pp. 316–334. (in Russian)

Prospographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Vol. 12. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994. 267 p.

III. ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ББК 63.3(0)4 (4Фра); УДК 94(44).012 + 014

Д. Н. Старостин

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ФРАНКОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВАРВАРОВ: ХИЛЬДЕРИК И ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ ПЕРВЫХ МЕРОВИНГСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Легитимность первых франкских королей, возглавлявших важнейшее политическое образование раннего Средневековья, является одной из ключевых проблем для современных исследователей. В XIX – первой половине XX в. данный вопрос рассматривался сквозь призму противостояния германских племенных и дружинных традиций, с одной стороны, и римского имперского начала, с другой. Начиная с последней четверти XX в. историки стали уделять больше внимания взаимодействию варваров и галло-римского населения, подчеркивая, что его масштабы были шире, чем кажется. Тем не менее вопрос о легитимности первых варварских королей следует рассматривать не только в терминах соперничества созданных империей политических структур и образа жизни с варварскими традициями. Представляется необходимым заново переосмыслить процесс создания франкского королевства, обратив особое внимание на двух первых франкских правителей, Хильдерика и Хлодвига, чтобы понять основу легитимности их власти. Важно при этом опираться на общий политический контекст, которых сложился в Западной Римской империи, и в частности, следует по-новому проанализировать, что значило понятие «королевская власть» — во-первых, для варваров и, во-вторых, для Римской империи и ее представителей в конкретных диоцезах Запада. Стоит остановиться на тех аспектах власти первых франкских королей, которые могут проиллюстрировать их тесное взаимодействие с остатками власти Римской империи, существовавшей в провинциях Запада в период с 410 по 476 г. Новый анализ процесса возникновения франкского королевства и становления власти Хильдерика и Хлодвига в бывшей римской провинции необходим, поскольку исследователи подчеркнули особый статус варварских королей в контексте взаимодействия варварских пле-

мен и населения римского лимеса с Империей. В частности, прозвучало мнение, что Аларих I был выбран королем нового типа по сравнению с правителями более ранних эпох, и что его власть можно фактически рассматривать как новый римский, а не варварский институт. Например, указывалось, что Иоанн Антиохийский писал, что «Аларих был поставлен королем» (“Alaricus ordinatus super se rex”)¹.

Описание прихода к власти и правления Хильдерика (440–481/482), отца Хлодвига (481/482–511), начиная с французских эрудитов XVI в. приобрело характер хрестоматийного, и только в первой половине XX в. были сделаны несколько попыток переосмыслить сложившуюся историографическую традицию. Однако развитие позитивистских методов исторического исследования привело к тому, что история Хильдерика стала для историков малозначительной по причине практически полного отсутствия источников. В результате к началу XX в. историки-позитивисты перестали уделять внимание этому сюжету, считая его недостоверным. Когда же исследователи обращались к этой теме, то события, связанные с правлением Хильдерика, получали разнообразные и часто полярные интерпретации в силу малого количества источников и заложенных в них существенных противоречий. В частности, место франков в системе власти, сложившейся в Галлии, а также в Западной Римской империи в целом, после удачной кампании Аэция против гуннов в 451 г. рассматривалось в противоположных терминах. Франков в период с 451 по 476 г. могли считать федератами, а Хильдерика их предводителем², или же, наоборот, подчеркивали их зависимость от римских генералов³. Историки видели мало толка в исследовании правления Хильдерика в силу скудости имеющейся о нем информации и потому, что внимание традиционно уделялось Хлодвигу как первому «настоящему» королю франков⁴. Вместе с тем именно рассмотрение прихода Хильдерика к власти дает возможность определить место франков и франкских правителей во властной системе бывшей Западной Римской империи. Представляется, что именно его, а не Хлодвига, можно успешно сравнить с властителями и военными

¹ Ioannes Antiochenus. *Historiae fragmenta* // *Fragmenta historicorum graecorum*. Т. 4. Parisiis: A. Firmin Didot, 1851. 538 sqq. Frag. 206, 2. Wenskus R. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln: Böhlau, 1961. S. 322, 477; Вольфрам Х. Готы: От истоков до середины VI в. СПб.: Ювента, 2003. С. 207–209.

² Lot F., Pfister C., Ganshof F. L. *Histoire du Moyen Âge*. Т. 1. Les destines de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris: Presses Universitaires de France, 1928. P. 182.

³ James E. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. Т. 3–4. P. 9–12; MacGeorge P. *Late Roman warlords*. New York: Oxford University Press, 2002. P. 111–137.

⁴ Kurth G. *Histoire poétique des Mérovingiens*. Paris: A. Picard, 1893. P. 214–215.

предводителями готов, чтобы понять, каковы были взаимоотношения франкских предводителей, римских военачальников и галло-римской знати.

Для того чтобы определить положение Хильдерика и франков, рассмотрим как обстояли дела в провинциях Западной Римской империи. Уже в IV в. началась борьба полководцев расквартированных в провинциях легионов и региональных элит за власть. При Диоклегиане Караузий, кого можно в равной степени назвать и узурпатором, и наместником, правил Британией в течение десяти лет. После его смерти полководцы британских легионов Константин и Максений были провозглашены императорами своими солдатами. Констант (337–350) был свергнут Магненцием (303–353), Грациан — Магном Максимом, а Валентиниан II — Арбогастом, каждый из которых представлял интересы определенных легионов, отчасти региональных элит и, вероятно, даже варваров (галло-римлян, жителей Британии и, возможно, франков)⁵. В 461 г. Рикимер стал фактически полноправным правителем Западной Римской империи после смерти Майориана и провозгласил императором Либия Севера. Против выступили Марцеллин, *comes rei militaris* Далмации (ум. 468), и Эгидий (ум. 465), правитель северной Галлии, власть которого распространялась, по-видимому, на довольно обширные земли. Можно также привести пример Ореста, занявшего пост главнокомандующего при императоре после Экцидия, в результате император Непот вынужден был бежать. Орест происходил из Паннонии, а военный опыт приобрел, находясь некоторое время при дворе Атиллы. Таким образом, к концу V в. генералы римского и провинциального происхождения постепенно стали претендовать на все большие полномочия⁶.

В недавно вышедшей работе было показано, что попытки некоторых римских генералов по захвату власти, как, например, так называемое «Суассонское королевство» франков под руководством Эгидия, можно считать принципиально новым феноменом в истории поздней Античности, так как теперь уже римские генералы, а не варвары, стремились отделить территорию своего военного округа от Империи. Данная тен-

⁵ Drinkwater J. F. The revolt and ethnic origin of the usurper Magnentius (350–53), and the rebellion of Vetrano (350) // Chiron. 2000. Vol. 30. P. 131–159; Jones A. H. M. The decline of the Ancient world. Burnt Mill: Longman, 1966. P. 131.

⁶ MacGeorge P. Late Roman warlords. P. 111–136; Halsall G. Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 280; Циркин Ю. Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. 2013. Т. 12. С. 462–466, 470.

денция, как предполагалось, и привела впоследствии к возникновению королевства франков уже под руководством варварского предводителя⁷. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что правление Эгидия не стоит воспринимать только как попытку регионального сепаратизма, направленную на то, чтобы отколоть свой регион от Римской империи. Уже со второй половины XIX в. историки стали отмечать глубокое взаимопроникновение варваров и империи и значительное расслоение в кругах варваров, статус которых мог варьироваться от генералов служащих Риму легионов федератов и до простых варваров-солдат. В частности, такие генералы как Меробод (ум. 383 или 388), Хариетто, Даглайф, Баутон, Арбогаст (ум. 394), Стилихон (359–408), Рихимер (405–472), Гайна (ум. ок. 400) и ряд других были примером формирования новой военной элиты смешанного происхождения, имевшей варварские корни, но одновременно тесно связанной с Римской империей⁸. Иногда считалось, что эти варварские военачальники подрывали империю изнутри, в то время как варвары за границами империи подрывали ее снаружи⁹. Однако это утверждение далеко от истины, поскольку исследователи показали, что на самом деле, многие римские генералы из варваров могли быть связаны именно с теми варварскими группировками, которые причинили наиболее вреда Римской империи. Например, выдвигались предположения, что Рикимер мог сам происходить из визиготов¹⁰.

Тем не менее в последнее время исследователям стало ясно, что на самом деле причиной нестабильности и постоянных узурпаций со стороны военачальников провинциальных легионов являлись непростые взаимоотношения сложных альянсов, которые складывались между императорским двором, региональными элитами и командирами римских легионов. Было высказано предположение, что попытки со стороны командиров римских легионов узурпировать власть были напрямую связаны с появлением такого нового феномена, как римские командиры варвар-

⁷ Циркин Ю. Б. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи. С. 470.

⁸ Bury J. B. A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) Vol. 1. London: Macmillan, 1889. P. 107; Lot F., Pflister C., Ganshof F. L. Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 21; Demandt A. Der spätrömische Militäradel // Chiron. 1980. Jg. 10. S. 609–636; Demandt A. The osmosis of Late Roman and Germanic aristocracies // Das Reich und die Barbaren / hrsg. von E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien, 1989. S. 75–86. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung; 29.)

⁹ Bury J. B. A history of the later Roman empire. Vol. 1. P. 108.

¹⁰ MacGeorge P. Late Roman warlords. P. 178, 182; Sivan H. Galla Placidia: the last Roman empress. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. P. 69.

ского происхождения. В частности, исследователями была выдвинута точка зрения, что иногда военные полководцы из провинций выступали против императорского двора (вероятно, при поддержке не только легионов, но и местных элит), потому что подчас не желали видеть в качестве верховного полководца нежелательного для них человека, в особенности если он был из варваров. Выступая против назначенных императорским двором полководцев варварского происхождения и поддерживая своих региональных узурпаторов, они, парадоксальным образом, боролись за римские традиции власти¹¹. В частности, возможно, что выступление тирана Магна Максима из Британии (383–388) было направлено против слишком значительного влияния франкского генерала Арбогаста (ум. 394) при императоре Грациане и против его единоличной власти, а восстание Максима из Испании (409–411) было попыткой региональной знати противостоять слишком сильному влиянию Стилихона при императорском дворе. Самоопределение региональных элит в ситуации, когда императорский двор обладал все меньшим количеством ресурсов, чтобы поддерживать провинции, было крайне важным фактором в исторической судьбе Поздней Римской империи. Центробежные тенденции, возможно, были не просто результатом попыток римских провинций отколоться. Недавно исследователи подчеркнули, что несмотря на все сложности, даже самый пессимистичный из историков Западной Римской империи Идаций считал ее единой¹².

Если рассмотреть поведение провинциальных военных командиров, особенно тех, которые были тесно связаны с местными провинциальными элитами, то можно заметить, что одной из важнейших причин предпринимаемых ими попыток узурпации власти было не столько желание отделиться, сколько, наоборот, укрепить власть империи (но не двора императора) в своем регионе, или добиться императорского трона¹³. Исследователи показали, что действия многих из тех, которых обычно называют узурпаторами, были вполне конструктивными. Например, Константин III (407–411) смог добиться признания от императора Грациана (375–383), а его сын некоторое время осуществлял контроль над

¹¹ Bury J. B. A history of the later Roman empire. Vol. 1. P. 107.

¹² Börm H. Hydatius von Aquae Flaviae und die Einheit des Römischen Reiches im fünften Jahrhundert. // Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts / hrsg. von B. Bleckmann, T. Stickler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. S. 195–214.

¹³ Drinkwater J. F. Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC-AD 260. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983; Drinkwater J. F. 1). The Gallic empire. Separatism and continuity in North-Western provinces of the Roman empire A. D. 260–274. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. (Historia Einzelschriften, 52); 2). The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413) // Britannia. 1998. Vol. 29. P. 269–298.

Испанией¹⁴. Парадоксальным образом, некоторые из региональных магнатов пользовались римскими властными институтами и использовали имперский двор, чтобы усилить свою власть в регионе и избавиться от соперников. Так, например, Эгидий обвинил Агриппина, одного из чиновников Империи в Галлии, в измене, и добился его отсылки в Рим для того, чтобы развязать себе руки и стать единоличным правителем в Галлии¹⁵. Следовательно, можно поспорить с теми историками, кто считает, что независимость Эгидия и создание им «королевства франков» были принципиально новым феноменом.

В этом контексте интересно посмотреть на историю прихода к власти Хильдерика. Приведем сначала цитату из «Десяти книг историй» Григория Турского.

Когда Хильдерик был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распушенностью, начал развращать их дочерей. Это вызвало ярость франков, и они лишили его королевской власти. Узнав о том, что они хотят еще и убить его, он отправился в Тюрингию, оставив на родине верного ему человека, который сумел бы смиренными речами смягчить сердца разгневанных франков и подать сигнал, когда ему можно вернуться на родину. Условным знаком был золотой слиток, поделенный между ними пополам; одну его часть взял с собой Хильдерик, а другую — его приближенный, который при этом сказал: «Когда я тебе пришлю мою часть и она вместе с твоей образует золотой слиток, тогда ты со спокойной душой возвращайся на родину». И вот, придя в Тюрингию, Хильдерик укрылся у короля Бизина и его жены Базины. Франки же, прогнав Хильдерика, единодушно признали своим королем Эгидия, магистра армии, посланного, как мы упоминали выше, в Галлию Римской империей. Когда Эгидий уже восьмой год правил франками, верный человек Хильдерика, тайно склонив франков на его сторону, послал к нему вестника с частью поделенного золотого слитка, которую он хранил у себя. А Хильдерик, узнав в этом надежный знак того, что его опять желают франки и сами даже просят, возвратился из Тюрингии домой, где был восстановлен в королевской власти. И вот во время их правления та Базина, о которой мы упоминали выше, оставив мужа, пришла к Хильдерика. Когда Хильдерик, озабоченный этим, спросил о причине ее прихода из такой далекой страны, говорят, она ответила:

¹⁴ Demougeot E. Constantin III, empereur d'Arles // L'Empire romain et les barbares d'Occident / sous la dir. de M. Christol, M. Gayraud. Paris, 1988. P. 171–213; Drinkwater J. F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411–413).

¹⁵ Hydatius. The chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: two contemporary accounts of the final years of the Roman Empire / ed. by R. W. Burgess. Oxford: Clarendon Press, 1993. 270 p. Anno 462. 212 (217); MacGeorge P. Late Roman warlords. P. 89.

«Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что есть в заморских краях человек, достойнее тебя, я сделала бы все, чтобы с ним соединить свою жизнь». Хильдерик с радостью женился на ней. От этого брака у нее родился сын, которого Базина назвала Хлодвигом. Хлодвиг был великим и могучим воином¹⁶.

Отметим, что на основании этого источника нельзя утверждать однозначно, что целью Эгидия было создание независимого политического образования, которое могло бы называться «королевством» в полном смысле этого слова. Григорий Турский говорил об Эгидии и Сиагрии как о королях, но он делал это только в жизнеописаниях мучеников, т. е. в текстах, не стремящихся к исторической точности¹⁷. Мы мало знаем о целях Эгидия, но можно предположить, что он фактически добивался того же, что и Константин III, т. е. возможности править. Создание новой политической единицы не входило в его планы. Разница с Константином состояла лишь в том, что ему не требовалось признания от императорского двора. Но последнее можно объяснить не столько желанием создать территориальное королевство, сколько подозрениями в отношении Рикимера, вполне естественными со стороны представителя галло-римской знати.

Поэтому термин «Суассонское королевство» был, скорее всего, вольным истолкованием некоторыми современными историками ситуации, описанной Григорием Турским. Исследователи подчеркивают, что последний использовал термин *гех*, говоря об императоре Деции и матери императора Константина Великого Елене¹⁸. Мы не имеем данных о том, какие настроения были у солдат франкского происхождения, когда Эгидий был в живых. Однако известно, что вскоре после его смерти, когда к власти пришел его сын Сиагрий, франки сражались под командованием комита Павла под Анжером, стремясь захватить этот город. Причем, как можно заключить из источников, они сражались либо против саксов Одоакра, каких-то других варваров (например, аламаннов), в изобилии вторгавшихся в пределы Галлии, или, например, готов из Аквитании. В результате этого сражения шансы победить имели саксы под руководством Одоакра и франки под руководством комита. Кто был для них

¹⁶ *Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 1. T. 1. Gregorii episcopi Turonensis Libri Historiarum X / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. Lib. II. Cap. 12.*

¹⁷ *Gregorius Turonensis. Liber in gloria confessorum // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. Cap. 5.*

¹⁸ *Kurth G. Histoire poétique des Mérovingiens. P. 214–215; MacGeorge P. Late Roman warlords. P. 135.*

врагом, узнать не представляется возможным. Таким образом, франки Сиагрия явно не противостояли населению и городскому патрициату галло-римских городов, а, наоборот, выступали в их поддержку. Называть франков под руководством Эгидия «королевством» значило бы идти против источников. Поэтому, наверное, только Рихимер воспринимал поведение Сиагрия как попытку отделиться от центра и игнорировать власть императорского двора. Поэтому считается, что именно он был причиной его смерти, приказав отравить его¹⁹. Отметим парадоксальную ситуацию, при которой за региональные интересы и защиту Галлии от врага выступал военный командир из галло-римской знати, а за полное подчинение регионов императорскому двору, хотя бы и в ущерб немедленной военной стабилизации ситуации в Галлии — военный командир из варваров. Представляется, что задачей Сиагрия было только присвоить себе право быть своего рода наместником империи в Галлии, а не самостоятельным правителем.

В контексте новых исследований о «Суассонском королевстве франков» особенно актуальным становится переосмысление правления Хильдерика, первого франкского короля. Недавно появилась точка зрения, что Хильдерик явно был не только союзником Рима, но и фактически агентом власти империи среди франков²⁰. Считалось, что он был союзником Эгидия в войне последнего против готов в 463 г.²¹ Однако это вновь заставляет исследовать его положение среди франков. Мы знаем, что он обладал достаточным статусом среди франков Суассона и мог претендовать на то, чтобы ими управлять. Более того, Фредегар считал впоследствии, что именно Хильдерик был законным королем франков. Однако ни Григорий Турский, ни Фредегар не раскрывают нам никаких деталей относительно его положения. Учитывая пример Алариха I, следует понимать, что за словами епископа Тура (*regnavit*) могло стоять все, что угодно. Не согласимся с исследователями, которые считают, что он однозначно был королем франков в Суассоне²². Как мы знаем, под термином *гех* могли скрываться целый ряд понятий, от племенного

¹⁹ *Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X. Lib. II. Cap. 18; Lot F., Pfister C., Ganshof F. L. Histoire du Moyen Âge. T. 1. 84. N. 30.*

²⁰ *Lebecq S. The two faces of king Childeic: History, archaeology, historiography // Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organization im Frühmittelalter. Vol. 3 / ed. by W. Pohl, M. Diesenberger. London; New York, 2002. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters.) P. 123.*

²¹ *Lee A. D. From Rome to Byzantium AD 363 to 565: the transformation of ancient Rome. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. P. 126.*

²² *Lebecq S. The two faces of king Childeic: History, archaeology, historiography. P. 123.*

предводителя с функциями сакральности, до правителя Римского образца для варваров на Римской территории. В данном случае можно утверждать, что, по-видимому, франки, которые поддерживали Хильдерика, были не просто сельскими жителями, перебравшимися в окрестности Суассона из-под Рейна. Они могли участвовать в сражениях, например, поддержать Хильдерика в битве при Анжере. Судя по описаниям, это были военные отряды, причем не дружинного типа.

Поскольку они могли сражаться под командованием командиров провинциального, галло-римского происхождения, мы можем заключить, что их статус, скорее всего, был похож на статус визиготов Алариха I или бургундов, участвовавших в сражении при Каталаунских полях в 451 г.²³ Как теперь пишут исследователи, готы в Аквитании, вероятно, несли службу по охране границ и поддержанию порядка и продолжали это делать вплоть до победы Хлодвига при Вуйе в 506/507²⁴. Возможно, они были даже своего рода федератами римской армии, хотя их статус не позволяет судить о формальном включении их в состав какого-либо регулярного римского легиона²⁵. М. Руш предположил, что положение франков определялось договором между ними и Римской империей, который был составлен еще в 359 г. после побед императора Юлиана Отступника²⁶. С этим можно согласиться, если учесть археологические данные. Находки в могиле Хильдерика, состоявшие из большого количества прекрасно обработанных драгоценных вещей, можно считать доказательством того, что он постоянно поддерживал связь с Римской империей. Более того, характер этих находок свидетельствует о том, что Хильдерик не был просто варваром-германцем. Например, в его могиле нашли 300 золотых пчел или жуков, что говорит о сильной религиозной составляющей его захоронения. Эти объекты, безусловно, наводят на мысль о наличии в окружении Хильдерика какого-то средиземноморского культа, хотя нет возможности точно говорить о локализации его происхождения. Хильдерик титуловался королем, что подтверждает его печать²⁷. Современные археологические исследования показали, что фактически Хильдерик сам

²³ *Gregorius Turonensis*. Libri Historiarum X. Lib. II. Cap. 18; *Lot F., Pfister C., Ganshof F. L.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 182.

²⁴ *Périn P.* A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque // *Archéologie Médiévale*. 1981. T. 11. P. 125–145; *Périn P., Feffer L.-C.* Les Francs. T. 1. À la conquête de la Gaule. Paris, 1987. 229 p.

²⁵ *Lot F., Pfister C., Ganshof F. L.* Histoire du Moyen Âge. T. 1. P. 182.

²⁶ *Rouche M.* Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés. Paris: Fayard, 1996. P. 541.

²⁷ *Salatin G., McGregor A., Périn P.* Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances // *Antiquités Nationales*. 2008. T. 39. P. 218.

был, скорее всего, правителем с согласия римлян, и был частью военной машины на тот момент еще императорского Рима²⁸.

Интересно отметить следующий факт: Григорий Турский подчеркивает, что Хильдерик был изгнан франками, следовательно, он не был в полной мере частью социума франков-федератов²⁹. Основателя королевства франков не следует воспринимать как сугубо варварского предводителя племенной дружины или ополчения франков. Можно предположить, что Хильдерик был не племенным вождем, а, скорее, типичным представителем военной элиты лимеса, к которой принадлежали, кроме него, Одоакр, Теодорих и многие другие³⁰. Вероятно, власть не была захвачена им военными средствами, как хотел это подчеркнуть Григорий Турский. Наоборот, она, по всей видимости, была передана ему наместником в провинциях *Belgica I* и *Belgica II* римским генералом Эгидием в 470-е гг.³¹ Исследователи подчеркивают, что захоронение Хильдерика свидетельствует о его тесной связи с Римской империей и о формировании нового типа правителя, а не просто варварского предводителя³². Сюжет, связанный с приходом к власти Хильдерика, демонстрировал не противостояние римлян и франков, а наоборот, глубокое взаимопроникновение империи и варваров и значительное расслоение в кругах последних, статус которых мог варьироваться от генералов служащих Риму легионов федератов до простых варваров-солдат³³. В качестве командира франков, вероятно, обладавших статусом федератов, Хильдерик, по-видимому, поддерживал связи как с варварским миром (о чем свидетельствует его бегство к Базину), так и с римскими правителями. По своему поведению и положению он, безусловно, был представителем новой элиты, интересы которой располагались по обеим сторонам лимеса, и более того, человеком, стремившимся использовать свои связи

²⁸ *Wallace-Hadrill J. M.* The long-haired kings, and other studies in Frankish history. New York: Barnes & Noble, 1962. P. 162; *Werner K. F.* Les Origines. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. (Histoire de France; 1). P. 286; *Werner K. F.* De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3–4, no. 1. P. 4; 174–178; *MacGeorge P.* Late Roman warlords. P. 111–136; *Périn P., Kazanski M.* Das Grab Childerichs I // *Franken Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben*. Mainz: P. von Zabern, 1996.

²⁹ *Gregorius Turonensis*. Libri Historiarum X. Lib. II. Cap. 12.

³⁰ *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes; *Jones A. H. M.* The constitutional position of Odoacer and Theoderic // *The Journal of Roman Studies*. 1962. Vol. 52. P. 127–130; *MacGeorge P.* Late Roman warlords.

³¹ *Rouche M.* Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés. P. 187.

³² *Halsall G.* Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009. P. 169–176.

³³ *Bury J. B.* A history of the later Roman empire. Vol. 1. P. 107; *Bachrach B.* Procopius and the chronology of Clovis' reign // *Viator*. 1971. Vol. 1. P. 21–32.

к востоку от Рейна, чтобы с их помощью укреплять новое королевство франков-федератов на Римской территории, в Суассоне³⁴. Археологические исследования показали, что в период Великого переселения народов в материальной культуре варваров сформировался новый набор культурных ценностей, который, с одной стороны, объединил варваров в одно сообщество, а с другой стороны, помог этому сообществу определиться по отношению к Римской империи³⁵. Можно согласиться с тем, что в эту эпоху у варварских народов создавались новые мифы и символы власти, поскольку история о Хильдерике была, как представляется, именно таким мифом³⁶. Вместе с тем история о Хильдерике позволяет более точно описать протекавшие тогда процессы. Так называемая «варварская культура» III–VI вв., остатки которой мы находим в пограничных с Средиземноморским миром областях, как нам представляется, была по сути своей пограничной культурой. Она возникла как результат взаимовлияний Римской культуры и традиций народов, живших далеко за пределами ойкумены. И как следствие, появился принципиально новый тип правителей, закладывавших фундамент средневекового общества на основе соединения и слияния провинциальной римской и варварской традиций. Именно эту функцию посредника и выполняли первые франкские короли.

Данные о статье:

Автор: Старостин Дмитрий Николаевич, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, d.starostin@spbu.ru

Заголовок: Возникновение королевства франков в контексте взаимоотношений Римской империи и варваров: Хильдерик и проблемы легитимности первых Меровингских правителей.

Резюме: В статье рассматривается начальный период истории франкского королевства и предпринимается попытка переосмыслить правление Хильдерика (ум. ок. 482), первого короля франков, который и по сей день в трудах исследователей остается в тени своего сына Хлодвига. В статье подчеркивается, что королевство франков возникло в результате центробежных тенденций в поздней Западной Римской империи и попыток галло-римской знати восстановить порядок путем создания альянсов с военными командирами, такими как Эгидий, Сиagrius и др. В этом контексте Хильдерик, которого Григорий Турский рассматривал как соперника двух вышеупомянутых генералов, предстает политической фигурой, избранной галло-римской знатью в качестве посредника между ними и варварами, по большей части франками, способного действовать как внутри, так и вне границ Западно-Римской империи.

Ключевые слова: Хильдерик, франки, федераты, Римская империя, варвары.

Information about the article:

Author: Starostin Dmitriy Nikolaevich, PhD (in History), a senior lecturer of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, starostin.dmitry@gmail.com

Title: An Emergence of Frankish Kingdom in Context of Roman Empire and barbarian's Interrelations: Childeric and Problems of Legitimacy of the first Merovingian rulers.

Summary: This articles examines the origins of the Frankish kingdom in the fifth century while trying to make a reassessment of the reign of Childeric (d. ca. 481/482), the first king of the Franks, who had been unjustly mistreated by historians in favor of his better know son Clovis. It suggests that the kingdom of Franks appeared as a result of centrifugal tendencies in the late Roman empire and that it grew out of the attempts of local Gallo-Roman elites to establish order by forming new alliances with military commanders like Aegidius, Siagrius, and others. In this context Childeric, who Gregory of Tours saw as a barbarian rival of the two abovementioned generals and civic administrators, may be seen as a person who was selected by Gallo-Roman elites as a better choice and who was meant to serve as an intermediary between the Gallo-Roman provinces and the barbarians, for the most part Franks, both within and outside Roman boundaries.

Key words: Childeric, the Francs, federates, Roman Empire, barbarians.

Литература, использованная в статье:

Вольфрам, Хервиг. Готы: От истоков до середины VI в. СПб.: Ювента, 2003. 656 с.

Циркин, Юлий Беркович. «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи // Мнемон: Исследования и публикации по истории Античного мира. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. 2013. Т. 12. С. 462–472.

Bachrach, Bernard. Procopius and the chronology of Clovis' reign // *Viator*. 1971. Vol. 1. P. 21–32.

Börm, Henning. Hydatius von Aquae Flaviae und die Einheit des Römischen Reiches im fünften Jahrhundert // *Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts* / hrsg. von B. Bleckmann, T. Stickler. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. S. 195–214.

Bury, John. B. A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.) Vol. 1. London: Macmillan, 1889. 532 p.

Demandt, Aleksander. Der spätrömische Militäradel // *Chiron*. 1980. Jg. 10. S. 609–636.

Demandt, Aleksander. The osmosis of Late Roman and Germanic aristocracies // *Das Reich und die Barbaren* / hrsg. von E. K. Chrysos, A. Schwarz. Wien: Böhlau Verlag, 1989. S. 75–86. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, 29).

Demougeot, Emilienne. Constantin III, empereur d'Arles // *L'Empire romain et les barbares d'Occident / sous la dir. de M. Christol, M. Gayraud.* Paris: Publications de la Sorbonne, 1988. P. 171–213.

Drinkwater, John F. Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC-AD 260. Ithaca, NY.: Cornell University Press, 1983. 268 p.

Drinkwater, John F. The Gallic empire. Separatism and continuity in NorthWestern provinces of the Roman empire A. D. 260–274. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. (Historia Einzelschriften, 52). 276 p.

Drinkwater, John F. The revolt and ethnic origin of the usurper Magnentius (350–353), and the rebellion of Vetrician (350) // *Chiron*. 2000. Vol. 30. P. 131–159.

Drinkwater, John F. The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411/413) // *Britannia*. 1998. Vol. 29. P. 269–298.

Gregorius Turonensis. Liber in gloria confessorum // *MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum*. Bd. 2. T. 1 / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. P. 284–371.

³⁴ *Halsall G.* Barbarian migrations and the Roman West, 376–568. P. 280–287.

³⁵ *Headeger L.* Migration period Europe: The formation of a political mentality // *Rituals of power from Late Antiquity to the early Middle Ages* / ed. by F. Theuws, J. L. Nelson. Leiden, 2000. P. 18.

³⁶ *Headeger L.* Migration period Europe: The formation of a political mentality. P. 51.

Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum. Bd. 1. T. 1. Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. 641 p.

Halsall, Guy. *Barbarian migrations and the Roman West*, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 591 p.

Halsall, Guy. *Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009*. Leiden: Brill, 2010. 417 p. (Brill's series on the early Middle Ages ; 18).

Headeger, Lotte. *Migration period Europe: The formation of a political mentality // Rituals of power from Late Antiquity to the early Middle Ages* / ed. by F. Theuvs, J. L. Nelson. Leiden: Brill, 2000. P. 15–57.

Hydatius. *The chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: two contemporary accounts of the final years of the Roman Empire* / ed. by R. W. Burgess. Oxford: Clarendon Press, 1993. 270 p.

Ioannes Antiochenus. *Historiae fragmenta // Fragmenta historicorum graecorum*. T. 4. Parisiis: A. Firmin Didot, 1851. 538 sqq.

James, Edward. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3–4. P. 9–12.

Jones, Arnold Hugh Martin. *The constitutional position of Odoacer and Theoderic* // *The Journal of Roman Studies*. 1962. Vol. 52. P. 126–130.

Jones, Arnold Hugh Martin. *The decline of the Ancient world*. Burnt Mill: Longman, 1966. 414 p.

Kurth, Godefroid. *Histoire poétique des Mérovingiens*. Paris: A. Picard, 1893. 552 p.

Lebecq, Stéphane. *The two faces of king Childeric: History, archaeology, historiography // Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organization im Frühmittelalter*. Vol. 3 / ed. by W. Pohl, M. Diesenberger. London; New York: VÖAW, 2002. P. 119–132. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters).

Lee, Alan Douglas. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: the transformation of ancient Rome*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 337 p.

Lot, Ferdinand, Pfister, Christian, Ganshof, François Louis. *Histoire du Moyen Âge*. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris: Presses Universitaires de France, 1928. 832 p.

MacGeorge, Penny. *Late Roman warlords*. New York: Oxford University Press, 2002. 347 p.

Périn, Patrick. *A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque* // *Archéologie Médiévale*. 1981. T. 11. P. 125–145.

Périn, Patrick, Feffer Laure-Charlotte. *Les Francs*. T. 1. À la conquête de la Gaule. Paris: A. Colin, 1987. 229 p.

Périn, Patrick, Kazanski, Michel. *Das Grab Childerichs I // Franken Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben*. Mainz: P. von Zabern, 1996. S. 174–178.

Rouche, Michel. *Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés*. Paris: Fayard, 1996. 611 p.

Salaün, Gildas, McGregor, Arthur, Périn, Patrick. *Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances* // *Antiquités Nationales*. 2008. T. 39. P. 217–224.

Sivan, Hagith. *Galla Placidia: the last Roman empress*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 224 p.

Wallace-Hadrill, John Michael. *The long-haired kings, and other studies in Frankish history*. New York: Barnes & Noble, 1962. 261 p.

Wenskus, Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln: Böhlau, 1961. 656 S.

Werner, Karl Ferdinand. *De Childéric à Clovis : antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486* // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3–4, no. 1. P. 3–7.

Werner, Karl Ferdinand. *Les Origines*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 540 p. (Histoire de France, 1).

References:

Volfram Khervig. *Goty: Ot istokov do serediny VI v. [The Goths: from Origins to VI c.]*. SPb.: Yuventa Publ, 2003. 656 c. (in Russian)

Tsirkin Yuliy Berkovich. *"General'skie gosudarstva" na territorii Zapadnoy Rimskoy imperii [Generalship States on the territory of Western Roman Empire]*, in Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii Antichnogo mira. Sbornik statey k 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E. D. Frolova. 2013. T. 12. Pp. 462–472. (in Russian)

Bachrach Bernard. *Procopius and the chronology of Clovis' reign*, in *Viator*. 1971. Vol. 1. Pp. 21–32.

Börm Henning. *Hydatius von Aquae Flaviae und die Einheit des Römischen Reiches im fünften Jahrhundert*, in Bleckmann, Bruno, Stickler, Timo (eds.). *Griechische Profanhistoriker des fünften nachchristlichen Jahrhunderts*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. Pp. 195–214.

Bury John. B. *A history of the later Roman empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.)*. Vol. 1. London: Macmillan, 1889. 532 p.

Demandt Aleksander. *Der spätrömische Militäradel*, in *Chiron*. 1980. Vol. 10. Pp. 609–636.

Demandt Aleksander. *The osmosis of Late Roman and Germanic aristocracies*, in Chrysos, Evangelos, Schwarz, Andreas (eds.). *Das Reich und die Barbaren*. Wien: Böhlau, 1989. Pp. 75–86. (Veröffentlichungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung, 29).

Demougeot Emilienne. *Constantin III, empereur d'Arles*, in Christol, Michel (ed.). *L'Empire romain et les barbares d'Occident*. Paris, 1988. Pp. 171–213.

Drinkwater John F. *Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC-AD 260*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983. 268 p.

Drinkwater John F. *The Gallic empire. Separatism and continuity in NorthWestern provinces of the Roman empire A. D. 260–274*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1987. (Historia Einzelschriften, 52). 276 p.

Drinkwater John F. *The revolt and ethnic origin of the usurper Magnentius (350–53), and the rebellion of Vetrico (350)*, in *Chiron*. 2000. Vol. 30. Pp. 131–159.

Drinkwater John F. *The Usurpers Constantine III (407–411) and Jovinus (411/13)*, in *Britannia*. 1998. Vol. 29. Pp. 269–298.

Gregorius Turonensis. *Liber in gloria confessorum*, in Krusch, Bruno (ed.). *MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum*. Bd. 2. T. 1. 2. Aufl. Hannover, 1951. Pp. 284–371.

Gregorius Turonensis. *Libri Historiarum X*, in Krusch, Bruno (ed.). *MGH Scriptorum Rerum Merovingicarum*. Bd. 1. T. 1. Gregorii episcopi Tvronensis Libri Historiarum X. 2. Aufl. Hannover, 1951. 641 p.

Halsall Guy. *Barbarian migrations and the Roman West*, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 591 p.

Halsall Guy. *Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009*. Leiden: Brill, 2010. 417 p. (Brill's series on the early Middle Ages; 18).

Headeger Lotte. Migration period Europe: The formation of a political mentality, in Theuws, Frans, Nelson, Janet Laughland (eds.). *Rituals of power from Late Antiquity to the early Middle Ages*. Leiden: Brill, 2000. Pp. 15–57.

Burgess, Richard W. (ed.). Hydatius. *The chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana: two contemporary accounts of the final years of the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 270 p.

Ioannes Antiochenus. *Historiae fragmenta*, in *Fragmenta historicorum graecorum*. T. 4. Parisiis: A. Firmin Didot, 1851. 538 sqq.

James Edward. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons, in *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3–4. Pp. 9–12.

Jones Arnold Hugh Martin. The constitutional position of Odoacer and Theoderic, in *The Journal of Roman Studies*. 1962. Vol. 52. Pp. 126–130.

Jones Arnold Hugh Martin. *The decline of the Ancient world*. Burnt Mill: Longman, 1966. 414 p.

Kurth Godefroid. *Histoire poétique des Mérovingiens*. Paris: A. Picard, 1893. 552 p.

Lebecq Stéphan. The two faces of king Childeric: History, archaeology, historiography, in Pohl, Walter (ed.). *Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organization im Frühmittelalter*. Vol. 3. London; New York: VÖAW, 2002. Pp. 119–132. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters.)

Lee Alan Douglas. *From Rome to Byzantium AD 363 to 565: the transformation of ancient Rome*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 337 p.

Lot Ferdinand, Pfister Christian, Ganshof François Louis. *Histoire du Moyen Âge. T. 1. Les destinees de l'Empire en Occident de 395 à 888*. Paris: Presses Universitaires de France, 1928. 832 p.

MacGeorge Penny. *Late Roman warlords*. New York: Oxford University Press, 2002. 347 p.

Périn Patrick. A propos des publications récentes concernant le peuplement en Gaule à l'époque mérovingienne: la question francque, in *Archéologie Médiévale*. 1981. T. 11. Pp. 125–145.

Périn Patrick, Feffer Laure-Charlotte. *Les Francs. T. 1. À la conquête de la Gaule*. Paris: A. Colin, 1987. 229 p.

Périn Patrick, Kazanski Michel. Das Grab Childerichs I, in *Franken Wegbereiter Europas: vor 1500 Jahren: König Chlodwig und seine Erben*. Mainz: P. von Zabern, 1996. Pp. 174–178.

Rouche Michel. *Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés*. Paris: Fayard, 1996. 611 p.

Salaün Gildas, McGregor Arthur, Périn Patrick. Empreintes inédites de l'anneau sigillaire de Childéric Ier: état des connaissances, in *Antiquités Nationales*. 2008. Vol. 39. Pp. 217–224.

Sivan Hagith. *Galla Placidia: the last Roman empress*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 224 p.

Wallace-Hadrill John Michael. *The long-haired kings, and other studies in Frankish history*. New York: Barnes & Noble, 1962. 261 p.

Wenskus Reinhard. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes*. Köln: Böhlau, 1961. 656 p.

Werner Karl Ferdinand. De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486, in *Revue archéologique de Picardie*. 1988. T. 3–4, no. 1. Pp. 3–7.

Werner Karl Ferdinand. *Les Origines*. Paris: Librairie Arthème Fayard, 1984. 540 p. (Histoire de France, 1).

ББК 63.3(0)4; УДК 94(495).01

А. Ю. Митрофанов

АВАРСКИЙ «ПОТОП»: 580–626 гг.

История аваро-византийского противостояния на Балканах принадлежит числу наиболее драматических эпизодов истории раннего Средневековья. Кровавая борьба, длившаяся почти полвека, на определенном этапе поставила под вопрос дальнейшее существование Византийской империи¹. Эта борьба, пусть и на короткое время, превратила Аварский каганат в сильнейшую военную державу в Центральной и Восточной Европе. Современный румынский исследователь предложил именовать войны аваров на Балканах аварским «блицкригом»². При всей неуместности использования подобных эпитетов для обозначения военно-политических реалий Средневековья мы последуем примеру указанного исследователя. С культурно-исторической точки зрения было бы правильнее обозначить аварское нашествие на Балканы термином «потоп», хорошо известным польской историографии. К сожалению, источники, сохранившие сведения по истории аваро-византийских войн, достаточно фрагментарны. Многие детали событий приходится реконструировать по аналогии. Тем не менее захватывающая панорама аваро-византийского противостояния, которая вырисовывается на основании изложения Менандра Протектора, Феофилакта Симокатты, Феофана Исповедника, оставляет яркий след в сознании историка. Указанные источники необходимо дополнить материалами документального характера, а именно, византийскими военными реляциями, которые сохранились, пусть и в переработанном виде, в рассказе автора Пасхальной Хроники о событиях аварской осады Константинополя

¹ Pohl W. Die Awaren: Ein Steppenvolk im Europa, München, 2002, 18–57; Th. Olajos, La Chronologie de la dynastie avare de BAIAN, in *Revue des études byzantines*, 34 (1976), 151–158.

² Curta F. Avar Blitzkrieg, Slavic and Bulgar Raiders and Roman Special Ops: Mobil Warriors in the 6th Century Balkans, (2015), 69–79; F. Curta, The Slavic Lingua Franca (Linguistic Notes of an Archologist Turned Historian), in *East Central Europe* 31. 1. 2004. 134–135.

летом 626 г., а также в сборнике агиографического характера, известном как «Чудеса святого Димитрия». Определенную ценность для истории аваро-византийских войн имеет также поэтическое произведение Георгия Писиды *De Bello Avarico*, представляющее собой панегирик императору Ираклию, личные воспоминания Федора Синкелла — очевидца осады.

Авары и Тиберий

Заключение мира между аварами и Византией в 570 г. способствовало ухудшению отношений между империей и Тюркским каганатом. Менандр Проектор сообщает о том, что посольство Валентина, направленное одному из младших тюркских ханов — Тюрксанфу, закончилось неудачей. Тюркский князек угрожал императорским послам расправой и ставил в вину ромеям мир с вархонитами. Кратковременное сотрудничество между Аварским каганатом и Византийской империей, защита вооруженными силами ромеев ограбленных аварских посланников, раздражало тюрок, устремивших алчные взоры на Запад. В 576 г. Тюркский каганат бросил полчища закованных в латы конников за Волгу, к Меотиде и на Боспор Киммерийский. Взятие Боспора обеспечивало правый фланг тюркской армии, наносившей удар на Северный Кавказ. Кара Чурин Тардушхан, сын великого Истеми-кагана, свидетельствовал в письме императору Маврикию, что тюркюты истребили в этом походе до трехсот тысяч жителей Колхиды — убитые лежали вдоль дорог на протяжении четырех дней пути³. Столь страшный масштаб бедствия, вероятно, намного превосходивший ужасы как древнего сарматского, так и относительно недавнего гуннского завоевания Скифии, потряс современников. В определенном смысле он стал прообразом будущих трагических событий монгольского нашествия XIII в.⁴ Как полагал Л. Н. Гумилев, массовое уничтожение жителей Колхиды, было произведено при отступлении Тюркского войска. По его мнению, убитые были пленниками, поэтому их тела устилали собой дорогу, по которой отходили тюркюты (166 км = четыре дня пути)⁵.

Трудно предположить, как развивались бы взаимоотношения между Аварским каганатом и Византийской империей, если бы тюркюты обогнули Черное море, вышли на Дунай и вторглись на Балканы. Вероятно, единственным шансом Аварского каганата и империи ромеев, в таком

³ Theophyl. Sim. Hist. VII, 8, 7.

⁴ Willielmus de Rubruquis, Itinerarium, Adelaide, 2014, 1. По свидетельству Рубрука половцы, ворвавшиеся в Крым, спасаясь от монголов, так сильно страдали от голода, что разрывали зубами трупы людей и животных.

⁵ Гумилев Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский Временник, 1965, (26), 67–76; *Moravcsik G. Byzantinoturcica*. Berlin, 1958. I, 41–43.

случае, было бы заключение оборонительного союза, а подобный союз подтолкнул бы Тюркского кагана к примирению с Сасанидским Ираном — главным врагом тюркютов в Средней Азии после разгрома государства эфталитов. Однако наступление тюркютов в Предкавказье выдохлось и иссякло главным образом из-за междоусобицы, начавшейся в самом Тюркском каганате после смерти кагана по имени Тобо-хан в 581 г.

Исчезновение тюркской угрозы вновь обострило противоречия между Аварским каганатом и Византийской империей. Менандр сообщает о том, что около 581 г. каган Баян, получив ежегодную дань от императора Тиберия в размере восьмидесяти тысяч золотых солидов через посланника Таргития, разорвал мирный договор с империей постыдным и варварским образом. Баян со всем войском (вероятно, с вархонитской дружиной и рабами-кутригурами) вышел к реке Саве между Сирмием (Сремска Митровица) и Сингидуном (Белград) и начал наводить понтонный мост для переправы. Начальник сингидунского гарнизона по имени Сиф, а также архиерей города, отправили посольство кагану с выражением недоумения. В ответ Баян сообщил, что отдал приказ наводить мост с целью переправы и последующего удара по славянам, которые уже за несколько лет до описываемых событий совершили набег на Элладу и угрожали ромеям. Баян с притворным почтением принял присланные епископом Сингидуна священные христианские книги, однако работы по наведению моста продолжались⁶. Каган отправил в Константинополь посольство, члены которого вновь объяснили притворную цель моста через Саву. Император Тиберий попытался напугать послов, сообщив им о том, что тюркские войска уже расположились станом у Херсониса, в то время как Баян стянул свои силы к Саве. Однако слова императора ни к чему не привели, мост был построен, а затем Баян, переправив свои полчища на правый берег, открыто потребовал Сирмий через посла по имени Солах⁷.

Изложение Менандра сохранилось фрагментарно, однако логика последующих сообщений свидетельствует о том, что Сирмий был осажден аварами, попытки ромейского полководца Феогнида деблокировать город провалились, к Баяну подошли подкрепления из-за Савы под командованием авара по имени Апсих, Соломон — начальник гарнизона Сирмия был пассивен, и в результате, Феогнид был вынужден пойти на переговоры. Переговоры происходили на острове. Каган Баян *«приехал туда верхом, слез с коня. Поставлено было для него золотое седалище, на которое он сел, а из тканей, украшенных камнями, устроен был ему род шатра.*

⁶ Menand. Fr. 65.

⁷ Menand. Fr. 66.

Вместо огады держали перед грудью и перед лицом его щиты, чтобы римляне случайно в него вдруг не выстрелили»⁸. Переговоры провалились, население Сирмия жестоко страдало от лишений и голода, употребляя в пищу отбросы, последующее сражение под стенами Сирмия было проиграно ромеями, что обрекало город на неизбежную сдачу. Капитуляция Сирмия, описанная Менандром в утраченной части сочинения, привела к заключению непрочного мира. Унизительные условия, навязанные Баяном Тиберию, предполагали одновременную выплату аварам восьмидесяти тысяч золотых солидов, а затем ежегодную выплату эквивалентной суммы серебром и разноцветными тканями (по-видимому, шелковыми). Сверх того, Баян начал после заключения договора требовать новых даров. В частности, каган захотел иметь у себя в хринге индийских слонов, а когда слоны были доставлены в Темешвар из Константинополя, деспот разочаровался и повелел отправить животных обратно. Затем, каган пожелал получить от Тиберия в дар ложе из чистого золота, но увидев подарок, также отослал его как недостаточно роскошный. Часть несметной добычи и дани, стекавшейся аварам, вероятно, прятали. Именно таким образом можно объяснить происхождение знаменитого клада из Надь-Сент-Миклош, если, конечно, он действительно имеет аварское происхождение. Данный вопрос имеет принципиальное значение для разрешения проблемы этнического происхождения аваров, так как дешифровка «Надписи Буйлы», выдвинутой на сосуде № 21 из клада, при помощи материалов огурских и тунгусо-манчжурских языков проливает свет на этнический характер аварской знати⁹.

Наконец, Баян, явно искавший повод к продолжению войны, потребовал вдобавок к уже имевшимся выплатам дани еще двадцать тысяч золотых ежегодно. Терпение ромеев иссякло, и новый император Маврикий (с 13 августа 582 г.) отказал Баяну. Тогда, по словам Феофилакта, каган «тотчас подняв трубу, любезную битвам, стал собирать свои силы».

Авары и Маврикий

История аваро-византийских войн в изложении Феофилакта представляет собой достаточно запутанное повествование. Феофилакт — секретарь

⁸ Menand. Fr. 65 / Пер. С. Дестуниса.

⁹ *Ryna-Tás A.* The Inscriptions of the Nagyszentmiklós Treasure, in *The Gold of the Avars: The Nagyszentmiklós Treasure. The Exhibition of the Magyar Nemzeti Múzeum*, 24 March – 30 June 2002, Budapest, 41, 120–129; *Мудрак О. А.* Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош, in *Orientalia et Classica*. М., 2005. Вып. 6, 81–103; *Хелимский Е.* Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Люблина. 15–21 августа 2003. Гамбург, 2003, 3–12.

императора Ираклия, не обладая личным опытом боевых действий против аваров, описывал события аварских войн спустя много десятилетий в 630-е гг. Балканские провинции империи были в то время давно потеряны, поэтому историк не только путался в хронологии событий, но не был достаточно точен даже в географии. По мнению исследователей творчества Феофилакта, важным источником при описании боевых действий на Балканах были записки одного из офицеров византийской армии — участника кампании, близкого к стратегу Приску. Причем автор записок был явно тенденциозен, превозносил Приска и принижал способности других византийских военачальников — Коментиола и Петра. Еще одним источником Феофилакта, вероятно, был журнал боевых действий дунайской армии, содержащий многочисленные детали боевых операций¹⁰.

Последовательность действий сторон после 583 г. разворачивается в повествовании Феофилакта с калейдоскопической быстротой и свидетельствует о полном крахе дунайской линии обороны Византийской империи. Не считаясь с потерями, Баян нанес мощный удар и овладел Сингидуном (Белград), Августами, Вимикием (Чаир), разорил Анхиал (Поморие), пощадив лишь гроты над знаменитыми Бургасскими целебными источниками (древнеримские *Aquae Calidae*), в которых теперь купались жены кагана. Очевидно, авары к этому времени заметно цивилизовались под влиянием романского населения Паннонии, активно практиковавшего водную терапию и соленые ванны. Маврикий, не имевший значительных сил для защиты Фракии, — главные силы византийской армии находились в это время в Сирии на персидском театре, — пошел на переговоры. К Баяну были отправлены Эллидий и Коментиол, которые начали длительные собеседования. Баян угрожал дойти до Константинополя и срыть «Длинные стены». В итоге был заключен мир, по условиям которого ромеи обязались платить еще двадцать тысяч золотых монет вдобавок к уже полагающимся по предыдущему договору восьмидесяти тысячам. Впрочем, мир длился недолго. Через некоторое время каган вновь нарушил договор, но сделал это, по словам Феофилакта «*обманным и преступным образом*». Баян направил во Фракию массы вооруженных славянских воинов, вероятно, сформированные из славянского населения среднего Дуная — аварских данников¹¹.

Набеги славян и антов на внутренние области Византийской империи фиксируются с конца V в. По свидетельству Прокопия Кесарийского славянские нападения на Иллирик и другие европейские провинции были

¹⁰ Свод II. 1995. 101–103; *Th. Olajos.* Les sources de Theophylacte Simocatte, historien. Leiden; New York; Copenhagen, 1988. 127–145.

¹¹ По мнению Н. В. Пигулевской.

настоящим бедствием для империи в 540-е гг.¹² За десять с лишним лет до описываемой аваро-византийской войны ниже-дунайские славяне, не подчинявшиеся аварам, опустошали Элладу. Однако на сей раз славянское наступление было тщательно спланировано Баяном и имело целью Константинополь. Славяне сумели дойти до «Длинных стен» и совершенно разорить окрестности. Император Маврикий был вынужден лично руководить обороной подступов к городу, в то время как Коментиол с подкреплениями атаковал славянские полчища у реки Эргиния — притока Гебра (Марица) и разбил их. В конце лета 583 г. Коментиол настиг крупный славянский отряд под предводительством Ардагаста около Адрианополя, разгромил его и гнал до Астики (недалеко от Филиппополя)¹³. С наступлением осени авары нарушили формальное перемирие и возобновили открытые боевые действия. По свидетельству Феофилакта поводом для этого стало укывательство на территории Византийской империи беглого гепида по имени Боколабр, вступившего в преступную связь с одной из жен Баяна, а также семерых его друзей. Гепиды были захвачены ромейским патрулем в низовьях Дуная в то время, как они направлялись на северо-восток в Леведию — так по угорски называлась область в междуречье Днестра и Дона, некогда принадлежавшая аланам, но теперь захваченная болгарскими и угорскими племенами, теснимыми тюркютами. Кроме того, император Маврикий приказал схватить Таргития — аварского посла, в очередной раз прибывшего в Константинополь требовать дань, и сослать его на остров Халкитиду. Войска Баяна, ядром которых была вархонитская латная конница¹⁴, отличались поразительной маневренностью. В течение осени 583 г. они взяли и разорили Ратерию (Арчар), Бононию (Видин), Акис (Видровград), Доростол (Силистрию), Залдапу (Варна), Паннасы, Маркианополь (Девна) и Тропей (Адамкиси)¹⁵.

К сожалению, события 583–587 гг. на аварском театре боевых действий не были освещены Феофилактом, который перешел к описанию персидской войны, происходившей в эти же годы. Учитывая то обстоятельство, что основные силы Византийской империи по-прежнему находились в Сирии и Месопотамии, вероятно, на Балканах ромеи перешли к обороне, развязав руки Баяну. Хронологическая лакуна может быть отчасти заполнена сведениями «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Сирийский историк, повествуя о событиях первых лет правления Маврикия, отмечал, что *«опять восстал на народ ромеев дикий народ*

¹² Procop. De Bello Gothico VII, 14; 29; 38; VIII, 25, Anecd. XIV, 18, 20.

¹³ Theophyl. Sim. Hist. I, 7.

¹⁴ Menand. Fr. 50.

¹⁵ Theophyl. Sim. Hist. I, 8.

*варваров, мерзких, с заплетенными волосами. Они — те, которых зовут авары, — выплеснулись и вышли с востока. А также восстал еще народ западный — славяне, и еще иные народы, называемые лангобарды: ведь они также были в подчинении у кагана, царя аваров»*¹⁶. Иоанн Эфесский упомянул, что авары и славяне дошли до Коринфа. После взятия города каган использовал киворий местной церкви в качестве шатра. Т. Олайош датировала взятие Коринфа аварами 585 г.¹⁷ При взятии Анхиала каган одел захваченное в термах парадное одеяние императрицы Анастасии — супруги Тиберия.

В 587 г. Коментиол находился в Анхиале (Поморие) и сосредоточил там крупные силы, очевидно, используя морское сообщение с Константинополем. Как повествует Феофилакт, Коментиол разделил свою армию числом около шести тысяч воинов на три части: сам он возглавил центр, правый фланг — Мартин, левый фланг — Каст. Баян располагался со своей армией севернее по черноморскому побережью в городе Томис (Констанца) и контролировал Нижнюю Мезию. Как следует из рассказа Феофилакта, стратегический замысел византийского командования заключался в том, чтобы обойти Баяна с запада через горы Гема (массив Стара-Планина), прижать к морю, а затем атаковать с двух сторон: с запада и с юга. Реализовать план не удалось из-за пассивности самого Коментиола, однако Баян был вынужден начать отступление вглубь Мезии, вероятно, опасаясь быть отрезанным от своих тылов за Дунаем. В ходе сложного маневрирования византийское командование попыталось еще раз окружить Баяна в теснинах Гема, однако в одной из стычек отряд ромеев под командованием Каста был разбит, а сам таксиарх попал в плен к Баяну. Кампания была проиграна, едва начавшись, а авары атаковали Фракию. Очень скоро каган захватил Месемврию, таксиарх Ансимут, командующий пехотным отрядом, защищавшим Фракию, попал в плен, а остатки его войска бежали к «Длинным стенам», в то время как Коментиол собирал свои рассеявшиеся отряды по лесам в горах Гема. Попытка неожиданно атаковать Баяна под прикрытием ночи возле крепости Ливидургон между Анхиалом и Маркианополем провалилась из-за паники, охватившей войско Коментиола. Паника была вызвана тем, что мул, шедший в колонне ромеев, уронил поклажу, которая загородила дорогу и привела к столпотворению в темноте. Вскоре Баян захватил крепость Аппиарию, хотя, по мнению Ю. Кулаковского, это произошло еще в самом начале войны. Там некий пленный ромей по имени Бусас научил аваров использовать при осаде гелепопы.

¹⁶ Свод I. 1994. 284–285.

¹⁷ Свод I. 1994. 289.

Изложение Феофилакта во многом носит дилетантский характер, ибо наш историк, не обладавший военным опытом в отличие от таких своих предшественников, как Прокопий и Арриан, излагает ход боевых действий весьма сбивчиво. Не обладает его повествование ни документальной точностью, ни стремлением к передаче подробностей, характерным для Менандра. Однако на основании сведений, сообщенных Феофилактом, можно сделать вывод о том, что аварское наступление во Фракии стало выдыхаться. Баян последовательно осаждал Верою (Стара-Загора), Диоклетополю, Филиппополю (Пловдив) и Адрианополю (Эдирне), видимо, активно маневрируя конницей. Однако каждый раз местные ромейские гарнизоны отбивали приступ. В итоге Баян потерпел серьезное поражение под стенами Адрианополя, который был деблокирован прибывшей армией во главе с ипостратигом Дроктоном — лангобардом по происхождению. В разгоревшемся полевым сражении авары были разгромлены. Дроктон применил характерную для самих аваров тактику притворного отступления, а затем ударил по войскам Баяна всеми силами и рубил бегущих, воздержавшись, впрочем, от длительного преследования¹⁸. После этого поражения Баян заключил мир, по которому, вероятно, вернул империи Сингидун и Сирмий.

Новая война вспыхнула через несколько лет. В 592 г. император Маврикий, развязавший себе руки заключением мира с персами, отверг очередные требования денег, выставленные каганом. Маврикий лично прибыл во Фракию, и как сообщает Феофилакт, заключил договор с послами Теодориха II, короля Австразии и Бургундии. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой договор с франками был заключен позже в 595 г., а рассказ о нем Феофилакта представляет собой интерполяцию. Баян, готовя новое наступление на территорию Византийской империи, приказал подвластным славянам навести переправу для своей армии через Дунай в районе Сингидуна. Так как ромейский гарнизон и местные жители препятствовали работам, Сингидун пришлось осаждать.

Мы уже неоднократно сталкивались с ситуациями, при которых славяне либо враждовали с аварами, либо, напротив, служили кагану и использовались им в набегах на Византийские провинции. Если анты, потерпевшие тяжелые поражения от аваров в самом начале их наступления в Восточной Европе, так и не смирились с зависимостью, то значительное количество славянских племен, сконцентрированных к северу от среднего течения Дуная, несомненно, признало власть каганата. Источники содержат недвусмысленные указания на то, что некоторые славянские племена подвергались безжалостной эксплуатации и нестерпимому гнету со сто-

¹⁸ Theophyl. Sim. Hist. II, 8–17.

роны аваров. В частности, франкский хронист Псевдо-Фредегар, рассказывая о событиях 623 г., связанных с восстанием Само против Аварского каганата, пишет о том, что «Славяне уже начали восставать против аваров, разновидности гуннов, и их короля Кагана. Венеды (западные славяне. — А. М.) издревле были бефульками гуннов, так что когда гунны шли с войском против какого-либо народа, гунны становились около лагеря, выставив вперед войско славян, а венеды сражались. Если славяне одолевали, тогда гунны атаковали, чтобы захватить добычу, если же венеды проигрывали, гунны, воздерживаясь от оказания помощи, сберегали силы. Поэтому они получили наименование бефульков от гуннов, потому что они шли перед гуннами во время столкновения двух боевых линий, сражаясь в доспехах. Гунны каждый год приходили к славянам на зимовку, пользовались женами и дочерьми славянских... Сыновья гуннов, которых те породили от жен и дочерей венедов, не имея сил переносить такое зло и угнетение, как я упомянул, свергнув господство гуннов, начали восстание»¹⁹.

Е. Хелимский, полагал, что термин *befulci*, использованный Псевдо-Фредегаром, является не чем иным, как латинизированной формой германского термина *Beivolk* — побочный народ. При этом, однако, Е. Хелимский предлагал возможные альтернативные варианты этимологии в рамках своей гипотезы о тунгусо-маньчжурском происхождении аварского языка — в частности, эвенкийскую и нанайскую этимологию²⁰. Сообщение Псевдо-Фредегара находит полное подтверждение в Лаврентьевской летописи, автор которой пишет об аварах/обрах не менее красноречиво: «В си же времена быша и *Вбри* иже ходиша на *Арѣклиа* царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на *Словене* и примучиша *Дулебы* суцае *Словены* и насилие творяху женам *Дулебским*. Аще поехати будяше *Вбрину* не дадяше *въпрячи* коня ни вола, но веляше *въпрячи* г. или д. или е. ли жен в телегу и повести *Вбрена* и тако мучаху *Дулебы*. Быша бо *Вбре* телом велици и умом горди и *Бъ* потреби я...»²¹. В дальнейшем славяне будут продолжать службу в войсках Аварского каганата в качестве воинов-рабов вплоть до знаменитой осады Константинополя летом 626 г.

Кампании 590-х гг. достаточно подробно описаны Феофилактом, в силу чего подробный пересказ его повествования представляется нам излишним. Основные события заключались в том, что Баян вскоре снял осаду с Сингидуна, перебросил свою дружину к Сирмию и форсировал

¹⁹ Fredegarius. Chronica. XLVIII.

²⁰ Хелимский Е. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология: материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов. Любляна. 15–21 августа 2003. Гамбург, 2003. 3–12.

²¹ ПСРЛ. 1997. I. Л. 3 об.

Саву. Затем где-то до наступления осени 593 г. каган начал наступление на Фракию. Во главе армии ромеев находился талантливый полководец Приск, заместителем которого был ипостратиг Сильван. В начале, Сильван успешно препятствовал аварам перейти Балканский хребет через перевал Проклианы, однако, затем уstraшенный численностью полчищ кагана, отступил вглубь страны. Баян осадил фракийский город Тзурулл (Чорлу), однако Маврикий вскоре вынудил кагана снять осаду и отступить обратно к Дунаю, подослав к аварам подставного гонца с фальшивым письмом, адресованном стратегу Приску. В письме говорилось о запланированном походе византийской армии за Дунай с целью грабежа и разорения собственной аварской территории. Весной 594 г. Приск начал поход на Доростол (Силистрия), преследуя цель разгромить славянские отряды Ардагаста, вассальные кагану и, возможно, переправиться через Дунай в его нижнем течении. Поход был в целом удачен, и славяне терпели одно поражение за другим. Баян, встревожившись успехами Приска, по совету Таргития пошел с ним на переговоры. Приск послал Баяну своего врача Федора, и в результате переговоров каган гарантировал византийскому войску свободный проход через подконтрольные ему территории при условии возвращения пяти тысяч пленных славян. Условия были выполнены, и Приск беспрепятственно отступил на ромейский берег Дуная²².

Император Маврикий был разгневан на Приска из-за договора с аварами и сместил его, заменив стратегом Петром. Петр продолжал уничтожать шайки славян и болгар, разорявших Нижнюю Мезию. Весной 596 г. Приск вновь оказался во главе балканской армии в виду больших потерь, понесенных ею в период командования Петра. Форсировав Дунай, он занял город Верхние Нолы (Стаклен). Баян разгневался, узнав о маневрах ромейской армии, и заявил, что ромеи утратили право на задунайские земли по праву войны. Конфликт вспыхнул с новой силой. Каган захватил и разорил Сингидун, а Приск перебросил свою армию к городу, сконцентрировав его на острове Синга (возле совр. Винче) в тридцати милях от Сингидуна. После серии безрезультатных переговоров Приску удалось выбить аваров из города, отправив отряд ромеев в лодках по реке во главе с таксиархом Гудуином. В следующем 597 г. Баян совершил рейд на территорию Даламатии, по-прежнему удерживая основные силы за Дунаем в районе Сингидуна, укрепления которого восстанавливал Приск. В течение 598 г. и до осени 599 г. война носила позиционный характер: аварская и ромейская армии были разделены Дунаем и Савой в районе Сингидуна. Осенью 599 г. Баян собрал крупные силы и атаковал Томис (Констанца) на черноморском побережье. Началась осада, приведшая

²² Theophyl. Sim. Hist. VI. 4–11.

к сильному голоду среди защитников города. Именно в это время, в канун Пасхи 600 г., произошла удивительная история, описанная Феофилактом, достойная рыцарских романов эпохи Крестовых походов. Баян предложил голодавшему ромейскому гарнизону пятидневное перемирие и прислал перед Пасхой в город повозки с продовольствием. В ответ Приск отправил кагану индийские пряности. После Пасхи авары сняли осаду Томиса, после чего Баян начал наступление в западном направлении на Никополь (Стари Никип). Около города Иатра, располагавшегося вблизи впадения реки Янтра в Дунай, авары столкнулись с византийской армией под командованием Коментиола. Завязавшееся сражение закончилось бегством Коментиола, открывшего Баяну путь на Константинополь. В столице началась паника, однако Баян не смог начать поход из-за поразившей аварское войско эпидемии. В начале лета 600 г. между каганатом и империей в очередной раз был подписан мир. По условиям договора границей между государствами был признан Дунай, переходить который обе стороны могли только в случае вооруженного вторжения славян. Кроме того, Маврикий согласился выплатить Баяну требуемые двадцать тысяч золотых солидов²³.

Мир продлился недолго. Византийская империя собиралась с силами для нанесения решительного удара по Аварскому каганату и вассальным славянам. Примерно в конце лета 600 г. Коментиол, набравший тяжеловооруженное войско, выступил из Константинополя и соединился с армией Приска в Сингидуне. Оставив Коментиола на острове Виминачий, Приск форсировал Дунай, разбил на левом берегу укрепленный лагерь и подготовился отразить войска аваров, находившиеся под командованием четырех сыновей Баяна. Сам каган опустошал в это время приграничные территории империи. В нескольких развернувшихся у Дуная сражениях Приск сумел нанести аварам сокрушительное поражение. Как утверждает Феофилакт, цитируя, вероятно, журнал дунайской армии, ромеи уничтожили в этих боях более двадцати тысяч аварских воинов, включая сыновей Баяна. Затем Приск вышел к реке Тиссе и разгромил новое аварское войско, атаковав лагерь, полный пьяных варваров. В течение месяца непрерывных боев потери аваров достигли тридцати тысяч убитыми, трех тысяч пленными, кроме того, ромеями был уничтожен крупный отряд славян, каковых было захвачено в плен около восьми тысяч. Никогда еще византийская армия не одерживала столь крупных побед над аварами. Каган, удрученный поражениями, начал переговоры с императором Мавриkiem о выдаче пленных, собранных в Томисе. Тем временем, Коментиол выступил со своим войском по древнеримской военной дороге, построенной императором Траяном, в сторону города Дева (Трансильвания). Однако

²³ Theophyl. Sim. Hist. VII. 1–15.

неподготовленная к маршу в условиях наступавшей зимы 600/601 г. армия Коментиола понесла тяжелые потери от морозов и вынуждена была вернуться на территорию империи.

Боевые действия между ромеями и аварами сохраняли пассивный характер вплоть до августа 601 г., хотя ромей, по-видимому, не удержали захваченные Приском плацдармы на левом берегу Дуная. Летом 601 г. Маврикий вновь назначил Петра командующим византийскими силами в Европе. Осенью 601 г. в Дардании войска Петра столкнулись с аварскими отрядами Апсиха, однако вместо сражения вновь начались изнурительные переговоры о мире. Сам Баян тем временем занялся окончательным истреблением антов, присутствие которых в низовьях Дуная представляло смертельную угрозу для каганата, особенно в виду успехов ромейского оружия. В аварском лагере начиналось брожение, после блистательных побед Приска часть подвластных кагану племен была не против того, чтобы перейти на сторону Византийской империи. Летом 602 г. император Маврикий настаивал на том, чтобы Петр переправился со всей армией через Дунай, перенес войну на территорию Аварского каганата и провел зиму на территориях славянских племен за Истром. В ответ на требования императора началось восстание балканской армии, зачинщики которого провозгласили императором Фоку и начали поход на Константинополь. Ромей не воспользовались плодами своих побед на Дунае, а Византийская империя вступала в новый драматический период своей истории²⁴.

Аварский «Потоп» и Ираклий

После убийства Маврикия и захвата власти Фокой в империи начался террор, жертвой которого пали многие военачальники, в частности Коментиол. Хосров II Парвиз, шахиншах Ирана, воспользовался свержением Маврикия как поводом для массированного вторжения в восточные провинции империи. В течение нескольких лет персы захватили Сирию, Палестину, в 614 г. взяли Иерусалим и вывезли в Ктесифон Животворящее Древо креста — символ и главную святыню Византийской империи. Вскоре под ударами персидской армии пал Египет. Персидские разъезды достигали Халкидона, а Сасанидский Иран расширил свои границы почти до пределов древней Ахеменидской державы. Византийские войска на Востоке терпели поражение за поражением. Восстание экзарха Африки, армянина Ираклия в 610 г., свержение Фоки и захват власти Ираклием, сыном экзарха, не изменили внешнего положения империи. Совершенно естественно, что оставшаяся без надежного прикрытия дунайская граница была без особого труда прорвана аварами и славянами, после чего в Илли-

²⁴ Theophyl. Sim. Hist. VIII. 2–8.

рик, Фракию и Элладу с неудержимой силой хлынул аваро-славянский потоп. Источники, содержащие сведения об этих трагических для империи событиях, не многочисленны. Феофан отмечает в «Хронографии», что свергнувший Фоку Ираклий *«нашел совершенный упадок в римском управлении. Европу опустошали варвары. Азию всю заняли персы»*²⁵. В 617 г. авары в очередной раз вторглись во Фракию. Ираклий просил мира у кагана, не имея никаких сил воевать на два фронта: против каганата и против Ирана. Каган — вероятно, ближайший преемник Баяна, согласился, но в день встречи утром устроил засаду. Как только Ираклий выехал со свитой за «Длинные стены», авары с яростью устремились на императора, поправ клятву и договор. Каким-то чудом Ираклий успел скрыться за стенами, чуть ли не бегом, бросив свиту, императорское облачение и приготовленные для кагана сокровища²⁶. В 615/616 г. и 618 г. авары и подвластные им славяне осадили Фессалонику и вели упорные атаки городских стен, ярко описанные в агиографическом сборнике «Чудеса святого Димитрия».

Научный комментарий «Чудес» ставит перед исследователями ряд проблем. Во-первых, сборник был составлен во второй половине VII в., когда Мезия, Иллирик, Фракия, и даже значительная часть Эллады были давно потеряны империей²⁷. Можно ли доверять его сообщениям? Вероятно, можно в той степени, в какой сборник отражает сведения военных реляций руководителей обороны города, отправленных в Константинополь. Во-вторых, сборник объединяет документы, имеющие отношение к нескольким осадам Фессалоник. Учеными установлено, что осада Фессалоник, описанная в собрании I «Чудес» имела место еще при Маврикии. Она началась 22 сентября 586/597 гг. (большинство поддерживает 597 г.), хотя о подобной осаде умалчивает Феофилакт Симокатта. Молчание Феофилакты отчасти компенсируется сообщением Евагрия Схоластика о том, что *«авары захватили всю Элладу»*. Как гласит собрание I «Чудес», *«вождь аваров призвал к себе звериное племя славян, ибо весь народ их был тогда ему подчинен, — и смешав их с варварами некоторых других племен, приказал всем выступить против богохранимой Фессалоники»*²⁸. Войска каганата насчитывали тогда якобы до ста тысяч воинов, вышедших на подступы к городу уже через сутки после того, как фессалоникийцы узнали о начале варварского наступления.

²⁵ Theoph. Chron. A. M. 6103.

²⁶ Theoph. Chron. A. M. 6110. Nicephorus. Breviarium 36.

²⁷ Свод II. 1995.

²⁸ Собрание I. Чудо 13.

Собрание II начинается описанием морской осады Фессалоники, которая имела место около 615/616 г. Славянские племена дрогунитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов на судах, выдолбленных из дерева, опустошали побережье Фессалии, Ахайи, Эпира, Асии, Иллирика, а также Кикладские острова. После набега они атаковали фессалоникский порт, однако безуспешно. Тогда славяне отправили к аварскому кагану, находившемуся, очевидно, недалеко, «апокрисиариев» с просьбой оказать им помощь во взятии города. Славяне обещали кагану поделиться добычей, что может свидетельствовать о независимости от каганата указанных славянских групп.

Каган охотно выполнил просьбу славян и через два года, т. е. около 618 г., подошел к Фессалонике вместе с подвластными славянами и булгарами (кутригурами?). Первый удар по предместьям был нанесен отборной аварской конницей, закованной в металлические латы. Авары тащили за собой многочисленные осадные машины, упомянутые в «Чудесах»: так называемые «черепахи», «бараны», деревянные башни, приставные лестницы, «горпеки», воспламеняющие средства. В городе скрывались ромейские беженцы из разоренных городов Фракии и Иллирика, что сулило аварам и славянам богатую добычу и множество рабов²⁹. К счастью для ромеев аваро-славянский приступ провалился, осада затянулась, и каган отступил.

Около 619 г. между Аварским каганатом и Византийской империей был заключен очередной унижительный для Ираклия договор, по которому ромеи были вынуждены признать господство кагана над Мезией, Иллириком, Фракией, и, вероятно, Элладой, а также заплатить огромную дань. Дань выплатили, конфисковав значительную часть церковного имущества³⁰. Мир был необходим выдыхающейся империи для нанесения удара на персидском фронте. Положение империи было отчаянным. *Domine, adiuva Romanis*, — такую инвокативную надпись чеканили на монетах в Константинополе. Через семь лет Аварский каган, против которого в 623 г. началось восстание западных славян под предводительством купца Само, начал поход на Константинополь. Вопрос о том, насколько аварский поход лета 626 г. был согласован и синхронизирован с персидским командованием, остается дискуссионным. Очевидно, что каган хотел, во что бы то ни стало, взять Константинополь, дабы покончить с Византийской империей, компенсировать неудачи на северо-западной границе каганата. Кроме того, вероятно, кагана беспокоило еще одно важное обстоятельство.

²⁹ Собрание II. Чудо 2.

³⁰ Nicephorus. Breviarium. 36.

В 619 г. Константинополь посетил некий «гуннский» архонт с просьбой получить наставления в христианской вере от императора Ираклия³¹. Многие «гуннские» архонты из его свиты и их жены были тогда крещены. По мнению М. И. Артамонова «гуннским» архонтом, посетившим в 619 г. Константинополь, был болгарский хан Органа, которого Л. Н. Гумилев отождествлял с Моходу-хэу китайских летописей³² — правителем одного из западных «улусов» Западно-Тюркского каганата. Органа мог приходиться родственником хану Кубрату — будущему основателю Великой Булгарии, хотя его имя отсутствует в знаменитом «Именнике» болгарских ханов. Заигрывание Ираклия с булгарами, союз Ираклия, заключенный с правителем Западно-Тюркского каганата Тон-ябгу против Сасанидского Ирана, вынуждали Аварского кагана искать политического союза с Хосровом Парвизом и добиваться оперативного взаимодействия с командованием персидской армии в Малой Азии. Как отмечает Мовсес Каганкатвацци, армянский историк X в., опиравшийся на утраченный источник, современный войне, Ираклий отправил к Тон-ябгу посланника по имени Андрей³³. Конфликт, названный Л. Н. Гумилевым «мировой войной VII века», достиг своего кровавого апогея.

Осада Константинополя войсками Аварского каганата 27 июля — 7 августа 626 г. принадлежит числу наиболее ярких и героических страниц византийской истории. Хронология боевых действий хорошо изучена благодаря широкому кругу имеющихся источников, в том числе и современных событиям. В начале лета каган собрал практически все свои силы: аварскую конную дружину, подвластных славян, гепидов и болгар, и начал наступление на столицу Византийской империи. Авары тащили огромное количество осадных машин, славяне на моносилах прибыли из устья Дуная и заволокли Кератский залив. Это известие Феофана вступает в противоречие с сообщением автора «Пасхальной Хроники», согласно которому каган приказал спускать моносилы в Золотой Рог после начала осады. В это время к южному берегу Мраморного моря и Босфору со стороны Халкидона подходила персидская армия под командованием Фаррухана Шахрбараза³⁴. Казалось, падение Константинополя неминуемо, тем более, император Ираклий находился в это время далеко в Закавказье с главными силами, а оборона была возложена на патрикия Боноса.

³¹ Nicephorus. Breviarium. 35.

³² Артамонов М. И. История Хазар. М., 1962. 157–165.

³³ Мовсес Каганкатвацци. История Агван. II. 12.

³⁴ Theoph. Chron. A. M. 6117. Georg. Ps. De Bello Avarico. 194–206, 409–412; Heraclias. 71–76.

29 июля 626 г. во вторник сам «*богомерзкий каган со всем своим сбродом*» по выражению автора «Пасхальной Хроники» подступил к стенам столицы. Как отмечает Федор Синкелл, аварские силы насчитывали до восьмидесяти тысяч воинов. 31 июля в четверг каган начал приступ городских стен с раннего утра до 11-го часа от Полиандрийских ворот до ворот Пемпта. Как отмечает «Пасхальная Хроника», на этом участке в бой шли сами авары, а вдоль остального участка стен были поставлены славяне: в первой линии легковооруженные воины, а во второй тяжело-вооруженная пехота. Несколько осадных машин и «черепаш» были расположены от Врахиалия до Врахиалия. Приступ был отбит ромейским гарнизоном, оказавшим яростное сопротивление. Дальнейшая хроника событий восстанавливается по сообщениям Федора Синкелла и «Пасхальной Хроники». После неудачных предложений Боноса откупиться от кагана авары предприняли попытку спустить моносилы, заполненные славянскими воинами, на воду возле моста святого Каллиника, однако стоявшие на рейде византийские военные корабли воспрепятствовали этой операции. 2 августа в субботу состоялись новые переговоры между каганом и Боносом. На переговорах в присутствии персидских послов каган требовал безусловной сдачи города, ссылаясь на близость персидской армии, стоявшей на другом берегу Босфора. Однако борьба продолжалась. 3 августа в воскресенье каган попытался спустить на воду моносилы с десантом около Хал. Десант должен был высадиться на азиатском берегу Босфора и обеспечить соединение с персидскими силами, которые затем планировалось переправить на европейский берег. Но ромейский флот сумел пресечь и эту попытку. На рассвете 4 августа (понедельник) семьдесят византийских кораблей вышли к Халам, атаковали моносилы и потопили их, уничтожив славян, плывших в десанте. Ромеям удалось захватить персидских послов, направлявшихся после переговоров на азиатский берег. Послам отрубили головы, которые были затем продемонстрированы аварам с константинопольских стен. 5 августа во вторник происходили незначительные стычки. 6 августа в среду по сообщению Федора Синкелла начался бой вдоль всего периметра стен города. Авары несли тяжелые потери, однако количество убитых стало заметным и у защитников. Наконец, 7 августа в четверг каган бросил славян на решительный приступ стен, вероятно сохраняя аварскую конницу в резерве для захвата добычи в самом городе согласно аварской традиции. По стенам массировано били катапульты. Большое количество славянских воинов в тяжелом вооружении вновь погрузили в моносилы и спустили в бухте Золотой Рог для атаки Влахернской стены. Однако ромейский флот и на сей раз разметал славянские суда по заливу, пустив большую часть

на дно. Армянский отряд, бывший в составе гарнизона Константинополя, предпринял вылазку за Влахернскую стену в темное время суток и разжег ложные маяки на берегу. Спасшиеся от византийского флота славяне причаливали к маякам, полагая, что плывут к аварам, и попадали в руки армян, учинивших беспощадное избиение. Впрочем, незначительная часть славян, добравшаяся до аварского расположения, была перебита по приказу самого рассвирепевшего кагана³⁵. Как отмечает патриарх Никифор, среди славянских воинов, перебитых на моносилах, были вооруженные женщины.

Общие потери атакующих были настолько значительными, что варвары не успевали предавать огню своих мертвецов. Эта деталь была отмечена в древнерусской редакции повести Федора Синкелла. По мнению Я. Е. Боровского она свидетельствует о том, что в штурме принимали участие восточные славяне Поднепровья. Ибо в отличие от южных славян восточные славяне раннеаварской эпохи практиковали трупосожжение³⁶. Если Феофан был прав, и в войсках Аварского каганата действительно были славяне, приплывшие на моносилах из района Добруджы, указанное предположение приобретает дополнительный аргумент. Древнегрузинская редакция Федора Синкелла, датированная 1042 г., свидетельствует уже в титуле о том, что в 626 г. имела место «Осада Константинополя скифами, кои суть русские». В тексте памятника содержится указание на то, что «осаждавшие Константинополь скифы были русские, государь которых назывался каганом»³⁷. Грузинский переводчик XI в., вероятно, использовал варяжский термин «русы», современный ему, но анахроничный для событий 626 г., по аналогии с позднейшими походами русов на Византию. Однако, употребление этого термина может служить еще одним подтверждением гипотезы об участии восточных славян в осаде 626 г., высказанной Я. Е. Боровским. Древнерусская редакция Федора Синкелла также упоминает среди воинов кагана скифов (аваров) и русов (восточных славян).

8 августа в пятницу каган, отчаявшись в успехе, приказал поджечь осадные машины и отступил от Константинополя. По сообщению «Пасхальной Хроники» одной из причин отступления кагана стало массовое дезертирство славянских дружин. Непобедимый каган отступал, оставляя в своем лагере пепелище, а вокруг Константинополя горы трупов. Избавление Константинополя от аварского нашествия связывалось жителями с особым заступничеством Пресвятой Богородицы. Как писал

³⁵ ³⁵ Chron. Pasc. A.D. 626; Theod. Sync. XXXII.

³⁶ Боровский Я. Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград. 1988. 114–119.

³⁷ Боровский Я. Е. 1988. 114–119.

Федор Синкелл: «А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их моносилы вместе с командами перед собственным ея Божьим храмом во Влахернах»³⁸. Георгий Писида так отзывался на произошедшие события: «Думаю, что одна лишь Родившая без зачатия натягивала луки и ударяла в щиты и, незримо вступив в бой, стреляла, ранила, раздавала ответные удары мечем, опрокидывала и топила челны, делая прибежищем для них всех морскую пучину»³⁹. Эта же мысль выражена более кратко Георгием Писидой в знаменитом Акафисте: «Взбранной Воеводе Победительная, яко избавльшиися от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице». Пройдет время, славяне закрепятся в захваченных балканских провинциях, будут вновь собирать многотысячные дружины под стягом болгарских ханов и угрожать Константинополю, но они так и не смогут полностью оправиться от понесенного в августе 626 г. жестокого поражения.

В следующем 627 г. император Ираклий сумел радикально переломить ход персидской войны. Соединившись с тюркским войском в Закавказье, уже захватившим Дербент, Ираклий осадил Тифлис. Город оборонял местный персидский гарнизон совместно с отрядом Стефана Багратида — грузинского князя. Как повествует Смбат, сын Давида — грузинский историк XI в., Стефан крикнул со стен крепости Ираклию: «Ты тот, у которого борода козла, а шея козла-вожака», на что Ираклий отвечал словами пророка Даниила: «Придет козел Запада и сокрушит рога овна восточного. Если сказанное относится ко мне, то за дерзость я воздам тебе вдвойне». После взятия Тифлиса тюркютами Тон-ябгу приказал содрать со Стефана кожу и отправил ее в подарок Ираклию⁴⁰. Патриарх Никифор сохранил в «Бревиарии» описание теплой встречи между императором и правителем Западно-Тюркского каганата. Ираклий подарил кагану свою диадему и обещал выдать замуж дочь Евдокию⁴¹. Мовсес Каганкатвацци уточняет, что тюркскими войсками в Закавказье командовал некий Шат — племянник Тон-ябгу (Джебу кагана)⁴². В действительности, «шат» — не имя собственное, а один из титулов в тюркской иерархии.

Через некоторое время император начал новый поход вглубь владений Иранского шахиншаха во главе армии, по сообщению Себеоса достигавшей ста двадцати тысяч воинов⁴³. Император захватил Двин Айраратский, Нахичевань, разорил Антропатену, уничтожив Вшасп —

³⁸ Свод II. 1995. 87.

³⁹ Свод II. 1995. 87.

⁴⁰ Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратиони / Картлис Цховреба, 374–375.

⁴¹ Nicephorus. Breviarium.

⁴² Мовсес Каганкатвацци. История Агван. II. 12.

⁴³ Себеос. История Иракла. XXXVI. 78.

зороастрийское капище в Гандзаке. Затем византийская армия вторглась в Месопотамию. 12 декабря 627 г. в битве при Ниневии Ираклий наголову разбил и уничтожил персидское войско, лично сражаясь в гуще воинов с копьем наперевес⁴⁴. Затем Ираклий начал марш на Дастигерт и Ктесифон, преследуя убежавшего Хосрова Парвиза, как некогда Александр Македонский преследовал Дария III после битвы при Гавгамелах. По сообщению Ат-Табари, арабского историка IX в., опиравшегося на утраченные пехлевийские летописи, Хосров Парвиз накопил за годы войны с Византией несметные сокровища. В его распоряжении было двенадцать тысяч женщин и девушек, девятьсот девяносто девять слонов, пятьдесят тысяч верховых и вьючных животных. По другим сведениям у него было три тысячи наложниц и тысячи девушек для услуг, пения и иных надобностей, три тысячи слуг, восемь тысяч пятьсот верховых лошадей, семьсот шестьдесят слонов, двенадцать тысяч вьючных мулов. В казне хранилось четыреста двадцать миллионов мискалей, что составляло во времена Ат-Табари шестьдесят миллионов дирхемов⁴⁵. Значительная часть этих богатств была захвачена Ираклием. Хосров Парвиз, бросивший своих жен и наложниц, был свергнут заговорщиками во главе с Кавадом Шируйе, а затем умерщвлен по его приказу Мехр-Хормоздом 29 февраля 628 г. «Пришел Мехр-Хормозд с обнаженным клинком / Дверь запер покоя царева потом / С владыки мгновенно одежду совлек / И в сердце вонзил ему острый клинок...», — напишет впоследствии Фирдоуси⁴⁶.

Ираклий принял фактическую капитуляцию Ирана, отправив в Константинополь подробный отчет о победах, сохранившийся в «Пасхальной Хронике»⁴⁷. Победа Ираклия над Сасанидским Ираном по своему значению беспрецедентна. Со времен Александра и Селевка Никатора, Лукулла и Помпея Великого не было ни одного греческого царя или римского магистрата, кто подобно Ираклию смог бы нанести сокрушительный удар восточной державе, сражаясь лично в глубинах передней Азии. Но в отличие от упомянутых героев эпохи эллинизма Ираклий был христианином, и его борьба с Ираном носила характер борьбы за Животворящее Древо креста. Вероятно, поэтому Ираклий был запечатлен в «Истории» Вильгельма Тирского⁴⁸ и в рыцарских романах XII в. Слава его не померкла бы, если бы имя Ираклия в старости не было запятнано монофелитством и поражениями, понесенными его полководцами от арабов.

⁴⁴ Theoph. Chron. A.M. 6118; Себеос. XXXVI. История Иракла. 78–81.

⁴⁵ Ат-Табари. История пророков и царей. XXXIII. 1041–1042.

⁴⁶ Фирдоуси. Шахнаме. VI. 23659–23662 / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева.

⁴⁷ Chron. Pasc. A.D. 628.

⁴⁸ Willhelmi Tyrensis. Historia Rerum in partibus transmarinis gestarum. I. 1–2.

Эпilog

После неудачи под Константинополем аварская армия отступила вглубь Фракии, а славяне и болгары рассыпались по долинам Балканского полуострова, сметая все на своем пути. Аварский каганат вступал в период затяжного кризиса и упадка. Западные славяне во главе с Само в начале 620-х гг. нанесли ряд поражений аварским батырам, воспользовались отсутствием главных дружин каганата в верховьях Дуная и создали боеспособное войско. Спустя пять лет после победы под Константинополем и персидского триумфа Ираклия Византийская империя еще посылала по традиции богатые подарки кагану. Отправкой даров занималась сестра Ираклия царица Мария, которая выкупила из аварского плена Стефана, своего сына. Каган также требовал деньги в качестве выкупа за других заложников у магистра Антониана⁴⁹. Однако в 632 г. Аварский каганат перенес страшный удар, предопределивший его дальнейшую гибель. В 632 г. хан Кубрат, родственник уже упоминавшегося хана Органа, предводитель онногундоров, возглавил восстание против аваров. В результате восстания онногундоры, кутригуры, оногуры, утигуры объединились, с позором изгнали аваров и создали новое степное военно-политическое образование — Великую Булгарию с Кубратом во главе. Территория Великой Булгарии, вероятно, охватывала степи между Днестром и Доном, а также берега Азовского моря⁵⁰. Спустя еще десять лет от Аварского каганата отложились далматинские хорваты⁵¹.

В Аварском каганате начались усобицы между старой аварской знатью (тунгусо-маньчжурской?) и пришлыми болгарскими группировками во главе с ханом Альцеком в 631 г., а затем Кувером в 680-е гг.⁵² Каганат был сильно ослаблен. В 670-е гг. авары сами просили гарантии мира у императора Константина Погоната, прислав через послов подарки от своего «игемона» и подвластных ему «архонтов»⁵³. Наконец, в 679–681 гг. еще один из сыновей Кубрата по имени Аспарух начал движение на Запад со своей ордой, ядро которой составляли онногундоры. Теснимый с Востока конницей Хазарского каганата, Аспарух захватил устье Дуная, вторгся в Мезию и во Фракию. Здесь он основал Первое Болгарское ханство/царство, вероятно, подчинил Аварского кагана по имени Баян (по-видимому, Баян — тронное имя каганов) и обложил аваров данью⁵⁴.

⁴⁹ Nicephorus. Breviarium. 69.

⁵⁰ Nicephorus. Breviarium. 69/70.

⁵¹ Geor. Ps. Super exaltat. crucis. 78–79. Const. Porph. De adm. imp. 30.

⁵² Fredegarius. Chronica. LXXII. Чудеса. Собрание II. Чудо 5.

⁵³ Nicephorus. Breviarium.

⁵⁴ Nicephorus. Breviarium. 91–94.

Покоренные булгарами славянские племена использовались теперь Аспарухом как заслон против аваров, еще владевших Паннонской равниной. Создание Первого Болгарского царства означало утрату аварами гегемонии в регионе, потерю военно-политического контроля над славянскими племенами, расселившимися во Фракии, в Элладе и в южном Иллирике. Византийская империя приобретала теперь нового опасного противника. Спустя век с небольшим болгарский хан Крум в союзе с Карлом Великим нанесет аварам окончательное поражение, разрушит последние аварские хринги и захватит Паннонию. Суда — византийская энциклопедия X в., сохранила эпизод, связанный с трагическим финалом Аварского каганата. Когда к Круму привели пленных знатных аваров, хан спросил у них:

«Отчего, по вашему, погибли ваш архонт и весь ваш народ?»

Пленные авары ответили: Из-за того, что умножились обвинения, один против другого, погибли самые смелые и умные. Потом воры и несправедные стали соучастниками судей. Потом от хмеля — когда вина стало больше, все стали пьяницами. Потом — из-за мздоимства. Потом — из-за лихоимства, потому что все те, кто занялись торговлей, друг друга обманывали. И вправду, гибель произошла из-за всего этого»⁵⁵.

Миграция болгар Аспаруха на Дунай хронологически совпала с формированием в степях Прикаспия Хазарского каганата. Одной из причин распада Великой Булгарии следует считать упорную борьбу за гегемонию в Сарматии между булгарами и хазарами, бывшими прежде составной частью Западно-Тюркского каганата. Автор «Ашхарацуйц» — Армянской географии VII в. — в первую очередь отмечал хазар в качестве народа, населявшего азиатскую Сарматию⁵⁶. Как писал впоследствии хазарский каган Иосиф (930–960-е гг.) Хасдаю ибн Шафруту, в хазарских летописях хранилось упоминание о том, что хазары вели войну с враждебными племенами. Эти племена были многочисленнее и сильнее их, но хазары с помощью Божьей прогнали неприятелей и заняли их страну. Враги бежали, а хазары их преследовали до тех пор, пока не вынудили их перейти реку Руна (Дунай) и поселиться за этой рекой вблизи от Куштантинии (Константинополь)⁵⁷. Очевидно, что под враждебными племенами хазарских летописей имеются в виду ушедшие на Дунай болгары Аспаруха.

Появление болгар на Дунае, образование мощного Хазарского каганата в Прикаспии означало стабилизацию Дикой Степи на последующие два столетия. Как болгары, смешавшиеся со славянами на территории Балканского полуострова, так и хазары, вобравшие в состав каганата

⁵⁵ Souda. Krumos.

⁵⁶ Ашхарацуйц. Сарматия.

⁵⁷ Ответ Иосифа III, Еврейско-хазарская переписка в X веке, 1932.

многочисленные племена Сарматии, переходили к оседлому образу жизни. Как булгары, так и хазары строили укрепленные города: Плиска, Преслава, Игиль, Саркел, учились у византийских архитекторов. Эти города в отличие от аварских хрингов не были военными базами, логовом, куда свозили на зиму награбленные сокровища, захваченных женщин и рабов. Булгарские и хазарские города становились полноценными центрами торговли, ремесел и политического управления. Двухвековое существование булгарско-хазарской контактной зоны стабилизировало Дикое Поле⁵⁸. Эта контактная зона объективно обезопасила северные рубежи Византийской империи. Империя, периодически воевавшая с булгарами во Фракии, с хазарами в Крыму, достаточно легко заключала с ними союзные договоры перед лицом внутривосточной нестабильности или внешней арабской угрозы.

В частности, император Юстиниан II, скрываясь в Херсонесе, женился на Феодоре — сестре Хазарского кагана. Юстиниан II заключил союз с булгарским ханом Тервелом (700–721 гг.), который помог ему вернуть престол в 705 г.⁵⁹ Спустя двенадцать лет Тервел пришел на помощь императору Льву III Исавру и атаковал арабское войско Омара, осаждавшее Константинополь⁶⁰. Хазарский каганат рассматривался византийской дипломатией в качестве главного союзника в борьбе против Арабского халифата, подобно тому, как Тюркский каганат был союзником империи в борьбе против Сасанидского Ирана. Сын императора Льва III — Константин Копроним женился на хазарской царевне Ирине⁶¹. Подобные «цивилизованные» отношения были возможны с булгарами и хазарами, но были не возможны с аварами, которые не желали расстаться с кочевым образом жизни, жили за счет постоянной войны и грабежа, и в итоге оказались исторически не жизнеспособны.

Относительная безопасность рубежей Византийской империи на Балканах будет разрушена только в начале IX в. в связи с чрезмерным усилением Первого Болгарского царства при Круме и Омуртаге. Спустя лишь несколько десятилетий двухвековая стабильность Дикой Степи будет взволнована новыми волнами диких кочевников. Булгарско-хазарская контактная зона будет смыта нашествием мадьяр и печенегов. Можно сказать без преувеличения, что в их лице исчезающие авары приобретут полноценных исторических преемников.

⁵⁸ *Атанасов Г.* Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века. Булгари и хазари през раннего Средневековья. София, 2003. С. 92–113. Режим доступа http://www.kroraia.com/bulgar/bg_ha_atanas/

⁵⁹ Theoph. Chron. A.M. 6196.

⁶⁰ Theoph. Chron. A.M. 6209.

⁶¹ Theoph. Chron. A.M. 6223.

Данные о статье:

Автор: Митрофанов Андрей Юрьевич, д. и. н., приглашенный исследователь Фрибургского Университета (Фрибург, Швейцария), non-recuso-laborem@yandex.ru

Заголовок: Аварский «Потоп»: 580–626 гг.

Резюме: Статья посвящена истории военных кампаний между Аварским каганатом и Византийской империей в 580–626 гг. Автор статьи опирается на различные византийские, армянские и персидские источники: Менандра Протектора, Феофилакта Симокатту, Пасхальную Хронику, Себеоса, Моисея Каганкатваца, Фирдоуси и др. Автор приходит к выводу о том, что историческими преемниками аваров стали новые волны кочевников IX века: мадьяры и печенег.

Ключевые слова: Авары, каганат, Баян, Тиберий, Маврикий, Приск, Коментиол, Ираклий.

Information about the article:

Author: Mitrofanov Andrey Yur'evich, Doctor of History, an Assistant Researcher of University of Fribourg (Switzerland), non-recuso-laborem@yandex.ru

Title: Avarian “Flood”.

Summary: Article is devoted to history of military campaigns between the Avarian khaganate and the Byzantine empire in 580–626 years. The author of article leans on various Byzantine, Armenian and Persian sources: Menander Protektor, Theophylaktos Simokatta, Chronicum Paschale, Sebeos, Moisey Kagankatvatsi, Firdousi and others. The author comes to a conclusion that new waves of nomads of the IX century became historical successors of Avars: Magyars and Pechenegs.

Key words: Avars, Khaganate, Baian, Tiberius, Mauricius, Priscus, Comentiolus, Heraclius.

Литература, использованная в статье:

Артамонов, Михаил Илларионович. История Хазар. М.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. 521 с.

Атанасов, Георгий. Болгаро-хазарская граница и болгаро-хазарская враждебность с конца VII до середины IX века. Режим доступа: http://www.kroraia.com/bulgar/bg_ha_atanas/
Ат-Табари. История пророков и царей — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв., арабские и персидские источники. Л.; М.: Институт Востоковедения, 1939. 212 с.

Ашхарауиц. Армянская География VII в. по Р.Х., приписывавшаяся Моисею Хоренскому / Пер. К.П. Патканова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1877. 84 с.

Боровский, Ярослав Евгеньевич. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе руссов в VII в. на Царьград // Древности славян и Руси / Под ред. В. А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 114–119.

Гумилев, Лев Николаевич. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский Временник. 1965. Т. 26. С. 67–76.

Коковцов, Павел Константинович. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Типография АН СССР, 1932. 134 с.

Мовсес Каганкатваца. История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Матенадаран, 1984. 175 с.

Мудрак, Олег Алексеевич. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // Orientalia et Classica. 2005. Вып. 6. С. 81–103.

Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись Вып. I: Повесть временных лет. 2-е изд., репр. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Т. I, II. М.: Восточная литература РАН, 1994–1995. 1062 с.

Себеос. История Ирака / Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. 170 с.

Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионианах, царях наших грузинских / Пер. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1979. 69 с.

Фирдоуси. Шахнаме. Т. VI / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути, В. Г. Берзнева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1989. 666 с.

Хелимский, Евгений Арнольдович. Тунгусо-Маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов, Люблина, 15–21 августа 2003. Hamburg: Universität Hamburg, Institut für Finnougristik-Uralistik, 2003. С. 3–12.

Curta, Florin. Avar Blitzkrieg, Slavic and Bulgar Raiders and Roman Special Ops: Mobil Warriors in the 6th Century Balkans // *Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden*. / Ed. by I. Zimonyi, O. Karatay. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2015. P. 69–79.

Curta, Florin. The Slavic Lingua Franca (Linguistic Notes of an Archelogist Turned Historian) // *East Central Europe* 2004. Vol. 31. N. 1. P. 125–148.

Fredegardi Chronica, herausgegeben von Bruno Krusch // *MGH. SS. Rer. Merov. II*. Hannover, 1888. P. 1–193.

Menandri Protectoris Fragmenta // *Excerpta Historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta*. / Herausgegeben von Karl de Boor. Berlin: Weidmann, 1903. P. 170–221, 442–477.

Moravcsik, Gyula. *Byzantinoturcica*. Bd. I–II. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 985 с.

Nicephori Breviarium / Herausgegeben C. de Boor. Leipzig: Teubner, 1880. 280 p.

Olajos, Thérèse. La Chronologie de la dynastie avar de BAIAN // *Revue des études byzantines*. 1976. Vol. 34. P. 151–158.

Olajos, Thérèse. Les sources de Theophylacte Simocatte, historien. Leiden, New York, Copenhagen, 1988.

Pohl, Walter. Die Awaren: Ein Steppenvolk im Europa. München: Beck, 2002. 529 S.

Procopii Caesariensis Opera Omnia / Herausgegeben von Jacob Haury, Gerhard Wirth. Vol. I–IV. Leipzig: Teubner, 1962–1964. 1900 p.

Ryna-Tás, The Inscriptions of the Nagyszentmiklys Treasure. // *The Gold of the Avars: The Nagyszentmiklys Treasure. The Exhibition of the Magyar Nemzeti Múzeum, 24 March — 30 June 2002*. Budapest, 2002. P. 120–129.

Theophanis Confessoris Chronographia / Herausgegeben von Karl de Boor. Vol. I–II. Leipzig: Teubner, 1883–1885. 1291 p.

Theophylacti Simocattae Historiae / Herausgegeben von Peter Wirth. Stuttgart: Teubner, 1972. 437 p.

Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon / Guillaume de Tyr Chronique. Édition critique par R. B. C. Huygens. Identification des sources historiques et étermination des dates par H. E. Mayer, G. Rosch. Turnholt: Brepols 1986 (*Corpus Christianorum. Continuatio mediaevalis* 63). 149 p.

References:

Artamonov Mikhail Illarionovich. *Istoriya Khazar [The History of the Khazars]*. M.: State Hermitage Publ., 1962. 521 p. (in Russian)

Atanasov Georgiy. *Bolgaro-khazar'skaya granitsa i bolgaro-khazar'skaya vrazhdebnost' s kontsa VII do serediny IX veka [Bulgarian-Khazar frontier and Bulgarian-Khazar hostility from the end of VII to mid-IXth c.]*. URL: http://www.kroraina.com/bulgar/bg_ha_atanas/ (in Russian)

At-Tabari. *Istoriya prorokov i tsarey — Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. T. I. VII–XV vv., arab'skiye i persidskiye istochniki [The History of Prophets and Kings — the Data on*

History of the Turkmens. Vol. I. VII–XV c., Arabic and Persian Sources]. L.; M.: Institut Vostokovedeniya, 1939. 212 p. (in Russian)

Boor, Carolus de (ed.). *Nicephori Breviarium*. Leipzig: Teubner, 1880. 280 p.

Boor, Karl de (ed.). *Theophanis Confessoris Chronographia*. Vol. I–II. Leipzig: Teubner, 1883–1885. 1291 p.

Borovskiy Yaroslav Yevgen'evich. Vizantiyskiye, staroslavianskiye i starogruzinskiye istochniki o pokhode russov v VII v. na Tsar'grad [Byzantine, old Slavic and old Georgian Sources about the Russians' attack on Constantinople], in Timoshchuk, Boris Onisimovich (ed.). *Drevnosti slavyan i Rusi*. M.: Nauka Publ., 1988. Pp. 114–119. (in Russian)

Curta Florin. Avar Blitzkrieg, Slavic and Bulgar Raiders and Roman Special Ops: Mobil Warriors in the 6th Century Balkans, in Zimonyi, Istvan (ed.). *Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2015. Pp. 69–79.

Curta Florin. The Slavic Lingua Franca (Linguistic Notes of an Archelogist Turned Historian), in *East Central Europe*. 2004. Vol. 31. Pp. 125–148.

Firdousi. Shakhname. Vol. VI. Per. Ts.B. Banu-Lakhuti, V.G. Berzнева. M.: Academy of Sciences Publ., 1989. 666 p. (in Russian)

Fredegardi Chronica, in Krusch, Bruno (ed.). *MGH. SS. Rer. Merov. II*. Hannover, 1888. Pp. 1–193.

Gindin, Leonid Aleksandrovich, Ivanov, Segey Arkad'evich, Litavrin, Gennadiy Grigor'evich (eds.). *Svod drevneyshikh pis'mennykh svidetel'stv o slavyanakh [Corpus of the most ancient literary evidence about the Slavs]*. Vol. I, II. M.: Vostochnaya literature Publ., 1994–1995. 1062 p. (in Russian)

Gumilev Lev Nikolaevich. Biografiya tyurkskogo khana v «Istorii» Feofilakta Simokatty i v deystvitel'nosti [Biography of Turkic khan in History of Theophylactos Simokatta and in Reality], in *Vizantiyskiy Vremennik*. 1965. Vol. 26. Pp. 67–76. (in Russian)

Haury, Jacob, Wirth, Gerhard (ed.). *Procopii Caesariensis Opera Omnia*. Vol. I–IV. Leipzig: Teubner, 1962–1964. 1900 p.

Khalimskiy Yevgeniy Arnol'dovich. Tunguso-Man'chzhurskiy yazykovoy component v Avarskom kaganate i slavyanskaya etimologiya [Tungus-Manchu language component in Avar Khaganate and Slavic Etymology], in *Materialy k dokladu na XIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov, Lyublyana, 15–21 avgusta 2003*. Hamburg: Universität Hamburg, Institut für Finnougristik-Uralistik, 2003. Pp. 3–12. (in Russian)

Kokovtsov Pavel Konstantinovich. *Yevreysko-khazar'skaya perepiska v X veke [Jews-Khazar correspondence in Xth c.]*. L.: Academy of Sciences Publ., 1932. 134 p. (in Russian)

Menandri Protectoris Fragmenta, in Boor, Karl de (ed.). *Excerpta Historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta*. Berlin: Weidmann, 1903. Pp. 170–221, 442–477.

Moravcsik Gyula. *Byzantinoturcica*. Vol. I–II. Berlin: Akademie-Verlag, 1958. 985 p.

Movses Kagankatvatsi. *Istoriya strany Aluank [The History of Country of Albania]*. Per. Sh. V. Smbatyana. Yerevan: Matenadaran Publ., 1984. 175 p. (in Russian)

Mudrak Oleg Alekseevich. Avarskaya nadpis' na sosude iz klada Nad'-Sent-Miklosh [Avar Inscription on the vessel from treasure Nad'-Sent-Miklosh], in *Orientalia et Classica*. 2005. Vol. 6. Pp. 81–103. (in Russian)

Olajos Thérèse. La Chronologie de la dynastie avar de BAIAN, in *Revue des études byzantines*. 1976. Vol. 34. Pp. 151–158.

Olajos Thérèse. *Les sources de Theophylacte Simocatte, historien*. Leiden, New York, Copenhagen, 1988.

Patkanov, Kerop Petrovich (ed.). *Ashkharatsuyts. Armyanskaya Geografiya VII c. po R. Khrista., pripisyvavshayasya Moiseyu Khorenskomu [Ashkharatsuyts. An Armenian Geography*

of VIIth c. A.D. which was attributed to Moses Khorenatsi]. SPb.: Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1877. 84 p. (in Russian)

Pohl Walter. *Die Awaren: Ein Steppenvolk im Europa*. München: Beck, 2002. 529 p.

Polnoye sobraniye russkich letopisey. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. Вып. I: Povest' vremennykh let. 2-e izd. repr. [The Full Collection of Russian Manuscripts. Vol. I. Laurentian Codex. Issue I: Primary Chronicle 2nd edition reprinted]. M.: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 496 p. (in Russian)

Ryna-Tás, The Inscriptions of the Nagyszentmikly's Treasure, in *The Gold of the Avars: The Nagyszentmikly's Treasure. The Exhibition of the Magyar Nemzeti Múzeum, 24 March — 30 Juny 2002*. Budapest, 2002. Pp. 120–129.

Sebeos. *Istoriya Irakla [the History of Heraclius]*. Per. K. Patkanyan. SPb., 1862. 170 p. (in Russian)

Sumbat Davitis-dze. *Istoriya i povestvovaniye o Bagrationianakh, tsaryakh nashikh gruzinskikh [History and Narrative about the Bagratids, who are the kings of our Patria]*. Per. M.D. Lordkipanidze. Tbilisi: Metsniereba, 1979. 69 p. (in Russian)

Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon / Guillaume de Tyr Chronique. Édition critique par R. B. C. Huygens. Identification des sources historiques et étermination des dates par H.E. Mayer, G. Rosch. Turnholt: Brepols 1986 (*Corpus Christianorum. Continuatio mediaevalis* 63). 149 p.

Wirth, Peter (ed.). *Theophylacti Simocattae Historiae*. Stuttgart: Teubner, 1972. 437 p.

ББК 63.3(5Арм) + 63.3(0)32; УДК 94(479.25) + 94(37).08

Е. А. Мехмадиев

АРМЕНИЯ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В НАЧАЛЕ IV в.: ПРОБЛЕМЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АРМЯНСКОГО ЦАРЯ ТРДАТА III

В 253 г. персидский царь Шапур I из династии Сасанидов (240–270 гг.) начал серию успешных набегов на территорию Сирии и Месопотамии, разгромив в нескольких фронтальных сражениях римские военные силы, а в 256 г. он же одержал решительную и знаменательную победу над римской армией в битве при г. Барбалисс в верховьях Евфрата, на границе Персии и Рима — эта победа открыла персам дорогу для дальнейшего продвижения в Сирию, что в итоге привело к захвату Антиохии (правда, временному) Сасанидами в том же 256 г.¹

¹ Данная хронология предложена авторами «Кембриджской истории Ирана» — нападение 253 г. было всего лишь подготовительным, предварительный рейдом, в то время как полномасштабное наступление, закончившееся битвой при Барбалиссе, персы развернули только в 256 г., и именно эта кампания привела к взятию Антиохии — Frye R. N. *The Political History of Iran under the Sasanians // Cambridge History of Iran. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. E. Yarshater. Cambridge, 1983. P. 125. Предложенная хронология восходит к позиции А. Марика и Э. Кенигмана, которые поместили взятие Антиохии в 256 г. на основе сведений трехязычной надписи Шапура I, возведенной на барельефе в местности Накше-Рустам — Honigmann E., Maricq A. *Recherches sur les Res Gestae divi Saporis*. Bruxelles, 1953. P. 132, 140–142. Тем не менее, в 1982 г. Э. Кеттенгофен на основании нумизматических данных пришел к выводу, что взятие Антиохии произошло в 253 г., в ходе первой военной экспедиции персов в Сирию, тогда как в 256 г. Шапуру I удалось захватить другой город — Дура-Европос, крайне важный форпост римлян на Ближнем Востоке. Выводы Э. Кеттенгофена нашли поддержку и среди других исследователей: Kettenhofen E. *Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr. nach der Inschrift Šāhpurs I. an der Ka'be-ye Zartošt (ŠKZ)*. Wiesbaden, 1982. S. 78–79, 88–89; Grenet Fr. *Les Sassanides à Doura-Europos (253 ap. J.-C.) réexamen du matériel épigraphique iranien de la suite // Géographie historique au Proche-Orient (Syrie, Phénice, Arabie, grecques, romaines, byzantines) / P.-L. Gatier, B. Helly, J.-P. Rey-Coquais. Paris, 1988. P. 140–141, 144.**

Но для темы нашего исследования более важен другой факт, связанный с военными кампаниями царя Шапура I — согласно его триумфальной надписи, составленной сразу на трех языках (греческом, персидском и парфянском), незадолго до первого вторжения в Сирию в 253 г. между Римом и Персией возникли некие разногласия, связанные с Великой Арменией, независимым армянским государством во главе с династией Аршакидов. Как подчеркивает персидский царь: «И кесарь (т. е. римский император, цезарь. — *Е. М.*) вновь солгал и совершил в Армении беззаконие» (Καὶ ὁ Καῖσαρ πάλιν ἐψεύσατο καὶ εἰς τὴν Ἀρμενίαν ἀδικίαν ἐποίησεν — RGDS, 10)².

Несомненно, цитированная фраза отразила конфликт двух империй по вопросу о разделе сфер влияния и контроле над армянскими территориями, столь важными в стратегическом отношении, но проблема состоит в том, что именно персидский царь, а не римский император в действительности учинил беззаконие в Армении. Дело в том, что именно в 252/253 гг., как признает большинство исследователей³, персидский царь вторгся в Великую Армению, убил ее царя Трдата II, правившего с 216/217 гг., и превратил армянское государство в персидскую сатрапию.

С этого времени любое римско-персидское противостояние прежде всего ставило перед собой задачу решить «армянский» вопрос, т. е. проблему юридической и административной принадлежности армянских земель, их правового статуса и суверенитета⁴.

² Цитируем текст по лучшему на сегодняшний день изданию А. Марика: Maricq A. *Classica et Orientalia*: 5. *Res Gestae Divi Saporis // Syria*. Vol. 35. Fasc. 3/4. 1958. P. 309. В данном случае цитируем документ по его греческой версии.

³ См.: *Garsoïan N. The Aršakuni Dynasty (A.D. 12–[180?]-428)*. // *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. I / Ed. R.G. Hovannisian. N.Y., 1997. P. 73. Интересно, что в более старых публикациях, вышедших в свет еще до издания надписи Шапура I, высказывался даже тезис, что римляне передали («уступили») Армению персам еще в 244 г. по мирному договору с императором Филиппом Арабом, но с учетом цитированной выше надписи этот тезис выглядит совершенно безосновательным. См.: Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944². P. 219. Как вариант, Кс. Ларио предположил, что Филипп Араб «отказался от протектората над Великой Арменией» в пользу персов, но эта идея тоже вызывает сомнения, поскольку возникает вопрос — почему в таком случае Шапур I вторгся в Армению только в 252 г., т. е. через 8 лет, а не сразу в 244 г.? См.: *Loriot X. Les premières années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244)*. // ANRW. II/2 / Hrsg. von H. Temporini. Berlin-N.Y., 1975. P. 774–775.

⁴ В этом смысле совершенно прав В. Энслин, полагающий, что с потерей Армении Рим лишился важнейшего форпоста на своей восточной границе, сдерживающего натиск персов — именно захват Армении дал Шапуру I возможность вторгнуться в Сирию, не опасаясь удара с тыла. См.: *Ensslin W. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I (SBAW. Jg. 1947. Hft. 5)*. München, 1949. S. 20. Естественно, в этой ситуации римляне стремились во что бы то ни стало вернуть Армению под свой контроль, что неизбежно ставило армянские земли в центр противостояния двух империй.

Соответственно, цель данной статьи — рассмотреть эволюцию и динамику дальнейших взаимоотношений Армении и поздней Римской империи, выделить основные черты этих взаимоотношений и наиболее важные поворотные моменты, изменившие геополитическую расстановку сил в Южном Кавказе в конце III – начале IV в., т. е. в эпоху правления императоров Диоклетиана (284–305 гг.) и Константина (306–337 гг.). На основе трех выбранных нами сюжетов, относящихся к данному периоду, мы хотели бы проследить развитие римско-армянских отношений с позиций военного аспекта, в области военного сотрудничества или, наоборот, противостояния двух государств.

1. Трдат III Великий и восстановление армянской государственности: римско-персидская война 298 г.

Во второй книге своей «Истории Армении» армянский историк Мовсес Хоренаци отмечает, что «в третий год правления Диоклетиана (римского императора, 284–305 гг. — *Е. М.*)» (in the third year of Diocletian) наследник армянского престола из династии Аршакидов, Трдат (III), сын убитого царя Трдата II, до этого живший при дворе римского императора, прибыл в Армению «с большой армией» (with a large army — Moses Khor. II. 82, tr. R.W. Thomson). Другой историк, епископ Ухтанес, живший в X в., утверждает даже более прямо и недвусмысленно: «Он (Диоклетиан. — *Е. М.*) посадил на трон Великой Армении Трдата» (Il plaça Trdat sur le trône de la Grande-Arménie — Oukhtanès, *Épitomé historique*, §§ 71–72, tr. M.-F. Brosset).

На основании изложенных сведений Г. Вирт пришел к выводу, что в результате нового конфликта Рима с Персией в Великой Армении были размещены римские военные гарнизоны, служившие надежной защитой кавказских рубежей от персидских вторжений, и в то же время, как полагает Г. Вирт, сама Армения после завершения боевых действий неизменно выполняла роль вассала Рима, была его сателлитом (своеобразным клиентским государством) в вопросах внешней политики⁵. Если применительно ко второму тезису у нас нет принципиальных возражений, то в отношении римских военных сил возникают значительные сомнения, связанные как раз с политическим статусом Великой Армении на международной арене после восстановления ее независимости.

Прежде всего следует учитывать сложность и неоднозначность самого источника — исследования К. Туманова и Р. Томсона убедительно показали, что общепринятая в научной литературе трактовка «Истории» Мовсеса Хоренаци как труда V в. далека от истины. По их мнению, Мовсес

⁵ *Wirth G. Die Mission des Katholikos. Zum Problem armenisch-römischer Beziehung im 4. Jahrhundert // JbAC. Jg. 34. 1991. S. 25, 26–27, 29.*

в действительности жил только в VIII в. и ближе к середине этого столетия (скорее, даже непосредственно в 50-е гг. VIII в.) написал свою «Историю», прославляющую армянский род Багратидов (Багратуни) и очерняющую представителей дома Мамиконянов⁶. Но для нас важен не только хронологический контекст произведения Мовсеса — совершенно очевидно, что историк VIII в. допустил сознательную ошибку в своих вычислениях, утверждая о восшествии Трдата на престол в 287 г., «в третий год Диоклетиана».

Эта ошибка была напрямую связана с намерением Мовсеса (или псевдо-Мовсеса) доказать, что Трдат принял христианство и крестил Армению именно при Диоклетиане, во время правления этого принцепса, который, как известно, проводил массовые преследования христиан. В общих обзорах армянской истории, изданных до 1961 г., в связи с этим повсеместно высказывался тезис, что Трдат был восстановлен на троне именно в 287 г. и не позже — настолько устойчивым было доверие к сведениям Мовсеса Хоренаци⁷.

Между тем уже в 1961 г., священник мхитаристской церкви Св. Лазаря в Венеции П. Ананян, основываясь на сопоставлении разных армянских источников, высказал идею, что восшествие Трдата III произошло в 298 г., а его крещение — намного позже, в 314 г., когда армянский святой Григорий Просветитель (Лусоворич) получил сан епископа на поместном соборе в каппадокийской Цезарее (Кесарии)⁸. Подчеркнем, что П. Ананян не ссылается на пехлевийскую надпись персидского царя Нарсея, вступившего на престол в 293 г. Эта надпись совершенно точно подтверждает блестящую догадку армянского исследователя, тем самым подводя под нее прочную документальную основу.

Надпись была опубликована еще в 1924 г., но в 1983 г. вышло новое издание текста, подготовленное П. Скъерво, который сопроводил публи-

⁶ Moses Khorenats'i. *History of the Armenians* / Transl. and comm. by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.), 1978. P. 49, 51–53, 59–60; *Toumanoff C.* 1) On the Date of Pseudo-Moses of Chorene // *Handes Amsorya*. Vol. 75. 1961. P. 471, 476; 2) *Studies in Christian Caucasian History*. Georgetown, 1963. P. 330–334.

⁷ См., например: *Grousset R.* *Histoire de l'Armenie des origines à 1071*. Paris, 1947. P. 115. В этом смысле предельно странным выглядит мнение А. Христенсена, что персидский царь Баграм II еще в 283 г. вынужден был передать римлянам Армению, поскольку Баграм узнал о восстании своего брата Ормизда в области Хорасан, и ему срочно потребовались свои войска для подавления этого мятежа. См.: *Christensen A.* *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944². P. 227–228.

⁸ *Ananian P.* 1) La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore // *Le Muséon*. Vol. 74. N. 1-2. 1961. P. 73; 2) La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore (suite) // *Le Muséon*. Vol. 74. N. 3–4. 1961. P. 343–344.

кацию оригинала английским переводом, и в этой версии совершенно четко упоминается, что сын Шапура I Нарсей выступил в поход против своего племянника, Варахрана III, занимавшего в то время царский престол, именно из Армении, где, судя по всему, располагалась резиденция Нарсея (*We are/were King of Armenia. And We dwelt in Armenia [until Warahrān, King of Kings, son of Warahrān?] passed away* — § 3, ed. P. O. Skjaervø)⁹.

Представленный фрагмент надписи неопровержимо свидетельствует, что, во-первых, в 293 г. Великая Армения входила в состав Персии, а во-вторых, Армения получила независимость только в 298 г., когда римская армия разгромила войско Нарсея, едва не попавшего в плен — поражение персов изменило расстановку сил на территории Южного Кавказа в пользу Рима, и как результат, император Диоклетиан восстановил на армянском троне царя Трдата III, изгнанного персами еще в 252 г.¹⁰

Соответственно, если Трдат III действительно вернул себе власть только с помощью Диоклетиана, можно предположить, что после 298 г. Армения представляла собой вассальное государство, подчинявшееся Риму в вопросах внешней политики, но сохранявшее ограниченную автономию во внутренних делах. Вместе с тем не стоит преувеличивать степень этой автономии, поскольку ее границы были весьма условны — подтверждением нашему выводу служит греческий текст «Жизни Григория Просветителя», дошедший до нас в рукописи из собрания монастыря Эскуриал в Испании.

Этот крайне важный документ был опубликован в 1946 г. Ж. Гариттом, подчеркнувшим, что греческий текст представляет собой перевод более раннего армянского источника, не дошедшего до наших дней. Сам армянский оригинал, как отмечает Ж. Гаритт, очень сильно отличался по содержанию от армянской «Истории» Агафангела — родоначальника армянской историографии. Армянский прототип греческой «Жизни Григория Просветителя» отражал, таким образом, более древнюю традицию, восходившую еще к первому поколению учеников школы Месропа

⁹ *Humbach H., Skjaervø Prods O.* *The Sassanian Inscription of Paikuli*. Part 3.1. Restored text and translation by Prods O. Skjaervø. Wiesbaden, 1983. P. 28.

¹⁰ Тем не менее, отрицая очевидные факты, Б. МакДермот, читавший надпись царя Нарсея по первому изданию 1924 г., настаивал, что в 280 г. император Проб заключил с Нарсеем, тогда еще персидским принцем, получившим Армению в качестве наследственного удела, договор, по которому Трдат оставался правителем западной части Армении, а Нарсей сохранял власть над восточной половиной. В 293 г., когда Нарсей ушел из Армении, Трдат присоединил к своим владениям и восточные земли, объединив под своей властью всю Армению. См.: *MacDermot B.* *The conversion of Armenia in 294 A.D.* // *RÉArm*. Vol. VII. 1970. P. 285.

Маштоца (361/362–440 гг.), создателя армянского алфавита. Греческий же перевод, по мнению Ж. Гаритта, был подготовлен греком-каппадокийцем в самом конце VI в. (после 591 г.), а его аудиторией могли служить армяне-халкидониты, сохранившие верность византийской православной церкви¹¹.

Согласно данному источнику, когда Григорий Просветитель, приведенный во дворец к Трдату III, изложил армянскому царю основы христианского вероучения, тот разгневался, и в связи с этим подчеркнул, что «Ведь и кесарь римский Диоклетиан, почитающий богов, управлял всей землей» (Καὶ γὰρ καὶ ὁ Ῥωμαίων καῖσαρ τοὺς θεοὺς σεβόμενος Διοκλητιανὸς πάσης γῆς ἐκράτει — V_g, 5, ed. G. Garitte, p. 24). Далее, как утверждает автор «Жития», когда Диоклетиан узнал, что многие христиане бегут от преследований в Армению (τὴν Ἀρμενίων γῆν ἀναχώρησιν αὐτῶν), он «отправил послов к царю Тиридату» (πρέσβεις ἔστειλεν πρὸς τὸν βασιλέα Τιρεδάτην) с требованием предать всех христиан суду и казнить их, и Трдат III был вынужден подчиниться¹² (V_g, 36, p. 35).

Через некоторое время, когда армянский царь уверовал в учение Христа, Григорий был отправлен Трдатом в Кесарию Каппадокийскую для посвящения в сан епископа¹³ (μετὰ τοῦ ἀγίου Γρηγορίου πορεύεσθαι ἐπὶ τὴν Καίσαρος πόλιν — V_g, 123, p. 83), где он был радушно принят епископом города, Леонтием, и неким «начальником», под которым, судя по всему, можно понимать главу городского совета или кого-то из коллегии декурионов, муниципальной знати (μηνύοντες τῷ τε ἀρχιεπισκόπῳ Λεοντίῳ καὶ τῷ ἀρχοντὶ τῆς αὐτῆς πόλεως — V_g, 128, p. 85).

Более того — самое важное! — весть о крещении Армении дошла до императора Константина, который тогда, как пишет автор «Жития», находился в Риме (Ἀκούσας δὲ ἐν τῇ μεγάλῃ Ῥώμῃ ὁ βασιλεὺς

¹¹ Garitte G. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Città del Vaticano, 1946. P. 246, 260, 334, 336, 349, 351–352.

¹² В этом смысле мы вполне можем согласиться с М.-Л. Шомоном, предположившим, что и сам Григорий Просветитель бежал в Армению от преследований Диоклетиана в 303 или 304 гг.: по мнению исследователя, будущий креститель Армении по этническому происхождению был греком, принявшим христианство и ранее жившим в Каппадокии. См.: Chaumont M.-L. Sur l'origine de saint Grégoire d'Arménie // Le Muséon. Vol. 102. Fasc. 1–2. 1989. P. 126–127.

¹³ Безусловно, этот пассаж еще более весомо подтверждает, что официальное крещение Армении произошло в 314 г., поскольку Григорий совершенно не случайно прибыл именно в Кесарию Каппадокийскую — материалы, опубликованные Ж. Лебоном, позволили исследователю заключить, что в 314 г. в Кесарии Каппадокийской состоялся поместный церковный собор, о котором в своей «Церковной истории» упоминает и Евсевий Кесарийский, «отец» церковной историографии. Скорее всего, Григорий получил сан католикоса (первосвященника) Армении именно на этом соборе. См.: Lebon J. Sur un Concil de Césarée // Le Muséon. Vol. 51. 1938. P. 90–91, 96–99, 110, 114–115, 127–129.

Κωνσταντῖνος τὰ τε συμβάντα τῷ βασιλεῖ Τιρεδάτῃ — V_g, 174, p. 106). Наконец, рассказав о том, как по приглашению Константина Трдат III и Григорий Просветитель прибыли в Рим, составитель «Жития» подводит итог своим размышлениям о Трдате и в связи с этим уточняет, что армянский царь, «получивший царскую власть (своего) отца от римлян, приступил к домашним делам (т. е. к управлению своей страной — Е. М.), когда он изгнал царя персов в военном союзе с римлянами» (δεξάμενος τὴν τοῦ φύσαντος βασιλείαν ἐκ Ῥωμαίων κατέλαβεν τὰ οἰκεία καὶ ὅπως ἐδίωξεν τὸν βασιλέα τῶν Περσῶν συμμαχία Ῥωμαίων — V_g, 183, p. 110).

Представленные главы текста совершенно четко и недвусмысленно свидетельствуют, что царь Трдат III не мог принять христианство при императоре Диоклетиане, который активно преследовал христиан и отправлял соответствующие поручения Трдату, возглавлявшему вассальное римлянам государство. Христианизация Армении была возможна только при Константине, и она, судя по всему, произошла после издания Миланского эдикта в 313 г.¹⁴ Из слов Лактанция мы знаем, что уже зимой 312 г. Константин, разгромивший в Риме своего противника Максенция, вернулся в Милан, где размещалась его резиденция (*hieme proxima Mediolanum concessit* — Lact. De mort. pers. 45. 1), соответственно, слова греческого «Жития» следует отнести к периоду 313–317 гг., когда Константин еще находился в Италии — как известно, в 317 г. он перенес свою резиденцию в г. Сирмий на среднем Дунае¹⁵.

Следовательно, мы можем поставить под сомнение утверждение Г. Вирта, что римские войска размещались в Великой Армении, кото-

¹⁴ В этом смысле вряд ли выглядит убедительной попытка А. Мардиросяна доказать, что крещение Армении произошло в 311 г. — не исключено, сам царь Трдат III действительно мог принять христианство и до Миланского эдикта, но это была его личная позиция, в то время как официальное принятие христианской религии уже на уровне всего государства, на наш взгляд, не могло состояться ранее 313 г. См.: *Mardrossian A. Le synode de Valaršapat (491) et la date de la conversion au christianisme du Royaume de Grande Arménie (311) // RĖArm. Vol. 28. 2001–2002. P. 250–251, 254–256.*

¹⁵ М.-Л. Шомон предположил, что визит Трдата III в Рим, зафиксированный в греческой «Жизни Григория Просветителя», на самом деле отражал прибытие в Вечный город не самого армянского царя, но посольства, отправленного Трдатом для переговоров с Константином о заключении союза и мирного договора между двумя государствами. По мнению исследователя, послы армянского царя могли прибыть в Рим летом 315 г., когда Константин праздновал в Вечном городе десятилетний юбилей своего правления, или в любой другой год вплоть до 330 г., когда Трдат ушел в мир иной. См.: *Chaumont M.-L. Une visite du roi d'Arménie Tiridate III à l'empereur Constantin à Rome? // L'Arménie et Byzance. Histoire et culture / Ed. H. Ahrweiler. Paris, 1996. P. 64–65.*

рая в период Диоклетиана, равно как и Константина, продолжала оставаться вассальным государством. Армения не была военным противником Рима во время конфликта с персами в 298 г., но и после восстановления своей государственности она продолжала оставаться союзником Рима, поэтому ни у Диоклетиана, ни у Константина не возникло необходимости в размещении в Армении регулярных римских гарнизонов.

2. Армянская война цезаря Максимиана II Дазы: проблемы интерпретации

Таким образом, представленный выше материал показывает, что Армения не могла служить базой для размещения римских войск, поскольку Трдат III был последовательным союзником Рима, и Армения в эпоху его правления неизменно продолжала оставаться клиентским государством, сателлитом Рима в вопросах внешней политики, сохраняя в то же время определенную самостоятельность во внутренних делах.

Тем не менее, несмотря на установившийся после 298 г. протекторат Рима над Арменией, наши источники сохранили сведения о загадочной и крайне спорной войне между двумя союзными государствами, в которую был вовлечен и царь Трдат III. Эти сведения в первую очередь сохранил в своей «Церковной истории» Евсевий Кесарийский, «отец» церковной историографии, который сообщает, что цезарь Максимиан II Дазя, правивший в восточных провинциях империи в 303–313/314 гг. (с 309 г. — в звании Августа, императора), развязал войну против «армян — народа, с древности союзного и дружественного римлянам» (ὁ Ἀρμενίωνος πόλεμος, ἄνδρας ἐξ ἀρχαίου φίλους τε καὶ συμμαχοῦς Ῥωμαίων — Eus. Caes. HE. IX. 8. 2).

Цитированный пассаж Евсевия вызывает самые разные трактовки среди исследователей — если П. Ананян, следуя идее Л. Дюшена, пришел к выводу, что Максимиан II Дазя воевал не против Великой Армении как независимого государства, но против армянских нахараров, живших в Месопотамии и отказывавшихся проводить гонения на христиан, то К. Цукерман подчеркнул, что мы действительно можем говорить о войне двух государств, произошедшей, по его оценке, уже после смерти Максимиана II Дазы, зимой 313/14 г.¹⁶ Г. Кастритиус, в равной мере признающий достоверность сведений Евсевия, в то же время избегает ответа

¹⁶ Ananian P. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore (suite). // Le Muséon. Vol. 74. N. 3–4. 1961. P. 345–346; Zuckerman C. Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création de diocèses // Travaux et memoires. Vol. 14. 2002. P. 631.

на вопрос, с какими именно армянами воевал Максимиан и по какой причине произошла эта война¹⁷.

Тем не менее, если признавать достоверность сведений Евсевия Кесарийского, прежде всего мы должны поставить вопрос — какие войсковые подразделения римской армии могли участвовать в данной военной кампании? Как нам кажется, наиболее очевидный ответ — военные отряды, расположенные в провинциях Малая Армения и Понт, которые находились как раз на границе с независимым Велико-Армянским царством Аршакидов. Основу военных сил этих провинций составляли три легиона: «двенадцатый Молниеносный легион» (*legio XII Fulminata*) и «пятнадцатый Аполлонов легион» (*legio XV Apollinaris*) в Малой Армении и «первый Понтийский легион» (*legio I Pontica*) в Понте, которые в конце IV в. размещались в городах Мелитена, Сатала и Трапезунд соответственно.

О территориальном размещении всех этих трех легионов к концу IV в. мы можем судить по данным *Notitia Dignitatum*, списка всех военных и гражданских должностей поздней Римской империи, который упоминает *legio XII Fulminata*, *legio XV Apollinaris* и *legio I Pontica* в главе, перечисляющей военные силы Малой Армении и Понта (ND.Or. XXXVIII. 13–14, 16). Некоторые исследователи датируют период, отраженный в главе по Малой Армении, эпохой императора Адриана (117–138 гг.), полагая, что со II в. военная организация Малой Армении не претерпела каких-либо изменений¹⁸, тогда как П. Бреннан, посвятивший специальную статью этому вопросу, подчеркнул, что глава по войскам Малой Армении воспроизводит состояние дел в период от 364 до 394 гг., т. е. в эпоху правления императоров Валента (364–378 гг.) и Феодосия I (379–395 гг.)¹⁹.

Применительно к данному сюжету следует подчеркнуть, что в начале IV в. в названных выше трех городах действительно размещались крупные военные гарнизоны, и этот факт подтверждается целым рядом источников, главным образом, агиографических и эпиграфических. В истории мученичества солдата Евстратия и других его сослуживцев, дошедшей до нас в пересказе византийского писателя X в. Симеона Метафраста, мы можем найти упоминание дукса Лисия, резиденция которого размещалась в городе Сатала в Малой Армении (Λυσίας τοῖνον ὁ δοῦξ, τὰς διατριβὰς ἐν τῇ Σαταλέων πολούμενος — «Итак, дукс Лисий, пребывающий в Сатале»).

¹⁷ Castritius H. Der Armenienkrieg des Maximinus Daia // JbAC. Jg. 11–12. 1968–1969. S. 94–97, 102.

¹⁸ Mitford T. B. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes // ANRW. Bd. 7/2 / Hrsg. von H. Temporini. Berlin, 1980. P. 1210.

¹⁹ Brennan P. The User's Guide to the *Notitia Dignitatum*: the Case of the *Dux Armeniae* (ND Or. 38) // Antichthon. Vol. 32. 1998. P. 40–41, 48.

Этот дукс в период правления императоров Диоклетиана и Максимиана Геркулия) (Βασιλεύοντος Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ) командовал пограничными военными отрядами (*limitanei*, «лимитаны» — πάντων τῶν λιμιτανέων)²⁰ и проводил гонения на христиан в Армении и в Каппадокии.

Цитированный текст свидетельствует, что на рубеже III–IV вв. город Сатала в Малой Армении был штаб-квартирой, официальной ставкой дукса данной провинции, т. е. военного офицера, командовавшего всеми гарнизонами подотчетной ему территории. Судя по всему, мы действительно можем говорить о том, что уже в начале IV в. в Малой Армении в ходе реформ, проведенных Диоклетианом, был учрежден пост дукса — подтверждением нашему выводу может служить жизнеописание других христианских мучеников, Орентия, Фарнакия и их сподвижников, казненных за приверженность к христианскому вероучению в период «сразу после смерти Диоклетиана, (когда) царскую власть получил Максимиан» (ἄρτι μετὰ τὴν τελευτὴν Διοκλητιανοῦ Μαξιμιανὸς τὴν βασιλείαν κατασχών), т. е. в 305 г., но с двумя важными оговорками — с одной стороны, в 305 г. Диоклетиан, как известно, не умер, а добровольно отрекся от престола, а с другой, его власть в восточных провинциях империи (Ближний Восток и Малая Азия) унаследовал не Максимиан, а уже упоминаемый ранее Максимиан Даза, получивший в том году ранг Цезаря.

По данным жития, Максимиан (т. е. Максимиан Даза) приказал отправить Орентия и Фарнакия, солдат, ранее служивших в императорской армии и заподозренных в приверженности к христианству, в город Сатала, расположенный в Малой Армении (ἐν τῇ κατὰ Ἀρμενίαν πόλει τῶν Σαταλῶν), где они должны были поступить в распоряжение местного дукса (ἐπιστέλλας τῷ ἐκεῖ Δουκί)²¹. Таким образом, источники ясно свидетельствуют, что и в начале IV в. Сатала служила местом резиденции дукса Малой Армении и, соответственно, включала в свой состав военный гарнизон, подчинявшийся непосредственно этому дуксу. Сопоставляя тексты агиографических источников с данными *Notitia Dignitatum*, цитированной ранее, позволим себе предположить, что этим войсковым гарнизоном как раз и был *legio XV Apollinaris*.

По городу Трапезунду мы также обладаем важным и интересным эпиграфическим свидетельством о составе его военных сил в начале IV в. Надпись из Понта, обнаруженная в Трапезунде (Трабзоне) и опубликованная еще в XIX в., упоминает войсковое подразделение *legio I Pontica* («первый Понтийский легион»), которое, судя по всему, было размещено в этом регионе при императоре Диоклетиане (в целом мы

²⁰ Martyrium S. Eustratii et sociorum // PG. Vol. 116. Paris, 1891. Col. 468 A–469 A-B.

²¹ Acta Sanctorum. Junii tomus V. Paris, 1867². P. 694 A, C.

можем датировать надпись общим периодом 293–305 гг., поскольку ее текст содержит имена еще двух правителей, которые получили власть именно в 293 г., — Констанция Хлора и Максимиана Галерия, в то время как сам Диоклетиан, также фигурирующий в надписи, отрекся от престола в 305 г.). По изданию Т. Моммзена в CIL III 236 = 6746 (переиздано в D 639) текст выглядит следующим образом (жирный курсив наш. — Е. М.):

Imp(eratori) Caes(ari) C(aio) Aur(elio) Val(erio) Diocletiano Pio Felici Invict(o) Aug(usto) pont(ifici) m(aximo) tr(ibunicia) pot(estate) pat(ri) pat(riae) procons(uli) et / Imp(eratori) Caes(ari) M(arco) Aur(elio) Val(erio) Maximiano Pio Felici Invicto Aug(usto) pont(ifici) m(aximo) trib(unicia) pot(estate) p(atr) p(atr) procons(uli) et / Fl(avio) Val(erio) Constantio et Gal(erio) Val(erio) Maximiano nobb(ilissimis) Caess(aribus) dedicavit leg(io) I P(ontica) vestra agent[e] Tr[o---]mud[o] / pr(a)efaec(to).

Это значит, что «первый Понтийский легион» действительно размещался в Трапезунде уже в начале IV в., и подобное положение вещей не изменилось и к концу IV в. — во всяком случае, цитированная выше *Notitia Dignitatum* говорит о пребывании *legio I Pontica* именно в Трапезунде. И наконец, знаменитая история о 40 севастиийских воинах-мучениках сообщает, что они погибли за христианскую веру «во времена царя Ликийния (Лициния. — Е. М.)» (Κατὰ τοὺς καιροὺς Λικινίου τοῦ βασιλέως)²², более того, Григорий Нисский в одной из своих речей, посвященных подвигу этих мучеников, уточняет, что местом действия была Армения (ὁ δὲ τόπος, Ἀρμενία)²³. При этом — самое главное! — отец Церкви четко отождествляет севастиийских мучеников с тем военным отрядом (Ἐν τῷ τάγμα στρατιωτικῶν παλαιῶν — «был некогда один военный отряд»; Τοῦτοις τοίνυν συνετάχθη ὁ ἡμέτερος τῆς στρατῆς χορὸς — «поэтому к ним причислен и наш сонм войска»), который, по его словам, в те времена, когда империя боролась с варварами, во время одного из сражений стал молиться Богу (Καὶ οἱ μὲν ἤρχοντο) и с небес на врагов обрушились молнии, испепелившие неприятеля (καὶ ἀστράπης φλογώδεις)²⁴. Несомненно, история, о которой рассказывает Григорий Нисский — не что иное, как ссылка на эпизод из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, где «отец» церковной историографии упоминает о воинах так называемого «Мелитинского легиона» (т. е. легиона из Мелитены — τῆς Μελιτηνῆς οὕτω καλουμένης λεγεῶνος στρατιώτας), которые

²² Ausgewählte Märtyreren und andere Urkunden aus der Verfolgungszeit der christlichen Kirche / Hrsg. von O. von Gebhardt. Berlin, 1902. S. 171.

²³ Gregorii Nysseni in XL martyres oratio laudatoria // PG. Vol. 46. Paris, 1863. Col. 777 A.

²⁴ Gregorii Nysseni Encomium in XL martyres II // PG. Vol. 46. Paris, 1863. Col. 757 D, 760 A-B.

во время сражения императора Марка Аврелия (161–180 гг.) с германцами и сарматами силой своей молитвы (τὰς πρὸς τὸν θεὸν ἰκεσίας) вызвали мощный гром и молнию (σκηπτὸν), обрушившиеся на неприятеля и обратившие его в бегство. По словам Евсевия, после этого случая император присвоил легиону новое название «молниеносный», т. е. «мечущий молнии» (κεραυνοβόλον τῇ Ῥωμαίων ἐπικληθεῖσαν φωνῇ — «на языке римлян его называли “мечущим молнии”») — Eus. Caes. HE. V. 5. 1-2, 4).

Отбрасывая религиозную и мифическую сторону сведений Евсевия, подчеркнем, что прилагательное κεραυνοβόλος в этом смысле выступает греческим синонимом латинскому *fulminatus* («метающий молнии», производное от глагола *fulmino*), следовательно, перед нами тот самый «двенадцатый Молниеносный легион» из Мелитены, который упоминается в *Notitia Dignitatum*. Опять же, сопоставляя сведения *Notitia* и Григория Нисского, можно прийти к выводу, что именно солдаты *legio XII Fulminata* были казнены в Севастии по приказу императора Лициния, а значит, данный легион продолжал существовать и к началу IV в., более того, местом его дислокации служила именно Мелитена, где *Notitia Dignitatum* фиксирует его и в конце IV в.

Следовательно, если все цитированные выше источники четко подтверждают размещение в Малой Армении и Понте трех названных легионов — *XV Apollinaris*, *XII Fulminata* и *I Pontica* — в начале IV в., мы можем предположить, что римская военная экспедиция в независимой Великой Армении была проведена силами войск двух соседних с ней провинций — Малой Армении и Понта, входивших в состав Римской империи. Этой экспедицией, судя по всему, командовал дукс Малой Армении, армия которого состояла из трех легионов — *XV Apollinaris*, *XII Fulminata* и *I Pontica*.

Но кто же был противником римских войск, вошедших на территорию Великой Армении? Мы полагаем, что не армянские нахарары — главы крупных и знатных родов, жившие в верховьях Тигра и возглавлявшие так называемые сатрапии — автономные области с преимущественно армянским населением²⁵. Даже если предположить, что они отказывались подчиняться антихристианским указам Максимиана II Дазы, крайне сложно

²⁵ Подробнее о специфике и правовом статусе этих регионов см.: *Garsoïan N. Armenia in the Fourth Century. An Attempt to re-define the Concepts “Armenia” and “Loyalty” // RĒArm. Vol. VIII. 1971. P. 344–345.* Мы можем согласиться с оценкой Н. Гарсоян, полагающей, что даже в составе Великой Армении эти земли фактически сохраняли независимость и не согласовывали свою политику с армянской династией Аршакидов. В этом смысле не исключено, что они находились под сильным влиянием Сасанидов и больше тяготели к зороастризму, чем к христианскому вероучению.

поверить, что подавление их восстаний и мятежей потребовало привлечения сил трех легионов, каждый из которых в начале IV в. насчитывал не менее 6000 человек²⁶.

На наш взгляд, ответ на вопрос о противнике римских войск в Великой Армении дает источник, крайне редко привлекавший внимание западной историографии, а именно — армянская церковная хроника «История Тарона», принадлежащая авторству Ованеса Мамиконяна, настоятеля монастыря Св. Иоанна Карапета («Предвестника»), который находился в велико-армянской исторической области Тарон, к западу от озера Ван.

Автор последнего по времени — английского — перевода «Истории Тарона», Л. Авдоян, предположил, что это произведение было написано в X в., более точно — между 966 и 988 гг., с целью доказать первенство монастыря Св. Иоанна Карапета в деле христианизации Армении, поскольку Ованес Мамиконян настойчиво проводил мысль об основании монастыря самим Григорием Просветителем (Лусоворичем)²⁷. Тем не менее, как полагает Л. Авдоян, «Историю Тарона» вряд ли можно использовать как серьезный исторический источник, поскольку, по его мнению, она содержит большое количество противоречий и откровенно выдуманных сюжетов²⁸.

Мы же, как раз наоборот, рассматриваем «Историю Тарона» как источник, вполне заслуживающий доверия, более того, применительно к теме нашей работы труд Ованеса Мамиконяна содержит уникальные данные, позволяющие по-новому оценить смысл и значение армянской кампании Максимиана II Дазы, упомянутой у Евсевия Кесарийского. Согласно сведениям «Истории Тарона», в то время, когда «до царя Трдата дошел слух, что император Константин поверил в Господа и прекратил гонения

²⁶ Мы согласны с позицией А. Х. М. Джонса, отметившего, что в эпоху Тетрархии численность римских легионов, как старых, так и новых, еще равнялась старой норме в 6000 человек, тогда как в более позднюю эпоху начинается раздробление существующих легионов на более мелкие соединения: *Jones A. H. M. The Late Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 680–681.*

²⁷ В этом смысле, как нам кажется, можно согласиться с В. Зайбтом, что в области Тарон уже до официальной христианизации Армении находилось множество христианских общин, которые обладали собственной церковной иерархией. По мнению исследователя, власть армянского царя на земли Тарона практически не распространялась, и поэтому там уже долгое время вели активную миссионерскую деятельность священники из Сирии: *Seibt W. Der historische Hintergrund und die Chronologie der Christianisierung Armeniens bzw. der Taufe könig Trdats (ca. 315) // Die Christianisierung des Kaukasus / The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposiums (Wien, 9.-12. Dezember 1999). / Hrsg. von W. Seibt. Wien, 2002. S. 130.*

²⁸ *Pseudo-Yovhannēs Mamikonean. The History of Tarōn / Tr. and comm. by L. Avdoyan. Atlanta, 1993. P. 1, 42, 46–47.*

на церкви» (At that time word reached king [Trdat] that the Emperor Constantine believed in God and had stopped the persecution of the churches), земли соседней Грузии подверглись нападению так называемых «северных» племен, обративших в плен значительное количество местного населения (The king of the North... had attacked the prince of Georgia... And [the Northerners] enslaved the land...).

Далее автор рассказывает, что царь Трдат вместе с Григорием Просветителем вознамерились посетить монастырь Св. Иоанна Карапета, но внезапно Трдат был вынужден поменять свой маршрут, «отправившись по пути через горные регионы, потому что кто-то видел греческую армию и всюду ходили слухи, что князья царя Севера вернулись с большой армией» (...he proceeded by way of the mountainous regions — because some had seen the Greek army, and were spreading the rumor that the princes of the king of the North had returned with a great army). В итоге, как подчеркивает Ованес, «когда Трдат узнал, что это были греческие войска, он вернулся в *gavar* (область. — Е. М.) Хаштеанк и разместился лагерем на вершине горы Арджан...» (When Trdat learned that they were Greek troops, he returned to the *gavar* of Našteank and encamped on the summit of [Mount] Arjan...)²⁹.

Таким образом, из цитированных отрывков следует, что римские («греческие» в понимании Ованеса Мамиконяна) войска действительно разместились в нескольких регионах Великой Армении в 313 г. — в тот год, когда, Константин «прекратил преследования церквей», т. е. издал Миланский эдикт о веротерпимости, позволивший христианам свободно исповедовать свою религию. Но римская армия перешла на территорию Великой Армении не с целью противостояния с царем Трдатом III — как раз наоборот, текст «Истории Тарона» отчетливо свидетельствует, что Трдат III не воспринимал присутствие римских войск в регионе к северу от Тарона как акт агрессии и незаконного вторжения, более того, слова Ованеса Мамтконяна наводят на мысль, что римская войсковая группировка направилась в Великую Армению по согласованию и прямому призыву Трдата III.

Мы полагаем, что цель римской военной экспедиции была совершенно иной — выбить с территории Велико-армянского царства «племена Севера», т. е. гуннов, дальнейшее продвижение которых по землям Армении могло угрожать безопасности уже и римских границ. Бесконтрольное перемещение гуннов — а именно с ними мы, вслед за переводчиком «Истории Тарона», Л. Авдояном³⁰, идентифицируем общий топоним

²⁹ *Pseudo-Yovhannēs Mamikonean. The History of Tarōn...* P. 92–93.

³⁰ *Pseudo-Yovhannēs Mamikonean. The History of Tarōn...* P. 212.

«племена Севера» или «северяне» (the Northerners в пер. Л. Авдояна) — угрожало целостности римских земель, ставило под удар римскую Малую Армению и вполне могло перекинуться в соседние провинции Малой Азии.

Во избежание этого, и, вполне вероятно, не без содействия Трдата III, предельно заинтересованного в отражении набега гуннов на территорию своей страны, Максимин II Даза, правивший в Малой Азии, отправил в Великую Армению войсковой корпус, состоящий из нескольких гарнизонов соседней Малой Армении, включая давно известный и хорошо себя зарекомендовавший Двенадцатый молниеносный легион. Но когда именно развернулась эта военная кампания, можем ли мы восстановить ее точную хронологию? На наш взгляд, сведения одной латинской надписи из Северной Африки вполне могут ответить на этот вопрос.

3. Константин Великий и титул *Armenicus Maximus*: проблемы официальной идеологии и имперской пропаганды в начале IV в.

Помимо трудов Евсевия Кесарийского, Феодора Чтеца и Ованеса Мамиконяна, определенные отголоски военных действий, развернувшихся на территории Великой Армении, можно найти и в документальном источнике, а именно — латинской надписи, водруженной в одном из городов провинции Мавретания Цезарейская (запад Северной Африки, средиземноморское побережье совр. Алжира) в 318/319 гг. Текст интересующих нас строк надписи выглядит следующим образом (жирный курсив наш. — Е. М.): *Imp(eratori) Caes(ari) Flavi(o) Constantino / Maximo Pio Felici In/victo Aug(usto) pont(ifici) m(aximo) Ger(manico) / maximo III Sarm(atico) max(imo) / Brit(annico) max(imo) Arab(ico) / max(imo) Med(ico) max(imo) Arm(enico) / max(imo) Goth(ico) m(aximo)* (CIL VIII 8412 = D 696).

Приведенная выше надпись непосредственно связана с армянской кампанией цезаря Максимиана II Дазы, несмотря на то, что она содержит победные титулы, прославляющие военные успехи Константина I Великого — противника Максимиана II Дазы. Несомненно, в трактовке сведений этой надписи мы можем согласиться с позицией К. Цукермана, полагающего, что упоминание титула *Armenicus Maximus* отражает сложный и многоэтапный процесс развертывания боевых действий на территории Великой Армении — по его мнению, первоначально военная кампания велась под общим руководством Максимиана II Дазы, направившего в Великую Армению войсковой корпус, но затем этот правитель был вынужден отозвать свои войска и переместить их во Фракию, на дунайский фронт, для противостояния со своим внутривосточным противником — императором Лицинием, правившим в балкано-дунайских землях.

В итоге, как полагает К. Цукерман, Лициний, разбивший Максимиана II Дазу, продолжил и победоносно завершил войну с Арменией, присвоив себе титул *Armenicus Maximus*. Константин же, правивший в Галлии, на правах союзника и коллеги-соправителя Лициния включил в состав своей титулатуры наименование *Armenicus Maximus*, что и было отражено в надписи из Мавретании Цезарейской, также подчинявшейся Константину Великому³¹.

Правильность выводов исследователя блестяще подтверждают и сведения армянского источника, а именно — «Всеобщей истории» Вардана Великого, монаха, жившего в Киликийской Армении в XIII в. В своем труде Вардан отмечает, что «Св. Константин убил Максимиана и незаконного Лициния, который отправил своего военачальника с полком в область Капутакек и в епархии: Тевлахуник, Анатоликé, Хараснэк, Араменак и Дазимок (с приказанием) воздвигнуть гонение на христиан, которых там найдут»³².

Отбрасывая данные о конкретных епархиях и территориях, куда Лициний направил свой войсковой корпус, подчеркнем, что остальная часть цитированного пассажа, на наш взгляд, выглядит вполне достоверной и отражает реальные события, произошедшие во второй половине 313 г. или на рубеже 313/314 гг. Судя по всему, Лициний действительно перевел в Великую Армению ряд войсковых подразделений, но, опять же, не с целью противостояния с Трдатом III и преследования христиан — как и в случае с Максимином II Дазой, Лициний, очевидно, намеревался выбить остатки гуннов из Армении, чтобы тем самым полностью обезопасить восточные границы империи.

Переход же почетного титула от одного правителя к другому был для позднеримской придворной и административной практики вполне обычным явлением — например, сам Максимиан II Даза, как показывают греческие папирусы из Египта, на рубеже 312/313 гг. создал в Египте две новые провинции, присоединив к их названию почетные титулы двух императоров, правивших до него, а именно — *Aegyptus Iovia* и *Aegyptus Herculia*, в честь Диоклетиана, поклонявшегося Иовию (Зевсу), и Максимиана (Геркулия), поклонявшегося Геркулесу (Гераклу)³³, соответственно. Наименования *Iovius* и *Herculius* были неотъемлемой частью

³¹ Zuckerman C. Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création de diocèses // Travaux et Mémoires. Vol. 14. 2002. P. 631.

³² Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмина. М., 1861. С. 53.

³³ Более подробно об этом см.: Lallemand J. La création des provinces d'Égypte Jovia et d'Égypte Herculia // Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques. 5e série. Tome XXXVI. Fasc. 7. 1950. P. 394.

официальной титулатуры Диоклетиана и Максимиана в течение всей эпохи так называемой первой Тетрархии (293–305 гг.), вплоть до их отречения от престола, поэтому совершенно неудивительно, что и Максимиан II Даза, стремившийся представить себя законным наследником этих правителей, наделил титулами *Iovia* и *Herculia* названия двух провинций, созданных уже на исходе его собственного правления.

По аналогии с этим примером можно рассматривать и историю титула *Armenicus Maximus* — несомненно, он отражает факт реального пребывания римских войск на территории Великой Армении, но целью указанной экспедиции были не гонения на местных христиан, а борьба с нашествием гуннов на армянские земли. Рассмотренная выше надпись из Северной Африки, как мы полагаем, убедительно опровергает позицию К. Элинга, который на основе данных нумизматики не так давно попытался доказать, что армянская кампания Максимиана II Дазы произошла в начале 310 г., когда Максимиан находился еще в ранге цезаря — по мнению К. Элинга, в этой кампании противником Максимиана Дазы был один из армянских нахараров, восставший против его власти³⁴.

С учетом представленных выше материалов мы можем восстановить примерную хронологию событий, связанных с военными экспедициями римлян на территории Великой Армении. Лактанций, современник данной эпохи, отмечает, что Максимиан II Даза выступил против Лициния в зимнее время, направившись со своей армией в Вифинию для последующего перехода во Фракию, при этом к началу военной кампании отряды его войска размещались в Сирии, откуда они и были выведены для участия в борьбе с Лицинием (*exercitum movit e Syria hieme... in Bithyniam concurrat debilitato agmine* — Lact. De mort. pers. 45. 2). Следовательно, Максимиан должен был завершить военные действия в армянских землях до зимы 312/313 гг., поскольку война на два фронта в подобных условиях для его половины империи была просто немыслима.

Очевидно, те войсковые подразделения, которые готовились отразить набег гуннов в Великой Армении, были в спешном порядке отозваны обратно в римскую Малую Армению, где они размещались ранее, и именно поэтому Максимиан не мог использовать эти гарнизоны в борьбе с Лицинием, поскольку в данной ситуации они должны были служить защитным барьером на случай возможного вторжения гуннов в римские земли. В рамках столь сложной ситуации единственной военной силой, с которой Максимиан мог выступить против Лициния, были отряды, размещенные

³⁴ Ehling K. Bilder aus dem Armenienkrieg des Maximinus Daia // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. Jg. 60. 2010. S. 185, 191.

в Сирии и других ближневосточных регионах, и именно поэтому Максимиан направил войска Сирии во Фракию для противостояния с Лицинием.

Как мы полагаем, Лициний, разгромивший Максимиана II Дазу 1 мая 313 г., после своей победы решил продолжить кампанию против гуннов и в связи с этим вновь направил римскую армию, на этот раз более многочисленную и сильную, в Великую Армению, где, судя по наличию у Лициния и его коллеги Константина Великого титула *Armenicus Maximus*, римлянам сопутствовала удача и гунны были выбиты с территории Великой Армении.

Следовательно, весь изложенный в статье материал показывает, что начиная с 298 г., когда армянский царь Трдат был восстановлен на троне императором Диоклетианом, и вплоть до 330 г., когда Трдат ушел в мир иной, Великая Армения неизменно оставалась союзником Рима, была его сателлитом и находилась под его протекторатом. Этот союз был выгоден обеим сторонам ввиду наличия у них общей персидской угрозы, но примечательно, что в рамках союзных отношений Римская империя сохранила за собой право вооруженного вмешательства во внутренние дела Армении в случае, если они угрожали безопасности римских границ — Рим мог отправить в Армению свои войсковые контингенты для отражения набегов внешних варварских племен, таких как гунны, но противостояние с этими племенами на территории Великой Армении ни в коей мере не вело к ухудшению армяно-римских отношений и к отпадению Армении от своего внешнеполитического сюзерена.

Как раз наоборот, оборона армянских земель с помощью римских военных сил была предельно выгодна самой Армении, о чем столь красноречиво и убедительно свидетельствует пример с армянской кампанией Максимиана II Дазы. Интересно, что в этой ситуации религиозные предпочтения римских принцев уже не играли особой роли для Трдата III — несомненно, в данном вопросе он исходил из проверенных и весьма прагматичных принципов «реальной политики».

Данные о статье:

Автор: Мехмадиев Евгений Александрович, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории Средних веков СПбГУ, e.mehamadiev@spbu.ru

Название: Армения и Римская империя в начале IV в.: проблемы межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III.

Резюме: Армянский царь Трдат III, взойшедший на престол в 298 г., в течение всего времени своего правления, вплоть до 330 г., когда он ушел в мир иной, неизменно оставался союзником Рима и поддерживал внешнеполитические инициативы Римской империи. Причина подобного положения заключалась в том, что именно римская армия в 298 г. восстановила власть Трдата в Армении и вернула самой Армении государственную неза-

висимость. Одержав победу над персами, контролировавшими Армению с 252 г., римский император Диоклетиан вернул армянский трон Трдату и тем самым обеспечил себе верного и надежного союзника в Южном Кавказе — в столь стратегически важном регионе, близком к восточным границам Рима. Но сведения по неясной и загадочной армяно-римской войне цезаря Максимиана II Дазы, на наш взгляд, позволяют заключить, что и после смерти Диоклетиана Трдат оставался союзником Рима, и этому не помешали даже религиозные различия между двумя государствами, поскольку Трдат, как известно, принял христианство и сделал его государственной религией Армении, а Максимиан II Дазы был язычником. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» упоминает о войне Максимиана II Дазы против армян, и долгое время исследователи опирались только на его данные при трактовке этого события, полагая, что речь идет о настоящей войне между двумя государствами, Арменией и Римом. Но сведения источника, который ранее совершенно не привлекал внимание исследователей — «Истории Тарона» Ованеса Мамиконяна, армянского историка X в. — позволяют дать новую трактовку действий Максимиана II Дазы, а именно — армянский царь Трдат III сам обратился за помощью к римскому правителю, поскольку Армения столкнулась с мощным нашествием гуннов, которых она не могла остановить своими силами.

Ключевые слова: Великая Армения, Римская империя, Персия, Трдат III, Диоклетиан, легион из Мелитены, гунны.

Information about the article:

Author: Mekhamadiev Yevgeniy Aleksandrovich, candidate of History, a senior lecturer of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, e.mehamadiev@spbu.ru

Title: Armenia and Roman Empire at the beginning of IV A.D.: the Problems of Interstate Relations under the Reign of Armenian King Tiridates III.

Summary: The Armenian king Tiridates III, who ascended the throne in 298 A.D., constantly was the ally of Rome and supported all the Roman foreign policy initiatives during all his reign up to 330 A.D., when he died. The reason of such a condition was that the Roman army exactly restored the power of Tiridates III in 298 A.D. and returned to Armenia its state independence. Having gained the victory over the Persians, who controlled Armenia since 252 A.D., the Roman emperor Diocletian returned the throne to Tiridates III and due to this action he ensured for himself the true and reliable ally in the South Caucasus — in so important region from the strategic point of view. But, to our mind, the evidence about uncertain and enigmatic Armenian-Roman military conflict during the reign of Caesar Maximinus II Daia (305–313) permit to conclude that after Diocletian's death Tiridates III also continued to be an ally of Romans, and even the religious disputes could not prevent to this alliance. As we know, Tiridates III received the Christianity and converted Armenia into this religion, having done the Christianity an official religion of his country, while Maximinus II Daia was a pagan ruler. Eusebius of Caesarea in his «Church History» mentioned the war of Maximinus II Daia against the Armenians, and for the long time many scholars have relied only on the Eusebius' evidence, proposing that it was a real military conflict between two independent states, Armenia and Roman Empire. But the evidence of the source, which has been neglected earlier — the «History of Taron» by Iovhannes Mamikonyan, an Armenian historian of X A.D. — permit to give a new treatment of Maximinus II Daia's actions within Armenian lands, more precisely — we think that Armenian king Tiridates III applied to Roman ruler himself, because Armenia faced with the terrible invasion of the Huns, which Armenia could not reject only by its own military forces.

Key words: Great Armenia, Roman Empire, Persia, Tiridates III, Diocletian, the legion from Melitene, the Huns.

Литература, использованная в статье:

- Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмина. М., 1861.
Acta Sanctorum. Junii tomus V. Paris: apud Victorem Palmé, 1867². 1043 p.
Ananian, Paolo. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore // *Le Muséon*. 1961. Vol. 74. N. 1–2. P. 43–74.
Ananian, Paolo. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore (suite) // *Le Muséon*. 1961. Vol. 74. N. 3–4. P. 317–361.
Brennan, Peter. The User's Guide to the *Notitia Dignitatum*: the Case of the *Dux Armeniae* (ND Or. 38) // *Antichthon*. 1998. Vol. 32. P. 34–49.
Castritius, Helmut. Der Armenienkrieg des Maximinus Daia // *JbAC*. 1968–1969. Jg. 11–12. S. 94–103.
Chaumont, Marie-Luis. Sur l'origine de saint Grégoire d'Arménie // *Le Muséon*. 1989. Vol. 102. Fasc. 1–2. P. 115–130.
Chaumont, Marie-Luis. Une visite du roi d'Arménie Tiridate III à l'empereur Constantin à Rome? // *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture* / Ed. H. Ahrweiler. Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. P. 55–66.
Christensen, Arthur. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague: E. Munksgaard, 1944². 560 p.
Ehling, Kay. Bilder aus dem Armenienkrieg des Maximinus Daia // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 2010. Jg. 60. S. 183–192.
Ensslin, Wilhelm. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I (SBAW. Jg. 1947. Hft. 5). München: Verl. der Bayerischen Akad. der Wiss, 1949. 115 S.
Frye, Richard Nelson. The Political History of Iran under the Sasanians. // *Cambridge History of Iran*. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 116–180.
Garitte, Gérard. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1946. 447 p.
Garsoïan, Nina. Armenia in the Fourth Century. An Attempt to re-define the Concepts "Armenia" and "Loyalty" // *RÉArm*. 1971. Vol. VIII. P. 341–352.
Garsoïan, Nina. The Aršakuni Dynasty (A.D. 12–[180?]-428) // *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. I / Ed. R.G. Hovannisian. N.Y.: St. Martin's Press, 1997. P. 63–94.
Gregorii Nysseni Encomium in XL martyres // *PG*. Vol. 46. Paris: apud J.-P. Migne editorem, 1863. Col. 749–773.
Gregorii Nysseni in XL martyres oratio laudatoria // *PG*. Vol. 46. Paris: apud J.-P. Migne editorem, 1863. Col. 774–786.
Grenet, Frantz. Les Sassanides à Doura-Europos (253 ap. J.-C.) réexamen du matériel épigraphique iranien du suite // *Géographie historique au Proche-Orient* (Syrie, Phénice, Arabie, grecques, romaines, byzantines) / P.-L. Gatier, B. Helly, J.-P. Rey-Coquais. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1988. P. 133–158.
Grousset, René. Histoire de l'Arménie des origines à 1071. Paris: Payot, 1947. 647 p.
Honigmann, Ernst., Maricq, André. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. Bruxelles: Palais des Académies, 1953. 204 p.
Humbach H., Skjaervø Prods Oktor. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.1. Restored text and translation by Prods O. Skjaervø. Wiesbaden: Reichert, 1983. 152 p.
Jones, Arnold Hugh Martin. The Late Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford: Blackwell, 1964. 545 p.
Kettenhofen, Erich. Die römisch-persischen kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr. nach der inschrift Šahpurs I. an der Ka'be-ye Zartošt (ŠKZ). Wiesbaden: L. Reichert, 1982. 154 S.

- Lallemand, Jacqueline*. La création des provinces d'Egypte Jovia et d'Egypt Herculia // *Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques*. 5e série. 1950. Tome XXXVI. Fasc. 7. P. 387–395.
Lebon, Joseph. Sur un Concil de Césarée // *Le Muséon*. 1938. Vol. 51. P. 89–132.
Loriot, Xavier. Les premières années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244). // *ANRW*. II. Bd. 2. / Hrsg. von H. Temporini. Berlin-N.Y.: de Gruyter, 1975. P. 657–787.
MacDermot, Bryan. The conversion of Armenia in 294 A.D. // *RÉArm*. 1970. Vol. VII. P. 281–361.
Mardirossian, Aram. Le synode de Vałaršapat (491) et la date de la conversion au christianisme du Royaume de Grande Arménie (311) // *RÉArm*. 2001–2002. Vol. 28. P. 249–260.
Maricq, André. *Classica et Orientalia*: 5. Res Gestae Divi Saporis // *Syria*. 1958. Vol. 35. Fasc. 3/4. P. 295–360.
Martyrium S. Eustratii et sociorum // *PG*. Vol. 116. Paris: apud Garnier fratres, 1891. Col. 468–506.
Mittford, Timothy B. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes. // *ANRW*. II. Bd. 7/2. / Hrsg. von H. Temporini. Berlin-N.Y.: De Gruyter, 1980. P. 1169–1228.
Moses Khorenats'i. History of the Armenians / Transl. and comm. by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 408 p.
Pseudo-Yovhannēs Mamikonean. The History of Tarōn / Tr. and comm. by L. Avdoyan. Atlanta: Scholars Press, 1993. 279 p.
Seibt, Werner. Der historische Hintergrund und die Chronologie der Christianisierung Armeniens bzw. der Taufe könig Trdats (ca. 315) // *Die Christianisierung des Kaukasus / The Christianisation of Caucasus* (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposions (Wien, 9.-12. Dezember 1999) / Hrsg. von W. Seibt. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. S. 125–134.
Toumanoff, Cyril. On the Date of Pseudo-Moses of Chorene // *Handes Amsorya*. 1961. Vol. 75. P. 467–476.
Toumanoff, Cyril. *Studies in Christian Caucasian History*. Washington, DC: Georgetown University Press, 1963. 601 p.
Wirth, Gerhard. Die Mission des Katholikos. Zum Problem armenisch-römischer Beziehung im 4. Jahrhundert // *JbAC*. 1991. Jg. 34. S. 21–75.
Zuckerman, Constantin. Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création de diocèses // *Travaux et Memoires*. 2002. Vol. 14. P. 617–637.

References:

- Vseobshchaya istoriya Vardana Velikogo [The World History of Vardan the Great]* / Per. N. Emin. M., 1861. (in Russian)
Acta Sanctorum. Junii tomus V. Paris: apud Victorem Palmé, 1867². 1043 p.
Ananian Paolo. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore, in *Le Muséon*. 1961. Vol. 74. N 1–2. Pp. 43–74.
Ananian Paolo. La date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore (suite), in *Le Muséon*. 1961. Vol. 74. N 3–4. Pp. 317–361.
Brennan Peter. The User's Guide to the *Notitia Dignitatum*: the Case of the *Dux Armeniae* (ND Or. 38), in *Antichthon*. 1998. Vol. 32. Pp. 34–49.
Castritius Helmut. Der Armenienkrieg des Maximinus Daia, in *JbAC*. 1968–1969. Vol. 11–12. Pp. 94–103.

- Chaumont Marie-Luis. Sur l'origine de saint Grégoire d'Arménie, in *Le Muséon*. 1989. Vol. 102. Pp. 115–130.
- Chaumont Marie-Luis. Une visite du roi d'Arménie Tiridate III à l'empereur Constantin à Rome?, in Ahrweiler, Helene (ed). *L'Arménie et Byzance. Histoire et culture*. Paris: Publications de la Sorbonne, 1996. Pp. 55–66.
- Christensen Arthur. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen²: E. Munksgaard, 1944. 560 p.
- Ehling Kay. Bilder aus dem Armenienkrieg des Maximinus Daia, in *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*. 2010. Vol. 60. Pp. 183–192.
- Ensslin Wilhelm. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I (SBAW. Jg. 1947. Hft. 5). München: Verl. der Bayerischen Akad. der Wiss, 1949. 115 p.
- Frye Richard Nelson. The Political History of Iran under the Sasanians, in Yarshater, Ehsan (ed). *Cambridge History of Iran. Vol. 3(1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. Pp. 116–180.
- Garitte Gérard. *Documents pour l'étude du livre d'Agathange*. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1946. 447 p.
- Garsoïan Nina. Armenia in the Fourth Century. An Attempt to re-define the Concepts "Armenia" and "Loyalty", in *REArm*. 1971. Vol. VIII. Pp. 341–352.
- Garsoïan Nina. The Aršakuni Dynasty (A.D. 12– [180?]–428), in Hovannisian, Robert G. (ed). *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. I. N.Y.: St. Martin's Press, 1997. Pp. 63–94.
- Gregorii Nysseni Encomium in XL martyres, in PG. Vol. 46. Paris: apud J.-P. Migne editorem, 1863. Pp. 749–773.
- Gregorii Nysseni in XL martyres oratio laudatoria, in PG. Vol. 46. Paris: apud J.-P. Migne editorem, 1863. Pp. 774–786.
- Grenet Frantz. Les Sassanides à Doura-Europos (253 ap. J.-C.) réexamen du matériel épigraphique iranien du suite, in Gatier, Pierre-Louis, Rey-Coquais, Jean-Paul (eds). *Géographie historique au Proche-Orient (Syrie, Phénice, Arabie, grecques, romaines, byzantines)*. Paris: Editions du Centre national de la recherche scientifique, 1988. Pp. 133–158.
- Grousset René. *Histoire de l'Arménie des origines à 1071*. Paris: Payot, 1947. 647 p.
- Honigmann Ernst, Maricq André. *Recherches sur les Res Gestae divi Saporis*. Bruxelles: Palais des Académies, 1953. 204 p.
- Humbach H., Skjaervø Prods Oktor. *The Sassanian Inscription of Paikuli*. Part 3.1. Restored text and translation by Prods O. Skjaervo. Wiesbaden: L. Reichert, 1983. 152 p.
- Jones Arnold Hugh Martin. The Late Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford: Blackwell, 1964. 545 p.
- Kettenhofen Erich. Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr. nach der Inschrift Šahpurs I. an der Ka'be-ye Zartošt (ŠKZ). Wiesbaden: L. Reichert, 1982. 154 p.
- Lallemand Jacqueline. La création des provinces d'Égypte Jovia et d'Égypte Herculia, in *Académie royale de Belgique. Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques*. 5e série. 1950. Vol. XXXVI. Pp. 387–395.
- Lebon Joseph. Sur un Concil de Césarée, in *Le Muséon*. 1938. Vol. 51. Pp. 89–132.
- Loriot Xavier. Les premières années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244), in Temporini, Humberto (ed). *ANRW*. II. Bd. 2. Berlin-N.Y.: de Gruyter, 1975. Pp. 657–787.
- MacDermot Bryan. The conversion of Armenia in 294 A.D., in *REArm*. 1970. Vol. VII. Pp. 281–361.

- Mardirossian Aram. Le synode de Valaršapat (491) et la date de la conversion au christianisme du Royaume de Grande Arménie (311), in *REArm*. 2001–2002. Vol. 28. Pp. 249–260.
- Maricq André. Classica et Orientalia: 5. Res Gestae Divi Saporis, in *Syria*. 1958. Vol. 35. Fasc. 3/4. Pp. 295–360.
- Martyrium S. Eustratii et sociorum, in PG. Vol. 116. Paris: apud Garnier fratres, 1891. Pp. 468–506.
- Mittford Timothy B. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes, in Temporini, Humberto (ed). *ANRW*. II. Bd. 7/2. Berlin, 1980. Pp. 1169–1228.
- Moses Khorenats'i. History of the Armenians / Transl. and comm. by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 408 p.
- Pseudo-Yovhannēs Mamikonean. The History of Tarōn / Tr. and comm. by L. Avdoyan. Atlanta: Scholars Press, 1993. 279 p.
- Seibt Werner. Der historische Hintergrund und die Chronologie der Christianisierung Armeniens bzw. der Taufe König Trdats (ca. 315), in Seibt, Werner (ed). *Die Christianisierung des Kaukasus / The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania)*. Referate des Internationalen Symposions (Wien, 9.–12. Dezember 1999). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. Pp. 125–134.
- Toumanoff Cyril. On the Date of Pseudo-Moses of Chorene, in *Handes Amsorya*. 1961. Vol. 75. Pp. 467–476.
- Toumanoff Cyril. *Studies in Christian Caucasian History*. Washington, DC: Georgetown University Press, 1963. 601 p.
- Wirth Gerhard. Die Mission des Katholikos. Zum Problem armenisch-römischer Beziehung im 4. Jahrhundert, in *JbAC*. 1991. Vol. 34. Pp. 21–75.
- Zuckerman Constantin. Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création de diocèses, in *Travaux et Mémoires*. 2002. Vol. 14. Pp. 617–637.

Условные сокращения:

- ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin–N.Y., 1972–
 JbAC — Jahrbuch für Antike und Christentum. Münster, 1958–
 REArm — Revue des Études Arméniennes. Paris, 1964–

IV. ГЕРМАНСКИЕ ШТУДИИ

ББК 63.3(0)4 (4Гем); УДК 94(430).025-44

Norbert Angermann

ZUR ÄLTEREN SOZIALGESCHICHTE DER BALTISCHEN LÄNDER: DEUTSCHE IN DER MITTEL- UND UNTERSCHICHT (13.–17. JAHRHUNDERT)

Mit dem Begriff “Baltische Länder” ist im vorliegenden Beitrag das Gebiet des heutigen Estland und Lettland gemeint. Im Mittelalter lag dort “Livland”, ein Verbund geistlicher Herrschaftsbildungen mit dem Deutschen Orden, dem Erzbischof von Riga und mehreren Bischöfen als Landesherren. Als diese Konföderation im Livländischen Krieg (1558–1583) unterging, entstanden auf demselben Territorium die Teilgebiete Estland, Livland und Kurland. Diese wurden zunächst von Polen-Litauen und Schweden als aufeinander folgenden Vormächten beherrscht, bis Peter der Große 1710 in den Besitz der Provinzen Estland und Livland gelangte, worauf 1795 auch der Anschluss des polnisch-litauischen Lehnsherzogtum Kurland an das Zarenreich folgte. Zu Russland gehörten die drei Provinzen bzw. Gouvernements bekanntlich bis zu den politischen Umbrüchen am Ende des Ersten Weltkrieges.

In diesem Raum waren in der zweiten Hälfte des 12. Jahrhunderts Deutsche erschienen, zunächst als Kaufleute und Missionare, dann, im 13. Jahrhundert, als Eroberer. Deutsche Adlige, Stadtbürger und Geistliche übten daraufhin dort die Macht aus bzw. befanden sich in einer vorteilhaften wirtschaftlichen Position. Beim Untergang des mittelalterlichen Livland (im Jahre 1561) und bei späteren Herrschaftswechsels bestätigten die polnischen und schwedischen Könige und dann die Zaren als Inhaber der höchsten Macht immer wieder die Privilegien der Deutschen, auf deren militärische und Verwaltungsleistungen sie sich angewiesen sahen. Die besonders begünstigten Gruppen der Deutschbalten — die Ritterschaften, das städtische Patriziat und die akademisch Gebildeten — konnten so bis zum späten 19. Jahrhundert und zum Teil sogar

bis 1918 in politischer, wirtschaftlicher und kultureller Hinsicht eine führende Stellung behaupten. In der Zwischenkriegszeit waren die Deutschen in Estland und Lettland eher benachteiligt. Zu Beginn des Zweiten Weltkrieges wurden sie in von Nazideutschland besetztes polnisches Gebiet umgesiedelt, gegen Ende des Krieges flohen die meisten von ihnen nach Westdeutschland¹.

Es ist demgemäß zutreffend, wenn man sagt, dass die Oberschicht im Baltikum bis zur späten Zarenzeit im Wesentlichen aus Deutschen bestand. Darüber hinaus wurde und wird aber oft behauptet, dass die Deutschen dort als Gesamtheit eine Oberschicht darstellten. Eine solche Gleichsetzung von Deutschbalten und Oberschicht findet man auch in der neuesten wissenschaftlichen Literatur. So kennt der namhafte Historiker Konrad Maier in einem 2012 erschienenen geschichtlichen Überblick nur eine “ständisch gegliederte(n), konservative(n) deutschbaltische(n) Gesellschaft, der die Esten und Letten als Unterschicht gegenüberstanden”; gegen Ende 1918 aber hätten sich die Deutschbalten “nicht mehr als dominante Oberschicht” wiedergefunden, sondern als nationale Minderheit². Nur etwas vorsichtiger sprach der angesehene estnische Historiker Tiit Rosenberg gleichzeitig von den Deutschbalten als “der einstigen hauptsächlich zur Oberschicht gehörenden Bevölkerungsgruppe”³. Dagegen zeugen das im Folgenden Dargestellte und spätere Statistiken davon, dass die meisten Deutschen im Baltikum der Mittel- und Unterschicht zuzuordnen sind.

Der damit angesprochene wissenschaftliche Irrtum dürfte sich vor allem mit einem Defizit bei der Behandlung sozialgeschichtlicher Themen in der deutschen Baltikumforschung erklären. Zwar liegt keine geringe Zahl von einschlägigen Spezialarbeiten über die Deutschbalten vor, als umfassenderes Werk erschien aber nur die von Wilfried Schlau herausgegebene Aufsatzsammlung “Sozialgeschichte der baltischen Deutschen”⁴. Sehr bezeichnend ist, dass auch in diesem ambitionierten Werk Aufsätze über deutsche Angestellte, Arbeiter und Arme fehlen. Die einfachen Deutschen wurden von der Forschung generell besonders vernachlässigt. Dafür dürfte zum Teil die ungünstigere Quellenlage verantwortlich sein; in der geringen Intensität der Forschung und in der weitgehenden Ignorierung der “kleinen” deutschen Leute in allgemeineren geschichtlichen Darstellungen kam aber offenbar auch ein deutschbaltisches

¹ Als wichtigste Darstellung dieses großen Zusammenhangs vgl. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder / Hrsg. von G. von Pistohlkors. Berlin, 1994.

² Maier K. Deutsche im Baltikum // Die politischen Systeme der baltischen Staaten. Eine Einführung / Hrsg. von M. Knoch und S. Urdze. Wiesbaden, 2012. S. 38, 45–46.

³ Rosenberg T. “Die Zeit der Restgüter” — deutsche Landwirte in Estland und Lettland 1918–1939 // Glanz und Elend. Mythos und Wirklichkeit der Herrenhäuser im Baltikum / Hrsg. von I. von zur Mühlen. 2. Aufl. Lindenburg im Allgäu, 2013. S. 118.

⁴ Sozialgeschichte der baltischen Deutschen / Hrsg. von W. Schlau. 2. Aufl. Köln, 2000.

Selbstverständnis zur Geltung, das im späten 19. Jahrhundert seine besondere Ausprägung erhalten hatte. Auf die damals zunehmenden Ansprüche der national erwachten Esten und Letten und zugleich des russischen Staates hatten die um Ihre privilegierte Stellung besorgten Deutschbalten unter anderem mit der trotzigem Selbstdeutung: “Wir sind die Oberschicht” reagiert. Man verortete sich sozial und kulturell oben, die Existenz kleiner deutscher Leute wurde dabei verdrängt. Dieser Mythos wirkte bezeugtermaßen lange nach⁵.

Der vorliegende Beitrag fragt nun nach der Präsenz einfacher Deutscher im Baltikum während des Mittelalters und der beginnenden Neuzeit. Die Einbeziehung des 17. Jahrhunderts entspricht dem Arbeitsfeld des Lehrstuhls der hoch verehrten Jubilarin Galina Lebedeva, der dieser Versuch gewidmet ist. Die gewählte Endzäsur ist auch insofern sinnvoll, als für das 18. Jahrhundert aufgrund einer erheblich günstigeren Materiallage bereits gehaltvolle Arbeiten zum Thema erschienen sind⁶. Für die Zeit davor werden hier Befunde einer verstreuten Literatur und eigene Beobachtungen an Quellen zu einem erstmaligen Überblick zusammengeführt.

Die deutschen Kaufleute waren seit Beginn ihrer Fahrten ins Baltikum besonders von der Aussicht fasziniert, dort mit russischen Handelspartnern ins Geschäft zu kommen. Diese Chance bestand namentlich am Unterlauf der Düna, wo 1201 Riga gegründet wurde, sowie auf dem jeweiligen Gebiet der künftigen weiteren livländischen “Großstädte” Reval und Dorpat. Anfangs waren es deutsche Wanderkaufleute, die Livland aufsuchten, von denen zweifellos mancher dort geblieben ist und am Aufbau der Städte teilnahm. Nachdem die Kaufleute in Deutschland um die Mitte des 13. Jahrhunderts sesshaft geworden waren und den Fernhandel von ihrem heimischen Kontor aus zu leiten begannen, waren es jüngere Brüder, Söhne und Handelsdiener von norddeutschen Firmeninhabern, die zum Handel ins Baltikum reisten und dort zum Teil ansässig wurden⁷. Neben Vertretern eines größeren Kapitals suchten

⁵ Belege für den Mythos und vor allem aus neuerer Zeit stammendes, darunter statistisches Material, das ihn destruiert, bei *Angermann N.* Die Deutschbalten — eine Oberschicht? // *Mythen der Vergangenheit. Realität und Fiktionen in der Geschichte.* Jörgen Braker zum 75. Geburtstag / Hrsg. von O. Pelc. Göttingen, 2012. S. 247–263.

⁶ Vgl. u.a. *Bosse H.* Die kleinen deutschen Leute in den Baltischen Ostseeprovinzen // *Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1887* (1986). Jg. 34. S. 49–64; *Hoheisel A.* Die kleinen deutschen Leute auf dem Lande in Kurland // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1993. Jg. 42. S. 232–245; *Plath U.* Kommunikation als Drahtseilakt: Verwalter auf dem baltischen Gutshof in der Frühen Neuzeit // *Das Leben auf dem Lande im Baltikum.* Elf Beiträge zum 18. Baltischen Seminar / Hrsg. von J. Heyde. Lüneburg, 2012. S. 271–311.

⁷ Vgl. *Krüger E. G.* Die Bevölkerungsverchiebung aus den altdeutschen Städten über Lübeck in die Städte des Ostseegebiets // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde.* 1934. Bd. 27. S. 110–149.

auf dem neuen Markt naturgemäß auch Ärmere eine Chance zum Verdienst. Ein solcher Händler, der nur eine einzige Ware anzubieten hatte, wird in der Älteren Livländischen Reimchronik von etwa 1290 erwähnt, weil er im Zusammenhang mit Widerstand der Esten gegen die deutschen Eroberer zum Opfer geworden war. In der Chronik heißt es:

Da ging es denn in dieser Not
auch an eines armen Mannes Tod,
der war ein Deutscher, nicht reich eben,
mit Nadelhandel er fristet sein Leben,
von Dorf zu Dorfe er sie trug,
womit er sich durchs Leben schlug⁸.

Selbstredend wird diese Stelle hier nicht wegen ihres begrenzten Quellenwerts, sondern vor allem wegen ihres ansprechenden Charakters zitiert.

Der Zuzug deutscher Handwerker ins Baltikum war eine Zeitlang weniger umfangreich, und in den großen Städten, die vor allem vom Handel lebten und der Hanse angehörten, dominierte dauerhaft die Kaufmannschaft. Diese organisierte sich dort in der jeweiligen “Großen Gilde”, die in der Politik und Verwaltung der betreffenden Stadt ein wirksameres Mitspracherecht erlangte als die örtliche “Kleine Gilde” der Zunfthandwerker (in Reval gab es ausnahmsweise zwei “kleine” Gilden, die St. Kanuti- und die St. Olaignilde, zu deren letzterer vorwiegend die estnischen Handwerker gehörten). Die häufigen Interessenskonflikte zwischen den generell überlegenen deutschen Kaufleuten und den schwächeren Handwerkern bildeten ein besonderes Thema. Die Stadträte als entscheidende Machttträger ergänzten sich in den großen Kommunen allein aus der deutschen Kaufmannschaft. Nur in den kleinen Städten gelangten auch (oder vorwiegend) Handwerker und sogar Adlige in den Rat.

Die ältere Geschichte Rigas, der seit je größten Stadt im Ostbaltikum, ist von Friedrich Benninghoven sehr gründlich untersucht worden⁹. Für die Beleuchtung der Anfänge der Stadt — sein Hauptziel — musste er wegen Quellenarmut aus späterem Material Rückschlüsse ziehen, was zur Folge hatte, dass eine große Zeitspanne ins Blickfeld dieses Autors geriet. Was die ethnische und soziale Schichtung der Bevölkerung betrifft, gelangte Benninghoven zu folgendem Resultat: Im späten Mittelalter und in der Frühen Neuzeit bestanden annähernd zwei Drittel der Bevölkerung aus Deutschen, den weiteren Teil bil-

⁸ Die Livländische Reimchronik. In das Hochdeutsche übertragen von E. Meyer. Reval, 1848. S. 37. *Mittelhochdeutscher Originaltext: Livländische Reimchronik.* Mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn, 1876. S. 30.

⁹ *Benninghoven F.* Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann. Hamburg, 1961.

deten u.a. Letten, Liven und Russen. Die rein deutsche Oberschicht, bestehend aus ratsfähigen Großkaufleuten, machte etwa 10% der Bevölkerung aus, die deutsche Mittelschicht der sonstigen Kaufleute und der Handwerker reichlich 50%. Wenn man nur die soziale Gliederung der Deutschen betrachtet, gehörten demnach 16% zur Oberschicht¹⁰.

Während entsprechende Aussagen über Dorpat nicht möglich sind, weil seine ältere Schriftüberlieferung verloren ging, wurden für Reval, das eines der größten hansestädtischen Archive besitzt, von Küllike Kaplinski detaillierte Untersuchungen zur Bevölkerungsstruktur im 14. Jahrhundert vorgelegt. Ganz ähnlich wie Benninghoven sieht auch sie in vermögenden Kaufleuten, zu denen die Bürgermeister und die Ratsherren gehörten, die Oberschicht, die nach ihrer Berechnung im späten 14. Jahrhundert 9% der Revaler Bevölkerung ausmachte. Das Gros der Kaufmannschaft zählt sie ebenso wie die Meister einträglicher Handwerkszweige zur Mittelschicht (36% der Bevölkerung), Gesellen aber, wie in der Forschungsliteratur allgemein üblich, zur vielfältig zusammengesetzten Unterschicht (insgesamt 55%)¹¹. Zu den interessanten Einzelergebnissen von Kaplinski gehören ihre Erkenntnisse über die ethnische Zusammensetzung der Handwerkerschaft Revals im 14. Jahrhundert. Unter den Identifizierbaren bildeten dort Deutsche 52%, Esten 26,5%, Skandinavier 18,5% und Russen 1,9%, ein kleiner Rest waren Letten, Liven und Sonstige¹². Dies stützt die Annahme, dass die Revaler Mittelschicht reichlich zur Hälfte aus Deutschen bestand (unter den zur Mittelschicht gehörigen Kaufleuten war der deutsche Anteil sicherlich nicht geringer als bei den Handwerkern). Die deutsche Mittelschicht war damit erwartungsgemäß auch im damaligen Reval deutlich größer als die Oberschicht, wobei der Abstand zwischen den Schichten freilich geringer blieb als im Falle Rigas, das für einfache deutsche Zuwanderer attraktiver und leichter erreichbar war.

Die in Estland und in der DDR erschienenen Publikationen von Küllike Kaplinski fanden leider wenig Beachtung. In Deutschland wurden stattdessen die einschlägigen Veröffentlichungen des deutschbaltischen Historikers Heinz von zur Mühlen zur Revaler Bevölkerungsstruktur relativ stark beachtet. Dies galt namentlich für einen Aufsatz von 1957, in dem der Autor eine Revaler

¹⁰ Ebenda, S. 98–105. Resümierend *derselbe*, Riga im Mittelalter // Baltische Hefte 1960/61. Jg. 7. S. 200–201.

¹¹ *Kaplinski K.* Über die Einwohnerzahl und die Sozialstruktur Tallinns von 1369 bis 1399 // Jahrbuch für die Geschichte des Feudalismus. 1979. Bd. 3. S. 138–139. Die minimale Differenz zu 100% ergab sich aus der Abrundung der Zahlen.

¹² *Kaplinski K.* Die handwerkliche Produktion in Tallinn im 14. Jahrhundert // Hansische Studien IV. Gewerbliche Produktion und Stadt–Land–Beziehungen / Hrsg. von K. Fritze, E. Müller–Mertens, J. Schildhauer. Weimar, 1979. S. 29.

Steuerliste von 1538 auswertete, und für die Präsentation der Ergebnisse dieses Aufsatzes in dem großen Gemeinschaftswerk von Paul Johansen und Heinz von zur Mühlen „Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval“¹³. Von zur Mühlen hat außerdem weitere Steuerlisten und Einwohnerverzeichnisse von Reval publiziert und namentlich dessen Bevölkerungsstruktur von 1372 und 1688 untersucht¹⁴.

Für unseren Zusammenhang sei aufgegriffen, dass der Anteil der Oberschicht an der Gesamtzahl der Deutschen in den Arbeiten von zur Mühlen deutlich größer erscheint als bei Benninghoven und Kaplinski. Für das Jahr 1538 errechnete der Autor, dass 55% der steuerpflichtigen Revaler Deutschen zur Oberschicht gehörten, 41% zur Mittelschicht und 4% zur Unterschicht¹⁵. Im Falle der rein deutschen Oberschicht ging er von 180 Haushalten aus, bei der vom Handwerk geprägten Mittelschicht, zu der in geringerer Zahl auch Schweden und Esten gehörten, rechnete er mit etwa 130 deutschen Haushalten. Alle deutschen Kaufleute, oder mit anderen Worten alle Mitglieder der Großen Gilde zählte er zur Oberschicht. Seine Erklärung dafür lautete: „Nennenswerte soziale Unterschiede im Kaufmannsstande sind nicht nachweisbar, auch nicht zu erwarten“¹⁶.

Dagegen ist zu sagen, dass für die Rigaer Kaufmannschaft von Friedrich Benninghoven ein sehr unterschiedlicher Geschäftsumfang nachgewiesen wurde¹⁷, und dasselbe leistete Küllike Kaplinski für die Revaler Kaufleute des 14. Jahrhunderts¹⁸. Auch hatte schon Konrad Fritze, einer der führenden Hansehistoriker der DDR, zum erwähnten Aufsatz von zur Mühlen unter anderem kritisch vermerkt, dass die Kaufmannschaft, wie das Quellenmaterial aus sonstigen Hansestädten zeige, in sich differenziert gewesen sei¹⁹. Kap-

¹³ *Mühlen H. von zur.* Versuch einer soziologischen Erfassung der Bevölkerung Revals im Spätmittelalter // Hansische Geschichtsblätter 1937. Jg. 75. S. 48–69; *Johansen P., Mühlen H. von zur.* Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval. Köln / Wien, 1973. S. 109–118, 123–125.

¹⁴ *Mühlen H. von zur.* Schoßlisten der Stadt Reval 1369–1372. Ein Querschnitt durch die Bevölkerungsentwicklung Revals von der Frühzeit bis zum Ende des 17. Jahrhunderts // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands 2003. Jg. 48 (2002). S. 199–210; Die Revaler Munster-Rolle anno 1688. Ein Verzeichnis der Bürger und Einwohner / Hrsg. von H. von zur Mühlen. Lüneburg, 1992. S. 28–36.

¹⁵ *Mühlen*, Versuch (wie Anm. 13). S. 68; dasselbe tabellarisch bei *Johansen, von zur Mühlen*, Deutsch und Undeutsch (wie Anm. 13). S. 124.

¹⁶ *Mühlen*, Versuch (wie Anm. 13). S. 61.

¹⁷ *Benninghoven*, Rigas Entstehung (wie Anm. 9). Bes. S. 89–90.

¹⁸ *Kaplinski*, Einwohnerzahl (wie Anm. 11). S. 132–135.

¹⁹ *Fritze K.* Entwicklungsprobleme der Sozialstruktur der Städte im Ostseeraum im Spätmittelalter // Problemy razvitiya feodalizma i kapitalizma v stranach Baltiki. Doklady istoričeskoj konferencii (14–17 marta 1972 g.). Tartu, 1972. S. 15–16.

linski kritisierte von zur Mühlen ebenfalls, wobei sie auf das Formalistische seiner weitgehend am Ständemuster orientierten Gruppierung hinwies und die Relevanz der großen Vermögensunterschiede zwischen den Städtern für die Schichteneinteilung betonte²⁰. Berücksichtigt man diese berechtigten Einwände, dann muss nach den verfügbaren Angaben über Unterschiede innerhalb der Revaler Kaufmannschaft mehr als die Hälfte der Haushalte, die von zur Mühlen der Oberschicht zugeordnet hatte, der deutschen Mittelschicht zugeschlagen werden. Außerdem erhöht sich der Anteil der deutschen Unterschicht, wenn man nicht nur die steuerpflichtigen Haushaltsvorstände berücksichtigt, sondern auch die nicht steuerpflichtigen deutschen Kauf- und Handwerksgelesen, von denen es 1538 einige hundert dauerhaft in Reval ansässige gab²¹. Der Versuch einer Annäherung an die Realität führt also auch für das Reval des Jahres 1538 zu dem Ergebnis, dass die größte Zahl der Deutschen zur Mittel- und Unterschicht gehörte.

Was die erwähnten Kauf- und Handwerksgelesen betrifft, gehörten neben in Livland geborenen auch unmittelbar aus Deutschland stammende dazu, die im Falle der Handwerksgelesen auf ihrer üblichen Wanderung in den Osten gekommen waren. Dass viele Zuzügler in Livland blieben, bestätigt der Revaler Chronist Bathasar Rüssow (1536–1600), der in seiner zuerst 1578 und überarbeitet 1584 erschienenen Darstellung Interessantes über die Zeit vor dem Beginn des Livländischen Krieges (1558) zu berichten weiß. Rüssow schreibt, dass die livländischen Städte besonders dank des Handels mit Russland eine wirtschaftliche Blüte erlebten, so dass „vieler armen Leute Kinder, die aus Deutschen Landen hier zu Dienste gekommen sind, bald zu großer Herrlichkeit und Reichtum gediehen sind“²². Die Angabe, dass viele ursprünglich Arme sehr reich und angesehen wurden, klingt ziemlich übertrieben. Sie entspricht der Tendenz der Chronik, ein Kontrastbild vom Reichtum (und der sittlichen Verderbnis) in der Zeit vor dem Untergang Alt-Livlands und dem danach folgenden Elend zu zeichnen. Für Handwerksgelesen sah die Realität so aus, dass ein zunehmender Teil von ihnen nicht einmal zur Mittelschicht der Zunftmeister aufsteigen konnte, da seit dem 15. Jahrhundert nicht wenige „Ämter“ (Zünfte)

²⁰ *Kaplinski K.* Tallinna käsitöölised XIV sajandil. I. Tallinn, 1980. S. 184–185. — Von zur Mühlen scheint die kritischen Hinweise von Fritze und Kaplinski nicht wahrgenommen zu haben. Noch in einer Veröffentlichung von 2003 identifiziert er die normalen Kaufleute für alle behandelten Zeitpunkte mit der Oberschicht. Vgl. *Mühlen*, Schoßlisten (wie Anm. 14). Passim.

²¹ Nach einer Schätzung von Heinz von zur Mühlen gab es 1527/1538 in Reval etwa 400 Kauf- und Handwerksgelesen. Siehe *Mühlen*, Schoßlisten (wie Anm. 14). S. 209.

²² *Rüssow B.* Livländische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit Anmerkungen versehen durch E. Pabst. Reval, 1845. S. 12. Niederdeutscher Originaltext: *Rüssow, B.* Chronica der Prouintz Lyfflandt. Bart, 1584. Nachdruck Hannover–Döhren, 1967. S. 10.

hinsichtlich der Zahl ihrer Meister „geschlossen“ wurden²³. Die Aussage der Chronik über den Zuzug vieler junger Leute aus armen Verhältnissen nach Livland ist aber sicherlich zutreffend.

Im Anschluss an die zitierte Stelle erwähnt Rüssow deutsche Hofsknechte (auch Hofdiener) und Handwerksgelesen, die in Livland unterwegs waren²⁴. Zum ersten Ausdruck ist zu beachten, dass „Knecht“ ein breites Spektrum von Bedeutungen hatte. Bei Rüssow könnten Dienstleute von Landes- oder Gutsherren mit sehr unterschiedlichen Funktionen gemeint sein. Der betreffende Passus aus der Chronik sei hier vollständig zitiert, da er einen Blick auf den Status einfacher Deutscher in Livland eröffnet. Und zwar schreibt der Chronist, dass die Deutschen die Herrschaft im Lande innehatten und deshalb von dem undeutschen Volke in solchen großen Ehren und Würden gehalten worden, daß sie auch den geringsten Hofdiener und Handwerker Herr und Junker genannt haben. Und so war es einem Hofsknechte oder Handwerksgelesen eine große Schande und Unehre, daß er hier im Lande zu Fuße sollte reisen oder wandern; denn er ward von den Edelleuten um der Deutschen Zunge willen unentgeltlich, und von den Bauern um eine gar geringe Verehrung von dem einen zum andern zu Wagen und zu Pferde gefördert, wo er sein wollte; und auf dem Wege brauchte er für Futter und Mahl nicht zu sorgen, welches er bei den Deutschen umsonst, und bei den undeutschen Bauern für sich und für seinen Klepper um einen Lübschen Sechsling ganz Tag und Nacht haben konnte. Und einem Deutschen, er mochte so gering sein, als er wollte, wurde es sehr verargt, daß er an eines Herrn oder Edelmanns Hof vorbei zog, wo ein jeder Deutscher um der Deutschen Zunge willen ganz lieb, angenehm und willkommen war und Alles frei auf hatte²⁵.

Dieser wiederum emotionale, aber bei dem anspruchsvollen Autor Rüssow in der Sache ernst zu nehmende Text bezeugt, dass Prestige in Livland nicht nur mit einer höheren sozialen Stellung, sondern auch mit der ethnischen Zugehörigkeit zu den Deutschen verbunden war. „Deutsch“ erscheint hier als Ehrbegriff, der auch von den „Undeutschen“ (Esten und Letten) akzeptiert wurde. Weitere Quellen bestätigen den Geltungsanspruch, der auch für einfache Deutsche aus ihrer ethnischen Zugehörigkeit folgte²⁶, sowie eine

²³ Vgl. *Kaplinski*, Einwohnerzahl (wie Anm. 11). S. 137; *Margus A.* Katalog des Stadtarchivs Tallinn. IV. Archiv der St. Kanutigilde. Tallinn, 1938. Einleitung. S. XXXVIII.

²⁴ *Rüssow* (wie Anm. 22). S. 12.

²⁵ Ebenda.

²⁶ Eine knappe Formulierung bei *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten von Lief- und Ehtland. Bd. 2. Riga, 1777. S. 43: „Der Deutsche, er sei auch aus der niedrigsten Klasse, sieht sich, im Vergleich gegen den Bauer, als einen Herrn an“. Ebenda, S. 44 erwähnt Hupel den „Stolz des deutschen Pöbels“.

Orientierung von Alt-Einheimischen an den Deutschen als Vorbildern²⁷. Ohne die letztere wäre der Volkstumswechsel von Esten und Letten zum Deutschtum nicht erklärlich, der bis zum nationalen Erwachen der Esten und Letten in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts recht häufig war. Der entscheidende Beweggrund für diese eine Anpassung bedeutende Haltung von Esten und Letten war natürlich die herrschende Stellung der Deutschen, wie schon Rüssow zum Ausdruck bringt (siehe oben). Das über die positive Orientierung von Einheimischen an den Deutschen Gesagte gilt, obwohl es gleichzeitig auch verständlichen Hass von estnischen und lettischen Bauern gegen ihre deutschen Ausbeuter gab und spätere Zeugnisse besagen, dass einheimische Bauern von ihrer gesicherten Standesposition aus sozial schwache Deutsche, die außerhalb der traditionellen Ständeordnung standen, verachteten²⁸. Damit gelangt etwas von der Komplizität der sozialen Beziehungen im Baltikum in das Blickfeld.

In Bezug auf den Ausdruck "Deutsch" sei festgehalten, dass der Passus bei Rüssow eine ethnische Bedeutung desselben bezeugt. Die Handwerksgelesen usw. sind nach seinem Bericht wegen ihrer deutschen Herkunft und ethnischen Zugehörigkeit willkommen. Der Ausdruck erhielt im Baltikum aber auch einen sozialen Sinn. Viel beachtete Formulierungen findet man dazu beim baltischen Aufklärer August Wilhelm Hupel, welcher unter anderem schrieb, man teile die Einwohner "in zwei Hauptklassen, in Deutsche und Undeutsche ... Wer nicht Bauer ist, heißt ein Deutscher, wenn er auch kein deutsches Wort sprechen kann, z.B. Russen, Engländer u. d. d. Zu dieser Klasse gehören der Adel, die Gelehrten, Bürger, Amtleute, freygebohrne Bedienten, auch sogar Freygelassene,

²⁷ Konkretes dazu in einem Brief des Pfarrers von Kadrina an das estländische Konsistorium vom Ende des 17. Jahrhunderts, wiedergegeben bei *Soom A.* Die Landhandwerker in Estland im 17. Jahrhundert // *Commentationes Balticae*. 1957. Bd. 3 (1955). S. 205. Demnach schrieb der Pfarrer, "daß, wenn auch die Handwerker, Müller und Krüger seines Kirchspiels Esten wären, sie sich als Deutsche ausgaben und wünschten, daß auch andere Leute sie dafür hielten. Dadurch sei der Pfarrer gezwungen, alle kirchlichen Handlungen bei ihnen in deutscher Sprache vorzunehmen". Dabei beherrschten diese Esten das Deutsche nur sehr mangelhaft. Anders als Soom an dieser Stelle will, sehe ich das Motiv der Esten im Streben nach gesellschaftlichem Ansehen. Solche sozialen Aufsteiger erscheinen in den Quellen dann bald als Deutsche.

²⁸ Dazu sei ein spätes, aber aufschlussreiches Zitat eines klugen, wenn auch mit üblichen deutschbaltischen Vorurteilen behafteten anonymen Autors angeführt. Er schrieb über kleine deutsche Leute auf dem Lande wie Krüger, Waldaufseher und sogar einen Teil der Gutsverwalter: "In einem Lande, wo jeder Stand eine Körperschaft bildet, die eigenthümliche Rechte und Einrichtungen besitzt, ... muß es auffallen, einen Menschenhaufen anzutreffen, der nirgend recht hingehört ... auch in unvollkommenerem Grade den Schutz der Gesetzte genießt, als die Glieder der wirklichen Stände des Landes. ... Die in Rede stehende Classe wird nirgend repräsentiert und wird von allen Ständen in gleichem Maße gehaßt und verachtet." Der Titel des Beitrages: Die Kleindeutschen, oder der "Deutsche Mann", in den Ostseeprovinzen // *Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland*. 1833. No. 18. S. 70.

sobald sie ihre vorige Kleidung mit der deutschen verwechseln"²⁹. Irrtümlich halten manche Forscher diesen sozialen Begriff, dessen Kern die persönliche Freiheit bildet, für den einzigen im Baltikum der Frühen Neuzeit geltenden.

Auffällig ist die Angabe im zitierten Text von Rüssow, dass einfache Deutsche wegen ihrer ethnischen Zugehörigkeit sogar bei adligen Gutsherren als Gäste willkommen waren. Seit dem 18. Jahrhundert gibt es viele Zeugnisse dafür, dass sich gelangweilte deutschbaltische Gutsherren häufig besuchten, aber für einfache Deutsche hatten sie in der Regel nur größte Verachtung übrig³⁰. Dieses entschiedene Überwiegen ständischer Vorurteile könnte das Resultat eines Entwicklungsweges sein, der in der Zeit Balthasar Rüssows noch im Gange war. Wenn dies richtig ist, hätte es im Laufe der Frühen Neuzeit im Baltikum einen gewissen Mentalitätswandel gegeben, der die Beziehungen zwischen den sozialen Gruppen verschärfte. Eine ansteigende Kurve gab es ja auch bei der Diskriminierung der "Undeutschen"³¹.

Da es in Livland zu keiner Einwanderung deutscher Bauern gekommen war, blieben die Städte der Lebensraum des größten Teils der deutschen Bevölkerung (die nie mehr als 10% der Gesamtbevölkerung ausmachte). Aber auch auf dem Lande gab es nicht nur die verstreut ansässigen adligen Vasallen und Geistlichen als Angehörige der Oberschicht, sondern auch nennenswerte Gruppen von "kleinen" Deutschen. Bei Burgen und Landkirchen waren im Mittelalter mehrere Dutzend kleiner Siedlungen, sogenannter "Hakelwerke", entstanden, in denen Kleinhändler, Handwerker, Krüger und Ackerbürger lebten. Zu dieser multiethnischen Einwohnerschaft gehörten auch Deutsche. Die Bewohner der Hakelwerke belieferten die bei ihnen gelegenen Burgen mit handwerklichen Erzeugnissen und sonstigen Waren, und ihre kaufmännische Tätigkeit diente der Vermittlung zwischen den großen Handelszentren und dem flachen Land³².

Unter den Laien im unmittelbaren Dienste des Ordens und der bischöflichen Landesherren waren neben Adligen ebenfalls einfache Deutsche anzutreffen — besonders Handwerker, Wirtschaftler und Angehörige der militärischen

²⁹ *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten von Lief- und Ehistland. Bd. 1. Riga, 1774. S. 140–141.

³⁰ Auch Aufklärer und sonstige gebildete Autoren des 18. und weithin noch des 19. Jahrhunderts äußerten sich pejorativ über die kleinen deutschen Leute im Baltikum. Vgl. Anm. 26 und 28.

³¹ In diesem Zusammenhang ist eine neue Studie von Tiina Kala interessant, nach der es in Reval zwar schon seit der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts zu einer mit wirtschaftlicher Konkurrenz erklärbarer Beschneidung der Rechte der Esten kam, die mittelalterlichen Quellen aber nichts über Konflikte mit den Deutschen aufgrund der ethnischen Herkunft der Beteiligten berichten. Vgl. *Kala T.* Gab es eine nationale Frage im mittelalterlichen Reval? // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2012. Bd. 7. S. 11–32.

³² Vgl. *Angermann N.* Einführung // *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse*. Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar / Hrsg. von demselben. Lüneburg, 2003. S. 12, 19.

Burgbesetzungen. Die deutschen „gemeinen Diener im Dienste der Herren zu Livland“ oder „Schwarzhäupter“ bildeten im ausgehenden Mittelalter eine territorial übergreifende Großgruppe, die ihre Interessen sogar auf den gesamtlivländischen Landtagen zu vertreten wusste³³. Leider liegen uns nur ganz vereinzelt konkrete Angaben über den personellen Bestand von livländischen Verwaltungseinrichtungen vor. Für Fellin, die größte aller livländischen Ordensburgen, wurden 1554, also in der Zeit des Niedergangs des Orden, immerhin noch 132 Belohnungsempfänger mit ihren Funktionen verzeichnet. Darunter befanden sich Angehörige livländischer Adelsfamilien, aber eben auch relativ viele deutsche Handwerker, Diener und 37 bewaffnete Dienstleute („Stallbrüder“)³⁴.

Im Verzeichnis von 1554, das sich über die Burg hinaus auf die gesamte Komturei Fellin bezieht, wird auch das Personal der dazu gehörigen „Höfe“ (Güter) aufgeführt. An der Spitze steht jeweils ein „Landknecht“, rein wirtschaftliche Funktionen üben der „Meier“ und die „Meiersche“ aus, vereinzelt gehört auch ein Müller dazu³⁵. Hier haben wir es mit frühen Angehörigen einer ländlichen Mittel- und nichtbäuerlichen Unterschicht zu tun, der nach der weiteren Entwicklung der Gutswirtschaft und verstärkter deutscher Zuwanderung besonders im 18. Jahrhundert schließlich viele Tausende von Verwaltungsbeamten, Handwerkern, Krügern, Küstern, Waldaufsehern, Bediensteten usw. angehören sollten³⁶. Bei diesen persönlich oft freien Menschen handelte es sich sowohl um Deutsche als auch um Letten und Esten, außerdem

³³ *Stavenhagen O.* Über die Organisation der Schwarzhäupter auf den livländischen Schlössern // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1895. Riga, 1896. S. 27–29. — In den großen livländischen Städten gab es Korporationen mit der gleichen oder fast gleichen Bezeichnung „Schwarzhäupter“ oder „Schwarzenhäupter“, die denselben hl. Mauritius (als Mohren vorgestellt) zum Schutzheiligen hatten wie die Dienstleute der Landesherren. Ihre Mitglieder waren junge Söhne von livländischen Kaufleuten, die später in die jeweilige Große Gilde aufgenommen wurden, also keiner besonderen Schicht angehörten, sowie auswärtige Kaufgesellen. Für den vorliegenden Beitrag konnten sie angesichts unserer Fragestellung ebenso unberücksichtigt bleiben wie etwa die nur vorübergehend in Livland anwesenden deutschen Söldner.

³⁴ *Johansen P.* Ein Verzeichnis der Ordensbeamten und Diener im Gebiet Fellin vom Jahre 1554 // Sitzungsberichte der Altertumsforschenden Gesellschaft zu Pernau. 1926–1929. Bd. 9. S. 127–130.

³⁵ Ebenda. S. 129–130.

³⁶ Genaue Zahlen insbesondere für das späte 18. Jahrhundert bei *Hoheisel A.* Der landische deutsche Mittelstand // Sozialgeschichte der baltischen Deutschen / Hrsg. von W. Schlau. 2. Aufl. Köln 2000. S. 211–228. Der von deutschbaltischen Historikern im Hinblick auf die Zeit seit dem 18. Jahrhundert verwendete Begriff „landischer [ländlicher] Mittelstand“ ist kritikwürdig. Die betreffenden Personen standen ja außerhalb der Ständeordnung (vgl. Anm. 28), und die gemeinten Personengruppen gehören nach der in der Wissenschaft üblichen Einteilung zur Unterschicht.

um Schweden, Finnen usw.). Im „höheren“ beruflichen Segment überwogen Deutsche, ansonsten waren Letten und Esten in der Überzahl. Gerade in diesem multiethnischen Milieu kam es auch häufig zum Volkstumswechsel.

Um zur zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts zurückzukehren, so sind Bezugnahmen auf deutsche Landhandwerker und die Verwaltung bzw. das Personal von Gütern beachtenswert, die sich in kurländischen Quellen finden. Ein Landtagsrezess vom 28. Februar 1567 erwähnt „die teutschen Handwerker ... so in den Hakelwerken, Märkten, zu Lande oder ... in jedem Kirchspiel wohnen“³⁷. Im Landtagsrezess vom 22. Juni 1570, einer Art Landesordnung des Herzogtums Kurland, ist mit dem Blick sowohl auf herzogliche als auch auf adlige Güter von „Landknechten“ und „anderen Amtleuten“ die Rede, ebenso von „Meyerschen“, also Wirtschaftserinnen. An der betreffenden Stelle werden sexuelle Beziehungen zwischen den Ersteren und den Letzteren untersagt, in gleicher Weise solche zwischen Dienern und „teutschen oder unteutschen Dirnen“³⁸. In einer weiteren Quelle, dem Edikt des kurländischen Herzogs Gotthard Kettler vom 28. Juli 1570, wird ebenfalls außerehelicher Sex von Amtleuten und Dienern des Herzogs und des Adels mit „mädlein teutsch und unteutsch“ unter Strafe gestellt³⁹. Für unseren Zusammenhang ist festzuhalten, dass hiermit die Existenz einfacher deutscher Mägde bezeugt ist und dass die ursprünglich wohl nur für Dienstleute der Landesherren übliche Bezeichnung „Amtmann“ auch zu einer solchen der Verwalter von adligen Gütern wurde. Die Zahl der deutschen Amtleute war offenbar bereits beträchtlich.

Im 17. Jahrhundert verstärkte sich der Bedarf an Gutsverwaltern, denn viele livländische und estländische Gutsherren waren wegen Teilnahme an den Kriegszügen der militanten schwedischen Monarchie lange Zeit abwesend, und besonders in der zweiten Jahrhunderthälfte erfolgte eine Vergrößerung der Gutsbetriebe auf Kosten des Bauernlandes. Auch neu gegründete Nebengüter erforderten zusätzliches Verwaltungspersonal. Unter diesen Umständen bildeten die Amtleute eine besonders große Gruppe der deutschen ländlichen Mittelschicht. Der Bedarf an Gutsverwaltern führte zur Einstellung auch wenig qualifizierter Personen, so dass das Ansehen der Amtleute generell nicht so hoch war, wie ihre leitende Stellung erwarten lassen könnte.

In der baltischen ökonomischen Literatur des 17. Jahrhunderts⁴⁰ nimmt die Behandlung des Tätigkeitsbereichs der Amtleute einen herausragenden Platz ein. Dort werden den Gutsbesitzern zugleich Ratschläge dafür erteilt, wie sie

³⁷ Curländische Landtagsrezesse / Hrsg. von Friedrich von Klopmann // Archiv für die Geschichte Liv-, Est-, und Curlands. 1843. Bd. 2. S. 171.

³⁸ ³⁸ Ebenda. S. 195.

³⁹ ³⁹ Ebenda. S. 212.

⁴⁰ Dazu *Plath*, Verwalter (wie Anm. 6); Vorstellung der einzelnen Titel dort S. 278–280.

die Verwalter mittels intensiver Befragung der Bauern kontrollieren können. Mit Rangbestand gegenüber dem Amtmann nahm auf den Gütern auch die "Hofmutter" verantwortungsvolle Aufgaben wahr. Sie war für alles, was das Vieh betraf, zuständig⁴¹.

Neben den Amtleuten stellten die nur selten mit einer städtischen Zunft verbundenen Handwerker eine zweite große Gruppe unter den "freien deutschen Leuten" auf dem Lande dar. Unter den gesamten auf dem Lande tätigen Webern, Schmieden, Schustern, Gerbern usw. befanden sich die Deutschen aber in der Minderheit. Die Zulässigkeit handwerklicher Arbeit außerhalb der Zünfte wurde von den Städten und insbesondere von den dortigen Handwerkern das ganze 17. Jahrhundert hindurch bestritten, doch behaupten die Adligen das Recht, im Bereich ihrer Güter die notwendigen Handwerker zu halten. Deren Lage war dort selbstredend schlechter als die der städtischen Zunftmeister⁴². Aufgrund ihrer persönlichen Freiheit und Mobilität konnten die deutschen Handwerker auf den Gütern aber oft bessere Arbeitsbedingungen und höhere Vergütungen durchsetzen als die vielfach unfreien Esten und Letten⁴³.

Um handwerkliche Tätigkeit geht es weitgehend auch, wenn wir schließlich noch einen Blick auf das Manufakturwesen werfen, das bei den rückständigen sozialökonomischen Bedingungen im Baltikum während des 17. Jahrhunderts nur begrenzte Entfaltungsmöglichkeiten besaß. In unserem Zusammenhang muss festgestellt werden, dass für die Papier- und Glasherstellung erste Mühlen bzw. eine erste Hütte entstanden, dort aber nur einzelne deutsche Meister tätig waren⁴⁴. Für den Schiffbau in Windau und Libau (Herzogtum Kurland) sowie Narva zog man erklärlicherweise vor allem Meister aus den auf diesem Gebiet

⁴¹ Vgl. beispielsweise die Abschnitte "Von dem Amtmann" und "Von der Hoff-Mutter und dero Amtsverrichtungen" bei *Herman[n] J. Lieffländischer Lanndman[n]*. Riga, 1662. S. 116–139 und 139–143.

⁴² *Soom*, Landhandwerker (wie Anm. 27). S. 169–205.

⁴³ Ebenda. S. 204.

⁴⁴ Vgl. *Enš G. Bumažnye mel'nicy i rabočaja sila v Kurljandii (XVII–načalo XIX vv.)* // *Latvijas PSR Zinatņu Akadēmijas Vēstis*. 1979. No. 12. S. 60–63. Hier wird erkennbar, dass die Papiermühlen jeweils nur von einem deutschen Meister geleitet wurden, der "Undeutsche" anlernte. — Zur 1628 auf der estnischen Insel Dagö angelegten Glashütte siehe *Grimm C.* Zur Geschichte der Glasmacher in Est- und Nordlivland // *Genealogie. Deutsche Zeitschrift für Familienkunde*. 1977. Jg. 26. S. 405–406. Die Einwanderung einer ganzen Reihe von deutschen Glasmachern in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhundert ist angegeben bei *Feldmann R.* Verzeichnis sämtlicher Glasmacher-Familien in Est- u. Livland // *Baltische familiengeschichtliche Mitteilungen*. 1935. Jg. 5. S. 41–42. Dazu findet man in der Forschungsliteratur aber nichts. Detlef Kühn äußerte offenbar zu recht Zweifel an den von Feldmann genannten und von *Grimm a. a. O.* S. 422–424 wieder aufgegriffenen "Jahren der Einwanderung". Vgl. *Kühn D.* Zur Herkunft deutscher Glasmacher im Baltikum // *Ostdeutsche Familienkunde*. 1985. Jg. 33. S. 328, Anm. 2.

führenden Niederlanden heran⁴⁵. In der eisenverarbeitenden Industrie, die unter den Herzögen von Kurland energisch gefördert wurde, nahmen jedoch aufgrund wiederholter Werbungen besonders in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts zahlreiche Handwerker aus Deutschland die Arbeit auf⁴⁶.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass die Deutschen in den Baltischen Ländern in der behandelten Zeit vor allem der Mittelschicht, teilweise aber auch der Unterschicht angehörten. Die Oberschicht trat schon allein im Vergleich zur Mittelschicht zahlenmäßig zurück. Dies wurde namentlich in einer kritischen Auseinandersetzung mit Darlegungen von Heinz von zur Mühlen zum Jahre 1538 nachgewiesen, galt aber dauerhaft. Ansonsten zeigt sich beim Blick auf die einfachen Deutschen ein vielfältiges Bild. So treten in Stadt und Land unterschiedliche Gruppen mit jeweils besonderen Existenzbedingungen hervor. Neben Kontinuitäten wie dem Gegenüber von schwächeren Handwerkern und starker Kaufmannschaft in den größeren Städten stehen Wandlungen und Konflikte. Es handelt sich hier um ein aspektreiches Thema, dem mit dem Ziel der Gewinnung eines differenzierten Bildes von den sozialen Verhältnissen im Baltikum weiter nachzugehen sein wird.

Данные о статье:

Автор: Ангерманн Норберг, почетный профессор Университета Гамбурга, NorbertAngermann@T-Online.de.

Заголовок: К вопросу о социальной истории балтийских земель: балтийские немцы в средних и низших общественных структурах (XIII–XVII вв.).

Резюме: Статья рассматривает вопрос, до сих пор плохо освещенный в европейской и немецкой историографии. Долгое время в ходу было заблуждение о доминировании немцев только в структурах общественной элиты (дворянство и городской патрициат Ливонии). Данные источников, статистика и хроники раннего Нового времени позволяют прийти к совершенно иным заключениям. Выходцы из Германии и представители местных немецких семейств обладали внушительным удельным весом на разных этажах общественной пирамиды, в том числе и среди социальных низов.

Ключевые слова: Прибалтика, рыцарство, дворянство, патрициат, немцы, общество.

Information about the article.

Author: Norbert Angermann, Professor Emeritus of University of Hamburg, NorbertAngermann@T-Online.de.

⁴⁵ Dazu jüngst *Jakovleva M.* Mythos und Realität. Zur Flotte und zum Schiffbau im Herzogtum Kurland // *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2013. Bd. 8. S. 98–101; *Küng E.* Jacob Porteus' Manufakturgewerbe in Narva in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Die baltischen Länder und Europa in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von N. Angermann, K. Brüggemann, I. Pölsam-Jürjo. Köln, 2015. S. 295–299.

⁴⁶ *Jakovleva M.* Merkantilismus und Manufakturen: Die Eisenwerke der Herzöge von Kurland // *Das Herzogtum Kurland 1561–1795. Verfassung, Wirtschaft, Gesellschaft* / Hrsg. von E. Oberländer, I. Misäns. Lüneburg, 1993. S. 102–127.

Title: On the Social History of Baltic lands: Baltic Germans in middle and lowest Society Structures (13–17 c.).

Summary: The present paper deals with the question which has not received many attention before in European and German historiography. Many times it had been suggested that in Baltic lands Germans dominated only in social elite (nobility and city patriciate). But the data of sources, statistics and chronicles of early Modern time permit to make quite another conclusions. Emigrants from Germany and representatives of local German families gained a considerable share at the different levels of social pyramid, including lower classes.

Key words: Baltic lands, knightage, nobility, patriciate, the Germans, society.

References:

- Angermann Norbert. Die Deutschbalten — eine Oberschicht? in: Pelc, Ortwin (ed.). *Mythen der Vergangenheit. Jörgen Braker zum 75. Geburtstag*. Göttingen: V&R Unipress, 2012. Pp. 247–263.
- Angermann, Norbert (ed.). *Städtisches Leben im Baltikum zur Zeit der Hanse. Zwölf Beiträge zum 12. Baltischen Seminar*. Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2003. 290 p.
- Benninghoven Friedrich. Riga im Mittelalter, in: *Baltische Hefte*. 1960/61. Vol. 7. Pp. 193–206.
- Benninghoven Friedrich. *Rigas Entstehung und der frühhansische Kaufmann*. Hamburg: Velmede, 1961. 168 p.
- Bosse Heinrich. Die kleinen deutschen Leute in den Baltischen Ostseeprovinzen, in: *Jahrbuch des baltischen Deutschtums*. 1987. Vol. 34. Pp. 49–64.
- Die Kleindeutschen, oder der “Deutsche Mann”, in den Ostseeprovinzen, in: *Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland*. 1833. No. 18. Pp. 70–71.
- Die Livländische Reimchronik*. In das Hochdeutsche übertragen von E[duard] Meyer. Reval: F. Kluge, 1848. 374 p.
- Enš G. A. Bumažnye mel’nicy i rabočaja sila v Kurljandii (XVII — načalo XIX vv.), in: *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. 1979. No. 12. Pp. 60–63.
- Feldmann Robert. Verzeichnis sämtlicher Glasmacherfamilien in Est- und Livland, in: *Baltische familiengeschichtliche Mitteilungen*. 1935. Vol. 5. Pp. 40–42.
- Fritze K[onrad]. Entwicklungsprobleme der Sozialstruktur der Städte im Ostseeraum im Spätmittelalter, in: *Problemy rasvitija feodalizma i kapitalizma v stranach Baltiki*. Doklady istoričeskoj konferencii (14–17 marta 1972 g.). Tartu, 1972. Pp. 6–20.
- Grimm Claus. Zur Geschichte der Glasmacher in Est- und Nordlivland, in: *Genealogie. Deutsche Zeitschrift für Familienkunde*. 1977. Vol. 26. Pp. 403–425.
- Herman[n] Johann. *Liefländischer Landman[n]*. Riga: Georg Matthais Nöller, 1662. 104 p.
- Hoheisel Arthur. Der landische deutsche Mittelstand, in: Schlau, Wilfried (ed.). *Sozialgeschichte der baltischen Deutschen*. 2. Aufl. Köln: Mare Balticum 2000. Pp. 211–232.
- Hoheisel Arthur. Die kleinen deutschen Leute auf dem Lande in Kurland (um 1797), in: *Zeitschrift für Ostforschung*. 1993. Vol. 42. Pp. 232–245.
- Hupel August Wilhelm. *Topographische Nachrichten von Lief- und Ehistland*. Bd. 1–2. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1774–1777. 1134 p.
- Jakovļeva Mārīte. Merkantilismus und Manufakturen: Die Eisenwerke der Herzöge von Kurland, in: Oberländer, Erwin, Misāns, Ilgvars (eds.). *Das Herzogtum Kurland 1561–1795. Verfassung, Wirtschaft, Gesellschaft*. Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1993. Pp. 99–128.

- Jakovļeva Mārīte. Mythos und Realität. Zur Flotte und zum Schiffbau im Herzogtum Kurland, in: *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2013. Vol. 8. Pp. 81–102.
- Johansen P[aul]. Ein Verzeichnis der Ordensbeamten und Diener im Gebiete Fellin vom Jahre 1554, in: *Sitzungsberichte der Altertumforschenden Gesellschaft zu Pernau*. 1926–1929. Vol. 9. Pp. 121–132.
- Johansen Paul, Mühlen Heinz von zur. *Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval*. Köln/Wien: Böhlau, 1973. 555 p.
- Kala, Tiina. Gab es eine “nationale Frage” im mittelalterlichen Reval? in: *Forschungen zur baltischen Geschichte*. 2012. Bd 7. S. 11–32.
- Kaplinski Küllike. Die handwerkliche Produktion in Tallinn im 14. Jahrhundert, in: Fritze, Konrad, Müller–Mertens, Eckhard, Schildhauer, Johannes (eds.). *Hansische Studien IV. Gewerbliche Produktion und Stadt–Land–Beziehungen*. Weimar: Akademie-Verlag, 1979. Pp. 26–41.
- Kaplinski Küllike. *Tallinna käsitöölised XIV sajandil*. I–II. Tallinn: Eesti Raamaat, 1980. 314 p.
- Kaplinski Küllike. Über die Einwohnerzahl und die Sozialstruktur Tallinns von 1369 bis 1399, in: *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*. 1979. Vol. 3. Pp. 111–139.
- Klopmann, Friedrich von (ed.). Curländische Landtagsrezesse, in: *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands*. 1843. Vol. 2. Pp. 168–270.
- Krüger Ernst Günter. Die Bevölkerungsverschiebung aus den altdeutschen Städten über Lübeck in die Städte des Ostseegebiets, in: *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1934. Vol. 27. Pp. 101–158, 263–313.
- Kühn Detlef. Zur Herkunft deutscher Glasmacher im Baltikum, in: *Ostdeutsche Familienkunde*. 1985. Vol. 33. Pp. 328–329.
- Küng Enn. Jacob Porteus’ Manufakturgewerbe in Narva in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts, in: Angermann, Norbert, Brüggemann, Karsten, Pölsam–Jürjo, Inna (eds.). *Die baltischen Länder und Europa in der Frühen Neuzeit*. Köln: Böhlau Verlag, 2015. Pp. 285–300.
- Maier Konrad. Deutsche im Baltikum, in: Knodt, Michèle, Urdze, Sigita (eds.). *Die politischen Systeme der baltischen Staaten. Eine Einführung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. Pp. 35–54.
- Margus Alexander. *Katalog des Staatsarchivs Tallinn*. IV. Archiv der Kanutigilde. Tallinn, 1938.
- Meyer, Leo (ed.). *Livländische Reimchronik. Mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar*. Paderborn: Schöningh, 1876. 416 p.
- Mühlen Heinz von zur. Schoßlisten der Stadt Reval 1369–1372. Ein Querschnitt durch die Bevölkerungsentwicklung Revals von der Frühzeit bis zum Ende des 17. Jahrhunderts, in: *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 2003. Vol. 48 (2002). Pp. 117–218.
- Mühlen Heinz von zur. Versuch einer soziologischen Erfassung der Bevölkerung Revals im Spätmittelalter, in: *Hansische Geschichtsblätter*. 1957. Vol. 75. Pp. 48–69.
- Mühlen, Heinz von zur (ed.). *Revaler Munster-Rolle anno 1688. Ein Verzeichnis der Bürger und Einwohner Heinz von zur Mühlen*. Lüneburg: Verl. Nordostdt. Kulturwerk, 1992. 165 p.
- Pistohlkors, Gert von (ed.). *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder*. Berlin: Siedler, 1994. 607 p.
- Plath Ulrike. Kommunikation als Drahtseilakt: Verwalter auf dem baltischen Gutshof in der Frühen Neuzeit, in: Heyde, Jürgen (ed.). *Das Leben auf dem Lande im Baltikum. Elf Beiträge zum 18. Baltischen Seminar*. Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2012. Pp. 271–311.

Rosenberg Tiit. “Die Zeit der Restgüter” — deutsche Landwirte in Estland und Lettland 1918–1939, in: Mühlen, Ilse von zur (ed.). *Glanz und Elend. Mythos und Wirklichkeit der Herrenhäuser im Baltikum*. 2. Aufl. Lindenburg im Allgäu: J. Fink, 2013. Pp. 118–125.

Russow Balthasar. *Chronica der Prouintz Lyfflandt*. Bart, 1584. Nachdruck Hannover–Döhren: H. v. Hirschheydt, 1967. 194 p.

Russow Balthasar. *Livändische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit Anmerkungen versehen durch Eduard Pabst*. Reval: F. I. Koppelson, 1845. 348 p.

Schlau, Wilfried (ed.). *Sozialgeschichte der baltischen Deutschen*. 2. Aufl. Köln: Mare Balticum, 2010. 293 p.

Soom Arnold. Die Landhandwerker in Estland im 17. Jahrhundert, in: *Commentationes Balticae* 1957. Vol. 3 (1955). Pp. 169–205.

ББК 63.3(0)4 (4Гем); УДК 94(430).03

З. А. Лурье

ДРАМАТУРГ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ: ОПЫТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА *

Начать составление коллективного портрета нужно, пожалуй, с характеристики нового положения интеллектуалов в период Реформации. Проводимая с конца 1520-х гг. церковная и образовательная реформа, несмотря на свой несистемный характер, открывает широкую профессиональную нишу для молодых студентов, воспринявших евангельскую проповедь¹. Будучи носителями гуманистического знания, с одной стороны, и профессиональной идеи, с другой, они формируют новый тип интеллектуала периода конфессионализации. От «классических» гуманистов их отличает активная поведенческая стратегия: радость академических штудий и чистого творчества интеллектуалы приносят в жертву Идее. И пасторы, и педагоги должны были обладать недюжими дипломатическими навыками, быстротой реакции, умением стройно излагать мысли: только так они могли оказать реальное влияние на правящую элиту и содействовать ходу Реформации. Заметим, что для многих это становится настоящим испытанием: гуманистическая переписка этого периода часто достаточно мрачна и полна жалоб. Приспосабливая имеющийся интеллектуальный

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проекта №15-31-01009a1 «Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи Центральная Европа и Прибалтика» (руководитель проф. А. Ю. Прокопьев).

¹ См. об этом работу Rummel E. *The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany*. Oxford, 2000. Также см. Сборник под редакцией К. Либинга и монографию К. Августина: *Humanismus, Reformation, Confession: Beiträge zur Kirchengeschichte* / Hg. K. Liebing. Marburg, 1986, особенно стр. 147–162; *Augustijn C. Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 // Confession Augustuana und Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche* / Hg. E. Iserloh. Münster, 1980. S. 36–48. На русском языке см. нашу статью: Лурье З. А. Конфессиональные аспекты гуманизма в 1520–1530-е гг. // *Проблемы социальной истории и культуры Средневековья* / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2014. Вып. 11. С. 42–65.

© З. А. Лурье, 2015

и художественный багаж к текущим задачам, новая элита определяет культурный образ эпохи. Начиная с 1530-х гг. складывается протестантская поэзия и литература, историография, педагогическая мысль. Характерен расцвет проповеди, риторических искусств и драматургии и театра.

На основе перечня К. Годаке нам известно, что из 150 драматургов, писавших неолатинские сочинения в 1517–1618 гг., большая часть была протестантскими школьными педагогами, священниками и проповедниками (72 и 29 соответственно)². Католиков-драматургов этих профессий мы знаем в общей сложности 14 (11 педагогов и 3 священника). «Классические» гуманисты обращались к жанру значительно реже: вне зависимости от конфессиональной группы они составляют всего 13,5%. Из 140 авторов, писавших на немецком языке, мы знаем 56 протестантских клириков и 45 педагогов и, соответственно, 6 и 2 католика. В целом же к драматургии и театру обращается именно новая протестантская интеллектуальная элита (67% неолатинских и 72% немецких драматургов), тогда как католических интеллектуалов отличает достаточно консервативная стратегия: 202 автора из ее числа противостоят 22 католическим драматургам аналогичных профессий³. Подчеркнем, что к театральному искусству обращаются как наиболее образованные представители новой элиты (ректоры и конректоры гимназий и академий), так и рядовые педагоги и клирики, зачастую имеющие степень бакалавра или вовсе не имеющие законченного университетского образования. Таким образом, обращение протестантских интеллектуалов к драматургии и театру — характерная черта эпохи, обусловленная социальными и культурными аспектами конфессиональных процессов. При этом сравнение жизненного пути отдельных драматургов разных профессий дает основания говорить об определенных закономерностях в их судьбах и творчестве, позволяющих нивелировать профессиональные различия⁴. В данной статье мы попробуем дать сумму тех причин, которые обусловили обращение интеллек-

² Goedeke K. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Dresden, 1886. Bd. 2: Das Reformationszeitalter.

³ Мы следуем за таблицей, составленной Э. Вагеманном: Wagemann E. Die Personalität im deutschen Drama des 16. Jahrhunderts. Diss. masch. Göttingen, 1952. S. 23.

⁴ В основе наших рассуждений преимущественно лежит опыт драматургов, работающих в лютеранских землях и городах XVI в., в первую очередь, основателей новой традиции Сикста Бирка, Иоахима Грефа, Пауля Ребхуна и их последователей. О них в отечественной историографии см.: Лурье З. А., Прокопьев А. Ю. Сикст Бирк и драматургия эпохи Реформации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. Вып. 1. С. 90–97; Лурье З. А. Лютеранская проповедь в текстах Иоахима Грефа // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 60–65. Также см. биографический указатель европейских драматургов XVI – первой половины XVII в., составленный И. А. Некрасовой (Некрасова И. А. Религиозная драма и спектакль XVI–XVII вв. СПб., 2013. С. 311–344).

туалов к зрелищному искусству, а также общий контекст их творчества, поставив тем самым вопрос о «типичной судьбе» драматурга в период Реформации и конфессиональную эпоху⁵.

Общим культурным контекстом, отличавшим протестантских драматургов, было представление о дидактических задачах театрального искусства, унаследованное из гуманистической теории театра. Представление о драматургии и театра активно развивается в трудах консервативных и радикальных реформаторов, и в целом их понимание можно свести к следующим пунктам⁶. Принимая полезность чтения и декламаций классических текстов как инструмента изучения языков, театр рассматривается как риторическое искусство, должное давать положительные и отрицательные примеры поведения и доносить до слушателей смысл христианской жизни. Такое понимание театра разделял Меланхтон, чьи труды сыграли одну из ключевых ролей в формировании лютеранской концепции театра, и, безусловно, образованная молодежь знала эти сочинения. По крайней мере, произведения классических драматургов с надлежащим комментарием зачастую входили в образовательную программу⁷. Подчеркнутая связь с античной театральной традицией и понимание общественной функции римского гражданского театра, который стремился воссоздать еще Конрад Цельтис, отличает неолатинских драматургов — Николая Фришлина, Сикста Бирка, Иоанна Сапида и др. Заметим, что новые авторы, хотя и признавали за классическими произведениями определенное первенство, указывают на несоответствие содержания их произведений «духу времени»⁸. Менее образованные представители «новой интеллигенции» — рядовые школьные преподаватели и молодые священники и проповедники, которые, как отмечает С. Карант-Нанн, были настолько востребованы, что отправлялись на места, не получив фундаментального образования, — тоже так или иначе приходили к новому пониманию функций театра⁹. Педагоги были вынуждены познакомиться

⁵ Схожую постановку вопроса отличают рассуждения В. Вашофа о социальном статусе и функциях драматурга и переводчика в XVI–XVII вв.: Washof W. Die Bibel auf der Bühne: Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster, 2007. S. 24–34.

⁶ См.: Metz D. Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter. Köln, 2013. S. 123–314.

⁷ По-прежнему наиболее полную картину дает П. Диттрих: Dittrich P. Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig, 1915.

⁸ См., например: Johannes Sapidus. Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra. Strasbourg, 1540. P. 14–15.

⁹ Karant-Nunn S. C. Preaching the Word in early modern Germany // Preachers and People in the Reformations and Early Modern Period. Leiden, 2001. P. 202.

с театральной теорией по долгу службы, тогда как молодые клирики знали общие принципы риторики и читали библейские комментарии Лютера, в которых содержался довольно прозрачный призыв к созданию христианского театра¹⁰. Опять же тесная связь школьной и церковной реформы предполагает взаимное обогащение духовной и светской профессий: например, в гуманистической гимназии в Цвикау, выступавшей прототипом лютеранских школ, кантор церкви Св. Марии автоматически курировал 4-й класс гимназии¹¹.

С другой стороны, интеллектуалы приходили к театру, встав перед необходимостью поиска эффективных способов коммуникации с различными сословиями, фактически впервые в истории столкнувшись лицом к лицу с широкой разнообразной аудиторией, в чьих глазах они фактически не обладали авторитетом. Тесно взаимодействуя с городской элитой и княжеской администрацией, они в то же время стремятся донести Слово и до крестьян и низших слоев горожан, в основе чего лежит идея о необходимости Знания для Спасения¹². Однако на пути реализации этого идеалистического проекта интеллектуалы сталкиваются с рядом проблем. Во-первых, для проведения реформы им нужно было заручиться поддержкой правящей элиты, главным образом членов городского совета, которых зачастую отличали более радикальные реформатские взгляды: основным камнем преткновения были вопросы границ светской и духовной власти и церковной организации. При этом старшее поколение горожан отличало определенная инертность в восприятии проповеди: они отправляют своих детей изучать книжную премудрость, однако не считают необходимым повышать собственный уровень знания¹³. В своих решениях члены городского совета часто руководствуются практическими и экономическими аргументами, что, безусловно, определяет симпатии к «бедной

¹⁰ См., например: *Könneker B.* Luthers Bedeutung für das Protestantische Drama des 16. Jahrhunderts: Geschichte und Heilsgeschichte in Bartolomäus Krügers Neuer Action von dem Anfang und Ende der Welt // *Daphnis*. 1983. № 12. S. 549–556.

¹¹ *Herzog E.* *Geschichte des Zwickauer Gymnasiums. Eine Gedenkschrift zur Einweihungsfeier des neuen Gymnasialgebäudes.* Zwickau, 1869. S. 156.

¹² О конфессиональном содержании гуманистической педагогики см.: *Faber A. R.* *Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther.* // *The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe* / Ed. by W. Jansse, B. Pitkin. London; Boston, 2006. P. 25–37.

¹³ Дети зажиточных горожан и правящей верхушки как раз и сформируют второе поколение лютеранских интеллектуалов. На примере Ростка можно говорить о том, что порядка 30 % клириков были выходцами из патрицианских династий, другие 30 % — из зажиточных купеческих семей, 18 % относились к бюргерской элите (их отцы входили в городской совет), 15 % — к зажиточным горожанам, и около 7 % пришло из семей бедняков (*Strom J.* *Orthodoxy and Reform: The Clergy in Seventeenth Century Rostock.* Tübingen, 1999. S. 43).

церкви» и тормозит проведение реформ, требующих больших вложений: даже в княжеской Саксонии на момент смерти Лютера церковные и образовательные преобразования будут в самом разгаре. Еще сложнее оказывается восприятие Слова малообразованным населением: и реформаторы испытывают довольно сильное переживание, когда сталкиваются с равнодушием и даже сопротивлением «целевой аудитории». В принципе характерные для средневекового человека представления о бесполезности теоретического знания и первостепенном значении практического и мистического опыта получают доктринальное оформление в ходе радикальной Реформации 1520-х гг., а многочисленные секты, разделяющие эти идеи, появляются на протяжении всей конфессиональной эпохи¹⁴.

Именно в этом контексте развивается лютеранская проповедь, которая сыграет ключевую роль в формировании Церкви: после проведения визитаций 1529 г. Лютер приходит к выводу о необходимости катехизационной проповеди, которая должна дать основы веры для тех, кто не может или не хочет посещать школы¹⁵. К середине столетия система будет установлена в Саксонии и Гессене. В сельской местности предполагалось как минимум две таких проповеди, длительностью от получаса до часа, в неделю (по средам и воскресеньям), тогда как в городах, где было больше приходов и духовенства, катехизационную проповедь можно было услышать несколько дней в неделю и в разное время, что увеличивало потенциальную аудиторию¹⁶. Однако как раз с посещением церкви рядовой «немец» испытывал большие проблемы. Сикст Бирк в прологе к «Ваалу» пишет, что народ пренебрегает службой¹⁷. Саксонский драматург второй половины XVI в. Михаэль Сакс пеняет современникам, что

¹⁴ По наблюдениям А. М. Прилуцкого, «гносеофобия» является отличительной чертой народной религиозности, универсальной по своему характеру, см.: *Прилуцкий А. М.* Проявления гносеологического пессимизма в религиозном дискурсе // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2012. Т. 13. № 4. С. 8. Характерным примером исторической «гносеофобской» секты может послужить сюжет, анализируемый Г. Вугтом: *Voogt G.* Anyone who can read may be a preacher: sixteenth-century roots of the collegiants // *The Formation of Clerical And Confessional Identities in Early Modern Europe*. P. 409–424.

¹⁵ *Martin Luther.* *Deutsch Katechismus, Neue Vorrede, 1530* // *D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe* / Joachim Karl Friedrich Knaake. Weimar, 1910. Bd. 30/1: *Katechismus-predigten 1528; Großer und Kleiner Katechismus 1529*. S. 125.

¹⁶ См. подробнее: *Karant-Nunn S. C.* *Preaching the Word in early modern Germany...* P. 198–200. Об институте городских *prädikaturen* см. также: *Ozment S.* *Reformation in the Cities.* New Haven, 1975. P. 38–42.

¹⁷ *Sixt Birck.* *Beel: Ain Herrliche Tragedi wider die Abgötterey (auß dem Propheten Daniel) darinn angezaigt wirt / durch was mittel ain rechte Religion in ainem Regiment oder Policey mög angericht werden* // *Sämtliche Dramen.* 3 Bände / Ed. by M. Brauneck. Berlin; New York, 1976. Bd. 2. S. 168–169.

они в отличие от прихожанина ранней Церкви предпочитают распитие вина или пива в кабаке посещению службы¹⁸. Более того, даже пришедшие на литургию прихожане могли уйти, не дождавшись окончания литургии, или просто-напросто заснуть¹⁹. Именно поэтому такое влияние накануне и после Реформации уделяется институту городских проповедников (*prädikaten*), которые регулярно выступали на площадях или перед церковью для широких масс. Однако при всей значимости городской проповеди, ее влияние было достаточно ограничено. Во-первых, определенные ограничения налагал формат проповеди: изложение вероучительных основ фактически не предполагало социально-политической риторики, столь значимой в диалоге с бюргерами. Во-вторых, устная проповедь была прерогативой духовенства, тогда как светские интеллектуалы фактически не имели возможности выступать перед широкой публикой. И, наконец, даже звучавшая на площадях и дорогах проповедь не доходила до той части населения, которое отличало недоверие к священству. Как обращает внимание Й. Хейзинга, важнейшей предпосылкой таких настроений был кризис духовенства (главным образом, вырождение в XIV–XV вв. института нищенствующих монашеских орденов), что наряду с ростом экономического сознания приводит к народному восприятию «ученых», монахов и проповедников как нахлебников, расточителей и лентяев²⁰. Даже в лютеранском Нюрнберге в конце 1530-х гг. народным насмешкам подвергается главный реформатор города, пастор Андреас Осияндр²¹.

Театрализованная проповедь была полностью лишена этих недостатков. Театр был значительно эффективнее по степени воздействия на аудиторию (ведь «увиденное запоминается лучше услышанного»), давал возможность раскрытия актуальных религиозных и политических сюжетов и, наконец, обеспечивал коммуникации с максимально широкой аудиторией. Эффективность театрализованной проповеди оправдывает обращение к ней представителей нового духовенства. С другой стороны, взять на себя ответственность за проведение театральных постановок мог любой гражданин, утвержденный городским советом: например, с такой просьбой на заре Реформации обращается к городскому совету

¹⁸ *Michael Saxen*. Eine schöne Tragedia von Stephano dem heiligen marterer... Weissenfels, 1565. Анализ содержания см.: *Metz D.* Das protestantische Drama... S. 535.

¹⁹ Заметим, что само по себе пение гимнов, преклонение колен и другие «запланированные» действия прихода были во многом направлены на то, чтобы удерживать внимание верующих.

²⁰ *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988. С. 192–193.

²¹ Крайне характерен запрет на выступления представителей различных цехов в Нюрнберге, известных как «бег бородатых масок» («Schembartläufer»), в 1539 г., высмеявший пастора. См.: *Sallybrass P., White A.* The politics and poetics of Transgression. Ithaca, 1986. P. 12–15.

бернский художник Николай Мануэль²². Таким образом, театр открывал возможность проповедования для светских интеллектуалов. Значение общегородских праздников для распространения евангельской проповеди отмечал еще швейцарский реформатор Ульрих Цвингли, указывая на то, что на них собираются все жители города и округа²³. Действительно, сама жизнь подталкивала интеллектуалов к использованию для своих целей местных традиций. Театрализованные практики в городах и сельской местности были связаны с языческим и католическим культом (празднования начала и окончания постановки сельскохозяйственного цикла, пасхальные торжества, дни святых покровителей и т. д.)²⁴. Основные действия совершались главным образом в конце зимы и ранней весной и в начале осени и вызывали крайнее неодобрение реформаторов, во-первых, ввиду их языческого характера и, во-вторых, поскольку они способствуют народным гуляниям. Постановки осуждаются рядом лютеранских церковных постановлений, а также решениями городских советов, однако местные традиции оказываются необычайно жизнестойкими²⁵. Со свойственной швейцарцам суровостью городской совет Базеля в 1531 г. накладывает на горожан, посетивших Пляски Смерти, арест, однако уже в 1546 г. городской совет вновь разъясняет горожанам неуместность традиции Карнавала²⁶. По сути, единственным выходом из сложившейся ситуации было замещение народных действий дидактическим театром²⁷. Нужно

²² *Ehrstine G.* From Iconoclasm to Iconography: Reformation Drama in Sixteenth Century Bern: Diss. Texas, 1998. P. 88–89.

²³ *Huldreich Zwingli.* Wie man die Jugend in guten Sitten und christlicher Zucht erziehen und lehren soll // *Huldreich Zwingli's sämtliche Werke.* Leipzig, 1934. Bd. 5. S. 443. О составе публики см.: *Kindermann H.* Das Theaterpublikum der Renaissance. Salzburg, 1986. Bd. 2. S. 9–65.

²⁴ О ритуальной функции народных празднеств Д.-Р. Мозера и П. Саллибрасса: *Moser D.-R.* 1) Lachkultur des Mittelalters? Michael Bachtin und die Folgen seiner Theorie // *Euphorion.* 1990. N 84. S. 93, 97; 2) Zu Problematik und Methodik neuester Fastnachtsforschung // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1984. N 80. S. 2–22; *Sallybrass P., White A.* The politics and poetics of Transgression. P. 16–17.

²⁵ *Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts / Hg. E. Sehling.* Tübingen, 1902–1977. Bd. 1–15. Bd. 2. S. 349; Bd. 2. S. 478; Bd. 4. S. 315, 473, 474, 537; Bd. 5. S. 270, 289, 505; Bd. 8/1. S. 384; Bd. 13. S. 200, 311; Bd. 14. S. 66, 471; Bd. 15. S. 144–145, 157, 544, 580, 587. Запрет Карнавала в Цюрихе: *Bullinger H.* Reformationgeschichte / Hg. J. J. Hottinger, H. N. Vögeli. Zürich, 1985. Bd. 2. S. 45.

²⁶ Необычайно забавно, что элита, похоже, перебрала уже все возможные аргументы в борьбе с такими забавами и пытается объяснить запрет максимально простым языком: поскольку соблюдение поста не подразумевает пищевой диеты, нет и смысла в гулянии накануне (Aktensammlung zur Geschichte der Basler Reformation in den Jahren 1519 bis Anfang 1534 / Hg. E. Dürr, P. Roth. Basel, 1945. Bd. 5. S. 118–119).

²⁷ К этому же выводу приходят также Х. Вальц и Г. Эрстина: *Walz H.* Deutsche Literatur der Reformationszeit. Eine Einführung. Darmstadt, 1988. S. 114; *Ehrstine G.* From Iconoclasm to Iconography. P. 13–14.

заметить, что для восприятия проповеди простым населением имели значение не только иллюстративность и увлекательность сценической проповеди, привязанной к традиционному календарю, но и тот факт, что неоднозначная в их глазах фигура интеллектуала уходила на второй план на фоне собственно театрального действия и актерской игры и, следовательно, вызывала значительно меньшее раздражение. Кроме того, для зрителя было очевидно, что раз спектакль был разрешен к постановке, то, значит, был одобрен членами городского совета, что повышало авторитет транслируемых со сцены идей²⁸.

Тем не менее, приоритетным направлением школьного театра становятся постановки для ограниченной избранной аудитории, проходившие на небольших площадках — в школьном дворе или на ратушной площади. Основное ядро зрителей таких представлений практически всегда составляли члены городского совета, молодые патриции, ученики и преподаватели местных школ, а их содержание отличает ярко выраженная социально-политическая дидактика, явно связанная с задачей «воспитания элит»²⁹. Добиться авторитета в глазах патрициата было первостепенной задачей интеллектуала: именно от их расположения к драматургу зависело его социальное положение, авторитет и, следовательно, успех реформы. Помимо эффективности театрализованной проповеди как таковой, успешность сценического диалога с элитами объясняется немаловажным психологическим моментом. Школьные постановки являлись своего рода неформальным отчетом педагога о своей деятельности за истекший год и чаще всего проходили на латинском языке. Можно предположить, что основными актерами были ученики «сильных» классов системы Меланхтона, при поступлении хорошо владеющие немецким языком и основами латыни, т. е. дети патрициев и зажиточных горожан. Таким образом, родители, даже если не могли уследить за всеми тонкостями латинской постановки, получали удовольствие от одного вида своих детей на сцене³⁰. Этот

²⁸ О политическом содержании постановок и цензуре в средневековом театре см.: *Ridder K. Städtische Ordnung und gastnächliche Verkehrung // Fastnachtspiele. Weltliches Schauspiel in literarischen und kulturellen Kontexten / Hg. K. Ridder. Tübingen, 2009. S. 65–81; Pfrunder P. Pfaffen, Ketzer, Totenfresser. Fastnachtkultur der Reformationszeit. Die Berner Spiele von Niklaus Manuel. Diss. phil. Zürich, 1989. S. 54–55; Mertens V. Das Fastnachtspiel zwischen Subversion und Affirmation // Topographies of the Early Modern City / Ed. A. Groos. Göttingen, 2008. P. 43–84.*

²⁹ См., например: *Ehrstine G. Aufführungsort als Kommunikationsraum: Ein Vergleich der fastnächlichen Spieltradition Nürnbergs, Lübecks und der Schweiz // Fastnachtspiele... S. 83–97.*

³⁰ Язык таких постановок, разумеется, мог варьироваться. Например, в Магдебургской гимназии во второй половине века проводилось три ежегодных постановки: одна на латинском языке для академических кругов и две на немецком языке, однако в большинстве случаев на немецком проходят только общегородские постановки, тогда как все латинские

психологический момент, как представляется, играл не последнюю роль в повышении статуса педагога: довольные успехами своих отпрысков, влиятельные родители становились патронами педагогов, прислушивались к их позиции и, в частности, способствовали изданию драматургических текстов³¹. Представляется, что как раз после успеха школьных неолатинских спектаклей Сикста Бирка ему доверили проведение общегородских постановок, а его старые немецкоязычные сочинения были напечатаны. Можно предположить, что именно эффективность театрализованного диалога между педагогами и городским патрициатом приводит почти лютеранских клириков к созданию неолатинских спектаклей³².

Наконец, для многих интеллектуалов театр выступал средством дополнительного заработка: городские интеллектуалы в прямом смысле слова испытывали нужду. Характерно обращение нюрнбергского драматурга, проповедника и педагога Леонарда Кульмана из круга Озиандра к маркграфине Амелии Бранденбургской, указывающей на плачевное финансовое положение интеллектуалов вследствие пренебрежения общества к этим профессиям³³. Драматург второй половины XVI в. Томас Брюннер, будучи ректором латинской гимназии в Штайре, указывает, что отблагодарить своих покровителей ввиду своей крайней нужды он может лишь своим

и неолатинские спектакли разыгрываются перед городской элитой (так было заведено в Страсбургской академии, аугсбургской гимназии Св. Анны). То, что латинские спектакли были понятны довольно широкой публике, показывает нидерландский исследователь Й. Блемендаль: *Bloemendal J. Early Modern Latin Drama, its Effect on the Audience and its Role in Forming Public Opinion // Neo-Latin drama: forms, functions, receptions / Ed. J. Bloemendal, P. J. Ford. Olms, 2008. P. 10–12.*

³¹ Так, например, неолатинские драмы «Ваал» и «Иосиф» Сикста Бирка посвящены членам городского совета и бургомистру города Аугсбурга, тогда как в «Юдифи» патроны названы по именам — это Иоанн Якоб и Георг Фуггер. Иоахим Грэф называет своих патронов курфюрста Иохансена фон Ангальта и кумпробста Магдебурга Георга. Драматург Иоганн Шлеисс посвящает своего «Иосифа» (1593) бургомистру, членам княжеского совета и ректорату школы.

³² Согласно приведенному выше списку, представители священства составляли почти 30% неолатинских драматургов. Их обращение к латинскому языку может быть объяснено, конечно, личными эстетическими пристрастиями, однако очевидно, что может быть справедливо лишь для отдельных авторов. В отличие от позднейшей проповеди иезуитов, для которых латынь была языком Св. Писания, протестантские драматурги, разделявшие идею понятной и доступной Библии, могли лишь сознательно ограничивать свою аудиторию по языковому принципу.

³³ *Leonhard Culmann. Ein schoen Teutsch geistlich spiel von der widtfraw die Gott wunderbarlich durch den Propheten Elsia mit dem 61 von irem schuldherren erlediget gezogen auß dem an dem tayl der Kunigen am 4. Capitel zu trost allen Witwen vnd waysen Durch Leonhardum Culman von Crayßbheim. Nürnberg (Christoff Gutknecht) 1544 // Leonhard Culmann. A Literary Biography and an Edition of Five Plays. As a Contribution to the Study of Drama in the Age of the Reformation / Ed. M. W. Senger. Leiden, 1982. S. 255–328. S. 333.*

творчеством, в качестве свадебного подарка предлагая новобрачным драму «Товит» (1568)³⁴. Действительно, жалование педагога в XVI в. было крайне низким и составляло в среднем 20–30 гульденов в год³⁵. Представители духовенства, вероятно, получали примерно эту же сумму до середины столетия, затем их социальное положение начинает улучшаться. Так, из писем Сикста Бирка мы узнаем, что уже в 1540 г. городской совет Аугсбурга повышает жалование проповедника до 50 гульденов, т. е. оно сравнялось с доходом ремесленника в южногерманских городах³⁶. Материальное положение других городских интеллектуалов было значительно выше: хронисты, юристы и члены городского совета получали порядка 200–250 гульденов и, помимо этого, имели большой авторитет³⁷. Таким образом, «новые» лютеранские интеллектуалы, главным образом педагоги, находились в постоянном поиске дополнительных источников дохода: они сотрудничали с типографиями в качестве редакторов и корректоров, давали частные уроки, подрабатывали в качестве органистов и музыкантов на городских торжествах и т. д. — одним словом, служили городу всеми своими талантами³⁸. Деятельность по устройству театральных постано-

³⁴ Свое тяжелое положение он описывает в посвящении к жениху и невесте Вольфу Уркау-фу и Маргарете Пресенхубер (*Thomas Brunner. Tobias: Faksimiledruck nach der Auflage von 1569 / Hg. W. F. Michael und D. Reeves. 1978. S. 10–11*).

³⁵ В Хальберштадте школьный мастер в 1564 г. получал 30 гульденов, кантор — 20, а бакалавр — 9, все трое имели бесплатный стол. В 1533 г. в Борне школьный педагог получал помимо муки и угля 25 гульденов, в 1559-м — 50 (*Schimt E. Die Bühnenverhältnisse des deutschen Schuldrasmas und seiner volkstümlichen Ableger im sechzehnten Jahrhundert. Gerstenberg, 1977. S. 76*). Доход ректора латинской гимназии Аннабергера составлял 60–80 гульденов, однако это была одна из самых крупных и процветающих школ, гордость городского совета (*Bartusch P. Die Annaberger Lateinschule Zur Zeit Der Ersten Blüte Der Stadt Und Ihrer Schule Im XVI. Annaberg, 1897. S. 73–74*).

³⁶ Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer 1509–1548 / Hg. T. Schieß. Bd. II. Freiburg, 1910. S. 302. Для сравнения заметим, что 50 гульденов составляло жалование ремесленников в Нюрнберге в XV в. (*Die deutsche Stadt im Mittelalter, 1150–1550: Stadtgestalt, Recht, Verfassung, Stadtregiment, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft. Böhlau Verlag Köln Weimar, 2014. S. 400*).

³⁷ Это данные для Аугсбурга середины XV в. Оклад нюрнбергских патрициев и городских сановников на протяжении XV в. колебался от 120 до 342 гульденов (*Die deutsche Stadt im Mittelalter... S. 399–400*).

³⁸ Известно, например, что Сикст Бирк сотрудничал с типографией Фробена в Базеле (*Johannes Nysaeus. Vita Xysti Betelui // L. Coelii Lactantii Firmiani Opera quaequidem extant omnia... accesserunt Xysti Betuleii Augustani commentaria, nunc primum in lucem edita per Emmanuelem Betuleium / Hg. von S. Birck, H. Petri. Basel, 1563. P. XIII*). Показательны несколько источников дохода, которые, как демонстрируют В. Ф. Михаэль и Д. Ривес, обеспечили ректору гимназии в Штайре Кюттнеру безбедное существование: он получал квартальный доход как владелец виноградников, органист в церкви и ответственный за устройство музыкального сопровождения на городских торжествах и свадьбах, а также

вок в принципе импонировала интеллектуалу и была тесно связана с его основными занятиями, поэтому являлась крайне привлекательным источником регулярного дохода. Представления устраивались, как минимум, дважды в год, а городской совет гарантировал оплату расходов и награду исполнителям³⁹. Сумма, которую получают организаторы постановки, разнится на местах — от нескольких шиллингов до нескольких гульденов, однако в случае большой награды предполагалось, что драматург разделит ее со своими коллегами и поможет нуждающимся ученикам, тогда как небольшие суммы получали основные организаторы спектакля⁴⁰. Вероятно, более высоко оплачивались успешные спектакли, за которые драматург и постановщик мог получить 1–2 гульдена, что равнялось месячному окладу школьного педагога и превосходило во много раз жалование бакалавра: на эти деньги можно было позволить себе, например, обогатить личную книжную коллекцию⁴¹. Характерна радость, которую испытывает первый саксонский драматург Иоахим Грэф, вынужденный на заре своей

с частных учеников, проживавших в его доме. Кроме того, он получал «премиальные» в день св. Мартина и на Рождество (*Thomas Brunner. Tobias... S. 34*). Однако далеко не все интеллектуалы были столь предприимчивы и так успешны.

³⁹ В Аугсбурге, судя по всему, проходили две открытые постановки, тогда как остальные носили нерегулярный характер. В Магдебургской гимназии устав предполагал проведение трех спектаклей. Городской совет Фрайбурга в 1581 г. постановил ежегодную постановку четырех комедий. О покрытии расходов на приобретение реквизитов см.: *Schimt E. Die Bühnenverhältnisse... S. 64–75*.

⁴⁰ О размере оплаты свидетельствует, например, сумма в семь золотых гульденов за постановку «Сусанны» весной 1537 г. в Цвикау, три из которых получил автор Пауль Ребхун, а четыре — ректор гимназии Платенаус. В саксонском городе Вернигероде исполнители получили в 1539 г. один талер. Для сравнения: в Шварцбурге во второй половине века постановщикам и актерам давалось 3–4 шиллинга, что было значительно ниже (гульдену равнялось примерно 24 шиллинга), а в Лüneбурге сумма награды составляла несколько марок (одна марка равнялась 14 шиллингам). Поскольку со второй половины века мы встречаем регулярные указания об оплате труда актеров, то, вероятно, это было незафиксированной практикой и в первой половине XVI в. Так, саксонский школьный устав 1560 г. предписывает плату за постановку разделять пополам между неимущими учениками и школьным мастером и его коллегами. Участники венской постановки 1545/1546 гг. получили на всех четыре золотых. За постановку 1602 г. патриции Лüneбурга заплатили 2 талера. Таким образом, очевидно, что даже при достаточно сильных региональных отличиях суммы, которые получали драматурги и постановщики, были достаточно скромны.

⁴¹ Например, качественное издание Нюрнбергской хроники Хартмана Шеделя стоило от 1,5 до 2 гульденов, тогда как ее дешевое издание типографии Кюбергера, в которой отсутствовали ценные иллюстрации, можно было купить за 1–1,5 гульдена (*Green J. Marginalien und Leserforschung anhand der Schedelschen Weltchronik // Buchwissenschaft in Deutschland: ein Handbuch. Fachkommunikation, Lehre, Institutionen und Gesellschaften. Berlin; New York, 2010. Bd. 2. S. 249*).

карьеры распродавать свою библиотеку: в письмах к своему духовному наставнику Стефану Роту он делится надеждой, что сможет зарабатывать драматургией на жизнь и забыть о нужде⁴². Надо заметить, однако, что в целом интеллектуалы считают оценку их театральной деятельности обществом также весьма заниженной: для них эти практики являются воссозданием римского гражданского театра, который, по известным им источникам, ценился значительно выше. Драматурги в обращении к читателям и патронам настоятельно подчеркивают значение театра в древности, непрозрачно намекая на необходимость более высокой награды для постановщика и исполнителей. Иоахим Греф также с восторгом описывает римских язычников: они не жалели денег на организацию и оплату представлений, поскольку осознавали их полезность и с уважением относились к драматургу. Он называет еще большую сумму — 200 крон, которую получили организаторы и исполнители «Евнуха» Теренция, и ее же почти столетием позже упоминает в своем письме ректор Магдебургской гимназии и лютеранский проповедник Георг Ролленгаген⁴³. Современник последнего, драматург Маттиас Хольцварт в предисловии к трагикомедии «Саул» (1571) вспоминает случай, когда император Август выплатил актерам сумму, равнявшуюся восьми тысячам «их пфенингов» (т. е. порядка 80 гульденов)⁴⁴. Очевидно, что такой высокий статус и достойная оплата была пределом стремлений практикующих драматургов XVI столетия.

Таков общий социальный и культурный контекст, в котором протестантские интеллектуалы обращаются к спектаклю и драме. На наш взгляд, невозможно выделить ни одну из описанных выше причин, однако очевидно, что центральной проблематикой эпохи был процесс интеграции интеллектуалов в городскую среду, практики взаимоотношений с городской и сельской общиной. Уже в XVII в. лютеранские пасторы и проповедники будут обладать непрерываемым политическим авторитетом и получать достойное жалование, в некоторых областях Германии

⁴² *Buchwald G.* Stadtschreiber M. Stephan Roth in Zwickau in seiner literarisch-buchhändlerischen Bedeutung für die Reformationszeit // Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandels. 1893. N 16. S. 57–58, 150–151.

⁴³ Эти рассуждения предваряют перевод на немецкий язык «Клада» Плавта 1535 г., подготовленный Грефом, довольно обширный отрывок из которого приводит Э. Шмидт: *Schmidt E.* Die Bühnenverhältnisse... S. 87. Ср.: *Georg Rollenhagen.* Tobias, Eine schöne, tröstliche Comedia oder Spiel vom heiligen Ehestand durch Georg Rollenhagen. Magdeburg in Verlegung Ambrosius Kirchners 1576. Magdeburg (Ambrosius Kirchner) 1576 // *Georg Rollenhagens Spiel von Tobias 1576* / Hg. J. Boltf. Halle an der Saale, 1930. S. 3.

⁴⁴ *Mathias Holzwart.* Saul. Ein schön new spil von künig Saul unnd dem hirten David durch ein ersamme burgerschafft der loblichen statt Basel gespilet [...] anno 1571. Basel, 1571. S. 6–7.

(например, в Виттенберге) даже сложатся влиятельные священнические династии. С другой стороны, присутствие в школьных уставах второй половины XVI в. правил, регламентирующих количество постановок и порядок оплаты труда постановщика и исполнителей, свидетельствует о превращении школы в полупрофессиональный театральный институт, функционально вытесняющий в этом плане цеховые объединения и свидетельствующий о закреплении общественной роли лютеранского педагога. И хотя его материальное положение по-прежнему остается невысоким, общество признает в нем «отца будущих граждан»⁴⁵.

Данные о статье:

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проекта №15-31-01009a1 «Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи Центральная Европа и Прибалтика» (руководитель А. Ю. Прокопьев).

Автор: Лурье Зинаида Андреевна, аспирант, кафедра истории Средних веков, Институт Истории СПбГУ, ассистент, Институт современных иностранных языков СПбГУ, z.lurie@spbu.ru

Заголовок: Драматург в эпоху Реформации: опыт коллективного портрета.

Резюме: В статье рассматривается культурный контекст драматургической и театральной деятельности, к которой в XVI в. обращалось преобладающее большинство протестантской духовной и светской элиты. Автор стремится ответить на вопрос, что обуславливало такую популярность драматургии и театра в глазах их авторов — школьных педагогов, проповедников и пасторов. Сходство биографий и проблематики творчества драматургов рассматриваемого периода, несмотря на определенные региональные вариации, позволяет говорить о некоем универсальном культурном контексте конфессиональной эпохи. Происходившее с 1530-х гг. систематическое становление театрального искусства было тесно связано с контекстом развития евангельской проповеди как главного кахетационного инструмента. Театральные действия имели несомненное дидактическое составляющее, раскрывая, с одной стороны, социально-политическую конфессиональную теорию и, с другой, общехристианские универсальные ценности. Достаточно часто драматурги налаживают диалог с представителями городской властной элиты, стремясь воспитать в нужном духе не только непосредственных учеников, но и действующих членов городского совета. Кроме того, именно театр давал возможность проповеди максимально широкой аудитории: именно тому кругу горожан и крестьян, которые избегали посещения церковной службы. В этом смысле эффективность театрализованной проповеди признавалась всеми современниками. Другой причиной развития театра было замещение региональных традиций народных — «идолопоклоннических» (языческих и католических) — праздников, приводящих, помимо прочего, к разгулу и пьянству. И, наконец, театр был средством дополнительного заработка для интеллектуалов, чье социальное и общественное положение на протяжении всего столетия было достаточно плачевным.

Ключевые слова: театр, Реформация, конфессионализация, культура, Сикст Бирк, Иоахим Греф, Пауль Ребхун, Маттиас Хольцварт, Георг Ролленгаген, Леонарда Кульмана, Стефан Рот.

⁴⁵ Цит. по: *Joachimsohn P.* Augsburgs Schulmeister und Augsburgs Schulwesen in vier Jahrhunderten // Zeitschrift des hist. Vereins für Schwaben und Neuburg. 1896. Bd. XXIII. S. 190.

Information about the article:

The article is written with the financial support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation grant within the research project "Printing and communicative practices of the 16–17th centuries: Central Europe and the Baltic States" (N 15-31-01009a1, A. Yu. Prokopiev).

Author: Lure Zinaida Andreyevna, PhD-student, chair of Medieval History, the Institute of History, St. Petersburg State University; Assistant Professor, Institute of Modern Foreign Languages, St. Petersburg State University, z.lurie@spbu.ru

Title: A dramatist of the Reformation era: a collective portrait.

Summary: The article examines the cultural context of the dramatic and theatrical activities, which in the XVI century held the majority of the Protestant religious and intellectual elites. The author seeks to mark out causes of such a popularity of drama and theater in the eyes of their authors — school teachers, preachers and pastors. The similarity of biographies and content of the dramatist's plays allows within certain regional variations to talk about some universal cultural context of the confessional era. Systematic establishment of theatrical art since 1530s was closely linked to the context of the Protestant preaching as a main catechetical instrument. Theater was undoubtedly a didactic art that revealed both socio-political confessional theory and universal Christian values. Playwrights were often engaged in dialogue with the power elites, seeking to bring in the right spirit not only their direct disciples, but the current members of the city council. In addition, it the theater preaching enabled the widest possible audience, i. e. the circle of townspeople and peasants, who avoided a visit to a church service. And the efficiency of the dramatized sermon was recognized by all contemporaries. Another reason for the development of the Protestant theater was attempt to replace regional folk traditions, "idolatrours" (pagan and Catholic) holidays, that finally led to "bacchanalias". Finally, the theater was a mean of extra earnings for intellectuals, whose social and public position throughout the century was quite miserable and unsettled.

Keywords: theater, Reformation, confessionalisation, culture, Sixt Birck, Joachim Greff, Paul Rebhun, Mathias Holzward, Georg Rollengagen, Leonard Kuhlmann, Stephan Roth.

Литература, использованная в статье

Лурье, Зинаида Андреевна. Конфессиональные аспекты гуманизма в 1520–1530-е гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средневековья / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2014. Вып. 11. С. 42–65.

Лурье, Зинаида Андреевна. Лютеранская проповедь в текстах Иоахима Грефа // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 60–65.

Лурье, Зинаида Андреевна, Прокопьев, Андрей Юрьевич. Сикст Бирк и драматургия эпохи Реформации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. Вып. 1. С. 90–97.

Некрасова, Инна Анатольевна. Религиозная драма и спектакль XVI–XVII вв. СПб.: Гиперион, 2013. 365 с.

Прилуцкий, Александр Михайлович. Проявления гносеологического пессимизма в религиозном дискурсе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 4. С. 8.

Хейзинга, Йохан. Осень средневековья. М.: Наука, 1988. 544 с.

Augustijn, Cornelis. Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 // Confession Augustuana und Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche / Hg. E. Iserloh. Münster: Aschendorf, 1980. S. 36–48.

Bartusch, Paul. Die Annaberger Lateinschule Zur Zeit Der Ersten Blute Der Stadt Und Ihrer Schule Im XVI. Annaberg: R. Liesche, 1897. 206 s.

Birck, Sixt. Beel: Ain Herrliche Tragedi wider die Abgötterey (auß dem Propheten Daniel) darinn angezaigt wirt / durch was mittel ain rechte Religion in ainem Regiment oder Policy mög angericht werden // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. M. Brauneck. Berlin; New Yorck, 1976. Bd. 2. 161–288.

Bloemendal, Jan. Early Modern Latin Drama, its Effect on the Audience and its Role in Forming Public Opinion // Neo-Latin drama: forms, functions, receptions / Ed. J. Bloemendal, P. J. Ford. Olms, 2008. P. 7–22.

Brunner, Thomas. Tobias: Faksimiledruck nach der Auflage von 1569 / Hg. W. F. Michael und D. Reeves. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1978. 151 s.

Buchwald, Georg. Stadtschreiber M. Stephan Roth m Zwickau in seiner literarisch-buchhändlerischen Bedeutung für die Reformationszeu. // Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandels. 1893. N 16. S. 6–245.

Bullinger, Heinrich. Reformationsgeschichte. / Hg. J. J. Hottinger, H. H. Vögeli. Zürich: Theologische Buchhandlung, 1985. Bd. 2. 412 s.

Culmann, Leonhard. Ein schoen Teutsch geistlich spiel von der widtfraw die Gott wunderbarlich durch den Propheten Elsia mit dem 61 von irem schuldherren erlediget gezogen auß dem an dem tayl der Kunigen am .4. Capitel zu trost allen Witwen vnd waysen Durch Leonhardum Culman von Craylbheim. Nürnberg (Christoff Gutknecht) 1544 // Leonhard Culmann. A Literary Biography and an Edition of Five Plays. As a Contribution to the Study of Drama in the Age of the Reformation / Ed. M. W. Senger. Leiden: Brill, 1982. S. 255–328.

Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts / Hg. E. Sehling. Tübingen: Mohr Siebeck, 1902–1977. Bd. 1–15.

Dittrich, Paul. Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig: Böhme & Lehmann, 1915. 97 s.

Dürr, Emil, Roth, Paul. Aktensammlung zur Geschichte der Basler Reformation in den Jahren 1519 bis Anfang 1534 / Hg. E. Dürr, P. Roth. Basel: Verlag der Historisch-antiquarische Gesellschaft, 1945. Bd. 5. 685 s.

Ehrstine, Glenn. Aufführungsort als Kommunikationsraum: Ein Vergleich der fastnächtlichen Spieltradition Nürnbergs, Lübecks und der Schweiz // Fastnachtspiele. Weltliches Schauspiel in literarischen und kulturellen Kontexten / Hg. K. Ridder. Tübingen: Niemeyer, 2009. S. 83–97.

Ehrstine, Glenn. From Iconoclasm to Iconography: Reformation Drama in Sixteenth Century Bern: Diss. Texas: ProQuest, 1995. 379 p.

Faber, Riemer A. Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther // The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe / Ed. by W. Janse, B. Pitkin. London; Boston: Brill, 2006. P. 25–37.

Goedeke, Karl. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Dresden: Ehlermann, 1886. Bd. 2: Das Reformationszeitalter. 600 s.

Green, Jonathan. Marginalien und Leserforschung anhand der Schedelschen Weltchronik // Buchwissenschaft in Deutschland: ein Handbuch. Fachkommunikation, Lehre, Institutionen und Gesellschaften. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. Bd. 2. S. 216–233.

Herzog, Emil. Geschichte des Zwickauer Gymnasiums. Eine Gedenkschrift zur Einweihungsfeier des neuen Gymnasialgebäudes. Zwickau: Richter i.Comm., 1869. 163 s.

Holzward, Mathias. Saul. Ein schön new spil von künig Saul unnd dem hirten David durch ein ersamme burgerschafft der loblichen statt Basel gespilet [...] anno 1571. Basel: s.p., 1571. 200 s.

Liebing, Heinz. Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte / Hg. K. Liebing, W. Bienert, W. Hage. Marburg: Elwert, 1986. 287 s.

Isenmann, Eberhard. Die deutsche Stadt im Mittelalter, 1150–1550: Stadtgestalt, Recht, Verfassung, Stadtrecht, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft / Hg. Eberhard Isenmann. Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2014. 1129 s.

- Joachimsohn, Paul.* Augsburger Schulmeister und Augsburger Schulwesen in vier Jahrhunderten // Zeitschrift des hist. Vereins für Schwaben und Neuburg. 1896. Bd. XXIII. S. 187–191.
- Karant-Nunn, Susan C.* Preaching the Word in early modern Germany. // Preachers and People in the Reformations and Early Modern Period. Leiden: Brill, 2001. P. 193–220.
- Kindermann, Heinz.* Das Theaterpublikum der Renaissance. Salzburg: Otto Muller Verlag, 1986. Bd. 2. 263 s.
- Könneker, Barbara.* Luthers Bedeutung für das Protestantische Drama des 16. Jahrhunderts: Geschichte und Heilsgeschichte in Bartolomäus Krügers Neuer Action von dem Anfang und Ende der Welt // Daphnis. 1983. N 12. S. 549–556.
- Luther, Martin.* Deutsch Katechismus, Neue Vorrede, 1530. // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe / Joachim Karl Friedrich Knaake. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1910. Bd. 30/1: Katechismuspredigten 1528; Großer und Kleiner Katechismus 1529. S. 125–129.
- Mertens, Volker.* Das Fastnachtspiel zwischen Subversion und Affirmation. // Topographies of the Early Modern City / Ed. A. Groos. Göttingen: V&R unipress, 2008. P. 43–84.
- Metz, Detlef.* Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter. Köln: Böhlau Verlag, 2013. 906 s.
- Moser, Dietz-Rüdiger.* Lachkultur des Mittelalters? Michael Bachtin und die Folgen seiner Theorie // Euphorion. 1990. N 84. S. 89–111.
- Moser, Dietz-Rüdiger.* Zu Problematik und Methodik neuester Fastnachtforschung // Zeitschrift für Volkskunde. 1984. N 80. S. 2–22.
- Nysaeus, Johannes.* Vita Xysti Betulei. // L. Coelii Lactantii Firmiani Opera quaequidem extant omnia... accesserunt Xysti Betuleii Augustani commentaria, nunc primum in lucem edita per Emmanuelem Betuleium / Hg. von S. Bircki. Basel: per Henricum Petri, 1563. P. XIII–XVI.
- Ozment, Steven E.* Reformation in the Cities. New Haven; London: Yale University Press, 1975. 237 p.
- Pfrunder, Peter.* Pfaffen, Ketzer, Totenfresser. Fastnachtsspiel der Reformationszeit. Die Berner Spiele von Niklaus Manuel. Diss. phil. Zürich: Chronos, 1989. 236 s.
- Ridder, Karl.* Städtische Ordnung und gastnächtliche Verkehrung // Fastnachtspiele. Weltliches Schauspiel in literarischen und kulturellen Kontexten / Hg. K. Ridder. Tübingen: Niemeyer, 2009. S. 65–81.
- Rollenhagen, Georg.* Tobias, Eine schöne, tröstliche Comoedia oder Spiel vom heiligen Ehestand durch Georg Rollenhagen. Magdeburg in Verlegung Ambrosius Kirchners 1576. Magdeburg (Ambrosius Kirchner) 1576 // Georg Rollenhagens Spiel von Tobias 1576 / Hg. J. Boltf. Halle an der Saale: Niemeyer, 1930. 151 s.
- Rummel, Erika.* The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.
- Sallybrass, Peter; White, Allan.* The politics and poetics of Transgression. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 228 p.
- Sapidus, Johannes.* Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra. Argentorati: Mylius, 1540. 112 p.
- Schieß, Traugott.* Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer 1509–1548 / Hg. T. Schieß. Bd. II. Freiburg: Fehsenfeld, 1910. 934 s.
- Schmidt, Expeditus.* Die Bühnenverhältnisse des deutschen Schuldramas und seiner volkstümlichen Ableger im sechzehnten Jahrhundert. Gerstenberg: Verlag von Alexander Duncker, 1977. 200 s.
- Strom, Jonathan.* Orthodoxy and Reform: The Clergy in Seventeenth Century Rostock. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. 282 p.

- Voogt, Gerrit.* Anyone who can read may be a preacher: sixteenth-century roots of the colleagues // The Formation of Clerical And Confessional Identities in Early Modern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 409–424.
- Wagemann, Eberhard.* Die Persönlichkeit im deutschen Drama des 16. Jahrhunderts. Diss. masch. Göttingen, 1952. 514 s.
- Walz, Herbert.* Deutsche Literatur der Reformationszeit. Eine Einführung. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1988. 213 s.
- Washof, Wolfram.* Die Bibel auf der Bühne: Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007. 536 s.
- Zwingli, Huldrych.* Wie man die Jugend in guten Sitten und christlicher Zucht erziehen und lehren soll // Huldreich Zwinglis sämtliche Werke. Leipzig: Heinsius, 1934. Bd. 5. S. 430–447.

References:

- Augustijn, Cornelis.* Die Stellung der Humanisten zur Glaubensspaltung 1518–1530 // Confession Augustuana and Confutatio. Der Augsburger Reichstag 1530 und die Einheit der Kirche / Hg. E. Iserloh. Münster: Aschendorf, 1980. S. 36–48.
- Bartusch, Paul.* Die Annaberger Lateinschule Zur Zeit Der Ersten Blute Der Stadt Und Ihrer Schule Im XVI. Annaberg: R. Liesche, 1897. 206 s.
- Birck, Sixt.* Beel: Ain Herrliche Tragedi wider die Abgötterey (auß dem Propheten Daniel) darinn angezaigt wirt / durch was mittel ain rechte Religion in ainem Regiment oder Polickey mög angericht werden // Sämtliche Dramen. 3 Bände / Ed. M. Brauneck. Berlin; New York, 1976. Bd. 2. 161–288.
- Bloemendal, Jan.* Early Modern Latin Drama, its Effect on the Audience and its Role in Forming Public Opinion // Neo-Latin drama: forms, functions, receptions / Ed. J. Bloemendal, P. J. Ford. Olms, 2008. P. 7–22.
- Brunner, Thomas.* Tobias: Faksimiledruck nach der Auflage von 1569 / Hg. W. F. Michael and D. Reeves. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1978. 151 s.
- Buchwald, Georg.* Stadtschreiber M. Stephan Roth m Zwickau in seiner literarisch-buchhandlerischen Bedeutung für die Reformationszeit // Archiv für Geschichte des deutschen Buchhandels. 1893. N 16. S. 6–245.
- Bullinger, Heinrich.* Reformationsgeschichte. / Hg. J. J. Hottinger, H. H. Vögeli. Zürich: Theologische Buchhandlung, 1985. Bd. 2. 412 s.
- Culmann, Leonhard.* Ein schoen Teutsch geistlich spiel von der widtfraw die Gott wunderbarlich durch den Propheten Elsia mit dem 61 von irem schuldherrn erlediget gezogen auß dem an dem tayl der Kunigen am 4. Capitel zu trost allen Witwen vnd waysen Durch Leonhardum Culman von Craylbheim. Nürnberg (Christoff Gutknecht) 1544 // Leonhard Culmann. A Literary Biography and an Edition of Five Plays. As a Contribution to the Study of Drama in the Age of the Reformation / Ed. M. W. Senger. Leiden: Brill, 1982. S. 255–328.
- Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts / Hg. E. Sehling. Tübingen: Mohr Siebeck, 1902–1977. Bd. 1–15.
- Dittrich, Paul.* Plautus und Terenz in Pädagogik und Schulwesen der deutschen Humanisten. Leipzig: Böhme & Lehmann, 1915. 97 s.
- Dürr, Emil, Roth, Paul.* Aktsammlung zur Geschichte der Basler Reformation in den Jahren 1519 bis Anfang 1534 / Hg. E. Dürr, P. Roth. Basel: Verlag der Historisch-antiquarische Gesellschaft, 1945. Bd. 5. 685 s.
- Ehrstine, Glenn.* Aufführungsort als Kommunikationsraum: Ein Vergleich der fastnächtlichen Spieltradition Nürnbergs, Lübecks und der Schweiz // Fastnachtspiele. Weltliches Schauspiel in literarischen und kulturellen Kontexten / Hg. K. Ridder. Tübingen: Niemeyer, 2009. S. 83–97.

Ehrstine, Glenn. From Iconoclasm to Iconography: Reformation Drama in Sixteenth Century Bern: Diss. Texas: ProQuest, 1995. 379 p.

Faber, Riemer A. Humanitas as discriminating factor in the education, writings of Erasmus and Luther // The formation of clerical and confessional identities in early modern Europe / Ed. by W. Janse, B. Pitkin. London; Boston: Brill, 2006. P. 25–37.

Goedeke, Karl. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Dresden: Ehlermann, 1886. Bd. 2: Das Reformationszeitalter. 600 s.

Green, Jonathan. Marginalien und Leserforschung anhand der Schedelschen Weltchronik // Buchwissenschaft in Deutschland: ein Handbuch. Fachkommunikation, Lehre, Institutionen und Gesellschaften. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. Bd. 2. S. 216–233.

Herzog, Emil. Geschichte des Zwickauer Gymnasiums. Eine Gedenkschrift zur Einweihungsfeier des neuen Gymnasialgebäudes. Zwickau: Richter i. Comm., 1869. 163 s.

Holzward, Mathias. Saul. Ein schön new spil von künig Saul unnd dem hirten David durch ein ersamme burgerschafft der loblichen statt Basel gespilet [...] anno 1571. Basel: s.p., 1571. 200 s.

Liebing, Heinz. Humanismus, Reformation, Konfession: Beiträge zur Kirchengeschichte / Hg. K. Liebing, W. Bienert, W. Hage. Marburg: Elwert, 1986. 287 s.

Isenmann, Eberhard. Die deutsche Stadt im Mittelalter, 1150–1550: Stadtgestalt, Recht, Verfassung, Stadtrecht, Kirche, Gesellschaft, Wirtschaft / Hg. Eberhard Isenmann. Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2014. 1129 s.

Joachimsohn, Paul. Augsburgs Schulmeister und Augsburgs Schulwesen in vier Jahrhunderten. // Zeitschrift des hist. Vereins für Schwaben und Neuburg. 1896. Bd. XXIII. S. 187–191.

Karant-Nunn, Susan C. Preaching the Word in early modern Germany // Preachers and People in the Reformations and Early Modern Period. Leiden: Brill, 2001. P. 193–220.

Kheyzinga, Yokhan. Osen srednevekovya. M.: Nauka, 1988. 544 s.

Kindermann, Heinz. Das Theaterpublikum der Renaissance. Salzburg: Otto Muller Verlag, 1986. Bd. 2. 263 s.

Könneker, Barbara. Luthers Bedeutung für das Protestantische Drama des 16. Jahrhunderts: Geschichte und Heilsgeschichte in Bartolomäus Krügers Neuer Action von dem Anfang und Ende der Welt // Daphnis. 1983. N 12. S. 549–556.

Lure, Zinaida Andreevna. Konfessionalnye aspekty gumanizma v 1520–1530-e gg. // Problemy sotsialnoy istorii i kultury Srednevekovya / Pod red. G. Ye. Lebedevoy. SPb., 2014. Vyp. 11. S. 42–65.

Lure, Zinaida Andreevna. Lyuteranskaya propoved v tekstakh Ioakhima Grefa // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura. 2012. № 4. S. 60–65.

Lure, Zinaida Andreevna, Prokopev, Andrey Yurevich. Sikst Birk i dramaturgiya epokhi Reformatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. 2013. Vyp. 1. S. 90–97.

Luther, Martin. Deutscher Katechismus, Neue Vorrede, 1530 // D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe / Joachim Karl Friedrich Knaake. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1910. Bd. 30/1: Katechismuspredigten 1528; Großer und Kleiner Katechismus 1529. S. 125–129.

Mertens, Volker. Das Fastnachtspiel zwischen Subversion und Affirmation // Topographies of the Early Modern City / Ed. A. Groos. Göttingen: V&R unipress, 2008. P. 43–84.

Metz, Detlef. Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter. Köln: Böhlau Verlag, 2013. 906 s.

Moser, Dietz-Rüdiger. Lachkultur des Mittelalters? Michael Bachtin und die Folgen seiner Theorie // Euphorion. 1990. N 84. S. 89–111.

Moser, Dietz-Rüdiger. Zu Problematik und Methodik neuester Fastnachtforschung // Zeitschrift für Volkskunde. 1984. N 80. S. 2–22.

Nekrasova, Inna Anatolevna. Religioznaya drama i spektakl XVI–XVII vv. SPb.: Giperion, 2013. 365 s.

Nysaeus, Johannes. Vita Xysti Betelui // L. Coelii Lactantii Firmiani Opera quaequidem extant omnia... accesserunt Xysti Betuleii Augustani commentaria, nunc primum in lucem edita per Emmanuelem Betuleium / Hg. von S. Bircki. Basel: per Henricum Petri, 1563. P. XIII–XVI.

Ozment, Steven E. Reformation in the Cities. New Haven; London: Yale University Press, 1975. 237 p.

Pfrunder, Peter. Pfaffen, Ketzer, Totenfresser. Fastnachtskultur der Reformationszeit. Die Berner Spiele von Niklaus Manuel. Diss. phil. Zürich: Chronos, 1989. 236 s.

Prilutskiy, Aleksandr Mikhaylovich. Proyavleniya gnoseologicheskogo pessimizma v religioznom diskurse // Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. 2012. T. 13. № 4. S. 8.

Ridder, Karl. Städtische Ordnung und gastnächliche Verkehrung // Fastnachtspiele. Weltliches Schauspiel in literarischen und kulturellen Kontexten / Hg. K. Ridder. Tübingen: Niemeyer, 2009. S. 65–81.

Rollenhagen, Georg. Tobias, Eine schöne, tröstliche Comoedia oder Spiel vom heiligen Ehestand durch Georg Rollenhagen. Magdeburg in Verlegung Ambrosius Kirchners 1576. Magdeburg (Ambrosius Kirchner) 1576 // Georg Rollenhagens Spiel von Tobias 1576 / Hg. J. Boltf. Halle an der Saale: Niemeyer, 1930. 151 s.

Rummel, Erika. The Confessionalization of Humanism in Reformation Germany. Oxford: Oxford University Press, 2000. 224 p.

Sallybrass, Peter, White, Allan. The politics and poetics of Transgression. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 228 p.

Sapidus, Johannes. Anabion Sive Lazarus Redivivus: comoedia nova & sacra. Argentorati: Mylius, 1540. 112 p.

Schieß, Traugott. Briefwechsel der Brüder Ambrosius und Thomas Blaurer 1509–1548. / Hg. T. Schieß. Bd. II. Freiburg: Fehsenfeld, 1910. 934 s.

Schmidt, Expeditus. Die Bühnenverhältnisse des deutschen Schuldramas und seiner volkstümlichen Ableger im sechzehnten Jahrhundert. Gerstenberg: Verlag von Alexander Duncker, 1977. 200 s.

Strom, Jonathan. Orthodoxy and Reform: The Clergy in Seventeenth Century Rostock. Tübingen: Mohr Siebeck, 1999. 282 p.

Voogt, Gerrit. Anyone who can read may be a preacher: sixteenth-century roots of the collegians // The Formation of Clerical And Confessional Identities in Early Modern Europe. Leiden; Boston: Brill, 2005 P. 409–424.

Wagemann, Eberhard. Die Persönlichkeit im deutschen Drama des 16. Jahrhunderts. Diss. masch. Göttingen, 1952. 514 s.

Walz, Herbert. Deutsche Literatur der Reformationszeit. Eine Einführung. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1988. 213 s.

Washof, Wolfram. Die Bibel auf der Bühne: Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007. 536 s.

Zwingli, Huldrych. Wie man die Jugend in guten Sitten und christlicher Zucht erziehen und lehren soll // Huldreich Zwinglis sämliche Werke. Leipzig: Heinsius, 1934. Bd. 5. S. 430–447.

ББК 63.3(0)4 (4Гем); УДК 929.52Нассау»12/15»; 81`37; 811.112.2

И. А. Данилов

ДИНАСТИЯ И ИМЯ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ. ГРАФЫ НАССАУ

Одним из наиболее продуктивных в современной науке считается междисциплинарный подход, позволяющий наметить новые направления исследования. В последние десятилетия гуманитарии разных специальностей, и в том числе медиевисты, все чаще обращаются к социальной истории своего периода. Объектом пристального внимания становятся в первую очередь представители знатных родов, потому что сохранившиеся источники наиболее полно отражают факты именно их семейно-бытового уклада. Причем, наряду с традиционной генеалогией, являющейся, по существу, последовательно разворачивающимся во времени «списком имен», исследователи средневековой дворянской семьи вынуждены прибегать к ономастике. Эта лингвистическая дисциплина помогает им пролить свет на внутрисемейные биологические и социальные связи, так как в ее поле зрения попадают не только топонимы, от которых образуются личные титулы владетельных графов и клички их подданных, впоследствии ставшие фамилиями, но и имена собственные, а, кроме того, сами традиции имянаречения. Одним из первых подобный междисциплинарный подход примерно сорок лет тому назад начал применять в своих исследованиях австрийский историк Михаэль Миттерауэр, который к настоящему времени опубликовал несколько монографий на данную тему¹. Здесь, а также во множестве других современных работ, например, в монографии Ф. Б. Успенского «Имя и власть» (первое немецкое издание в 1995 г.; позднее был опубликован русскоязычный вариант), рассматривается проблема трансформации средневековой системы личных

¹ См.: *Mitterauer Michael*. 1) Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte. München, 1993; 2) Traditionen der Namengebung: Namenkunde als interdisziplinäres Forschungsgebiet. Wien; Köln; Weimar, 2011.

© И. А. Данилов, 2015

имен в Европе². В частности, Миттерауэр выделяет следующие аспекты: 1) *наречение по смыслу имени*, когда ребенок получает уникальное имя, в котором выражена некая формула его последующего жизненного пути, либо «повторное» имя, ориентированное на родовую практику; последнее относится прежде всего к так называемым «именам, содержащим имя бога» (например, Дмитрий, Аполлоний и Дионисий — в честь греческих богов Деметры, Аполлона и Диониса; Иисус — «помощь Иеговы»; Абдалла — «слуга Аллаха»); греческое имя Кирилл и латинское Доминик — «принадлежащий Богу»; Богдан — «дар Бога»; Готфрид и Годвин — «друг Бога», и т. д.), которые передаются из поколения в поколение как наиболее ценные; в христианстве этот способ имянаречения восходит не к библейской, а к греческой традиции; 2) *наречение именем умершего предка*, практиковавшееся в европейских королевских домах эпохи раннего средневековья, в том числе у Меровингов и Рюриковичей, когда сам акт наречения именем ранее правившего князя означал легитимность

² Литература вопроса весьма обширна. Среди последних фундаментальных исследований см., например: *Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne*. 5 Bde. Tours, 1990–2002; *Personal Names: Studies of Medieval Europe. Social Identity and Familial Structures*. Kalamazoo, 2002; *Die Familie in der Gesellschaft des Mittelalters / Hrsg. Karl-Heinz Spieß*. Ostfildern, 2009 (Vorträge und Vorschungen 71). Скандинавской традиции имянаречения посвящены следующие труды Ф. Б. Успенского: 1) *Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. М., 2001; 2) *Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки*. М., 2002; 3) *Name und Macht: Die Wahl des Namens als dynastisches Kampfinstrument im mittelalterlichen Skandinavien*. Frankfurt-am-Main, 2004 (Texte und Untersuchungen zur GERMANISTIK und SKANDINAVISTIK / Hrsg. von Heiko Uecker. Bd 52); 4) *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики*. М., 2006 (в соавторстве с А. Ф. Литвиной). Более локальные, однако близкие к средневековой проблематике темы затрагиваются в таких работах, как: *Klewitz Hans-Walter*. *Namengebung und Sippenbewußtsein in den deutschen Königsfamilien des 10.–12. Jahrhunderts // Klewitz Hans-Walter*. *Ausgewählte Aufsätze zur Kirchen- und Geistesgeschichte des Mittelalters*. Aalen, 1971. S. 89–103; *Fichtenau Heinrich*. *Lebensordnungen des 10. Jahrhunderts. Studien über Denkart- und Existenz im einstigen Karolingerreich*. Stuttgart, 1984; *Rübsamen Dieter*. *Kleine Herrschaftsträger im Pleißenland. Studien zur Geschichte des mitteldeutschen Adels im 13. Jahrhundert*. Köln; Wien, 1987; *Störmer Wilhelm*. *Nibelungentradition als Hausüberlieferung in frühmittelalterlichen Adelsfamilien? // Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte. Struktur und Gattung / Hrsg. von Fritz Peter Knapp*. Heidelberg, 1987. S. 1–20; *Ewig Eugen*. *Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus. Mit genealogischen Tafeln und Notizen // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. Paris: Deutschen Historischen Institut Paris; Thorbecke, 1991. Bd 18/1. S. 21–69. Наконец, непосредственное отношение к Нассау имеют следующие публикации в «Nassauische Annalen»: *Munz P. J.* *Taufnamen als Gattungsnamen in sprichwörtlichen Redensarten Nassaus (1870)*. Bd 10; *Bach Adolf*. *Über die lateinisch-romanischen Elemente im Wortschatz der nassauischen Mundarten (1913)*. Bd 42. S. 82–131; *Storkel Rudiger*. *Herkunft und Bedeutung des Begriffs «Nassauern» (1996)*. Bd 107.

права на власть его новорожденного потомка; 3) *разнообразные вариации имени* (повторение в двусоставном имени одной основы от отца и другой от матери, или только одного из родителей, обычно отца, а также различные аллитерации имен родителей); 4) на смену этим способам номинации к концу средних веков приходит *поименование в честь живых членов рода*, как правило, из числа наиболее авторитетных и успешных его представителей, а также все большее распространение *крестильных имен* как основных, которые именно в этот период начинают постепенно вытеснять старые принципы выбора имени³.

Прежде чем перейти к характеристике «ономастической ситуации» в Доме Нассау, или репертуара личных имен представителей этой фамилии, в эпоху позднего Средневековья, т. е. в период с XII по XV в., следует еще раз подчеркнуть, что идея рода в сознании средневекового дворянина выражалась прежде всего в бережном отношении к родовой памяти, в почитании предков и в представлении об их способности, посредством «передачи» своего имени, оказывать влияние на судьбу конкретного потомка. Вместе с тем языческий по своей природе культ предков «накладывался» на матрицу христианского сознания с его почитанием святых, которые также воспринимались как духовные патроны, оказывающие человеку свое покровительство и поддержку в разных жизненных ситуациях. Как известно, в Новое время даже сложилась традиция отмечать не день рождения, а именины. Однако в нашем случае, особенно в XII–XIII вв., зачастую не известны не только дата, но и год рождения номинанта. А потому определить, в какой степени практика поименования у Нассау соотносится с католическим церковным календарем (или месяцесловом), не представляется возможным. Между тем еще в эпоху Высокого Средневековья, наряду с почитанием ветхозаветных патриархов и апостолов Нового завета, активно формировался культ так называемых местнотимых святых, которые совершили свои христианские подвиги в конкретном регионе. Как правило, именно в их честь называли своих детей жители данной местности, полагая, что духовная сила этих святых будет распространяться ими в первую очередь на своих земляков. Поэтому не исключено наличие таких потенциальных духовных патронов из числа почитаемых на Среднем Рейне святых у отдельных представителей Нассау.

Всего были проанализированы имена 166 номинантов. Из них мужчин — 95, женщин — 71. При этом имена как минимум 16 номинантов остаются неизвестными. Разные генеалогические источники свидетельствуют о существовании этих Нассау, но указывают, что четко идентифицировать их имена не удастся. Кроме того, есть сведения и о наличии

других детей у некоторых представителей рода. Однако, кроме указаний на сам факт существования, никаких данных об их количестве и именах не сохранилось. Поэтому «именной массив» Дома Нассау в XII–XV вв. будет рассматриваться, исходя из известных нам 21 мужского имени и 24 женских имен.

Следует особо подчеркнуть, что на протяжении рассматриваемого периода количество мужчин у Нассау превышало число женщин. Такое гендерное соотношение способствовало как биологической, так и экономической стабильности рода, было одним из ключевых факторов его выживания и прочного утверждения на территориях вокруг правого притока Рейна реки Лан, и в конечном итоге, делало обоснованными притязания Нассау на политическое доминирование в своем регионе и за его пределами. Ведь многие соседи и матримониальные партнеры нассауских графов на Среднем Рейне, такие как графы фон Эппштейн, фон Катценельнбоген, фон Изенбург, фон Лейнинген и другие, изначально имели равные с ними или даже большие возможности для возвышения и процветания. Однако из-за отсутствия наследников по мужской линии все эти знатные фамилии к раннему Новому времени угасли.

1. Мужские имена у графов Нассау в XII–XV вв.

№	Имя (в порядке убывания по степени популярности)	Последовательность появления имен в ономастике Нассау	Графы Нассау до первого деления 1255 г.	Вальрамская линия	Оттонская линия	Всего
1	Иоганн	7	1	7	12	20
2	Генрих	4	3	1	11	15
3	Адольф	9	–	7	1	8
4	Рупрехт	1	5	2	–	7
5	Филипп	13	–	5	2	7
6	Отто	5	1	–	4	5
7	Эмих	14	–	–	5	5
8	Вальрам	3	2	2	–	4
9	Герлах	10	–	3	–	3
10	Энгельберг	17	–	1	2	3
11	Вильгельм	20	–	–	3	3
12	Арнольд	2	2	–	–	2
13	Герхард	6	1	–	1	2
14	Фридрих	12	–	1	1	2
15	Рейнхард	15	–	–	2	2
16	Людвиг	18	–	1	1	2

³ См.: Mitterauer Michael. Traditionen der Namengebung. S. 14–15, 18–23, 27–49.

№	Имя (в порядке убывания по степени популярности)	Последовательность появления имен в ономастике Нассау	Графы Нассау до первого деления 1255 г.	Вальрамская линия	Оттонская линия	Всего
17	Дитер (Дитрих)	8	–	1	–	1
18	Крафт	11	–	1	–	1
19	Бернгард	16	–	–	1	1
20	Иоганн Людвиг	19	–	1	–	1
21	Эрнест	21	–	–	1	1

2. Женские имена у графов Нассау в XII–XV вв.

№	Имя (в порядке убывания по степени популярности)	Последовательность появления имен в ономастике Нассау	Графы Нассау до первого деления 1255 г.	Вальрамская линия	Оттонская линия	Всего
1	Маргарита	11	–	6	6	12
2	Елизавета	3	1	4	4	9
3	Анна	12	–	4	3	7
4	Агнесса	9	–	4	2	6
5	Адельгейда	8	–	2	3	5
6	Мария	10	–	2	2	4
7	Иоганна	13	–	3	1	4
8	Екатерина	4	1	1	1	3
9	Мехтгильда	5	–	2	1	3
10	Имагина	6	–	2	–	2
11	Ева	18	–	–	2	2
12	Елена	21	–	–	2	2
13	Демудис	1	1	–	–	1
14	Беатрикс	2	1	–	–	1
15	Рихарда	7	–	1	–	1
16.	Иоганнета	14	–	1	–	1
17	Шонетта	15	–	1	–	1
18	Гертруда	16	–	–	1	1
19	Ютта	17	–	–	1	1
20	Ирмгарда	19	–	–	1	1
21	Германа	20	–	–	1	1
22	Элихина	22	–	–	1	1
23	Берга	23	–	1	–	1
24	Адриана	24	–	–	1	1

Еще одна особенность приведенной статистики заключается в том, что, при меньшей численности женщин, разнообразие женских имен выше, чем мужских: 24 и 21 соответственно. Причем количество единичных номинаций у женщин более чем в два раза превышает таковое у мужчин (в соотношении 12 : 5). Здесь также проявилась практика сохранения родовой памяти, а также подтверждения социального статуса путем поименования потомков в честь прямых предков в ситуации наследования власти от отца к сыну. Так, из пяти мужских имен, встречающихся в генеалогии Дома Нассау лишь один раз, первое — Дитер — принадлежало духовному лицу, брату короля Адольфа, члену Доминиканского ордена и архиепископу Трирскому (около 1250 – 23.11.1307); два номинанта: Крафт († 1.10.1361), сын Герлаха I графа Нассау-Висбаден-Вайльбург-Идштайн (около 1288–1361) от брака с дочерью Крафта II фон Гогенлоэ Ирмгардой († 1372), и Бернгард († 10.05.1556), сын Генриха IV графа Нассау-Бейльштейн (1449–1499) от брака с дочерью Герхарда II графа Сайн Евой (1455–1525), были холостяками; Эрнест, сын Иоганна V графа Нассау-Дилленбург (1455–1516) от брака с дочерью ландграфа Гессен-Марбургского Генриха II Елизаветой (1466–1523), родился и умер в 1486 г. Таким образом, все они не имели прямых потомков. И только правнук основателя линии Нассау-Вайльбург-Саарбрюккен (в составе старшей Вальрамской линии) Иоганна I (1309–1371) и сын Иоганна II графа Нассау-Саарбрюккен (1423–1472) от брака с дочерью Людвиг I графа Вюртембергского Елизаветой (1447–1505) Иоганн Людвиг I (20.10.1472 — 4.06.1545) имел от двух браков обширное потомство. Сразу отметим, что он был не только единственным сыном своего отца, но и единственным носителем двойного личного имени в интересующую нас эпоху. Причем очевидно, что первая часть имени Иоганн восходит к отцовской линии, тогда как вторая часть Людвиг призвана закрепить в памяти потомков имя деда по материнской линии, представителя знатного и богатого рода. Это подтверждается тем, что один из сыновей Иоганна Людвиг I, умерший молодым каноник в Кельне, Трире и Страсбурге, получил имя Иоганн Людвиг II (1524–1542). Однако здесь, безусловно, проявилась новая ономастическая тенденция, которая стала распространенной практикой лишь с XVI в.

Иначе выглядит ситуация с единичными именами у женщин. Из двенадцати таких имен шесть, т. е. половина, принадлежат духовным лицам. Это двоюродная бабка короля Адольфа Беатрикс († после 1222), названная в честь своей бабки по отцовской линии, его родная сестра Рихарда († 28.07.1311) и двоюродная сестра Гертруда († 1359), а также дочь Иоганна Нассау-Висбаден-Идштайн Берта († 1446) и две представитель-

ницы линии Нассау-Гадамар и Бейльштейн Ирмгарда и Германа. Пять номинанток, в том числе дочь основателя рода Нассау Дудо фон Лауренбурга Демудис, а также Шонетта, Ютта, Адриана и Элихина состояли в браке. Но их имена могли оказывать влияние лишь на поименование представительниц того рода, к которому они стали принадлежать в результате вступления в брак, а следовательно, вышеперечисленные номинантки также выпадали из круга лиц, в честь которых Нассау называли своих дочерей. Наконец, в нассауском ономастиконе, или корпусе имен, только один раз встречается имя умершей во младенчестве Иоганнетты. Последнее может служить ярким примером того, как в XIV в. работал широко распространенный еще в эпоху Меровингов принцип вариации имени, описываемый, в частности, Михаэлем Миттерауэром⁴, так как оно является вариацией мужского имени Иоганн и женского Иоганна. Имя Иоганнетта принадлежит правнучке короля Адольфа, дочери Иоганна I Нассау-Вайльбург (1309–1371) от брака с Иоганной († 1381), дамой Коммерси, единственной дочерью и наследницей графа Иоганна II фон Саарбрюккен. Очевидно, что угасание рода графов фон Саарбрюккен и общность собственных имен побудили родителей Иоганнетты назвать своего первенца — ее старшую сестру — Иоганной (1362–1381), а затем, когда на свет появились близнецы (оба умерли в 1365 г.), дать мальчику имя Иоганн (в честь деда по материнской линии), и так как «парное» женское имя уже было занято, использовать для девочки его вариацию. Сама же традиция давать разнополым близнецам «парные» имена восходит к Античности⁵.

Говоря о частотности, нельзя обойти вниманием вопрос об ономастических предпочтениях Нассау, т. е. о наиболее употребительных в этом роде именах. Список самых распространенных имен возглавляет Иоганн. Это имя в эпоху Позднего Средневековья носили 20 представителей рода Нассау. Причем первым из них был младший брат основателей Вальрамской и Оттонской линий, более двадцати лет занимавший кафедру епископа Утрехтского († около 1295). Затем этим именем называли еще 12 представителей Оттонской линии и 7 номинантов из Вальрамской. В то время как женский вариант — Иоганна — по степени употребительности входит лишь в шестую группу из девяти. Его носили только четыре представительницы рода: три из Вальрамской линии и лишь одна из Оттонской. Здесь, как видим, обратно пропорциональное распределение

⁴ См.: Ibidem. S. 36–37.

⁵ Например, римский император Луций Корнелий Сулла назвал своих близнецов Фауст и Фауста (от *lat.* *faustus* — удачный, благоприятный), возродив тем самым архаичный преномен.

по линиям. Следует отметить, что имя Иоганн пользовалось не меньшей популярностью и у ближайших соседей Нассау, например, у графов фон Изенбург, фон Катценельнбоген, фон Лейнинген, фон Шпонгейм⁶, равно как и повсюду в христианском мире с первых веков существования самого христианства. В немецком языке оно является производным от латинской формы *Johannes* древнееврейского имени Иоханан, что означает «Яхве милостив» (Яхве — одно из имен Бога в Ветхом завете), или — в варианте православной Библейской энциклопедии 1891 г.: «Господь милостиво даровал» (здесь же отмечен параллелизм имен Иоханан и Иоанн). То есть в данном случае мы имеем дело с так называемым «благочестивым» или «содержащим имя бога» (*theophore Name*) поименованием⁷. Среди христианских святых, почитаемых как Западной, так и Восточной церковью, Иоанн Предтеча (или Креститель), апостол и евангелист Иоанн Богослов, учителя Церкви Иоанн Дамаскин и Иоанн Златоуст, автор главного монашеского правила Иоанн Лествичник, а также несколько десятков мучеников-первохристиан, пап римских и епископов.

Вторым по распространенности среди Нассау является имя Генрих, восходящее к древневерхнемецкому имени *Heimerich*, которое состоит из двух основ: *heim*, *hem* (дом, жилище, поместье) и *rihhi*, *riki* (богатый, могущественный; вождь, правитель). Им были названы 15 представителей рода, причем трое носили его до первого и самого крупного разделения Дома Нассау в 1255 г.⁸; позднее только один обладатель имени Генрих происходил из Вальрамской линии и 11 принадлежали к Оттонской. Оно тоже пользовалось популярностью у соседей и брачных партнеров Нассау графов фон Шпонгейм, фон Изенбург, фон Катценельнбоген, фон Ганау, фон Гогенлоэ. Но особенно важно, что это имя было распространено среди германских королей из Салической династии и из династии Гогенштауфенов, под покровительством которых на протяжении двух веков находились нассауские графы.

Самое известное в эпоху позднего Средневековья имя Нассау Адольф занимает по частотности лишь третье место, причем с большим отрывом от двух предыдущих. Его обладателями были восемь человек: семь представителей Вальрамской линии, к которой принадлежал король Адольф,

⁶ См.: *Spiess K.-H.* Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. Stuttgart, 1993. S. 234, 241, 245, 261.

⁷ *Mitterauer Michael.* Traditionen der Namengebung. S. 30.

⁸ Следует также отметить, что некоторые современные генеалоги указывают на то, что у самого основателя рода Нассау графа Дудо фон Лауренбурга было второе имя Генрих (см., например: *Thiele Andreas.* Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte. Frankfurt-am-Main: R.G. Fischer Verlag, 1994. Bd I. Teilbd 2: Deutsche Kaiser-, Königs-, Herzogs- und Grafenhäuser II. Tafel 307).

и только один — Отгонской. Далее мы остановимся на этом имени подробнее. Пока же отметим, что на Среднем Рейне в указанную эпоху оно практически не употреблялось, и вообще было весьма редким.

Столь же непопулярным у соседей являлось любимое ранними Нассау имя Рупрехт, происходящее от древневерхненемецких основ *hruom*, *hroth* = “Ruhm” (слава) и *beraht* = “glänzend” (блестящий, сияющий)⁹ и означающее «сияние славы», что, безусловно, отвечало воинственному характеру основателей этого рода. Оно регулярно встречается в первых пяти поколениях нассауских графов в XII–XIII вв., а затем еще дважды у представителей Вальрамской линии. Последний раз им был назван внук короля Адольфа уже в середине XIV в. Всего номинантов с таким именем было семь.

Имя Филипп тоже встречается в нассауском ономастиконе семь раз. Но, в отличие от Рупрехта, оно начинает использоваться представителями Вальрамской, а затем и Отгонской линии лишь со второй половины XIV в. Первый Филипп был младшим братом Иоганнетты, о которой упоминалось выше, и именно его прямые потомки в основном носили это имя. Трудно сказать, каким образом оно попало к Нассау, так как точная дата рождения первого номинанта не известна (мы знаем только, что он родился в 1368 г., а умер в 1429-м). Между тем это имя древнегреческое по своему происхождению: Филиппос означает «любитель лошадей» (от *φιλεο* (любить) + *χιππος* (лошадь)). Оно широко распространено с апостольских времен (список католических святых, начиная с апостола Филиппа, насчитывает более двух десятков). Так, например, это имя было выбрано Фридрихом Барбароссой для своего сына, который предназначался к духовной карьере, а потому отец назвал его в честь архиепископа Кельна Филиппа фон Хайнсберга. Кроме того, в интересующую нас эпоху оно пользовалось популярностью у французских королей из династии Капетингов. Рейнские графы из ближайшего окружения Нассау также отдавали ему предпочтение. Причем, по утверждению К.-Х. Шписса, называя своих сыновей Филиппами, они пытались укрепить политический союз с влиятельным Целльским монастырем на Мозеле, настоятелем которого был св. Филипп цу Целль¹⁰.

Далее по частотности следуют имена Отто (которое происходит от древневерхненемецкого *ot*, *aud* — богатство, обладание, родовая вотчина) и Эмих. Оба были использованы по пять раз, причем исключительно представителями Отгонской линии. Как и в случае с Филиппом, их носили

⁹ См.: <http://www.beliebte-vornamen.de/lexikon/r-mann>.

¹⁰ Spiess K.-H. Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. S. 515 (Komm. 63).

прямые потомки первых номинантов. Интересно, что они были младшими сыновьями, а потому получили свои имена от деда по материнской линии: основатель Отгонской линии Отто I Нассау-Дилленбург-Зиген (1247? — до 19.03.1290) был назван в честь Отто I фон Гельдерн, а его сын Эмих I граф Нассау-Гадамар (около 1267–1334) в честь Эмиха IV фон Лейнинген. (Стоит отметить, что среди графов фон Лейнинген имя Эмих было весьма распространенным: в эпоху Позднего Средневековья его носили последовательно семь представителей этого рода.¹¹)

Имя Вальрам, принадлежащее четырем номинантам, тоже досталось Нассау от деда по материнской линии. Внук Дудо фон Лауренбурга и младший сын Рупрехта I графа Лауренбурга Вальрам I граф Нассау (между 1146 и 1154 – 1.02.1198) был назван в честь деда по матери Вальрама III фон Лимбург, герцога Нижне-Лотарингского. А затем в его честь был назван старший внук Вальрам II (около 1220 – 24.01.1276), давший свое имя Вальрамской линии, за рамки которой оно далее, также как и в случае с Отгонской линией, не выходило. Это имя (*Walderam*) состоит из двух древневерхненемецких основ: *wald*, *walt* (власть, сила) и (*h*)*raban*, (*h*)*ram* (ворон). Оно не встречается в католических святцах и не принадлежит к числу популярных.

Таким образом, имена родоначальников двух главных линий Дома Нассау пришли в фамильный ономастикон с материнской стороны. Они не были особенно распространенными на Среднем Рейне. И сами Нассау не спешили отдавать этим именам предпочтение при наречении своих отпрысков.

Наконец, следует назвать наименее частотные, хотя нередко наиболее прославленные в анналах рода, имена графов Нассау. Как, например, строитель замка Нассау и один из основателей династии Арнольд I граф Лауренбург († около 1148), линия которого пресеклась со смертью его не оставивших потомства сыновей еще в XII в. Или Вильгельм Богатый (1487–1559), унаследовавший от своего племянника Рене принца Оранского титул и все земли старого Дома Оранских и ставший родоначальником ныне правящей в Нидерландах династии Нассау-Оранских. Итак: по три раза встречаются имена Герлах, Энгельберт и Вильгельм; по два раза — Арнольд, Герхард, Фридрих, Рейнхард и Людвиг. Об единичных имяупотреблениях уже говорилось выше.

Остается отметить, что только семь имен (Иоганн, Генрих, Адольф, Филипп, Энгельберт, Фридрих и Людвиг) обнаруживаются у номинантов из обеих линий Дома Нассау. Шесть имен — Рупрехт, Вальрам, Герлах,

¹¹ См.: Ibidem. S. 245.

Дитер, Крафт и Иоганн Людвиг — являются исключительным достоянием Вальрамской линии, а еще семь — Отто, Эмих, Вильгельм, Герхард, Рейнхард, Бернхард¹² и Эрнст — только Отгонской. И лишь имя Арнольд перестает употребляться еще до раздела 1255 г. Кроме того, стоит подчеркнуть, что в эпоху позднего Средневековья имена Адольф, Рупрехт, Отто, Энгельберт, Арнольд, Бернгард, Иоганн Людвиг и Эрнст остаются прерогативой графов Нассау и практически не используются при именовании другими знатными родами Среднего Рейна.

У женщин из рода Нассау наблюдается несколько иная картина частотности имен. Так, самыми употребительными являются имена Маргарита, Елизавета и Анна (12, 9 и 7 номинанток соответственно). Первое из них происходит от древнегреческого слова «маргаритос», т. е. «жемчужина», которое было одним из эпитетов богини Афродиты. В средние века это имя получило самое широкое распространение благодаря популярности легендарной христианской мученицы IV в. св. Маргариты Антиохийской. В настоящее время католических святых с этим именем более двух десятков. Два других имени имеют библейское происхождение. Елизавета означает «Бог есть клятва ее», т. е. относится к разряду так называемых «содержащих имя бога» (theophore Name) имен, и встречается как в Ветхом, так и в Новом завете, причем в последнем оно принадлежит матери Иоанна Крестителя и родственнице Богоматери Девы Марии. А среди библейских носительниц имени Анна (т. е. «милостивая») особо почитается христианами пророчица из колена Асирова, которая вместе с Симеоном Богоприимцем благословила младенца Христа в день Сретения, когда его впервые принесли в храм. Все эти три имени имели самое широкое хождение в эпоху позднего Средневековья, а потому их трудно назвать типично нассаускими. Далее по убывающей следуют Агнесса (6 номинанток), Адельгейда (5), Мария (4), Иоганна (4), Екатерина (3), Мехтгильда (3), Ева (2) и Елена (2). Три из них имеют греческое происхождение, причем имена Агнесса (чистая, непорочная; отсюда «агнец») и Екатерина (также чистая, непорочная) являются синонимами, а имя Елена (светлая) восходит к древнегреческому названию луны — селена. Имена Мария (что значит «возвышенная»), Иоганна (о ней уже говорилось выше) и Ева («жизнь») библейского происхождения. Наконец, Адельгейда и Мехтгильда — древнегерманские двусоставные имена. Первое — Адельгейда — образовано от основ *adal*, *adel* = *edel* (благородный) и *heit* (суть, сущность) и означает «благородная». А второе — Мехтхильда — от

¹² Вторая основа в этих именах -харт (*hart*) в древневерхненемецком означает «сильный, полный сил» (*stark*, *voller Kräfte*).

maht (сила, власть, могущество) и *hild* (битва). В целом же очевидно, что номенклатура женских имен более разнообразна, в том числе по своему происхождению, и ориентирована, скорее, не на фамильную, а на общехристианскую традицию. К тому же наиболее употребительные имена у женской половины Нассау встречаются с равной частотностью как в Вальрамской, так и в Отгонской линии.

Выше уже упоминалось о том, что для Средних веков, в отличие от конца XIX и вплоть до начала 40-х гг. XX в.¹³, имя Адольф было скорее редким. Оно является редуцированной формой древнегерманского имени *Adalwolf*, которое включает в себя две древневерхненемецкие основы: *edel* (благородный) и *Wolf* (волк), т. е. содержит упоминание тотемного животного — в данном случае волка — с указанием на его основное качество. Подобный способ образования был характерен для архаических номинаций, принятых у племенной знати. А в названную эпоху данная традиция давно себя изжила (функцию тотема, в том числе как оберега, стали выполнять христианские святые), и ее следы можно обнаружить разве что в «звериной» символике родовых гербов. Впрочем, в гербе Нассау изображен стоящий на задних лапах лев с оскаленной пастью, а не волк. Следует также отметить, что в именах будущего короля и его матери Адельгейды († 22.02.1288), дочери графа Дитера II фон Катценельнбоген, совпадает первая основа *adel* = *edel* («благородный»). Таким образом, здесь мы сталкиваемся с таким редким для данного времени явлением, как вариация имени, когда имя потомка содержит часть имени предка. Как отмечает Михаэль Миттерауэр, этот феномен был широко распространен в эпоху Меровингов, но затем ему на смену пришло прямое поименование в честь деда или прадеда¹⁴. Однако наличие вариации все равно не объясняет, каким образом имя Адольф попало в нассауский ономастикон. Ведь его нет ни в списках королей Германии и императоров Священной Римской империи, ни среди пап римских. На момент рождения Адольфа это имя отсутствует среди имен архиепископов Трира и Майнца, давних сюзеренов Нассау, а также не встречается у их знатных соседей. А среди святых, в честь которых гипотетически мог бы быть наречен будущий король, дата и даже год рождения которого нам не известны (разные

¹³ Статистику этого периода см.: www.beliebte-vornamen.de/4501-adolf.htm.

¹⁴ Ср.: «Как у Меровингов, так и у Рюриковичей мы видим и второй феномен поименования, а именно, вариации имени. Король Хлодвиг I имел двух сыновей, Хлодомира и Хлотаря, внука Хлодовальда и внучку Хлотсвину, а также правнука Хлодоберта. Старший сын Хлодвиг Теодорих был отцом Теодоберта и дедом Теодобальда. В то время как полное имя должно было быть принято только после смерти его первого носителя, отдельные части имени могли передаваться и среди живых» (*Mitterauer Michael. Traditionen der Namengebung. S. 36*).

источники указывают их между 1250 и 1255 г.), значатся только трое. Все они так называемые местночтимые святые, чьи условные «епархии» находились к северу от наассауских земель. Это св. Адольф Утрехтский или Маастрихтский, скончавшийся еще в 660 г.; св. Адольф епископ Оснабрюкский (около 1185–1224), родившийся на Северном Рейне и прославившийся приверженностью церковным реформам и борьбой с чумными поветриями; наконец, член Францисканского ордена, основатель монастырей в Киле и в Гамбурге св. Адольф IV фон Шауэнбург († 1261), который в 1225 г. отвоевал у датчан Гольштейн, а в 1228 г. принял участие в крестовом походе в Ливонию. Вместе с тем, как представляется, единственный Адольф, имя которого могло вдохновить графов Нассау, это архиепископ Кельна в 1193–1205 и в 1212–1215 гг. Адольф I фон Альтена-Берг (около 1157–1220). Причем не столько он сам, сколько его предки и ближайшие родственники графы Берг, для которых это имя было родовым и очень частотным в разных линиях Дома. Потому что, став архиепископом, Адольф возглавил оппозицию Гогенштауфенам на северо-западе Священной Римской империи и даже добился избрания королем Германии после смерти Генриха VI Оттона IV из династии Вельфов, в то время как Нассау были верными сторонниками прежней династии, представители которой продолжали править параллельно. Между тем племянница этого Адольфа Ирмгарда († 1248) стала женой Генриха IV фон Лимбург, праправнука Вальрама III фон Лимбург, герцога Нижне-Лотарингского. Последний был отцом Беатрикс, супруги Рупрехта I графа Лауренбурга, и соответственно, прапрабабки Адольфа Нассау. Это родство может показаться слишком далеким. Однако разнообразные, в том числе и родственные, связи между двумя Домами все же могли оказать влияние на выбор имени для будущего короля. Как известно, после Адольфа графы Нассау больше ни разу не достигали вершины власти. Однако еще дважды (в XIV и в XV в.) названным в честь него представителям рода удавалось занять Майнцскую кафедру и играть заметную роль в имперской политике¹⁵. Поэтому не будет преувеличением сказать, что именно Нассау, как никто другой, прославили имя Адольф в Средние века.

¹⁵ Характерно, что оба тезки короля Адольфа были младшими сыновьями и к тому же одновременно наследниками не только имени, но и, в силу своего духовного статуса, нумерации в титулатуре собственных отцов. Так, первый из них — правнук короля Адольфа Адольф I (около 1353–1390) был сыном основателя младшей линии Нассау-Висбаден-Идштайн Адольфа I (около 1307–1370) и дочери бургграфа Нюрнберга Фридриха IV Маргариты фон Гогенцоллерн († 1382). С 1372 по 1388 г. он занимал епископскую кафедру в Шпеере; в 1373 г. был избран архиепископом и начал управлять в Майнце; в 1379 и 1381 гг. получил папское подтверждение своих властных полномочий и стал полноправным курфюрстом и архиепископом Майнцским. Второй — Адольф II (1422–1475) — курфюрст-

Следует также отметить, что уже первые историографы Дома Нассау Иоганн фон Арнольди, Иоганн Генрих Хеннес, Христиан Даниэль Фогель, Фридрих фон Шютц и Теодор Шлипхак¹⁶ уделяли довольно много внимания происхождению и ранней истории рода, и в связи с этим, интерпретации разнообразных топонимов, от которых зависела титулатура, а также личных имен первых графов. Так, Теодор Шлипхак, со ссылкой на ныне утраченные источники, пытался реконструировать ближайшее родство и предков Дудо фон Лауренбурга, и в частности, высказал предположение, что его отцом был фогт Зигерланда по имени Рупрехт, а имена Арнольд и Демудис восходят к родовым традициям имянаречения графов фон Арнштейн, из которых происходила жена Дудо¹⁷. Все три имени были использованы в первом поколении Нассау. Следует добавить, что в роду графов фон Лимбург, герцогов Нижне-Лотарингских особой популярностью пользовались имена Вальрам, Генрих, Агнесса, Адельгейда, Мехтгильда и Ирмгарда, а графы Берг, помимо Адольфа, предпочитали называть своих сыновей Эберхард и Энгельберт.

Таким образом, в эпоху позднего Средневековья система личных имен Нассау определялась прежде всего прямым родством. Причем участие в формировании ономастического репертуара этого рода в равной степени принимали имена предков как по мужской, так и по женской линии. Этот вывод согласуется и с наблюдениями К.-Х. Шписса, который проанализировал 174 мужских имени из семи знатных рейнских родов, включая графов Нассау и их непосредственных брачных партнеров, в период между 1200 и 1550 гг. В частности, он отмечал: «В выборе имен в средние века сильно запечатлелась фамильная и родовая память <...>. Так как родственники со стороны матери играли исключительно важную роль в сознании дворян, это обстоятельство должно было обратить на себя внимание при выборе имен. <...> Едва ли удивительно, учитывая значение наследования от отца к сыну, что 72 сына были названы именем отца, 42 носили

архиепископ Майнца с 1461 г. Он происходил из той же линии и был сыном Адольфа II графа Нассау-Висбаден-Идштайн (1386–1426) от брака с дочерью маркграфа Баденского Бернарда I Маргаритой († 1442).

¹⁶ *Arnoldi J. von. Geschichte der Oranien-Nassauischen Länder und ihrer Regenten. Hadamar, 1799. Bd 1; Hennes J. H. Geschichte der Grafen von Nassau. Erster Teil: Bis zum Jahr 1255. Köln, 1842; Vogel Ch. D. Beschreibung des Herzogtums Nassau. Wiesbaden, 1843; Schütz F. D. von. Geschichte des Herzogtums Nassau. Wiesbaden, 1853; Schliephake F. W. T. Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, auf der Grundlage urkundlicher Quellenforschung. Wiesbaden, 1866–1867. См. также: Hübner J. Genealogische Tabelle. Leipzig, 1727; Kremer J. M. Entwurf einer Genealogischen Geschichte der Ottonischen Aster der Salischen Geschichts. Wiesbaden, 1779.*

¹⁷ *Schliephake F. W. T. Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart... Bd 1. S. 75–76, 88, 133.*

имена своих дедов по отцовской линии, но все-таки 32 получили имена своих дедов с материнской стороны, которые таким способом передавали свое имя роду. Лишь в четырех случаях мать передала потомству имена своих братьев, в то время как братья со стороны отца хорошо представлены 24 именами. Общая доля когнатов при поименовании мужчин 18,4 %, однако доля женщин при поименовании со всей очевидностью выше (33,8 %). Из 68 дочерей в шести поколениях в честь матери названы 26 и 23 в честь бабушки с материнской стороны; бабушка со стороны отца, напротив, была выбрана как образец для поименования лишь 19 раз. Хотя следует принять во внимание, что поименования, исходящие от материнской линии, давались преимущественно сыновьям, которые не предназначались стать правителями, постоянный именной фонд материнской стороны расценивался графами и владетельными господами как дальнейшее указание на будущую жизнь родственных помыслов»¹⁸. Приведенные Шписсом статистические данные указывают на общую тенденцию. Однако у каждого рода были свои узкополитические цели и, соответственно, ономастические предпочтения. С этой точки зрения, практика имянаречения в Деме Нассау, хотя и осуществлялась в русле номинационных традиций названной эпохи, безусловно, носила вполне самостоятельный характер и была отмечена оригинальными чертами. Так, если при поименовании дочерей выбор действительно во многом определялся именованным фондом материнской линии, то дяди со стороны матери увековечивались нассаускими графами таким способом значительно реже. К тому же на репертуар как женских, так и мужских имен у Нассау большое влияние оказывал социальный статус преноминанта, когда наиболее ценными оказывались имена рыцарей Немецкого ордена, короля, епископов и прочих духовных лиц, а также представительниц более знатных родов и настоятельниц монастырей.

Данные о статье:

Автор: Данилов Игорь Алексеевич, аспирант кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, igordanilov1990@gmail.com

Заголовок: Династия и имя в позднесредневековой Германии. Графы Нассау.

Резюме: Статья посвящена традиции имянаречения в Германии XII–XV вв. на материале рода графов Нассау. Анализ ономастической практики этого владетельного Дома показывает, что система личных имен Нассау определялась, прежде всего, прямым родством. Причем участие в формировании номинационного репертуара в равной степени принимали имена предков как по мужской, так и по женской линии. Как свидетельствуют данные, полученные с помощью статистического метода, практика имянаречения у Нассау, хотя

¹⁸ Spiess K.-H. Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts. S. 514–516.

и осуществлялась в русле номинационных традиций названной эпохи, безусловно, носила вполне самостоятельный характер и была отмечена оригинальными чертами. Так, если при поименовании дочерей выбор действительно во многом определялся именованным фондом материнской линии, то дяди со стороны матери увековечивались нассаускими графами таким способом значительно реже. К тому же на репертуар как женских, так и мужских имен у Нассау большое влияние оказывал социальный статус преноминанта, когда наиболее ценными оказывались имена рыцарей Немецкого ордена, короля, епископов и прочих духовных лиц, а также представительниц более знатных родов и настоятельниц монастырей.

Ключевые слова: История Германии, Средние века, статистика, демография, ономастика, род, семья, брачные партии, власть, имя, графы фон Нассау.

Information about the article:

Author: Danilov Igor Alekseevich, Saint-Petersburg State University, Institute of History, Chair of medieval history, post graduate student, igordanilov1990@gmail.com

Title: Dynasty and name in the late medieval Germany. Counts of Nassau.

Summary: The article is devoted to the tradition of naming in Germany on the basis of family of counts of Nassau in the twelfth–fifteenth centuries. The analysis of onomastic practice this sovereign House shows that the system of personal names of Nassau was determined primarily by direct kinship. The names of the ancestors of the male and the female line participated equally in the formation of nomination repertoire. Although the practice of naming Nassau was put into practice in line with the nomination traditions of epoch, it had independent and original character. For example, if the choice of the name of the daughters was really determined by the fund of names of mother's side, it was not common practice to select a name for the uncles on the mother's side in this way. The social status greatly influenced the repertoire of male and female names of the counts of Nassau. The most valuable were the names of the Knights of the Teutonic Order, the king, bishops and other clergy. The names of the representatives of more noble families and the abbess were more important for women.

Key words: History of Germany, Middle Ages, statistics, demography, onomastics, kinship, family, wedding parties, power, naming, counts of Nassau.

Литература, использованная в статье:

Литвина, Анна Феликсовна, Успенский, Федор Борисович. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 908 с.

Успенский, Федор Борисович. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001. 160 с.

Успенский, Федор Борисович. Скандинавы — Варяги — Русь: Историко-филологические очерки. Москва: «Языки славянской культуры», 2002. 462 с.

Arnoldi, Johannes von. Geschichte der Oranien-Nassauischen Länder und ihrer Regenten. Hadamar: Neue Gelehrtenbuchhandlung, 1799. Bd 1. 262 S.

Bach, Adolf. Über die lateinisch-romanischen Elemente im Wortschatz der nassauischen Mundarten // Nassauische Annalen. 1913. Bd 42. S. 82–131.

Die Familie in der Gesellschaft des Mittelalters / Hrsg. Karl-Heinz Spieß. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2009. 392 S. (Vorträge und Vorschungen 71).

Ewig, Eugen. Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus. Mit genealogischen Tafeln und Notizen // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Paris: Deutschen Historischen Institut Paris; Thorbecke, 1991. Bd 18/1. S. 21–69.

Fichtenau, Heinrich. *Lebensordnungen des 10. Jahrhunderts. Studien über Denkart- und Existenz im einstigen Karolingerreich*. Stuttgart: A. Hiersemann, 1984. 2 vols. 466 S.

Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne. 5 Bde. Tours: Publications de l'Université de Tours, 1990–2002.

Hennes, Johann Heinrich. *Geschichte der Grafen von Nassau. Erster Teil: Bis zum Jahr 1255*. Köln: Druck und Verlag von Johann Georg Schmiß, 1842. 236 S.

Hübner, Johann. *Genealogische Tabelle*. 2. Teil. Leipzig: Johann Fridrich Gleditsch, 1727. 666 S.

Klewitz, Hans-Walter. *Namengebung und Sippenbewußtsein in den deutschen Königsfamilien des 10.–12. Jahrhunderts // Klewitz Hans-Walter. Ausgewählte Aufsätze zur Kirchen- und Geistesgeschichte des Mittelalters*. Aalen, 1971. S. 89–103.

Kremer, Johann Martin. *Entwurf einer Genealogischen Geschichte der Ottonischen Aste der Salichen Geschichts*. Wiesbaden: Johannes Schirmer, 1779. 478 S.

Mitterauer, Michael. *Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte*. München: C. H. Beck, 1993. 516 S.

Mitterauer, Michael. *Traditionen der Namengebung: Namenkunde als interdisziplinäres Forschungsgebiet*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2011. 267 S.

Munz, P. J. *Taufnamen als Gattungsnamen in sprichwortlichen Redensarten Nassaus // Nassauische Annalen*. 1870. Bd 10. S. 88.

Personal Names: *Studies of Medieval Europe. Social Identity and Familial Structures*. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2002. 205 p.

Rübsamen, Dieter. *Kleine Herrschaftsträger im Pleißenland. Studien zur Geschichte des mitteldeutschen Adels im 13. Jahrhundert*. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1987. 610 S.

Schliephake, F. W. Theodor. *Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, auf der Grundlage urkundlicher Quellenforschung*. Wiesbaden: C. W. Kreidel's Verlag, 1866–1867. Bde 1–2. 485 u. 477 S.

Schütz, Fridrich D. von. *Geschichte des Herzogtums Nassau*. Wiesbaden: Verlag von Wilhelm Roth, 1853. 174 S.

Spieß, Karl-Heinz. *Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts*. Stuttgart: Steiner, 1993. 627 S.

Storkel, Rudiger. *Herkunft und Bedeutung des Begriffs «Nassauern» // Nassauische Annalen*. 1996. Bd 107. S. 268–295.

Störmer, Wilhelm. *Nibelungentradition als Hausüberlieferung in frühmittelalterlichen Adelsfamilien? // Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte. Struktur und Gattung / Hrsg. von Fritz Peter Knapp*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1987. S. 1–20.

Thiele, Andreas. *Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte*. Frankfurt-am-Main: R.G. Fischer Verlag, 1994. Bd I. Teilbd 2: Deutsche Kaiser-, Königs-, Herzogs- und Grafenhäuser II. Tafel 307.

Uspenskij, Fjodor. *Name und Macht: Die Wahl des Namens als dynastisches Kampfinstrument im mittelalterlichen Skandinavien*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2004. 158 S. (Texte und Untersuchungen zur GERMANISTIK und SKANDINAVISTIK / Hrsg. von Heiko Uecker. Bd 52).

Vogel, Christian Daniel. *Beschreibung des Herzogtums Nassau*. Wiesbaden: Verlag von Wilb. Benerle, 1843. 890 S.

References:

Litvina Anna Feliksovna, Uspenskij Fjodor Borisovich. *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [Select the name of the Russian princes in the X–XVI centuries: a Dynastic history through the prism of anthroponimics]*. Moscow: Indrik Publ., 2006. 908 p. (in Russian).

Uspenskij Fjodor Borisovich. *Imya I vlast': vybor imeni kak instrument dinasticheskoi bor'by v srednevekovoi Skandinavii [Name and Power: The Choice of the Name As an Instrument of the Dynastic Struggle in Medieval Scandinavia]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 160 p. (in Russian).

Uspenskij Fjodor Borisovich. *Skandinavyy — Varyagi — Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki [The Scandinavian — the Vikings — Rus': Historical-philological essays]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002. 462 p. (in Russian).

Arnoldi Johannes von. *Geschichte der Oranien-Nassauischen Länder und ihrer Regenten*. Hadamar: Neue Gelehrtenbuchhandlung, 1799. Bd 1. 262 S.

Bach Adolf. *Über die lateinisch-romanischen Elemente im Wortschatz der nassauischen Mundarten, in Nassauische Annalen*. 1913. Bd 42. S. 82–131.

Die Familie in der Gesellschaft des Mittelalters / Hrsg. Karl-Heinz Spieß. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2009. 392 S. (Vorträge und Vorschungen 71).

Ewig Eugen. *Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus. Mit genealogischen Tafeln und Notizen, in Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. Paris: Deutschen Historischen Institut Paris; Thorbecke, 1991. Bd 18/1. S. 21–69.

Fichtenau Heinrich. *Lebensordnungen des 10. Jahrhunderts. Studien über Denkart- und Existenz im einstigen Karolingerreich*. Stuttgart: A. Hiersemann, 1984. 2 vols. 466 S.

Genèse médiévale de l'anthroponymie moderne. 5 Bde. Tours: Publications de l'Université de Tours, 1990–2002.

Hennes Johann Heinrich. *Geschichte der Grafen von Nassau. Erster Teil: Bis zum Jahr 1255*. Köln: Druck und Verlag von Johann Georg Schmiß, 1842. 236 S.

Hübner Johann. *Genealogische Tabelle*. 2. Teil. Leipzig: Johann Fridrich Gleditsch, 1727. 666 S.

Klewitz Hans-Walter. *Namengebung und Sippenbewußtsein in den deutschen Königsfamilien des 10.–12. Jahrhunderts, in Klewitz Hans-Walter. Ausgewählte Aufsätze zur Kirchen- und Geistesgeschichte des Mittelalters*. Aalen, 1971. S. 89–103.

Kremer Johann Martin. *Entwurf einer Genealogischen Geschichte der Ottonischen Aste der Salichen Geschichts*. Wiesbaden: Johannes Schirmer, 1779. 478 S.

Mitterauer Michael. *Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte*. München: C. H. Beck, 1993. 516 S.

Mitterauer Michael. *Traditionen der Namengebung: Namenkunde als interdisziplinäres Forschungsgebiet*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2011. 267 S.

Munz P. J. *Taufnamen als Gattungsnamen in sprichwortlichen Redensarten Nassaus, in Nassauische Annalen*. 1870. Bd 10. S. 88.

Personal Names: *Studies of Medieval Europe. Social Identity and Familial Structures*. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2002. 205 p.

Rübsamen Dieter. *Kleine Herrschaftsträger im Pleißenland. Studien zur Geschichte des mitteldeutschen Adels im 13. Jahrhundert*. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1987. 610 S.

Schliephake F. W. Theodor. *Geschichte von Nassau von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, auf der Grundlage urkundlicher Quellenforschung*. Wiesbaden: C. W. Kreidel's Verlag, 1866–1867. Bde 1–2. 485 u. 477 S.

Schütz Fridrich D. von. *Geschichte des Herzogtums Nassau*. Wiesbaden: Verlag von Wilhelm Roth, 1853. 174 S.

Spieß Karl-Heinz. *Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters: 13. bis Anfang des 16. Jahrhunderts*. Stuttgart: Steiner, 1993. 627 S.

Storkel Rudiger. Herkunft und Bedeutung des Begriffs "Nassauern", in *Nassauische Annalen*. 1996. Bd 107. S. 268–295.

Störmer Wilhelm. Nibelungentradition als Hausüberlieferung in frühmittelalterlichen Adelsfamilien?, in *Nibelungenlied und Klage. Sage und Geschichte. Struktur und Gattung* / Hrsg. von Fritz Peter Knapp. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1987. S. 1–20.

Thiele Andreas. *Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte*. Frankfurt-am-Main: R.G. Fischer Verlag, 1994. Bd I. Teilbd 2: Deutsche Kaiser-, Königs-, Herzogs- und Grafenhäuser II. Tafel 307.

Uspenskij Fjodor. *Name und Macht: Die Wahl des Namens als dynastisches Kampfinstrument im mittelalterlichen Skandinavien*. Frankfurt-am-Main: "Peter Lang", 2004. 158 S. (Texte und Untersuchungen zur GERMANISTIK und SKANDINAVISTIK / Hrsg. von Heiko Uecker. Bd 52).

Vogel Christian Daniel. *Beschreibung des Herzogtums Nassau*. Wiesbaden: Verlag von Wilb. Benerle, 1843. 890 S.

ББК 63.3(0)4 (4Гем); УДК 94(436).05

Вацлав Бужек

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУДОЛЬФА II ГАБСБУРГСКОГО В ОБРАЗЕ ЕГО ПОХОРОН

Объяснение хода болезней, умирания и похорон биологического тела императора Рудольфа II сделала возможным опирающаяся на теоретические исходные пункты истории менталитетов и исторической антропологии интерпретация письменных, иконографических и материальных источников. Намеченный ею методологический подход одновременно открыл путь для познания символических средств репрезентации покойного императора и создания образа его социального тела в коллективной памяти, возникаемого в течении первых месяцев после его смерти в странах южной, западной и средней Европы¹.

Сойтись во мнениях об ухудшающемся состоянии здоровья Рудольфа II историки долго не могли. Сначала они считали причинами его психической неустойчивости заболевания нервного происхождения, объясняя их предположениями семейного анамнеза Габсбургов². Позже некоторые находили взаимосвязь временных состояний неестественного раздражения правителя с заражением сифилиса³. Для новейших биографов Рудольфа II не осталось тайной, что помимо приведенных болезней нервов и заражений император долгое время страдал от плохой деятельности легких

¹ Предъявленный текст исходит из статьи *Václav Bůžek, Pavel Marek. Nemoci, smrt a pohřby Rudolfa II.* [Вацлав Бужек, Павел Марек. Болезни, смерть и похороны Рудольфа II] // *Český časopis historický* 111, 2013. С. 1–30.

² *Jan Bedřich Novák. Rudolf II. a jeho pád* [Ян Бедржих Новак. Рудольф II и его падение]. Praha, 1935. С. 21–24.

³ *Ivan Lesný. Rudolf II. jako nemocný člověk* [Иван Лесны. Рудольф II как больной человек] // *Folia Historica Bohemica* 7, 1984. С. 271–280; *Josef Janáček. Rudolf II. a jeho doba* [Йозеф Яначек. Рудольф II и его время]. Praha, 1987. С. 500–502. Наоборот, сифилитическую заразу императора отвергает *Robert John W. Evans. Rudolf II. a jeho svět. Myšlení a kultura ve střední Evropě 1576–1612* [Рудольф II и его мир. Мысль и культура в средней Европе 1576–1612]. Praha, 1997. С. 69–70.

и печени⁴. Особенно в конце 1611 г. любознательные взгляды зарубежных посланников при Императорском дворе не упустили безмерную боль, испытываемую Рудольфом II во время ходьбы. Причиной трудностей движения владельца они считали водянку нижних конечностей, на первый взгляд хронически распухших. Свидетельство о состоянии здоровья владельца они дополняли сообщениями о его бессоннице, депрессиях и приступах жара⁵.

По свидетельствам врачей, император был ослабленным и тяжело больным, испытывавшим огромные боли при полном сознании до самой смерти, которая случилась в Пражском Граде между шестым и седьмым часами утра 20 января 1612 г.⁶

Как только ближайшие придворные узнали о смерти Рудольфа II, они велели написать послания с кратким сообщением о его смерти⁷. После десятого часа был выслан посланец в Вену, чтобы передать Матиасу письмо с траурным объявлением.

Младшему, оставшемуся в живых брату смерть Рудольфа открыла дверь не только к императорской должности, но одновременно к принятию власти в Королевстве Чехия⁸. В послеобеденных и вечерних

⁴ J. Janáček. Rudolf II. С. 502.

⁵ Národní archiv v Praze [Национальный архив в Праге]. Sbirka opisů [Свод списков], Cizi archívy — Vatikán, Řím, Itálie [Иностранные архивы, Ватикан, Рим, Италия], кор. 223 (папский нунций Томасо Ронкарولي Ранучию Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячечы, 26. 12. 1611); кор. 109 (папский нунций Джованни Баттиста Салваго кардиналу Шипиону Каффарелли-Боргезе, 26.12.1611).

⁶ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien [Домашний, придворный и государственный архив Вена]. Familienakten [Семейные документы], кор. 65; L'archivio dello Stato di Mantova. [Государственный архив в Мантове]. L'archivio dei Gonzaga di Castiglione delle Stiviere [Архив Гонзага ди Кастиленэ делле Стивiere], кор. 246, Rodolfo Petrocini 1611–1616 [Родольфо Петровичи 1611–1616], Родольфо Петровичи Франческе Гонзаге ди Кастиленэ делле Стивiere, 21. 1. 1612; Abraham Hosmann. Lacrymae oder Klag- und Trawerschreiben wegen des tödlichen Abschiedes des Aller Durchlautigsten ... Herrn Rudolphi des Anderen Leipzig, 1612; Heinz Schlecker. Das Prager Tagebuch des Melchior Goldast von Haiminsfeld in der Bremer Staatsbibliothek // Abhandlungen und Vorträge Bremer Wissenschaftlichen Gesellschaft 5, 1930. С. 258–272, здесь С. 262; Karl Vocelka. Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612). Wien, 1981. С. 324; Karl Vocelka. Rudolf II. und seine Zeit. Wien-Köln-Graz, 1985. С. 212; J. Janáček. Rudolf II. С. 503–504; Hilda Lietzmann. Herzog Heinrich Julius zu Braunschweig und Lüneburg (1564–1613). Persönlichkeit und Wirken für Kaiser und Reich. Braunschweig, 1993 (= Quellen und Forschungen zur Braunschweigischen Geschichte 30). С. 69–70; Marie Koldinská, Petr Matá (edd.). Deník rudolfinského dvořana. Adam mladší z Valdštejna 1602–1633 [Мария Колдинска, Петр Матя (edd.). Дневник рудольфинского дворянина. Адам младший из Валдштейна 1602–1633]. Praha, 1997. С. 191.

⁷ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, кор. 65.

⁸ Anton Chroust (ed.). Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges in den Zeiten des vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. Zehnter Band: Der Ausgang der Regierung Rudolfs II. und die Anfänge des Kaisers Matthias. München, 1906. С. 242–248.

часах из Праги выезжали с сообщением о смерти императора посланцы к дворам двух следующих братьев Рудольфа II. Их путь направлялся в Брюссель к эрцгерцогу Альбрехту и в Инсбрук к эрцгерцогу Максимилиану. В Мадрид и Брюссель от испанского посланника в Праге приходили следующие друг за другом известия о смерти императора⁹. Хотя посланец отправился также в Грац, где находилась резиденция эрцгерцога Фердинанда, двоюродного брата Рудольфа, доверенные лица покойного императора уделяли тонкое внимание особенно письмам, которых из Пражского Града посланцы увозили в резиденции имперских курфюрстов и правителей на Апеннинском полуострове¹⁰.

Большинство траурных сообщений, отправленных в Мадрид, Мантую, Рим и другие политические центры католической Европы, покинуло Прагу только на следующий день¹¹. Причину задержки не следует искать в медлительности посланников. Выслать посланника в отдаленные области являлось с финансовой точки зрения делом значительно требовательным, поэтому большинство зарубежных посланников решило подождать с отправлением траурного сообщения до времени, когда будут известны данные о вскрытии мертвого тела императора. В следующие дни распространение печального известия в Праге и многих других городах Римско-германской империи сопровождали колокольный звон, черное сукно с символами империи, которым были покрыты церковные кафедры, траурные литургии и кратковременное запрещение громких уличных развлечений¹².

В послеобеденное время 20 января осуществилось вскрытие трупа Рудольфа II. По прозекторскому сообщению желудочки сердца покойного императора содержали множество патологических шрамов, свидетельствующих о нескольких повторимых разрывах сердца владельца. Легкие покойника, принявшие черный цвет, были насыщены сгустком крови. Отвердевшая печень задерживала на своей поверхности желчь, создающую воспалительные залежи. Распухшие нижние конечности, согласно прозекторскому сообщению, были залиты темной жидкостью. Открытые раны на коже обеих ног императора были охвачены инфекционной гангреной. Содержание прозекторского сообщения позволяет сделать предположение, что подвинутая сифилитическая зараза могла быть не единственной причиной смерти Рудольфа II. Хотя на состояние

⁹ Там же.

¹⁰ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, кор. 65.

¹¹ L'archivio dello Stato di Mantova. L'archivio dei Gonzaga di Castiglione delle Stiviere, кор. 246 (Родольфо Петровичи Франческе Гонзаге ди Кастиленэ делле Стивiere, 21. 1. 1612); Národní archiv v Praze. Gindelyho sbírka [Свод Гиндели], кор. 4, тетрадь 21, Avisos de Praga [Сообщения из Праги], 21.1.1612.

¹² A. Hosmann. Lacrymae.

здоровья императора повлияли также заболевания органов дыхания и пищеварения, его смерть могло ускорить также больное сердце¹³, которое вместе с мозгами покойного императора после вскрытия трупа было отправлено в Испанию. Остальные вынутые утробы нашли свое место в кассете из черного дерева, которая была вынесена в храм Святого Вита в Праге. Там она была уложена в пол саксонской капеллы¹⁴.

Когда было окончено вскрытие тела Рудольфа II, покойного забальзамировали и одели, и 21 января 1612 г. публично выставили в одном из торжественных залов на третьем этаже южного флигеля Пражского Града, служившем для аудиенций императора¹⁵. Показ останков представлял собой первый шаг католического похоронного ритуала, причем уход от светского мира биологического тела владельца в коллективной памяти заменяла бессмертность его социального тела¹⁶. Горящие свечи возле покойного берегли мертвое тело императора от сатанинских сил, но одновременно они показывали его душе путь к вечному спасению. Лицо владельца глядело на крест, показывающий направление пути и напоминающий, что Христос своей смертью выкупил грехи справедливых. С одной стороны головы императора был положен орден Золотого руна, с другой — меч, причем оба распространяли символическое послание о власти христианского рыцаря крепкой католической веры. Выставленное тело берегли камердинеры, приходили капелланы и музыканты¹⁷. Для изгнания дьявольских сил и очищения помещения, где было выставлено мертвое тело, служила освященная вода и воспаленный ладан, место которых находилось вблизи от креста.

Как только Матиас 24 января 1612 г. узнал о смерти своего брата, он немедленно отправился из Вены в Прагу, куда он приехал на шесть дней

¹³ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, kop. 65.

¹⁴ A. Hosmann. Lacrymae; K. Vocelka. Die politische Propaganda. С. 328; M. Koldinská, P. Maťa (edd.). Deník. С. 191, 366.

¹⁵ Тело покойного императора одето было в плащ, назначенный для сна, голова покрыта была шляпой с пером, вокруг шеи находился черный воротник фреза с Agnus Dei, руки украшены были тремя перстнями. К этому главным образом Milena Bravermanová. Pohřební výbava Rudolfa II. [Милена Браверманова. Погребальное снаряжение Рудольфа II.]. In: Eliška Fučíková a kolektiv. Rudolf II. a Praha. Císařský dvůr a rezidenční město jako kulturní a duchovní centrum střední Evropy [In: Элишка Фучикова и коллектив. Рудольф II и Прага. Императорский двор и резиденциальный город как культурный и духовный центр средней Европы]. Praha, 1997. С. 284–287, здесь С. 287.

¹⁶ F. H. Kantorowitz. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.

¹⁷ Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, kop. 223 (Томасо Ронкарроли Ранучио Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячезы, 23.1.1612).

позже¹⁸. Только месяц спустя после смерти Рудольфа II он стал заботиться о подготовке похорон покойного императора. Из Праги в Брюссель, Инсбрук и Грац уходили письма, содержащие несколько вопросов принципиального значения. Ответов на них Матиас ожидал не только от братьев Альбрехта и Максимилиана, но также и от двоюродного брата Фердинанда¹⁹. Прежде всего Матиас хотел узнать, где до осуществления последнего прощания будет храниться тело покойного. В стороне от внимания он не оставлял ни сроки объявления траура, ни имена лиц, которые должны были получить траурную одежду.

В далекий Мадрид сообщение о смерти Рудольфа II дошло 1 февраля 1612 г.²⁰ Краткое сообщение, кроме данных о смерти императора, содержало результаты вскрытия его тела, приблизительное определение оставшегося имущества и имена дворян, имеющих доступ к ценностям покойного владельца. В стороне от внимания корреспондента не осталась демонстрация мертвого тела императора, которое наконец смогли увидеть все, перед глазами которых он при своей светской жизни скрывался в лабиринте коридоров и комнат Пражского Града. Рудольф II в глазах жителей Пиренейского полуострова явился невидимым королем, получившим воспитание при испанском королевском дворе²¹. Равнодушие императора к участию в общественной жизни заменяла неизменная маска королевского величества, которая укрепляла представления о вездесущности его бессмертной и священной власти. После смерти приведенные атрибуты власти невидимого правителя переходили на его социальное тело²².

Ночью с 5 на 6 февраля 1612 г. мертвое тело средневропейского правителя перенесено было через Владиславский зал в церковь Всех Святых в Пражском Граде. Там на некоторое время оно было выставлено в открытом гробу²³. По свидетельству саксонского посланника, в результате плохо

¹⁸ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, kop. 65; M. Koldinská, P. Maťa (edd.). Deník. С. 192.

¹⁹ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, kop. 65; K. Vocelka. Die politische Propaganda. С. 325.

²⁰ Real Academia de la Historia Madrid [Королевская академия истории Мадрид]. Colección jesuitas [Свод иезуиты], tomo 105, fol. 245–246 (Relación de la muerte del Emperador [Сообщение о смерти императора]); там же, tomo 88, fol. 331 (Relación de la muerte del Emperador en Praga [Сообщение о смерти императора из Праги]).

²¹ María José del Río Barredo. Madrid. Urbs Regia. La capital ceremonial de la Monarquía Católica. Madrid, 2000. С. 44–54.

²² Segio Bertelli. Il corpo del re: sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna. Firenze, 1990. С. 22–23.

²³ Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, kop. 223 (Томасо Ронкарроли Ранучио Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячезы, 6.2.1612).

проведенного бальзамирования быстро происходил распад телесных тканей. Так как мертвое тело правителя было одетым, посланник наблюдал процесс распада именно на лице покойного. На первый взгляд он заметил, что стеклянные глаза из глазниц погружались в череп и ослабленные зубы выскальзывали из тлеющих десен²⁴.

Саксонский посланник подтвердил, что траурная одежда покойного владельца состояла из плаща, пальто, брюк, чулков, шляпы и обуви. Три кольца, чётки и крестик посланник не отметил, но, наоборот, обратил внимание на знак Золотого руна, висящий на шее мертвого императора²⁵, который нельзя было найти в сохранившемся погребальном снаряжении²⁶. По орденскому уставу шейный орденский знак должен был после смерти своего носителя вернуться испанскому королю, чтобы впоследствии им был удостоен следующий дворянин²⁷. В соответствии с этим установлением золотая цепь, когда-то принадлежавшая Рудольфу II, в 1614 г. была отправлена в Мадрид²⁸.

Золотую цепь с подвешенной овечьей шкурой с шеи Рудольфа II убрали только перед тем, когда гроб и его верхняя часть, обитая деревянной доской, были закрыты, что, по сведению саксонского посланника, осуществилось после 24 февраля 1612 г. В последующие дни она должна была стать составной частью траурного украшения катафалка (*castrum doloris*) Рудольфа, где вместе с другими символами она должна была напоминать о былом светском значении габсбургского монарха²⁹. Покрывало гроба украшал меч правителя. Хотя можно предположить, что тело покойного императора было одето в траурное одеяние непосредственно после вскрытия трупа и бальзамирования, известные нам иконографические и письменные свидетельства, описывающие покойного при его выставлении в приемном зале, за исключением плаща, воротника фрезы и обуви, не содержали данных о следующих частях одежды. Временным наблюдателям подробное описание всех частей траурной одежды явно не позволяло сделать длинный парчовый плащ коричневого-золотого цвета, который за исключением головы и ступней императора закрывал все тело. То, что мертвое тело Рудольфа II переодевали перед его укладкой

²⁴ H. *Schlecker*. Das Prager Tagebuch. С. 261.

²⁵ Там же.

²⁶ M. *Bravermanová*. Pohřební výbava. С. 284–287.

²⁷ *Alfínso Ceballos-Escalera y Gila* (ed.). La insignie Orden del Toisón de Oro. Madrid, 1996.

²⁸ Archivo General de Simancas [Генеральный архив в Симанкас]. Estado-Alemania [Государство Германия], leg. 2500, fol. 95–109 (Sumario de lo que contienen las cartas de Baltasar de Zúñiga de 16 de marzo y 19 de marzo de 1614 [Обзор содержащий письма Балтазара де Сунига с 16 марта по 19 марта 1614 г.]).

²⁹ K. *Vocelka*. Die politische Propaganda. С. 327.

в деревянный гроб в церкви Всех Святых и позже в оловянный гроб и склеп, является маловероятным³⁰.

В течение марта 1612 г., когда биологическое тело покойного правителя лежало в церкви Всех Святых, из Пражского града в коллективную память разносился образ его социального тела, на вид которого оказывали сильное влияние непосредственные впечатления иностранных посланников после осмотра личных комнат Рудольфа II и коллекций императора. Святой Престол убеждался в том, что покойный император не только издавал плохие политические решения, согласно стереотипным представлениям посланников, исходящие из бессмысленных состояний его мысли, но, сверх того, он не был тверд в католической вере, так как среди его художественных предметов находились картины со сценами, позорившими монахинь, католических священников и римских кардиналов. Святой Престол в секретных передачах, назначенных для высших представителей провинции Общества Иисуса в Мадриде, систематически рисовал образы одинокого императора, который вместо монарших обязанностей охотился на оленей в королевском заповеднике и в Пражском Граде разыскивал затейливые укрытия для своих драгоценностей и денег³¹.

Хотя торжество бессмертия социального тела покойного императора должно было завершиться в течение похоронной процессии в Праге, мнения о времени и характере ее существенно отличались. Преемник Рудольфа Матиас по личным, политическим и финансовым причинам настаивал на простом последнем прощании с покойным императором. Точки зрения его братьев и большинства высших земских чиновников Королевства Чехия были другими. Подчеркивая непрерывность династической памяти, они аргументировали это нарядными похоронами Фердинанда I и Максимилиана II, состоявшимися в августе 1565-го и в марте 1577-го³². Несмотря на то что они знали их ход в целом только по письменным и устным сведениям, в их глазах сложился репрезентативный похоронный обряд владельца стереотипным ритуалом. Траурное торжество социального тела покойника в нем подтверждало непрерывность и строй в иерархически устроенном обществе.

³⁰ M. *Bravermanová*. Pohřební výbava. С. 284.

³¹ Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, kop. 109 (Джованни Баттиста Салваго кардиналу Шипиону Каффарелли-Боргезе, 9.3.1612); Real Academia de la Historia Madrid, Colección jesuitas, tomo 89, fol. 180–181 (28.3.1612).

³² Ср. по крайней мере *Géza Pálffy*. Kaiserbegräbnisse in der Habsburgermonarchie — Königskronungen in Ungarn. Ungarische Herrschaftssymbole in der Herrscherrepräsentation der Habsburger im 16. Jahrhundert, Frühneuzeit-Info 19 // 2008, Heft 1. С. 41–66; *Rosemarie Vocelka*. Die Begräbnisfeierlichkeiten für Kaiser Maximilian II. 1576/77 // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 84, 1976. С. 105–136.

Первая часть похоронных процессий деда и отца Рудольфа II представляла обоих покойников в качестве земских владельцев в отдельных странах монархии. Их принадлежность к габсбургской империи представляли траурные флаги с земскими символами. Последовал двуглавый орел как символ власти над Римско-германской империей. Короны святого Вацлава и святого Стефана, держава, скипетр и меч в последующей части похоронной процессии стали понятными средствами репрезентации королевской власти обоих покойных Габсбургов в Королевстве Чехия и Королевстве Венгрия. В похоронных процессиях Фердинанда I и Максимилиана II ссылку на добродетельную власть христианских рыцарей представляли их Золотое руно, шлем, щит и панцирь. Пространство перед их гробами было выделено для старинных символов авторитета и власти римского императора, к которым относились императорская корона, имперская держава, скипетр и меч. Только что избранный римский император шагал в сопровождении ближайших членов семьи вслед за гробом.

В то время как взгляды на похороны покойного Рудольфа II в Праге в течение весенних месяцев расходились, быстро проходили последние прощания с владельцем в других городах Европы. Символическим ожиданиям подтверждения святой непрерывности отвечали последние прощания с императором в Антверпене, Брюсселе и Мадриде. В Антверпене траурному обряду посвящен был кафедральный собор Девы Марии, в Брюсселе — королевская капелла в штатгальтерской резиденции эрцгерцога Альбрехта и его жены Исабелы Клары Евгении³³, в Мадриде — церковь монастыря босых францисканок *Descalzas reales*³⁴. Траурные обряды длились два дня. Вечером первого дня состоялась вигилия за покойника, на следующий день утром была отслужена заупокойная месса. В течение мессы чрезвычайным характером сиял реквием, когда священник отмечал достоинства покойного и отпускал грехи его душе³⁵. Неотъемлемой частью траурного обряда явился катафалк (*castrum doloris*), своим видом

³³ *Laudatio funebris Rudolphi II Imp. Augusti regis germaniae, hungariae, bohemiae, dalmatiae, croatiae, slavoniae, archiducis Austriae etc. Antuerpiae in Cathedrali deiparae basilica anno MDCXII die XIII mensis Martij dicta ab Auberto Miraeo, Antverpiae 1612.* К брюссельским похоронам ср. Archives Générales du Royaume Bruxelles [Государственный архив в Брюсселе], Man. divers I 115, sign. 3287.

³⁴ *Magdalena S. Sánchez.* The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore, 1998; *Pavel Marek.* Španělský královský dvůr očima české šlechtičny. Luisa z Pernštejna v procesu politické a kulturní komunikace mezi Prahou, Vídní a Madridem [Павел Марек. Испанский королевский двор глазами чешской аристократки. Луйза из Пернштейна в процессе политической и культурной коммуникации между Прагой, Венной и Мадридом] // *Folia Historica Bohemica* 27, 2012. С. 7–39.

³⁵ *Javier Varela.* La murte del Rey. El ceremonial de la Monarquía Española (1500–1885). Madrid, 1990. С. 15–107.

свидетельствующий о набожности, власти и мировом господстве покойного Габсбурга³⁶.

Поскольку по личным, политическим и представительным причинам основные траурные торжества за покойного Рудольфа II по решению испанского короля происходили в странах под властью испанских Габсбургов в мадридском монастыре *Descalzas reales*, на рубеже февраля и марта в тамошней главной церкви построили катафалк (*castrum doloris*) в форме башни, завершающейся ступенчатыми пирамидами, освещенными многочисленными свечами³⁷. В середине катафалка, на возвышенном этаже, лежал пустой гроб Рудольфа II, закрытый сукном золотого цвета. С одной стороны он украшен был серебряным, позолоченным крестом, с другой — была выставлена цепь с орденом Золотого руна, оружающая императорскую корону. Между крестом и короной по всей длине саркофага был помещен меч, символизирующий готовность христианского рыцаря защищать католическую веру и территорию своей власти с оружием в руках. С правой стороны меча находился императорский скипетр, с левой — держава³⁸. Над системой пирамид катафалка возвышался пылающий погребальный костер (*capilla ardiente*), который воспринимался как образ постоянно нисходящего и восходящего солнца, с понятным сообщением вечного возникновения и окончания. Этому соответствовал образ бога Аполлона, который ежедневно с утра до вечера со своей повозкой бороздит небосвод³⁹. Вершину катафалка украшали императорский герб, корона, двуглавый орел и орден Золотого руна⁴⁰. В украшении катафалка Рудольфа в *Descalzas reales* отражалось торжество вечной власти династии Габсбургов, которое завершали личные гербы предшественников Рудольфа II на императорском престоле — Карла V, Фердинанда I и их жен⁴¹.

После окончания траурных торжеств в Антверпене, Брюсселе и Мадриде Матиас 19 марта 1612 г. внезапно уехал из Праги в Вену⁴².

³⁶ *Victoria Soto Caba.* Catafalcos reales del Barroco español. Madrid, 1991.

³⁷ Archivo Histórico Nacional. Sección nobleza, Toledo [Национальный исторический архив. Отдел аристократия, Толедо]. Archivo de los duques de Frías [Архив герцогов де Фриас], С. 115, D. 46 (Relación de las honras que se hicieron en sufragio del emperador Rodolfo II [Сообщение о погребальном торжестве по случаю кончания императора Рудольфа II]).

³⁸ Там же.

³⁹ *James Hall.* Slovník námětů a symbolů ve výtvarném umění [Словарь предложений и символов в изобразительном искусстве]. Praha, 1991. С. 57; *Encarnación de la Torre García.* Los Austrias y el poder: la imagen en el siglo XVII // *Historia y comunicación social* 5, 2000. С. 13–29, здесь С. 16.

⁴⁰ Archivo Histórico Nacional. Sección nobleza, Toledo, Archivo de los duques de Frías, С. 115, D. 46 (Relación de las honras que se hicieron en sufragio del emperador Rodolfo II).

⁴¹ Там же.

⁴² *M. Koldinská, P. Maťa* (edd.). Deník. С. 193.

Неожиданный отъезд из Королевства Чехия вызывал представления о его преждевременной смерти, которые быстро распространялись, особенно благодаря пражским купцам, в города Римско-германской империи⁴³. В течение нескольких дней обнаружилось, что Матиас побывал в венском Гофбурге, куда он приехал из Праги излечивать сильное воспаление верхних дыхательных путей⁴⁴. Хотя удивительный отъезд Матиаса из столицы Королевства Чехия удалось объяснить, образ ожидаемых преимуществ будущего римского императора приобретал серьезные трещины. Их общим знаменателем явилось очевидное неуважение к Рудольфу II, проявившееся в небрежном обращении с его мертвым телом и медлительностью во время подготовки похорон в Праге.

Хотя особенно между Веной и Брюсселем весной развивалась оживленная переписка, на первый взгляд стало заметным, что Матиас уделил небольшое внимание подготовке последнего прощания со своим покойным братом. Размышления Альбрехта о похоронах в качестве средства образования и представления династической памяти он воспринимал не очень, так как он собирался в путь за императорской короной во Франкфурт-на-Майне⁴⁵. По сохранным описаниям и изображениям торжественного въезда Матиаса в Нюрнберг, который осуществился 15 мая 1612 г., можно было судить, что также в других городах Римско-германской империи, которых он посетил во время пути во Франкфурт-на-Майне, траур за покойного императора Рудольфа II в драматургии торжественных встреч его младшего брата не занимал сколько-нибудь значительного места⁴⁶. Хотя по сообщениям из Регенсбурга смерть Рудольфа II вызывала в глазах тамошних мещан сочувствие, одновременно нельзя было не заметить, что редкие свидетельства о последних моментах его светской жизни напоминали уход ненавистного тирана⁴⁷. Разноречивые взгляды на Рудольфа II в имперских городах отражались в способах обращения с социальным телом покойного императора. В церкви в Нюрнберге траурные доски с его

⁴³ Archivio di Stato di Torino [Государственный архив в Турине]. Lettere ministri, Austria, mazzo 6 [Письма министров, Австрия, том 6], Praga 1601–1617 (секретарь Джеронимо Ловенчито савойскому герцогу Карлу Эмануэлу в Турин, 10.4.1612).

⁴⁴ Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel [Библиотека герцога Августа в Вольфенбюттеле]. N:L 996. 4° Helmst. (21).

⁴⁵ Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Familienakten, кор. 65.

⁴⁶ Staatsarchiv Nürnberg [Государственный архив в Нюрнберге]. Reichsstadt Nürnberg, [Имперский город Нюрнберг], Briefbücher [Книги писем] 230 a; Stadtrechnungsbelege, [Городские бухгалтерские документы], том 581; Renate Gold. Ehrenpförten, Baldachine, Feuerwerke. Nürnberger Herrscherempfänge vom 16. Jahrhundert bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts, Nürnberg, 1990. С. 43–51.

⁴⁷ Archivio di Stato di Torino. Lettere ministri, Austria, mazzo 6, Praga 1601–1617 (секретарь Джеронимо Ловенчито савойскому герцогу Карлу Эмануэлу в Турин, 10.4.1612).

изображением были помещены только после смерти преемника Рудольфа на императорском перестоле весной 1619 г.⁴⁸

Когда Матиас в конце июля после своего выбора и последующего возведения на престол римского императора, которое совершилось 24 июня 1612 г. во Франкфурте-на-Майне⁴⁹, приехал в Королевство Чехия, остаток лета он с большой вероятностью провел в Праге и ее окрестностях⁵⁰. Хотя он интересовался прежде всего охотничьими развлечениями, он наконец-то стал уделять больше внимания подготовке пражских похорон Рудольфа II⁵¹. Представления Матиаса и высших земских чиновников Королевства Чехия о похоронной процессии с мертвым телом Рудольфа II еще во второй половине августа различались. Правитель все время настаивал на незаметном и быстром перенесении останков мертвого брата из церкви Всех Святых в храм Святого Вита. Высшие чиновники снова обращали внимание к воспоминаниям о великолепной похоронной процессии Максимилиана II, которую они считали — с учетом сохранения похоронной традиции чешских королей — образцом. От Матиаса они требовали, чтобы похоронная процессия его покойного брата собралась перед страговским монастырем, куда должны были прийти в траурной одежде не только ближайшие родственники покойного императора, но также представители испанской линии Габсбургов и господствующих королевских династий во Франции и Польше, все имперские курфюрсты, другие князи из Римско-германской империи, представители сословий из земель Чешской короны и императорские дворяне⁵².

Перед пытливыми взглядами иностранных посланников в течение сентября 1612 г. не остались скрытыми беспорядки и замедления, сопровождающие со стороны Матиаса подготовку похоронной процессии. Максимилиана и Альбрехта от пути в Прагу, видимо, отбивали неулаженные споры из-за размера имущественных долей после Рудольфа II, которых задерживал их старший брат. Максимилиан после длительного промедления в Праге наконец-то отправился в путь. Альбрехт вместо себя выслал офицера и дипломата Амбросия Спинолу, который должен был не только защищать его имущественные интересы после Рудольфа II, но также при-

⁴⁸ Staatsarchiv Nürnberg. Stadtrechnungsbelege, том 581.

⁴⁹ Последний раз *Petr Vorel*. Císařská volba a korunovace ve Frankfurtu nad Mohanem roku 1612 a česká účast na těchto událostech [Пётр Ворел, Выбор императора и коронация в Франкфурте-на-Майне в 1612 г. и чешское участие в этих событиях] // *Theatrum historiae* 10, 2012. S. 59–106.

⁵⁰ *M. Koldinská, P. Matá* (edd.). Deník. С. 198–201.

⁵¹ *K. Vocelka*. Die politische Propaganda. С. 325.

⁵² Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, кор. 65 (письмо чешских дворянских сословий Матиаса, 16.8.1612).

езжать с доверенностью о возможном преемстве сына испанского короля Филиппа III в Римско-германской империи, и, сверх того, он должен был представлять орден Золотого руна⁵³.

В девять часов вечера 1 октября 1612 г. гроб с покойным Рудольфом II незаметно был перенесен из церкви Всех Святых в Пражском Граде и погребен в королевском склепе в соборе Святого Вита, рядом с отцом Рудольфа II Максимилианом II⁵⁴. Поскольку описания гробов с мертвым телом правителя в церкви Всех Святых и в королевском склепе отличались друг от друга, нельзя было исключить, что останки биологического тела императора, вероятно, еще в церкви были совместно с прежним деревянным гробом вставлены в богато украшенный оловянный саркофаг⁵⁵.

Во главе тайной похоронной процессии шагали 20–30 священников, за которыми числились два высших представителя императорского двора. Оловянный, стоящий на десяти головках ангелов, прикрепленных к деревянным погребальным носилкам, гроб с покойником несли несколько личных камердинеров Рудольфа II и других придворных лиц. За гробом, в полумраке горевших факелов, можно было различить фигуры нескольких высших земских чиновников Королевства Чехия. Их личные сведения говорили о необыкновенной простоте похорон биологического тела Рудольфа II, значительно отличавшихся от великолепного последнего прощания с его дедом и отцом⁵⁶.

Глаза тогдашних наблюдателей не могли не заметить символическое оформление гроба покойного императора. На обеих боковых стенках находились гербы стран, над которыми он господствовал. Геральдические символы были отделены друг от друга львиными головами с кругами в мордах. Крышку украшал рельеф с изображением шести ангелов, четырех кругов, креста, Богородицы и святого Иоанна Крестителя⁵⁷. Убранство гроба отчетливо отражал не только монарший авторитет покойного

⁵³ Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, кор. 109 (Джованни Баттиста Салваго кардиналу Шипиону Каффарелли-Боргезе, 3.9.1612, 10.9.1612, 24.9.1612, 8.10.1612).

⁵⁴ Germanisches Nationalmuseum Nürnberg [Германский национальный музей в Нюрнберге]. Behaim Archiv [Архив Бегаимов], том 80 (Георг Хиеронимус Бегаим отцу Христофу Бегаиму в Нюрнберге, 8.10.1612).

⁵⁵ *Andreas Gentsch*. Beschreibung wie die Begräbnuss des Durchleutigisten, Grossmächtigsten Fürsten und Herren, Herren Rudolphi, des Römischen Kayzers, den 1. 2. 3. Octobris Anno 1612 angeordnet und gehalten worden. Augsburg, 1612; Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, кор. 223 (Томассо Ронкароли Ранучию Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячечы, 8.10.1612).

⁵⁶ *M. Koldinská, P. Maťa* (edd.). Deník. С. 201.

⁵⁷ Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, кор. 223 (Томассо Ронкароли Ранучию Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячечы, 8.10.1612).

императора, но посредством ожидаемых просьб святых и особенно речью цифровых символов изображенных предметов это изображение передавало понятное христианское послание о смерти его биологического тела, ожидаемом Страшном суде и спасении.

Иностранцы не замечали, что погребение гроба с останками Рудольфа II в королевский склеп произошло без участия его братьев и других родственников. Вне их интереса осталось также присутствие Матиаса в вигилии 2 октября 1612 г.⁵⁸ Больше внимания 3 октября они уделяли ходу утренней панихиды за мертвого императора в торжественно украшенном храме Святого Вита, которая представляла собой вершину католического похоронного ритуала⁵⁹. Центр тяжести траурного оформления создавал богатый катафалк (*castrum doloris*), к символической принадлежности которого относились выставленные на гробе короны императорская, святовацлавская и святостепанская, меч, держава и сиятельный орден Золотого руна. Хотя гроб, находящийся на катафалке (*castrum doloris*), был пустым, его оформление отражало четкое послание⁶⁰. Оно подчеркивало достоинства универсального господства, освященного Богом, территориальной власти и преимуществ христианского рыцаря, образующих в коллективной памяти скелет социального тела покойного Рудольфа II.

Иностранцы посланники и корреспонденты вкладывали в описание течения панихиды не только свидетельство о высоком уровне литургического пения и блеске десятков горящих факелов и свечей, освещающих темноту стен храма, закрытых черным сукном, но также обращали внимание на расположение траурных гостей. Для императора Матиаса был предназначен перестол на возвышенном месте под балдахином, слева от главного алтаря. С дистанции литургию смотрел эрцгерцог Максимилиан. В непосредственной близости от него свои места занимали Георг Людвиг Лойхтенберг и Амбросио Спинола, замещающие ближайших родственников покойного императора. За ними стояли другие придворные и земские высокопоставленные лица и иностранные гости. В то время как императрица Анна наблюдала за литургией вместе с несколькими придворными дамами из бокового ораториума, остальные представительницы ее свиты

⁵⁸ Germanisches Nationalmuseum Nürnberg. Behaim Archiv, том 80 (Георг Хиеронимус Бегаим отцу Христофу Бегаиму в Нюрнберге, 8.10.1612).

⁵⁹ Germanisches Nationalmuseum Nürnberg. Behaim Archiv, том 80 (Георг Хиеронимус Бегаим отцу Христофу Бегаиму в Нюрнберге, 8.10.1612); Národní archiv v Praze. Sbirka opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, кор. 223 (Томассо Ронкароли Ранучию Фарнезе, герцогу из Пармы и Пьячечы, 8.10.1612).

⁶⁰ *A. Gentsch*. Beschreibung; *K. Vocelka*. Die politische Propaganda С. 326–327.

стояли по обеим сторонам храма. Орденское духовенство молилось за спасение покойного императора в боковых капеллах⁶¹.

Одновременных наблюдателей возмущала простота траурного обряда, который не стеснялись назвать никудышным⁶². Хотя они оценивали великолепное оформление собора Святого Вита, они же не воздерживались от очень критических слов, когда узнали, сколько финансовых средств было затрачено на похоронный обряд. Расходы, приведенные Императорским двором, они считали неадекватными в сравнении с обыкновенным ходом траурного торжества, которое увидели собственными глазами⁶³.

Погребальные торжества за покойного императора Рудольфа II в Антверпене, Брюсселе, Флоренции, Мадриде, Праге и имперских городах отличались друг от друга временем проведения, стоимостью, участием траурных гостей, символической затейливостью драматургии обрядов. Они в течение отдельных шагов католического погребенного ритуала служили прощанию с биологическим телом покойного, но одновременно также созданию образа его бессмертного социального тела. С выставления трупа до панихиды Рудольф II входил в коллективную память как добродетельный правитель, христианский рыцарь и борец за католическую веру, который с божьей помощью продолжал монаршее усилие своих славных предков из династии Габсбургов. Несмотря на то что образ социального тела Рудольфа II не совпадал со светскими мнениями о монарших способностях, его вневременное послание четко было применено в символах посмертных аллегорий⁶⁴. Путь наверх, на самый Олимп божьей вечности, правитель совершил, по традиции своих мифических предков, в солнечной колеснице греческого героя Геркулеса, которую на вершину бессмертной славы тянули чешский лев и имперские орлы⁶⁵. Триумф вечности бессмертного социального тела покойного Рудольфа II, украшенного атрибутами императорской власти, провожали солнечные лучи, выражающие непрерывность божьей воли.

⁶¹ Národní archiv v Praze. Sbíрка opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, kop. 109 (Джованни Баттиста Салваго кардиналу Шипиону Каффарелли-Боргезе, 8.10.1612).

⁶² Josef Vítězslav Šimák. Paměti Vodňanských z Uračova [Иозеф Витезслав Шимак. Мемуары Воднянских из Урачова] // Časopis Společnosti přátel starožitností českých 10, 1902. С. 10–15, 53–59, здесь С. 54.

⁶³ Národní archiv v Praze. Sbíрка opisů, Cizí archivy — Vatikán, Řím, Itálie, kop. 109 (Джованни Баттиста Салваго кардиналу Шипиону Каффарелли-Боргезе, 8.10.1612).

⁶⁴ Возможности изложения аллегории на смерть Рудольфа II., названной *In mirum omen Rodolphi II imperatoris obitum ante gressum*, которую художественно изобразил и текстом обеспечил Johann Matouš Wacker z Wackenfelsu, наметнул K. Vocelka. Die politische Propaganda. С. 329–330.

⁶⁵ Guido Bruck. Habsburger als „Herculier“ // Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen in Wien 50, 1953. С. 191–198; Karl Vocelka, Lynne Heller. Die Lebenswelt der Habsburger. Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie. Graz-Wien-Köln, 1997. С. 221–223.

Данные о статье:

Автор: Бужек Вацлав, профессор Философского факультета Университета Южной Чехии, г. Чешски-Будеёвицы, buzek@ff.jcu.cz

Заголовок: Репрезентация Рудольфа II Габсбургского в образе его похорон.

Резюме: Данная статья рассматривает процесс похорон императора Священной Римской империи Рудольфа II Габсбурга, правившего с 1576 по 1612 г. Автор приходит к выводу, что похоронный обряд служил целью показать покойного Рудольфа II подданным в образе добродетельного правителя, христианского рыцаря и борца за католическую веру, который был достойным продолжателем дела своих предшественников на императорском троне. Автор прослеживает этапы похоронной процессии, ее состав, мнения различных участников процессии о ее значении и свидетельстве очевидцев.

Ключевые слова: священная Римская империя, Рудольф II Габсбург, социальное тело, коллективная память, похороны, погребальный ритуал, инсигнии, политический символизм.

Information about the article:

Author: Bůžek Václav, Professor of Faculty of Philosophy at University of South Bohemia, city of České Budějovice, buzek@ff.jcu.cz

Title: Representation of Rudolf II Habsburg in the Image of his Funeral.

Summary: The present paper deals with the funeral of Holy Roman Emperor Rudolf II Habsburg, who ruled from 1576 to 1612. The author concludes that the funeral rite served to show a deceased ruler in the image of virtuous ruler, who is the fighter for the Catholic faith and who was worthy of his predecessors' title. The author traces stages of funeral ritual, its composition and opinions of its participants about the significance of this funeral act.

Key words: Holy Roman Empire, Rudolf II Habsburg, social body, collective memory, funeral, entombment, insignia, political symbolism.

Литература, использованная в статье:

Bertelli, Segio. Il corpo del re: sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna. Firenze: Ponte alle grazie, 1990. 281 p.

Bůžek, Václav, Marek, Pavel. Nemoci, smrt a pohřby Rudolfa II. // Český časopis historický 2013. Vol. 111. S. 1–30.

Ceballos-Escalera y Gila, Alfinso (ed.). La insigne Orden del Toisón de Oro. Madrid: Palafox & Pezuela, 1996. 623 p.

Chroust, Anton (ed.). Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges in den Zeiten des vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. Zehnter Band: Der Ausgang der Regierung Rudolfs II. und die Anfänge des Kaisers Matthias. München: Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung, 1906. 913 S.

Encarnación de la Torre García. Los Austrias y el poder: la imagen en el siglo XVII // Historia y comunicación social. 2000. Vol. 5. P. 13–29.

Evans, Robert John W. Rudolf II. a jeho svět. Myšlení a kultura ve střední Evropě 1576–1612. Praha: Mladá fronta, 1997. 382 S.

Gentsch, Andreas. Beschreibung wie die Begräbnuss des Durchleutigisten, Grossmächtigisten Fürsten und Herren, Herren Rudolphi, des Römischen Kaysers, den 1. 2. 3. Octobris Anno 1612 angeordnet und gehalten worden. Augsburg, 1612.

Gold, Renate. Ehrenpforten, Baldachine, Feuerwerke. Nürnberger Herrscherempfang vom 16. Jahrhundert bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts, Nürnberg: A. Hofmann, 1990. 208 S.

Hall, James. Slovník námětů a symbolů ve výtvarném umění. Praha: Mladá fronta, 1991. 517 S.

- Hosmann, Abraham. *Lacrymae oder Klag- und Trawerschreiben wegen des tödlichen Abschiedes des Aller Durchlautigsten ... Herrn Rudolphi des Anderen* Leipzig: Grosse, 1612. 131 p.
- Janáček, Josef. *Rudolf II. a jeho doba.* Praha: Svoboda, 1987. 568 S.
- Kantorowitz, Ernst. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology.* Princeton: Princeton University Press, 1957. 616 p.
- Koldinská, Marie, Maťa, Petr. (edd.). *Deník rudolfinského dvořana. Adam mladší z Valdštejna 1602–1633.* Praha: Argo, 1997. 456 S.
- Lesný, Ivan. *Rudolf II. jako nemocný člověk.* // *Folia Historica Bohemica* 1984. Vol. 7. S. 271–280.
- Lietzmann, Hilda. *Herzog Heinrich Julius zu Braunschweig und Lüneburg (1564–1613). Persönlichkeit und Wirken für Kaiser und Reich.* Braunschweig: Braunschweigischer Geschichtsverein, 1993 (= Quellen und Forschungen zur Braunschweigischen Geschichte 30). 196 S.
- Marek, Pavel. *Španělský královský dvůr očima české šlechtičny. Luisa z Pernštejna v procesu politické a kulturní komunikace mezi Prahou, Vídní a Madridem.* // *Folia Historica Bohemica*. 2012. Vol. 27. S. 7–39.
- Milena Bravermanová. *Pohřební výbava Rudolfa II.* // *Rudolf II. a Praha. Císařský dvůr a rezidenční město jako kulturní a duchovní centrum střední Evropy.* / Eliška Fučíková a kolektiv. Praha: Správa pražského hradu, 1997. S. 284–287.
- Novák, Jan Bedřich. *Rudolf II. a jeho pád.* Praha: Český Zemský Výbor, 1935. 552 S.
- Pálffy, Géza. *Kaiserbegräbnisse in der Habsburgermonarchie — Königskrönungen in Ungarn. Ungarische Herrschaftssymbole in der Herrscherrepräsentation der Habsburger im 16. Jahrhundert* // *Frühneuzeit-Info*. 2008. Vol. 19. Heft 1. S. 41–66.
- Río Barredo, María José del. *Madrid. Urbs Regia. La capital ceremonial de la Monarquía Católica.* Madrid: Marcial Pons, 2000. 258 p.
- Sánchez, Magdalena S. *The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 267 p.
- Schlecker, Heinz. *Das Prager Tagebuch des Melchior Goldast von Haiminsfeld in der Bremer Staatsbibliothek* // *Abhandlungen und Vorträge Bremer Wissenschaftlichen Gesellschaft.* Hft. 5. 1930. S. 258–272.
- Šimák, Josef Vítězslav. *Paměti Vodňanských z Uračova* // *Časopis Společnosti přátel starožitností českých*. 1902. 10, S. 10–15, 53–59.
- Varela, Javier. *La murte del Rey. El ceremonial de la Monarquía Española (1500–1885).* Madrid: Turner, DL, 1990. 228 p.
- Victoria Soto Caba. *Catafalcos reales del Barroco español.* Madrid: U.N.E.D., 1991. 370 p.
- Vocelka, Karl. *Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612).* Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 570 S.
- Vocelka, Karl. *Rudolf II. und seine Zeit.* Wien-Köln-Graz: Böhlau, 1985. 228 S.
- Vocelka, Rosemarie. *Die Begräbnisfeierlichkeiten für Kaiser Maximilian II. 1576/77* // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung* 1976. Vol. 84. S. 105–136.
- Vorel, Petr. *Císařská volba a korunovace ve Frankfurtu nad Mohanem roku 1612 a česká účast na těchto událostech* // *Theatrum historiae* 2012. Vol. 10. S. 59–106.

References:

- Bertelli Segio. *Il corpo del re: sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna.* Firenze: Ponte alle grazie, 1990. 281 p.
- Bůžek Václav, Marek Pavel. *Nemoci, smrt a pohřby Rudolfa II.* [Diseases, Death and Funeral of Rudolf II], in *Český časopis historický*. 2013. Vol. 111. Pp. 1–30.

- Ceballos-Escalera y Gila, Alfinso (ed.). *La insigne Orden del Toisón de Oro.* Madrid: Palafox & Pezuela, 1996. 623 p.
- Chroust, Anton (ed.). *Briefe und Akten zur Geschichte des Dreißigjährigen Krieges in den Zeiten des vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. Zehnter Band: Der Ausgang der Regierung Rudolfs II. und die Anfänge des Kaisers Matthias.* München: Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung, 1906. 913 p.
- Encarnación de la Torre García. *Los Austrias y el poder: la imagen en el siglo XVII*, in *Historia y comunicación social*. 2000. Vol. 5. Pp. 13–29.
- Evans Robert John W. *Rudolf II. a jeho svět. Myšlení a kultura ve střední Evropě 1576–1612* [*Rudolf II and his World. Thought and Culture in Middle Europe 1576–1612*]. Praha: Mladá fronta, 1997. 382 p.
- Gentsch Andreas. *Beschreibung wie die Begräbniss des Durchleutigsten, Grossmächtigsten Fürsten und Herren, Herren Rudolphi, des Römischen Kayzers, den 1. 2. 3. Octobris Anno 1612 angeordnet und gehalten worden.* Augsburg, 1612.
- Gold Renate. *Ehrenporten, Baldachine, Feuerwerke. Nürnberger Herrscherempfänge vom 16. Jahrhundert bis zum Anfang des 18. Jahrhunderts.* Nürnberg: A. Hofmann, 1990. 208 p.
- Hall James. *Slovník námětů a symbolů ve výtvarném umění* [A Dictionary of Sentences and Symbols in Imaginative Art]. Praha: Mladá fronta, 1991. 517 p.
- Hosmann Abraham. *Lacrymae oder Klag- und Trawerschreiben wegen des tödlichen Abschiedes des Aller Durchlautigsten ... Herrn Rudolphi des Anderen* Leipzig: Grosse, 1612. 131 p.
- Janáček Josef. *Rudolf II. a jeho doba* [Rudolf II and his Time]. Praha: Svoboda, 1987. 568 p.
- Kantorowitz Ernst. *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology.* Princeton: Princeton University Press, 1957. 616 p.
- Koldinská Marie, Maťa Petr. (edd.). *Deník rudolfinského dvořana. Adam mladší z Valdštejna 1602–1633* [*A Diary of Rudolf's noble. Adam junior from Waldstein 1602–1633*]. Praha: Argo, 1997. 456 p.
- Lesný Ivan. *Rudolf II. jako nemocný člověk* [Rudolf II as Ill man], in *Folia Historica Bohemica*. 1984. Vol. 7. Pp. 271–280.
- Lietzmann Hilda. *Herzog Heinrich Julius zu Braunschweig und Lüneburg (1564–1613). Persönlichkeit und Wirken für Kaiser und Reich.* Braunschweig: Braunschweigischer Geschichtsverein, 1993 (= Quellen und Forschungen zur Braunschweigischen Geschichte 30). 196 p.
- Marek Pavel. *Španělský královský dvůr očima české šlechtičny. Luisa z Pernštejna v procesu politické a kulturní komunikace mezi Prahou, Vídní a Madridem* [Spanish Royal Court viewed by Bohemian noble Woman. Luisa from Pernstein in the Process of Political and Cultural Communication between Prague, Wien and Madrid], in *Folia Historica Bohemica*. 2012. Vol. 27. Pp. 7–39.
- Bravermanová Milena. *Pohřební výbava Rudolfa II.* [Funeral Equipment of Rudolf II.], in Fučíková, Eliška. *Rudolf II. a Praha. Císařský dvůr a rezidenční město jako kulturní a duchovní centrum střední Evropy.* Praha: Správa pražského hradu, 1997. Pp. 284–287.
- Novák, Jan Bedřich. *Rudolf II. a jeho pád* [Ян Бедржих Новак. Рудольф II и его падение]. Praha: Český Zemský Výbor, 1935. 552 S.
- Pálffy Géza. *Kaiserbegräbnisse in der Habsburgermonarchie — Königskrönungen in Ungarn. Ungarische Herrschaftssymbole in der Herrscherrepräsentation der Habsburger im 16. Jahrhundert*, in *Frühneuzeit-Info*. 2008. Vol. 19. Pp. 41–66.
- Río Barredo María José del. *Madrid. Urbs Regia. La capital ceremonial de la Monarquía Católica.* Madrid: Marcial Pons, 2000. 258 p.
- Sánchez Magdalena S. *The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain.* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998. 267 p.

Schlecker Heinz. Das Prager Tagebuch des Melchior Goldast von Haiminsfeld in der Bremer Staatsbibliothek, in *Abhandlungen und Vorträge Bremer Wissenschaftlichen Gesellschaft*. Vol. 5. 1930. Pp. 258–272.

Šimák Josef Vítězslav. Paměti Vodňanských z Uračova [The Diaries of Vodyansiy family from Urachov], in *Časopis Společnosti přátel starožitností českých*. 1902. Vol. 10. Pp. 10–15, 53–59.

Varela Javier. *La murte del Rey. El ceremonial de la Monarquía Española (1500–1885)*. Madrid: Turner, DL, 1990. 228 p.

Victoria Soto Caba. *Catafalcos reales del Barroco español*. Madrid: U.N.E.D, 1991. 370 p.

Vocelka Karl. *Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612)*. Wien: Verlag der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 570 p.

Vocelka Karl. *Rudolf II. und seine Zeit*. Wien-Köln-Graz: Böhlau, 1985. 228 p.

Vocelka Rosemarie. Die Begräbnisfeierlichkeiten für Kaiser Maximilian II. 1576/77, in *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1976. Vol. 84. Pp. 105–136.

Vorel Petr. Císařská volba a korunovace ve Frankfurtu nad Mohanem roku 1612 a česká účast na těchto událostech [Election of Emperor and Coronation in Frankfurt-am-Main in 1612 and Bohemian Participation in these Events], in *Theatrum historiae*. 2012. Vol. 10. Pp. 59–106.

ББК 63.3(0)4 (4Гем); УДК 94(430).042-044

А. Ю. Прокопьев

МАТЬ, СЫН И НЕВЕСТКА: СЕМЕЙНАЯ КОЛЛИЗИЯ ГЕРЦОГА ЭБЕРГАРДА III ВЮРТЕМБЕРГСКОГО (1628–1674 гг.)*

Интенсивное изучение места и роли женщин во властных структурах Германии раннего нового времени ожидаемо прошло две фазы: от антикварной систематизации (выражаясь языком прошлого, «курьезной» фактологии) до попыток теоретических осмыслений. И если на первом этапе авторы большей частью были одержимы розыском совершенно нетронутых архивных пластов (чего, например, стоит решительный штурм Уты Эсигерн саксонских княжен XVII в.)¹, то на втором пришли подчас к удивительным выводам. Под мощным, тяжелым, порой скучным для молодых исследователей нашего века, покровом религиозной дидактики, крайних форм стилизации личной переписки, ритуального круговорота женской роли при дворе, внезапно обнаружили идеи для переоценкам, казалось бы, привычных сюжетов. Знатная дама и особенно — дама во власти, дочь, супруга, вдова или мать выступили протогоганистами событий и явлений, несомненно, влиявших на поведение правящей мужской элиты².

* Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-31-01009 а1 («Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи: Центральная Европа и Прибалтика»).

¹ *Essegern U.* Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2007. 524 S.

² Лишь некоторые из общих работ: *Hufschmid A.* Adlige Frauen im Weserraum zwischen 1570 und 1700. Status — Rollen — Lebenspraxis (= Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Westfalen 15), Münster 2001; *Basil B.* Tugend, Liebe, Ehre. Die adelige Frau in der Frühen Neuzeit, Wien, Köln, Weimar, 2000; *Keller K.* 1) Hofdamen, Amtsträgerinnen am Wiener Hof des 17. Jahrhunderts, Wien / Köln / Weimar, 2005 2) Frauen und Politik in der höfischen Gesellschaft des Alten Reiches zwischen 1550 und 1750, in: *zeitenblicke* 8, Nr. 2[30.06.2009]. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2009/2/keller/index.html>, URN:urn:nbn:de:0009-9-19537. Отдельные примеры: *Kühn H.-M.*: Eine “unverstorbene Witwe”. Sidonia, Herzogin zu Braunschweig-Lüneburg geborene Herzogin von Sachsen, 1518–1575, Hannover: Hahnsche Buchhandlung 2009; *Keller K.* Kurfürstin Anna von Sachsen (1532–1585): Von Möglichkeiten und Grenzen einer “Landesmutter”, in: Jan Hirschbiegel / Werner Paravicini (Hg.): *Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und früher Neuzeit (= Residenzenforschung 11)*, Stuttgart, 2000. S. 263–285.

© А. Ю. Прокопьев, 2015

Пока еще не слишком звучны большие итоговые тезисы: скромность эпистолярного постмодерна дает о себе знать, к тому же извечный регионализм материала обрекает на сознательное отторжение слишком просторных и заманчивых «смежных» парадигм. Но неизбежным становится опыт нового прочтения хорошо известных немецким краеведам событий, так или иначе привязанных к династической истории. Более того, беспокойный фон, время бесконечного «кризиса раннего нового времени» соблазняют связать династические обстоятельства с общественными потрясениями, самими по себе хорошо известными, но под углом зрения маленьких причуд властителей, пусть даже не самых первых в ранге имперской знати. Поведенческая модель, предопределенная формальностью либо дуэта «он — она», либо треугольником и многоугольниками отношений, оказывается захвачена водоворотом трагических событий. Казалось, незыблемая обитель традиций, обычаев, веками настоянных порядков, становится крохотным домиком, подхваченным и несомым волной общественной бури. Нам бы очень хотелось «ухватить» подобные моменты в исследовательском прицеле и проследить за движением маленького кораблика владетельной семьи, оказавшейся в пучине многолетней войны. Кризис обнажает степень устойчивости, способность регенерации. И Тридцатилетняя война, несомненно, стала кровавой пробой на прочность давно сложившихся общественных структур.

Владетельные особы времен этой войны, на первый взгляд, оставили по себе яркую историческую память лишь несколькими примерами. Самый яркий из них — несомненно регентство Амалии Елизаветы, вдовы ландграфа Вильгельма IV Гессен-Кассельского. Она не только выказала энергию еще рядом с живым супругом, но и стала ревностной защитницей наследственных прав своего сына, как и она, изгнанного в годы католического триумфа. Пример понятен, прежде всего, известностью: хозяйка совершенно разоренного владения смела диктовать свою волю престолу: на Вестфальском конгрессе ее голос звучал раздражающе громко для ушей габсбургской партии, а шведы обязались взять ее наследство под защиту до полной реституции³. Но то была лишь верхушка айсберга, необычная для современников своей динамикой, сословной «дерзостью» (впрочем, всегда нормированной). Множество моделей оставалось спря-

³ Из новой литературы по регентству Амалии Елизаветы см.: *Buckreus S.* Die Körper einer Regentin. Amalia Elisabeth von Hessen-Kassel (1602–1651) (= Paderborner Historische Forschungen 16). SH-Verlag, Köln 2008; *Puppel P.* 1) Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500–1700 (= Geschichte und Geschlechter 43), Frankfurt a. M. / New York 2004; 2) Die “Retterin Hessens” oder “Schwester der Gorgo”? Landgräfin Amelie Elisabeth und die Hessische Ritterschaft. In: Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte 57, 2007. S. 99–125.

танной на просторах Империи, в том числе — в среде самых несчастных семейств, подвергнутых опале и изгнанных волей императора либо за пределы, либо на периферию Германии. Конечно, самый известный случай пфальцских Виттельсбахов, оказавшихся в Гааге и вернувшихся домой лишь поколение спустя, после обещанной реституции 1648 г. — поредевшей, потерявшей в изгнании отца и без отпрысков, нашедшими себя на чужбине. Полуразрушенный и опустевший Гейдельберг смог дать приют лишь старшему наследнику, вынужденному позже отказать даже матери в доходах с полагавшегося ей вдовьего удела. Коллективная история эмигрантов еще не написана, но некоторые судьбы позволяют увидеть многое в столкновении нужды и традиционных механизмов адаптации.

Семья герцогов Вюртембергских, старых ревнителей лютеранства на крайнем юге, также испила свою чашу в лихолетье войны. Долгое время герцогу Иоганну Фридриху удавалось маневрировать между радикалами обеих сторон. Он был причастен к созданию Унии в 1608 г., был одним из ярых поборников протестантской партии кануна войны. Но уже вскоре, поняв масштабы катастрофы, был вынужден смягчить былой ригоризм. Когда началась решающая схватка за Пфальц, он заявил о нейтралитете, хотя и позволил младшему брату Магнусу поспешить на выручку единоверцев и, как оказалось, на смерть: молодой человек получил пулю в голову под Вимпфеном в мае 1622 г. С этого момента Вюртемберг отказался от всех рискованных предприятий и предпочел переждать пик католических успехов со всеми знаками формальной лояльности короне⁴.

Но умудренный опытом и правлением герцог скончался в 1628 г. в самый трудный час: спустя несколько месяцев Фердинанд II инициировал издание Реституционного эдикта. Исполнение его грозило настоящей катастрофой: со времен Реформации герцогство состояло доброй половиной из бывших монастырских земель. Их возвращение не только лишало и без того небольшое княжество источников дохода, но и «взрывало» всю территориальную конструкцию изнутри: возникла целая россыпь островков с правовым иммунитетом. Так, прахом должны были пойти усилия нескольких поколений властителей, с позднего Средневековья по крупницам собиравшего свой домен. Ни одному имперскому владению эдикт не грозил столь убийственно, как Вюртембергу. Больших надежд на улучшение не появилось и год спустя: высадка Густава Адольфа в 1630 г. на первых порах никак не сказывалась на положении юга.

⁴ Политика Вюртемберга в начавшейся войне: *Gotthard A.* Konfession und Staatsräson. Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Kohlhammer, Stuttgart 1992.

Ответственным за все происходившее становился не только регент, родной дядя Людвиг Фридрих из младшей ветви Мемпельгард, но и вполне естественно вдова герцогиня Барбара София, урожденная маркграфиня Бранденбургская. Ее брак связал впервые в вюртембергской истории Берлин и Штутгарт, что лишь подтверждало движение к перестройке старых средневековых связей, обозначившееся со времен Реформации. Сама вдова была дочерью Иоахима Фридриха — последнего приверженца лютеранства в резиденции на Шпрее. Она выросла еще в лоне лютеранской веры, задолго до кальвинистского обращения Гогенцоллернов. Преданность Св. Евангелию вполне соответствовало духовному климату Штутгарта — настоящей цитадели лютеранства на юге Империи⁵. Свадьбу сыграли в ноябре 1609 г. современники хором возглашали ее одной из самых блистательных в Империи: 39 княжеских персон, 5 королевских и курфюршеских представительств, 52 графа и баронов, 500 дворян и 100 придворных дам, включая графиню и баронессу, служили молодой чете в те дни⁶. Непоседа жених непрерывно путешествовал, присматриваясь к порядкам при родственных и дружественных дворах. Свадьба, вполне возможно, отражала его и отца — герцога Фридриха — желание показать имперский статус и амбиции Штутгарта.

Спустя двадцать лет герцогиня давно уже стала матерью изрядного выводка принца и принцесс: старшим из выживших был Эбергард, вынужденный теперь обитать под сенью регента. Рядом — его братья Фридрих и Ульрих, и сестры Антония, Анна Иоанна и Сибилла. Они обитали в старой штутгартской резиденции, обновленной на ренессансный манер предком герцогом Христофором еще в середине XVI в. Эбергард же был вынужден проходить ускоренный курс постижения практических знаний. Когда не стало отца, ему было лишь 14 лет. Регент и мать осуществляли наставничество, видимо, по мере имевшихся возможностей: молодой принц был в частых отлучках, а в 1630 г. отправился в долгий вояж по западным землям. Предстояло посетить Мемпельгард и заглянуть во Францию. Понятно, что регент старался тем самым ближе познакомить племянника с далеким анклавом — удивительным продуктом феодальной чересполосицы, каковым представлялось графство Мемпельгард (по-французски: Монбельяр), со всех сторон окруженным французскими

⁵ Конфессиональная роль Вюртемберга и его династии в канун Тридцатилетней войны: Прокопьев А. Ю. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 9. СПб., 2012. С. 107–129.

⁶ Raff G. Hie gut Württemberg allewege II. Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Stuttgart, 1993. S. 129.

землями. Не будем оспаривать и явную дипломатическую подкладку миссии: познакомиться с королевством, которое вполне возможно в ближайшее время могло прийти на выручку Вюртембергу. Но был и еще один расчет: мать и регент наверняка сами охотно хотели отослать подальше первенца. Опасались близости, легкой досягаемости Вюртемберга для Габсбургов, могших превратить принца в заложника своих интересов.

Долгий путь оказался вполне по силам молодому принцу: он вернулся лишь год спустя, когда обстановка в Империи уже начала меняться в пользу протестантского блока. Скандальная отставка второго регента герцога Юлиуса Фридриха в 1633 г. и совершеннолетие застали Эбергарда за военными упражнениями: он совершенствовался в командовании и управлении войсками. Но теперь ему предстояло окончательно решить нелегкую дилемму: с кем быть и стоило ли рисковать прямым союзом со шведами? В конце концов, успехи «северного льва» вынудили развернуть внешний курс штутгартского двора на союз с протестантами и подальше от Вены. И даже гибель шведского короля не поменяла акцентов: с 1633 г. Вюртемберг — участник Гейльброннского союза. Руль придерживался опытным кормчим: канцлер герцога Якоб Леффлер представлял его интересы в союзных структурах, именно он стал в те месяцы ушами и глазами молодого наследника.

Казалось, есть надежда если не на скорый мир, то, по крайней мере, на длительную стабильность в регионе. Шведы и их немецкие союзники вытеснили имперцев за пределы герцогских владений. Но покой был кажущимся, на протяжении всего 1633 г. мелкие стычки следовали одна за другой в непосредственной близости от Вюртемберга. С началом же нового года стало ясно: южной Германии суждено в скором времени принять тяжкую ношу главного театра военных действий. Летом война вновь вплотную приблизилась к небольшому княжеству, и решающего перевеса у союзников уже не было⁷. В тот год Эбергард стал совершеннолетним и принял бразды правления как полноправный властитель. Теперь во всем, что касалось правления и судеб его земли и подданных последнее слово оставалось за ним. И из всех близких старшего поколения, способных дать неформальный совет, оставалась лишь мать. Все эти годы — от возвращения первенца с чужбины до его совершеннолетия Барбара София зорко следила за всем, что происходило вокруг и рядом с ее сыном — впрочем, как и со всеми детьми, в общем обычной, одной из многих «больших семей» Старой Европы. Переписка матери и сына из штутгартского архива рисуют нам характерные черты. Молодой герцог участвует в осаде

⁷ Bumiller C. Geschichte der Schwäbischen Alb. Von der Eiszeit bis Gegenwart. Gemsbach, Katz Verlag, 2008. S. 227–228.

крохотного, но сильно укрепленного местечка Филлинген. Рядом с ним: умудренные шведские и немецкие военачальники. А он даже в мелочах бессилён принять собственное решение. Он признается в этом матери и та советует ему опираться на дельных и способных людей, проверенных и близких. И новые письма, и новые признания — и вновь настоятельный совет начинать с подбора надежной «команды». От регента и отца унаследован, казалось бы, прочный аппарат, опытные управленцы, но сама работа одушевлена матерью. У нас нет данных о прямом вмешательстве Барбары Софии в правительственные дела, но она все время рядом — то в Штутгарте, то во вдовьем уделе — городке Бракенхайм. Придворный мир герцогства очень тесен, он покорно замыкается в узости географических границ. И чем сильнее спрессовано пространство, тем зримей связь двух близких людей. Время обманчивого затишья даже позволило матери в 1631 г. приступить к перестройке вдовьего гнезда: замок Бракенхайм призван был соответствовать современным раннебарочным образцам. Строительство вынудило избрать временным пристанищем другое местечко — Кирхгейм на Теке — и все подле главной резиденции Штутгарта.

Катастрофа наступила внезапно: битва под Нордлингеном 5–6 сентября 1634 г. уничтожила главные силы союзников, путь имперцам и испанцам на юго-запад и север теперь был открыт. В течении всего лишь двух последующих недель войска наследника престола короля Фердинанда наводнили герцогство и оказались в непосредственной близости от Штутгарта. Последующие события собственно и стали завязкой нашего сюжета: еще за двадцать дней до битвы Барбара София со своим штатом спешно покинула Вюртемберг и устремилась в вольный имперский город Страсбург. Причины столь быстрого, почти панического отъезда до сих пор представляются неясными: исход кампании тогда еще далеко не был решен и внешних давлений к подобному решению вроде бы не имелось. Куда понятней выбор прибежища: Страсбург давно уже играл роль финансового и делового партнера Вюртемберга. Крупнейший мегаполис был ближайшим соседом герцогов, нуждавшихся в деньгах и не торопившихся их возвращать. В разгар войны там осела целая колония изгнанников: несколько десятков именитых фамилий протестантской Германии, бежавших от произвола имперских властей и перспектив католической реституции.

И все же мы вправе предположить, почти с уверенностью — мать хорошо представляла перспективу даже в случае успеха протестантского оружия. Война затягивалась вне зависимости от баланса сил. А средств поддерживать двор и подданных у герцогства становилось все меньше:

финансовый голод и требования союзников озвучивались по нарастающей со страниц корреспонденции Эбергарда с правительством Гейльброннского союза за 1633–1634 гг. Бегство матери несомненно было согласовано и санкционировано Эбергардом. Переписка «с дороги» ярко рисует бедственное положение вдовы и ее придворных штатов. По пути сделали крюк и остановились в Дурлахе у старых родственников и друзей — детей маркграфа Баденского, самого теперь нашедшего прибежище в швейцарской Женеве. С ними советовались, и мать ждала окончательного решения сына⁸. В нескольких днях пути, как в зеркале, отразились правила игры сословной верхушки, сильных мира сего: совет с близкой и дальней родней и хлопоты о репутации. В Страсбург направили уполномоченных, дабы получить разрешение и согласовать с отцами города вопрос с будущей резиденцией. Здесь уже проглядывали будущие неприятности: оказалось, у герцогов Вюртемберга не было своего постоянного двора, каковые имелись почти во всех крупных городах региона. И, видимо, уже тогда пришлось довольствоваться «Рюлевым домом» на площади у церкви Св. Фомы. Признаться, о нем мы имеем весьма смутное представление, адрес пребывания будет публично упомянут лишь в надгробной проповеди на саму Барбару Софию двадцать один год спустя⁹. Ясно, речь шла далеко не о самом престижном доме, равно как и о явном ущербе для княжеской репутации: все лучшее было уже занято иными сословными чинами, как, например, знаменитое баденское подворье на берегу Иллера. Там размещались родственники, которых навестили по дороге: не шел ли уже тогда разговор о возможных адресах или даже о любезности поделиться площадью¹⁰?

Но кульминация наступит двумя неделями позже: вслед за матерью в Страсбург прибежал и ее сын с остатками двора и поклажи. Так с сентября 1634 г. началось время изгнания герцога Вюртембергского, его пребывания в Страсбурге и продлилось оно вплоть до октября 1638 г. Только спустя четыре года удастся договориться с Габсбургами о частичной реституции — возвращении в Штутгарт. Теперь же герцогство оказалось под прямым контролем Вены: в нем распоряжался в качестве пока еще наместника

⁸ Главный государственный архив Штутгарта (далее: HSTASt). G 67 Bū 23. Письма и черновики писем Барбары Софии Эбергарду от 13 и 14 августа 1634 г. Письмо Эбергарда от 22 августа.

⁹ Ibid. G 88 Bū 7. Черновик описания процессии перезахоронения в Штутгарте в 1655 г.

¹⁰ Речь идет о резиденции баденских маркграфов «Драхенфельс». См.: *Schwarzmaier H.* Die Flucht aus dem Krieg. Die Markgrafen von Baden und die Stadt Basel im 17. und 18. Jahrhundert // Stadt und Land. Bilder, Inszenierungen und Visionen in Geschichte und Gegenwart. Wolfgang von Hippel zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Schraut, B. Stier. Stuttgart, 2001. S. 55–74.

король Фердинанд, будущий император Фердинанд III¹¹. Оставим в стороне обстоятельство напряженной дипломатической работы, долгих переговоров, равно как и детали страсбургского изгнания: отметим лишь, что бегство в Страсбург и тамошнее житье должны были знаменовать крутое падение сословной репутации Эбергарда.

Нас интересует лишь одна из сюжетных линий «печального изгнания»: герцог и близкие ему женщины. Эбергард, не отличался смиренным нравом в отношении женского пола. Мать и до Страсбурга имела случаи внушить сыну правила приличия: молодой человек любил повеселиться с девицами из придворных штатов. Страсбург же в одночасье окунул его в водоворот удивительной жизни: помимо привычной деловой составляющей в нем жила и множилась составляющая эмигрантская, причем в высоких чинах.

Война выбросила и сдавила границами городской черты почти 300 дворянских семейств Империи. Сжатые до нельзя рамки сословных нормативов неизбежно приспособлялись к феномену пространственной близости: чины двора вынуждены были искать жилье на стороне, жить, справлять свадьбы, встречаться и общаться в совершенно иной среде. «Рюлево подворье» явно не вмещало всех «верных», приехавших с Эбергардом и решивших разделить изгнание. Разумеется, многие и не собирались оставаться там постоянно, такие как генерал Бурхардт фон Шаблицкий предпочитали совершать вылазки на фронт, теперь переместившийся в Эльзас и за Рейн — во французские земли. Но то касалось немногих и никак — основной массы слуг и придворной знати, считавших каждый грош. И рядом с приспособливанием мы видим попытки строгого контроля изнутри: чем сильнее давила нужда, тем сильнее старшее поколение изгнанников старалось навести порядок вокруг себя и само уходить в мир иллюзий. Барбара София показывала именно такой пример в глазах современников и своих слуг. Надгробная проповедь рисует нам образ страстореппца, образец смирения и кротости, готовность принять нужду и при том оставаться верной Св. Евангелию во всех мелочах. Чем сильнее нужда, тем решительней мать противостояла своей духовной волей и терпением.

Эбергард же быстро попался на крючок частых визитов и встреч. Нам неизвестны, с кем подолгу общался он в первые месяцы страсбургского изгнания, но уже скоро его видели в обществе некоей юной «Дианы». Звали ее Анна Катарина и была она дочерью рейнграфа Зальм-Кирбурга Иоганна Казимира. Мать Анны в 1631 г. сошла в могилу, а семья перебра-

¹¹ Подробней о дипломатических демаршах и хлопотах о реституции: Zizelman S. Um Land und Konfession. Die Außen — und Reichspolitik Württembergs (1628–1638). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, 2002. S. 269 ff.

лась в Страсбург, видимо, спустя несколько месяцев после появления там вюртембергского двора — в 1635 г. И по тем же причинам: война и оккупация. В самом общении не было ничего удивительного: Кирбурги исстари сидели в Верхнем Эльзасе и принадлежали к местной протестантской знати. Они могли считаться «своими» для Штутгарта по региону и вере¹². Впрочем, одним своим корнем они тянулись к центральной Германии: родство с графами Зольмс выводило их в земли Гессена и связывало с Саксонией. Часть отпрысков этой семьи ходила в ленниках курфюрста Саксонии, а в войну еще и занимали высокие и служебные посты¹³.

Отец прелестницы давно избрал военную карьеру и еще в молодости сражался в войсках Империи в Венгрии. Теперь же он был генералом шведской службы, очевидно, в частых отлучках — особенно на исходе 1634 г., когда перспективы протестантского фронта на юго-западе выглядели совершенно плачевно, и было ясно — без помощи Франции спасти войну не удастся. Страсбург для него и его близких выступал идеальным пунктом всех возможных комбинаций: отсюда открывался спасительный путь собственно в земли французской короны, здесь же сохранялись связи со старыми патронами — шведами и можно было наблюдать за судьбой наследственных владений. На худой конец, он мог из вольного имперского города просить о милости и престол. Был ли он рад связи дочери с молодым герцогом? Вероятно, да, хотя печальное положение и тех и других было явно к невыгоде вюртембергского властителя. Но, прячась за Эбергарда, в тогдашних смутных временах сыскать лучший выбор было легче, чем на фронте. Мы должны понимать логику имперских дворян: они прекрасно осознавали, что окончательный переход на чужбину лишил их последних надежд на реституцию, и, будучи протестантами, они все же предпочитали пусть призрачный, но все же шанс на возвращение милостью императора-католика. Нетитулованные дворяне так или иначе ориентировались на поведение своих сюзеренов. Самые неимущие — на шанс под чужим знаменем. Крупные князья, курфюрсты и герцоги тоже отправлялись в изгнание, но за них все время играл статус и солидарность корпорации: пример того же Эбергарда здесь поучителен. Его советники немедленно приступили к поиску контактов с престолом и поддержки именитой родни. Хуже было положение у мелких династов: их статус, менее весомый, и их земли — небольшие и часто дробные, выступали раз-

¹² Об Анне Катарине и ее отце в Страсбурге см.: *Decker-Hauff H. Frauen im Hause Württemberg / Hg. von Setzler W., Schäfer F., Lorenz S., Leinfelden-Echterdingen, DRW-Verlag 1998. S. 82–90.*

¹³ О Зольмсах на саксонской службе см.: *Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонии. Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 368–370.*

менной монетой. Именно им приходилось искать союзников и сочувствие на всех концах и у всех воюющих сторон. В этом смысле поведение отца герцогской избранницы выглядело вполне объяснимым.

Нам неизвестны детали совместных походов герцога и графини, но уже в начале 1636 г. отношения зашли столь далеко, что пошли слухи о свадьбе. Графиня была в «Рюлевом доме»? Несомненно, как и то, что сам Эбергард наверняка посещал ее «резиденцию» в Страсбурге. И здесь заключался трагический тупик. Герцог и графиня пусть и с титулом имперского чина! Партия несовместима: она уравнивала то, что уравнивать традицией и правом было нельзя.

Мать, видимо, уже давно чувствовала беду. Она могла ворчать и сетовать на увлечения сына минувших лет, но открывшееся в Страсбурге переполнило чашу ее терпения. Сохранился недатированный, написанный, очевидно, где-то в конце или в самом начале 1636 г. ее мемориал: «Материнский совет молодому герцогу Эбергарду по поводу его женитьбы». Текст лишен пространных рассуждений и необычайно лаконичен. Перед нами пирамида аргументов против возможного брака. Мы видим одиннадцать объяснений, почему Эбергард никогда не должен жениться на рейн-графине. Во-первых, потому что он старший в семье, обязанный блюсти уважение к своим братьям, сестрам и всему Дому. Задуманный брак убивает уважение. Во-вторых, она как мать не может советовать ему этот брак, а он, вступая в него, глумится над Господом, заповедавшим сыновьям послушание. И нет счастья тому, кто против божьей воли. Эбергард попирает все законы и нормы, принятые в его роду со времен герцога Христофора, запретившего отдавать в семье дочерей и сыновей за графов и графинь и «тем более так жениться правящему государю». И далее говорилось о том как отец и дядя — его братья — договаривались о кормлении и уделах, и он, Эбергард, прежде чем вступать в брак и в случае возвращения домой обязан был поделить имущество с братьями. И, наконец, о жалкой судьбе властителя в окружении новых бедных родственников: сын рискует всю жизнь содержать не только жену, но и всю ее родню, разоряя собственную страну и самого себя. Будет вынужден он дарить ей драгоценности, ибо только тот, кто роднится на равной сам получит дорогой подарок. Мать просила оставить «детскую, бессмысленную любовь», обрести разум и понять ее¹⁴.

Но перед нами не только аргументы: мы видим зеркало истинных добродетелей, математически точно соответствовавших системам династических ценностей имперской знати.

¹⁴ HSTAST. G 87, Bü 1. Текст неоднократно переиздавался: *Raff G.* Nie gut Wirtemberg allewege II. S. 390–391, 401 (Anm. 23).

Суровость матери столкнулась с упрямством сына. Эбергард, видимо, не оставлял своих намерений. Бог избавил родительницу видеть позор семьи: она умерла в феврале 1636 г. Персоналия в надгробной проповеди, как и полагалось дидактики текста, по дням и часам восстанавливает тяжкий путь к Христу — последние часы ее жизни. Покойная являла образец стойкости в вере и служения Дому: воспитания и охранения семьи¹⁵.

Понимал ли в те дни сын размер катастрофы и глубину собственного падения: его мать, справлявшая одну из блистательных свадеб Империи, теперь не была удостоена даже печатной проповеди ее памяти. Не было денег! На похороны прибыла лишь горсть чинов. Сохранился целый конволют с соболезнованием и отписками имперских князей. Но ни один из них не прибыл лично и только несколько прислали посланников. Погребальное шествие своей убожеством выглядело откровенной насмешкой в сравнении с печальными торжествами в Штутгарте мирных лет¹⁶.

Но вернемся к брачным делам герцога Эбергарда. Слух о предстоящем «неравном» браке стал скандальным достоянием всей Империи летом 1636 г., хотя, вполне возможно, разговоры при дворах родственников ходили уже в канун кончины матери. Резонанс представлялся весьма важным, поскольку следовал на фоне не прекращавшихся попыток княжеской дипломатии договориться с Габсбургами. Пытались воздействовать через потенциальных союзников и дальних родственников — в числе главных здесь ходил курфюрст Саксонии. Свои источники информации были и в Вене при Императорском дворе. Исследование С. Цицельманна рисует детальную картину завуалированных контактов¹⁷.

Княжеские агенты не скрывали своих чувств и пересудов вокруг брачных проектов. Андреас Буркхардт, один из самых одаренных и преданных слуг Вюртемберга, вращался в гуще событий в Дрездене и Регенсбурге, где летом того года император созывал очередной съезд курфюрстов. В донесении из Дрездена от 18 июня он весьма откровенно описывал, сколь сильно княжеские намерения бьют по репутации герцога и рискуют свести на нет усилия в деле реституции. В Дрездене с ним доверительно общался один дворянин, служивший ранее отцу Эбергарда и хорошо знавший обстоятельства семьи и дома. Дворянин этот был вхож в окружении наследных принцев Саксонии и, узнав оттуда о намерении герцога

¹⁵ Персоналия была издана только в 1655 г.: HSTAST. J 67 Bü 5a Zellerus Chr. Die erste christliche Leich-Predigt († Barbara Sybilla von Württemberg). Stuttgart, 1655. S. 45–68. Черновик, переданный на корректуру герцогу: Ibid. G 67 Bü 20. Без пагинации.

¹⁶ Черновые списки участников погребальной процессии, списки адресатов нотификации и ответивших на нее: G 67 Bü 20. Без пагинации.

¹⁷ Zizelmann S. Um Land und Konfession... S. 312 ff.

Вюртембергского жениться на графини, высказал опасения за будущую реституцию. Насмешки и издевки слышались уже и из Вены. Он, Буркхардт, надеется на поддержку и помощь верных советников, способных отговорить их светлость от пагубного намерения.

«Но Бог мне свидетель, — пишет он, — если Их Княжеская Милость ныне действительно вздумало жениться на девице — рейнграфине и обещание в том уже дало, то не могу я из этого видеть ничего иного, кроме как то, что Их Княжеская Милость вызовет не только неудовольствие, насмешки, шутки и издевки у императора и короля Богемии и Венгрии равно как и у министров, но и потеряет без остатка всякое высокое признание, любовь, поддержку и аффекцию у курфюрста Саксонии и Бранденбурга, равно как и у всех высоких домов. К тому же это стало бы причиной утраты со стороны курфюрста Саксонии помощи, поддержки и утешения для Их Княжеской Милости, до сих пор явленной в столь тяжких хлопотах. И если это случится, то Их Княжеская Милость было бы выведено из всякого общения в этом мире (*sic!*) и никогда бы впредь ни у императора, ни у короля Богемии и Венгрии, ни у высоких министров, ни у курфюрстов и прочих высоких княжеских домов не вернули бы себе и толику репутации. И не последует из того ничего иного, чем очевидная, прискорбная и для Их Княжеской Милости и для всего его дома совершенная и полная руина и падение... и что до сих пор идущие ныне трактации следуют во благо Их Княжеской Милости, то лежит таковой исключительно и только в респекте и кон siderации курфюрста Саксонии и других ближайших родственников. И если Их Княжеская Милость не примет таковое во внимание, то ни о каком общении впредь и думать нельзя. О достопочтенном доме рейнграфа (т. е. Иоганна Казимира. — *А. П.*) я и другие ничего иного не знаем, кроме как об одном из славных с древних времен графских домов Империи. Известно однако в каковом респекте пребывает он ныне у императора и всего австрийского дома и курфюрста Саксонии, о чем собственно и говорить излишне. Поскольку же притом Их Княжеская Милость ввергнуто в прискорбное и тяжелое состояние по наказанию Божьему и поныне в нем находится, то следует подумать Их Княжеской Милости о том, как из оною обратнo выйти, и свой Дом сохранить и укрепить посредством брака с одним из курфюршеских или приличных старых домов в Империи, находящимся ныне в респекте императора и австрийского Дома. Да и свежий пример стоит перед глазами, как недавно курфюршеский дом Саксонии воспринял случившийся в нем брак с одной графиней. Следует также напомнить Их Княжеской Милости, как покойный Их отец, блаженной памяти, сильно стоял за то,

чтобы княжеские дома с княжескими домами соединялись, а с графскими нет, свидетельством чего стало братское единение.

К тому же не время сейчас, когда Их Княжеская Милость, оторванная от людей и страны, обретается в прискорбном изгнании и невозможно знать, когда и как Она вернется обратно и не сыскать никого, кто бы дал более неразумный совет жениться накануне реституции да и в месте, где в столь прискорбном положении невозможно было бы получить ни помощь, ни поддержку. Единственное, что до сих пор дает Их Княжеской Милости пространство, воздух и место, так это дело о реституции, каковое до сих пор шло со столь тяжким трудом, дабы сейчас быть обремененным вновь к неудовольствию духовных и светских чинов. И следует искать желательного случая, дабы курфюршество Саксонии не отринуло бы руку от этого дела или не стало бы помогать лишь по самому малому»¹⁸.

Далее Буркхардт беспокоился, что брак приведет к попыткам установления опекунства над герцогом со стороны императора сразу после реституции, как уже было ранее, когда с трудом удалось уладить вопрос. И в конце: «Услыхал я из Страсбурга, будто девица — рейнграфиня уже дала обещание другому графу, посредством чего Их Княжеская Милость уже тогда оказались в центре скандала. Не говоря уже о том, что Их Милость через этот брак была бы полностью уничтожена, ненавистна и обесценена при всех высоких курфюршеских и княжеских Домах, у всех своих братьев и сестер».

В конце длинного послания советник выражал надежду на восстановление «отечества» и что Бог наделит герцога таким браком, который бы принес «желательный подъем, княжескую честь, авторитет, репутацию, реставрацию их княжеского дома, возмещение потерь, и служил бы ему самому и его подданным вечному благополучию».

Мы читаем настоящий манифест, яркими красками и без стеснения объясняющий, как и почему жениться не должно. Если мать излагала свой отказ глазами «из дома» или «из семьи», то советник Буркхардт видит скандал «из Империи». Между двумя текстами нет больших различий кроме угла зрения. У Буркхардта постоянно проскальзывает, пожалуй, самое близкое и больное — вопрос реституции. Понять его можно: он действовал прежде всего в этом направлении и скандал с женитьбой выбивал из колеи. Но все же безупречно выстроены приоритеты: брак — зеркало репутации, он делает невозможным или маловозможным реституцию в своих владетельных правах, что влечет за собой полную катастрофу, суть которой — в отторжении со стороны других имперских чинов и ближай-

¹⁸ HStASt G 88 Bù 1. Письмо Буркхардта от 18 июня 1636 г. членам Тайного совета Иоганну Якобу фон Тайхеру, Себастьяну Хормольдену и Иоганну Фридриху Егеру. Без пагинации.

шей родни. Буркхардт определяет ее очень емко: государь будет выведен «за пределы этого мира» без возможности восстановить репутацию. Здесь — кульминация авторских суждений, формула Апокалипсиса для имперского чина. Причем ее нельзя вывернуть наизнанку в макиавеллистском духе: если бы брак не мешал реституции, то он вполне бы был терпим. Напротив, брак срастается с реституцией, обе половины образуют единое метафизическое целое с неизменными последствиями. Едва ли возможна и оговорка относительно имперской опалы отца невесты: не будь ее, на союз можно было бы смотреть сквозь пальцы. Буркхардт целым рядом пассажей говорит о теоретической невозможности неравного брака, и отсутствие респекта по адресу Иоганна Казимира лишь усиливает драматизм. Кроме того, озвученный в конце слух о якобы данном графиней согласия обручиться с неким другим лицом графского статуса несомненно лишь подчеркивает недостойность, ничтожество партии, бросает густую тень именно на графский дом, хотя внешне о нем говорится вполне корректно.

При всем том удивительно ясно показана иерархия проблемы: император (Фердинанд II), наследник престола (король Фердинанд Венгерский), курфюрсты (упомянуты Саксония и Бранденбург, но местами обозначены безликим множеством), другие «высокие княжеские дома». Отметим: в перечне не нашлось места даже имперским графам. Буркхардт лаконично излагает действенный механизм и мир Священной Империи: он говорит только об имперской элите. В конце же указано лекарство от бед: иной брак, восстанавливающий честь, авторитет, репутацию, потери военных лет и служащий общему благополучию. Представлена зеркальная схема обратного: от глубин падения.

Итак, Эбергард, уже потеряв важные составляющие чести и репутации — наследство и респект императора, — теперь рисковал лишиться всего.

Доверительная переписка советников продолжалась. В новой депеше от 2 августа, повторенной несколькими выжимками сразу нескольким адресатам, почтенный советник излагает последующие события. Их кульминация: описание непосредственной реакции Императорского двора. Со слов одного доверенного лица, беседовавшего с гофмейстером двора графом Меггау и отрицавшего свою осведомленность в слухах о женитьбе герцога, сам Меггау сообщил, что император уже информирован о скандале. Он, Меггау, лишь реферирует общую информацию об этом деле. Буркхардт выставлял свидание с Меггау критической точкой, за которой должно последовать самое худшее¹⁹. 9 августа он отправил еще одно про-

¹⁹ Ibid. Письмо Буркхардта секретарю Тайного совета Хофштеттеру из Регенсбурга от 2 августа 1636 г. Без пагинации.

странное донесение, повторявшее многое из его соображений от 18 июля. В числе прочего сообщалось, что императору известен и предсмертный отказ матери благословить намерения Эбергарда: в Вене знали, видимо, даже о тексте «материнского совета»²⁰.

Между тем адресаты явно пребывали в растерянности. Буркхардт постоянно жаловался на отсутствие внятного ответа из Страсбурга. Его близкий коллега, секретарь Тайного совета Хофштеттер, сообщал о крайней осторожности, проявляемой им и его помощниками в общении с молодым герцогом на щекотливую тему, к тому же сами письма приходили с большим опозданием. Но общая картина, объясняющая положение, была все же представлена. Сохранился черновик ответа Буркхардту и доктору Егеру, составленный Хофштеттером. Он изобилует любопытными правками, позволяющими восстановить движение мысли.

Поражает откровенность. Дать отчет в «любовных связях» (*amoris negotio*) было бы невозможно, «ибо они, охватывая то одну, то другую персону, усиливаются у них чем дальше, тем больше в зависимости от персоны и желания. Поскольку же Вы давно уже не общались с Их Княжеской Милостью и не получали от него собственного сообщения и к тому же следует соблюдать принятое им решение, то Вам дальнейшая дискуссия об этом деле была бы мало полезна. Посему всякий совет можно дать лишь частным образом с учетом высшей власти. Движение души не находится в человеческой власти, тем более и юность не способна ее изменить. Следует лишь согласиться с мнением философов, трактовавших власть любви как у Виргилия: «Любовь хранится, пока есть мода на нее» и это можно наблюдать во все времена».

Далее говорилось, что «в Империи немецкой нации неслыханно, чтобы высокие курфюршеские и эрцгерцогские дома женились на графских чинах, как то можно видеть из многих очевидных примеров». Что брак не привел бы к крепкой дружбе ни с домом рейнграфа, ни с императором, напротив — следствием стала бы «фелония», ущерб и урон. И все же: «Но указать или вступить в дискуссию об этом с молодым принцем невозможно. Его же упорство в раз высказанном мнении следует приписать именно слепой любви (*der verblendeten Liebe diß orths zu schreiben sein*)».

Автор письма уверял коллег, что все его попытки хоть как-то подступиться к государю по столь щекотливому вопросу были бы заранее обречены на провал. В конце же звучал весьма доверительный пассаж по адресу самого рейнграфа: «Кроме того, не могу не сообщить, что отец этой Дианы во время нынешней ужасной войны ни разу не сделал себя

²⁰ Ibid. Письмо Буркхардта секретарю Хофштеттеру от 9 августа из Регенсбурга. Без пагинации.

сам, но лишь к своей выгоде примкнув к шведской партии. Когда же сам он был изгнан шведами из собственных владений, то тотчас завел дружбу с французами и отдался под их защиту (ибо сам себя защитить не мог)». В то же время он держался стойко во время войн с турками на стороне австрийского дома и «заслужил в том больше милости, чем немилости». «Но поскольку до нынешнего дня все из его дома находится под властью врага, то следует это делать причиной его страданий и убыли в жизненных средствах».

В самом конце говорилось об очевидности подобного положения вещей, о том, что ни один слуга не поклялся бы делать тайну из всех этих дел, ставших уже известными. Следует лишь ждать дальнейших решений государя²¹.

Очевидно, что автор не собирался раздувать пожар скандала. В чем-то препятствовать Эбергарду было глупо и самоубийственно. «Слепая любовь» ломала все разумные доводы. Откровенен он и об «отце Дианы»: Иоганн Казимир слаб, хотя и его нищета вполне объяснима оккупацией. При желании здесь можно разглядеть и его готовность к брачной партии дочери: возможность что-то получить при помощи Вюртемберга. Как осторожен опытный придворный и с выбором определений! Слово «враг» в отношении императорских войск, захвативших графские земли, зачеркнуто и рядом вставка: «противная партия».

Советники Эбергарда отдавали ясный отчет в поспрашивании собственной репутации их господина, но они с готовностью принимали любое его решение. Экспрессивный Буркхардт должен был быть обескуражен подобным ответом. Теоретическая возможность свободного выбора в браке уравновешивалась очевидными дурными следствиями для государя и всего его Дома.

Как скоро выяснилось, Эбергард остался неколебим в своих намерениях. В сентябре он велел своим советникам подготовить проект брачного договора. Насмешка судьбы: за основу было взято соглашение матери с отцом от 1608 г. Матери, отказавшей сыну в согласии на его выбор! Но, как выяснилось, молодой герцог решил улучшить один из ключевых пунктов: выплатить невесте брачный отказ в четыре раза выше того, что даровал его отец. Только два обстоятельства объясняли столь щедрый жест: вытащить из нищеты свою «Диану» и явить обществу иллюзию благополучия. Едва ли сам он консультировался с верными слугами относительно возможных вариантов. И сами слуги стерпеть княжью волю уже не могли. Советники ответили пространными комментариями,

²¹ Ibid. Черновик письма Хофштетера доктору Егеру и Буркхардту от 29 августа 1636 г. для обсуждения с советниками и последующего представления герцогу. Без пагинации.

датированными 8 октября. Перечислялись аргументы, делавшие невозможным герцогское пожелание. Говорилось о нарушении традиции Дома, о том, что намерение Эбергарда создает опасный прецедент перемен. Но особо подчеркивалось бедственное положение и его страны и его самого. Богатый дар делался при общем оскудении и разлуки, в том числе и его собственного двора. Выяснялись и пикантные подробности: уже до этого, пытаясь свести концы с концами, продавали столовое серебро. Наконец, герцог должен был иметь в виду, что оккупированная страна платила подати императору и новому правительству, требовались расходы и на реституцию и на продолжение переговоров с высокими княжескими и курфюршескими домами. Жест государя подрывал благополучие дома. Они просили ввести «модерацию», изменить высочайшую волю. Аргументы все те же: на первом месте удар по традиции и авторитету дома, ущемление подданных и далее по расширяющемуся радиусу — вплоть до утраты репутации у императора и курфюрстов²².

И все же свадьба была сыграна в марте 1637 г. «Рюлев дом», конечно же, не мог вместить собравшихся, потому торжества прошли на епископском подворье. За обеденными столами — горсть людей, от имперских чинов помимо жениха пфальцграф, маркграф Баденский, «отец Дианы», барон Раппольштейн. И только... Куцей ряд прекрасно отражал репутацию жениха и невесты²³. Получилось то, что предсказывал Буркхардт: низшая точка падения, какую только мог достичь Эбергард. Герцог уравнивал себя с теми, с кем равняться никак не мог. Хотелось бы глазком взглянуть на тот мартовский вечер: шумная, полупьяная толпа, теснившаяся в чужом доме, чужом городе среди чужих, потерявшая почти все — настоящий праздник изгнанных и нищих! И между ними три искренне довольных лица: жениха, невесты и ее отца, рейнграфа. О таком счастье для дочери и, конечно же, для себя самого Иоганн Казимир едва ли мог мечтать.

Но мало того. Супруга родила первенца уже в сентябре того же 1637 г. Зачать в дни траура по матери и до свадьбы? Наш герцог словно нарочно выбивал камни из под собственных ног²⁴.

И все же он получил прощение Габсбургов. В октябре 1638 г. Эбергард вернулся в Штутгарт, годы «прискорбного изгнания» ушли в прошлое. Вюртемберг утратил статус воюющего княжества, он строго соблюдал

²² Ibid. Концепт представления герцогу от 8 октября. Без пагинации.

²³ Ibid. Список столовавшихся на епископском подворье. Всего перечислено 49 персон. Без пагинации.

²⁴ Прокопьев А. Ю. Конфессия и имя: мужские имена немецкой протестантской знати XVI–XVII вв. // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А. М. Прилуцкого. Вып. 3. СПб., 2014. С. 206–240.

нейтралитет, и герцог несомненно страшился вновь оказаться в ловушке венских комбинаций. Наконец и его супруга впервые увидела родину мужа и свои новые владения. Почти все они лежали в руинах. Вюртемберг стал одним из самых пострадавших княжеств долгой войны. Но именно отсюда, из глубин падения, мы видим медленное движение к реанимации собственного авторитета и репутации. Мы уже говорили о стратегии крестин в семье Эбергарда, когда статус приглашенных крестных должен был знаменовать соответствующую степень признания среди элиты. С каждым новыми торжествами все больше сильных мира сего!

Но в интересующих нас связях последняя точка, видимо, была поставлена в 1655 г. Весной того года Анна Катарина ушла в мир иной. Она не дожила всего немного до двадцатилетия своей семьи. Эбергард тогда пошел на решительный шаг: он распорядился доставить из Страсбурга останки своей давно покойной матери. Формально речь шла о выполнении ее последней воли: она хотела, пусть и в гробу, но вернуться на родину. На деле же Штутгарт стал в августовские дни того года свидетелем двойных похорон, прошедших с небывалой помпой. С разницей в два дня останки матери, а потом и супруги обрели последний покой в усыпальнице старой приходской церкви подле княжеской резиденции. На сей раз погребальному церемониалу соответствовало все то, что не доставало в 1636 г.: вторичные проводы матери словно компенсировали статусный изъян страсбургского изгнания²⁵. Но бросается в глаза и другое: давно покойная мать теперь после кончины невестки словно бы признавала ее брак. Двойное погребение смывало пятно раздоров минувших лет. И завершало реставрацию в той последовательности, которую излагал все тот же Бурхардт: собравшаяся на траур имперская элита знаменовала примирение и прощение: матери с невесткой, Эбергарда с Империей.

Был ли задуман сценарий самим герцогом? Или он действовал по чьей-либо подсказке? Или лишь случай дал повод исполнить материнскую волю? Как бы то ни было, небывалое до той поры событие в истории вюртембергского дома явно символизировало реставрацию былых утрат.

Данные о статье:

Автор: Прокопьев Андрей Юрьевич, д. и. н., профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков СПбГУ, a.prokopiev@spbu.ru

Заголовок: Мать, сын и невестка: семейная коллизия герцога Эбергарда III Вюртембергского (1628–1674 гг.).

²⁵ HSTASt. G 88 Bū 7. Распоряжения, инструкции и отчеты касательно перезахоронения Барбары Софии и организации погребения в Штутгарте в августе 1655 г.

Резюме: В фокусе статьи сюжет из истории Вюртемберга периода Тридцатилетней войны. Речь идет о женитьбе герцога Эбергарда III в период эмиграции его и его двора в Страсбурге в 1634–1638 гг. История брака рассматривается в контексте системы ценностей имперского дворянства и сословного общества раннего нового времени.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, немецкое дворянство, Вюртемберг, Страсбург, репутация, брак, династия, сословное общество.

Information about the article:

Author: Prokopiev Andrei, Doctor of History, Professor, Chief of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, a.prokopiev@spbu.ru

Title: A mother, a son and a daughter in law: the Duke Eberhard III of Württemberg's family conflict.

Summary: The article focuses on the marriage of the Duke Eberhard III of Württemberg, made during the Duke's exile in Strasbourg in 1634–1638 within the Thirty Years War period. The story of the marriage is analysed taking into account value system of the imperial nobility and the class society views.

Keywords: Thirty Years' War, the German nobility, Württemberg, Strasbourg, reputation, marriage, family, estate society.

Литература, использованная в статье:

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Иоанн Георг I (1585–1656), курфюрст Саксонии. Власть и политическая элита в конфессиональной Германии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 821 с.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 107–129.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Конфессия и имя: мужские имена немецкой протестантской знати XVI–XVII вв. // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А. М. Прилуцкого. Вып. 3. СПб., 2014. С. 206–240.

Bastl, Beatrix. Tugend, Liebe, Ehre. Die adelige Frau in der Frühen Neuzeit, Wien, Köln, Weimar: Böhlau-Verlag, 2000. 680 S.

Buckreus, Simone. Die Körper einer Regentin. Amalia Elisabeth von Hessen-Kassel (1602–1651) (= Paderborner Historische Forschungen 16). Köln: SH-Verlag, 2008. 196 S.

Bumiller, Casimir. Geschichte der Schwäbischen Alb. Von der Eiszeit bis Gegenwart. Gernsbach: Katz Verlag, 2008. 467 S.

Decker-Hauff, Hansmartin. Frauen im Hause Württemberg. / Hrsg. von Setzler Wilfried, Schäfer Volker., Lorenz Sönke. Leinfelden-Echterdingen: DRW-Verlag 1998. 304 S.

Essegern, Ute. Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2007. 524 S.

Gotthard, Axel. Konfession und Staatsräson. Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628). Stuttgart: Kohlhammer, 1992. 498 S.

Hufschmid, Anke. Adlige Frauen im Weserraum zwischen 1570 und 1700. Status — Rollen — Lebenspraxis (= Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Westfalen 15), Münster: Aschendorff, 2001. 583 S.

Keller, Kathrin. Hofdamen. Amtsträgerinnen am Wiener Hof des 17. Jahrhunderts. Wien, Köln, Weimar: Böhlau — Verlag, 2005. 389 S.

Keller, Kathrin. Frauen und Politik in der höfischen Gesellschaft des Alten Reiches zwischen 1550 und 1750. URL: http://www.zeitenblicke.de/2009/2/keller/index_html, URN:urn:nbn:de:0009-9-19537.

Keller, Kathrin. Kurfürstin Anna von Sachsen (1532–1585): Von Möglichkeiten und Grenzen einer „Landesmutter“ // Das Frauenzimmer. Die Frau bei Hofe in Spätmittelalter und früher Neuzeit (= Residenzenforschung 11). / Hrsg. von Jan Hirschbiegel, Werner Paravicini. Stuttgart: Thorbecke, 2000. S. 263–285.

Kühn, Helga-Maria. Eine „unverstorbene Witwe“: Sidonia, Herzogin zu Braunschweig-Lüneburg, geborene Herzogin zu Sachsen, 1518–1575. Hannover: Hahnsche Buchhandlung 2009. 301 S.

Puppel, Pauline. Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500–1700 (= Geschichte und Geschlechter 43), Frankfurt a. M., New York: Campus, 2004. 407 S.

Puppel, Pauline. Die „Retterin Hessens“ oder „Schwester der Gorgo“? Landgräfin Amelie Elisabeth und die Hessische Ritterschaft // Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte. 2007. Jg. 57. S. 99–125.

Raff, Gerhard. Hie gut Württemberg allewege II. Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III. Stuttgart: Selbstverlag des Verfassers, 1993. 687 S.

Schwarzmaier, Hansmartin. Die Flucht aus dem Krieg. Die Markgrafen von Baden und die Stadt Basel im 17. und 18. Jahrhundert. // Stadt und Land. Bilder, Inszenierungen und Visionen in Geschichte und Gegenwart. Wolfgang von Hippel zum 65. Geburtstag. / Schraut, Silvia, Stier, Bernhard (Hrsg.). Stuttgart: Kohlhammer, 2001. S. 55–74.

Zellerus, Christoph. Die erste christliche Leich-Predigt († Barbara Sybilla von Württemberg). Stuttgart, 1655. 32 f.

Zizelmann, Stefan. Um Land und Konfession. Die Außen — und Reichspolitik Württembergs (1628–1638). Frankfurt am Main, Berlin, Bern: Peter Lang, 2002. 426 S.

References:

Bastl Beatrix. *Tugend, Liebe, Ehre. Die adelige Frau in der Frühen Neuzeit*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau-Verlag, 2000. 680 p.

Buckreus Simone. *Die Körper einer Regentin. Amalia Elisabeth von Hessen-Kassel (1602–1651)* (= Paderborner Historische Forschungen 16). Köln: SH-Verlag, 2008. 196 p.

Bumiller Casimir. *Geschichte der Schwäbischen Alb. Von der Eiszeit bis Gegenwart*. Gernsbach: Katz Verlag, 2008. 467 p.

Setzler, Wilfried, Schäfer, Volker., Lorenz, Sönke (eds.). Decker-Hauff Hansmartin. *Frauen im Hause Württemberg*. Leinfelden-Echterdingen: DRW-Verlag, 1998. 304 p.

Essegern Ute. *Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts*. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2007. 524 p.

Gotthard Axel. *Konfession und Staatsräson. Die Außenpolitik Württembergs unter Herzog Johann Friedrich (1608–1628)*. Stuttgart: Kohlhammer, 1992. 498 p.

Hufschmid Anke. *Adlige Frauen im Weserraum zwischen 1570 und 1700. Status — Rollen — Lebenspraxis* (= Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Westfalen 15), Münster: Aschendorff, 2001. 583 p.

Keller Kathrin. Frauen und Politik in der höfischen Gesellschaft des Alten Reiches zwischen 1550 und 1750. URL: http://www.zeitenblicke.de/2009/2/keller/index_html, URN:urn:nbn:de:0009-9-19537.

Keller Kathrin. Kurfürstin Anna von Sachsen (1532–1585): Von Möglichkeiten und Grenzen einer „Landesmutter“, in Hirschbiegel, Jan, Paravicini, Werner (eds.). *Das Frauenzimmer. Die Frau*

bei Hofe in Spätmittelalter und früher Neuzeit (= Residenzenforschung 11). Stuttgart: Thorbecke, 2000. Pp. 263–285.

Keller Kathrin. *Hofdamen. Amtsträgerinnen am Wiener Hof des 17. Jahrhunderts*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau-Verlag, 2005. 389 p.

Kühn Helga-Maria. *Eine „unverstorbene Witwe“: Sidonia, Herzogin zu Braunschweig-Lüneburg, geborene Herzogin zu Sachsen, 1518–1575*. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2009. 301 p.

Prokopiev Andrei. *Ioann Georg I (1585–1656), kurfürst Saxonii. Vlast i politicheskaya elita v konfessional'noy Germanii [John Georg I (1585–1656), Elector of Saxon. Power and power elite in the confessional Germany]*. SPb: Saint-Petersburg University Press, 2011. 821 p. (in Russian)

Prokopiev Andrei. Konfessiya i imya: muzhskiy i zhenskoy imena nemetskoy protestantskoy znati XVI–XVII vv. [Confession and name. The masculine names in the german protestant nobility in the 16–17 centuries], in: Prylutzky, Alexander (ed.). *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii*. SPb., 2014. Pp. 206–240 (in Russian)

Prokopiev Andrei. Sakral'naya missiya granitsy: Vurtemberg v konfessional'nyuyu epokhu [The sacral mission at the board: Württemberg in the confessional era], in: Lebedeva, Galina Yevgen'evna (ed.). *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni*. Vol. 9. SPb.: Saint-Petersburg University Press, 2012. Pp. 107–129. (in Russian)

Puppel Pauline. *Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500–1700* (= Geschichte und Geschlechter 43), Frankfurt a. M., New York: Campus, 2004. 407 p.

Puppel Pauline. Die „Retterin Hessens“ oder „Schwester der Gorgo“? Landgräfin Amelie Elisabeth und die Hessische Ritterschaft, in *Hessisches Jahrbuch für Landesgeschichte*. 2007. Vol. 57. Pp. 99–125.

Raff Gerhard. *Hie gut Württemberg allewege II. Das Haus Württemberg von Herzog Friedrich I. bis Herzog Eberhard III*. Stuttgart: Selbstverlag des Verfassers, 1993. 687 p.

Schwarzmaier Hansmartin. Die Flucht aus dem Krieg. Die Markgrafen von Baden und die Stadt Basel im 17. und 18. Jahrhundert, in Schraut, Silvia, Stier, Bernhard (eds.). *Stadt und Land. Bilder, Inszenierungen und Visionen in Geschichte und Gegenwart*. Wolfgang von Hippel zum 65. Geburtstag. Stuttgart: Kohlhammer, 2001. Pp. 55–74.

Zellerus Christoph. *Die erste christliche Leich-Predigt († Barbara Sybilla von Württemberg)*. Stuttgart, 1655. 32 f.

Zizelmann Stefan. *Um Land und Konfession. Die Außen — und Reichspolitik Württembergs (1628–1638)*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern: Peter Lang, 2002. 426 p.

V. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

ББК 63.3 (0) 4; УДК 94(4)''04/14'':[336.225.623:262.13]

И. П. Потехина

ПРОКУРАЦИИ В НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАПСТВА

Примерно в середине – второй половине XIII в. в недрах фискальной системы средневекового папства, ранее с успехом обходившегося разного рода сеньориальными сборами (Ценз св. Петра, Денарий св. Петра, доходы от патримониев и пр.¹), начинает постепенно оформляться новая, особая группа папских налогов — так называемые налоги на церковные бенефиции. Основным их плательщиком выступало духовенство (в особенности высший его слой — католические прелаты), чье должностное функционирование было теснейшим образом связано с деятельностью курии и церковного бюрократического аппарата, а потому логичным образом могло служить для папы источником самых разнообразных

¹ Об этих поборах см. в частности: *Lunt W.E.*: 1) *Papal Revenues in the Middle Ages*. New York, 1934. Vol. I. P. 56–60, 61–71; 2) *The Financial System of the Medieval Papacy in the light of recent literature* // *The Quarterly Journal of Economics*. 1909. Vol. XXIII. № 2. P. 251–295; *Samaran C., Mollat G.* *La fiscalité pontificale en France au XIVe siècle (période d'Avignon et de grand schisme d'Occident)*. Paris, 1905; *Simonnot P.* *Les papes, l'Eglise et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours*. Paris, 2005 и др. См. также на русском языке: *Потехина И. П.*: 1) *Ценз св. Петра в налоговой системе средневекового папства* // *Клио. Журнал для ученых*. 2005. № 1 (28). С. 65–69; 2) *Налоговая система Св. престола в период Авиньонского пленения пап* // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. Вып. 6: Сб. статей / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2006. С. 217–231; 3) *Классификация налогов Св. престола в период Авиньонского пленения пап* // *Средневековая Европа: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков»*, Санкт-Петербург, 2002–2004 гг. СПб., 2006. С. 53–55; 4) *Средневековое папство и доходы от церковных патримониев* // *Проблемы истории и культуры средневекового общества*. Вып. XXXI. СПб., 2012. С. 88–93.

доходов². Одним из таких «новых» налогов, — с самого начала активного изучения папский административно-финансовой системы (т. е. с открытия для исследователей части Ватиканских архивов в 1881 г.³) привлекавших внимание историков, — можно назвать побор, известный под именем «прокурации» (*procuratio*) и обязанный своим появлением наличию у церковных иерархов *судебной власти*⁴.

Сразу отметим, что по своему происхождению и изначальному использованию рассматриваемый нами побор был отчасти подобен таким видам папского налогообложения, как споллии («*spolia*»), побор с имущества умершего вассала), аннаты («*annata*» или «*fructus primi anni*»), годовой доход от бенефиция, взимаемый при вступлении в должность) и вакансии («*fructus intercalares*», «*fructus vacantes*»), доход от «пустующего», вакантного, бенефиция⁵. Как и эти денежные сборы, прокурации — до включения их в число официальных налогов апостольского престола — взимались в основном в пользу местной церковной власти, точнее, в пользу крупных духовных феодалов. История развития прокураций и их вхождения в папскую налоговую систему вкратце такова. В средние века феодальный

² О некоторых из этих налогов см., напр.: *Потехина И. П.*: 1) *Визитации в налоговой системе средневекового папства* // *Университетский историк: Альманах*. Вып. 4 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2007. С. 212–218; 2) *Споллии в налоговой системе средневекового папства* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*. 2013. Вып. 4. С. 109–113; 3) *Административно-финансовая система Св. престола в период Авиньонского пленения пап*. СПб., 2014. С. 101–135.

³ О значении этого шага папы Льва XIII для изучения административно-финансовой системы Св. престола см.: *Berlière U.* *Aux archives Vaticanes*. Bruges, 1903. P. 10–13; *Lunt W. E.*: 1) *Papal Revenues...* Vol. I. P. I–II; 2) *The Financial System...* P. 253–254; *Boyle L.E.* *A Survey of the Vatican Archives and of its Medieval Holdings*. Toronto, 1972. P. 14; *Haskins C.H.* *The Vatican Archives* // *The American Historical Review*. 1896–1897. Vol. II. P. 42–43. Ср.: *Королев Г. И.* *Медиевистическая археография за рубежом: Труды XIX – начала XX в. М.*, 2003. С. 123; *Шафф Ф.* *История христианской церкви* / Пер. с англ. СПб., 2009. Т. VI. С. 64.

⁴ *Die Einnahmen der apostolischen Kammer unter Johann XXII* / Hrsg. von E. Göller. Paderborn, 1910. S. 74*–79*; *Samaran C., Mollat G.* *La fiscalité pontificale...* P. 34–47; *Mollat G.* *Les papes d'Avignon (1305–1378)*. Paris, 1912. P. 368–369; *Lunt W. E.* *Papal Revenues...* Vol. I. P. 107–111; *Renouard Y.* *Les Relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378*. Paris, 1941. P. 27; *Guillemain B.* *I papi di Avignone, 1309–1376*. Milano, 2003. P. 49.

⁵ См.: *Lunt W. E.*: 1) *Papal Revenues...* Vol. I. P. 93–99, 100–101, 103–107; 2) *The First Levy of Papal Annates* // *The American Historical Review*. 1913. Vol. XVII. P. 48–64; *Die päpstlichen Annaten in Deutschland während des XIV Jahrhunderts* / Hrsg. von J.P. Kirsch. Paderborn, 1903; *Samaran C.* *La Jurisprudence pontificale en matière de droit de dépouille (jus spoli) dans la seconde moitié du XIVe siècle* // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1902. T. XXII. P. 141–156; *Williman D.* *The Right of Spoil of the Popes of Avignon, 1316–1415*. Philadelphia, 1988; *Потехина И. П.*: 1) *Налоговая система Св. престола...*; 2) *Споллии в налоговой системе средневекового папства...* и др.

сеньор, путешествуя по своим владениям — с целью совершения суда или для обычной инспекции, — имел возможность во время таких поездок взыскивать со своих подчиненных и вассалов определенное денежное (или иное) вознаграждение. По-французски это право феодала именовали «droit de gîte». Католические епископы и архиепископы, обремененные большим количеством подданных-клириков, являлись, если можно так выразиться, естественными носителями такого права. Денежное вспомоществование, которое получали эти прелаты, объезжая свои провинции и диоцезы, взималось ими в соответствии с «правом прокурации», в честь которого в дальнейшем стали называть и сам побор⁶. Аналогичными правами начиная с XI в. располагали и некоторые папские легаты и нунции, с санкции папы собиравшие в свою пользу прокурации («судебные сборы») с тех регионов и областей, в которые их направляла римская курия⁷. Прокурационные поступления самого понтифика вплоть до начала XIV в. ограничивались теми суммами, которые он время от времени собирал в ходе своих собственных путешествий. Большая часть этих прибылей поступала, однако, не в камеру, а в руки различных представителей папского двора⁸.

Первым папой, начавшим систематически присваивать прокурации — главным образом, епископские и архиепископские, — был знаменитый Иоанн XXII (1316–1334), «l'inventeur, l'auteur et le pègre» («основатель, автор и отец», по выражению Г. Молла) авиньонской налоговой системы⁹. В 1316 г., воспользовавшись тем, что агенты покойного архиепископа Буржа — которому Бонифаций VIII (1294–1303) и позднее Климент V

⁶ Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale... P. 34; Lunt W. E. Papal Revenues... Vol. I. P. 107; Казбекова Е. В. Вклад Иннокентия IV в развитие канонического права XIII в. (на материале новелл) // Средние века. 2003. Т. 64. С. 115.

⁷ Annales de Burton (A.D. 1004–1263) // Annales monastici. Volume I: Annales de Margan (A.D. 1066–1232); Annales de Theokesberia (A.D. 1066–1263); Annales de Burton (A.D. 1004–1263) / ed. by H. R. Luard. London, 1864. P. 384–386; Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / ed. by H. R. Luard. London, 1872–1883. Vol. IV. P. 6; Die Einnahmen der apostolischen Kammer... S. 79*; Lunt W. E. Papal Revenues... Vol. I. P. 107–109.

⁸ Alexandri III Pontificis romani epistolae et privilegia ordine chronologico digesta. (Anno 1159–1181) // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. par J.-P. Migne. Paris, 1844–1855. T. CC. Col. 233; Die päpstlichen Kanzleiordnungen von 1200–1500 / Hrsg. von M. Tangl. Innsbruck, 1894. S. 53; Baethgen F. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der päpstlichen Hof- und Finanzverwaltung unter Bonifaz VIII // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1928–1929. Bd. XX. S. 155–156; Die Einnahmen der apostolischen Kammer... S. 47*–48*, 75*–76*.

⁹ См.: Mollat G. Les papes d'Avignon... P. 367. В оригинале, правда, слова «основатель, автор и отец» упоминаются в контексте рассказа об аннатах. Однако мы, апеллируя к излагаемым нами фактам, позволим себе использовать это выражение применительно ко всем (или почти всем) бенефициальным налогам авиньонской эпохи.

(1305–1314) позволили взимать прокурации не лично, а через представителя, — не успели полностью взыскать «судебный сбор» в пользу своего умершего патрона, он зарезервировал для себя не изъятые остатки архиепископских прокураций и выслал за ними специальных камеральных эмиссаров¹⁰. В дополнение к этому способу присвоения прокурационных платежей, не раз использовавшемуся в продолжение его понтификата, Иоанн изобрел и еще один, не менее эффективный и впоследствии с успехом применявшийся почти всеми папами периода пленения.

Начиная с правления Иоанна XXII прелаты, добивавшиеся от папы разрешения взимать прокурации с помощью своих представителей (посещавших провинции и диоцезы *вместо* самих прелатов), обязаны были одновременно выплачивать в апостольскую казну — формально в качестве добровольного дара — достаточно крупные денежные взносы¹¹. В понтификат Климента VI (1342–1352) объем таких дарений, все чаще требуемых от духовных феодалов, был установлен на уровне половины от общей суммы прокураций, которую тот или иной иерарх планировал получить посредством своих агентов¹². Подобное стало возможным благодаря изданной в 1336 г. булле Бенедикта XII (1334–1342) “Vas electionis”, которая окончательно зафиксировала максимальную величину прокурационных платежей, получаемых со всех разновидностей церковных владений¹³.

Сокращение доли прокураций в бюджете местных церковных властей, разумеется, не лучшим образом сказывалось на положении всего провинциального духовенства. Количество епископских поездок по диоцезам неуклонно сокращалось, так что первый преемник Климента VI,

¹⁰ Речь идет об остатках прокураций архиепископа Эгидия Буржского, «которому доброй памяти папа Бонифаций VIII даровал привилегию, по которой он в означенной провинции мог бы собирать прокурации деньгами» («cui d[ominus]. bo[nae]. me[moriae]. Vo[n]ificius] papa VIII dederat privilegium, quod procuraciones posset in dicta provincia recipere in pecunia»). См.: Die Einnahmen der apostolischen Kammer... S. 78*, 457, 471 (квитанции о получении этих прокурационных остатков).

¹¹ Die Einnahmen der apostolischen Kammer... S. 78*–79*, 311, 457, 471, 627, 635–636; Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale... P. 35–36.

¹² Die Einnahmen der apostolischen Kammer... S. 75*; Renouard Y. Les Relations des papes d'Avignon... P. 27; Lunt W. E. Papal Revenues... Vol. I. P. 110.

¹³ Corpus Juris Canonici editio Lipsiensis secunda / post A.L. Richter curas ad librorum manu scriptorum et editionis Romanae fidem recognovit et annotatione critica instruxit A. Friedberg. Lipsiae, 1879–1881. T. II. Col. 1280–1284; Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale... P. 35, 96–97; Mollat G. Les papes d'Avignon... P. 369. Результаты действия данной буллы можно выявить, например, в коллекторских отчетах 1360–1361 гг. из Германии, публикуемых Й. П. Киршем. См.: Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn, 1894. S. 310–318.

Иннокентий VI (1352–1362), опасаясь кризиса церковной дисциплины на местах, вынужден был даже на какое-то время в начале своего понтификата прекратить сбор прокуратий. Однако нужды св. Престола — прежде всего, война в Италии¹⁴ — вскоре заставили его возобновить прежнюю практику, и в 1355 г. он предпринял первую в истории папских финансов всеобщую резервацию «судебных сборов», предписав коллекторам, расквартированным в разных частях Европы, объехать все контролируемые ими церковные владения (как это делали епископы), взимая с них прокуратии в пользу Апостолической камеры¹⁵. Преемники Иннокентия последовали его примеру, активно присваивая прокуратииные платежи архиепископов, епископов и даже архидиаконов, что к концу Авиньонского пленения позволило максимально выявить финансовый потенциал этого нового налога¹⁶. Как справедливо отмечает И. Ренуар, наиболее заметные прибыли от присвоения прокуратий папы начинают получать именно во второй половине XIV в., после провозглашения первых генеральных резерваций данного побора¹⁷.

В дальнейшем, однако, нарушения в функционировании местной епископской администрации и массовые протесты со стороны клира привели к скорому отказу от прокуратий как от особого папского побора. Внедренные в налоговую систему св. Престола во время пребывания пап в Авиньоне, прокуратии, по сути, так и остались достоянием одного лишь авиньонского периода и в 1417 г. были официально запрещены Констанц-

¹⁴ Как известно, различного рода военные конфликты на территории Италии и поддержание порядка в Папском государстве были в период Авиньонского пленения одной из главных статей папского расхода. Однако в расходных регистрах все эти траты не именовались «расходами на войну» и до определенного момента включались в учетную книгу под названием «на воск и на всякие экстраординарности» (“pro cera et quibusdam extraordinariis”) — деньги, отпускаемые по этой статье, по подсчетам историков французской школы в Риме, в разное время составляли от 20 до 60% от всех папских расходов. В понтификат Иннокентия VI, очевидно, под давлением внешних обстоятельств военные траты впервые в истории папских финансов начинают фиксироваться в отдельной учетной книге. См.: *Renouard Y. Les Relations des papes d’Avignon...* P. 31, 32 (tab. II); *Guillemain B. I quadri e le istituzioni della Chiesa latina // Un tempo di prove (1274–1449) / a cura di M. Mollat du Jourdin e A. Vauchez. Roma, 1998. P. 69; Guillemain B. I papi di Avignone...* P. 50–51, 141 (doc. 8).

¹⁵ *Die päpstlichen Kollektorien...* S. 310–318.

¹⁶ *Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale...* P. 36–47; *Lunt W.E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 110.

¹⁷ См.: *Renouard Y. Les Relations des papes d’Avignon...* P. 27. Об объеме прокуратииных сборов в первой половине столетия можно судить на основании данных о балансе папской казны от 1334 г. За время правления Иоанна XXII в счет прокуратий было собрано 22 850 флоринов, 10551 агнел d’or и т. д. См.: *Die Einnahmen der apostolischen Kammer...* S. 14 (данные по учетной книге “De procuracionibus”).

ским собором¹⁸, оказавшись, таким образом (несмотря на свои глубокие корни), одним из самых недолговечных изобретений папства в сфере налогообложения. Попытка «пересадки» на церковную почву традиционных сеньориальных поборов и их распространение на максимально широкие круги налогоплательщиков привели лишь к кратковременному обогащению римской казны и в итоге способствовала только ухудшению религиозно-политического положения папского престола.

Данные о статье:

Автор: Потехина Ирина Павловна — кандидат исторических наук, доцент; доцент Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), anscelida@inbox.ru

Заголовок: Прокуратии в налоговой системе средневекового папства.

Резюме: Статья посвящена рассмотрению бенефициального налога, взимавшегося папским престолом во второй половине XIII – начале XV в. и известного как прокуратии. Его появление в рамках фискальной системы средневекового папства относится приблизительно к середине XIII столетия и тесно связано со становлением учения о полновластии папы (*plenitudo potestatis*). Основываясь на этой доктрине, понтифики претендовали на право распоряжаться любыми церковными должностями и бенефициями, а также всевозможными доходами от них. На этом основании в пользу папской казны изымались и традиционные судебные сборы местных церковных иерархов, получившие название «прокуратии». Особое внимание автор статьи уделяет расширению практики сбора прокуратий в период Авиньонского пленения пап, а также опасности финансового оскудения местного духовенства в результате применения данного побора. Статья представляет собой первую в отечественной историографии попытку исследования прокуратииных налогов средневекового папства.

Ключевые слова: история папства, папский престол, доходы папства, Авиньонское пленение пап, налоги на бенефиции, прокуратии, аннаты, Иоанн XXII.

Information about the article:

Author: Potekhina Irina Pavlovna — Candidate of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State Technological Institute (Technical University), anscelida@inbox.ru

Title: Procurations in the Taxation System of the Medieval Papacy.

The article is dedicated to the analysis of one of benefice taxes levied by the Holy See in the period from the mid XIIIth to the early XVth century and known as “procurations”. His appearance among the taxes of the medieval papacy can be dated the second half of the XIIIth century and is closely linked with the development of the doctrine of the papal sovereignty (*plenitudo potestatis*). Basing on this doctrine, the pontiffs claimed to dispose any ecclesiastical offices and benefices, and almost all the sorts of their income. On this very reason traditional legal fees of the local

¹⁸ С начала XV в. папы, очевидно, под давлением соборного движения начинают постепенно отказываться от этого побора. Констанцкий собор и вовсе выносит запрет на резервацию и сбор прокуратииных денег. См.: *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / ed. J. D. Mansi. Venetiis: Apud Antonium Zatta, 1784. T. XXVII. Col. 1162; Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale...* P. 36–47; *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 110–111; *Willman D. The Right of Spoil...* P. 37.

prelates, called “procurator”, had to be removed the papal treasury. The author pays particular attention to expansion of the practice of collecting procurations during the Captivity at Avignon, as well as to the danger of financial impoverishment of local clergy as a result of this extortion. The article represents the first attempt in the national historiography to investigate the procurator taxes of the medieval papacy.

Key words: history of papacy, papal See, Holy See, the Avignon Captivity of Popes, papal revenues, papal taxation, benefice taxes, procurations, annates, John XXII.

Литература, использованная в статье:

Казбекова, Елена Валерьевна. Вклад Иннокентия IV в развитие канонического права XIII в. (на материале новелл) // Средние века. 2003. Т. 64. С. 105–126.

Королев, Геннадий Иванович. Медиевистическая археография за рубежом: Труды XIX – начала XX в. / Отв. ред. Н. И. Басовская. М.: РГГУ, 2003. 218 с.

Потехина, Ирина Павловна. Административно-финансовая система Св. престола в период Авиньонского пленения пап. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 160 с.

Потехина, Ирина Павловна. Визитации в налоговой системе средневекового папства. // Университетский историк: Альманах. Вып. 4 / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 212–218.

Потехина, Ирина Павловна. Классификация налогов Св. престола в период Авиньонского пленения пап. // Средневековая Европа: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов ежегодной межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков», Санкт-Петербург, 2002–2004 гг. СПб.: Издательство «Алетейя», 2006. С. 53–55.

Потехина, Ирина Павловна. Налоговая система Св. престола в период Авиньонского пленения пап // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 6: Сборник статей / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 217–231.

Потехина, Ирина Павловна. Сполли в налоговой системе средневекового папства // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2013. Вып. 4. С. 109–113.

Потехина, Ирина Павловна. Средневековое папство и доходы от церковных патримониев // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXI всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб.: КультИнформПресс, 2012. С. 88–93.

Потехина, Ирина Павловна. Ценз св. Петра в налоговой системе средневекового папства // Клио. Журнал для ученых. 2005. № 1 (28). С. 65–69.

Шафр, Филип. История христианской церкви / Пер. с англ. СПб.: Библия для всех, 2009. Т. VI: Средневековое христианство. 518 с.

Alexandri III Pontificis romani epistolae et privilegia ordine chronologico digesta. (Anno 1159–1181) // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. par J.-P. Migne. Paris: Excudebatur et venit apud J.-P. Migne editorem, 1844–1855. T. CC. Col. 69–1320.

Annales monastici. Volume I: Annales de Margan (A. D. 1066–1232); Annales de Theokesberia (A. D. 1066–1263); Annales de Burton (A. D. 1004–1263) / ed. by H. R. Luard. London: Longmans, 1864. XL., 520, 16 p. (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. 36. I).

Baethgen, Friedrich. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der päpstlichen Hof- und Finanzverwaltung unter Bonifaz VIII. // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1928–1929. Bd. XX. S. 114–237.

Berlière, Ursmer. Aux archives Vaticanes. Bruges: Declée, de Brouwer et Cie, 1903. 46 p.

Boyle, Leonard E. A Survey of the Vatican Archives and of its Medieval Holdings. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1972. iv, 250 p. (Subsidia Mediaevalia, 1).

Corpus Juris Canonici editio Lipsiensis secunda / post A. L. Richter curas ad librorum manu scriptorum et editionis Romanae fidem recognovit et adnotatione critica instruxit A. Friedberg. Lipsiae: B. Tauchnitz, 1879–1881. T. II. lxxxii, 670 p.

Die Einnahmen der apostolischen Kammer unter Johann XXII / Hrsg. von E. Göller. Paderborn: F. Schöningh, 1910. XVI, 134* s., 1 l., 782 s. (Vatikanische Quellen zur Geschichte der päpstlichen Hof- und Finanzverwaltung 1316–1378. I).

Guillemain, Bernard. I papi di Avignone, 1309–1376. Milano: San Paolo, 2003. 190 p.

Guillemain, Bernard. I quadri e le istituzioni della Chiesa latina // Un tempo di prove (1274–1449) / a cura di M. Mollat du Jourdin e A. Vauchez. Roma: Borla/Città Nuova, 1998. P. 29–84.

Haskins, Charles H. The Vatican Archives. // The American Historical Review. 1896–1897. Vol. II. P. 40–58.

Lunt, William E. The Financial System of the Medieval Papacy in the light of recent literature // The Quarterly Journal of Economics. 1909. Vol. XXIII. № 2. P. 251–295.

Lunt, William E. The First Levy of Papal Annates // The American Historical Review. 1913. Vol. XVII. P. 48–64.

Lunt, William E. Papal Revenues in the Middle Ages. New York: Columbia University Press, 1934. Vol. I – X+341 p.; vol. II – 665 p.

Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / ed. by H. R. Luard. London: Longman, 1872–1883. In VII vols. Vol. IV. 4, XVIII, 656 p. (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. 57).

Mollat, Guillaume. Les papes d’Avignon (1305–1378). Paris: V. Lecoffre, 1912. XV, 423 p. (Bibliothèque de l’enseignement de l’histoire ecclésiastique).

Die päpstlichen Annaten in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn: F. Schöningh, 1903. LVI, 344 s. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte. Bd. IX).

Die päpstlichen Kanzleiordnungen von 1200–1500 / Hrsg. von M. Tangl. Innsbruck: Wagner, 1894. LXXXI, 460 s.

Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn: F. Schöningh, 1894. LXXXVIII, 562 s. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte. Bd. III).

Renouard, Yves. Les Relations des papes d’Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris: E. de Boccard, 1941. XXVII, 694 p. (Bibliothèque des Écoles Françaises d’Athènes et de Rome. Fasc. 151).

Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / ed. J. D. Mansi. Venetiis: Apud Antonium Zatta, 1784. T. XXVII. viii p., 1240 col.

Samaran, Charles. La Jurisprudence pontificale en matière de droit de dépouille (jus spoli) dans la seconde moitié du XIVe siècle // Mélanges d’archéologie et d’histoire. 1902. T. XXII. P. 141–156.

Samaran, Charles; Mollat, Guillaume. La fiscalité pontificale en France au XIVe siècle (période d’Avignon et de grand schisme d’Occident). Paris: A. Fontemoing, 1905. 278 p. (Bibliothèque des Écoles Françaises d’Athènes et de Rome).

Simonnot, Philippe. Les papes, l’Eglise et l’argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours. Paris: Bayard, 2005. 810 p.

Williman, Daniel. The Right of Spoil of the Popes of Avignon, 1316–1415. Philadelphia: American Philosophical Society, 1988. viii, 269 p. (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 78, pt. 6).

References:

- Kazbekova, Yelena Valer'evna. Vklad Innokentiya IV v razvitie kanonicheskogo prava XIII v. (na materiale novell), in *Srednie Veka*. 2003. T. 64. S. 105–126.
- Korolev, Gennadiy Ivanovich. *Medievisticheskaya arkheografiya za rubezhom: Trudy XIX – nachala XX v.* / Otv. red. N. I. Basovskaya. Moskva: RGGU, 2003. 218 s.
- Potekhina, Irina Pavlovna. *Administrativno-finansovaya Sistema sv. Prestola v period Avin'onskogo pleniya pap*. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014. 160 s.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Vizitatsii v nalogovoy sisteme srednevekovogo papstva, in *Universitetskii istorik: Almanakh*. Vyp. 4 / Otv. red. A.Yu. Dvornichenko. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. S. 212–218.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Klassifikatsiya nalogov sv. Prestola v period Avin'onskogo pleniya pap, in *Srednevekovaya Evropa: problem istorii i kul'tury. Tezisy dokladov ezhegodnoy mezhvuzovskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Problemy sotsialno-politicheskoy istorii i kul'tury srednikh vekov"*, Sankt-Peterburg, 2002–2004 gg. SPb.: Izdatel'stvo "Aleteya", 2006. S. 53–55.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Nalogovaya sistema sv. Prestola v period Avin'onskogo pleniya pap, in *Problemy sotsialnoy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*. Vyp. 6: *Sbornik statey / Pod red. G.Ye. Lebedevoy*. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. S. 217–231.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Spolii v nalogovoy sisteme srednevekovogo papstva, in *Vestnik SPbGU. Seriya 2: Istoriya*. 2013. Vyp. 4. S. 109–113.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Srednevekovoe papstvo i dokhody ot tserkovnykh patrimoniev, in *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva. Tezisy dokladov XXXI vserossiyskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh "Kurbatovskie Chteniya"*. SPb.: "Kul'tinformPress", 2012. S. 88–93.
- Potekhina, Irina Pavlovna. Tsenz sv. Petra v nalogovoy sisteme srednevekovogo papstva, in *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*. 2005. N. 1 (28). S. 65–69.
- Shaff, Filip. *Istoriya khristianskoy tserkvi / Per. s angl.* SPb.: "Bibliya dlya vsekh", 2009. T. IV: *Srednevekovoe khristianstvo*. 518 s.
- Alexandri III Pontificis romani epistolae et privilegia ordine chronologico digesta. (Anno 1159–1181), in *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. par J.-P. Migne. Paris: Excudebatur et venit apud J.-P. Migne editorem, 1844–1855. T. CC. Col. 69–1320.
- Annales monastici. Volume I: *Annales de Margan* (A.D. 1066–1232); *Annales de Theokesberia* (A.D. 1066–1263); *Annales de Burton* (A.D. 1004–1263) / ed. by H. R. Luard. London: Longmans, 1864. XL, 520, 16 p. (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. 36. I).
- Baethgen, Friedrich. *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der päpstlichen Hof- und Finanzverwaltung unter Bonifaz VIII*, in *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken*. 1928–1929. Bd. XX. S. 114–237.
- Berlière, Ursmer. *Aux archives Vaticanes*. Bruges: Declée, de Brouwer et Cie, 1903. 46 p.
- Boyle, Leonard E. *A Survey of the Vatican Archives and of its Medieval Holdings*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1972. iv, 250 p. (Subsidia Mediaevalia, 1).
- Corpus Juris Canonici editio Lipsiensis secunda / post A.L. Richter curas ad librorum manu scriptorum et editionis Romanae fidem recognovit et adnotatione critica instruxit A. Friedberg. Lipsiae: B. Tauchnitz, 1879–1881. T. II. lxxxii, 670 p.
- Die Einnahmen der apostolischen Kammer unter Johann XXII / Hrsg. von E. Göller. Paderborn: F. Schöningh, 1910. XVI, 134^{s.}, 1 l., 782 s. (Vatikanische Quellen zur Geschichte der päpstlichen Hof- und Finanzverwaltung 1316–1378. I).

- Guillemain, Bernard. *I papi di Avignone, 1309–1376*. Milano: San Paolo, 2003. 190 p.
- Guillemain, Bernard. I quadri e le istituzioni della Chiesa latina, in *Un tempo di prove* (1274–1449) / a cura di M. Mollat du Jourdin e A. Vauchez. Roma: Borla/Città Nuova, 1998. P. 29–84.
- Haskins, Charles H. The Vatican Archives, in *The American Historical Review*. 1896–1897. Vol. II. P. 40–58.
- Lunt, William E. The Financial System of the Medieval Papacy in the light of recent literature, in *The Quarterly Journal of Economics*. 1909. Vol. XXIII. N 2. P. 251–295.
- Lunt, William E. The First Levy of Papal Annates, in *The American Historical Review*. 1913. Vol. XVII. P. 48–64.
- Lunt, William E. *Papal Revenues in the Middle Ages*. New York: Columbia University Press, 1934. Vol. I – X+341 p.; vol. II – 665 p.
- Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, *Chronica majora* / ed. by H.R. Luard. London: Longman, 1872–1883. In VII vols. Vol. IV. 4, XVIII, 656 p. (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. 57).
- Mollat, Guillaume. *Les papes d'Avignon (1305–1378)*. Paris: V. Lecoffre, 1912. XV, 423 p. (Bibliothèque de l'enseignement de l'histoire ecclésiastique).
- Die päpstlichen Annaten in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn: F. Schöningh, 1903. LVI, 344 s. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte. Bd. IX).
- Die päpstlichen Kanzleiordnungen von 1200–1500 / Hrsg. von M. Tangl. Innsbruck: Wagner, 1894. LXXXI, 460 s.
- Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn: F. Schöningh, 1894. LXXVIII, 562 s. (Quellen und Forschungen aus dem Gebiete der Geschichte. Bd. III).
- Renouard, Yves. *Les Relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378*. Paris: E. de Boccard, 1941. XXVII, 694 p. (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome. Fasc. 151).
- Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / ed. J.D. Mansi. Venetiis: Apud Antonium Zatta, 1784. T. XXVII. viii p., 1240 col.
- Samaran, Charles. La Jurisprudence pontificale en matière de droit de dépouille (jus spoli) dans la seconde moitié du XIVe siècle, in *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 1902. T. XXII. P. 141–156.
- Samaran, Charles; Mollat, Guillaume. *La fiscalité pontificale en France au XIVe siècle (période d'Avignon et de grand schisme d'Occident)*. Paris: A. Fontemoing, 1905. 278 p. (Bibliothèque des Écoles Françaises d'Athènes et de Rome).
- Simonnot, Philippe. *Les papes, l'Église et l'argent. Histoire économique du christianisme des origines à nos jours*. Paris: Bayard, 2005. 810 p.
- Williman, Daniel. *The Right of Spoil of the Popes of Avignon, 1316–1415*. Philadelphia: American Philosophical Society, 1988. viii, 269 p. (Transactions of the American Philosophical Society. Vol. 78, pt. 6).

ББК 94 (450)042-05; УДК 94(4)

М. И. Дмитриева

ПРАЗДНИКИ В СИЕНЕ ЭПОХИ ТРЕЧЕНТО (по страницам городских хроник)

Праздники были важной частью жизни средневековых итальянских городов, поэтому изучение их традиций и локальных особенностей очень важно для понимания исторического пути каждого города. В данном случае, в центре исследования находится крупная тосканская республика, соседка и соперница Флоренции — Сиена.

В эпоху Треченто, в первой половине XIV в., Сиена переживала настоящий расцвет: продолжалось расширение городской территории и рост населения; развивалась экономика, которая постепенно переориентировалась от банковско-торговых интересов к развитию ремесленного производства (прежде всего, сукноделия)¹, продолжались социальные перемены, которые затрагивали теперь пополанов. Городом управляло первое народное правительство богатых пополанов и гвельфов — Девяти Синьоров (1287–1355), отстранившее от власти нобилей и гибеллинов и обеспечившее коммуне стабильность почти на 70 лет. Изучение сиенских праздников этой «эпохи процветания» — первой половины XIV в., является главной задачей статьи.

Изучению праздников в итальянских городах эпохи Возрождения посвящено немало работ в научной, преимущественно, западной литературе. Среди работ общего характера отметим некоторые, сравнительно недавние. О праздниках, в том числе о феномене Палио в итальянских городах идет речь в обширной работе Э. Тоби², в которой представлен богатый сравнительный материал по данной теме; проблемы социо-культурной роли праздников в городах-государствах центральной Италии исследуются в труде Л. Крочиани — Виндленд³. Среди большого

числа работ, касающиеся собственно сиенских праздников, и главного из них — Палио, выделим наиболее интересные в контексте данного исследования. История Палио, в том числе зарождение традиции празднования, получение праздником официального статуса, а также анализ основных этапов развития (на основании изучения разнообразных документов сиенской коммуны) представлена в работе Дж. Чеккини и Д. Нери⁴, не теряющей своей актуальности и в настоящее время. Истории сиенских контрад⁵ посвящено множество трудов, среди которых выделим работу В. Грасси⁶. Историко-культурный путь, пройденный праздником, его особенности в отдельные периоды истории нашли отражение в коллективном труде итальянских авторов: «Представления о Палио: история, культура и презентация сиенской традиции»⁷. Из отечественных работ, касающихся данной темы, нужно отметить давнюю статью М. А. Гуковского⁸, анализирующую различные виды боевых игр, распространенных в итальянских городах в исследуемый период.

Несмотря на хорошую изученность темы, представляется, что на современном этапе она нуждается в более пристальном внимании к таким аспектам, как проблема восприятия праздников горожанами-современниками. Данные нарративных источников — свидетельства сиенских пополанских хронистов XIV–XV вв.⁹ позволяют не только «реконструировать» сам ход праздничных торжеств и выявить особенные черты праздников в Сиене в эпоху Треченто, но и узнать мнения о них современников описываемых событий; исследовать особенности пополанской психологии и идеологии в изучаемую эпоху.

В сиенских хрониках XIV–XV вв., рассказывающих о событиях первой половины XIV в.: двух анонимных хрониках¹⁰, хронике Донато Нери и его

⁴ Cecchini G., Neri D. Il Palio di Siena. Siena, 1958.

⁵ В Средние века Сиена делилась на Терции (Сан-Мартино, Камоллия и Читта), которые, в свою очередь, подразделялись на кварталы — контрады.

⁶ Grassi V. Le contrade di Siena e le loro feste. Il Palio attuale, 2 vols. Siena, 1973.

⁷ L'immagini del Palio: Storia cultura e Rappresentazione del Rito di Siena / Ed. by M. A. Ceppari Ridolfi, M. Ciampoli, P. Turini. Florence: Franco Cosimo Panini, 2001. 576 p.

⁸ Гуковский М. А. Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт / Под ред. О. А. Добиаш-Рожественской. К 40-летию научно-педагогической деятельности И. М. Гревса. Л., 1925. С. 50–77.

⁹ Cronache senesi / ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. Bologna: Zanichelli, 1931–1939, XV, 6.

¹⁰ Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162; Frammento di cronaca senese di autore anonimo (1313–1320) / A cura di A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 163–172.

¹ Cipolla C. M. Per un profilo di storia economica senese // Bancieri e mercanti di Siena. Roma, 1987. P. 9–20.

² Tobey E. The Palio in Italian Renaissance art, thought and culture. University of Maryland, 2005.

³ Crociani-Windland L. Festivals, affect and identity: a Deleuzian Perspective on the Role of Culture and Ritual in Central Italian Communities. London; New-York, 2011.

сына Нери¹¹, а также Большой хронике, известной под именем Аньоло ди Тура дель Грассо¹², и хронике Паоло ди Томмазо Монтаури¹³ — довольно часто встречаются описания городских праздников. Даже при первом знакомстве с этими описаниями, становится очевидным, что праздники были массовыми, сопровождалась карнавалами, торжественными шествиями, звоном колоколов, песнопениями, танцами и угощением, праздничными огнями, а также различными играми боевого характера¹⁴.

Самый известный (существующий по настоящее время) сиенский праздник — Палио, получил свое официальное признание в начале XIV в. Праздник ведет свою историю с эпохи ранней коммун, по-видимому, еще с XII столетия, когда конные бега устраивались в честь Св. Бонифация, имя которого носил прежний кафедральный собор¹⁵. Самые ранние сведения о проведении Палио относятся к XIII столетию, однако официальный порядок и дата его проведения (16 августа) были утверждены и «прописаны» в 1310 г. в новой Конституции города. Это утверждение стало отражением воли правящей группы — правительства Девяти, стремившегося войти в историю в качестве «доброе правительство»¹⁶. Палио был приурочен к празднику Успения Девы Марии (15 августа), поэтому стал называться Палио дель Ассунта (Palio dell'Assunta). В этот день было запрещено заниматься торговлей и все городские лавки были закрыты. Сиенцы зажигали большие свечи, которые вместе с образом Мадонны, торжественно проносили по городу в знак благодарности за ее покровительство, позволившее Сиене отстоять свою независимость, одержав славную победу над соседкой и соперницей — Флоренцией.

¹¹ Cronaca senese di *Donato di Neri e di suo figlio Neri* / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

¹² Cronaca senese attribuita ad *Agnolo di Tura del Grasso* detta la Cronaca Maggiore // *Cronache senesi* / A cura di A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937 P. 253–564.

¹³ Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di *Paolo di Tommaso Montauri* / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

¹⁴ Cronaca senese di autore anonimo. P. 76, 90, 103, 126; Frammento di autore anonimo (1313–1320). P. 167, 170. Cronaca Maggiore. P. 307, 310, 346–347, 369, 490, 512, 537, 554; Cronaca senese di *Donato di Neri*... P. 577.

¹⁵ *Cecchini G., Neri D.* Il Palio di Siena. Siena: Monte dei Paschi, 1958. P. 8.

¹⁶ *Дмитриева М. И.* 1) Правительство Девяти Синьоров (1287–1355 гг.) в Сиене: образ власти в памятниках архитектуры // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 3-3 (53). С. 51–53; 2) Правительство Девяти Синьоров (1287–1355) в Сиене: образ власти на страницах городских хроник // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 3-1 (53). С. 89–91.

Торжественная процессия в честь Девы Марии стала, таким образом, «идейной» частью праздника.

Торжественные процессии были очень распространены в изучаемую эпоху, о чем свидетельствуют данные хроник. Например, автор Большой хроники описывает подобную процессию в честь обретения мощей (головы) св. Гальгано в октябре 1330 г.¹⁷ Анонимный сиенский автор середины XIV в. подробно описал торжественную церемонию, состоявшуюся 9 июня 1311 г., когда огромную икону «Маэста» (1308–1311) великого Дуччо торжественно помещали в новый Собор — Дуомо. Автор хроники сообщил, эта икона была написана взамен прежней, называемой «Мадонна с большими глазами» (*Madonna degli occhi grossi*) и «Мадонна дельи Грацие» (*Madonna delle Grazie*), «...той самой, которая вняла молитвам сиенцев, ...и были разбиты флорентийцы у Монтеапerti»¹⁸. Далее хронист описал торжественное шествие и праздник, состоявшийся в городе по этому поводу: «В тот день, когда ее помещали в Собор, закрылись все лавки и епископ устроил великолепную процессию из священников и монахов, сопровождаемую Девятью Синьорами, всеми должностными лицами коммун и всем народом. Рядом с иконой... шли самые достойные со свечами в руках, позади них женщины и дети, все с благоговением сопровождали икону от Кампо до Собора, звонили все колокола во славу такой прекрасной иконы... И весь этот день люди продолжали молиться и подавать милостыню беднякам, обращаясь к Богу и Богородице, нашей защитнице, с просьбой охранять от всех бедствий и всякого зла и оберегать от предателей и врагов Сиены»¹⁹. Как видно, хронист «вспоминает» событие, способствовавшему объединению горожан, апеллируя к их патриотическим и гражданским чувствам.

Устраивая ежегодные шествия в честь Девы Марии, сиенцы чтит память самого важного события их недавней истории: знаменитую битву у подножия замка Монтеапerti (4 сентября 1260 г.) между сиенцами (гибеллинами) и флорентийцами (гвельфами). Судя по описаниям этого события в сиенских хрониках, их авторы — пополаны, жившие уже в гвельфской Сиене, придавали огромное значение победе при Монтеапerti, которая, в их интерпретации, являлась одной из самых славных страниц истории родного города. Они объясняли свою победу покровительством Девы

¹⁷ В сообщении говорится об участии в ней Девяти Синьоров, о большом количестве народа, молитвах и связанном с ними чуде, когда после 8 месяцев засухи, наконец-то, случился сильный дождь. — *Cronaca Maggiore*. P. 498–499.

¹⁸ *Cronaca senese di autore anonimo*. P. 90.

¹⁹ *Cronaca senese di autore anonimo*. P. 90.

Марии, которой город был посвящен накануне сражения. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури рассказывается о том, как перед лицом надвигающейся опасности, епископ (ранее поддерживавший гвельфов) вместе с главой гибеллинского правительства Двадцати четырех Синьоров и другими официальными лицами коммуны участвовал в церемонии символического вручения ключей от города Деве Марии²⁰. Хронисты объясняют успех сиенцев не только заступничеством Девы Марии, но и их собственными усилиями: добровольная финансовая помощь семьи Салимбени позволила коммуне оплатить военные услуги немецких рыцарей Манфреда²¹, а труд всех горожан-ремесленников стал их вкладом в общее дело²². Кроме того, в этих рассказах хронисты создают образ «сиенского народа», складывающийся из характеристик, которыми они наделяют своих соотечественников. Основными чертами сиенцев, по мнению анонима середины XIV в. являлись: великодушие, благоразумие, сила и отвага²³. В хрониках Паоло ди Томмазо Монтаури «...сиенский народ — самый свободный, самый отважный и самый доблестный во всей Тоскане и Ломбардии...»²⁴. Таким образом, битва при Монтеапери стала не только кульминационным событием войны, шедшей в Тоскане с осени 1251 г.²⁵, но и центральным пунктом формирования городской идентичности сиенцев.

Возвращаясь к особенностям сиенского Палио эпохи Треченто, следует отметить, что помимо торжественной процессии, основной частью праздника, как было отмечено выше, стали конные бега. Они проходили в виде гонки по городским улицам, по маршруту, который начинался за городскими воротами, а заканчивался обычно у Собора — Дуомо, отсюда еще одно название праздника Палио в рассматриваемое время — Палио алла лунга (Palio alla lunga)²⁶. Именно этот вид Палио описан в Большой хронике под 1310 г.: «Сиенцы в это время, как и в прошлые годы, устроили Палио в честь августовского праздника Святой Марии, сам флаг был из бархата, отороченного беличьим мехом по цене 50 лир..., и из золотой парчи, отороченной бархатом. Гонка проходила от Фонтебечи

²⁰ Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 201.

²¹ Cronaca senese di autore anonimo. P. 57; Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 200.

²² Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 200.

²³ Cronaca senese di autore anonimo. P. 57, 60.

²⁴ Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 206.

²⁵ Военные действия шли между гвельфами (Флоренция, Орвието, Лукка, Генуя) и гибеллинами (Сиена, Пиза и Пистойя) — *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л.: 1990. С. 55.

²⁶ «Палио алла лунга» — т. е. в длину, в отличие от «Палио алла тонда» («Palio alla tonda») — гонок, проходящих вокруг площади Кампо.

до Дуомо»²⁷. Как видно из этого описания, флаг (palio, pallium), вручаемый победителю в качестве награды, вполне соответствовал значимости события, кроме того, хронист зафиксировал начальную и конечную точки маршрута, по которому шло соревнование. Бега проходили по разным маршрутам (обычно от окраин к центру, к Собору — Дуомо), поэтому в организацию были вовлечены и городские районы — контрады. Самое раннее свидетельство о конных гонках с участием контрад относится к 1309 г.²⁸

Организация же этих бегов в эпоху Треченто была делом официальных лиц коммуны: ответственность за организацию была возложена на правительство Девяти и четверых проведиторов Биккерны (ведавшей всеми доходами и расходами коммуны)²⁹, занимавшихся финансовой стороной дела (статут от 16 июля 1310 г.)³⁰. На протяжении первой половины XIV в. коммуна приняла дополнительные законы, регулирующие обязанности должностных лиц, ответственных за его проведение.

Конные бега были очень популярны в Сиене в этот период и проводились не только во время празднования Вознесения Девы Марии, но и во время других праздников в честь святых. В течение Средних веков и Возрождения Сиена имела не одного, а четверых святых покровителей: св. Витторио, св. Ансано, св. Кресченцио и св. Савино. В сиенских хрониках есть описание гонки в честь бл. Агостино Новелло³¹ — в Сиене; в честь Сан-Джованни — во Флоренции³², Сан-Дonato — в Ареццо³³. Все эти свидетельства подтверждают большую распространенность конных гонок в Тоскане.

Описание событий Палио 1314 г., содержащиеся в трех сиенских хрониках, содержит интересные подробности. Так, во фрагменте анонимной хроники первой половины XIV в. описаны торжества по поводу встречи сиенцами миссера Пьеро — брата короля Роберта (Неаполитанского. — *М. Д.*) во время его визита в город в августе 1314 г. «14 августа, накануне праздника Девы Марии, все городское рыцарство вместе с оруженосцами и все военные (пополанские. — *М. Д.*) компании города, возглавляемые гонфалоньерами... встретили его за городскими воротами в районе Сан-Лазаро и проводили затем до палаццо Скварчалупи, и во всех контрадах царило весе-

²⁷ Cronaca Maggiore. P. 310.

²⁸ Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 234.

²⁹ *Bowsky W. M.* The Finance of the commune of Siena... P. 11.

³⁰ Statuti, 19, Dist. I Rubr. 586, ASS (Document III) // *Cecchini G., Neri D.* Il Palio di Siena. P. 142.

³¹ Cronaca Maggiore. P. 307.

³² Cronaca Maggiore. P. 308, 404, 420, 470.

³³ Cronaca Maggiore. P. 357.

лье: люди танцевали... и приходили к этому дворцу воздать ему почести: с утра до ночи, и всю эту ночь четверга веселье продолжалось, а в пятницу утром он посвятил в рыцари миссера Николо ди Бандино и незамедлительно отправился во Флоренцию... вместе с 200 рыцарями»³⁴. Аноним середины XIV в. дополняет эти данные: «миссер Пьеро был препровожден в город под триумфальным балдахином, народ устроил праздничные игры и танцы в его честь, вечером 15 августа был устроен большой костер...»³⁵. Автор Большой хроники добавляет в рассказ новые подробности: горожане, участвовавшие в торжественной встрече миссера Пьеро, «...разрывали одежды и ломали копьа и знамена и преподнесли ему 500 лир в чаше. И продолжался великий праздник два дня и одну ночь с факелами, танцами и военными играми... Миссер Николо ди Бандино («новоиспеченный» рыцарь. — *М. Д.*) зажег огни... на башнях, и самый большой огонь был на башне Кастельвеккьо, так что его видели даже пизанцы...»³⁶.

Очевидно, что во всех этих рассказах в качестве наряду с танцами и праздничной «иллюминацией», в качестве важной части праздничных торжеств упомянуты «военные игры». Когда речь идет о «порванных одеждах» и «сломанных копьях», по-видимому, имеется в виду «багордо»³⁷ — наиболее зрелищный и наименее опасный вид боевых упражнений. «Участники выезжают по одиночке, должны промчаться на своем коне легко и по прямой линии, и в определенный момент сломать свое легкое копье о землю, растущее на пути дерево или вообще какой-нибудь твердо стоящий предмет (позже, на улицах Флоренции обыкновенно об окно возлюбленной)» — описал этот вид военных упражнений М. А. Гуковский³⁸. Таким образом, по свидетельству сиенские хронисты некоторые виды боевых игр в эпоху Треченто также могли быть составной частью праздника Палио.

Это касается и других праздников, проходивших в Сиене в эпоху Треченто, ведь, судя по сведениям сиенских хронистов, фактически, каждое значительное городское событие: победы в военных предприятиях; приезды и отъезды важных персон и посольств³⁹, похороны должностных

лиц⁴⁰ — также представляли собой, своего рода, праздники, которые, подобно главному, часто сопровождалось военными играми.

Так, в память победы при Монтеапери в Сиене еще с 1260 г. начали устраивать ежегодный праздник в честь св. Георгия — покровителя сиенских вооруженных сообществ⁴¹, так называемые «игры Сан-Джорджо», «джорджиани» или «джувенали» (в этих играх участвовали дети — по-видимому, подростки)⁴². Праздник был приурочен к 4 сентября. Участники этой игры были вооружены деревянными шлемами, латами и мечами, в ходе ее имитировалось взятие (одной командой) и защита (другой командой) крепостных укреплений. «Джорджиани» были очень похожи на другую, наиболее раннюю из распространенных в Сиене игр — эльмору (elmore). В этой игре, так же как в других соревновательных баталиях, участвовали не многочисленные контрады, а терции города. Военные сообщества терции Читта нападали на отряды терций Сан-Мартино и Камоллии, используя деревянное оружие. Эльмора, пережившая свой расцвет в XIII в., была запрещена в конце этого столетия⁴³.

Судя по данным хроник, наибольшей популярностью в исследуемый период пользовалась джостра — поединок (или ряд поединков), в которых соперники выступали один-на-один; а главная задача состояла в том, чтобы свалить противника с коня; а если это не удавалось, то хотя бы сломать о него свое копье⁴⁴. Анонимный хронист середины XIV в. сообщил, что в 1311 г., во время визита в город короля Роберта (Неаполитанского. — *М. Д.*), его встречали все военные компании Сиены под своими знаменами и «...оказали ему огромную честь, и состоялось 20 джостр и танцы и многие другие игры в его честь, и много подарков ему преподнесли; и зажгли огни на башнях и (костер. — *М. Д.*) на Кампо, как принято делать для таких людей, как он. И было ему подарено 1000 лир в чаше...»⁴⁵. Джостра была непременной частью праздников не только в Сиене. Сиенские хронисты, к примеру, упоминают о джострах в Милане (1326)⁴⁶ и Риме (1328)⁴⁷. Как отмечал М. А. Гуковский: «По всей Италии в XIII и XIV веке всякое крупное, а иногда и мелкое общественное

⁴⁰ Cronaca Maggiore. P. 516–517, 554, 564. Frammento di autore anonimo (1313–1320). P. 167.

⁴¹ Cronaca senese di Paolo di Tommaso Montauri. P. 222.

⁴² Hook, J. Siena. Una città e la sua storia. Siena, 1988. P. 182.

⁴³ Cronaca di autore anonimo. P. 76.

⁴⁴ Правило было только одно: нельзя ранить коня, за повреждение которого виновник должен был платить его стоимость собственнику. — *Гуковский М. А.* Турниры в Италии... С. 54.

⁴⁵ Cronaca di autore anonimo. P. 89.

⁴⁶ Cronaca di autore anonimo. P. 133. Cronaca di autore anonimo. P. 133.

⁴⁷ Cronaca di autore anonimo. P. 135.

³⁴ Frammento di autore anonimo (1313–1320). P. 167.

³⁵ Cronaca senese di autore anonimo. P. 103.

³⁶ Cronaca Maggiore. P. 346–347.

³⁷ Багордо — легкое копье, так стала называться и сама боевая игра. Участники «багордо» были вооружены копьями и небольшими легкими щитами и как можно более роскошно одеты. — *Гуковский М. А.* Турниры в Италии на исходе Средних веков. С. 73.

³⁸ *Гуковский М. А.* Турниры в Италии... С. 73.

³⁹ Cronaca di autore anonimo. P. 86, 88, 89, 90, 103, 106, 126; 131 Frammento di autore anonimo (1313–1320). P. 167, 169, 170; etc.; Cronaca Maggiore. P. 126, 261, 262, 537, 554, 561, 563.

событие, радостное известие, памятный день, празднуются джострой; мы встречаем ее в Неаполе, Болонье, Сиене, Ферраре, Парме, Венеции и других городах»⁴⁸. Участниками джостры чаще всего бывали представители нобилитета, однако в итальянских городах, известных отсутствием жестких сословных рамок, в джострах участвовали и богатые пополаны. Впрочем, для пополанов, более привычным и привлекательным развлечением была пунья.

Пунья (*rugna*) — массовый кулачный бой, фактически, драка без оружия. Сиенские хроники полны сообщений об этом виде городских развлечений. Интересный случай приводят аноним и автор Большой хроники о пунье, состоявшейся в феврале 1317 г.⁴⁹ Игра началась, как забава 30 нобилей или «благородных» (“*gentileuomini*”), как их называет хронист, разделившихся на две «команды»⁵⁰. «Бой» происходил на главной площади города — Кампо, и пунья быстро «разрослась» за счет зрителей и торговцев с Кампо, закрывших свои лавки и принявших одну из сторон сражения. Вскоре, однако, игра вышла из-под контроля: в ход пошли не только кулаки, но и камни; многочисленные ранения привели к вмешательству подеста и Девяти Синьоров, которые разогнали ее участников по домам⁵¹. Другая пунья, состоявшаяся в начале февраля 1324 года и предшествовавшая карнавалу, оказалась необычайно массовой: в ней участвовали по 600 человек от каждой из трех городских частей — Терций (Сан-Мартино, Камоллия и Читта). Представители Сан-Мартино и Камоллии сражались против участников от терции Читта: «...они начали бросать камни, а некоторые пустили в ход дубины и так сражались на Кампо, а потом стали биться со щитами, копьями, мечами и стоял такой шум на Кампо, что, казалось, весь мир перевернулся», — свидетельствует хронист⁵². Подеста, правительство Девяти и Капитан войны со своими войсками попытались было прекратить сражение, разделив толпу, но им это не удалось: горожане продолжали сражаться, погибли многие солдаты и лошади⁵³. Сражающихся смог урезонить только епископ, явившийся на Кампо вместе со священниками и братьями, и вставший в центре сражения с крестом в руках, после чего оно постепенно утихло⁵⁴. После подсчета людских потерь и убытков (в пылу сражения было подожжено несколько

домов и лавочек рядом с Кампо), решено было в будущем не устраивать пунью, виновные были высланы из города⁵⁵. О карнавале, который должен был последовать за ней, в хронике упоминаний нет (что и понятно), зато сразу же начинается рассказ о раскрытии антиправительственного заговора с участием цеха мясников и семьи нобилей Толомеи⁵⁶.

Как следует из описаний хронистов, почти все проводимые в городе праздники, игры, процессии (а впоследствии — и конные скачки в процессе Палио) были связаны с главной площадью Сиены — Кампо, ставшей в эпоху Треченто центром общественной жизни города. На протяжении первой половины XIV в. Кампо не раз становилась свидетельницей не только праздников, но и нескольких крупных восстаний. Хроники рассказывают о восстаниях против правительства, самыми крупными из которых стали: мятеж нобилей и ремесленных кругов во главе с представителями знатного семейства Толомеи в 1318 г.⁵⁷, восстания 1324⁵⁸ и 1326 гг.⁵⁹ и заговор 1346 г.⁶⁰ Из их сообщений следует, что почти все эти восстания против правительства спровоцировали Толомеи, диктовавшие свою волю нотариусам и мясникам, находящимся под их покровительством.

Восстание 1355 г., в результате которого правительство Девяти Синьоров было свергнуто, началось во время праздничных торжеств по поводу приезда в город императора Карла IV вместе с супругой. События подробно описаны в хронике Донато Нери и его сына Нери. Итак, 23 марта 1355 г., когда император Карл IV прибыл в Сиену, его торжественно встречали «...празднично одетые горожане: из грандов, пополанов и Девяти — со знаменами и турнирными копьями»⁶¹. Император вместе со своей конной свитой отправился к палатце Салимбени, где «...началось волнение, раздались крики: «Да здравствует император и смерть — Девяти! И начали это нобили Пикколомини по договоренности с другими грандами... и поэтому на другой день за ними последовали мелкие пополаны, все вооруженные...»⁶². К 25 марта волнение переросло в восстание: «И во время этого волнения многие гранды вместе с мелким народом шумной толпой побежали к зданию Мерканции и разорвали Книги и Записи и другие документы... И после этого они побежали к зданию Биккерны и

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Cronaca di anonimo. P. 114–115; Frammento di anonimo (1313–1320). P. 171–172; Cronaca Maggiore. P. 371–372.

⁵¹ Cronaca Maggiore. P. 416–417; Cronaca di anonimo. P. 128.

⁵² Cronaca Maggiore. P. 433.

⁵³ Ibid. P. 548–549.

⁵⁴ Cronaca senese di *Donato di Neri e di suo figlio Neri*. P. 577.

⁵⁵ Cronaca senese di *Donato Neri*... P. 577.

⁴⁸ *Гуковский М. А.* Турниры в Италии... С. 54.

⁴⁹ Cronaca di autore anonimo. P. 112–113; Cronaca Maggiore. P. 369.

⁵⁰ Cronaca Maggiore. P. 369.

⁵¹ Cronaca di autore anonimo. P. 112–113; Cronaca Maggiore. P. 369.

⁵² Cronaca Maggiore. P. 416.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

все Книги обвинений и отчуждений имущества взяли с собой... и в присутствии императора разорвали их и сожгли. И сожгли дом цеха Лана. Затем они с криками побежали в тюрьму и разрушили ее и сожгли... и все заключенные были освобождены»⁶³. После этого восставшие отправились в церковь Кампореджи, откуда забрали ящик с именами кандидатов во все правительственные учреждения Девяти, принесли его в Палаццо Пубблико и выбросили из окна, после чего его привязали к хвосту осла и возили по городу, крича: «Смерть Девяти!»⁶⁴ Затем из города были изгнаны подеста, Капитан войны и Капитан народа, прозвучало требование изгнать все правительство, но император сначала охранял его во дворце, а затем дал возможность бежать из города. После этого восставшие стали сжигать дома Девяти и убивать многих их сторонников⁶⁵. Так закончилось почти 70-летнее правление Девяти Синьоров.

Когда правительство Девяти Синьоров было свергнуто и бежало из города, горожане добились от императора организации нового управления и, как сообщает хронист, по требованию вооруженного народа здесь же, на Кампо, император учредил комиссию, члены которой во время «праздника и веселья поклялись в верности императору»⁶⁶. Оставив 12 нобилей и 18 представителей «мелкого народа» для выработки новых порядков управления Сиеной, он покинул город⁶⁷. К концу марта результатом работы комиссии стало учреждение двух новых органов исполнительной власти: народного правительства Двенадцати Синьоров (куда вошло по четыре человека от каждой терции города) и Коллегии шести нобилей — в качестве его консультативного органа.

Итак, к власти пришли новые представители народа — «додичини» (“*dodicini*”), связанные с нобилем, вновь обретшими политические права и образовавшими Коллегию. В то же время бывшие члены правительства Девяти, их сторонники и родственники — «новески» (“*noveschi*”) были лишены политических прав: отстранены от власти, признаны непригодными для выборов в правительство. Раз в полгода, в ходе торжественных демонстраций, вооруженный народ праздновал свою «славную победу над тиранами», т. е. над Девятью⁶⁸. Этот праздник носил явно политический характер, знаменуя собой начало

⁶³ Cronaca senese di *Donato Neri*...P. 578.

⁶⁴ Cronaca senese di *Donato Neri*...P. 578.

⁶⁵ Ibid. P. 578.

⁶⁶ Ibid. P. 578.

⁶⁷ Ibid. P. 578.

⁶⁸ *Luchaire J.* Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369. Lyon, Paris, 1906. P. XIII–XV.

новой эпохи, которая характеризуется разделением внутри пополанского сообщества, борьбой за власть различных группировок народа.

Таким образом, любое значительное событие в жизни города в первой половине XIV в. отмечалось праздничными торжествами. Хронисты довольно подробно описывают их ход. Многие праздники сопровождались торжественными процессиями с участием городских властей (светских и церковных), конными гонками, различными упражнениями боевого характера. Самыми распространенными из них, судя по данным сиенских хронистов, в исследуемый период были: багордо, джостра и пунья. Помимо этой «организованной» части, в городе обычно разворачивались народные гуляния: устраивались праздничные костры, звонили колокола, горожане пели и танцевали. В детальных описаниях атрибутов этих торжеств: снаряжения, угощения, даров, одежд отражаются представления авторов хроник о богатстве, как важнейшем условии процветания родного города.

Знаменитый сиенский праздник — Палио был официально утвержден в начале XIV в. и прошел в первой его половине этап своего становления. В этот период самое главное событие сиенской истории приобрело новую значимость. Утверждение Палио в честь Девы Марии, по воле Девяти, как праздника государственного, позволяет оценивать его в данный период в качестве инструмента формирования гражданской идеологии. С этого времени Палио стал неотъемлемой частью торжеств в честь Успения Богородицы, и в дальнейшем приобретал все более и более торжественный характер, в котором элементы религиозного, политического и народного праздника сливались воедино.

Данные о статье:

Автор: Дмитриева Марина Игоревна, кандидат исторических наук, кафедра истории Средних веков исторического факультета СПбГУ, m.dmitrieva@spbu.ru

Заголовок: Праздники в Сиене эпохи Треченто (по данным городских хроник).

Резюме: Статья посвящена изучению праздников в Сиене эпохи Треченто. Исследование базируется на анализе текстов городских хроник Сиены XIV–XV вв., содержащих важную информацию о ходе праздничных торжеств, их участниках и атрибутах, так и относительно особенностей психологии и идеологии пополанов. Изучив описание праздников хронистами, автор статьи делает выводы об особенностях праздников в Сиене в первой половине XIV в. — это отраженные в коллективной памяти горожан важные исторические события, демонстрация патриотизма, политической принадлежности и социально-групповой солидарности.

Ключевые слова: Палио, праздники, джостра, пополанские хронисты, конные гонки.

Information about the article:

Author: Dmitrieva Marina Igorevna, PhD (in History), Assistant Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, Russia, St.-Petersburg, Prof. of St.-Petersburg State University, m.dmitrieva@spbu.ru

Title: Holidays in Siena of the Trecento (according to city-state Chronicles).

Summary: The article is devoted to the study of holidays in Siena of the Trecento. The research is based on analysis of city-state Chronicles XIV–XV centuries, which contain important information about the course of the celebrations, participants and their attributes, and so on features of the psychology and ideology of popolany. After examining the description of events by the chroniclers, the author makes conclusions about the peculiarities of the holidays in Siena in the first half of the fourteenth century is reflected in the collective memory of the citizens of an important historical event, a demonstration of patriotism, political affiliation and socio–group solidarity.

Keywords: Palio, holidays, Giostra, chroniclers, horse racing.

Литература, использованная в статье:

Гуковский, Матвей Александрович. Итальянское Возрождение. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. Н. Немилова и А. С. Кантор-Гуковской. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1990. 624 с.

Гуковский, Матвей Александрович. Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт / Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. 40-летию научно-педагогической деятельности И. М. Гревса. Л., 1925. С. 50–77.

Дмитриева, Марина Игоревна. Правительство Девяти Синьоров (1287–1355 гг.) в Сиене: образ власти в памятниках архитектуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-3 (53). С. 51–53.

Дмитриева, Марина Игоревна. Правительство Девяти Синьоров (1287–1355) в Сиене: образ власти на страницах городских хроник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3-1 (53). С. 89–91.

Bowsky, William Marvin. The Finance of the commune of Siena. Oxford: The Clarendon Press, 1970. xx, 379 p.

Cipolla, Carlo Maria. Per un profile di storia economica senese // Bancieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 9–20.

Crociani-Windland, Lita. Festivals, affect and identity: a Deleuzian Perspective on the Role of Culture and Ritual in Central Italian Communities. London; New-York: Anthem Press, 2011. 224 p.

Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

Cronaca Senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

Cronache senesi / Ed. A. Lisini e F. Iacometti // Rerum Italicarum Scriptores. T. XV, 6. Bologna: Zanichelli, 1937. XXXVI, 944 p.

Frammento di cronaca senese di anonimo (1313–1320) // Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 163–172.

Hook, Judith. Siena. Una città e la sua storia. Siena: Nuova imagine editrice, 1988. 217 p.

L'immagini del Palio: Storia cultura e Rappresentazione del Rito di Siena / Ed. by M. A. C. Ridolfi, M. Ciampoli, P. Turini. Florence: Franco Cosimo Panini, 2001. 576 p.

Luchoire, Julien. Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369. Lyon, Paris, 1906. 358 p.

Tobey, Elizabeth MacKenzie. The Palio in Italian Renaissance art, thought and culture / Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland, College Park in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy 2005. University of Maryland, 2005. 338 p.

References:

Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Italyanskoe Vozrozhdenie. 2-e izd., ispr. i dop. / Pod red. A. N. Nemilova i A. S. Kantor-Gukovskoy. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta. 1990. 624 s.

Gukovskiy, Matvey Aleksandrovich. Turniry v Italii na ishode srednih vekov in Srednevekovyy byit / Pod red. O. A. Dobiash-Rozhdestvenskoy. 40-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatelnosti I. M. Grevsa. L., 1925. S. 50–77.

Dmitrieva, Marina Igorevna. Pravitelstvo Devyati Sinorov (1287–1355 gg.) v Siene: obraz vlasti v pamyatnikah arhitektury in Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. N 3-3 (53). S. 51–53.

Dmitrieva Marina Igorevna Pravitelstvo Devyati Sinorov (1287–1355) v Siene: obraz vlasti na stranitsah gorodskih hronik in Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. N 3-1 (53). S. 89–91.

Bowsky, William Marvin. The Finance of the commune of Siena. Oxford: The Clarendon Press, 1970. xx, 379 p.

Cipolla, Carlo Maria. Per un profile di storia economica senese in Bancieri e mercanti di Siena. Roma: De Luca, 1987. P. 9–20.

Crociani-Windland, Lita. Festivals, affect and identity: a Deleuzian Perspective on the Role of Culture and Ritual in Central Italian Communities. London; New-York: Anthem Press, 2011. 224 p.

Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

Cronaca Senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

Cronache senesi / Ed. A. Lisini e F. Iacometti in Rerum Italicarum Scriptores. T. XV, 6. Bologna: Zanichelli, 1937. XXXVI, 944 p.

Frammento di cronaca senese di anonimo (1313–1320) in Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 163–172.

Hook, Judith. Siena. Una città e la sua storia. Siena: Nuova imagine editrice, 1988. 217 p.

L'immagini del Palio: Storia cultura e Rappresentazione del Rito di Siena / Ed. by M. A. C. Ridolfi, M. Ciampoli, P. Turini. Florence: Franco Cosimo Panini, 2001. 576 p.

Luchoire, Julien. Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369. Lyon, Paris, 1906. 358 p.

Tobey, Elizabeth MacKenzie. The Palio in Italian Renaissance art, thought and culture / Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of the University of Maryland, College Park in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy 2005. University of Maryland, 2005. 338 p.

ББК 63. 3 (0) 4; УДК 94(4)

П. В. Крылов

**«НИКАКОЙ ПРОРОК НЕ ПРИНИМАЕТСЯ
В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ ...»: ИЛИ КАК ЖАННА Д'АРК
СТАЛА «ДЕВОЙ ИЗ ЛОТАРИНГИИ»**

В одном из своих самых известных стихотворений, «Балладе о дамах былых времен», поэт Франсуа Вийон, родившийся, как это отметили, наверное, все его биографы, в год казни Жанны д'Арк, отвел ей две строчки в третьей строфе: “Et Jehanne la bonne Lorraine, qu'Englois brulerent a Rouan”¹. Вот их дословный перевод: «И добрая Жанна из Лотарингии, которую англичане сожгли в Руане». Мэтр Франсуа не мог предугадать, какие проникновенные слова напишет вдохновленный его эпитетом Жюль Мишле: «Разумеется, не видения были особенностью Жанны. У кого только не было видений в Средние века. Лотарингия, думается мне, последняя из земель, где этот феномен визионерства должен был явить себя. В горной Лотарингии, в стране Вогезов у людей воистину более тяжелый характер, и вот, именно между этой горной Лотарингией и равниной Шампани родилась в Домреми прекрасная и храбрая девушка, которой было суждено высоко пронести меч Франции»². Также Вийон едва ли провидел, как отзовется его слово в эпоху франко-прусских споров об Эльзасе и Лотарингии, в конце XIX – начале XX века, когда его собрат по поэтическому цеху Поль Дерулед воспевает «Деву из Лотарингии, покровительницу завоеванных народов»³. Не могло заботить средневекового поэта и то, что такие же, как и он, вчерашние школяры издадут не одну работу о «национальности» Орлеанской Девы, доказывая вкуче с ее «безусловно французским происхождением» претензии Французской Республики на

¹ Villon F. Poésies complètes. Ed. P. Michel. Paris, 1972. P. 75. V. 349–350.

² Michelet J. Oeuvres complètes. T. VI. Paris, 1978. P. 61.

³ Цит. по: Lanery d'Arc P. Le culte de Jeanne d'Arc au XVe siècle. Orléans, 1887. P. 29.

© П. В. Крылов, 2015

утраченные в ходе войны 1870–1871 гг. земли?⁴ «Крестьянская девушка из Лотарингии, — воскликнул Проспер Буассонад, — своим мученичеством спасла первую из великих наций, французскую»⁵.

Сегодня, по прошествии двух кровавых мировых войн, о «национальности» Жанны д'Арк говорят без прежнего патриотического придыхания. Хотя и тут без исключений не обходится: «Дева вдохновлялась, — писал П. Лоппен, — настроениями, которые были в сущности французскими, т. е. объединительными, монархическими, мирными и буржуазными, и, как мы могли бы сказать сегодня, довольно-таки демократически-уравнительными. Все это было характерно для той среды в Шампани, где она росла, в отличие от англо-бургундского по природе, феодального и воинственного, аристократического и германского духа Лотарингии»⁶. В основном же для нашего во многом лишенного прежней бескомпромиссности времени характерен поиск точек соприкосновения там, где раньше кипели непримиримые страсти. Сегодня уже вполне признается всеми, что Жанна, в действительности, была уроженкой Барруа, что ее отчий дом стоял на самой границе этого относящегося к Франции графства и королевского домена. Граница проходила по исчезнувшему сегодня ручью, русло которого менялось. И дом Дарков оказывался то на одной, то на другой стороне. Не исключено даже, что в первой половине XV в. он тек к югу от дома, и Жанетта была француженкой в едва ли не самом узком смысле этого слова — уроженкой домена. Имперской Лотарингии принадлежал другой, правый берег Мааса. Но современные исследователи стремятся сбалансировать разные мнения о происхождении Жанны в духе взаимного компромисса. Вот весьма показательная точка зрения Жана-Франсуа Анри: «Жанна д'Арк, — пишет он, — с политической точки зрения, была уроженкой Барруа, (т. е. француженкой, с точки зрения феодальной, ибо граф Рене Барский, свояк Карла VII, был его вассалом). Если посмотреть с позиции географии, то она происходит из Лотарингии, ибо этим словом обозначали территорию, значительно превосходившую собственно герцогство Лотарингское, что же касается взгляда с точки зрения

⁴ Chapellier J.-Ch. Etude sur la véritable nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal, 1870; Lepage H. Jeanne d'Arc est-elle lorraine? Nancy, 1852; Riant, abbé. De la nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal, 1870; Renard A. 1) L'état civil de Jeanne d'Arc. Langres, 1879; 2) La patrie de Jeanne d'Arc. Langres, 1880; Georges E. Jeanne d'Arc est-elle champenoise ou lorraine? Troyes, 1882.

⁵ Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М., 2010. С. 379.

⁶ Loppin P. Jeanne d'Arc, “la bonne Champenoise”. Paris, 1974. P. 37. Цит. по: Bouzy O. Jeanne d'Arc. Mythes et réalités. Paris, 1999. P. 48.

административного подчинения, то Домреми относилось к Шампани⁷. Жак Кордье в свое время предлагал более простое объяснение: по своему характеру, языку и привычкам девушка не отличалась от жителей Лотарингии, будучи «французской национальности» (sic!)⁸. Но, так или иначе, связь Орлеанской Девы одновременно с Францией и с Лотарингией продолжает оставаться важной частью французского национального мифа⁹.

Но вернемся к Вийону. Поэт, вероятно, не для того упомянул Лотарингию, чтобы найти нужную рифму к слову «сирена» и к названию провинции Мэн¹⁰. «Жанна из Лотарингии» появляется у него в компании «мудрой Элоизы» и «большеногой Берты» — оба словосочетания к середине XV в. успели устояться, и их поэт употребляет сознательно. Также едва ли именно он изобрел эпитет “*la bonne Lorraine*”, хотя и немало способствовал тому, чтобы последний пережил века. Словом, иные современники Вийона, хотя и не все, полагали, что освободительница Орлеана была родом из Лотарингии, а мэтр Франсуа, как человек, безусловно, творческий, не стал испытывать их веру.

Люди, называвшие Жанну д’Арк доброй девой из Лотарингии, заблуждались. Даже если оставить в стороне ее словно сошедшую со страниц агиографических сочинений доброту, свидетелями которой во вполне современном, а не только средневековом смысле этого слова, стали даже некоторые английские солдаты¹¹. Принадлежность Домреми к Франции прямая или опосредованная была известна многим людям XV в. Знал о ней и камергер французского двора Персеваль де Буленвилье. В письме миланскому герцогу Филиппу-Мария Висконти от 21 июня 1429 г. он пишет: «Она родилась в малой деревне, названной Домреми, в бальяже Бассиньи, внутри и в пределах королевства Франции [курсив мой. — П. К.], на реке

⁷ Henry J.-F. Jeanne d’Arc et son pays natal. Lorraine? Champagne? Barrois? Nancy, 1976. P. 58.

⁸ Cordier J. Jeanne d’Arc. Sa personnalité, son rôle. Paris, 1948. P. 60.

⁹ Chaumi P. La France: Histoire de la sensibilité des Français à la France. Paris, 1982. P. 250.

¹⁰ Первые пять строк третьей строфы выглядят так:

La royne Blanche comme lis
Que chantoit a voix de seraine
Berthe au grant pie. Bietris, Alis
Haremburgis qui tint le Maine,
Et Jehanne bonne Lorraine
Qu’Englois brulerent a Rouan...

См. Villon F. Poesies complètes... P. 75. V. 545–549.

¹¹ Вспоминается рассказ бывшего пажа девушки Луи де Кута. Некий француз, конвоировавший двух пленных англичан, ударил одного из них по голове так, что тот упал мертвым. (*in tantum quod ipsum reddidit quasi mortuum*) Жанна увидела это, сошла с лошади и послала за священником, держа этого англичанина за голову и утешая, как могла. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d’Arc. Ed. P. Duparc. T. I. Paris, 1977. P. 365.

Маас. Возле Лотарингии [она] появилась на свет, от честных и простых родителей»¹². Складывается впечатление, что придворный неслучайно пользуется двойным указанием — *infra et in* — на то, что Домреми является землей Франции, несмотря на то, что она находится «возле Лотарингии». Не хотел ли Буленвилье лишний раз напомнить тем¹³, кто уже тогда считал Жанну уроженкой Лотарингии, что она на деле подданная французского короля?

Не является тайной «французское» происхождение Жанны и для Алена Шартье, поэта и дипломата, состоящего на службе Карла VII. Его письмо, отправленное неизвестному адресату¹⁴ в конце июля 1429 г. содержит такие слова: «Если хотите узнать ее происхождение, она из королевства; если родину — из Вокулера, города, что стоит на реке Маас»¹⁵. Обращение к любопытному, задающему вопросы о Деве, не риторическая фигура, взятая на вооружение «отцом французского красноречия». Из предшествующих его строк мы узнаем, как неназванный в письме *illustrissimus princeps* (светлейший государь) направил во Францию посланника Корарда Битуриса. Среди данных последнему поручений было собрать информацию о Жанне д’Арк. Расспросив аббата монастыря Св. Антония в Дофинэ и архиепископа Вьеннского, посланник обратился к Алену Шартье и полу-

¹² Quicherat J. Procès de la condamnation et de la réhabilitation de Jeanne d’Arc, dite la Pucelle. T. V. Paris, 1849. P. 116.

¹³ Письмо французского камергера, очевидно, имело несколько адресатов. Судя по свидетельству Жака де Бурбона, графа де ла Марша, сохранившемуся в его письме епископу Ланскому Гийому Шампо от 24 июля 1429 г., Персеваль де Буленвилье доставлял ему сведения о Жанне письменно и устно. Таким образом, роль этого придворного была отчасти близка роли пресс-секретаря в наше время. Lettre de Jacques de Bourbon, comte de la Marche à Guillaume de Champeaux, évêque de Laon // Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 59.

¹⁴ Жюль Кишра полагал, что им, скорее всего, был Амедей VIII Савойский. Среди прочих возможных вариантов им назывались сын савойского герцога, пьемонтский князь Людовик, маркиз Монферратский или все тот же миланский герцог Филиппо-Мария Висконти. Quicherat J. Procès... T. V. P. 131.

¹⁵ Quicherat J. Procès... T. V. P. 132. “...Si nationem quaeritis, de regno est; si patriam, de Vallescolorum, oppido quod est prope flumen Meusae”. Словом *natio* автор пользуется, чтобы продемонстрировать принадлежность Жанны к некоей политической общности *regnum* (Franciae sive Francorum), географическое место рождения обозначается словом *patria*. Отождествление «нации» и «государства» для первой половины XV века было совсем еще новым явлением, «идеалом, которого еще предстояло достигнуть» См.: Guénée B. L’Occident aux XIVe et XVe siècles. Les Etats. 5e ed. Paris, 1993. P. 119. Несмотря на то, что, по мнению Б. Гене в те годы слово “*patria*” — и его вернакулярный аналог “*pays*” уже начинает соотноситься с Францией в целом, тогда как Шартье использует его скорее в более привычном значении “*patria propria*” или «родная сторона». См. также: Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV веков. Санкт-Петербург, 2000. С. 132.

чил письменный ответ. Уверенность, с которой поэт и дипломат говорит о происхождении девушки, свидетельствует о его информированности и, возможно, о желании оградить адресата от кривотолков на этот счет, коль скоро прежние собеседники посланника могли пересказать ему неверные слухи. Тома Базен, автор «Истории Карла VII», участник процесса реабилитации и еще один информированный свидетель, написавший в 1453 г. объемистый том в защиту Девы, сообщает, что она была рождена «на границе Шампани и земель Барруа»¹⁶. Наконец, в «Мистерии об осаде Орлеана», неизвестный автор вложил в уста самому Господу Богу такие слова: «Михаил-архангел, слушай меня: я хочу передать через тебя весть, дабы помочь разорению славного Французского наследия. Ты отправишься в Барруа и сделаешь, как я скажу. Поблизости от маленькой деревни называемой Домреми, что находится на земле и владении Вокулера, ты встретишь, без всяких поисков, некую честную девушку»¹⁷.

Свидетельства, которые мы только что процитировали, принадлежат источникам, которые можно назвать авторитетными, поскольку они оставлены людьми, в силу тех или иных причин, не просто интересовавшимися происхождением девушки, но и обладавшими достаточным положением, чтобы доподлинно выяснить занимавший их вопрос. Но такие возможности были далеко не у всех. О хронике венецианского патриция Антонио Морозини Анатоль Франс сказал, что «ее особенная ценность для историка состоит не в том, что приписанные Жанне деяния соответствуют истине, а в том, что они ей не соответствуют»¹⁸. Этот знатный венецианец заносил в свой кондуит все, что сообщали его корреспонденты из разных европейских городов и весей, в том числе разговоры и слухи. Одним из его авторов был Панкратио Джустиниани из Брюгге. В письме своему отцу Марко от 10 мая 1429 г. он назвал Жанну «рожденной [вблизи] к Лотарингии»¹⁹. Эту же формулу записал в своем «Жизнеописании дождей» Марино Сануто²⁰. Его издатель считает, что Марино включил в свой труд краткое резюме собранных Морозини документов. Здесь Лотарингия выступает, по всей видимости, в качестве географического ориентира, не более того. Однако, в одном из следующих писем, от 9 июля, написанном все тем же Панкратио Джустиниани говорится о том, что девушка «родилась в стране Лотарингии, возле пределов Франции»²¹. Таким образом, по

¹⁶ *Basin, Thomas*. Histoire de Charles VII. Ed. Ch. Samaran. T. I. Paris, 1933. P. 126.

¹⁷ *Mystère du siège d'Orléans*. Ed. G. Gros. Paris, 2002. V. 7011–7022.

¹⁸ *France A. Vie de Jeanne d'Arc // Oeuvres complètes*. T. 15. Paris, 1929. P. 17.

¹⁹ *Morosini, Antonio*. Chronique, Extraits relatifs à l'histoire de France. Ed. G. Lefèvre-Pontalis et L. Dorez. T. III. Paris, 1901. P. 44–45.

²⁰ *Morosini A. Chronique ...* T. IV. P. 299. Annexe XI.

²¹ *Morosini A. Chronique ...* T. III. P. 93.

прошествии двух месяцев с момента написания первого письма, мы видим прежнюю формулировку уже совершенно перевернутой. Отметим, что тон июльского послания совершенно отличается от майского. В письме, написанном первым, Джустиниани пересказывает своему отцу, как он вместе с «одним итальянцем» поначалу смеялся над болтовней о некоей пастушке, наобещавшей с три короба дофину Карлу, но потом начал относиться серьезнее, ибо «все, что она предсказывала, сбылось до сегодняшнего дня»²². Второе написано уже с желанием обстоятельно поведать отцу о той, кто в ту пору сопровождала дофина в Реймс. Оно открывается словами о происхождении девушки, о ее разговоре с королем, о ее сражениях и набожности, наконец, он венчает свои рассуждения характерным выводом: «Я не знаю, должен ли я верить всему, что мне здесь говорят. Есть тут и такие, кто утверждает обратное. Каждый волен думать (о ней) на свой лад, ведь ни один, ни другой не губит свою душу. Дофин, однако же, с каждым днем входит во все большую силу»²³. Известный скепсис, обнаруживаемый в этом письме, должен свидетельствовать его читателю, что автор намеревался подвергнуть критическому осмыслению все те слухи, что ему удалось выведать о Жанне д'Арк. Тем не менее он заменил вполне адекватно отражающее административно-политические реалии утверждение своего первого письма: «рожденная [вблизи] Лотарингии» на явно ошибочное «рожденная в Лотарингии близ Франции». Поступить так он мог, на наш взгляд, потому что последний вариант показался ему более правильным. Единственным средством для установления истины было для этого итальянца из Брюгге только чувство здравого смысла. Его наличие вполне подтверждается очень взвешенным выводом, который он сделал. И то же самое чувство, очевидно, подсказывало ему, что в такой малозначительной детали, как происхождение Девы, он вполне мог полагаться на мнение большинства, незнакомого с посланиями Буленвилле или Шартье, и назвать ее уроженкой Лотарингии.

Неизвестный нотариус из Ла-Рошели, чья реляция увидела свет позже обоих писем Джустиниани, после неудачной для Жанны д'Арк осады Парижа 8 сентября 1429 г., назвал Вокулер, откуда девушка начала свое путешествие, городом Лотарингского герцогства²⁴. Этот автор был современником, но не очевидцем²⁵, так что источник его информации идентичен источнику Джустиниани — слухи. Позднее, уже по окончании процесса в Руане, связал ее имя с Лотарингией «парижский горожанин» в одном из

²² *Morosini A. Chronique ...* T. III. P. 49.

²³ *Morosini A. Chronique ...* T. III. P. 127.

²⁴ *Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc // Revue historique*. T. IV. 1877. P. 336.

²⁵ *Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc ...* P. 328.

своих о ней рассказов²⁶. Автор полемической «Истории предательств Франции в отношении Бургундского дома», написанной во времена Карла Смелого (1467–1477), недвусмысленно говорит «то была дочь одного человека из Вокулера в Лотарингии»²⁷. Наконец, в «Лотарингской хронике» содержится фраза: «Когда монсеньер де Бодрикур увидел ее, он сказал ей: “Дочь моя, в Нанси я хотел бы вас отправить, к герцогу Карлу, вашему природному господину, и попросить его разрешения для вас, чтобы вас увезти”» (во Францию)²⁸. В этом сочинении Жанну совершенно определенно и недвусмысленно называют подданной лотарингского герцога.

Между двумя вполне созвучными определениями: «рожденная у Лотарингского предела» и «Жанна из Лотарингии» — лежит все же дистанция огромного размера. Благодаря чему она была преодолена, притом, в случае Панкрацио Джустиниани, преодолена одним и тем же человеком?

Жан Жюффруа, автор «Похвального слова Филиппу Доброму», сказал, что Жанна умела управлять волами «по лотарингскому обычаю»²⁹. Проверить истинность утверждения этого бургундского автора не представляется возможным, тем не менее, его слова наводят на мысль, не было ли в поведении Жанны, в ее высказываниях и поступках чего-нибудь, что могло бы привести ее современников-французов к мысли, что она, скажем так, не совсем их соотечественница?

По нашему мнению, легенда о лотарингском происхождении Жанны д'Арк оказалась стойкой, поскольку у нее несколько источников.

Во-первых, повлиять на ее возникновение могло пророчество Мерлина из хроники Гальфрида Монмутского о дева, вышедшей из Леса Канута³⁰. Это пророчество уже весной 1429 г. в окружении Карла VII связывали с Жанной, а лес Канута с Буа-Шеню близ Домреми. Она сама рассказала об этом в Руане 24 февраля 1431 г. Язык протокола красноречив: «Когда она явилась к королю, некоторые спрашивали, нет ли в ее краю леса, называемого Буа-Шеню; ибо есть пророчества, гласящие, что из окрестностей Буа-Шеню должна прибыть дева и творить чудеса; но

²⁶ Journal d'un bourgeois de Paris. Ed. C. Beaune. Paris, 1990. P. 292–293.

²⁷ Le livre des trahisons de France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne. T. 2 / Ed. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1873. Ch. CXLIV. P. 197.

²⁸ Quicherat J. Procès... T. V. P. 330.

²⁹ ²⁹ Jeanne d'Arc, d'après l'Éloge de Philippe le Bon composé par le cardinal Jean Jouffroy // Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 64.

³⁰ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 78.

она сама не относилась к этому с доверием»³¹. Вся эта почти сказочная картина — дева вышедшая из леса, подобно Можи из «Четырех сыновей Эмона», пришедшего из Арденн на помощь братьям³², едва ли могла иметь место в пределах своей страны³³. Скорее там, где, по словам Жака Ле Гоффа, которыми он однажды поделился в разговоре с автором этих строк, «чудесное было обыденным», т. е. на периферии более или менее привычного мира. В итоге, возникло хорошее условие, чтобы «переместить» родину Жанны из более близкого Барруа в более отдаленную Лотарингию, и она, «подобно любому чудесному герою-ратоборцу могла бы прийти из чужой страны»³⁴.

Вторым источником легенды о лотарингском происхождении девушки могло стать известие о ее встрече с герцогом Карлом Лотарингским. Он принял ее в Нанси незадолго перед тем, как она отправилась в Шинон. Их встреча не была, разумеется, тайной еще до того, как девушка рассказала о ней на процессе³⁵. Возможно, randevu в Нанси повлияло на Бодрикура, вскоре после того отправившего девушку к дофину. Герцога Лотарингского принято считать союзником Ланкастеров, однако, его отношения с ними были довольно формальными³⁶. Кроме того, его зять, герцог Рене Барский, был братом жены Карла VII, в то же время, сеньор Лотарингии опасался усиления влияния Бургундии, проводником которой был в этом регионе граф Антуан де Водемон. Потому для герцога Карла полное поражение его тезоименитого дофина было едва ли выгодно. Так или иначе, он не стал чинить Деве препятствий в тот момент, когда это было легче всего сделать.

Наконец, есть третье возможное объяснение «лотарингской» легенды. У Жанны, судя по ее ответам на вопросы руанских судей, не было

³¹ Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. Ed. P. Tisset et Y. Lanhers. Paris, 1960. T. I. P. 67. ... quand elle vint devers le roy, que aucuns demandoient si en son pays avoit point de boys que on apellast le Boys Chesnu; car il y avoyt prophecies qui disoyent que de devers le Boys Chanu devoit venir une pucelle qui venoit faire merveilles; mais en ce n'a point adjousté de foy. См. также: Contamine Ph. Jeanne d'Arc et la prophétie // De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. Figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen, 1994. P. 53.

³² La chanson des Quatre fils Aymon. Ed. Ferdinand Castets. Montpellier, 1909. Цит. по: Bretel, Paul. Les hermites et les moines dans la littérature française du Moyen Age (1150–1250). Paris, 1995. P. 89.

³³ См.: Le Goff J. Le désert-forêt dans l'Occident médiéval // L'imaginaire médiéval. Essais. 2-e ed. Paris, 1991. P. 72–73.

³⁴ Pastré J.-M. Jeanne, l'imaginaire collectif et les invariants de la carrière heroïque // Images de Jeanne d'Arc. Actes du colloque de Rouen (25, 26, 27 mai 1999) / Ed. Jean Maurice, Daniel Couty. Paris, PUF, 2000. P. 111.

³⁵ Procès de condamnation... T. I. P. 49.

³⁶ Atten A. Les «Lorrains» dans l'ost de Charles VII // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. № 11. 1987. P. 20.

представления о таких административно-территориальных единицах, как герцогство или графство. Когда она говорила о Бургундии или Лотарингии, она подразумевала герцогов и их вассалов³⁷. И о самой себе она никак не могла сказать, что была рождена в Лотарингии. Однако, понятие «Франция» в ее устах также не звучит определенно. В ее сознании, по всей видимости, простонародное понимание «Франции», как страны, населенной французами вступало в сложные взаимоотношения с представлением о Франции, как о территории, подвластной французскому королю, распространенным в ученой и придворной среде. Нет сомнения, жители Домреми ощущали свою связь с «Францией» сильнее, чем крестьяне из Монтайу, судя по исследованию их представлений о пространстве, вошедшем в монографию Э. Леруа-Ладюри. Тем не менее, общим и для тех, и для других, могло быть отношение к «Франции», как к некоей внешней по отношению к их родной деревне силе, способной заставить считаться с собой кого угодно, но не вторгающейся в их повседневную жизнь регулярным образом³⁸. Когда девушка говорит, что голоса велели ей «идти во Францию»³⁹ или что «в деревне ее звали Жанеттой, а во Франции Жанной»⁴⁰, она очевидным образом не имеет в виду область Иль-де-Франс, в которой, за исключением непродолжительного времени в конце лета 1429 г., она не бывала. Шинон, Бурж, Пуатье, Реймс, Компьен, даже место заключения и мученичества — Руан, все это в ее устах «Франция», разве она не сказала на суде, что не пройдет семи лет, и англичане потеряют во Франции все⁴¹. Тем отчетливее из противопоставления деревни и страны создается впечатление, что ее родной край Франции словно и не принадлежит. Не странно ли это, ведь жители Вокулера и его окрестностей признавали над собой власть дофина Карла? Впрочем, не употребляли ли они слово «Франция» в значении «большая земля»? Им было хорошо известно, сколько дней пути отделяют их от других верных дофину земель. Но если Жанна продолжала использовать это же слово в привычном для нее деревенском значении и в Шиноне, о чем, за неимением достоверных

³⁷ Paul J. Emergence du sentiment national autour de Jeanne d'Arc // Conciliarismo, stati nazionali, inizi dell'umanesimo. Atte del XXV Convegno storico internazionale. Todi, 9–12 ottobre 1988 Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1990. P. 126.

³⁸ Le Roy Ladurie E. Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. 2-e ed. Paris, 1982. P. 444. Чарльз Вуд отмечает, что из пограничного Домреми война с англичанами должна была выглядеть борьбой вселенских сил между добром и злом. Wood Ch.T. Joan of Arc and Richard III. Sex, saints and government in the Middle Ages. Oxford, 1988. P. 130.

³⁹ Procès de condamnation... T. I. P. 52.

⁴⁰ Procès de condamnation... T. I. P. 46.

⁴¹ Procès de condamnation... T. I. P. 83. antequam sint septem anni, Anglici dimmittent maius vadium quam fecerint coram Aurelienis et quod totum perdent in Francia.

свидетельств, можно только предполагать, и в Руане, что в этом случае подтверждается документально, то для окружающих, особенно в Шиноне, было естественным счесть ее немного «не своей», допустим, пришедшей из Лотарингии. Именно поэтому потребовалось Персевалу де Буленвилье и Алену Шартье объяснять специально, что она уроженка «королевства», а не «империи». Впрочем, в ее словаре было еще одно, многим более странное слово. До миропомазания Карла Валуа в Реймсе она упорно называла его «дофином», наследником престола⁴². Тем временем, собственно во Франции в той части общества, которую сегодня назвали бы элитой, представление о зависимости прав на королевский престол от церемонии в Реймсе находилось в стадии исчезновения, уступая место тезису о престолонаследии по праву первородства⁴³. В письме братьев Ги и Андре Лавалей дамам де Лаваль, их матери и тетке, датированном 8 июня 1429 г., дофином назван сын Карла Валуа, Людовик, будущий король Людовик XI. Сам Карл за месяц и десять дней до коронации назван королем⁴⁴. Все современники из партии Арманьяков, писавшие до церемонии в Реймсе, используют термин «король» применительно к их вождю. Это и писец из Ла-Рошели, и римский клирик, и Персеваль де Буленвилье⁴⁵. Ален Шартье в своей «Книге Надежды», увидевшей свет до 1429 г.⁴⁶ называет Карла V Мудрого «предком ныне царствующего Карла»⁴⁷. Напротив, корреспонденты Антонио Морозини называют Карла VII преимущественно дофином, притом, как до его коронации, так и после⁴⁸. Они пользовались тем же термином, что и противники, для которых даже коронация 17 июля 1429 г. не добавила Карлу Валуа ни капли легитимности. Создается

⁴² Quicherat J. Procès... T. III. P. 3; 103.

⁴³ Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe – XVe siècles. Paris, 1993. P. 136–146.

⁴⁴ Quicherat J. Procès... T. V. P. 106.

⁴⁵ Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc... P. 337; Delisle L. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc // Bibliothèque de l'École des Chartes. T. 46. 1885. P. 661; 665; Quicherat J. Procès... T. V. P. 117.

⁴⁶ В своем предисловии к изданию 1967 г. Франсуа Руи датирует произведение Шартье 1429–1430 гг. Chartier A. Le livre de l'espérance. Ed. par F. Rouy. Brest, 1967. P. X. Датировка представляется нам маловероятной, поскольку автор представляет положение дел во Франции столь плачевным, что его настроение вошло бы в явное противоречие с эйфорией, охватившей сторонников Карла VII после одержанных Жанной д'Арк побед. По крайней мере, упоминание Роберта Брюса (Ibid., P. 143), скрывающегося, подобно дикому зверю, но, по мысли Шартье, оставшегося королем, не выглядит уместным после триумфальной коронации французского монарха в Реймсе 17 июля 1429 г. Более правомерной кажется мнение Сержа Лузиньяна, датировавшего «Книгу Надежды» 1428 г. См. Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge. Paris, 1992. P. 31.

⁴⁷ Chartier A. Le livre de l'espérance... P. 147.

⁴⁸ Morosini A. Chronique ... T. III. P. 60–63, 66, 99, 263, 273, 285, 351.

впечатление, что они следуют ордоннансу, изданному Бедфордом в 1423 г. в Кане, запрещавшему не только использовать королевский титул применительно к вождю арманьяков, но и называть последних французами⁴⁹. Так, 5 апреля 1430 г. в грамоте о помиловании, выданной от имени Генриха VI некоему Жану из Калэ, французский король Карл VII, в полном соответствии с распоряжением английского регента, пренебрежительно обозначен как «зовущий себя дофином»⁵⁰. Во фрагментах из английских хроник, посвященных захвату Жанны в плен, собранных Эндрю Ленгом, Карл Валуа продолжает фигурировать в качестве «дофина». «Божья Дева, — пишет о ней неизвестный автор, — мерзкая ведьма, могуществом которой дофин и все наши противники твердо рассчитывали завоевать всю Францию, они верили, что повсюду, где она будет с ними, они никогда не потерпят поражение, ведь они смотрели на нее, как на пророчицу и великую богиню»⁵¹. Также и «парижский горожанин», в полном соответствии с настроениями его сограждан, повествуя об отражении предпринятого арманьяками штурма, сказал о короле Карле VII: “*Dalphinus, eorum rex*”. (Дофин, их король)⁵². Анонимный автор «Истории предательств Франции» и сорок лет спустя продолжает называть вождя противников «дофином», даже не устаивая его упоминания по имени⁵³.

Тем не менее некоторые жители даже тех местностей Франции, где позиции англичан выглядели прочными, видели ситуацию иначе. В опубликованном Жюлем Кишра отрывке из пикардийской по происхождению и бургундской по духу хроники Карл Валуа совершенно недвусмысленно называется до коронации дофином, после — королем⁵⁴.

Во время первой аудиенции в шинонском замке Жанна обратилась к Карлу не так, как привыкла делать это в меру раболепное придворное окружение, назвав его тем титулом, который употребляли если не враги-англичане и их французские сподвижники, то, по крайней мере, колеблющиеся бургундцы или вовсе иностранцы, более или менее скептически, как венецианцы, относившиеся к перспективам арманьяков. Реакцию зрителей этой сцены легко представить. Слово «отчуждение» было бы,

⁴⁹ *Калмыкова Е. В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 160.

⁵⁰ *Stevenson J.* Letters and papers illustrative of the wars of the England in France during the reign of Henry the Sixth, king of England. Vol. I // *Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*. 1861. P. 24. См. также: Vol. II. P. 95.

⁵¹ *Lang A.* La Pucelle de France. Paris, 1911. P. 410.

⁵² *Luce S.* Jeanne d'Arc à Domrémy. Paris, 1886. P. 257.

⁵³ *Le livre des trahisons de France envers la maison de Bourgogne...* P. 197.

⁵⁴ *Quicherat J.* Supplément aux témoignages contemporains sur Jeanne d'Arc // *Révue Historique*. T. XIX. 1882. P. 73 и 74 — «дофин» и на той же странице — «король».

наверное, самым мягким, чтобы описать чувство, которое при этом возникло. Но вызывающее нарушение правил придворного и «партийного» этикета этой простолюдинкой надо было как-то объяснить, перед тем как отредактировать описание этой сцены в нужном направлении⁵⁵. Не лучше ли всего было представить ее, хотя бы для себя, вне рамок официальных реляций, немного «не своей», допустим, уроженкой Лотарингии? Тогда ей было бы позволительно не знать о бесспорном для их партийного сознания постулате, что дофин Карл Валуа и без всякого миропомазания стал королем Франции.

Что послужило главной причиной тому, что в сознании современников и потомков утвердилась легенда о лотарингском происхождении Жанны д'Арк? По мнению автора этих строк, к тому сложилась целая комбинация условий и предпосылок. Но в любом случае, появление легенды было реакцией на необычность ее слов, ее поступков, произведших тот труднообъяснимый, с точки зрения здравого смысла, перелом, который всегда проще объяснить воздействием чудесных сил, источник которых столь непросто допустить где-то поблизости. Так неординарность личности Орлеанской Девы получила в глазах современников свое первое объяснение: в ней согласились увидеть «пророка», но, для сохранения собственного душевного спокойствия, «не из своего отечества».

Данные о статье:

Автор: Крылов Павел Валентинович, к. и. н., СПбИИ РАН, pavel_kryloff@mail.ru

Заголовок: «Никакой пророк не принимается в своем отечестве ...»: или как Жанна д'Арк стала «девой из Лотарингии».

Резюме: Статья посвящена формированию искаженного представления о родине Жанны д'Арк, которая в массовом историческом сознании превратилась в «деву из Лотарингии», несмотря на то, что ее место рождения, Домреми, юридически не принадлежало к этой территории, находясь вблизи от границ этого герцогства, входящего в то время в состав Священной Римской империи. Словосочетание «дева из Лотарингии» появляется в большом количестве источников, запечатлевших устную молву о деяниях Жанны непосредственно в годы ее активного участия в делах военных и политических (1429–1430), несмотря на осведомленность ее современников о принадлежности ее родной деревни к землям французской короны. Осведомленность отражается в официальных документах, исходивших от французского двора. Автор статьи исследует обстоятельства появления образа, выдвигая ряд предположений о возможных причинах столь стойкой ассоциации девушки, ставшей героиней Франции, с территорией, расположенной вне официальной границы королевства. В качестве главной вероятной причины рассматривается особенность религиозного мировоззрения средневекового человека, вытесняющего любое новое и непонятное явление за пределы привычного мира — в том числе, мира политического. Библейский образ «пророка»

⁵⁵ В «Мистерии об осаде Орлеана» при первой же встрече Жанна без каких-либо видимых колебаний называет Карла Валуа «истинным королем» (*le vray Roy*). *Mystère du siège d'Orléans...* V. 10027.

в чужом отечестве» служит ярким символом подобного восприятия действительности. Подкрепить сложившееся впечатление могли и некоторые поступки Жанны, вольно или невольно сделанные вразрез с устоявшимися при дворе нормами этикета, в частности невежливое, с точки зрения придворных, обращение «дофин», бывшее в ходу у иноземцев, сомневающих в претензиях Карла Валуа на французский престол. В итоге, образ «почти иностранки, спасшей Францию» обрел живучесть и именно в таком виде вошел в коллективные представления французского общества о своем прошлом.

Ключевые слова: Историческая память, Франция, Лотарингия, граница, идентичность, Жанна д'Арк.

Information about the article:

Author: Krylov Pavel Valentinovitch, Candidate of Science (History), researcher Institute of History of Russian Academy of Sciences, pavel_kryloff@mail.ru

Title: “No prophet is in own homeland welcomed ...”: or how Joan of Arc become “the Maid of Lorraine”.

Summary: The article turns around the abusive transformation of Joan's of Arc native locality. The famous French female warlord become “the Maid of Lorraine” in the popular memory, besides the fact of belonging of Domremy, her birthplace village to the French kingdom nearby border of Duchy of Lorraine, a part of Holy Roman Empire. The real status of Joan's “nationality” was well known by her cultivated contemporaries and the members of French Royal Court and attested in documents issued by them. However the words “the Maid of Lorraine” appear many times in sources reflecting the oral rumors about the exploits of Joan, exactly in the period of her active participation in military and political events (1429–1430). Author explores the circumstances of creation of image, where the Joan's homeland associates with the territory situated out of official French border and gives some explication's attempts. The main probable cause consists in peculiar trait of medieval mentality which try to replace all new and (or) non understandable thing out of habitual world. World of politics included. The biblical topic of the “prophet coming from abroad” perfectly symbolizes this perception of reality. Some acts of Joan could fortify her image of native from another country. For example she used the title Dauphin in conversations with Charles Valois. From the point of view of Armagnac Court there was not polite: the members of Party have considered their leader as a true King of France. The foreigners in doubt about his rights to throne, called him Dauphin, and Joan could be associated with them by royal entourage. So “Maid of [foreign] Lorraine” acquired its stability and come into the French collective memory about medieval history.

Key words: Historic memory, France, Lorraine, border, identity, Joan of Arc.

Литература, использованная в статье:

Буассонад, Проспер. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. Москва: Центрполиграф, 2010. 392 с.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. Москва: Наука, 1984. 286 с.

Калмыкова, Елена Владимировна. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. 660 с.

Малинин, Юрий Павлович. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV веков. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2000. 236 с.

Atten, Alain. Les « Lorrains » dans l'ost de Charles VII // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. N 11. 1987. P. 19–31.

Basin, Thomas. Histoire de Charles VII. Ed. Ch. Samaran. T. I. Paris: Les Belles Lettres, 1933. 309 p.

Bouzy, Olivier. Jeanne d'Arc. Mythes et réalités. Orléans: L'atelier de l'archer, 1999. 185 p.

Bretel, Paul. Les hermites et les moines dans la littérature française du Moyen Age (1150–1250). Paris: H. Champion, 1995. 810 p.

Chapellier, Jean-Charles. Etude sur la véritable nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal: Impr. de G. Crépin-Leblond, 1870. 15 p.

Chartier, Alain. Le livre de l'espérance. Ed. par F. Rouy. Brest: P.A.M., 1967. 69 p.

Chaumu, Pierre. La France: Histoire de la sensibilité des Français à la France. Paris: Robert Laffont, 1982. 384 p.

Contamine, Philippe. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. Figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen: Paradigme, 1994. 228 p.

Cordier, Jacques. Jeanne d'Arc. Sa personnalité, son rôle. Paris: Editions de la Table ronde, 1948. 428 p.

Delisle, Léopold. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. T. 46. 1885. P. 649–668.

France, Anatole. Vie de Jeanne d'Arc // Oeuvres complètes. T. 15. Paris: Calmann-Lévy, 1929. 600 p.

Guénée, Bernard. L'Occident aux XIVe et XVe siècles. Les Etats. 5-e ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 338 p.

Georges, Etienne. Jeanne d'Arc est-elle champenoise ou lorraine? Troyes: Dufour-Bouquot, 1882. 32 p.

Henry, Jean-François. Jeanne d'Arc et son pays natal. Lorraine? Champagne? Barrois? Nancy: Librairie Lorraine, 1976. 83 p.

Jeanne d'Arc, d'après l'Eloge de Philippe le Bon composé par le cardinal Jean Jouffroy // Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 64–70.

Journal d'un bourgeois de Paris. Ed. C. Beaune. Paris: Librairie Générale Française, 1990. 544 p.

Krynen, Jacques. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe–XVe siècles. Paris: Gallimard, 1993. 556 p.

Lanery d'Arc, Pierre. Le culte de Jeanne d'Arc au XVe siècle. Orléans: s.n., 1887. 9 p.

Lang, Andrew. La Pucelle de France. Paris: Nelson, 1911. 464 p.

Le Goff, Jacques. L'imaginaire médiéval. Essais. 2-e ed. Paris: Gallimard, 1991. 353 p.

Lepage, Henri. Jeanne d'Arc est-elle lorraine? Nancy: Grimblot et veuve Raybois, 1852. 56 p.

Le livre des trahisons de France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne. T. 2 / Ed. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1873. 868 p.

Le Roy Ladurie, Emmanuel. Montailhou, village occitan de 1294 à 1324. 2-e ed. Paris: Gallimard, 1982. 640 p.

Lettre de Jacques de Bourbon, comte de la Marche à Guillaume de Champeaux, évêque de Laon // Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 58–64.

Loppin, Paul. Jeanne d'Arc, “la bonne Champenoise”. Paris: Paul Loppin, 1974. 52 p.

Luze, Siméon. Jeanne d'Arc à Domrémy. Paris: Champion, 1886. 727 p.

Michelet, Jules. Oeuvres complètes. T. VI. Paris: Flammarion, 1978. 904 p.

Morosini, Antonio. Chronique, Extraits relatifs à l'histoire de France // Ed. G. Lefèvre-Pontalis et L. Dorez. T. III. Paris: Société d'histoire de France, 1901. 392 p.

- Mystère du siège d'Orléans // Ed. G. Gros. Paris: Librairie Générale Française, 2002. 1053 p.
- Pastré, Jean-Marc.* Jeanne, l'imaginaire collectif et les invariants de la carrière heroïque // Images de Jeanne d'Arc. Actes du colloque de Rouen (25, 26, 27 mai 1999). / Ed. Jean Maurice, Daniel Couty. Paris, PUF, 2000. P. 109–116.
- Paul, Jacques.* Emergence du sentiment national autour de Jeanne d'Arc // Conciliarismo, stati nazionali, inizi dell'umanesimo. Atte del XXV Convegno storico internazionale. Todi, 9–12 octobre 1988 Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1990. P. 119–148.
- Procès de condamnation de Jeanne d'Arc // Ed. P. Tisset et Y. Lanhers. T. I. Paris: Société d'histoire de France, 1960. 446 p.
- Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc // Ed. P. Duparc. T. I. Paris: Société d'histoire de France, 1977. 526 p.
- Quicherat, Jules.* Procès de la condamnation et de la réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. T.V. Paris : Société d'histoire de France, 1849. 575 p.
- Quicherat, Jules.* Relation inédite sur Jeanne d'Arc // Revue historique. T. IV. 1877. P. 327–344.
- Quicherat, Jules.* Supplément aux témoignages contemporains sur Jeanne d'Arc // Révue Historique. T. XIX. 1882. P. 60–83.
- Renard, Athanase.* L'état civil de Jeanne d'Arc. Langres: Impr. De F. Dangien, 1879. 16 p.
- Renard, Athanase.* La patrie de Jeanne d'Arc. Langres: Impr. De F. Dangien, 1880. 15 p.
- Riant, abbé.* De la nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal: s.n., 1870. 4 p.
- Stevenson, Joseph.* Letters and papers illustrative of the wars of the England in France during the reign of Henry the Sixth, king of England. Vol. I. // Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. 1861. 634 p.
- Villon, François.* Poésies complètes // Ed. P. Michel. Paris: Librairie Générale Française, 1972. 338 p.
- Wood, Charles T.* Joan of Arc and Richard III. Sex, saints and government in the Middle Ages. Oxford: Oxford University press, 1988. 269 p.

References:

- Buassonad, Prosper.* Ot nashestviya varvarov do epokhi Vozrozhdeniya. Zhizn' I trud v srednevekovoy Yevrope. Moskva: Tsentrpoligraf, 2010. 392 c.
- Gal'frid Monmutskiy.* Istoriya brittov. Zhizn' Merlin. Moskva: Nauka, 1984. 286 c.
- Kalmykova, Elena Vladimirovna.* Obrazy voyny v istoricheskikh predstavleniyakh anglichan pozdnego Srednevekov'ya Средневековья. Moskva: Kvadriga, 2010. 660 c.
- Malinin, Yuriy Pavlovich.* Obshchestvenno-politicheskaya mysl' pozdnesrednevekovoy Frantsii XIV–XV veka. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPBGU, 2000. 236 c.
- Atten, Alain.* Les “Lorrains” dans l'ost de Charles VII // Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc. № 11. 1987. P.19–31.
- Basin, Thomas.* Histoire de Charles VII. Ed. Ch. Samaran. T. I. Paris: Les Belles Lettres, 1933. 309 p.
- Bouzy, Olivier.* Jeanne d'Arc. Mythes et réalités. Orléans: L'atelier de l'archer, 1999. 185 p.
- Bretel, Paul.* Les hermites et les moines dans la littérature française du Moyen Age (1150–1250). Paris: H. Champion, 1995. 810 p.
- Chapellier, Jean-Charles.* Etude sur la véritable nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal: Impr. de G. Crépin-Leblond, 1870. 15 p.
- Chartier, Alain.* Le livre de l'espérance. Ed. par F. Ruy. Brest: P.A.M., 1967. 69 p.

- Chaunu, Pierre.* La France: Histoire de la sensibilité des Français à la France. Paris: Robert Laffont, 1982. 384 p.
- Contamine, Philippe.* De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. Figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen: Paradigme, 1994. 228 p.
- Cordier, Jacques.* Jeanne d'Arc. Sa personnalité, son rôle. Paris : Editions de la Table ronde, 1948. 428 p.
- Delisle, Léopold.* Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc, in Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. T.46. 1885. P. 649–668.
- France, Anatole.* Vie de Jeanne d'Arc, in Oeuvres complètes. T. 15. Paris: Calmann-Lévy, 1929. 600 p.
- Guénée, Bernard.* L'Occident aux XIVE et XVE siècles. Les Etats. 5-e ed. Paris: Presses Universitaire de France, 1993. 338 p.
- Georges, Etienne.* Jeanne d'Arc est-elle champenoise ou lorraine? Troyes: Dufour-Bouquot, 1882. 32 p.
- Henry, Jean-François.* Jeanne d'Arc et son pays natal. Lorraine? Champagne? Barrois? Nancy: Librairie Lorraine, 1976. 83 p.
- Jeanne d'Arc, d'après l'Eloge de Philippe le Bon composé par le cardinal Jean Jouffroy, in Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 64–70.
- Journal d'un bourgeois de Paris. Ed. C. Beaune. Paris: Librairie Générale Française, 1990. 544 p.
- Krynen, Jacques.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France. XIIIe – XVe siècles. Paris: Gallimard, 1993. 556 p.
- Lanery d'Arc, Pierre.* Le culte de Jeanne d'Arc au XVe siècle. Orléans: s.n., 1887. 9 p.
- Lang, Andrew.* La Pucelle de France. Paris: Nelson, 1911. 464 p.
- Le Goff, Jacques.* L'imaginaire médiéval. Essais. 2-e ed. Paris: Gallimard, 1991. 353 p.
- Lepage, Henri.* Jeanne d'Arc est-elle lorraine? Nancy: Grimblot et veuve Raybois, 1852. 56 p.
- Le livre des trahisons de France envers la maison de Bourgogne, in Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne. T. 2 / Ed. par Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1873. 868 p.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel.* Montailhou, village occitan de 1294 à 1324. 2-e ed. Paris: Gallimard, 1982. 640 p.
- Lettre de Jacques de Bourbon, comte de la Marche à Guillaume de Champeaux, évêque de Laon, in Bulletin philologique et historique de la Société des travaux historiques et scientifiques. 1892. P. 58–64.
- Loppin, Paul.* Jeanne d'Arc, “la bonne Champenoise”. Paris: Paul Loppin, 1974. 52 p.
- Luce, Siméon.* Jeanne d'Arc à Domrémy. Paris: Champion, 1886. 727 p.
- Michelet, Jules.* Oeuvres complètes. T. VI. Paris: Flammarion, 1978. 904 p.
- Morosini, Antonio.* Chronique, Extraits relatifs à l'histoire de France. Ed. G. Lefèvre-Pontalis et L. Dorez. T. III. Paris: Société d'histoire de France, 1901. 392 p.
- Mystère du siège d'Orléans. Ed. G. Gros. Paris: Librairie Générale Française, 2002. 1053 p.
- Pastré, Jean-Marc.* Jeanne, l'imaginaire collectif et les invariants de la carrière heroïque, in Images de Jeanne d'Arc. Actes du colloque de Rouen (25, 26, 27 mai 1999) / Ed. Jean Maurice, Daniel Couty. Paris, PUF, 2000. P. 109–116.
- Paul, Jacques.* Emergence du sentiment national autour de Jeanne d'Arc, in Conciliarismo, stati nazionali, inizi dell'umanesimo. Atte del XXV Convegno storico internazionale. Todi, 9–12 octobre 1988 Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1990. P. 119–148.

Procès de condamnation de Jeanne d'Arc // Ed. P. Tisset et Y. Lanhers. T. I. Paris: Société d'histoire de France, 1960. 446 p.

Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. Ed. P. Duparc. T. I. Paris: Société d'histoire de France, 1977. 526 p.

Quicherat, Jules. Procès de la condamnation et de la réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. T. V. Paris: Société d'histoire de France, 1849. 575 p.

Quicherat, Jules. Relation inédite sur Jeanne d'Arc, in *Revue historique*. T. IV. 1877. P. 327–344.

Quicherat, Jules. Supplément aux témoignages contemporains sur Jeanne d'Arc, in *Révue Historique*. T. XIX. 1882. P. 60–83.

Renard, Athanase. L'état civil de Jeanne d'Arc. Langres: Impr. De F. Dangien, 1879. 16 p.

Renard, Athanase. La patrie de Jeanne d'Arc. Langres: Impr. De F. Dangien, 1880. 15 p.

Riant, abbé. De la nationalité de Jeanne d'Arc. Epinal: s.n., 1870. 4 p.

Stevenson, Joseph. Letters and papers illustrative of the wars of the England in France during the reign of Henry the Sixth, king of England. Vol. I. *Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*. 1861. 634 p.

Villon, François. Poésies complètes. Ed. P. Michel. Paris: Librairie Générale Française, 1972. 338 p.

Wood, Charles T. Joan of Arc and Richard III. Sex, saints and government in the Middle Ages. Oxford: Oxford University press, 1988. 269 p.

ББК 63.3(0)4 (4Нид); УДК 94(492).03-04

М. Грин

ГУГЕНОТЫ И ИХ ВКЛАД В ВОСПИТАНИЕ НИДЕРЛАНДСКОГО ДВОРЯНСТВА¹

В данной статье я хочу представить обобщение информации о проведенных мной исследованиях о гугенотах в качестве воспитателей голландского дворянства. Эта тема была выбрана не случайно, ведь на протяжении всего периода со второй половины XVI в. до середины XVIII в. французские кальвинисты, также известные как гугеноты, зачастую были вынуждены бежать от религиозных преследований католических властей или эмигрировать из экономических соображений в Соединенные Провинции Нидерландов. Первый поток эмигрантов пришелся на 1572 год, после резни в Варфоломеевскую ночь. Исследования проведенные после 300-летней годовщины Нантского Эдикта (1685), вследствие которого гугеноты были обязаны перейти в католицизм под страхом смерти, показали, что от 50 до 120 тысяч гугенотов бежали из Франции в близлежащие протестантские страны. Пик эмиграции пришелся на 1686 и 1687 гг.² Основным пристанищем для гугенотов стали Нидерланды, откуда некоторая часть беженцев отправилась в Священную Римскую империю,

¹ Эта статья основана на моих публикациях на английском языке, ее цель — обобщение проведенных мной исследований в области истории воспитания голландского дворянства. M. Green, *The Huguenot Jean Rou (1638–1711): Scholar, Educator, Civil Servant* (in print, Paris: Honoré Champion, series: La vie des Huguenots); M. Green, “Huguenot Educators for European Nobility 1630–1715”, in: *The Huguenot Society Journal*, vol. 30, 1 (2013): 73–92; M. Green, “Educating Johan Willem Friso of Nassau-Dietz (1687–1711): Huguenot Tutorship at the Court of the Frisian Stadtholders”, in: *Virtus — Yearbook of The History of the Nobility*, vol. 19 (2012): 103–124.

² M. Yardeni, *Le refuge protestant*, Paris 1985; D. van der Linden, linden, d. van der, *Experiencing Exile: Huguenot Refugees in the Dutch Republic, 1680–1700*, doctoral dissertation (unpublished), Utrecht University, 2013; M. Magdelaine, R. von Thadden, *Le Refuge Huguenot*, Paris, 1985; R. Gwynn, “The Huguenots in Britain, the ‘Protestant International’ and the Defeat of Louis XIV”, in: R. Vigne (ed.), *From Strangers to Citizens: The Integration of Immigrant Communities in Britain, Ireland, and Colonial America, 1550–1750*, London (2001): 412–424.

Ирландию, Англию, и даже за океан — в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию.

Важно отметить, что эмиграция гугенотов была не одноразовым явлением, а длительным процессом, в результате которого образовались гугенотские общины за пределами Франции³. Такие общины обычно формировались вокруг церкви или «храма», как называли свой молельный дом сами гугеноты. В Нидерландах эмигранты первой волны назывались валлоны, так как в их числе были и жители нынешней Бельгии, а их церкви — Валлонскими. В Англии право на создание «иностранных» реформированных церквей было дано королем Эдуардом VI в 1550 г. В Лондоне таких церквей было несколько и каждая имела своих прихожан⁴.

Кем была основная масса эмигрантов-гугенотов? Несмотря на то что в большинстве своем гугеноты были грамотны, лишь немногие были в достаточной мере образованы. Среди них были ремесленники, врачи, адвокаты, пастыри, часто бывшие выпускниками академий⁵. Во Франции, в течение двух десятилетий после обнародования Нантского эдикта в 1598 г. было открыто множество реформистских академий, таких как Пуилорон, Сомюр, Седан, Монтабан, Намюр, где воспиталось не одно поколение известнейших ученых-гугенотов, таких как философ Пьер Бэль, историк Пол Рапан-Туайра, богослов Пьер Журье⁶. В первую очередь, именно студенты и выпускники таких учебных заведений представляли собой интерес для родителей, искавших гувернеров или преподавателей различных отдельных предметов для своих детей.

За последние несколько лет вышли в свет два сборника, целью которых являлось ознакомление научного мира с проблематикой франкоязычных воспитателей и школ с XVI по XIX в. Первый из них, выпущенный под редакцией Вивиан Розен-Прест и Жеральдин Шеридан, *Les éducateurs Huguenots dans l'espace européen à l'époque moderne*, представляет собой попытку показать, кем являлись гугеноты-воспитатели и кто были их

³ Для информации о гугенотах в разных странах, см. Yardeni, *Le refuge Huguenot*. Подробное исследование гугенотов в Британии: R. Gwynn, *Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain*, 2nd revised edition, London, New York, 2001; R. Gwynn, *The Huguenots of London*, Brighton, Portland, 1998.

⁴ H. Dunthorne, *Britain and the Dutch Revolt 1560–1700*, Cambridge (2013): 136. См. также: A. Pettegree, *Foreign Protestant communities in sixteenth-century London*, Oxford, 1986; G. B. Beeman, *Notes on the sites and history of the French Churches in London*, London, 1905.

⁵ W. Frijhoff, "Uncertain Brotherhood", in: B. van Ruymbeke, R. J. Sparks, ed., *Memory and Identity: The Huguenots in France and the Atlantic Diaspora*, Columbia (2003): 128–170, here 142.

⁶ Академия подразумевает собой высшее учебное заведение наподобии университета. K. Maag, "The Huguenot academies: Preparing for an Uncertain Future", in: *Society and Culture of the Huguenot World 1559–1685*, R.A. Mentzer, A. Spicer (eds.), Cambridge (2002): 139–156; M. Yardeni, *Le refuge Protestant: Assimilation et culture*, Paris (2002): 66–71.

ученики. В то же время часть статей в нем посвящена и школьному образованию⁷. Территориально исследования касались в основном Священной Римской империи, Ирландии и частично Англии. Вторая книга была выпущена под редакцией Владислава Ржеутского и Александра Чудинова (также и во французском переводе), *Франкоязычные гувернеры в Европе, XVII–XIX вв.*⁸ Несмотря на название, большая часть статей касалась истории франкоязычных гувернеров в России, меньшая часть опять же была посвящена Англии и немецким княжествам. Эти книги внесли значительный вклад в понимание важности данной темы, но, к сожалению, в них не была затронута тема гугенотов в Нидерландах, где таких гувернеров было достаточно много. Кроме того, статьи, написанные разными авторами, представляют довольно разрозненную картину, затрудняющую возможность общих выводов. Поэтому мне хотелось бы восполнить этот пробел и ознакомить читателя с гугенотами-гувернерами в Нидерландах, их работодателями-дворянами и отношениями между ними.

Множество гугенотов было задействовано в воспитании принцев Оранских и графов Нассау, штатгальтеров различных провинций Нидерландов, с 30-х гг. XVII по первую треть XVIII в. В связи с этим сейчас мы рассмотрим, что представляла собой должность штатгальтера. В своем монументальном труде по истории Нидерландов Джонатан Израэль пишет, что должность штатгальтера существовала еще со времен испанского правления, когда она являлась чем-то схожим с должностью королевского наместника в каждой из нидерландских провинций. Они играли роль военных начальников, так как их основной целью была защита территории. После изгнания испанцев в конце XVI в., в войне против которых штатгальтер Голландии, Вильгельм I Оранский, принимал самое активное участие, все должности штатгальтеров занимали представители династии Оранских (в Голландии как крупнейшей провинции с центром в Гааге) и их младшей ветви — графов Нассау (во Фрисландии, с центром в Леувардене). Кроме командования военными силами, они также выступали в роли защитников (реформированной) веры. Штатгальтер Фрисландии, в силу занимаемой должности по военной линии, был в подчинении у штатгальтера Голландии⁹. Как пишет Дж. Л. Прайс, штатгальтер имел

⁷ G. Sheridan, V. Prest (eds.), *Les Huguenots éducateurs dans l'espace européen à l'époque moderne*, Paris, 2011.

⁸ А. В. Чудинов, В. С. Ржеутский (ред.), *Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв., Французский ежегодник 2011, Москва, 2011. Французский вариант: V. Rjéoutski, A. Tchoudinov, (eds), Le précepteur francophone en Europe, XVIIe–XIXe siècles*, Paris, 2013.

⁹ J. Israel, *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall 1477–1806*, Oxford (1995): 300–306, 486–487, 489–490, 537–539; H. H. Rowen, *The Princes of Orange: The Stadholders in the Dutch Republic*, Cambridge, New York etc., 1988.

большое значение как лидер, сплачивающий нидерландское общество¹⁰. Вильгельм III, Принц Оранский, завещал свой титул Иоганну Вильгельму Фризо (1687–1711), графу Нассау, который и объединил Оранские и Нассауские ветви династии. Несмотря на различие в статусе старшей и младшей ветвей династии, основные критерии воспитания потомства, как мы увидим далее, было одинаковым в обеих¹¹.

В XVII в. французский двор являлся образцом придворной жизни для европейских аристократов, и поэтому каждая уважающая себя семья высших сословий общества считала необходимым, чтобы ее отпрыски владели искусством поведения при дворе и умели свободно изъясняться по-французски. Французский язык приобрел особое значение в нидерландском обществе одновременно с образованием Фредериком Генрихом двора принцев Оранских во втором десятилетии XVII в.¹² Он ввел моду на все французское при своем дворе. Теперь Принц Оранский не был лишь военным, он стал центром двора, дворянином, вокруг которого должны были вращаться придворные, умеющие себя вести соответственно¹³. Виллем Фрайхофф отмечает, что уже в 1608 г. была опубликована анонимная поэма, в которой упоминалось о том, что каждая нидерландская дочь мечтала о галантном “Monsieur”, а ее автор жаловался на необходимость знать чуждые ему манеры и язык¹⁴. Он же пишет о том, что придворные манеры, наряду с распространением французского языка в *Respublica litteraria* (неофициальное международное сообщество ученых того времени) и послужили основной причиной для его популяризации в высшем обществе¹⁵. К этому следует еще добавить роль французского языка в торговле. Эта тенденция усилилась еще больше к середине правления Людовика XIV, когда французский двор стал главнейшим центром свет-

¹⁰ J. L. Price, *The Dutch Republic in the Seventeenth Century*, Houndmills and London (1998): 21.

¹¹ S. Groenveld, ‘Gemengde gevoelens. De relaties tussen Nassaus en Oranjes als stadhouders en kapiteins-generaal’, in: S. Groenveld, J. J. Huizinga and Y. B. Kuiper (ред.), *Nassau uit de schaduw van Oranje*, Franeker (2003): 23-45.

¹² Общую информацию про династию Оранских-Нассау, см.: N. Japikse, *De Geschiedenis van het Huis van Oranje — Nassau*, 2 volumes, Den Haag, 1938.

¹³ K. J. Riemens, *Esquisse historique de l’enseignement du Français en Hollande du XVIe au XIX siècle*, Leiden (1919): 80.

¹⁴ W. Frijhoff, “Verfransing? Franse taal en Nederlandse cultuur tot in de revolutietijd”, в: *Bi-jdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*, 104 (1989): 592–609, здесь 595.

¹⁵ W. Frijhoff, “Des origines à 1780: l’émergence d’une image”, в: *Histoire de la diffusion et de l’enseignement du français dans le monde*, n. s. (1998): 8–20; W. Frijhoff, “L’usage du français en Hollande, XVIIe–XIXe siècles: propositions pour un modèle d’interprétations”, in: *Etudes de linguistique appliquée*, n.s., 78, 17–26.

ской жизни Европы и притягивал к себе не только дворян, но и ученых, художников, писателей. Необходимо отметить, основываясь на работах Норберта Элиаса, что французский король поддерживал свой статус при помощи финансовых поощрений и определенного места в дворцовой иерархии — близость к королевской персоне говорила о положении человека в высшем свете¹⁶. Конечно, эта система не была приемлема в Нидерландах, бывших в то время республикой, но и там, двор, как в Гааге, так и в Леувардене, являлся культурным центром¹⁷.

Гугенотские идеи о воспитании

Итак, ознакомившись в некоторой степени с ситуацией в высшем обществе тех лет, мы обратим внимание на то, каким образом нидерландские дворяне использовали гугенотов в воспитательных нуждах. Пожалуй, самым важным вопросом является то, что представляла собой образовательная программа, которую предлагали гугеноты для детей высших сословий. К сожалению, именно на этот вопрос будет очень трудно дать конкретный ответ из-за почти полного отсутствия источников. Тем не менее имеется как минимум, один источник, который подробно рассказывает о том, как бы выглядела воспитательная программа для дворянина.

Этот источник, который называется «Проект по воспитанию молодого господина [или сеньора]», был написан гугенотом Жаном Ру (1638–1711) около 1690–1691 гг. как руководство к действию для будущего гувернера графа Иоганна Вильгельма Фризо¹⁸. Ру был родом из буржуазии, его родители — Жак Ру, прокурор при парижском парламенте, и Изабель Тутан — была из семьи художников. После убийства отца и смерти матери, в 14 лет он остался круглым сиротой на попечении дяди, который и отправил его в Самюрскую академию. В 1659 г. он получил степень магистра философии. Через полгода, сдав экзамены на звание адвоката, он некоторое время работал в парижском парламенте. Добровольно променяв стабильный доход на перо и бумагу, он написал несколько книг, в том числе и имевшую огромную популярность книгу под названием *Хронологические таблицы древней универсальной истории* (1672), которая была адресована Дофину и

¹⁶ N. Elias, *The Court Society*, второе издание, Oxford, 2006.

¹⁷ O. Mörke, “Sovereignty and Authority. The Role of the Court in the Netherlands in the First Half of the Seventeenth Century”, in: R. A. Asch, A. M. Birke (ед.), *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650*, Oxford, New York, Toronto (1991): 455–477, here 463.

¹⁸ К сожалению, личность предполагаемого гувернера установить не удалось. О том как удалось определить для какого дворянина этот текст предполагался, см.: Green, *The Huguenot Jean Rou*, chapter 4.

признана самим Людовиком XIV. Публикация продолжения *Таблиц*, в которых была представлена история от Рождества Христова до 1670-х гг., привела Ру к краху его карьеры во Франции — книга была запрещена, а сам Ру брошен в Бастилию¹⁹. Освободившись при помощи своего патрона, герцога Де Монтосье, он занялся преподаванием, вначале во Франции, а затем в Англии и Нидерландах, где в 1689 г. получил должность переводчика при Генеральных штатах. Ру умер в 1711 г. в Гааге. После себя он оставил мемуары, которые являются важнейшим источником не только истории его жизни, но и содержат множество неопубликованных или утерянных работ, его собственных или его друзей, корреспонденцию и являются свидетельством поведения властей и отношений в научных кругах тех лет. Они также содержат биографическую информацию о многих современниках, ранее неизвестную широкому кругу. Эти мемуары были опубликованы в 1857 г. во Франции Сообществом истории французского протестантизма под редакцией Франсиса Ваддингтона²⁰.

«Цель [—] это познакомить ребенка с Создателем и привить ему навыки молитвы к Нему, [научить его] бояться Его и служить Ему. Это первый и основной принцип хорошего воспитания, после которого последует продвижение во всех остальных областях»²¹.

Этот тезис, представленный Ру в его работе, можно считать главным принципом его взгляда на образование. Он же является одним из принципов христианского гуманизма, одним из основоположников которого являлся Эразм Роттердамский²². Далее Ру следует в той или иной мере эразмианским принципам. По утрам ребенок должен читать главы из Библии, которые будут объяснены ему наставником. Молиться он должен утром и вечером, чтобы помнить о присутствии Бога в его жизни. Богобоязнь, о которой писал Ру, была очень важна для кальвинистов, чему можно найти подтверждение в Хайдельбергском катезисе и в *Confessio Belgica*, широко используемых в то время в Нидерландах,

¹⁹ J. Rou, *Tables de l'histoire universelle ancienne*, Paris, 1672; J. Rou, *Tables de l'histoire universelle moderne*, Paris, 1675.

²⁰ J. Rou, *Mémoires inédits et opuscules*, F. Waddington (ред.), 2 volumes, Paris, 1857.

²¹ Rou, vol. 1, 196. Перевод автора.

²² Desiderius Erasmus, *De pueris statim ac liberaliter instituendis, libellus et novus et elegans*, Paris, 1536. При рассмотрении педагогических работ Эразма Роттердамского стоит обратить внимание на книгу Н. В. Ревякиной и О. Ф. Кудрявцева, *Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности*, М., 1999. В этой книге несколько переводов трудов Эразма, а также сопроводительная статья Н. В. Ревякиной, с. 243–246. См. также: W. H. Woodward, *Desiderius Erasmus Concerning the Aim and Method of Education*, Cambridge, 1904.

и в дневниках фрисландского штатгальтера, деда Фризо, Вильгельма-Фредерика²³.

После обеда ребенок может приступить к изучению различных «светских» предметов — таких как история, политика, литература, география и геральдика. Для Ру, как и для Эразма, было важно использовать изучаемый материал для уроков морали и нравственности, а также стараться связывать различные уроки между собой. Например, уроки истории могли помочь при изучении географии и геральдики; Библии — для морали, добродетели и опять же географии; литературы — для воспитания личных качеств и т. д.

В то же время несмотря на то, что идеи Ру были основаны на принципах христианского гуманизма, можно с уверенностью сказать, что он также шел в ногу со временем. Он считал, что ребенку необходимо «познать мир», а это шло вразрез с идеями Эразма, и было близко английскому философу Джону Локу²⁴. Так же как и Лок, Ру приветствовал акцентирование внимания на предметах, которые пригодятся юному дворянину в будущем, а не только на получении знаний ради знаний в чистом виде. Латынь и греческие языки нужно изучать только по надобности, и ни в коем случае не злоупотреблять ими при беседе. В этом Ру отличается от Лока, который считал греческий язык совершенно лишним для дворянина, а латынь, по его мнению, была нужна лишь интересующимся науками. В то же время широко читаемая книга Бальтазара (Бальдассаре) Кастильоне «О придворном» гласила, что «он [придворный] должен иметь познание не только в латинском, но и в греческом языке, ибо на нем прекрасно написано о многообразных вещах»²⁵. Занятия нужно делать интересными для ребенка, как бы вспоминая Эразма, сказавшего что «будет полезен как бы привлекательный способ обучения, чтобы казался игрой, а не трудом»²⁶. Ру предлагал использовать специальные игральные карты для обучения во время отдыха.

²³ См. например: *Catechisme de Heidelberg avec une courte explication par demandes et par reponses, adjouee a chaque article pour lever les principales difficultez, et pour etendre d'avantage les matieres les plus importantes*, 3e ed, Delft (1708): 280; Willem Frederik, *Gloria parendi. Dagboeken van Willem Frederik, Stadhouder van Friesland, Groningen en Drenthe, 1643–1649, 1651–1654*, J. Visser, G. N. van der Plaats (Ed.), Den Haag (1995): 43, 112.

²⁴ J. W. Yolton, *John Locke and Education*, New York, 1971; P. Gay, *John Locke on Education*, New York, 1971; S. J. Savonius-Wroth, “The Educational Revolution of John Locke and his Huguenot allies”, в: *Les Huguenots éducateurs*, Sheridan, Prest (Ed.), 155–186.

²⁵ Б. Кастильоне, «О придворном», О. Ф. Кудрявцев (пер.), в: *Образ человека в зеркале гуманизма*, 226–242, здесь 238.

²⁶ Эразм Роттердамский, «О воспитании детей», Н. В. Ревякина (пер.), в: *Образ человека в зеркале гуманизма*, 246–302, здесь 274.

Главное отличие Ру от современников и предыдущих поколений педагогов состоит в том, как он видел отношения между наставником и ребенком. Если Эразм, например, был против телесных наказаний, и хотел видеть гувернера почти отцом, то Ру желал, чтобы отношения были братские или дружественные. Аналогов такому пониманию роли наставника я не увидел ни в одном трактате тех лет. Тем не менее гуманистическая мысль четко прослеживается в идеях Ру, который понимал, что хорошие взаимоотношения между воспитателем и воспитанником важны для учебного процесса, что видно и из слов Эразма:

«Для юного возраста надо пригласить такого учителя, который привлекает лаской, а не такого, кто устрашает жестокостью [...] Ничего ведь нет бесполезнее такого положения, когда характер наставника вызывает у детей ненависть к занятиям [...] Первая ступень ученья — любовь к наставнику. С течением времени случится, что мальчик, который начинал любить науки из-за учителя, любит затем учителя из-за наук»²⁷.

Воспитание нидерландских дворян

Итак, рассмотрев трактат о воспитании, написанный гугенотом, мы можем обратить наше внимание на несколько примеров, подчеркивающих, насколько мнение Ру соответствовало требованиям родителей и самих воспитателей. В первую очередь стоит отметить, что самым известным среди гугенотов-воспитателей в Нидерландах был Андрэ Риве, работавший гувернером Вильгельма II Оранского²⁸. Будучи профессором богословия при Лейденском университете, он был приглашен на эту должность штатгальтером Фредериком Генрихом и его женой Амалией ван Солмс, которые и ввели моду на французский язык и манеры при дворе, ими же и основанном²⁹. Самуэль Шапюзо, который был знаменитым ученым, работал учителем у Вильгельма III Оранского. Другие известные примеры гугенотов воспитателей — это Жан де Морель, гувернер Генриха Казимира II, графа Нассау, Исаак Ламиг, пастырь Иоганна Вильгельма Фризо и учитель французского языка и латыни его сына Вильгельма IV, и наконец, Жан Лемонон, гувернер Фризо.

Основные сведения об обязанностях гувернера можно почерпнуть из указаний родителей, перечисленных в назначениях на должность. В 1632 г. Фредерик Генрих писал в назначении Риве, что в его обязанности входило научить его сына, Вильгельма II, богобоязни, хорошим манерам

²⁷ *Ibid.*, 247, 274.

²⁸ A.G. Opstal, *Andre Rivet: Een invloedrijk hugenoot aan het hof van Frederik Hendrik*, Hardewijk, 1937.

²⁹ Rowen, *The Princes of Orange*, 60.

и скромности, полагающимся ему по рождению. «[...]Он создаст метод упражнений [...] которыми он [Вильгельм] будет заниматься, и дисциплину, которая потребует для достижения этого результата, а также будет направлять и сопровождать его[...]»³⁰. Как видно из текста, идеи штатгальтера совпадают с принципами христианского гуманизма, которые были отображены позже и у Ру. Еще будучи ребенком, Вильгельм написал свой девиз, явно под бдительным оком своего гувернера: «Никто без Бога» (*Rien sans Dieu*), что является свидетельством того, что его воспитание не прошло даром³¹.

Те же идеи можно увидеть в предписаниях, указанных в назначении Фредерика Нассау, графа ван Заулстайн, дяди и гувернера Вильгельма III, назначенного на эту должность в 1659 г. бабушкой, Амалией ван Солмс, и матерью, Марией Стюарт³². Ван Заулстайн должен был воспитать принца в духе Реформированной церкви, добродетели и хороших манер, обучить его латыни и различным наукам, и сопровождать его повсюду. Гугенот Самуэль Шапуисо обучал его французскому языку, а художник гугенот Авраам Рагуине (1623 – ок. 1681 гг.) учил письму, чтению, математике и рисованию³³.

Менее подробные указания мы видим у Жана де Мореля, гувернера Генриха Казимира II (1672 г.), графа Нассау. Отец Генриха Казимира, Вильгельм Фредерик (1613–1664 гг.), умер восьмью годами раньше, оставив сына на попечении матери, Альбертины Агнессы, которая и подписала этот документ. В нем не были указаны конкретные предметы, а лишь было оговорено, что гувернер будет заниматься воспитанием³⁴. К сожалению, родительские предписания для Жана Лемонона, назначенного гувернером к Иоганну Вильгельму Фризо, не сохранились, однако из биографии принца, написанной его пастырем, Исааком Ламигом, видно, что в его обязанности входило и религиозное воспитание³⁵. Сам Лемонон до своего назначения преподавал французский язык в университете Франкера.

³⁰ RHA, MS. A15-V-1, 12 February 1632, “Commission from Frederik Hendrik to André Rivet”.

³¹ RHA, A15-XII-3-9. 1637.

³² RHA, MS. B12-27, 27 сентября 1659 г., “Commision pour le Sr. De Suylesteyn comme gouverneur de son Altesse”.

³³ H. Dunthorne, “William in Contemporary Portraits and Prints”, in: *Redefining William III: The Impact of the King-stadholder in International Context*, E. Mijers, D. Onnekink (ред.), Aldershot, Burlington (2007): 263–276, здесь: 267; A. Staring, “Abraham Raguineau als onderwijzer en portretist van Willem III”, в: *Oud Holland*, vol. 65, 1 (1950): 203–4; C. Hofstede de Groot, “Abraham Raguineau: Portrettschilder en schrijffmeester van Willem III”, *Oud Holland*, vol. 17, (1899): 6–9.

³⁴ RHA, MS. A26-223, ‘Ayant jugé...’, Albertine Agnes to Jean de Morel, 5 марта 1672.

³⁵ Lamigue, *Histoire du Prince d’Orange*, I, 7.

До назначения гувернером Фризо Лемонон успел прослужить в этой же должности у польского шляхтича Маровинского³⁶.

Религиозное воспитание, как мы видим, занимало особое место, именно поэтому защита Реформированной веры была частью обязанностей штатгальтеров, как в Голландии, так и во Фрисландии³⁷. В семьях других дворян, в том числе и английских, привитие религиозных нравов было не менее важно. Так, например, во время Гранд-Тура (образовательного путешествия) молодого Филиппа Персевала по Франции его гувернер Александр де Расигад, конечно же, гугенот, писал, что посетил со своим учеником заседания Синода в Сомюре, прослушал с ним проповеди и присутствовал при дебатах Реформированных богословов, таких как Этиен де Брэй³⁸.

Интересно отметить, что время, уделяемое занятиям религией, было чрезмерным, и тогда родители требовали от преподавателей уменьшить их долю в воспитательном процессе или уделять им меньше внимания. Сам Ру столкнулся с этой ситуацией как минимум дважды. В 1679 г., будучи гувернером Генриха Фицроя, внебрачного сына Карла II и Барбары Палмер, он посетил со своим учеником собрание пастырей в Шаретоне, где им был оказан особый прием. Реакция матери на это была сурова — она потребовала уволить Ру за то, что прием не соответствовал рангу ее сына, проигнорировав при этом воспитательную цель, им преследуемую³⁹. Второй случай произошел с ним в Гааге, где он был гувернером двух сыновей Корнелия ван Аэрссена ван Соммельсдайка (1637–1688) и Маргариты дю Пуи де Сент-Монтбран, дочери Андре де Сент-Монтбран, одного из лидеров гугенотского движения во Франции. Сам ван Аэрссен был приближенным Вильгельма III, и впоследствии стал губернатором Суринама, где и был убит в 1688 г.⁴⁰ Поначалу Ру активно посещал вместе с мадам ван Соммельсдайк гаагские проповеди местных и заезжих пастырей. Однако позже, вследствие того, что он раскритиковал некоторых из них, бывших любимцами своей хозяйки, ему были предъявлены претензии по поводу бесполезной траты времени и уделению чрезмерного внимания религии в ущерб другим предметам. Пьер Журье, близкий знакомый

³⁶ “Lemonon, Johannes”, в: *Friesland's Hoogeschool en het Rijks Athenaeum te Franeker*, W.B.S. Boeles (ed.), vol. 2, Leeuwarden (1879): 329–330.

³⁷ Israel, *The Dutch Republic*, 305.

³⁸ Письмо Александра де Расигада Роберту Соузвеллу, Saumur 13/3 ноября 1677 г. British Library, Add MS 46954 B, f. 201–202.

³⁹ Rou, *Mémoires*, vol. 1, 149.

⁴⁰ F. Oudschans Dentz, *Cornelis van Aerssen van Sommelsdijck, een belangwekkende figuur uit de geschiedenis van Suriname*, Amsterdam, 1938.

самого Ру, помогший ему получить эту должность, попытался разрешить этот конфликт, но, несмотря на свидетельство одного из сыновей, он не смог убедить мадам ван Соммельсдайк, что Ру действовал в рамках выделенных ему полномочий. Ру был уволен, прослужив в этой семье около года.

Возвращаясь к нидерландским дворянам, стоит отметить, что лишь немногие из гугенотов-воспитателей имели четкое представление о том, как функционировал французский королевский двор на деле. Андре Риве был одним из тех, у кого эти знания были почерпнуты не из книг, а из своего собственного опыта. Он много лет прослужил пастырем гугенота Клода де ла Тремуай, герцога де Туар (1566–1604), и его жены вплоть до 1620-го, когда он был приглашен в Лейденский университет. Таким образом, Риве имел доступ ко двору и, соответственно, владел придворными манерами⁴¹. Жан Ру тоже имел доступ ко двору до того, как попал в опалу после публикации второй части его *Таблиц*. Несмотря на то что свидетельств о том, что другие упомянутые здесь гувернеры были при дворе — нет, многие уже были гувернерами различных дворян. Из этого следует, что иностранные семьи хотя и придавали большое значение придворным манерам, скорее всего, считали, что они были частью французской культуры, которая и так была знакома каждому французю. Здесь стоит отметить, что Жан де Морель был сильно раскритикован дядей Генриха Казимира II, Иоганном Морицем, за свою чрезмерную «французскость», которая шла, по его мнению, вразрез с принципами воспитания нидерландского дворянина⁴².

Как мы уже видели выше, помимо французского языка, религии и манер, молодые дворяне, воспитываемые гугенотами, учили так же и стандартный набор либеральных наук. Так, например, Вильгельм II пишет, что читает *Галльскую войну* Цезаря, т. е. историческую книгу на латыни, таким образом, совмещая эти два предмета в соответствии с эразмианскими принципами⁴³. Ру читал со своими учениками Ифигению и басни (скорее всего, Эзопа или Лафонтена, так как оба автора были очень популярны в то время)⁴⁴. Де Расигад, во время путешествия с Филиппом Персевалем

⁴¹ “Rivet”, в: Eug. Haag, & Em. Haag, *La France protestante ou vies des Protestants Français qui se sont fait un nom dans l'histoire depuis les premiers temps de la Reformation jusqu'à la reconnaissance de principe de la liberté des cultes par l'Assemblée Nationale*, 10 volumes, Paris, 1846–1859, here, vol. 8, 444.

⁴² J. W. van Sypesteyn, Sypesteyn, *Geschiedkundige bijdragen, bijlagen*, IX, The Hague, 1865. Letter from Johan Maurits to Albertine Agnes, 15 Sep. 1673.

⁴³ RHA, MS A-14-XI-A-16 Willem II to Frederik Hendrik, no place, no day, August, 1639, ‘Ick ben bedroeft...’.

⁴⁴ Rou, *Mémoires*, vol. 1, 198, note 1.

по Европе, нанял своему ученику учителя-римлянина, знающего и имеющего связи с Римским двором, для того чтобы в будущем представить там Персеваль⁴⁵.

Заключение

Подводя итоги темы гугенотов-воспитателей, можно четко проследить влияние христианского гуманизма, как в их идеях, так и в практической стороне образовательного процесса. Популярность гугенотов среди дворян-протестантов объясняется их массовым присутствием в Реформированных странах, вследствие религиозных преследований со стороны французских католиков, а также популярностью французского языка и культуры и французских придворных манер среди высшего общества. Как показывает пример нидерландских дворян, наличие хотя бы одного гугенота в качестве преподавателя для юного аристократа было фактом, само собой разумеющимся.

То, что гугеноты участвовали на протяжении длительного времени в воспитании элиты иностранных государств, говорит об их вкладе в пропаганду французской культуры за границей. Можно сказать, что они были связующим звеном между своими ценностями и ценностями общества, в котором они вынуждены были работать. Придворные манеры были в моде до Французской революции (1789 г.), а статус французского языка, как международного, сохранялся вплоть до конца XIX в.

Данные о статье:

Автор: Грин Михаил. Институт Европейской Истории им. Лейбница, Майнц, Германия и Кордовский университет, Испания, mi.gree@yahoo.com

Заголовок: Гугеноты и их вклад в воспитание нидерландского дворянства.

Резюме: Данная статья рассматривает вклад французских гугенотов в воспитание нидерландского дворянства. После анализа воспитательной программы гугенота Жана Ру, написанной специально для сына Фрисландского штатгальтера, на примере династии Оранских-Нассау, мы рассмотрим воспитательный процесс как со стороны родителей и детей, так и со стороны самих воспитателей. Особое внимание уделено выбору гувернера и его соответствию требованиям поставленным родителями. В статье использованы архивные документы из Британской Библиотеки и Королевских архивов в Гааге.

Ключевые слова: Нидерланды, дворянство, воспитание, гугеноты, династия Оранских-нассау, архивные документы.

Information about the article

Author: Green Michael. IEG-Leibniz Institute for European History (Mainz, Germany); University of Cordoba, Department of Antiquity Sciences and Middle Ages at Faculty of Philosophy and Letters (Spain), , mi.gree@yahoo.com

⁴⁵ Письмо Александра де Расигада к Катерине Персеваль в Сомюре, Рим, 23/13 апреля 1678. British Library, Add MS 46955 A, f. 122–123.

Title: Huguenots and their impact on the education of the Dutch nobility.

Summary: This article deals with the impact of the French Huguenots on the upbringing and education of the Dutch nobility. After having analysed the educational programme of the Huguenot Jean Rou, written especially for the son of the Frisian Stadtholder, based on the example of the Orange-Nassau family, we will assess the educational process both from the side of the parents and their children, and from the side of the tutors themselves. Particular attention is given to the choice of a tutor and his suitability to the demands of the parents. The article contains archival documents from the British Library and the Royal House in The Hague.

Key words: Netherlands, nobility, education, the Huguenots, Orange-Nassau family, archival documents.

Литература, использованная в статье:

Ревякина, Нина Викторовна Кудрявцев, Олег Федорович. Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности. М.: УРАО, 1999. 400 с.

Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. *Французский ежегодник 2011* / Чудинов, Александр Викторович, Ржеуцкий, Владислав Станиславович (ред.). Москва: ИВИ РАН, 2011. 471 с.

Catechisme de Heidelberg avec une courte explication par demandes et par reponses, adjoutee a chaque article pour lever les principales difficultez, et pour etendre d'avantage les matieres les plus importantes. Delft³: [n.n.], 1708. 419 p.

Beeman, Beaumont G. Notes on the Sites and History of the French Churches in London // Proceedings of the Huguenot Society of London. 1909. Vol. 8. P. 13–59.

Friesland Hoogeschool en het Rijks Athenaeum te Franeker. / Ed. by Willem Boele Sophius Boeles. 2 Vols. Leeuwarden: Friesch Genootschap van Geschied-, Oudheid- en Taalkunde bij Kuipers, 1878–1889. 1210 p.

Dunthorne, Hugh. Britain and the Dutch Revolt 1560–1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 264 p.

Dunthorne, Hugh. William in Contemporary Portraits and Prints // Redefining William III: The Impact of the King-stadholder in International Context / Ed. by Mijers, Esther, Onnekink, David. Aldershot, Burlington: Ashgate, 2007. P. 263–276.

Elias, Norbert. The Court Society. Dublin: University College Dublin, 2006. 331 p.

Erasmus Desiderius. De pueris statim ac liberaliter instituendis, libellus et novus et elegans. Paris: Ex officina Christiani Wecheli, 1536. 95 p.

Frijhoff, Willem. Uncertain Brotherhood // Memory and Identity: The Huguenots in France and the Atlantic Diaspora / Ed. by Ruymbeke, Bertrand van, Sparks, Randy J. Columbia: University of South Carolina Press, 2003. P. 128–170.

Frijhoff, Willem. Des origines à 1780: l'émergence d'une image // Histoire de la diffusion et de l'enseignement du français dans le monde, Paris: Hachette, 1998. P. 8–20.

Frijhoff, Willem. L'usage du français en Hollande, XVIIe–XIXe siècles: propositions pour un modèle d'interprétations. // Etudes de linguistique appliquée. 1990. Vol. 78. P. 17–26.

Frijhoff, Willem. Verfransing? Franse taal en Nederlandse cultuur tot in de revolutietijd // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 1989. Vol. 104. P. 592–609.

Gay, Peter. John Locke on Education, New York: Teachers College Press, 1964. 176 p.

Green, Michael. The Huguenot Jean Rou (1638–1711): Scholar, Educator, Civil Servant. Paris: Honoré Champion, 2015. 479 p.

Green, Michael. Huguenot Educators for European Nobility 1630–1715 // *The Huguenot Society Journal*. 2013. Vol. 30/1. P. 73–92.

Green, Michael. Educating Johan Willem Friso of Nassau-Dietz (1687–1711): Huguenot Tutorship at the Court of the Frisian Stadtholders // *Virtus – Yearbook of The History of the Nobility*. 2012. Vol. 19. P. 103–124.

Groenveld, Simon. Gemengde gevoelens. De relaties tussen Nassaus en Oranjes als stadhouders en kapiteins-generaal // *Nassau uit de schaduw van Oranje* / Ed. by Groenveld, Simon. Franeker: Van Wijnen, 2003. P. 23–45.

Gwynn, Robin. The Huguenots in Britain, the ‘Protestant International’ and the Defeat of Louis XIV // *From Strangers to Citizens: The Integration of Immigrant Communities in Britain, Ireland, and Colonial America, 1550–1750* / Ed. by Vigne, Randolph. London: Huguenot Society of Great Britain and Ireland, 2001. P. 412–424.

Gwynn, Robin. Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain. London, New York²: Sussex Academic Press, 2001. 220 p.

Gwynn, Robin. *The Huguenots of London*, Brighton, Portland: Alpha Press, 1998. 67 p.

Haag, Eugène, Haag, Émile. La France protestante ou vies des Protestants Français qui se sont fait un nom dans l’histoire depuis les premiers temps de la Reformation jusqu’à la reconnaissance de principe de la liberté des cultes par l’Assemblée Nationale. 10 Vols. Paris: Cherbuliez, 1846–1859.

Hofstede de Groot, Cornelis. Abraham Raguineau: Portrettschilder en schrijfmeester van Willem III // *Oud Holland*. 1899. Vol. 17. P. 6–9.

Israel, Jonathan. The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall 1477–1806. Oxford: Clarendon Press, 1995. 1280 p.

Japikse, Nicolaas. De Geschiedenis van het Huis van Oranje — Nassau. 2 Vols. The Hague: Zuid-Hollandse Uitgevers Maatschappij, 1938.

Lamgiue, Isaac. *Histoire du Prince d’Orange et de Nassau*. 2 Vols. Leeuwarden: F. Halma, 1715. 306 p.

Maag, Karin. The Huguenot academies: Preparing for an Uncertain Future. // *Society and Culture of the Huguenot World 1559–1685* / Ed. by Mentzer, Raymond A., Spicer, Andrew. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 139–156.

Magdelaine, Michelle, Von Thadden, Rudolf. Le refuge Huguenot. Paris: Armand Colin, 1985. 283 p.

Mörke, Olaf. Sovereignty and Authority. The Role of the Court in the Netherlands in the First Half of the Seventeenth Century // Ed. by Asch, Ronald A., Birke, Adolf M. Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650. Oxford, New York, Toronto: German Historical Institute London, 1991. P. 455–477.

Oudschans Dentz, Frederik. Cornelis van Aerssen van Sommelsdijck, een belangwekkende figuur uit de geschiedenis van Suriname. Amsterdam: P.N. van Kampen, 1938. 198 p.

Opstal, Alexander G. Andre Rivet: Een invloedrijk hugenoot aan het hof van Frederik Hendrik. Hardewijk: [n.n.], 1937. 175 p.

Pettegree, Andrew. Foreign Protestant Communities in Sixteenth-Century London. Oxford: Clarendon Press, 1986. 329 p.

Price, J. L. The Dutch Republic in the Seventeenth Century. Houndmills and London: Palgrave Macmillan, 1998. 312 p.

Riemens, Kornelis Jacobus. Esquisse historique de l’enseignement du français en Hollande du XVIe au XIX siècle. Leiden: Société d’Éditions A.W. Sijthoff, 1919. 295 p.

Rou, Jean. Mémoires inédits et opuscules / Ed. by Waddington, Francis. 2 vols. Paris: Agence centrale de la Société et aux librairies protestantes, 1857. 781 p.

Rou, Jean. Tables de l’histoire universelle ancienne. Paris, 1672.

Rou, Jean. Tables de l’histoire universelle moderne. Paris, 1672.

Rowen, Herbert Harvey. The Princes of Orange: The Stadholders in the Dutch Republic. Cambridge, New York etc.: Cambridge University Press, 1988. 253 p.

Les Huguenots éducateurs dans l’espace européen à l’époque moderne / Ed. by Sheridan, Geraldine, Prest, Viviane Paris: Honoré Champion, 2011. 466 p.

Staring, Adolph. Abraham Raguineau als onderwijzer en portretist van Willem III // *Oud Holland*. 1950. Vol. 65/1. P. 203–204.

Van der Linden, David. Experiencing Exile: Huguenot Refugees in the Dutch Republic, 1680–1700. doctoral dissertation (unpublished), Utrecht University, 2013. 270 p.

Van Sypesteyn, Jan Willem. Geschiedkundige bijdragen, bijlagen, IX. The Hague: Van Cleef, 1865. 284 p.

Gloria parenti. Dagboeken van Willem Frederik, Stadhouder van Friesland, Groningen en Drenthe, 1643–1649, 1651–1654 / Ed. by Visser, J., Van der Plaats, G.N. Den Haag: Nederlands Historisch Genootschap, 1995. 842 p.

Woodward, William Harrison. Desiderius Erasmus Concerning the Aim and Method of Education. Cambridge: The University press, 1904. 244 p.

Yardeni, Myriam. Le refuge protestant. Paris: PUF, 1985. 256 p.

Yardeni, Myriam. Le refuge huguenot: Assimilation et culture. Paris: Honoré Champion, 2002. 232 p.

Yolton, John W. John Locke and Education. New York: Random House, 1971. 103 p.

References:

Revyakina Nina Viktorovna, Kudryavtsev Oleg Fedorovich. *Obraz cheloveka v zerkale gumanisma: mysliteli i pedagogi epokhi Vozrozhdeniya o formirovani i lichnosti [The Human Image as reflected by Humanism: the Thinkers and Pedagogues of Renaissance about the forming of individual]*. Moskva: URAO Publ., 1999. 400 p. (in Russian)

Chudinov, Aleksandr Viktorovich, Rzhetskiy, Vladislav Stanislavovich (eds.). *Frantsuzskiy ezhegodnik 2011: Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv. [French Annuary 2011: The French family tutors in Europe of XVII–XIX c.]*. Moskva: IVI RAN Publ, 2011. 471 p. (in Russian)

Catechisme de Heidelberg avec une courte explication par demandes et par reponses, adjoutee a chaque article pour lever les principales difficultez, et pour etendre d’avantage les matieres les plus importantes. Delft³: [n.n.], 1708. 419 p.

Beeman Beaumont G. Notes on the Sites and History of the French Churches in London, in *Proceedings of the Huguenot Society of London*. 1909. Vol. 8. Pp. 13–59.

Willem, Boele Sophius Boeles (ed.). *Frieslands Hoogeschool en het Rijks Athenaeum te Franeker*. 2 Vols. Leeuwarden: Friesch Genootschap van Geschied-, Oudheid- en Taalkunde bij Kuipers, 1878–1889. 1210 p.

Dunthorne Hugh. *Britain and the Dutch Revolt 1560–1700*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 264 p.

Dunthorne Hugh. William in Contemporary Portraits and Prints, in Mijers, Esther, Onnekink, David (eds.). *Redefining William III: The Impact of the King-stadholder in International Context*. Aldershot, Burlington: Ashgate, 2007. Pp. 263–276.

Elias Norbert. *The Court Society*. Dublin: University College Dublin, 2006. 331 p.

Erasmus Desiderius. *De pueris statim ac liberaliter instituendis, libellus et novus et elegans*. Paris: Ex officina Christiani Wecheli, 1536. 95 p.

Frijhoff Willem. Uncertain Brotherhood, in Ruymbeke, Bertrand van, Sparks, Randy J. (eds.). *Memory and Identity: The Huguenots in France and the Atlantic Diaspora*. Columbia: University of South Carolina Press, 2003. Pp. 128–170.

Frijhoff Willem. Des origines à 1780: l'émergence d'une image, in *Histoire de la diffusion et de l'enseignement du français dans le monde*. Paris: Hachette, 1998. Pp. 8–20.

Frijhoff Willem. L'usage du français en Hollande, XVIIe–XIXe siècles: propositions pour un modèle d'interprétations, in *Etudes de linguistique appliquée*. 1990. Vol. 78. Pp. 17–26.

Frijhoff Willem. Verfransing? Franse taal en Nederlandse cultuur tot in de revolutietijd, in *Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden*. 1989. Vol. 104. Pp. 592–609.

Gay Peter. *John Locke on Education*, New York: Teachers College Press, 1964. 176 p.

Green Michael. The Huguenot Jean Rou (1638–1711): Scholar, Educator, Civil Servant. Paris: Honoré Champion, 2015. 479 p.

Green Michael. Huguenot Educators for European Nobility 1630–1715, in *The Huguenot Society Journal*. 2013. Vol. 30. Pp. 73–92.

Green Michael. Educating Johan Willem Friso of Nassau-Dietz (1687–1711): Huguenot Tutorship at the Court of the Frisian Stadtholders, in *Virtus — Yearbook of The History of the Nobility*. 2012. Vol. 19. Pp. 103–124.

Groenveld Simon. Gemengde gevoelens. De relaties tussen Nassaus en Oranjes als stadhouders en kapiteins-generaal, in Groenveld, Simon (ed.). *Nassau uit de schaduw van Oranje*. Franeker: Van Wijnen, 2003. Pp. 23–45.

Gwynn Robin. The Huguenots in Britain, the 'Protestant International' and the Defeat of Louis XIV, in Vigne, Randolph (ed.). *From Strangers to Citizens: The Integration of Immigrant Communities in Britain, Ireland, and Colonial America, 1550–1750*. London: Huguenot Society of Great Britain and Ireland, 2001. Pp. 412–424.

Gwynn Robin. *Huguenot Heritage: The History and Contribution of the Huguenots in Britain*. London, New York²: Sussex Academic Press, 2001. 220 p.

Gwynn Robin. *The Huguenots of London*. Brighton, Portland: Alpha Press, 1998. 67 p.

Haag Eugène, Haag Émile. *La France protestante ou vies des Protestants Français qui se sont fait un nom dans l'histoire depuis les premiers temps de la Réformation jusqu'à la reconnaissance de principe de la liberté des cultes par l'Assemblée Nationale*. 10 Vols. Paris: Cherbuliez, 1846–1859.

Hofstede de Groot Cornelis. Abraham Raguineau: Portretschilder en schrijfmeester van Willem III, in *Oud Holland*. 1899. Vol. 17. Pp. 6–9.

Israel, Jonathan. *The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall 1477–1806*. Oxford: Clarendon Press, 1995. 1280 p.

Japikse, Nicolaas. *De Geschiedenis van het Huis van Oranje — Nassau*. 2 Vols. The Hague: Zuid-Hollandse Uitgevers Maatschappij, 1938.

Lamgüe Isaac. *Histoire du Prince d'Orange et de Nassau*. 2 Vols. Leeuwarden: F. Halma, 1715. 306 p.

Maag Karin. The Huguenot academies: Preparing for an Uncertain Future, in Mentzer, Raymond A., Spicer, Andrew (eds.). *Society and Culture of the Huguenot World 1559–1685*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Pp. 139–156.

Magdelaine Michelle, Von Thadden Rudolf. *Le refuge Huguenot*. Paris: Armand Colin, 1985. 283 p.

Mörke, Olaf. Sovereignty and Authority. The Role of the Court in the Netherlands in the First Half of the Seventeenth Century, in Asch, Ronald A., Birke, Adolf M. (eds.). *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650*. Oxford, New York, Toronto: German Historical Institute London, 1991. Pp. 455–477.

Oudschans Dentz Frederik. *Cornelis van Aerssen van Sommelsdijck, een belangwekkende figuur uit de geschiedenis van Suriname*. Amsterdam: P.N. van Kampen, 1938. 198 p.

Opstal Alexander G. *Andre Rivet: Een invloedrijk hugenoot aan het hof van Frederik Hendrik*. Hardewijk: [n.n.], 1937. 175 p.

Pettegree Andrew. *Foreign Protestant Communities in Sixteenth-Century London*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 329 p.

Price J. L. *The Dutch Republic in the Seventeenth Century*. Houndmills and London: Palgrave Macmillan, 1998. 312 p.

Riemens Kornelis Jacobus. *Esquisse historique de l'enseignement du français en Hollande du XVIe au XIXe siècle*. Leiden: Société d'Éditions A.W. Sijthoff, 1919. 295 p.

Waddington, Francis (ed.). Rou, Jean. *Mémoires inédits et opuscules*. 2 vols. Paris: Agence centrale de la Société et aux librairies protestantes, 1857. 781 p.

Rou Jean. *Tables de l'histoire universelle ancienne*. Paris, 1672.

Rou Jean. *Tables de l'histoire universelle moderne*. Paris, 1672.

Rowen Herbert Harvey. *The Princes of Orange: The Stadholders in the Dutch Republic*. Cambridge, New York etc.: Cambridge University Press, 1988. 253 p.

Sheridan, Geraldine, Prest, Viviane (eds.). *Les Huguenots éducateurs dans l'espace européen à l'époque moderne*. Paris: Honoré Champion, 2011. 466 p.

Staring Adolph. Abraham Raguineau als onderwijzer en portretstijl van Willem III, in *Oud Holland*. 1950. Vol. 65. Pp. 203–204.

Van der Linden David. *Experiencing Exile: Huguenot Refugees in the Dutch Republic, 1680–1700*. doctoral dissertation (unpublished), Utrecht University, 2013. 270 p.

Van Sypesteijn Jan Willem. *Geschiedkundige bijdragen, bijlagen, IX*. The Hague: Van Cleef, 1865. 284 p.

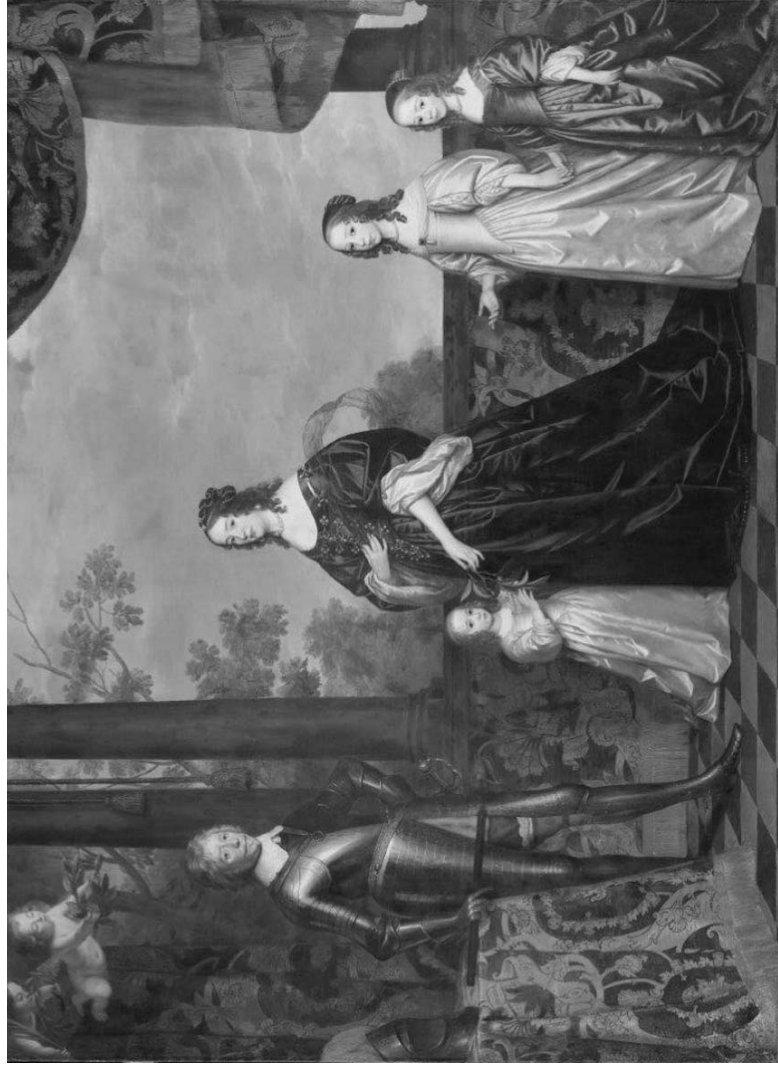
Visser, J., Van der Plaats, G.N. Den Haag (eds.). *Gloria parendi. Dagboeken van Willem Frederik, Stadhouder van Friesland, Groningen en Drenthe, 1643–1649, 1651–1654*. Den Haag: Nederlands Historisch Genootschap, 1995. 842 p.

Woodward William Harrison. *Desiderius Erasmus Concerning the Aim and Method of Education*. Cambridge: The University press, 1904. 244 p.

Yardeni Myriam. *Le refuge protestant*. Paris: PUF, 1985. 256 p.

Yardeni Myriam. *Le refuge huguenot: Assimilation et culture*. Paris: Honoré Champion, 2002. 232 p.

Yolton, John W. *John Locke and Education*. New York: Random House, 1971. 103 p.

Илл. 1. Художник: Герард ван Хонгхорст
Название: Портрет Фредерика Генриха, Принца Оранского, с его женой Амалией ван Солмс-Браунфелс и их тремя младшими дочерьми Альбертиной Агнес, Генриеттой Амалией и Марией. Около 1647 г. (холст, масло).
Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam

Илл. 2. Художник: Аноним, копия литографии Рейннера ван Персайна
Название: Анонимная копия литографии Рейннера ван Персайна. Использована как иллюстрация в: I. Commelin, *Frederick Hendrick van Nassauw Prince van Orangien: zyn leven en bedryf*. *Jodocus Janssonius*, Amsterdam 1651, 2-й том, стр. 87. Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam

Илл. 3. Художник: Каспар Нетчер
Название: Вильгельм III, Принц Оранский и с 1689 г. — английский король.
1680–1684 гг. (холст, масло).
Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam

Илл. 4. Художники: Филиппус Эндлих, Филип ван Дайк
Название: Вильгельм IV, Принц Оранский-Нассаусский. 1731–1748 гг.
Литография.
Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam

Илл. 5. Художники: Филиппус Эндлих, Филип ван Дайк
Название: Вильгельм IV, Принц Оранский-Нассауский. 1731–1748 гг. Литография.
Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam

Илл. 6. Художники: Маттайс Поол, Иоганнес ван Оостерваик
Название: Иоган Вильгельм Фризо, Принц Оранский-Нассауский. 1716 г. Литография.
Rijksmuseum — (©) The Museum of the Netherlands in Amsterdam.

ББК 63.3 (0) 4; УДК 94(420).06

Илл. 7. Художники: Генрих Хондиус, Р. Бодиус
 Название: Андрэ Ривет. 1635 г. Литография.
 Rijksmuseum — © The Museum of the Netherlands in Amsterdam

А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров

СОВЕТ МАРКИ УЭЛЬСА И ПРОБЛЕМЫ КОНСИЛИАРНОЙ ЮСТИЦИИ В АНГЛО-ВАЛЛИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Совет Уэльса, истоки юрисдикции которого уходят во времена Нормандской династии, можно рассматривать как еще один эффективно используемый административно-правовой инструмент тюдоровской и стюартовской монархии. В отличие от Палаты прошений, Звездной палаты и Высокой комиссии, Совет Уэльса был ориентирован на конкретный и специфический композит, который, несмотря на длительную историю взаимодействия с английской короной, сохранил собственную этническую, языковую и культурную специфику. В истории Совета марки Уэльса при Тюдорах и Стюартах можно отчетливо видеть, как частно-правовые элементы регулирования отношений между монархом и его подданными, сформировавшиеся в период классического Средневековья не только были сохранены, но были зафиксированы, структурированы и адаптированы к современным условиям. Более того, та роль в истории конфликтов Совета и судов Вестминстера в начале XVII столетия, которую сыграл непосредственно монарх, Яков I Стюарт, демонстрировала, что сохранение органов консилиарного управления отвечало интересам строительства унии и в этом отношении представляло бесспорный приоритет. Достаточно длительный процесс покорения Уэльса и поиск адекватных форм управления в очередной раз поставил перед английской короной вопрос о возможности, а главное — эффективности насаждения английского общего права на неанглийских территориях.

Усобица, поразившая во второй половине XV в. как Англию, так и Уэльс, после долгих перипетий дала возможность короне создать дополнительный судебно-административный инструмент для построения отношений со знатью обоих регионов.

Обе соперничающие династии, Ланкастеры и Йорки, были связаны с Маркой и Уэльсом родственными узами. Сводный брат Генриха VI, Эдмунд Тюдор, граф Ричмонд, и Джаспер Тюдор, граф Пемброк, представляли ланкастерскую партию. Дом Йорка был связан с Уэльсом через Мортимеров, родичей Ричарда Плантагенета, герцога Йоркского, по материнской линии. Эдуард IV, унаследовав от Мортимеров титул графа Марч, существенно ограничил масштабы регальных владений, упразднив регальный статус доставшихся ему владений, т. е. почти половины сеньорий Марки. Эти сеньории, равно как и графство Гламорган, находившееся в руках графа Уорика, Ричарда Невилла, оказывали поддержку дому Йорка, в то время как в самом Уэльсе и графстве Пемброк, находившемся в руках Джаспера Тюдора, поддерживали Ланкастеров.

В 1455 г. после битвы при Сент-Олбансе йоркистский парламент назначил комитет, состоявший из лордов Марки и представителей королевской администрации, для подготовки плана дальнейшего развития управления Уэльсом. Однако его работе уже спустя год помешало столкновение Эдмунда Тюдора с лидерами йоркистской знати. После смерти Эдмунда Джаспер Тюдор объединил валлийскую знать в поддержку короля. Когда в 1461 г. после поражения при Мортимерс Кросс Пемброки утратили контроль над Уэльсом, доминирующая роль перешла к Уильяму Герберту, позднее получившему и сам титул графа Пемброка. Однако возросшее могущество Герберта и тот факт, что ему удалось сосредоточить в своих руках большинство сеньорий и высших административных должностей в регионе, не могло не настроить графа Уорика, который в итоге нанес Пемброку поражение в 1469 г. в битве при Эджкоте. Уильям Герберт попал в плен и впоследствии был казнен, а Эдуард IV лишился могущественного союзника. Тем не менее казнь Пемброка и образовавшийся вакуум власти в Уэльсе и Марке предоставили Эдуарду IV возможность для более активного вмешательства в локальную политику.

Согласно версии, артикулированной в конце XVI в.¹, в 1472 г. Эдуард IV, дабы обеспечить доходы своего сына и наследника — Эдуарда, принца Уэльского — для более эффективного управления как самим княжеством, так и сопредельными территориями, герцогством Корнуолл и палатным графством Честер учредил новый судебно-административный орган — Совет марки Уэльса². Впрочем, детали, повествующие о деятельности Совета с момента его учреждения до актов об унии 1536 г., следует

¹ The History of Cambria now called Wales... by Humphrey Lhoyd, augmented and continues by David Powel. London, 1584. Reprinted 1811. P. 286.

² Clayton D. J. The Administration of the County Palatine of Chester, 1442–85. Manchester: Manchester University Press, 1990. P. 56–57.

оценивать критически, поскольку в большинстве своем они появляются и становятся частью традиции благодаря полемике начала — середины XVII в. С достоверностью можно утверждать следующее: наряду с камеральным Советом наследника престола создавался отдельный совет под председательством епископа Вустерского Джона Алкока, дабы помогать наследнику в управлении его валлийскими владениями. Предполагалось, что совет будет действовать до момента, когда принц достигнет четырнадцатилетнего возраста. Конкретная дата начала реальной деятельности Совета на территории Марки и Уэльса остается дискуссионной. Епископ Алкок активно участвовал в делах княжества уже с 1471 г., но при этом ничто не подтверждает то допущение, что он принимал решения в совете. Более всего доверия заслуживает патент 1471 г. о назначении пятнадцати представителей принца Уэльского (в числе которых находились королева, ерхиепископ Кентерберийский, герцог Кларенс, герцог Глостер, епископы Бата и Уэльса, Дарема и Вустера, чемберлен и канцлер принца и др.)³ для управления Уэльсом, Маркой, Честером и Корнуоллом; в 1473 г. число членов совета было увеличено до двадцати.

В компетенцию совета, заседавшего, как правило, в замке Ладлоу, входило одобрение выборов на церковные должности, взимание штрафов, представление кандидатов на церковные и иные бенефиции, решение дел об опеке и наследовании, назначение стюардов, шерифов, бэйлифов, чемберленов и иных должностных лиц, дарование прощения, выдача патентов на должности⁴. Показательно, что совет не мог ограничивать назначения на должности какими-либо сроками (на срок жизни или на определенное количество лет): назначение производилось с формулировкой «покуда это будет угодно принцу». В течение следующих лет Совету в целом и назначаемым с участием его членов комиссиям было делегировано право слушать, выносить приговор и приводить его в исполнение по делам о фелонии, разбое и убийствах, а также назначать локальные комиссии в рамках вверенной ему территории. В состав подобных комиссий обязательно входили королевские судьи. Совет назначал и иные комиссии, такие как «комиссии мира» или комиссии по сбору субсидий в том или ином графстве. Впрочем, представляется, что основной задачей существования Совета было намерение утвердить в пределах сохранившихся регальных держаний и княжества Уэльс авторитет короля как суверена. Декорпорация ряда регальных владений, совершенная Эдуардом IV и сам факт

³ 11 E. IV Pt. I. 1471 // Calendar of Patent Rolls. Edward IV, Henry VI. 1467–1477. London, 1900. P. 283.

⁴ Skeel C. A. S. The Council in the Marches of Wales: a study in local government during the Sixteenth and Seventeenth centuries. London, 1904. P. 26.

учреждения Совета, назначение и деятельность комиссий мира — все это можно рассматривать как своего рода «собрание» или возвращение тех сеньориальных прав и сеньориальной юрисдикции, которые были делегированы короной своим вассалам на территории марки столетиями ранее.

Первый период существования Совета марки, связанный с деятельностью епископа Алкока, судя по всему, характеризовался заметной активностью. Затем, вплоть до царствования Генриха VII, в его работе наступает затишье. Наследник престола, принц Артур, уже в возрасте шести лет — т. е. в 1492 г., получает полномочия проводить расследования по делам фелонии во всех графствах и франшизах Марки Уэльса — разумеется, в совете уполномоченных лиц. Неясно, был ли для принца Артура сформирован такой же камеральный совет, как для принца Эдуарда.

После смерти принца Артура зафиксирована важная перемена: из «Совета Принца» превращается в «Совет марки Уэльса». В 1535–1544 гг. Генрих VIII и Кромвель, как представляется, способствуют росту авторитета Совета, поскольку в Совете марки начинают рассматриваться жалобы на действия присяжных и представителей администрации; статут 1536 г. «О том, что законы и правосудие в Уэльсе должны исполняться таким же образом, как и в этом королевстве» (27 Hen 8 с. 26)⁵, или Акт об Унии, предписывает подданным обращаться с имеющимися жалобами именно в Совет марки, независимо от того, имел ли прецедент место в самом княжестве, регальном владении, франшизе или сеньории, не имеющей такого статуса. Лорду-президенту Совета и его представителям делегировались полномочия — приводить приговоры в исполнение и лишать должностей тех представителей администрации, которые признавались виновными.

Акт об унии стал важной вехой в истории Уэльса. Речь шла об окончательной инкорпорации держаний марки и Уэльса в состав английского королевства и о масштабных административно-территориальных реформах. Было образовано пять новых графств: Монмут, Брекнок, Раднор, Монтгомери и Денби; в состав четырех прежде существовавших валлийских графств (Гламорган, Пемброк, Кардиган и Мерионет) вошли новые сеньории; наконец, ряд держаний и бургов вошли в состав пограничных английских графств — Герефордшира, Глостершира и Шропшира. Графствам Уэльса предписывалось направлять своих представителей в Парламент. Языком судебных процессов объявлялся английский. Предписывалось начать изучение действующего права Уэльса и «оставить в употреблении то, что возможно оставить». Лорды марки сохраняли

⁵ Statutes at Large, of England and Of Great Britain... Vol 3 / Ed. by J. Raitby. London, 1811. P. 243.

прежние привилегии и «свободы» — в частности, право осуществлять барониальный суд.

Показательна риторика даного акта. Княжество Уэльс именовалось исконной частью «имперских владений» английского монарха, а причиной нестроений — которые акт призван искоренить — назывались правовые различия между княжеством и остальной частью королевства, и язык, препятствующий правильному выражению правовых норм и их реализации. Декорпорация Уэльса полагалась авторами текста возвращением к традиционному и потому «нормальному» статусу королевских владений. Речь шла не столько об «унификации» или «англицизации» валлийских территорий: скорее, преимущественной целью было упорядочение принципов подчинения держаний с различным статусом английскому монарху.

Завершил преобразования парламентский акт «Акт об особых распоряжениях Его Величества по отношению к его доминиону княжеству Уэльс». (34–35 Hen 8 с. 26)⁶ Акт официально подтверждал необходимость деятельности Совета и его президента «в той форме, которая вошла в обычай». Совет и лорд-президент получали полномочия слушать и решать те «дела, которые уже находились в их ведении согласно заведенному обычаю» с важной оговоркой, что возможна передача в юрисдикцию Совета и иных судебно-административных функций, «если это будет угодно Его Величеству». В ведение Совета переходил контроль за мировыми судьями в каждом графстве: они должны были назначаться либо лордом-канцлером Англии, либо лордом-президентом Совета, либо комиссией, состав которой подтверждался Большой королевской печатью. Приказы о назначении мировых судей также скреплялись Большой королевской печатью, а присягу они приносили также перед лордом-канцлером Англии или Советом. Лорд-президент ежегодно проводил назначения для Уэльса шерифов: каждый год ему представляли список из трех наиболее влиятельных в графстве кандидатур, из числа которых и выбирался будущий шериф. Лорд-президент устанавливал размеры налагаемых штрафов и наказаний; при этом штраф не мог быть наказанием за убийство или фелонию.

Одним из важных обстоятельств, оговоренных в статуте, было то, что на территории графств княжества монарх приобретал возможность без согласования с парламентом отменять или, напротив, вводить в действие новые законодательные нормы путем издания прокламаций. Акт со сходным значением был принят в Англии в 1539 г. (Акт о прокламациях,

⁶ Statutes at Large, of England and Of Great Britain... P. 407.

31 Неп 8 с. 8); в контексте проводимой на территории Уэльса политики подобные законодательные шаги вновь свидетельствовали о намерении утвердить статус английского монарха как сеньора, а Совет оказывался традиционным органом сеньориальной юстиции и администрации⁷. Акт 1543 г. недвусмысленно отсылает к Раддланскому статуту Эдуарда I, также утверждавшему право монарха изменять существующие нормы или вводить новые по праву завоевания — т. е. по праву сеньора. Как отмечает П. Робертс, несмотря на то, что текст 1284 г. вошел в историю в качестве статута, по сути он являлся ордонансом, изданным на большом совете в Раддлане и предназначенным для новообращенных валлийских подданных, а не для всего королевства. Кроме того, права, заявленные Эдуардом I относились не к нему персонально, а полагались в качестве наследуемых; именно эти наследственные права и возвращал себе заново Генрих Тюдор. В статутах Эдуарда и Генриха речь шла о поддержании правового паритета между валлийскими обычаями и английским правом, а не о искоренении одного и насаждении другого. Использование ордонансов для регулирования ситуации в Уэльсе также было знаковым, поскольку именно ордонанс был традиционным законодательным инструментом для королевского хаузхолда и королевского домена. Нужно отметить, что сохранение Совета и прерогативного правления в Уэльсе не было единственной возможностью административного развития региона; альтернативным проектом было упразднение совета и создание Канцелярии Уэльса, что делало бы невозможным преобразование без согласия на то английского парламента⁸. Примечательно, что оба проекта — прерогативная юстиция Совета или право справедливости в канцелярии не были связаны с системой общего права Англии. В результате, однако, именно первый вариант — сохранение Совета — был реализован.

Дальнейшая деятельность Совета марки Уэльса была ориентирована на восстановление патриархального престижа монархии. Принятие статутов Генриха Тюдора совпало с председательством в Совете епископа Ковентри и Личфилда Роланда Ли (1534–1543). Действия Ли продолжают оцениваться в историографии крайне противоречиво: выпускник Оксфорда и доктор богословия, для одних Ли остался «епископом-вешателем», для других — человеком, при котором в Уэльсе был восстановлен внутренний порядок. В любом случае, Ли использовал все находившиеся в его рас-

⁷ Подробное освещение дискуссии относительно актов 1539 и 1543 г. см.: *Roberts P. The 'Henry VIII clause': delegated Legislation and the Tudor Principality of Wales / Legal Record and Historical Reality. Proceedings of the Eight British Legal History Conference, Cardiff / Ed. by G. Watkin. London, 1987. P. 38–40.*

⁸ *Roberts P. The 'Henry VIII clause':... P. 46.*

поряжении средства и механизмы для реализации правосудия в пределах той юрисдикции, которая была определена для Президента и членов Совета. После деятельного президентства епископа Ли пост лорда-президента занимали представители высшего духовенства и знати: с 1548 г. — герцог Нортумберленд, в 1550–1553 гг. — Уильям Герберт, впоследствии граф Пемброк, во второй раз занявший эту должность в 1555–1558 гг.; в перерыве между двумя президентствами Герберта должность занимал Николас Хит, епископ Вустерский. В 1558–1559 гг. на должности находились епископ Бата и Уэллса Гилберт Боурн и лорд Уильямс из Тейма. Ни один из них не был сколь-нибудь заинтересован валлийскими делами и относились к должности сугубо номинально, за исключением валлийца Герберта.

С 1559 по 1586 г. должность лорда-президента занимал Генри Сидни, которому на протяжении всей своей политической карьеры приходилось заниматься умиротворением кельтских регионов — трижды назначался лордом-наместником Ирландии. В отличие от Ирландии, где Сидни приходилось заниматься подавлением мятежей и неутрачившим недовольством, его правление в Уэльсе было относительно мирным. В отличие от своих предшественников, Сидни отдавал себе отчет в необходимости дополнения административно-правовых средств интеллектуальными: именно он стал патроном издания «Истории Камбрии, ныне называемой Уэльсом» Ллойда.

В том же, что касается Совета, именно с президентством Сидни связано упорядочение процедуры и расширение штата. Если епископ Ли и Уильям Герберт были вынуждены использовать как преимущественно административный орган, то при Сидни акцент переносится на те функции консилиарного суда, которые столь ясно были видны на примере Палаты прошений. В период президентства Сидни Совет получает серию инструкций, определявших приоритетные задачи Совета и корректирующие процедуру. Разработка текстов «инструкций»⁹, а также дополнительных инструкций 1576 г., составленных по инициативе Тайного совета проводилась при активном участии доктора гражданского права Дэвида Льюиса (1520–1584). Сам Льюис был уроженцем Уэльса, получил образование и степень доктора в Университете Оксфорда, практиковал в качестве адвоката в суде Арки и был допущен в члены Общины докторов. Впоследствии Льюис занимал должности мастера в Канцелярии и судьи в Адмиралтейском суде, стал первым принципалом Колледжа Иисуса в Оксфорде; кроме

⁹ Полный текст «инструкций» см.: *Skeel C. A. S. The Council in the Marches of Wales ... P. 219–225.*

того, он представлял валлийское графство Монмутшир в палате Общин и на протяжении многих лет был членом Совета марки Уэльса¹⁰.

Результатом деятельности Совета должно было стать отправление быстрого и эффективного правосудия для «бедного люда», причем особое внимание необходимо было уделять вопросам договоров и контрактам. Тяжбы, касавшиеся земельных держаний, следовало передавать в суды Общего права на территории Уэльса, хотя теоретически Совет имел полномочия решать и такого рода дела. Важной областью контроля Совета являлось противодействие представителям короны. Подконтрольным Совету оставались присяжные и мировые судьи; присяжных, виновных во взяточничестве или сговоре с одной из сторон Совет мог карать по собственному усмотрению. При необходимости, как и Высокой комиссии, Совет мог применять к обвиняемым пытку. Еще один важный пункт инструкций касался контроля за общественным мнением — выявлением оскорбительных или ложных слухов и определение того, могут ли подобные слухи свидетельствовать о потенциальном мятеже. При необходимости Совет мог назначать комиссию для расследования причин смерти. В отношении Реформированной церкви Совет марки обязан контролировать распределение стипендий и должностей, за должным совершением реформированной литургии и содержанием проповедей, а также следить за тем, чтобы обязанности проповедников исполняли в достаточной мере способные и подготовленные люди, которых, к слову, в Уэльсе постоянно не хватало. Дополнительные «инструкции» Тайного совета касались, в основном, процедуры, а также были направлены на то, чтобы освободить Совет от чрезмерной загруженности. Тайный совет призывал своих валлийских коллег внимательно относиться к тому, не являются ли билли, подаваемые Совету, тяжбами о земле, которые можно было бы передать судам общего права или сеньориальным судам.

Процедура Совета марки Уэльса была достаточно гибкой и открывала возможность использования различных судебных процедур в зависимости от предмета жалобы или тяжбы. Во-первых, Совет мог формировать комиссии «по слушаниям и решениям» (*оуег анд треминер*). Для этого шерифу Глостершира направлялось поручение начать процесс *venire facias*, т. е. собрать присяжных для слушания дела о фелонии. В день заседания мировой клерк оглашал предмет разбирательства по-латыни перед вошедшими в комиссию членами Совета, а для присяжных зачитывался английский перевод. После чего присяжные «со всей возможной скоро-

¹⁰ *Lewis D.* The Court of the President and Council of Wales and of the Marches from 1478 to 1575 // *Y Cymmrodor*. The Magazine of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1986. Vol. XII. P. 12–14.

стью» выносили вердикт, а члены Совета удостоверяли, что обвинения достаточны, приговор может быть вынесен и приведен в исполнение. Сходным образом формировались и иные комиссии, например, комиссии по должностям и патентам. Иначе развивалась процедура «билля о недовольстве» (*bill of complaint*): лорду-президенту или членам Совета направлялась на английском языке, после чего обвиняемый получал предписание явиться в суд Совета. Если в момент подачи «билля о недовольстве» ни один член Совета не был доступен, жалобу можно было направить через епископа. В течение обычных судебных сессий Совет должен был заседать ежедневно и рассматривать поданные билли. Решение Совета добавлялось к тексту первоначального билля и оглашалось перед сторонами. Для вынесения решений необходимо было присутствие не менее трех членов Совета. Во всех случаях текст приговора Совета начинался формулой «Именем короля (королевы)» и завершался подписью «лорд-президент Совета марки Уэльса». Наиболее важные случаи, минуя рассмотрение в Совете марки Уэльса передавались непосредственно в Тайный совет.

К концу длительного президентства Сидни проблемой стало увеличение числа клерков Совета, по приблизительным подсчетам штат составил сто двадцать человек, многие из которых не были достаточно опытными и были подвержены коррупции. Следующему лорду-президенту, Генри Герберту, граф Пемброку, пришлось иметь дело с жалобами на то, что клерки Совета посылают необоснованные вызовы в суд Совета и берут за свои услуги непомерно высокое вознаграждение. Пемброк резко сократил штат и приложил усилия для того, чтобы Совет не вмешивался в решение тех дел (прежде всего, обвинений в адрес рекузантов), которые могли быть рассмотрены в пределах юрисдикции церковных судов. Одновременно Джордж Оуэн создает апологию Совета, которая была ориентирована на английскую аудиторию и представляла собой диалог между Бартоло, доктором гражданского права, и ланкаширцем Деметом¹¹. Демет превозносит Совет Уэльса, поскольку именно там «бедный люд» валлийских графств может найти защиту от притеснений и справедливый суд. Демет сравнивает Совет с его английским аналогом — Советом Севера и со Звездной палатой, подчеркивая преимущества первого — дешевизну и оперативность, а также знание судьями Совета локальных валлийских условий. Именно с Советом этот персонаж связывает приход в Уэльс порядка и цивилизации, которые, впрочем, отнюдь не равноценны привнесению «английского» порядка. В ответ Бартоло возражает собеседнику, рассказывая о том, что во время поездки в Уэльс столкнулся с многочисленными

¹¹ *Owen G.* The Dialogue of the Government of Wales (1594). Updated text and commentary / Ed. by J. G. Jones. Cardiff, 2010.

жалобами на работу Совета марки, прежде всего, на превышение области собственной юрисдикции. Демето соглашается с тем, что злоупотребления действительно существуют, и далее оба участника диалога обсуждают конкретные проблемы и способы их разрешения, что, по сути, соответствовало тем мероприятиям, которые были предприняты Пемброком. Финал «Диалога» оптимистичен: собеседники приходят к соглашению о том, что в существовании Совета марки преимуществ гораздо больше, чем недостатков, которые можно искоренить.

Поводом к началу наступления судов Общего права на юрисдикцию Совета стало дело некоего Фарли, арендовавшего землю у копигольдера. После смерти арендодателя его вдова объявила договор аренды недействительным и получила в Совете марки предписание о том, что Фарли следовало передать ей все права на землю до тех пор, пока спор не будет повторно рассмотрен в манориальном суде. Фарли отказался повиноваться приговору и был заключен Советом под стражу. Однако ему удалось обратиться в суд Королевской скамьи и получить предписание о запрещении на основе *Nabeas corpus cum causa*. В свою очередь, судьи Совета игнорировали предписание о запрещении, изданное Королевской скамьей, а лорд-президент Зуч обратился в Тайный совет, постулируя, что в данном случае необходимо решить не «вопрос права, а вопрос управления». Тайный совет начал разбирательство. Интересы Совета отстаивали Джон Кроук и Френсис Бэкон, от имени Королевской скамьи выступал Эдвард Кок. И Бэкон, и Кок оставили подробное описание как самого дела Фарли, так и аргументов, выдвинутых сторонами¹².

Аргументы Бэкона следует рассматривать как в контексте не утихавшей дискуссии об унии, так и с учетом споров о сути и пределах королевской прерогативы. С уверенностью можно заключить, что аргументы, выдвинутые в защиту Совета в 1604–1605 гг., были построены им с учетом полемики Кока и сэра Юлия Цезаря по поводу юрисдикции Палаты прошений. Бэкон делал акцент на том, что Совет Уэльса был сформирован монархом и является неотъемлемой частью английской конституции, поскольку истоки его существования обнаруживаются задолго до Акта об унии. Затем Бэкон отмечал, что Совет марки Уэльса представляет собой неотъемлемую часть Тайного совета, и наступление на его юрисдикцию умаляет прерогативные права самого монарха. Кроме того, по

¹² Bacon F. A View of the Differences in Question betweext the King's Bench and the Council in the Marches / The Letters and Life of Francis Bacon / Ed. by J. Spedding. Vol. 3. London: Longman's. 1868. P. 368–382; Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. London, 1644. P. 242–246.

мнению Бэкона, существующий способ управления территориями марки и Уэльса был наиболее адекватным средством упрочения и сохранения унии, поскольку сохранял необходимую степень правовой автономии тех территорий, которые подлежали его юрисдикции.

На это раз Коку не удавалось пойти путем полного игнорирования исторических доводов оппонента, который он использовал в дискуссии с судьями Палаты прошений. Поэтому он избрал, на первый взгляд не самый радикальный метод: не отрицая полностью юрисдикцию Совета и его право на существование, он в обширном историческом экскурсе продемонстрировал территориальные пределы юрисдикции. По мнению Кока, четыре графства — Герефордшир, Шропшир, Вустершир и Глостершир — являлись не частью Уэльса, и даже не особой историко-административной областью, а были исконной частью «земли Англии», в пределах которой главенствующая роль должна принадлежать судам общего права. Наследственные права монарха, закрепленные Раддланским статутом, по мнению Кока, ограничивались лишь территорией *pura Wallia*.

До 1605 г. конфликт развивался преимущественно как конфликт мнений и корпоративных интересов юристов. С самого начала было ясно, что финансовый момент играет не последнюю роль в атаке Королевской скамьи на Совет: если бы судьи Совета уступили давлению, весь поток средств, получаемых в качестве вознаграждений за решение наиболее важных тяжб, минуя Уэльс, хлынул бы в Вестминстерские суды. Однако в 1606 г. спор перешел в политическую плоскость. В парламент был подан билль, целью которого было ограничить пределы юрисдикции Совета тринадцатью валлийскими графствами, изъяв четыре «английских». Идея, высказанная Коком, могла воплотиться в жизнь¹³. Инициировали подачу билля два коммонера — один из них, Уильям Крофт, таким образом пытался утвердить позиции собственного семейства в родном Герефорде, второй, Джон Хоскинс, был своего рода героем-provokatorом от группировки Вестминстерских судей, проявив себя весьма скандальным образом в первом же парламенте короля Якова в дебатах по вопросам унии с Шотландией¹⁴. Обсуждение билля вызвало определенную оппозицию в нижней палате, причем со стороны депутатов от Уэльса. После одобрения коммонерами билль был передан в верхнюю палату, и лорды отвергли документ.

¹³ Williams P. The Attack on the Council in the Marches, 1603–1642 // Transactions of the Honorable Society of Cymmrodion. N 1. 1961. P. 1–22; Ham R. E. The Four Shires Controversy // Welsh History Review. N 8. 1977. P. 381–400.

¹⁴ Williams P. The Welsh Borderland under Queen Elizabeth // Welsh History Review. N 1. 1960. P. 24–25.

На события, разворачивавшиеся в парламенте, Тайный совет отреагировал новой серией инструкций в адрес Совета марки Уэльса. К крайнему неудовольствию и огорчению лорда-президента Зуча инструкции предполагали значительное сокращение прежней юрисдикции. Так, на территории Уэльса судьям Совета было запрещено использовать пытку, а также рассматривать дела об аморальном поведении. В пределах четырех «английских» графств юрисдикция также сократилась: запрещалось рассматривать в Совете иски о долгах и причинении ущерба имуществу на суммы, превышающие 10 фунтов. На первый взгляд, в политико-правовом отношении данное ограничение могло показаться несущественным и не предполагало серьезного вмешательства в королевскую прерогативу. Однако на деле этот шаг угрожал нормальному функционированию Совета как административно-судебного органа. Инструкции Тайного совета сократили круг именно тех исков, которые приносили наиболее ощутимый доход и позволяли выплачивать жалование судьям и клеркам: это были имущественные и долговые тяжбы в процветающих «английских» графствах и дела об аморальном поведении в графствах «валлийских»¹⁵.

Позиция Якова I, как и во многих других ситуациях, была осторожно-выжидательной. С его точки зрения, судьи Вестминстера во главе с Коком и Крофтом, преследовали «фракционные» интересы, что пагубным образом могло отразиться на его, монарха, отношениях с валлийскими подданными. В 1608 г. король созвал совещание судей, на которой призвал к поиску компромисса. В ответ на слова монарха сэр Эдвард Кок, на тот момент глава суда Королевской скамьи, разразился слезами, которые, впрочем, Якова не тронули. Вскоре монарх издал прокламацию, подтверждавшую право короля определять юрисдикцию Совета, а Тайный совет составил очередные инструкции для нового лорда-президента Ора. Юрисдикция Совета восстанавливалась практически в полном объеме, за исключением права прибегать к пытке. Status quo было суждено продлиться до 1610 г., когда коммонеры назвали юрисдикцию Совета в качестве одной из «тягот королевства»¹⁶. Яков, однако, сумел отложить рассмотрение вопроса на неопределенное время. В 1614 г. вопрос так и не был решен¹⁷; видя, что тактика парламентского давления не приносит результатов, Крофт решил воспользоваться посредничеством Роберта Карра, графа Сомерсета, и передал Якову обширный меморандум, в котором доказывал, что

¹⁵ Skeel C. A. S. The Council in the Marches of Wales: a study in local government during the Sixteenth and Seventeenth centuries. London: Hugh Rees. 1904. 332 p. P. 145.

¹⁶ Parliamentary Debates in 1610 / Ed. By S. R. Gardiner. London: Camden Society. 1862. P. 133.

¹⁷ Proceedings in Parliament, 1614 (House of Commons) / Ed. by M. Jansson. Philadelphia. 1988. P. 50.

Англия ничего не потеряет с упразднением Совета марки Уэльса¹⁸. Яков оставил на документе весьма пренебрежительные для составителя пометы и вновь не допустил разворачивания инициативы Крофта. В результате промедление монарха оказалось лучшей тактикой: в 1616 г. Кок перестал быть главным судьей королевства, Крофт перешел в католицизм и покинул Англию, а парламент был распущен. Лорд-президент Совета марки Уэльса, лорд Комптон, воспользовался установившейся стабильностью, активизировал работу препорученного ему трибунала и сумел поднять уровень его доходов на высокий уровень.

Данные о статье:

Статья написана при поддержке гранта РГНФ 14-01-00214.

Авторы: Паламарчук Анастасия Андреевна, к. и. н., ст. преп. кафедры истории Средних веков Института истории СПбГУ, a.palamarchuk@spbu.ru

Федоров Сергей Егорович, д. и. н., проф. кафедры истории Средних веков Института истории СПбГУ, s.fedorov@spbu.ru

Заголовок: Совет марки Уэльса и проблемы консилиарной юстиции в англо-валлийском Пограничье в XVI – начале XVII в.

Резюме: Статья освещает историю формирования Совета марки Уэльса — одного из консилиарных административно-правовых институтов английской монархии. Деятельность Совета демонстрировала возможности и пределы применения консилиарного управления в отдаленных от центра пограничных регионах. В отличие от центральных консилиарных институтов (Палаты прошений, Звездной палаты и Высокой комиссии) совет Уэльса был ориентирован на конкретный и специфический композит, а применявшаяся в нем процедура гражданского права делала адаптацию к региональным правовым условиям возможной. История трансформаций Совета марки Уэльса при Тюдорах и Стюартах демонстрирует, как частно-правовые элементы регулирования отношений между монархом и его подданными, сформировавшиеся в период классического Средневековья не только были сохранены, но были зафиксированы, структурированы и адаптированы в соответствии с запросами монархии. Сохранение органов консилиарного управления отвечало интересам строительства как тюдоровской «империи», так и яковитской унии и в этом отношении представляло бесспорный приоритет. Длительный процесс покорения Уэльса и поиск адекватных форм управления последовательно ставил перед английской короной вопрос о возможности, а главное — эффективности насаждения английского общего права на неанглийских территориях. Активно действующий консилиарный институт во многом разрешал возникавшие сложности на местах. Одновременно активизация деятельности Совета марки Уэльса при Якове I Стюарте привела к вовлечению этого локального института в масштабный конфликт между корпорациями юристов общего права и цивилистами, широко представленными в Совете. В статье освещается связанная с данным конфликтом полемика, развернувшаяся в Тайном совете и в парламенте, ее исход и последствия для администрирования валлийскими территориями.

Ключевые слова: Совет марки Уэльса, консилиарные институты, гражданское право, Тюдоры, Стюарты, Уэльс, Англия

¹⁸ James I, 78, N 74. Calendar of State Papers. Domestic series of the Reign of James I. 1611–1618 / Ed. by M. A. E. Green. London: Longman, 1858. P. 229.

Information about the article:

The work is supported from RSSF grant 14-01-00214.

Authors: Palamarchuk Anastasia Andreevna, candidate of History, senior lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University, a.palamarchuk@spbu.ru

Fedorov Sergey Yegorovich, doctor of History, professor, Institute of History, St. Petersburg State University, s.fedorov@spbu.ru

Title: Council in the Marches of Wales and Conciliar Justice in the Welsh Borderland in the XVI–XVIIIth Centuries

Summary: The article depicts the history of the Council in the Marches of Wales and its development as one of the leading conciliar administrative and legal institutions within the English monarchy. Activities of the Council demonstrated both potential and restrictions of conciliar administration in remote English-Welsh border lands. Unlike its central counterparts (Court of Requests, Star Chamber and High Commission) and very much alike the Council in the North, the Council in the Marches of Wales and its officers concentrated their activities on the needs of one peculiar region with its special authentic legal and social structures. Civil law procedure of the Council made the adaptation to local legal practices possible. The History of the Council and its transformation under the Tudor and Stuart dynasties shows how the classical medieval principles and elements of private law dominating the relationship between a monarch and his people were sustained and afterwards codified, structured and adapted according to the changing needs of the monarchy. The support of conciliar administration institutes was characteristic and first-rank priority of the Tudor “imperial” as well of the Stuart “union” politics. A long history of the conquest of Wales and search for the most effective ways of administration in the conquered lands laid in question the necessity of introduction of common law in non-English territories. An effective conciliar institution was able to resolve existing tensions. Nevertheless the rise of the Council in the Marches became a part of the conflict between common law and civil law institutions and professional corporations. The article deals with the polemics and discussion that took place in the Privy Council and Parliament under James I.

Keywords: Council in the Marches of Wales, conciliar courts, civil law, the Tudors, The Stuarts, Wales, England

Литература, использованная в статье:

Bacon, Francis. A View of the Differences in Question betweext the King’s Bench and the Council in the Marches // The Letters and Life of Francis Bacon / Ed. by J. Spedding. Vol. 3. London: Longman’s. 1868. 411 p.

Calendar of Patent Rolls. Edward IV, Henry VI. 1467–1477. London: H. M. Stationary Office, 1900. 812 p.

Calendar of State Papers. Domestic series of the Reign of James I. 1611–1618 / Ed. by M. A. E. Green. London: Longam, 1858. 710 p.

Clayton, Dorothy J. The Administration of the County Palatine of Chester, 1442–85. Manchester: Manchester University Press, 1990. 319 p.

Coke, Edward. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. London: M. Flecher, 1644. 430 p.

Ham, Rachel E. The Four Shires Controversy // Welsh History Review. N 8. 1977. P. 381–400.

Lewis, David. The Court of the President and Council of Wales and of the Marches from 1478 to 1575 // Y Cymmrodor. The Magazine of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1986. Vol. XII. P. 1–64

Owen, George. The Dialogue of the Government of Wales (1594). Updated text and commentary / Ed. by J.G. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 2010. 197 p.

Parliamentary Debates in 1610 / Ed. By S. R. Gardiner. London: Camden Society. 1862. 183 p.

Proceedings in Parliament, 1614 (House of Commons)/ Ed. by M. Jansson. Philadelphia: American Philosophical society, 1988. 567 p.

Roberts, Peter. The ‘Henry VIII clause’: delegated Legislation and the Tudor Principality of Wales / Legal Record and Historical Reality. Proceedings of the Eight British Legal History Conference, Cardiff / Ed. by G. Watkin. London, 1987. P. 37–50.

Skeel Caroline Anne S. The Council in the Marches of Wales: a study in local government during the Sixteenth and Seventeenth centuries. London: Hugh Rees, 1904. 332 p.

Statutes at Large, of England and Of Great Britain... Vol. 3 / Ed. by J. Raitby. London: G. Eyre and A. Strahen, 1811. 625 p.

The History of Cambria now called Wales... by Humphrey Lhoyd, augmented and continues by David Powel. London, 1584. Reprinted: London: for John Harding, 1811. 355 p.

Williams, Penry. The Attack on the Council in the Marches, 1603–1642 // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodion. N 1. 1961. P. 1–22.

Williams, Penry. The Welsh Borderland under Queen Elizabeth // Welsh History Review. N 1. 1960. P. 19–36.

References:

Bacon, Francis. A View of the Differences in Question betweext the King’s Bench and the Council in the Marches // The Letters and Life of Francis Bacon / Ed. by J. Spedding. Vol. 3. London: Longman’s, 1868. 411 p.

Calendar of Patent Rolls. Edward IV, Henry VI. 1467–1477. London: H. M. Stationary Office, 1900. 812 p.

Calendar of State Papers. Domestic series of the Reign of James I. 1611–1618 / Ed. by M. A. E. Green. London: Longam, 1858. 710 p.

Clayton, Dorothy J. The Administration of the County Palatine of Chester, 1442–85. Manchester: Manchester University Press, 1990. 319 p.

Coke, Edward. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England. London: M. Flecher, 1644. 430 p.

Ham, Rachel E. The Four Shires Controversy // Welsh History Review. N 8. 1977. P. 381–400.

Lewis, David. The Court of the President and Council of Wales and of the Marches from 1478 to 1575 // Y Cymmrodor. The Magazine of the Honourable Society of Cymmrodorion. 1986. Vol. XII. P. 1–64.

Owen, George. The Dialogue of the Government of Wales (1594). Updated text and commentary / Ed. by J. G. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 2010. 197 p.

Parliamentary Debates in 1610 / Ed. By S. R. Gardiner. London: Camden Society. 1862. 183 p.

Proceedings in Parliament, 1614 (House of Commons)/ Ed. by M. Jansson. Philadelphia: American Philosophical society, 1988. 567 p.

Roberts, Peter. The ‘Henry VIII clause’: delegated Legislation and the Tudor Principality of Wales / Legal Record and Historical Reality. Proceedings of the Eight British Legal History Conference, Cardiff. / Ed. by G. Watkin. London, 1987. P. 37–50.

Skeel Caroline Anne S. The Council in the Marches of Wales: a study in local government during the Sixteenth and Seventeenth centuries. London: Hugh Rees, 1904. 332 p.

Statutes at Large, of England and Of Great Britain... Vol. 3 / Ed. by J. Raitby. London: G. Eyre and A. Strahen, 1811. 625 p.

The History of Cambria now called Wales... by Humphrey Lhoyd, augmented and continues by David Powel. London, 1584. Reprinted: London: for John Harding, 1811. 355 p.

Williams, Penry. The Attack on the Council in the Marches, 1603–1642 // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodion. N 1. 1961. P. 1–22.

Williams, Penry. The Welsh Borderland under Queen Elizabeth // Welsh History Review. N 1. 1960. P. 19–36.

ББК 63.3(2)46; УДК 94(47).05-06

Susan Richter

INSTRUMENTS TO ENSURE THE DYNASTY IN RUSSIA UNDER PETER I AND EKATERINA I: CO-REGENCY AND THE ROLE OF GERMAN TESTAMENTS

Introduction

The Russian emperor Peter I (1672–1725) passed away in 1725, without having designated a successor or consigned a last will¹. His second wife, Martha Skavronskaja, with the Russian name of Ekaterina Alekseevna (1684–1727), did not befit his social class and therefore had been legitimized very late by him. She reigned as empress Ekaterina I after the death of Peter I until she passed away in 1727. Both monarchs are of high importance for researchers today, due to their constitution of new dynastic legal instruments for the continuation of rule in Russia.

I assume that by crowning Ekaterina I as an empress, Peter I aimed for co-regency. This led to a legitimate continuation of regency after his death, which

¹ The paper is based on my guest lecture held at the 1st of October 2014 at the Historical Institute of the State University St. Petersburg. I appreciate the invitation very much. Many thanks to Professor Andreji Prokopiev. Many thanks also to my assistants Felicitas Eichhorn and Steve Bahn for language editing. The German quotations were translated into English. Neumann-Hoditz, Reinhold: Peter der Große. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten Hamburg 2003, p. 125f. Ključevskij assumed that Peter disclaimed a last will because he feared vengeance on Aleksej by his grandson in the case of his accession to the throne. Ključevskij, Vasilij: Geschichte Russlands, Vol. IV, Stuttgart 1926, p. 272f. In regard to the change of name of Peter's wife at the orthodox baptism see Zur Namensänderung seiner Frau bei der orthodoxen Taufe vgl. Pavlenko, Nikolai: Ekaterina I, Moskva 2004, p. 6. Concentrating on the falsified last wills of Peter, which were published in the 19th century see Wittram, Reinhard: Peter der Grosse. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit (Verständliche Wissenschaft, Bd. 52), Berlin/Göttingen/Heidelberg 1954, p. 137. Regarding a detailed description of the different diplomatic sources which refer to a last will by Peter I see Karl Friedrich Graf Vitzthum von Eckstädt: Letztwillige Verfügungen Peter des Großen, Sachsen und Polen betreffend. In: Archiv für die sächsische Geschichte 4 (1866), p. 1–19.

would ultimately compensate for his neglected regulation and designation of succession. Russia was saved from a crisis after his death by allowing a continuation of the regency of Ekaterina I. Fights for the succession of the throne had thereby been prevented successfully. Furthermore, this thesis is designated to dissent the research that states the usurpation of the throne was brought about with the help of Prince Alexander Danilowitsch Menšikov (1673–1729)². The co-regency respectively the *coregnum* in the Early Modern monarchy has yet to be investigated³.

In contrast to her deceased husband, Ekaterina I made a will shortly before her death. With the empress' testament of the year 1727, a break with Peter I's throne succession patent was accepted. However, and this is going to be my second thesis, an important step was made towards securing the dynasty and a long-term judicial junction between the Michailov family, later the Michailov/Romanov family and Western dynasties was put into practice⁴. With the empress testament a first dynastic strategy paper was enforced, which expressed and advanced the House's influence. This document was strongly influenced by German testaments and the Swedish cognate law of succession. Peter had broken with the dynastic principal of succession, because he did not believe his son and heir Alexei was well suited for regency. The German councillors and Ekaterina, however, realised that an orderly succession had potential to stabilise the dynasty. Therefore, they secured their beliefs in a dynastic authority in the empress' testament. The denouements in the rules of succession by Peter I and Ekaterina I have been seen solely as a time of "dynastic disconcertment and palace revolts" (*dynastischen Verwirrungen und Palastrevolten*) by researchers, up until now⁵.

Thesis I: Co-Regency and Securing Continuity Instead of a Usurpation of the Throne

Through the coronation on May 7th 1724 Ekaterina became, in my view, an *Imperatrix* alongside Peter I, who illustrated the shared regency with his wife on a medal: The back of this medal demonstrates to the beholder, how Peter crowned his wife. The front shows the portraits of the couple together with a

² Troyat, Henri: Peter der Grosse. Eine Biographie, Düsseldorf 1981, p. 367.

³ The author of this paper is currently preparing a book which analyses co-regency in different European dynasties.

⁴ Initially, Peter I didn't speak of the dynasty of the Romanovs, but referred to Michail I in different documents. From his point of view it can therefore be seen as the dynasty of the Michailov. I wish to thank Prof. Dr. Pavel A. Krotov from the State University St. Petersburg for his advice.

⁵ Hildermeier, Manfred: Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution (Historische Bibliothek der Gerda-Henkel-Stiftung), München 2013, p. 457.

circumscription: PETER IMPERATOR // EKATERINA IMPERATRICA⁶. The coronation is firstly to be seen as a strengthening of the new understanding of the emperors. An understanding that was based upon the Western dynasties of Europe and, regarding the titles, on Roman antiquity. Peter had abandoned the title of the Tsar and instead had taken on the title of a *pater patriae* and an *imperator* (Императорское Величество)⁷. Aside from this, the coronation of Ekaterina also entailed the traditional assertion in Russia: in Russian tradition, coronation and anointment were believed to be the acts that ultimately confirm sovereign authority and legitimise the practice of regency. In conclusion, the coronation brought Ekaterina into a position far superior to that of previous regent wives. She was the first crowned wife of a tsar since 1606⁸. Peter justified the coronation of his wife by stating that she had followed him everywhere and had not shown any sign of female weakness, even during the time of war⁹. In doing so, he underlined those characteristics of his wife, which qualified her to be an empress. Furthermore, he set a conspicuous contrast to the alleged shortcomings of his son. The shortcomings of his son had led Peter I to believe, that the tsarevitch was incapable to reign and thereby an apparent threat to the Russian empire and the dynasty itself. In his wife, however, Peter saw a guarantor for the “continuity”¹⁰ of his policies, his sovereign understanding and his newly founded empire, which was rooted in Byzantine traditions.

Both the coronation of emperor’s spouses since the 7th century¹¹ and the institution of a co-emperor were well known in Byzantium. Generally sons were

⁶ Kuuskemaa, Jüri: Petr I i Ekaterina I v Talline, Tallin 2009, p. 135. Henri Troyat assumes that the coronation of Ekaterina I was only a solemn tribute: “It didn’t give her the right to rule in case of the vacancy of the throne”. (“Sie gab jener, die sie empfangen hatte, bei einer Thronvakanz nicht das Recht zu regieren.”) Troyat, Peter der Grosse, p. 355. Erich Donnert follows this opinion. In gleicher Weise argumentiert Donnert, Erich: Peter der Grosse, Wien/Köln/Graz 1989, p. 301. Yulia Bykova discusses the regalia of the new empire by using the example of the coronation of Anna Ioannova. Bykova, Yulia: Towards the Attribution of the Coronation Regalia of Empress Anna Ioannova, in: Personalities from Peter the Great’s Time — 2013. To Mark the 400th Anniversary of the Romanov Dynasty (1613–2013), St. Petersburg 2013, p. 102–114.

⁷ Wittram, Reinhard: Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit, Vol. II, Göttingen 1964, p. 462f. Regarding Moscow as a third Rome see Reiche, Antonia von: Der Weg des russischen Zarentums zur Anerkennung in der Zeit von 1547–1722 (Digitale Osteuropa-Bibliothek, Reihe Geschichte, Vol. 9), Diss., Hamburg 2001, p. 26, p. 53ff.

⁸ Marina Mniszech (c. 1588–1614), the Polish wife of “Pseudo-Dimitri” I (?–1606) was crowned and anointed in 1606. Hildermeyer, Geschichte Russlands, p. 292f.

⁹ Neumann-Hoditz, Peter der Große, p. 111.

¹⁰ Hildermeier, Geschichte Russlands, p. 461.

¹¹ The coronation rites of Byzantine empresses can be found in the book of rites of Konstantin VII Porphyrogenetos (913–959). Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies 2/1, Kapitel 47–92, ed. from Albert Vogt (Collection Byzantine), Paris 1939, p. 11–15. See also the commentary volume of Albert Vogt. Constantin VII Porphyrogénète, Le Livre des Cérémonies, Commentaire, Paris 1940, Commentaire, Paris 1940, p. 21–30.

installed in Byzantium as co-emperors, who should be capable of presenting themselves as heirs with an imperial grandeur in dynastical constituent tradition, once their fathers had passed away. Following the byzantine tradition of the 10th century, tsar Ivan III (1440–1505) ensured, that his grandson Dimitrij Iwanowitsch was crowned to become *Caesar* in 1518¹². Hence, Russian history provided a precedent of co-regency. There were also a few exemplary cases in the Roman-German Empire: For example the empress Theophanu (960/955–991), who, after being crowned in 974, acted as *Coimperatrix Augusta* alongside of Otto II and had therefore attained the right to reign on in case of her husband’s death. On the one hand, she had been empress following byzantine customs. On the other hand, she governed in her own right. This was a novelty in the Latin context. Especially in the case of Theophanu, this was a concerted matter of preventing a throne vacancy in a time of an absent heir by continuing the regency by the empress¹³.

It is neither coherent nor clearly judicially argued, that Peter I, by crowning Ekaterina, designated her to be his successor. Both the contemporary Friedrich Christian Weber, a Hanoverian diplomat, in his work *Russia transformed (Das veränderte Russland)* and a recent work *The History of Russia (Geschichte Russlands)* by Hildermeier, however, do in fact argue this point¹⁴.

In contrast, Heinrich Gottfried Schneidemantel’s *Common Constitutional Law (Allgemeines Staatsrecht)* from 1775 points out that in the whole of

¹² Savva, Vladimir: Moskovskie cari i vizantijskie vasilevsky. K voprosu o vlijanii Vizantii na obrazovanie idej carskoj vlasti moskovskich gosudarej, Charkov 1901, p. 115, p. 129f. Reiche, Der Weg des russischen Zarentums zur Anerkennung in der Zeit von 1547–1722, p. 49ff. Regarding the coronation in the Eastern Church see Treitinger, Otto: Die oströmischen Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell, Diss., Jena 1938 (Reprint 1959).

¹³ MGH DO. II. 76: [...] *dilectissimae coniugi nostrae Theophanu coimperatrici augustae nec non imperii regnorumque consorti has proprietates nostrae possessione*. Fried, Johannes: Kaiserin Theophanu und das Reich, in: Hanna Vollrath/ Stefan Weinfurter (Ed.): Köln, Stadt und Bistum in Kirche und Reich des Mittelalters. Festschrift für Odilo Engels zum 65. Geburtstag (Kölner Historische Abhandlungen, Vol. 39), Köln [u.a.] 1993, p. 139–185, here p. 153. Ostrogorsky, Georgije: History of the Byzantine State (Rutgers Byzantine Series), New Brunswick 1969, p. 181.

¹⁴ Hildermeier, Geschichte Russlands, p. 461. Stökl, Günther: Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, in: Kunisch, Johannes (Ed.): Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates (Historische Forschungen, Vol. 21), Berlin 1982, p. 273–289, here p. 280. However, Neumann-Hoditz argues that the ukase and the coronation didn’t imply a succession of Ekaterina. Neumann-Hoditz, Peter der Große, p. 112 and p. 137. Weber, Friedrich Christian: Deß veränderten Rußlands zweyter Theil, Worinnen die Folge derjenigen Veränderungen, welche der Rußische Kayser Petrus der Erste zur Aufnahme seines Reichs in allen Ständen vorgenommen, [...]. Hannover 1739, p. 111f, S. 135, p. 39ff. Concerning Weber, see Klonowski, Martin: Im Dienst des Hauses Hannover. Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714–1739 (Historische Studien, Vol. 485), Diss., Husum 2005, p. 127f, p. 133.

Europe, spouses were not entitled to a legal order of succession, the seldom practice of co-regency, however, authorized a continuation of the combined rule, as long as no contradictory decrees had been passed¹⁵. The coronation of Ekaterina is therefore an effectual constitution of a co-regency in the sense of a *coregnum* or the *dumvirate*, which was communicated both symbolically and judicially, even if Peter I had not pronounced this deliberately. By having instantiated the coronation pre-emptively, it was not possible to take away her ruling after his death, but, in fact, her position had to remain on. This can be drawn from the words of Menšikov, who alluded to the aforementioned continuity: *Even if I have already pledged allegiance to the Serene Highness and ruler, Peter the Great, emperor and sovereign ruler of all Russians, be he most blessed and kept in eternal glorious memory, and to the Highness, empress Catherina Alexiewna, I will renew this oath, in order to confirm my utmost and deepest loyalty, to the now reigning, most serene and most powerful empress Catherina, sovereign ruler of all Russians and vow to [...]*¹⁶.

(Ob ich zwar dem Allerdurchlauchtigsten und Großmächtigstem Kayser und Herr, Herrn Petro, dem Großen, Kayser und souveräner Beherrscher aller Russen, höchstseligsten und ewig glorreichsten Andenckens als auch der Durchlauchtigsten Kayserin, Catherina Alexiewna, bereits den Eyd der Treue geschworen, so wiederhole ich dennoch zur Bekräftigung meiner allerunterthänigsten und tiefsten Treue den Eyd gegen die ietzo regierende Allerdurchlauchtigste und Großmächtigste Kayserin und Frau, Frau Catherina, aller Reussen Souveräne Beherrscherin und gelobe [...])

The Novgorodian archbishop Feofan Prokopovic (1681–1736) also referred to the coronation as a sign of Ekaterina I's continuant right of power after Peter I's death¹⁷. Stökl mentions that an oath of allegiance towards Ekaterina I was read out loud in the churches after Peter I had deceased¹⁸. But even before this act, the continuity of the empress' reign must have been known to her contemporaries as for instance in Daniel Ernst Wagner's book: *[...] that the emperor in this solemn crowning ceremony of Ekaterina had a higher goal, than simply to do her the honour; and, because he knew that it was a common concept in Russia, that mainly the solemn anointing and coronation would grant the right*

¹⁵ Schneidemantel, Heinrich Gottfried: Das allgemeine Staatsrecht überhaupt und nach der Regierungsform, Jena 1775, p. 348.

¹⁶ Anonymus: *Moscovia Gloriosa*. Das unter dem Allerdurchlauchtigsten, Großmächtigsten und unüberwindlichsten Kayser und Selbsterhalter aller Reussen Petri I. oder Großen höchst glücklich blühende Moscau, 2. verm. Auflage, Erfurt 1742, p. 313.

¹⁷ Torke, Hans-Joachim: Die russischen Zaren. 1547–1917 (Beck'sche Reihe, Bd. 1305), München 2005, p. 179 and p. 181.

¹⁸ Stökl, Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, p. 280, ref. 23.

*to reign, the coronation should prepare his people to acknowledge her as a co-regent during his lifetime and after his death as rightful sole sovereign*¹⁹.

([...] daß der Kaiser bey dieser feierlichen Krönung Katharinens ein höheres Absehen, als ihr damit eine Ehre zu erweisen, führe, und, weil er wisse, wie allgemein der Begriff in Rußland sey, daß hauptsächlich die feierliche Salbung und Krönung das Recht zur Beherrschung ertheile, durch diese Krönung sein Volk vorbereiten wolle, sie bey seinem Leben als Mitregentin, und nach seinem Tode als einzige Regiererin zu erkennen [...].)

The continuity of her co-regency, that ultimately became a sole reign after Peter's death, apparently seemed to be seen as secured, was respectively confirmed by oath. Therefore it can be said that Ekaterina is not literally a successor of Peter I. Earlier references believed that Ekaterina seized power of the throne with the help of Menšikov and her faithful guards²⁰. I do not want to deny that Menšikov took a great personal interest in the continuity of Ekaterina's reign within the circle of Peter's confidants. However, 'self-empowerment' in the sense of seizing the throne implies an illegitimate reign, an usurpation. On no account can it be said, however, that this was the case with Ekaterina's coronation, because she was a legitimate bearer of power. The guards can therefore be understood as safeguards of the legitimation, especially in the unusual case of female sovereignty.

Tsar Peter I had decreed an ukase (a statute about the succession of the throne) on February 5th 1722, in which he arranged that the custom of a biological descendant to the throne and, hence, the customary right of the primogeniture would be kept up no longer. On the contrary, each Russian sovereign should be free to determine his dignified heir, even if this heir did not descend from the same dynasty²¹. This ukase was affirmed through the script *Pravda voli monaršej vo opredelenii naslednika derzavy svoej* (1722) by Feofan Prokopovic.

¹⁹ Wagner, Daniel Ernst: Allgemeine Weltgeschichte. Die Erlöschung des rurikschen Regententammes bis zum Tode Kaiser Peters II. [...] 1598–1730, Vol. 16, Leipzig 1787, p. 814.

²⁰ Reimers, Heinrich Christoph von: St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums, Vol. 1, 1. Theil, Penig 1805, p. 210f.

²¹ *Bey dieser Gelegenheit erlangten Se. Maj. Die souveräne Disposition über Dero Thronfolge von den gesamten Ständen, daß es in Dero hohen Willkühr lediglich beruhen sollte ohne einige Veränderung und Widerspruch ihren Successore zu benenen, welcheshöchst Dieselben durch eine solenne Declaration dem ganzen Reich bekannt machten, auch zu dem Ende alle Dero getreuen Unterthanen mit einem Eyde belegen laßen.* 22nd of October 1721. Anonymus: *Moscovia Gloriosa*. Das unter dem Allerdurchlauchtigsten, Großmächtigsten und unüberwindlichsten Kayser und Selbsterhalter aller Reussen Petri I. oder Großen höchst glücklich blühende Moscau, 2. verm. Auflage, Erfurt 1742, p. 303. Reagrnding the ukase of Peter I see Stökl, Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, p. 273–289, here p. 277f.

Prokopovic underlined a justification of the monarchic provision, which was given by theological substance and natural law²². In his justification of the free decision to determine a dignified heir, the ukase aimed towards the maintenance and welfare of the Russian Empire following to the preface of Prokopovic's script. According to the foreword, the heir would no longer be determined by first birth, a dangerous norm, but by assessing the suitability of the individual by his virtues²³. To underline his rationale, Peter used the aforementioned example of Ivan III, who had declared his grandson Dimitrij as heir and as co-regent during his own lifetime. Ivan III had saved the unity of the empire by disregarding the primogeniture and selectioning his successor²⁴. Given this reference in the ukase, the emphasis on Ekaterina's abilities and virtues as a justification for her coronation by Peter I is an explicit indication of a co-regency of his spouse and not simply a reverential act towards her²⁵. Furthermore, an affirmation of Ekaterina's co-regency can be seen in the arrangement of a designated throne chamber and proper throne for her in the summer residence in St. Petersburg²⁶.

Peter I's ukase for the future tsarian legal order of succession contradicted not only the common law primogeniture of the dynasty, but also the old-established perception in Russian inheritance law, which was based on byzantine law, customary right and national custom. In the case of an absence of a testament (*Duchovnaja*, a deed that includes the last will) the children were generally thought to be the eligible heirs of the father's commodities. According to the byzantine law of succession, sons and daughters were considered in

²² Wittram, Peter der Grosse, p. 137. Härtel, Hans-Joachim: Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič (Das östliche Christentum, N.F., Vol. 23), Diss., Würzburg 1970. In 1724, a German translation of the ukase was published, which was critically discussed in the discourse of the German constitutional law. Anonymus: *Das Recht des Monarchen in willkürlicher Bestelung* der Reichsfolge, Berlin 1724.

²³ Orlov, A./Georgiev, V./ Sivochina, T. (Ed.): *Chrestomatija po istorii Rossii s drevnejšich vremen do našich dnei*, Moskva 1999, p. 171. Richard Wortman: *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I*, Princeton 1995, p. 89. Hoditz-Neumann, Peter der Große, p. 137. Silnizki, Michael: *Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland. Jurisprudencija an den Universitäten des Russischen Reichs 1700-1835* (Studien zur europäischen Rechtsgeschichte, Vol. 97), Frankfurt am Main 1997, p. 49. Stökl, *Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland*, p. 278. The decree by Peter underlines the patrimonial understanding of the emperor of his developing state and the empire created by him.

²⁴ Stökl, *Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland*, p. 283f.

²⁵ See Troyat, Peter der Grosse, S. 355 as well as Wittram, Peter der Grosse, p. 137.

²⁶ Mörkelsberger, Maria: *Kulturtransfer durch Peter den Großen am Beispiel der Repräsentationsbauten Menschikow-Palast und Sommerpalais in St. Petersburg*, Diplomarbeit Universität Wien 2013, p. 61 and picture 59, accessed online http://othes.univie.ac.at/26411/1/2013-02-16_0709338.pdf (seen 05.08.2014) S. 61 and Abb. 59. Concerning the summer palace see Kroll, Renate: *Andreas Schlüter und der Sommerpalast Peters I*, in: *Forschungen und Berichte*, Bd. 17. *Kunsthistorische und volkskundliche Beiträge* (1976), p. 113–134.

equal measure. In Russian custom and practice, however, the daughters often did not inherit anything aside from a dowry when they married²⁷. Following the customary law, the spouse had no right of heritage. Instead she kept everything that had been given to her by her husband during his lifetime²⁸. Especially this Russian practice offers the context for Ekaterina's coronation. After the death of her husband, Ekaterina kept the imperial title and the right to reign. The Russian tradition of succession did not provide for a succession for widows but merely the custodianship and regency for an underage heir to the throne. This is why Ekaterina's coronation during Peter's lifetime and the co-regency had established a fact that must have been considered to be a novelty²⁹. Ekaterina's custodianship for her youngest daughter only lasted for a short period of time due to the fact that the princess was soon of marriageable age. Regency, however, did not become necessary, because neither Peter's daughters nor his grandson were appointed as heir to the throne and the empire. Both could not be said of Ekaterina. It was much more comprehensible and acceptable for the Russians that Ekaterina kept a right that her husband had granted her during his lifetime. In her case, the crown and thus the right to reign.

On the one hand, a clear strategy of Peter for his succession respectively his dynasty cannot be identified. A basic approach to this can only be seen in the ukase and in the coronation of his wife. On the other hand, the coronation could be judged as an effectuation of the constituted suffrage in the ukase and therefore as a strategy to continue Peter's rule posthumously through a suitable individual, his wife. One finds suggests in a coded report of the Vienna diplomats from 1723:

Incidentally, your graciously Highness, a good friend of mine translated the attached tsaristic edict, which provides information regarding the upcoming coronation of the Tsarina [all lines from here were coded]: he also confirmed that the Tsar will declare his wife as his legitimate successor (...)

[248r] (...) *Übrigens Allergnädigster Kayßer und Herr Herr ist mir von einem guten freund beykommendes von Ihme Selbsten translirte Czar[ische] r Edict communiciret worden, worauß dann Euer Kay[serlich]e May[estät]t die bevorstehende Crönung der Czarin allergnädigst ersehen [ab hier in Chiffren:] es hat mir aber Mein obiger confident ohnedessen auch als ein ausgemachte sach referiret, daß der Czaar die Czaarin bey der Crönung für seine succes-*

²⁷ An ukase by the emperor from 23rd of March 1714 caused a disruption of these traditions and concentrates the whole heritage solely on a son. Silnizki, *Geschichte des gelehrten Rechts in Russland*, p. 48. In regarding to the law of a sole heir see Donnert, Peter der Grosse, p. 143f.

²⁸ Dictionary entry *Zadnica* (assets/inheritance), in: Günther-Hielscher, Karla: *Real- und Sachwörterbuch*. Neu bearbeitet von Ekkehard Kraft, Wiesbaden 1995, p. 390–392.

²⁹ Hildermeier, *Geschichte Russlands*, p. 461.

sion dato casu sicherlich [247v] *declariren* [wird], (...) ³⁰. The term *suces-sion* was used as a simple term by the legate Nikolaus von Hochholzer (?–?) from Vienna, which was probably changed through a coded message. It was reported to the Court of Vienna that the coronation of Ekaterina by Peter should guarantee the sovereignty of his wife after his death.

If the intentions at the time of the coronation were still relevant shortly before Peter's death remains unclear. Therefore the legitimacy of the empress' reign can only be argued from the basis of the legal facts that Peter had provided for.

It was now up to Ekaterina I to arrange for a suitable successor to Peter and their shared authority. This happened, as will be argued in the following passage, not on the basis of the ukase of 1722 by selecting the best and most competent individual, but rather to the effect to secure the dynasty of the Michailovs/Romanovs.

Thesis II: Ekaterina's testament as an important step towards securing the dynasty and a legal connection of the Michailov/Romanov family to Western dynasties

In contrast to Peter I, Ekaterina I devised a testament before her death in 1727³¹. The testament has been widely ignored by researchers; even in Nikolaj Pavlenko's biography of Ekaterina I³². Below, the testament will be presented according to its dynastical provisions and analysed against the backdrop of German royal testaments. I assume that the practice of writing testaments in the German principalities and the content of their testaments have had a strong

³⁰ AT-OeStA / HHStA Wien, Staatenabteilung Russland I, K28, Bl. 241r–246r [Relation Hochholzer an Kaiser, St. Petersburg, 10.12.1723 (n. st.)]. I am very thankful to PD Dr. Franziska Schedewie who made it possible to access the source in the context of an edition project of the DHI Moscow concerning German diplomats at the tsar's court. Regarding the diplomatic relationships between Vienna and the tsar's court see Schwarcz, Iskra: Die diplomatischen Beziehungen Österreich-Russland in der zweiten Hälfte des XVII. Jahrhunderts, in: Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs (200 Jahre russisches Außenministerium) 50 (2003), p. 29–42. Also Pilss, Franz: Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721), Diss., Wien 1949.

³¹ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, without. pag. 24 sheets.

³² Pavlenko, Nikolaj: Ekaterina I. Moskva, 2004. (Accessed online http://www.ulib.info/writer/2706/books/47425/pavlenko_nikolay_ivanovich/jizn_zamechatelnyih_lyudey_-_1104_ekaterina_I/read (seen 09.07.2014).

Only Vladimir Tomsinov discusses the testament. Tomsinov, Vladimir: Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I: Kommentarij, in: Zakonodatel'stvo Ekateriny I i Petra I, Moskva 2009, S. XXV. For German research see Stökl, Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, p. 280f.

influence on the empress' testament. This was possible due to the contributions of German councillors to the deed.

The testament of Ekaterina I is of great importance as far as no Russian sovereign testaments had been passed down since the end of the 16th century and the succession had not been settled or secured by consulting a testament ever since³³. After the *Seniorat* (council) had been overthrown in the 14th century and the primogeniture had itself established, designations of an heir as the first born son in patrimonial manner can be found in testaments of grand princes until the 16th century. The French historian, Marc Szeftel, compares the exclusion of female descendants from inheritance and the adoption of the primogeniture to the French monarchy. He classifies this decision as the *lois fondamentales* of the grand princes of Moscow³⁴. The primogeniture remained as a customary law in the Russian Empire even if the testament, as an instrument of law, had lost its tradition until the last will of Ekaterina I.

The princes of the German territories in the Old Empire installed exactly these types of *lois fondamentales* in their testaments since the 16th century. These included regulations of succession and custodianship, terms of regency, instructions on marriage provisions or the filial resignation from inheritance and the regulations of preservation respectively or disposal of their goods. Through these testaments, the terms and conditions for the next generations were confirmed as dynastic rules. These statutes within the family's testaments therefore regulated the rights and duties in the royal families. What can be drawn from the aforementioned rules and regulations is, firstly, which fields were seen as important by the German princes to secure the dynasty. Secondly, it can be concluded that these dynasties saw themselves as agnatic, all-male kindredship, basing their parentage on a common progenitor³⁵.

³³ Cornelia Soldats points to this complex of problems. The Russians testament texts are missing, but their existence is proved and passed on by chronicler's report. The designation of an heir is interpreted by Soldat as an essential act to attain peace of mind. Soldat, Cornelia: Seelenheil und Nachfolgerfrage in den Testamenten Moskauer Herrscher des 16. Jahrhunderts. Die Testamente Vasilij III. von 1533 und Ivans IV. von 1553, in: Herzog, Markwart/Hollberg, Cecilie (Ed.): Seelenheil und irdischer Besitz. Testamente als Quellen für den Umgang mit den „letzten Dingen“ (Irseer Schriften, Bd. 4) Konstanz 2007, p. 37–51, here S. 51, ref 50. Stökl, Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, p. 274.

³⁴ Szeftel, Marc: La Monarchie absolue dans l'Etat Moscovite et l'Empire Russe, in: La Monarchie, Vol. 2, Bruxelles 1969, p. 727–758.

³⁵ Webers sees dynasty as agnatic organization. Weber, Wolfgang E.J.: Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaates, in: Ibid, Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte, Köln/Weimar/Wien 1998, p. 91–136, here p. 95. Schulze, Hans K.: Grundstrukturen der Verfassung im Mittelalter, Vol. 2, Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Hof, Dorf und Mark, Burg, Pfalz und Königshof, Stadt (Urban-Taschenbücher, Bd. 372), Stuttgart [u.a.] ²1992, p. 39.

Hence, by choosing a testament, Empress Ekaterina I resorted to a dynastic strategy paper that was well known to German royal dynasties.

Genesis and Authorship

In preparation to the testament, Ekaterina had apparently asked the advice of different people in her closer environment³⁶

The original testament was published in connection to the manifest dealing with the succession to the throne by Peter II (1715–1730) and therefore offered a source of legitimacy of his reign³⁷. Aside from this, a German and a bilingual, German-Swedish, contemporary publication of the last will of Ekaterina exists in Vienna and Stockholm³⁸. The entire content of the testament can be found furthermore in a German abstract exactly following the publicized testament in Christian Friedrich Hempel's biography of Baron Heinrich Johann Friedrich Ostermann (1687–1747), a confidant of Ekaterina I and the vice-chancellor of the future emperor, Peter II³⁹.

The factual authorship of the empress cannot be proved for the testament. The privy council of the Duke of Holstein and Ekaterina's son-in-law, Henning Friedrich von Bassewitz (1680–1749), claims to have composed the testament himself in the last days of the monarch⁴⁰. The fact that a considerable part of the testament concern the Duke and his political interest — the Swedish crown and the recoument of the Schleswig territories — militate in favour of this version. Bassewitz was part of the inner circle of Ekaterina I's advisers. As the

³⁶ Solov'ev, Sergej: M.: Istorija Rossii, Kniga X, Moskva 1963, S. 67. Following the biographer Christian Friedrich Hempel, Baron Heinrich Johann Friedrich von Ostermann (1687-1747) advised the empress during the writing of the testament. Hempel, Christian Friedrich: Merckwürdiges Leben, Und Trauriger Fall Des Weltberufenen, Russischen, Staats-Ministers, Andreä Grafens von Ostermann, Ehemalichen Russisch-Käyserlichen Reichs-Vice-Canzlers, und bisherigen Gros-Admirals von Russland [...], Bremen 1742, p. 232.

³⁷ PSZ 7, Nr. 5070, S. 780-791. Stökl, Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, p. 280.

³⁸ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, without Pag. 24 sheets. The printed version of the testament published in Stockholm 1727 can be found in the collection of the library of the Military archives (Krigsarkivets bibliotek). However, it turns out that this printed Swedish version is a translation of a version published at the imperial printing office in Vienna, in German. This information (=på svenska öfversatt efter thet i Käyserlige Hof-tryckeriet i Wien utkomne exemplaret) can be seen in the bibliographic description of this publication found in the library catalogue Libris: <http://libris.kb.se/bib/3292710> (seen at 14th of August 2014). There is therefore no reason to believe that the original testament is part of the stocks of the National archive of Sweden.

³⁹ Hempel, Merckwürdiges Leben, p. 232–236.

⁴⁰ Tomsinov, Testament blažennoj pamjati, p. XXVII.

testament was written in German and in the knowledge of the German testament tradition, it is most likely that Bassewitz was the author⁴¹. Furthermore, the Empress emphasizes in her testament that it had been written on her authority⁴². In doing so, she followed the lead of German princes, who authorized their confidants and legally knowledgeable councils to draft a concept according to the orders or available notes of the testator⁴³. Because Ekaterina could barely read and write, her authorship of the testament can, at most, be considered as an intellectual one.

Whether or not Ekaterina herself has handwritten the signature under the testament remains uncertain. Following German testaments, Ekaterina's testament does formulistically state that she had signed the document by herself, and *strengthened the deed with the ministry's seal*⁴⁴. (*dem geheimem Cabinetts=Insigel bestärcken lassen*) However, this cannot be proven because the original has disappeared. According to a diary entry (September 27th 1727) of the Saxon ambassador Johann von Lefort (1685–1739), Ekaterina's daughter Elizaveta (1709–1762) had apparently begun to sign documents in Ekaterina's name more and more often. It is therefore highly probable that she had also signed the testament of her mother⁴⁵. According to Roman testament legislation, the last will of the Empress then would have become void.

With a testament that strongly followed the structure and content of German princely testaments, Ekaterina's testament clearly distanced itself from the old Russian tradition and the applicable Byzantine law⁴⁶.

⁴¹ Solov'ev is convinced that the German councilor is the author of the testament. Solov'ev, Istorija Rossii, p. 80.

⁴² Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, Arenga.

⁴³ Regarding German testaments of princes and their authorship see Richter, Susan: Fürstentestamente der Frühen Neuzeit. Politische Programme und intergenerationelle Kommunikation (Schriftenreihe der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 80), Diss., Göttingen 2009, p. 67ff.

⁴⁴ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, last sheet.

⁴⁵ Turgenev even assumes that the empress didn't know anything about the existence of this testament. But this is only based by Turgenev on assumptions. Turgenev geht sogar davon aus, dass die Kaiserin von der Existenz des Testaments gar nichts wusste. Doch er folgt dabei nur Vermutungen. Turgenev, Aleksandr/Solev'ev, D.V.: Rossijskij dvor v XVIII veke, Sankt Petersburg 2005, p. 39.

⁴⁶ This concerns all other testaments by the Russian nobility in the 17th and 18th century. See Soldat, Seelenheil und Nachfolgerfrage in den Testamenten Moskauer Herrscher des 16. Jahrhunderts, p. 37.

The testament of the empress abstained from an *Invocatio*, invocation of God, even though common in German princely testaments⁴⁷. As an intention to write a testament, Ekaterina stated, that, due to her *sickly condition and weak health, she was concerned, aside from the concern for our soul, for the future welfare of the entire empire, our family and all our faithful subjects*.

([...] *kräncklichen Leibeskonstitution und schwächlichen Gesundheit, nebst der Sorge für unsere Seele, die künftige Wohlfahrt des ganzen empirees, unserer Familie und aller unserer getreuen Unterthanen vor Augen*.) In this flowery phrasing and imitation of the *Sanamente-set-phrase* (*Sanamente-Formel*), common in Roman law and in German princely testaments, she emphasized that she had *authorized the edict in perfect sanity and reason*. ([...] *bey vollkommen gutem Verstande folgende Verordnung habe verfassen lassen*.)⁴⁸ The explanation that she was in full command of her sanity, followed the old Roman law phrase *sana mente interoque consilio*⁴⁹. In Roman law, sanity was a requirement for legal capacity to act and a sign of complete maturity. Out of this exact concern for the fading condition of her health, the empress instituted the testament.

Designation of an Heir

Especially the upcoming death of a monarch and the necessary change of rule towards a successor are known to be a weak spot of princely rule. It could easily lead to conflicts with the old elites. Only a clear line of succession helped to avoid this problem. In order to do so, it was necessary to make judicially binding provisions before the death of the monarch with his heir in a consensus arrangement. This is why the designation of the ruler's heir played a prominent role in the testament. It was the so-called noblest piece of the document. This however, required a sense of ownership or at least private property, according

⁴⁷ On the structure of testaments of princes see Richter, *Fürstentestamente der Frühen Neuzeit*, p. 56ff. Cornelia Soldat points out that the different constituents in Russian testaments of the 16th century like the *Invocatio*, *Intitulatio*, *Arenga*, *Dispositio*, *Corroboratio* and *Sanctio* are taken from Byzantine law and were very similar to the constituents of the Roman law. Soldat, *Seelenheil und Nachfolgerfrage in den Testamenten Moskauer Herrscher des 16. Jahrhunderts*, p. 37.

⁴⁸ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, *Arenga*.

⁴⁹ Richter, *Fürstentestamente der Frühen Neuzeit*, p. 59ff. Further explanations in regard to the demonstration of agency in bourgeois testaments by the *Sanamente-Formula* see Schulz, Gabriele: *Testamente des späten Mittelalters aus dem Mittelrheingebiet. Eine Untersuchung in rechts- und kulturgeschichtlicher Hinsicht* (Quellen und Abhandlungen zur mittelrheinischen Kirchengeschichte, Bd. 27), Diss., Mainz 1976, p. 11f. Baur, Paul: *Testament und Bürgerschaft. Alltagsleben u. Sachkultur im spätmittelalterlichen Konstanz* (Konstanzer Geschichts- und Rechtsquellen, Vol. 31), Diss., Sigmaringen 1989, p. 95f. Concerning the Cartesian concept of the distinction between soul and body, which was paid more attention to in medicine from 1650 on, see Schäfer, Daniel: *Alter und Krankheit in der Frühen Neuzeit. Der ärztliche Blick auf die letzte Lebensphase* (Kultur der Medizin, Vol. 10), Diss., Frankfurt am Main [u.a.] 2004, p. 315ff.

to which land and people were completely free to disposal and could therefore also be sold, pawned, separated and given or bequeathed to someone. The old idea of the relationship between a prince and his territory similar to that of a landowner and his estate illustrates the power of disposal especially well⁵⁰. This power is at the same time the reason why princes in the Holy Roman Empire during the Early Modern Times principally had the right of disposal over their estates and the civil law and the testament command this⁵¹. Testaments are the best mirrors of this patrimonial idea of rule and its gradual change. In the testaments, individual princely reasons can be found for establishing a patrimonial system of rule and the related dynastical goals. At the same time, the princely testaments in Germany are those documents, in which the evolution of the rules of succession can be traced: from disposals solely for the next generation to well-established, widely accepted and dynastic rules passed on for many generations.

The German princely testaments of the Early Modern Times were determined by two very opposing interests, which could dominate alternately in different generations within the same family until the 18th century: On the one hand, the search for a dynastic justification was crucial. According to this argument, the majority of the sons should subordinate themselves to one head figure in order to prevent a crisis from breaking out and to strengthen the power and influence of the family. On the other hand, the right of the younger sons to an appropriate endowment and accommodation of land and people and the possibility of each of the sons to participate in power sharing had to be insured. The struggle between the opposing conceptions and lastly the establishment of the primogeniture in all German dynasties in different times is reflected in the princely testaments. Especially in the early testaments the bitter experiences with the failing of the primogeniture or the combined regency of multiple sons and the allusion to family quarrels are apparent. These quarrels promoted territorial divisions as a solution for dynastic crisis until the 17th century and prohibited an earlier establishment of the primogeniture. This approach stood

⁵⁰ Weitzel, Jürgen: *Die Hausnormen deutscher Dynastien im Rahmen der Entwicklungen von Recht und Gesetz*, in: Kunisch, Johannes (Ed.): *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Bd. 21), Berlin 1982, p. 35-48. Stöckl, *Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland*, p. 273-289.

⁵¹ The „Handbuch des Teutschen Staatsrechts“ states: *In den allgemeinen Observanzen in Teutschland gehört nun der Vorzug des Mannesstamms vor dem weiblichen. Dies ist uralte Sitte, wovon sich bereits Spuren in den Gesetzen der ältesten teutschen Völker finden*. Häberlein, Karl Friedrich: *Handbuch des Teutschen Staatsrechts. Nach dem System des Herrn Geheimen Justizrath Pütter; zum gemeinnützigsten Gebrauch der gebildeten Stände in Teutschland, mit Rücksicht auf die neuesten merkwürdigsten Ereignisse*, Vol. 3, Berlin 1797, p. 501.

in the way of an ascent of one dynasty, because each division meant the fragmentation of the family's financial power and the weakening of the social status. Furthermore, this made any attempts to politically strengthen a House in the next generation almost impossible. Princely testaments, understood as dynastic strategy papers, therefore coincided well with the appointment of an heir and the regulation of other family member's roles in the service of the dynasty.

By successfully establishing the primogeniture in the German dynasties, an essential factor of inner stability for the small territorial states in the Old Empire had been introduced. The German cameralist Johann Gottlob Justi called a small regulation of succession an arrangement, *which is most beneficial and mostly advances the welfare of a state* ([...] *die am heilsamsten ist und die Wohlfahrt des Staates am meisten befördert*). Only through clear norms of succession war and conflicting elections could be avoided⁵². The acceptance of the order of succession through younger members of the dynasty or the elites prohibited struggles over the succession to the throne and thereby conditions which resemble civil wars after the death of a monarch. The historian Johannes Kunisch therefore believes the order of succession is a structural principle of the development of European states⁵³.

Indeed, the structural principle of a succession order with primogeniture existed in Russia only as a custom and practice, but according to Stökl with an extraordinary stability⁵⁴. Peter I had annulled the customary succession of the oldest son through his ordinance regarding the succession to the throne. The succession was now incalculable and no longer linked to the Michailov/Romanov dynasty. In doing so, Peter had created a destabilising factor which didn't support Russia in the structural development towards a Western state.

It will be demonstrated below, that Ekaterina I's testament laid a particular focus on the dynastic interests of the Michailovs/Romanovs and therefore must be understood as an essential strategy paper for the strengthening and westernization of the dynasty: Empress Ekaterina I appointed the eleven year old grandson of Peter I, son of the tsarevitch Alexei, as the future Peter II and therefore as the sole successor of the Russian imperial honours. She justified her decision by stating that, from her perspective, *a male individual would be more capable of coping with the great burden to reign* (*eine männliche Person eine so große Regierungslast füglichlicher tragen*) and the power, that had been attained

⁵² Justi, Johann Heinrich Gottlob von: *Vergleichungen der Europäischen mit den Asiatischen und andern vermeintlich barbarischen Regierungen*, in drei Büchern verfaßt, Berlin/Stettin/Leipzig 1762, p. 100f.

⁵³ Kunisch, Johannes: *Einleitung*, in: Kunisch, Johannes. (Ed.), *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Vol. 21), Berlin 1982, p. XII.

⁵⁴ Stökl, *Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland*, p. 274.

by Peter I *could be better preserved by him*⁵⁵ (*besser aufrecht erhalten könne*) than by a woman. This is the reason why she had decided against a succession to the throne by one of her two daughters, *even, if, according to motherly love, the daughter should be the first and most noble, to whom we could pass on the succession, not summoned to abide by common laws and customs of the other empires, as a sovereign ruler [...]*⁵⁶. (*obwohl dieselbe nach Mutterlichen Liebe nach die Erste und Vornehmsten seyn solten, welchen wir nach uns die Succession zu laßen intentiinieret seyn könnten, auch hierunter uns an die anderen empireen übliche Gesetze und Gewohnheiten, als eine Souveraine Herrscherin zu binden nicht verpflichtet seynd [...]*).

With Peter II's succession she clearly decided in a strictly agnatic sense for a male Michailov/Romanov and therefore against one of her own daughters and securing the reign for her children. Research indicates that parties at the court and dignitaries pressured Ekaterina to designate the young Peter as heir⁵⁷. Nevertheless, many facts argue towards a strategic approach: if she decided for a successor with a high acceptance rate among the nobility, this was most likely to bring about a guarantee for a structured change of regency, that would not ultimately lead to a crisis of struggles for the throne. This fact helped to secure the dynasty for the descendants of Peter I. For the succession of one of her daughters with their German husbands and foreigners in Russia, Ekaterina could have resorted to her right of choice according to the regulations of the succession to the throne of a reigning emperor. However, this regulation installed by Peter I lacked tradition and acceptance among the Russian elites. Male regency and agnatic descent were, on the contrary, part of Russian and Western traditions and therefore a fundamental requirement for the legitimacy and acknowledgement of regency. This is why her testament declared the young Peter II to become the future emperor.

It appears that Ekaterina had ambitions to pass the crown on to one of her children according to the conditions of her own family. The French secretary in St. Petersburg, Magnan (?-?), wrote in a dispatch to Paris, that shortly before her death, Ekaterina had mentioned a wish to prince Menšikov, that her daughter Elizaveta should be appointed future empress⁵⁸. This wish did not become reality and the testamentary heir Peter II remained legitimate.

⁵⁵ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, § 1, sheet 1.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Tomsinov, Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I, p. XXV.

⁵⁸ Diplomatičeskaja perezpisaka francuzskih poslov i poslannikov pri russkom dvore. Čast' 6. Donesenija francizskogo polnomočnogo ministra pri Russkom dvore Kampredona i poverennogo v delach Man'jana, 1726 i 1727 g. po 7 maja, in: *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoričeskogo obščestva*, tom 64, Sankt Peterburg 1888, S. 576. Zitiert nach: Tomsinov, Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I, p. XXVI.

But she had not completely excluded her daughters from the imperial succession. In order to avoid any confusions⁵⁹ (*Vermeidung aller Confusionen*) she arranged in paragraph 8 of the testament the *devolution of the crown (Cronsfolge)*, in case Peter II should die heirless. The right of the succession to the throne should in this case be appointed to her older daughter Anna (1708–1728) and her heirs, followed by the younger daughter Elizaveta and her offspring, finally to grand duchess Natal'ja (1714–1728) — Alexei's firstborn daughter. Concerning the aforementioned descendants of the daughters, *the male heir should always be considered first over all female descendants. If all of these had been dealt with, the succession should be given to the next male individual, who was related closest to the now reigning family and who was the eldest (immer der Männliche Erbe den Vorzug für allen Weiblichen haben. Wann alle diese ausgegangen, als dann alsdann derjenige zur Nachfolge gelangen sollte, welcher von Männlichem Geschlecht der jetztregierenden Szarischen Familie am nächsten verwandt und der älteste seyn wird)*⁶⁰.

This provision pertaining to the heritage is a violation⁶¹ of the ukase, that Peter I had passed on February 5th 1722, and thereby a breach of the right of the reigning emperor to determine his successor. Ekaterina had no right to appoint further successors to the throne. Hempel already mentions this in his biography of Ostermann and mirrors the uncertainty in the West towards the lawfulness of the succession to the throne in Russia⁶². However, the empress acted in her own right as a sovereign monarch just as Peter had done by modifying the established law of succession in a dynastic sense; turning against every Russian tradition by installing an alternative cognate, feminine regency. The 8th paragraph proves the dynastic quest for securing the power in the testament, which should prevent any accidentally unwanted situations or the probable despotism of an underage child emperor. The authority should in any case be linked to the Michailov/Romanov House and not be handed over to strangers or confidants of the boy. The testimonial provisions demonstrate that Ekaterina tried to establish a testament for future generations against possible regency crises due to the lack of a male heir. She did this by following the German example while trying to establish a House constitution and wanted the document to be understood as such one in the future. The decrees of the testament communicated a dynastic reason, focussing on the consanguinity to the Michailov/Romanov

⁵⁹ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, § 8.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Tomsinov refers to this violence. Tomsinov, Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I, p. XXXI.

⁶² Hempel, Merckwürdiges Leben, p. 233.

family, authorising the individual for a legitimate reign. In doing so, Ekaterina availed herself of a double-strategy. First, Peter I's male line should be considered preferential for regency. Only after the male line had become extinct, her daughters should become entitled to inheritance in order to prevent the dynasty from extinction. In this case the testament does not follow the German example of solely male regency or the consideration of collateral lines, as for instance the family of Peter I's half-brother. Regarding the regulation of succession she decided to follow the cognatic system in Sweden and Courland. Aside from the two kingdoms, the cognatic inheritance law was followed by England and until the 18th century by the Lower Rhine dukedoms Jülich, Cleve and Berg⁶³. The Swedish-cognatic solution, which must have been very favourable to the empress regarding her two daughters, can surely be traced back to the influence of the Holstein councillor Henning Friedrich von Bassewitz⁶⁴.

Every person who already held a crown or was the spouse of a sovereign ruler outside of Russia was also expelled by Ekaterina I from ascending the Russian throne⁶⁵. She thereby tried to avoid regency in personal union or a fusion of territories. The Russian throne should remain exclusive, which is why she prohibited to *give the Russian throne to an already reigning sovereign (keinem anderweitig regierenden Herrn den Russischen Thron zu geben)*⁶⁶.

Custodianship and Regency

Ekaterina I warned the future emperor in her testament, *to act on the throne according to the laws of Peter and her, in order for [...] the hope put on him, would be met and Russia's bloom would persist in constant growth (sich auf dem Thron gemäß den von Peter und ihr geschaffenen Gesetzten verhalten, damit*

⁶³ In 1544, Gustav Wasa (1496–1560) succeeded in converting the Swedish elective monarchy into a heritable kingdom at the Diet of Västerås. Konung Gustafs testamente. Stockholm 1560 den 1 juli, in: Svenska Riksdagsakter. Andra Handlingar (1521–1718), första delen, II, 1544–1560, ed. Emil Hildebrand, Stockholm 1888, p. 675–701. Currently, research refocuses the question of foreign influence on Swedish documents and constitutional law documents from the 16th century concerning inheritance law. See Odén, Brigitta: Gustav Vasa och testamentets tillkomst, in: Scandia. Tidskrift för historisk forskning 29/1 (1963), p. 94–141, here p. 95f. The formula which excluded women and favoured men in the case of succession in the territories of the Old Empire is: *De terra vero salica nulla in mulieris hereditatis transeat portio, sed ad virile sexus tota terra proprietatis sue possideant*. Quoted from Quaritsch, Helmut: Diskussionsbericht, in: Kunisch, Johannes (Ed.): Helmut Quaritsch: Diskussionsbericht. In: Johannes Kunisch (Ed.): Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates (Historische Forschungen, Vol. 21), Berlin 1982, p. 248.

⁶⁴ Regarding the welcomed relations by Russia to Holstein-Gottrop under Peter I see Klonowski, Im Dienst des Hauses Hannover, p. 127.

⁶⁵ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, § 8.

⁶⁶ Ibid.

die [...] in ihn gesetzte Hoffnung erfüllet, und Russlands Flor in stetem Wachstum erhalten werde)⁶⁷. The heir should carry forward the political goals of his grandfather and serve as a guarantor towards the Petrine reforms. Therefore the heir to the throne had to be raised accordingly. The education and the conditioning of the heir were regarded by Ekaterina as the sphere of her own family. Until the majority age (16) of Peter II, an *actual succeed to the reign should be layed off. (würckliche Antretung der Regierung ausgestellt bleiben)*⁶⁸. Rather Ekaterina's daughters Anna and her husband, the Duke of Holstein, Elizaveta and nine members of the privy council should act as his custodians and lead the regency for him. On the one hand, this *Conseil*⁶⁹ was comprised of confidants and vice-chancellor Heinrich Johann Friedrich von Ostermann (1687–1747). On the other hand, adversaries to the Westernization of the empire were integrated as well. Ekaterina assigned all the rights of a sovereign ruler to the *Conseil*. Only the right to alter the law of succession to the throne was excluded.

The time of the minority of the successor was principally a difficult and insecure time regarding the consolidation of power. The empress tried to obviate an insecure time by determining the regency and appointing custodians following German testamentary customs.

In the German territories, the goal of effective custodian regency was to guard the interests of the children and to put to practice the proper conceptions of the testators towards the exertion of the custodian governance. The German ruling princes used their testaments to regulate these matters, because the testaments could be useful due to their effectiveness and binding mechanisms to enforce their will. Princely testaments are therefore of great value for the constitution of a House regarding matters of regency and custodianship. The regulations of the last will are documents where, pertaining to matters of regency and custodianship, new laws were constituted or existent House traditions were strengthened and passed on. In this case, the affirmation of a House law in the testament contributed to establish this law for generations, thereby insuring continuity⁷⁰.

The German princes regarded it as a princely obligation to take fatherly care of the education of the children and to make arrangements for the appointment

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, § 2.

⁶⁹ Ibid, § 4.

⁷⁰ "Recency" is understood as the guardianship of an underage prince, who is therefore incapable to rule. This concerns his rights as well as his duties, while the guardianship implies his education and legal representation. See Puppel, Pauline: Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500–1700 (Geschichte und Geschlechter, Vol. 43), Diss., Frankfurt am Main [u.a.] 2004, p. 35ff.

of the country administration after their death. This obligation unfolded of the common conception of a good reign, as promoted by the mirror of princes. At the same time, they followed the dynastic reason, to pass the guardianship and regency onto a faithful individual, who would act according to the dynastic goals. A guardian of a regent was a person, whom the testator trusted absolutely to altruistically represent the underage children following the testators' wishes and safeguarding their interests. Apparently less and less German testators trusted their agnates, which are the brothers or cousins of the House, to fulfil this role. Experience had probably taught them that their own ambitions were aimed at taking over the reign, discriminating the children and widows, respectively restricting or ignoring the rights of the underage heirs. In comparing the testaments it can be seen that the testators considered their wives and in rare cases their daughters with the custodian proxyship for the underage children and the administration of the territories. The custodians and regents were therefore listed in the testament with their title and rank to prevent misunderstandings.

The integration of the wives and daughters in the dynastic securitizing process and the consolidation of their active and passive role as guardians and regents in the testaments proves that Heide Wunder's advanced dynasty concept corresponds with the contemporary understanding of the German princes much better than only applying this role to the men⁷¹.

This is also demonstrated in Ekaterina's decision to put her two daughters in line of succession, but also to integrate them in the custodianship and regency and thereby also securing the regency with a feminine and family approach. At the same time she also gave her daughters great influence on the politics and the heir to the throne for the upcoming years. Nonetheless, the testament arranges, that no immoderate hope for power should arise among the two princesses: In paragraph 6 the testament states that none of the members of the *Conseil* should be able to make decisions on their own — everything should have to be arranged in consultation and accordance with the others. Here the empress' testament shows a compromise⁷² between the opponents and the proponents of the Petrine policy, amounting to a custodianship and regency committee, that had to work based on consensus in the future. The *Conseil* was not accountable to the future emperor. The empress explicitly

⁷¹ Heide Wunder understands „dynasty“ as a complex network of relations and sphere of activity of male and female family members, of agnates and cognates as well as princely spouses who married into the dynasty to optimize their power and assurance of succession. Wunder, Heide: Einleitung, in: Wunder, Heide. (Ed.): Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit. Geschlechter und Geschlecht (Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft, Bd. 28), Berlin 2002, p. 9–28, here p. 17ff.

⁷² Tomsinov, Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I, p. XXV.

released him of this duty in her testament: [...] *also he* [the underage heir apparent] *should not have the right to hold accountable the princesses, the duke or anybody else, as we hereby clearly exempt them from this duty* [...] *auch solle demselben* [dem minderjährigen Thronfolger] *nicht freistehen, desfalls von denen dazu verordneten unseren Prinzessinnen, dem Herzoge, oder sonst jemand Red und Antwort zu fordern, als wovon wir dieselbe hierdurch ausdrücklich eximieren und befreien*⁷³.

The testament of the empress aimed towards a process of consolidation or stabilization of the Michailovs/Romanovs as a dynasty in the Western-European sense⁷⁴. This implied that the document incorporated the entire family in an ordered structure of obligation, arranged the future succession and tried to optimize the constancy of the family by installing a cognatic inheritance law. These actions should expulse or minimize threatening situations of the dynasty. For this course of action, antetypes can be found in German and Swedish testaments.

Opening of the Will

The testament of Ekaterina I was read out one day after her death to a small public audience, consisting of the Privy Councillor, the Holy Synod, the senate, the generals and the family of the deceased⁷⁵. Since the 17th century, the opening of the testament had become a highly celebrated and public act in German and other European dynasties, celebrated across all religious denominations. The opening of the will had a distinct significance within the funeral service and feast. The ceremonies of the opening of Ekaterina's will were clearly based on these traditions.

Which intentions were associated with the opening of the will in Germany?

By reading the document out loud, the written language gained the rhetorical component of a verbally recited speech in front of a designated and hence restricted courtly public⁷⁶. The well-chosen circle of people was much more than a passive audience. The attendees obtained the statuses of objects and subjects, depending on their roles: for example the beneficiaries of the testament through the designation of an heir or as witnesses to the reading,

⁷³ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, § 7.

⁷⁴ Regarding the definition see Weber, *Dynastiesicherung und Staatsbildung*, S. 91–126, here p. 95. Concerning the attitude of marriage of the Romanov Dynasty in the 17th and 18th century as another instrument to stabilise the dynasty, see Roll, Christine: *Dynastie und dynastische Politik im Zarenreich: Befunde und Überlegungen zur Heiratspolitik der Romanovs im 17. und 18. Jahrhundert*, in: *Jahrbuch für Europäische Geschichte* 8 (2007), p. 77–102.

⁷⁵ Cf. Solov'ev, *Istorija Rossii*, p. 81.

⁷⁶ On the opening of will in German dynasties see Richter, *Fürstentestamente*, p. 118ff.

both in the interest of the departed ruler. The intention of the testators was to introduce the moment of the opening of the will as a brace between the past and future, thereby closing the gap summoned by the death of the ruler. By conjuring up a representative presence of the deceased by reading his words aloud, the fear of transformations or a crisis spawned by the death of the emperor could be attenuated. This could be achieved by a testament, because it demonstrated that the sovereign's care for the subject's wellbeing did not end with his death. Rather the appointment of a successor proved to be a testimony of continuity of the regency.

The content of Ekaterina I's testament was shaped by her concern for the *welfare*⁷⁷ of the Russian Empire, and much more by the concern for her family. Because, in her opinion, her power had been granted to her by God (and not by her husband) and this had been confirmed by her people by an oath of allegiance, she felt the need to make settlements for the empire and dynasty by appointing an heir accordingly⁷⁸.

In Germany the reading of the testament had advanced as a communication process, in which the deceased could make a last appearance in front of his former people through the annunciation of his last will⁷⁹. In this moment and in German tradition, the designated ruler played the role of an obeying inferior for the last time. To express it with the words of Max Weber, an heir who "had made the content of the order to a maxim of this conduct in its own right" (*den Inhalt des Befehls um dessen selbst willen zur Maxime seines Verhaltens gemacht habe*)⁸⁰. It can therefore be stated as a form of a one-sided hierarchic communication towards the elites and the subjects not only in the relationship to the future heir. Even though the heir was granted the possibility to answer back, this answer could ceremonially only consist of accepting the testament and confirming by oath to abide by its rules. Essentially the allegiance could certainly been rejected, because the heir had the possibility to deprive himself of the fatherly order by virtue of his own governmental power. However, such a public act would have been regarded and assessed as a break with the

⁷⁷ Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc., Stockholm 1727, §1.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Concerning the communication between the ruler and subject see Schnabel-Schüle, Helga: *Kirchenvisitationen und Landesvisitationen als Mittel der Kommunikation zwischen Herrscher und Untertan*, in: Duchhardt, Heinz/Melville, Gert (Ed.): *Im Spannungsfeld von Recht und Ritual. Soziale Kommunikation in Mittelalter und Früher Neuzeit* (Norm und Struktur, Vol. 7), Köln/Weimar/Wien, p. 173–186, here p. 174.

⁸⁰ Weber, Max: *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*, Tübingen 1980, p. 28.

dynastic and political traditions of the ancestors, which could not have been in the interest of the successor. Hence, no break occurred after the opening of Ekaterina's will.

Conclusion

Ekaterina I provoked an immense break to Peter's throne allocation law by introducing a dynastically inspired designation of an heir to the throne. Even if Peter's law persisted until the end of the 18th century⁸¹, it was overshadowed and lastly undermined by the announcement of the affiliation to the House of Michailov/Romanov. Ekaterina thereby firmly integrated the new empire of Peter I into the Michailov/Romanov dynasty. It can be argued that Ekaterina's testament freed the empire of an arbitrary act that had caused an *éclat* in Europe. The succession system of the young empire based itself rather highly on customary Western monarchic traditions of succession. This caused the Michailov/Romanov dynasty to become more compatible with the other European dynasties in two different ways: Firstly, in the sense of a certain dynastic and political predictability. Secondly, as an important step towards a higher acceptance by the ruling dynasties of Europe. It was a step towards Westernization and strengthening of the dynasty by means of the European consolidation of sovereignty: through the testament per se and the inheritance settlement. Hence, this step arranged the fixation of a legal foundation for the House of Michailov/Romanov, which would allow for a much greater stability, given an acceptance within royal family's circle in the case of a regency change. By introducing a new dynastic legislation in terms of a cognatic succession, her testament established just as much as the introduction of the primogeniture by German princes. In the German dynasties the innovation had also not been accepted immediately: after first having led to factionalism within the families, the primogeniture was finally understood as a comprehensive dynastic strategy. Similarly, Ekaterina's testamentary designations of succession failed after the death of Peter II. At first, her testament was not respected in regard to the claim of the throne by Elizaveta. This led to the time, which is commonly referred to as a period of: "dynastic disconcertment and palace revolts" ("dynastischen Verwirrungen und Palastrevolten")⁸². This, next to many other components, may be ascribed to the fact that testaments and regulations of succession had no tradition since the end of the 16th century in Russia. Therefore the document could not be met by an acceptance of the courtly and political environment, in contrary to the environment of the rest of Europe. However, in a long-term perspective the regulations of the testament, especially the factors of the long-term

⁸¹ The primogeniture was only reintroduced in 1799. Donnert, Peter der Grosse, p. 301f.

⁸² Hildermeier, Geschichte Russlands, p. 457.

regulated transition in theory aimed towards an inner stability and therefore towards a continuation of the nation building process as intended by Peter I — without success. This was most certainly not the merit of the empress, but that of her German councillors.

Данные о статье:

Автор: Сюзан Рихтер, профессор кафедры истории раннего Нового времени Исторического семинара Университета Гейдельберга, richter@asia-europe.uni-heidelberg.de

Заголовок: Инструменты укрепления династии в России при Петре I и Екатерине I: коллективное регентство и роль немецких завещаний.

Резюме: В фокусе статьи вопрос происхождения, содержания и влияния завещаний Петра Великого и Екатерины I в контексте европейской и, прежде всего, немецкой традиции. Оба завещания образовывали два этапа в истории государственных завещаний Российской империи. Особенно важным представляется завещание Екатерины I, которое упорядочило практику династического наследования и лежало в русле европейских, прежде всего, немецких традиций княжеских завещаний, большую роль при этом сыграло влияние немецких советников Екатерины.

Ключевые слова: завещание, династия, Романовы, двор, династическая традиция.

Information about the article:

Author: Susan Richter, PhD, Professor of the Chair of early Modern Times at the History Department of Heidelberg University, richter@asia-europe.uni-heidelberg.de

Title: Instruments to Ensure the Dynasty in Russia under Peter I and Ekaterina I: Co-Regency and the Role of German Testaments.

Summary: The main focus of this paper is the origin, content and influence of Peter I and Ekaterina I's testaments in context of European, first of all, German tradition. Both testaments formed two stages in history of sovereign's testaments of Russian Empire. It seems especially important the testament of Ekaterina I, which regulated a practice of dynastic inheritance and, at the same time, which was shaped in trend of European, particularly, German tradition of princely testaments, besides, the German counselors at the court of Ekaterina I also played their important role in this process.

Key words: testament, dynasty, Romanovs, court, dynastic tradition.

References:

Anonymus. *Das Recht des Monarchen in willkürlicher Bestellung der Reichsfolge*. Berlin, 1724.

Anonymus. *Moscovia Gloriosa. Das unter dem Allerdurchlauchtigsten, Großmächtigsten und unüberwindlichsten Kayser und Selbsterhalter aller Reussen Petri I. oder Großen höchst glücklich blühende Moscau*. 2. verm. Auflage. Erfurt: Jungnicol, 1742. 327 p.

Baur Paul. *Testament und Bürgerschaft. Alltagsleben u. Sachkultur im spätmittelalterlichen Konstanz* (Konstanzer Geschichts- und Rechtsquellen, Vol. 31), Diss. Sigmaringen, 1989. 292 p.

Bykova Yulia. Towards the Attribution of the Coronation Regalia of Empress Anna Ioannova, in *Personalities from Peter the Great's Time — 2013. To Mark the 400th Anniversary of the Romanov Dynasty (1613–2013)*. SPb: Hermitage Museum Publ., 2013. Pp. 102–114.

Donnert Erich. *Peter der Grosse*. Wien/Köln/Graz: Muster-Schmidt, 1989. 150 p.

- Friedrich Graf Vitzthum von Eckstädt Karl. Letztwillige Verfügungen Peter des Großen, Sachsen und Polen betreffend, in *Archiv für die sächsische Geschichte*. 1866. Vol. 4. Pp. 1–19.
- Günther-Hielscher Karla. *Real- und Sachwörterbuch*. Neu bearbeitet von Ekkehard Kraft. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 410 p.
- Häberlein Karl Friedrich. *Handbuch des Teutschen Staatsrechts. Nach dem System des Herrn Geheimen Justizrath Pütter; zum gemeinnützigen Gebrauch der gebildeten Stände in Teutschland, mit Rücksicht auf die neuesten merkwürdigsten Ereignisse*. Vol. 3. Berlin: Vieweg, 1797. 608 p.
- Härtel Hans-Joachim. *Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič* (Das östliche Christentum, N.F., Vol. 23), Diss. Würzburg: Augustinus-Verlag, 1970. 244 p.
- Hempel Christian Friedrich. *Merckwürdiges Leben, Und Trauriger Fall Des Weltberufenen, Russischen, Staats-Ministers, Andreä Grafens von Ostermann, Ehemalichen Russisch-Käyserlichen Reichs-Vice-Canzlers, und bisherigen Gros-Admirals von Russland [...]*, Bremen: N. Saurmann, 1742. 304 p.
- Hildebrand, Emil (ed.). Konung Gustafs testamente. Stockholm 1560 den 1 juli, in *Svenska Riksdagsakter. Andra Handlingar (1521–1718), första delen*. II. 1544–1560. Stockholm, 1888. P. 675–701.
- Hildermeier Manfred. *Geschichte Russlands. Vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution* (Historische Bibliothek der Gerda-Henkel-Stiftung). München: Beck, 2013. 1504 p.
- Justi Johann Heinrich Gottlob von. *Vergleichungen der Europäischen mit den Asiatischen und andern vermeintlich barbarischen Regierungen, in drei Büchern verfaßt*. Berlin/Stettin/Leipzig: In Verlag Johann Heinrich Rüdigers, 1762. 549 p.
- Ključevskij Vasilij. *Geschichte Russlands*. Vol. IV. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1926. 423 p.
- Klonowski Martin. Im Dienst des Hauses Hannover. Friedrich Christian Weber als Gesandter im Russischen Reich und in Schweden 1714–1739 (Historische Studien, Vol. 485), Diss. Husum: Matthiesen, 2005. 219 p.
- Kroll Renate. Andreas Schlüter und der Sommerpalast Peters I, in *Forschungen und Berichte*. 1976. Vol. 17. Kunsthistorische und volkswissenschaftliche Beiträge. P. 113–134.
- Kunise Johannes. Einleitung, in Kunisch, Johannes. (ed.). *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Vol. 21). Berlin: Duncker & Humblot, 1982. 424 p.
- Kuuskemaa Jüri. *Petr I i Ekaterina I v Talline [Peter I and Caterine I in Tallin]*. Tallin: Valgus, 2009. 200 p. (in Russian)
- Mörkelsberger Maria. *Kulturtransfer durch Peter den Großen am Beispiel der Repräsentationsbauten Menschikow-Palast und Sommerpalais in St. Petersburg*. Diplomarbeit. Universität Wien, 2013.
- Neumann-Hoditz Reinhold. *Peter der Große. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Hamburg⁶: Rowohlt, 2003. 153 p.
- Odén Brigitta. Gustav Vasa och testamentets tillkomst, in *Scandia. Tidskrift för historisk forskning*. 1963. Vol. 29. P. 94–141.
- Orlov, A., Georgiev, V., Sivochina, T. (eds.). *Chrestomatija po istorii Rossii s drevnejšich vremen do našich dnei [A Reader on the History of Russian from the most Ancient Times to the present Days]*. M.: Prospekt Publ., 1999. 544 p. (in Russian)
- Ostrogorsky Georgij. *History of the Byzantine State* (Rutgers Byzantine Series). New Brunswick: Rutgers University Press, 1969. 736 p.
- Pavlenko Nikolai. *Ekaterina I [Caterine I]*. M.: Molodaya gvardiya Publ., 2004. 495 p. (in Russian)

- Pilss Franz. *Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721)*. Diss. Wien 1949.
- Puppel Pauline. *Die Regentin. Vormundschaftliche Herrschaft in Hessen 1500–1700* (Geschichte und Geschlechter, Vol. 43). Diss. Frankfurt am Main [u.a.]: Campus, 2004. 407 p.
- Quaritsch Helmut. Diskussionsbericht, in Johannes Kunisch (ed.). *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Vol. 21). Berlin: Duncker & Humblot, 1982. 424 p.
- Reiche Antonia von. *Der Weg des russischen Zarentums zur Anerkennung in der Zeit von 1547–1722* (Digitale Osteuropa-Bibliothek, Reihe Geschichte, Vol. 9). Diss. Hamburg: Staats- und Universitätsbibliothek Carl von Ossietzky, 2001. 266 p.
- Reimers Heinrich Christoph von. St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts. Mit Rückblicken auf Entstehung und Wachstum dieser Residenz unter den verschiedenen Regierungen während dieses Zeitraums. Vol. 1. 1. Theil. Penig: Bei F. Dienemann u. Comp., 1805. 442 p.
- Richard Wortman. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: Princeton University Press, 1995. 469 p.
- Richter Susan. *Fürstentestamente der Frühen Neuzeit. Politische Programme und intergenerationelle Kommunikation* (Schriftenreihe der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 80), Diss. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 541 p.
- Roll Christine. Dynastie und dynastische Politik im Zarenreich: Befunde und Überlegungen zur Heiratspolitik der Romanovs im 17. und 18. Jahrhundert, in *Jahrbuch für Europäische Geschichte* 2007. Vol. 8. P. 77–102.
- Savva Vladimir. *Moskovskie cari i vizantijskie vasilevsy. K voprosu o vlijanii Vizantii na obrazovanie idej carskoj vlasti moskovskich gosudarej [Moscow Tsars and Byzantine Basileioi. On the influence of Byzantium on the forming of ideas about the Thars' power in Moscow State]*. Kharkov: M. Zil'berberg i synov'ya Publ., 1901. 400 p. (in Russian)
- Schäfer Daniel. *Alter und Krankheit in der Frühen Neuzeit. Der ärztliche Blick auf die letzte Lebensphase* (Kultur der Medizin, Vol. 10), Diss. Frankfurt am Main [u.a.]: Campus, 2004. 436 p.
- Schnabel-Schüle Helga. Kirchenvisitationen und Landesvisitationen als Mittel der Kommunikation zwischen Herrscher und Untertan, in Duchhardt, Heinz, Melville, Gert (eds.). *Im Spannungsfeld von Recht und Ritual. Soziale Kommunikation in Mittelalter und Früher Neuzeit* (Norm und Struktur, Vol. 7). Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 1997. P. 173–186.
- Schneidemann Heinrich Gottfried. *Das allgemeine Staatsrecht überhaupt und nach der Regierungsform*. Jena: Cröcker, 1775. 432 p.
- Schulz Gabriele. *Testamente des späten Mittelalters aus dem Mittelrheingebiet. Eine Untersuchung in rechts- und kulturgeschichtlicher Hinsicht* (Quellen und Abhandlungen zur mittelrheinischen Kirchengeschichte, Bd. 27), Diss. Mainz: Selbstverlag der Gesellschaft für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1976. 131 p.
- Schulze Hans K. *Grundstrukturen der Verfassung im Mittelalter*. Vol. 2. Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Hof, Dorf und Mark, Burg, Pfalz und Königshof, Stadt (Urban-Taschenbücher, Bd. 372), Stuttgart [u.a.]²: Kohlhammer, 1992. 212 p.
- Schwarz Iskra. Die diplomatischen Beziehungen Österreich-Russland in der zweiten Hälfte des XVII. Jahrhunderts, in *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs* (200 Jahre russisches Außenministerium). 2003. Vol. 50. P. 29–42.
- Silnizki Michael. *Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland. Jurisprudencija an den Universitäten des Russischen Reichs 1700–1835* (Studien zur europäischen Rechtsgeschichte, Vol. 97), Frankfurt am Main: V. Klostermann, 1997. 457 p.

Soldat Cornelia. Seelenheil und Nachfolgerfrage in den Testamenten Moskauer Herrscher des 16. Jahrhunderts. Die Testamente Vasilij's III. von 1533 und Ivans IV. von 1553, in Herzog, Markwart/Hollberg, Cecilie (eds.). *Seelenheil und irdischer Besitz. Testamente als Quellen für den Umgang mit den „letzten Dingen“* (Irseer Schriften, Bd. 4) Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft, 2007. P. 37–51.

Solov'ev Sergej M. *Istorija Rossii. Kniga X [The History of Russia. Book X]*. Moskva: Social'no-ekonomičeskaja Literatura Publ., 1963. 780 p. (in Russian)

Stökl Günther. Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland, in: Kunisch, Johannes (ed.). *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Vol. 21). Berlin: Duncker & Humblot, 1982. P. 273–289.

Szeftel Marc. La Monarchie absolue dans l'Etat Moscovite et l'Empire Russe, in *La Monarchie*. Vol. 2. Bruxelles: Libr. encyclopédique, 1969. P. 727–758.

Testament Ihrer, Den 17. May 1727 zu Petersburg Todes verblichenen Rußischen Majestät Catherina Alexiejewna etc. Stockholm, 1727. 8 f.

Tomsinov Vladimir. Testament blažennoj pamjati, imperatricy Ekateriny I: Kommentarij [Testament of macarious Empress Caterine I: a Commentary], in: *Zakonodatel'stvo Ekateriny I i Petra I*. Moskva: Zertsalo 2009. Pp. 24–32. (in Russian)

Torke Hans-Joachim. *Die russischen Zaren. 1547–1917* (Beck'sche Reihe, Bd. 1305). München³: C. H. Beck, 2005. 406 p.

Treitingner Otto. *Die oströmischen Kaiser und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Diss. Jena: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1938. 274 p.

Troyat Henri. *Peter der Grosse. Eine Biographie*. Düsseldorf: Claassen, 1981. 395 p.

Turgenev Aleksandr, Solov'ev, D.V. *Rossijskij dvor v XVIII veke [Russian Court in 18th c.]*. Sankt Petersburg: Iskusstvo, 2005. 525 p. (in Russian)

Vogt, Albert (ed.). *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies* 2/1. Kapitel 47–92. (Collection Byzantine). Paris: Les Belles lettres, 1939. 194 p.

Vogt, Albert (ed.). *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies, Commentaire*. Paris: Les Belles lettres, 1940. 205 p.

Vollrath, Hanna, Weinfurter, Stefan (eds.). *Köln, Stadt und Bistum in Kirche und Reich des Mittelalters. Festschrift für Odilo Engels zum 65. Geburtstag* (Kölner Historische Abhandlungen, Vol. 39), Köln [u.a.]: Böhlau, 1993. P. 139–185.

Wagner Daniel Ernst. *Allgemeine Weltgeschichte. Die Erlöschung des rurikischen Regentstammes bis zum Tode Kaiser Peters II. [...] 1598–1730*. Vol. 16. Leipzig: Weidmanns Erben & Reich, 1787. 910 p.

Weber Friedrich Christian. Deß veränderten Rußlands zweyter Theil, Worinnen die Folge derjenigen Veränderungen, welche der Rußische Kayser Petrus der Erste zur Aufnahme seines Reichs in allen Ständen vorgenommen, [...]. Hannover: Förster, 1739. 247 p.

Weber Max. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen⁵: J.C.B. Mohr, 1980. 945 p.

Weber Wolfgang E.J. *Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaates*, in Idem. *Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte*. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 1998. P. 91–136.

Weitzel Jürgen. Die Hausnormen deutscher Dynastien im Rahmen der Entwicklungen von Recht und Gesetz, in: Kunisch, Johannes (ed.). *Der dynastische Fürstenstaat. Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates* (Historische Forschungen, Bd. 21). Berlin: Duncker & Humblot, 1982. P. 35–48.

Wittram Reinhard. *Peter der Grosse. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit* (Verständliche Wissenschaft, Bd. 52). Berlin/Göttingen/Heidelberg: Springer, 1954. 151 p.

Wittram Reinhard. *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit*. Vol. II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 646 p.

Wunder Heide. Einleitung, in: Wunder, Heide (ed.). *Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit. Geschlechter und Geschlecht* (Zeitschrift für historische Forschung, Beiheft, Bd. 28), Berlin: Duncker & Humblot, 2002. P. 9–28.

VI. АВТОРЫ, РУКОПИСИ, КНИГИ И АВТОГРАФЫ

ББК 63.3(0)4 (4Фра); УДК 94(44)

Е. В. Кулешова

КЛОД ДЕ СЕЙССЕЛЬ (1450–1520) И ЕГО ТРАКТАТ «ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОНАРХИЯ» В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Развитие исторической мысли в раннем Новом времени можно назвать одним из наиболее активно развивающихся исследовательских сюжетов. Данной тематике регулярно посвящаются монографии и отдельные статьи¹. В течение XIX–XX вв. историки создали периодизацию процесса становления исторической мысли эпохи Возрождения и раннего Нового времени, выделив ряд основных тенденций в произошедшем переосмыслении истории. Особо была отмечена эпоха гуманизма (конец XV – начало XVI в.), когда впервые после долгого перерыва внимание вновь привлекли образцы античной историографии. Важнейшие представители данного течения, прежде всего Леонардо Бруни, стремились использовать пример Фукидида, описывая итальянские города-государства с помощью риторических приемов и в терминах античных авторов². С небольшим опозданием началось развитие эрудитского направления, представители которого, вслед за Флавио Бьондо и Помпонио Лэто, стали заниматься сбором информации из античных и средневековых источников для вос-

создания тотальной картины исторического прошлого вплоть до мельчайших деталей быта и культуры³. Одними из главных отличительных признаков данных направлений в гуманизме были значительный гражданский пафос, попытки посмотреть на социум с точки зрения античных полисных ценностей и отвергнуть средневековые представления об обществе⁴. Однако эти направления виделись историкам XIX–XX вв. в качестве двух противостоящих друг другу тенденций развития исторической мысли и, фактически, воспринимались как две различные школы. Сложившееся разделение в течение долгого времени представлялось основополагающим. Тем не менее при исследовании конкретных авторов и их исторических сочинений возникали трудности с тем, к какой же школе их отнести. Такие историки как Никколо Макиавелли, Филипп де Коммин и ряд других не вписывались в традиционную схему, сочетая в своих трудах черты обоих направлений. Более того, они стремились создать новую, отличную от классической античной, философию истории. Разделить по школам и дать периодизацию исторических сочинений, авторы которых проживали к северу от Альп, представляется еще большей проблемой. Иными словами, в исторической науке, как и в других аспектах изучения эпохи Ренессанса, проблема так называемого «Северного Возрождения» и по сей день остается актуальной⁵.

Если в Италии периодизация исторической мысли была проведена достаточно удачно, то утверждать подобное в отношении Франции и Германии не приходится, поскольку здесь мы сразу сталкиваемся с рядом трудностей. Проникновение итальянского гуманизма во французскую историографию было связано с появлением в образованной среде и при дворах историков, мыслящих в традициях итальянского гуманизма. В качестве примера можно назвать Павла Эмилия из Вероны (ок. 1455–1529), первого, кто описал деяния королей франкского королевства и затем Франции в своем сочинении «De rebus gestibus Francorum» в совершенно

³ *Flavio Biondo*. Roma instaurata. Verona: Boninus de Boninis, 1481. 116 p.; Flavio Biondo. *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades*. Venetiae: Octavianus Scotus, 1483. 760 p.; Connell W. J. *Italian Renaissance Historical Narrative // The Oxford History of Historical Writing: 1400–1800*. Vol. 3 / ed. by J. Rabasa [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 352; *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 255–256; *Wright J. K.* *Historical thought in the era of the Enlightenment // A Companion to Western Historical Thought / Под ред. L. S. Kramer, S. C. Maza*. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. С. 125.

⁴ *Брагина А. М.* Итальянский гуманизм. Этапы развития. С. 31.

⁵ *Немилов А. Н.* Специфика гуманизма северного Возрождения (типология и периодизация) // Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В. И. Рутенбург. М., 1978. С. 49; *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 365.

¹ *Huppert G.* The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France. Urbana: University of Illinois Press, 1970. P. 23–27; *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.: Наука, 1964. С. 241–249.

² *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 259; *Абрамсон М. Л.* От Данте к Альберти. М.: Наука, 1979. С. 47, 49, 259; *Брагина А. М.* Итальянский гуманизм. Этапы развития // Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В. И. Рутенбург. М., 1978. С. 31; *Ревуненкова Н. В.* Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. 206 с.; *Cabrini A. M.* *Macchiavelli's Florentine histories // The Cambridge companion to Machiavelli / ed. by J. M. Najemy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 130.

новом ключе⁶. Однако последующее развитие исторической науки, как оказалось, достаточно сложно классифицировать, поскольку значительные взаимовлияния итальянской гуманистической и локальных историографических традиций привели к возникновению ряда интересных и не вписывающихся в традиционную периодизацию исторических сочинений. Одним из ярчайших примеров является творчество Клода де Сейсселя (1450–1520), государственного деятеля и историка, по рождению бастарда маршала Савойи. Ряд написанных им трактатов, такие как «Великая французская монархия», «Доблести короля Людовика XII», представляют собой крайне необычный феномен общественно-политической мысли, не до конца вписывающийся в традиционную схему развития историографии⁷. В связи с выходом новых публикаций, посвященных творчеству Клода де Сейсселя, представляется интересным разобрать взгляды, высказанные в современных трудах в отношении его сочинений и мировоззрения, с целью наметить наиболее интересные тенденции для исследования Клода де Сейсселя как историка и общественно-политического мыслителя.

В течение долгого времени исследователи, занимавшиеся историописанием и политической мыслью раннего Нового времени, рассматривали жизнь и труды Клода де Сейсселя в достаточно традиционном ключе, считая его сочинения лишь одним из примеров гуманистического мировоззрения. Следовательно, одним из основных является вопрос о взаимосвязи между трудами Клода де Сейсселя и его современников. В частности, можно ли говорить, что он написал сочинение «Похвала французской монархии» под влиянием и с опорой на модель социума и систему исторических воззрений, созданных Филиппом де Коммином (1447–1511)? Данное предположение рассматривается в статье Ж. Бланшара, который поставил вопрос, знаком ли был Клод де Сейссель с мемуарами Ф. де Коммина, опубликованными только в 1524 г. и ранее известными лишь в рукописном виде. Ж. Бланшар предпринял попытку сравнения труда Ф. де Коммина с сочинением К. де Сейсселя «Монархия во Франции»⁸. Или же на творчество Клода де Сейсселя повлиял «Государь» Макиавелли (что исследует Ж. Л. Фурнель), тематика которого кажется очень сходной?

⁶ *Emilio P.* De rebus gestibus francorum. Paris: Lodocus Badicus, 1516. 439 p.

⁷ *Seyssel C.* La grant Monarchie de France. Paris: Regnault Chauldiere, F. d'Egmont, 1519. 60 p.; *Seyssel C. de.* Les louenges du roy Louis XII de ce nom. Paris: Antoine Vêrard, 1508. 58 p.; *Seyssel C. de.* Les louenges du roy Louys XIIe de ce nom (1508) / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine, L. Vissière. Genève: Droz, 2009. 282 p. (Classiques de la pensée politique; 21).

⁸ *Blanchard J.* Commynes et Seyssel : proximités et divergences à propos de la Monarchie de France // Claude de Seyssel, c.1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 63–70.

Возможно определенное влияние и со стороны сборника менее известного французского мыслителя эпохи гуманизма, «Компендиума» Р. Гагена, что было исследовано Ф. Долларом.

В первом случае нельзя говорить ни о заимствовании, ни о взаимовлиянии, ни о сходстве, потому что основные идеи Клода де Сейсселя никак не связаны с представлениями о власти, социуме, монархии и политике Филиппа де Коммина. Последний, при осмыслении социальной жизни не прибегал к категориям справедливости, союза, порядка согласия и общественного блага, заимствуя только категории негативного ряда — перемены, раздоры, войны⁹. Он писал: «Вообще говоря, мне кажется, что господь не сотворил в этом мире ни одного человека, ни животного, которым не дал бы какую-либо противоположность, чтобы держать их в смиренности и страхе... Следовательно, как эти раздоры, так и все, что господь создал и предназначил в противовес каждому государству и почти каждому человеку, о чем я говорил, необходимо в этом мире»¹⁰. Клод де Сейссель, с другой стороны, стремился в своем сочинении «Великая французская монархия» нарисовать функционирующую систему политических связей французского королевства, построенную на принципах взаимодействия королевской власти, знати, служилого дворянства и остальных сословий. Таким образом, в отличие от Филиппа де Коммина, К. де Сейссель полагал возможным существование системы власти, построенной на принципах взаимного интереса и доверия различных сегментов социума. В частности, он считал, что поскольку французская монархия управлялась и сдерживалась «добрыми законами, ордонансами и обычаями», она представляла собой своего рода единое «политическое тело»¹¹. В этом смысле воззрения Клода де Сейсселя и Филиппа де Коммина существенно расходились, а в отношении общего настроения и уверенности в возможности идеальной модели социума были в чем-то противоположны.

Хотя упомянутые выше исследователи признают, что Клод де Сейссель, вероятно, был знаком лично с современными ему мыслителями или по крайней мере с их сочинениями, они согласны с тем, что в его трудах нельзя найти ни малейшего доказательства даже на попытку подражания. Если и были соответствия (концептуальные и терминологические), то они

⁹ *Малинин Ю. П.* Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Мемуары / Филипп де Коммин; Под ред. Ю. П. Малинин. М., 1986. С. 415.

¹⁰ Филипп де Коммин. Мемуары / Под ред. Ю. П. Малинин. М.: Наука, 1986. Гл. 18. С. 206, 207.

¹¹ *Boone R. A.* War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance. Leiden: Brill, 2007. (Brill's texts and sources in intellectual history; 156.) P. 131.

появились скорее из-за общих понятий и представлений в области знаний о социуме и истории в контексте развития идеологии на заре нового времени в Европе.

Клод де Сейссель наиболее известен благодаря своей концепции «умеренной монархии», сдерживавшейся своего рода «вожжами и противовесами» (в буквальном переводе). Данную концепцию разобрали в своих трудах У. Ланжер, М.-Ф. Рену-Загам, А. Жуанна и Жан-Луи Фурнель¹². Первый исследовал происхождение и значение термина, поставив вопрос о том, является ли сдерживание монархической власти в понимании К. де Сейсселя институтом или представляет собой результат проявления королем своеобразной доблести по сдерживанию себя¹³. Он показал, что по мысли Клода де Сейсселя монархия еще не до конца превратилась в институт с твердо установленными правилами функционирования. У. Ланжеру удалось убедительно показать, что говоря о необходимости сдерживать королевскую власть, К. де Сейссель имел в виду прежде всего тактику воспитания правителя в духе гармонии, и говоря о «вожжах», подразумевая под ними сдерживающие элементы, он имел в виду не внешние институты, а внутреннее воспитание короля. В этом смысле образ монарха у К. де Сейсселя полностью соответствовал гуманистическим идеалам правителя, основанным на античных представлениях платонической или стоической школ.

Исследователи показали, что смысл термина «вожжи», употребляемого Клодом де Сейсселем, складывался из взаимовлияния королевского двора, французских правоведов и отдельных вейний гуманистической мысли. Он не предполагал создания какого-либо совещательного органа или, например, издания законодательного акта, способствовавшего ограничению власти короля. «Вожжи», как «сдерживание», следует понимать в рамках той практики, которая сложилась во французском королевстве в результате значительного влияния правоведов на функционирование королевского двора и парламентов Парижа, Лангедока, Прованса и т. д., составлявших основу французской сословно-представительской монархии. Они трактовались К. де Сейсселем в техническом смысле и состояли

в праве короля представлять или не представлять ордонанс в парижский парламент и осуществление дальнейших действий по принятию его в качестве законодательного акта, а также права парламента принять или отвергнуть законопроект¹⁴.

А. Жуанна развил мысль о том, что эти «вожжи, которые создавали умеренную монархию», не смешивались К. де Сейсселем с другими, уже существовавшими со времен Средневековья. В самом деле, если религия, правосудие и полиция являлись этими тремя «вожжами» или сдерживающими элементами абсолютной власти монарха, подчиняться или не подчиняться им оставалось на усмотрение монарха, о чем и пишет в своей статье А. Жуанна. Они не были полностью тождественны тем, которые всегда существовали в средневековом обществе, так как для последнего было характерно только представление об ограничении власти монарха церковью и папством и идея о папстве как о верховном источнике власти, наиболее полно выраженная в «Константиновом даре». Таким образом, ограничение власти короля со стороны судебных органов, например, Парижского парламента, было техническим аспектом ограниченности королевской власти. Право делегировать или не делегировать некоторые свои полномочия в парламент, например, контроль за правовой точностью своих ордонансов, тоже было полностью за королем, что делало представление К. де Сейсселя только отражением традиционной французской практики (М.-Ф. Рену-Загам)¹⁵. Для превращения их в полноценное представление о системе «сдержек и противовесов» между тремя ветвями власти должно было пройти еще очень много времени¹⁶. Что касается «вожжей» или «сдержек», связанных с правом поддержания порядка (т. е. с полицией), то по мнению Ж.-Л. Фурнеля, следует различать термины «править» и «управлять». Во французской традиции управления король редко виделся как администратор, связанный с повседневным отправлением правосудия, и поэтому эта «сдержка» или «вожжа» не была сама по себе новаторской и не ограничивала власть короля. Но для К. де Сейсселя идея «смешанной формы правления» была только результатом существо-

¹⁴ *Renoux-Zagamé M.-F.* Entre l'École et le Palais: pouvoir et droit chez Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 165–178.

¹⁵ *Renoux-Zagamé M.-F.* Entre l'École et le Palais: pouvoir et droit chez Claude de Seyssel.

¹⁶ *Jouanna A.* Les avatars du thème de la monarchie mixte dans l'œuvre de Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 15–24.

¹² Fournel J.-L. L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 103–120.

¹³ Langer U. Le "frein" du roi est-il une vertu? Éthique et langage symbolique chez Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 25–42.

вания традиционной средневековой практики «вожжей», а не способом добиться ограничения королевской власти¹⁷.

Как показал Лоран Буркэн, Клод де Сейссель придавал большое значение дворянству, поскольку признавал его социальную полезность как особого слоя, стабилизирующий эффект, оказываемый им на общество, и его политическую значимость, достигаемую, как полагал Л. Буркэн, посредством «сотрудничества между обновленной по сравнению со Средневековьем королевской властью Нового времени и трансформировавшимся дворянством»¹⁸. Франк Коллар сравнивает политические видения Р. Гагена и К. де Сейсселя, опираясь, в первую очередь, на такие сочинения последнего, как «Великая монархия во Франции» и «Деяния короля Людовика XII» (1508)¹⁹. Он подчеркивает схожесть их взглядов в области налогообложения, общественного блага и неприятия разделения на политические фракции. Одновременно, он подчеркнул отличительные особенности воззрений Клода де Сейсселя, который, по его мнению, в отличие от Р. Гагена, «оценил динамику политического общества», в то время как последний, «скорее разделял традиционный и немного устаревший взгляд священнослужителей на прегрешения светской власти»²⁰. Ф. Коллар предполагает, что Р. Гаген был более чувствителен к вопросам возникновения и легитимности самой власти, а Клод де Сейссель изучал только ее функционирование и формы.

Данную тему затрагивают целый ряд авторов. Патрисия Эйхель-Лойкин напоминает, что «основополагающим в сочинении К. де Сейсселя «Монархия во Франции» является сочетание идей социальной гармонии и социального развития, в отличие от традиционных представлений о фиксированной идеальной системе»²¹. В этом контексте, Николь Хохнер

¹⁷ Fournel J.-L. L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle.

¹⁸ Bourquin L. Claude de Seyssel et la noblesse : de l'histoire à l'idéal // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 82.

¹⁹ Collard F. Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 43–62.

²⁰ Collard F. Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin. P. 60.

²¹ Eichel-Lojkine P. Entre rhétorique, témoignage historique et mémoire: Les Louenges du roy Louys XII de Claude de Seyssel (1508) // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 139–152.

попыталась определить значимость идеи социальной мобильности в мысли Клода де Сейсселя и указала на использование им в своих сочинениях метафор, позволяющих сравнить общество и живой организм, медицинское знание и античные республиканские идеалы. По ее мнению, К. де Сейссель не пытался уязвить элиты, но стремился создать более «щедрую» концепцию политического тела, предложив своеобразное видение смешанной ограниченной монархии²².

Фактически, Клод де Сейссель интересовался не столько ограничениями статуса различных социальных слоев, которые существовали в силу традиций сословно-представительной монархии, сколько возможностями быстрого улучшения социального статуса и прогресса, возможного в рамках этой системы. Подобное устремление не соответствовало традиции трех сословий, которая сложилась во Франции со времен Средневековья. Следовательно, возникает необходимость сопоставить сочинение Клода де Сейсселя с другими, созданными в этот же период и посвященными теме устройства французского королевства. Сравнение «Монархии во Франции» К. де Сейсселя и «Речи о четырех сословиях» Г. Дю Белле позволило Мишелю Клеману задуматься о социальном порядке во Франции в период между 1515 и 1559 г. В своей работе он подчеркнул, что социальная модель К. де Сейсселя, основанная на признании прав дворянства, знатных людей и людей меньших, больше напоминает образцы итальянской общественной мысли этого периода, чем примеры рассуждений о французской монархии, основанные на различении духовенства, дворянства и третьего сословия. К модели К. де Сейсселя добавлялась концепция социальной мобильности как «надежды», необходимой для поддержания социального мира и сохранения монархии²³.

Именно по этой причине идеи К. де Сейсселя и Н. Макиавелли часто сравниваются, поскольку время создания «Монархии во Франции» (1515 г.) и «Государя» (1513 г.) совпадает. Несмотря на то, что данные политические тексты были написаны практически одновременно, Жан-Луи Фурнель показал, что не стоит путать близость терминов, используемых двумя авторами, со сходством их взглядов. Проведя семантическое

²² Hochner N. La mobilité sociale dans la pensée de Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 11.

²³ Clément M. Penser l'ordre social (1515–1559): comparaison de la Monarchie de France de Seyssel et du Discours sur les quatre estats de Du Bellay // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 121–138.

исследование контекста, в котором появлялись глаголы «править» или «управлять», такие слова как «вожди», «полиция» и «государство», Ж.-Л. Фурнель пришел к выводу, что двух авторов ничто не объединяет, «кроме одержимости избежать коррупции в государстве и избавиться от чучела тирании»²⁴. Ж.-Л. Фурнель высказал мнение, что К. де Сейссель принципиально отличался от Н. Макиавелли тем, что был представителем рыцарского сословия феодального общества, хоть и незаконнорожденным, в то время как последний все-таки представлял городское сословие одного из ведущих полисов Италии раннего Нового времени. Н. Макиавелли признавал за феодальным обществом право на существование благодаря присутствовавшей в нем идеи ограниченной монархии, а Клод де Сейссель трактовал монархию в Средние века и в раннее Новое время как более сложный институт, чем виделось представителям городского патрициата Италии. В частности, он понимал, что «вожди», как сдерживающие элементы и «противовесы» монархии были призваны не только дать больше прав городскому сословию, но и способствовать, например, защите прав той самой феодально-рыцарской аристократии, которую Н. Макиавелли считал отжившей и потерявшей свои права на власть.

Можно утверждать, что К. де Сейссель был единственным, кто смог описать структуру французской монархии не в традиционных для нее терминах, а в тех, которые были понятны образованным людям раннего Нового времени, знакомым с устройством итальянских государств. Он не использовал характерное для французских мыслителей его эпохи привычное деление на знать, клир и третье сословие. Фактически, К. де Сейссель описывал французское королевство так, как будто бы оно было одним из итальянских городов-государств. В его описании клир не занимал важного места, речь шла в большей степени о высшей знати, о дворянстве, обязанным своим положением службе, а также о горожанах, которые, по мысли К. де Сейсселя, должны были иметь все возможности обходить знать по социальной лестнице. Несмотря на то, что политическая мысль Клода де Сейсселя формировалась под влиянием различных веяний, она всегда оставалась наособицу, поскольку отличалась собственной, весьма прагматической интерпретацией концепций социума и истории, основывавшейся на опыте самого де Сейсселя. Если учесть, что трактат «Великая монархия во Франции» создавался в контексте франко-итальянских войн, то можно рискнуть предположить, что он фактически выполнял функцию публицистического сочинения, объяснявшего особенности и цели французской монархии правителям южной Европы.

²⁴ *Fournel J.-L. L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle. P. 118.*

Недавние исследования по-новому оценили наследие К. де Сейсселя. В частности, в своей работе Р. А. Бун постаралась пересмотреть традиционную идентификацию К. де Сейсселя как одного из типичных политических мыслителей и историков эпохи гуманизма. Она обратила внимание на то, что его мировоззрение, получившее отражение в сочинениях, нельзя анализировать в отрыве от его карьеры политика, дипломата, представителя знатной семьи и деятеля церкви. Р. А. Бун подчеркнула, что К. де Сейссель по своему происхождению значительно отличался от многих других гуманистов, выходцев, как правило, из городского патрициата. Будучи представителем правящего рода Савойи, пусть и незаконнорожденным, он происходил из военно-рыцарской знати. Современные исследователи настаивают на том, что К. де Сейссель никогда не стремился влиться в круг гуманистов, а, наоборот, очень уверенно себя чувствовал в своей социальной нише. В работе Р. А. Бун было показано, что без учета особенностей его жизни, воззрения К. де Сейсселя могут показаться достаточно традиционными и малооригинальными. Фактически, на фоне Никколо Макиавелли и Филиппа де Коммина, а также с учетом трудов других менее известных историков, высказанные им идеи рискуют быть восприняты как вторичные. Вместе с тем К. де Сейссель, в отличие от многих современных ему гуманистов, практически не обращался в своих сочинениях к проблемам античной истории, его в большей степени волновали современная история и политика, что соответствовало его политическим и дипломатическим устремлениям²⁵. Так же, как и Н. Макиавелли, он опирался на античные примеры, но не для того, чтобы идеализировать их, а чтобы использовать для решения военно-дипломатических задач. В частности, в отличие от Н. Макиавелли, К. де Сейссель не столько восхищался устройством античных городов-государств, сколько подчеркивал их опасность для более традиционных обществ северной Европы, таких как Франция. Он обращал внимание на то, как быстро города-государства Италии, прежде всего Венеция и Флоренция, могли собрать ресурсы для отражения военных атак и для распространения своей власти к северу от Альп. Италия для К. де Сейсселя была регионом, который представлял опасность для французской монархии. Именно поэтому, как считают современные исследователи, он стремился не просто описать функционирование французской монархии, но и дать совет королям, их окружению и другим читающим людям, как следует строить взаимоотношения между монархом, знатью и остальными сословиями королевства.

²⁵ *Boone R. A. War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance. P. 53–84, 129–164.*

Данные о статье:

Автор: Кулешова Елена Владимировна, к. и. н., доцент кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, e.kuleshova@spbu.ru

Заголовок: Клод де Сейссель (1450–1520) и его трактат «Великая французская монархия» в трудах современных исследователей.

Резюме: В статье рассматриваются точки зрения современных исследователей на творчество французского мыслителя и историка Клода де Сейсселя. Анализируя новейшие публикации, автор статьи показывает, что значение его трудов на сегодняшний день во многом переосмысленно. Современная историография, посвященная изучению наследия К. де Сейсселя подчеркивает уникальный характер его общественно-политической и исторической мысли, которая безусловно выделялась на фоне идей, высказанных такими признанными мэтрами, как Леонардо Бруни, Филипп де Коммин и Никколо Макиавелли. Клод де Сейссель, в отличие от многих своих современников, исповедовавших гуманистические идеи, практически не обращался в своих сочинениях к проблемам античной истории, его в большей степени волновали современная история и политика, что соответствовало его политическим и дипломатическим устремлениям. К. де Сейссель не столько восхищался устройством античных городов-государств, сколько подчеркивал их опасность для более традиционных обществ северной Европы, например таких, как Франция. Именно по этой причине, как считают современные исследователи, он стремился не просто описать функционирование французской монархии, но и дать совет королям, их окружению и другим читающим людям, как следует строить взаимоотношения между монархом, знатью и остальными сословиями королевства.

Ключевые слова: История Франции (16 в.), Французская монархия, историография.

Information about the article:

Author: Kuleshova Yelena Vladimirovna, PhD (in History), Assistant Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, e.kuleshova@spbu.ru

Title: Claude de Seyssel (1450–1520) and his treatise “Great French Monarchy” in studies of modern scholars.

Summary: The article examines one of the important but little studied treatises of early modern period, «The great French monarchy» by Claude de Seyssel and seeks to place it in the larger perspective of modern advances in this field. Using the most recent publications, the study suggests that important reassessments of the this author’s work and this treatise in particular were made lately. For example, it has been shown that this work is completely unique in comparison to both the literary production of Italian historians like Leonardo Bruni or Machiavelli and to the work of French-Burgundian historian Philyp de Commines. The article suggests that he paid much less attention to the problems of the history of Antiquity and was more interested in the current political and social developments. Unlike N. Machiavelli and other Italian historians of this period, he did not only adore the Antique city-state, but instead emphasized their danger as competitors to the traditional feudal monarchies North of the Alps. This is why modern scholars suggest that he did not only describe the functioning of the French monarchy, but sought to give an advice to monarchs, aristocracy and other educated people how to construct a new set of relationships in light of the importance of Italian city-states in European politics.

Key words: History of France (XVIth c.), French monarchy, Historiography.

Литература, использованная в статье:

Абрамсон, Мэри Лазаревна. От Данте к Альберти. М.: Наука, 1979. 176 с.

Брагина, Лидия Михайловна. Итальянский гуманизм. Этапы развития // Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1978. С. 26–38.

Вайнштейн, Осип Львович. Западноевропейская средневековая историография. М.: Наука, 1964. 483 с.

Малинин, Юрий Павлович. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары / Под ред. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1986. С. 384–437.

Немилов, Александр Николаевич. Специфика гуманизма северного Возрождения (типология и периодизация) // Типология и периодизация культуры Возрождения / Под ред. В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1978. С. 39–51.

Ревуенкова, Наталья Владимировна. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. 206 с.

Филипп де Коммин. Мемуары / Под ред. Ю. П. Малинин. М.: Наука, 1986. 495 с.

Blanchard, Joël. Commynes et Seyssel : proximités et divergences à propos de la Monarchie de France // Claude de Seyssel, c.1450-1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 63–70.

Boone, Rebecca Ard. War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance. Leiden: Brill, 2007. 193 p. (Brill’s texts and sources in intellectual history; 156).

Bourquin, Laurent. Claude de Seyssel et la noblesse: de l’histoire à l’idéal // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 71–84.

Cabrini, Anna Maria. Macchiavelli’s Florentine histories // The Cambridge companion to Machiavelli / ed. by J. M. Najemy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 128–143.

Clément, Michèle. Penser l’ordre social (1515–1559): comparaison de la Monarchie de France de Seyssel et du Discours sur les quatre estats de Du Bellay // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 121–138.

Collard, Franck. Claude de Seyssel à l’épreuve de Robert Gaguin // Claude de Seyssel, c.1450-1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 43–62.

Connell, William. J. Italian Renaissance Historical Narrative // The Oxford History of Historical Writing: 1400–1800. Vol. 3 / ed. by J. Rabasa [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 347–363.

Eichel-Lojkine, Patricia. Entre rhétorique, témoignage historique et mémoire : Les Louenges du roy Louys XII de Claude de Seyssel (1508) // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 139–152.

Emilio, Paolo. De rebus gestibus francorum. Paris: Lodocus Badicus, 1516. 439 p.

Biondo, Flavio. Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades. Venetiae: Octavianus Scotus, 1483. 760 p.

Biondo, Flavio. Roma instaurata. Berona: Boninus de Boninis, 1481. 116 p.

Fournel, Jean.-Louis. L’écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l’histoire, penser le politique en France, à l’aube des temps modernes: issu du colloque “Autour de Claude de Seyssel” / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 103–120.

Hochner, Nicole. La mobilité sociale dans la pensée de Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 85–102.

Huppert, George. The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France. Urbana: University of Illinois Press, 1970. 215 p.

Jouanna, Arlette. Les avatars du thème de la monarchie mixte dans l'œuvre de Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 15–24.

Langer, Ullrich. Le « frein » du roi est-il une vertu ? Éthique et langage symbolique chez Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 25–42.

Renoux-Zagaté, Marie-France. Entre l'École et le Palais: pouvoir et droit chez Claude de Seyssel // Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel" / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. P. 165–178.

Seyssel, Claude de. La grant Monarchie de France. Paris: Regnault Chauldiere, F. d'Egmont, 1519. 60 p.

Seyssel, Claude de. Les louenges du roy Louis XII de ce nom. Paris: Antoine Vérard, 1508. 58 p.

Seyssel, Claude de. Les louenges du roy Louys XIIe de ce nom (1508) / sous la dir. de P. Eichel-Lojkine, L. Vissière. Genève: Droz, 2009. 282 p. (Classiques de la pensée politique; 21).

Wright, Johnson Kent. Historical thought in the era of the Enlightenment // A Companion to Western Historical Thought / Ed. by L. S. Kramer, S. C. Maza. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. P. 123–142.

References:

Abramson Meri Lazarevna. *Ot Dante k Alberti [From Dante to Alberti]*. M.: Nauka Publ., 1979. 176 p. (in Russian)

Bragina Lidiya Mikhailovna. *Ital'yanskiy gumanizm. Etapy razvitiya [Italian Humanism. The Steps of Development]*, in Rutenburg, Viktor Ivanovich (ed.). Tipologiya i periodizatsiya kul'tury Vozrozhdeniya. M.: Nauka Publ., 1978. Pp. 26–38. (in Russian)

Vainshtein Osip L'vovich. *Zapadnoevropeyskaya srednevekovaya istoriografiya [West European Medieval Historiography]*. M.: Nauka Publ., 1964. 483 p. (in Russian)

Malinin Yuriy Pavlovich. *Filipp de Kommin i ego "Memoary" [Philippe de Commines and his "Memoirs"]*, in Malinin, Yuriy Pavlovich (ed.). *Filipp de Kommin. Memoirs*. M.: Nauka Publ., 1986. Pp. 384–437.

Nemilov Aleksandr Nikolaevich. *Spetsifika gumanisma severnogo Vozrozhdeniya (tipologiya i periodizatsiya) [The Specificity of Northern Renaissance' Humanism]*, in Rutenburg, Viktor Ivanovich (ed.). *Tipologiya i periodizatsiya kul'tury Vozrozhdeniya*. M.: Nauka Publ., 1978. Pp. 39–51.

Revunenkov Natal'ya Vladimirovna. *Renessansnoye svobodomyслиye i ideologiya Reformatsii [Renaissance Freedom of Thought and Ideology of Reformation]*. M.: Mysl' Publ., 1988. 206 p.

Malinin, Yuriy Pavlovich (ed.). *Filipp de Kommin. Memoirs*. M.: Nauka Publ., 1986. 495 p.

Blanchard Joël. Commynes et Seyssel : proximités et divergences à propos de la Monarchie de France, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire,*

penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel". Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 63–70.

Boone Rebecca Ard. *War, domination, and the monarchy of France: Claude de Seyssel and the language of politics in the Renaissance*. Leiden: Brill, 2007. 193 p. (Brill's texts and sources in intellectual history ; 156).

Bourquin Laurent. Claude de Seyssel et la noblesse: de l'histoire à l'idéal, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 71–84.

Cabrini Anna Maria. *Macchiavelli's Florentine histories*, in Najemy, John M. (ed.). *The Cambridge companion to Machiavelli*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 128–143.

Clément Michèle. Penser l'ordre social (1515–1559): comparaison de la Monarchie de France de Seyssel et du Discours sur les quatre estats de Du Bellay, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"* Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 121–138.

Collard Franck. Claude de Seyssel à l'épreuve de Robert Gaguin, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 43–62.

Connell William. J. Italian Renaissance Historical Narrative, in Rabasa, José (ed.). *The Oxford History of Historical Writing: 1400–1800*. Vol. 3. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 347–363.

Eichel-Lojkine Patricia. Entre rhétorique, témoignage historique et mémoire : Les Louenges du roy Louys XII de Claude de Seyssel (1508), in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 139–152.

Emilio Paolo. *De rebus gestibus francorum*. Paris: Lodocus Badicus, 1516. 439 p.

Biondo Flavio. *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades*. Venetiae: Octavianus Scotus, 1483. 760 p.

Biondo Flavio. *Roma instaurata*. Berona: Boninus de Boninis, 1481. 116 p.

Fournel Jean.-Louis. L'écriture du gouvernement et de la force en France et en Italie au début du XVIe siècle, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 103–120.

Hochner Nicole. La mobilité sociale dans la pensée de Claude de Seyssel, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 85–102.

Huppert George. *The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France*. Urbana: University of Illinois Press, 1970. 215 p.

Jouanna Arlette. Les avatars du thème de la monarchie mixte dans l'œuvre de Claude de Seyssel, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 15–24.

Langer Ullrich. Le « frein » du roi est-il une vertu? Éthique et langage symbolique chez Seyssel, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le*

politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel". Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 25–42.

Renoux-Zagamé Marie-France. Entre l'École et le Palais: pouvoir et droit chez Claude de Seyssel, in Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). *Claude de Seyssel, c. 1450–1520: écrire l'histoire, penser le politique en France, à l'aube des temps modernes: issu du colloque "Autour de Claude de Seyssel"*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. Pp. 165–178.

Seyssel Claude de. *La grant Monarchie de France*. Paris: Regnault Chauldiere, F. d'Egmont, 1519. 60 p.

Seyssel, Claude de. *Les louenges du roy Louis XII de ce nom*. Paris: Antoine Vérard, 1508. 58 p.

Eichel-Lojkine, Patricia (ed.). Seyssel, Claude de. *Les louenges du roy Louys XII de ce nom (1508)*. Genève: Droz, 2009. 282 p. (Classiques de la pensée politique ; 21).

Wright Johnson Kent. Historical thought in the era of the Enlightenment, in Kramer, Lloyd (ed.). *A Companion to Western Historical Thought*. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. Pp. 123–142.

ББК 63.3(0)4 (4Фра); УДК 94(44).028

David Potter

THE CORRESPONDENCE OF A RENAISSANCE MONARCH: LETTERS IN FRANCIS I'S STYLE OF RULE (1515–1547)

In this 500th anniversary year of his accession, it seems timely to ask the question why Francis I's letters have never been published in a serious edition and whether there is any hope of doing so. To anyone familiar with Francis I's ungainly handwriting, it might seem strange to attempt to place his letter-writing at the centre of his style of rule; after all the King (in traditional conceptions at least) was one of those larger than life personalities whose routine was governed by the pursuit of art, women, pleasure, war, hunting and—above all — talking. Francis was a fast talker (sometimes giving the impression of a speech impediment) and used to interrupting people¹. His discussions, sometimes recorded verbatim by ambassadors, read more like pieces of theatre, no doubt deliberately. He was, in the view of some, difficult to read as a character ('strange to know' as one English envoy put it in 1538) while others indicate a degree of shyness², though this must have usually been covered. So, Francis was a man of action and spoken words and it has often seemed as though here was a King who governed by personal contact and force of personality above all — almost the classic definition of a 'renaissance monarch.'

Other monarchs of the period have received the tribute of multi-volume editions of their letters. We have serious printed editions of those of Louis XI (just over 2000 letters)³; Charles VIII (just over 1000)⁴ and Henri III, much

¹ William Paget to Henry VIII, Cognac, 14 December 1542, Record Commissioners, *State papers of Henry VIII*, IX (London, 1849), p. 251: 'He hath sum impediment in his speche (as Your Majeste knoweth), and in his conferences useth oftentimes to choppe a mans tale, and to put him out of it.'

² D. Potter, *Henry VIII and Francis I: the Final Conflict* (Leiden, 2011), p. 8–9; R. J. Knecht, *Renaissance Warrior and Patron: the reign of Francis I* (Cambridge, 1994), p. 107.

³ *Lettres de Louis XI roi de France*, ed. J. Vaesen and E. Charavay, 11 vols (Société de l'Histoire de France [SHF], 1883–) 2154 letters

⁴ *Lettres de Charles VIII roi de France*, ed. P. Pélicier, 5 vols (Paris, SHF, 1898–1905) 1145 letters.

© David Potter, 2015

the most prolific of the 16th century with 6–700 letters a year during his reign⁵; Henri IV (well over 6000)⁶. Other members of the royal family whose letters have received editions of varying quality include the king's sister Marguerite d'Angoulême⁷, Antoine de Bourbon and Jeanne d'Albret⁸, Catherine de Medici⁹ and Marguerite de Valois¹⁰. For Francis, the largest single published collection is that of Champollion-Figeac on the captivity of the king in 1525, but this prints only 15 of his letters in 1525¹¹, while in his edition of the Poetry he prints 26 further letters — supposedly to Diane de Poitiers, Anne de Pisseleu etc under the title of 'correspondance intime' — which he implies are autographs. Annoyingly, Champollion was very erratic about his sources; he often failed to give any and he made mistakes of transcription¹². Yet, as I shall point out in a moment, there are far more letters even for the year 1525.

Up until about 1900 about 110 of his letters had been published since the 17th century. A recent ground-breaking thesis on the letter-writing of the kings and queens of France gives relatively little space to Francis, partly because so many of his letters are unpublished¹³. But we can now add the recent on-line

⁵ *Lettres de Henri III roi de France*, 6 vols down to 1585, ed. M. François and J. Boucher (Paris, SHF, 1959-) 4740 letters down to 1582 — roughly 600 to 700 a year from the mid-1570s, so we might expect a total of somewhere around 10,000 by the time the edition is complete).

⁶ *Recueil de lettres missives de Henri IV*, ed. J. Berger de Xivrey and J. Guadet, 9 vols (Paris, Collection de documents inédits [CDI], 1843–76) more than 6000 letters, plus a few hundred others discovered since). The pitfalls of this enterprise and the problems of authenticity were examined by Tamizey de Larroque, 'D'une page à retrancher des lettres missives de Henri IV', *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 3e Année, No. 3 (1896), pp. 444–447.

⁷ F. Génin, *Lettres de Marguerite d'Angoulême ... reine de Navarre*, 2 vols. (Paris, 1841-2), now hopelessly outstripped by research; see P. Jourda, *Répertoire de la correspondance de Marguerite de Navarre* (Paris, 1930) and the subsequent work by V.-L. Saulnier and J.A. Reid, summarised in the latter's *King's Sister; Queen of Dissent* 2 vols. (Leiden, 2009). II, p. 575–640.

⁸ *Lettres d'Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret* ed. Marquis de Rochambeau (Paris, 1877), very unsatisfactory; the present author is completing a completely revised edition of Antoine de Bourbon's correspondence.

⁹ *Lettres de Catherine de Médicis*, ed. H. de La Ferrière-Percy, J. Baguenault de Puchesse, A Lesort, 11 vols (Paris, CDI, 1880–1943), a good edition though many letters have been discovered since.

¹⁰ *Marguerite de Valois, Correspondance 1569–1614*, ed. E. Viennot (Paris, 1998), an exemplary modern edition.

¹¹ A. Champollion-Figeac, *Captivité du roi François Ier* (Paris, CDI, 1847) mainly addressed to Louise of Savoy, Montmorency, Bonnavet and Charles V.

¹² A. Champollion-Figeac, *Poésies du roi François Ier: de Louise de Savoie, duchesse d'Angoulême, ... et correspondance intime du roi* (Paris, 1847)

¹³ Chloé Pardanaud-Landriot, *Plumes royales: l'art épistolaire chez les souverains et souveraines de Navarre et de France au XVIe siècle* (Thèse de doctorat, Lettres modernes, Université Saint-Etienne, 2014), p. 117.

transcripts of his almost daily letters to his chancellor in the 1530s¹⁴ and the catalogue of the recent sale of several hundreds of letters to Jean de Selve, president of the Parlement in the 1520s¹⁵. Many hundreds more survive in the Bibliothèque nationale alone and one may reasonably guess that the surviving number runs into thousands with all other collections. Any look at the sources for his reign will indicate that he wrote an extraordinary amount (and not only the poetry, for which his autograph manuscripts do not survive). This has been to some extent masked by the nature of the printed sources for his reign. While the 32 volumes of the *Letters and Papers of Henry VIII* long ago placed a vast collection of the King's correspondence before the public, for Francis there is no equivalent. The *Catalogue* of his acts, printed in 10 volumes, contains over 33,000 items which, in the overwhelming number of cases, represent the actions of the machinery of state, the various councils and other institutions that could initiate actions in the king's name in matters of justice, finance, patronage and favour. While the King undoubtedly participated in many of these acts of grace and favour, he scarcely formulated them, even though his signature apparently appears on many if not most acts not simply authenticated by the royal seals. In fact we know that individual ministers could 'command' such letters to be sent out in the King's name¹⁶. It is fairly obvious that, except where a mention is made in the act of an authentic signature, the very uniformity of these signatures indicates that they were the work of clerks¹⁷.

The nature of the sources

The King's letters proper fall into three main categories: *lettres-closes*, that is letters addressed to institutions such as towns and corporate bodies and also subordinate royal officials, and headed "De par le Roy"; *lettres-missives*, addressed to individuals from members of the royal family and provincial governors down to councillors in sovereign courts and, finally, letters entirely in the king's own hand not subject to formulae and the countersignature of a secretary. *Lettres-closes* were the most formulaic of documents, beginning with the standard salutation, '[Tres]chers et biens amés', exposing the problem concerned, then the king's decision followed by the executive order, a warning not

¹⁴ <http://elec.enc.sorbonne.fr/dubourg/>

¹⁵ Catalogue de vente: Thierry de Meigret, Lettres et manuscrits autographes. Vente aux enchères publiques Hôtel Drouot Rcheliu Mercredi 15 Mai 2013 http://www.bibliore.com/fp/cat-vent_maigret15-05-2013-cat/HTML/index.html#/11/zoomed

¹⁶ Jean Breton to Anne de Montmorency, 28 June 1537 'Monsr le cardinal de Lorraine me feist hyer commander par led. seigneur [le roi] une lettre adresant à madame la mareschalle vostre seur' (BnF fr.3055, fo.45).

¹⁷ H. Michaud, *La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle* (Paris, 1967), p. 219.

to fail ('qu'il n'y ait faulte') and the encouragement 'et vous ferez service tresagreable'/'car tel est nostre plaisir'. There was no formula of farewell. All followed more or less this pattern, followed by the king's signature and secretarial countersignature. The acts of authentication were the seal and the secretarial countersignature but the king's signature was meant to give added authority, even though it could have been assumed to have been a facsimile¹⁸. Letters missive exist in a wider variety, though also signed and countersigned without a formula of farewell. They can be very short, just a paragraph of a few lines, or several pages long. They usually acknowledge the receipt of a report, detail the king's response and add further considerations ('Au demeurant...'). They have no executive formula but rather a request ('je vous prie...') to do something¹⁹. The formula of closure takes some form as 'je prie Dieu qu'il vous ait en sa garde' (not as in letters between individuals, with a wish that the recipient be granted long and happy life)²⁰. Then comes the dating clause, including the place²¹. Until the later 1520s it was not generally the case that the year date was added. The greeting can range from 'Mon cousin...' for high officers of state, chevaliers de l'ordre and princes of the blood to 'Monsieur ...' or just a peremptory name for members of the king's personal household: «Montmorency, je vous envoye le double»; 'Ysarnay vous savez au propos que je vous ay tenu...' ²²

All of them bore the King's signature though it is obvious that a circular letter to the *bonnes villes*, for instance, would have had to be sent out in eighty

¹⁸ Gilles Docquier, 'Le document autographe. Une "non-réalité" pour l'historien?' *Le Moyen Age*, CXVII (2012,ii), 387–410, at 407.

¹⁹ In times of crisis, brief letters would begin: 'je vous prie et ordonne' (Francis to Montmorency, 2 July [1523], BN fr.3032, fo.57).

²⁰ For an example of the structure of a longer missive, Francis I to du Bellay, Longuejume and Villeroi, 23 Aug. 1536, R. Scheurer, *Correspondance de Jean du Bellay*, (Paris, 1973) II, 435–41 (4 ms pages): reception of letters, commentary on them, 'au demeurant', 'en outre', further news, close.

²¹ A particular regime for the application of the date was used in letters missive, avoiding the formula 'au mois de juillet' (as in letters patent) and never 'le iij^e jour du mois de juillet' in favour of 'le iij^{me} jour de juillet.' Initially, the year date was commonly applied in roman letters, then from the 1550s increasingly in Arabic numbers.

²² H. Michaud, *La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle* (Paris, 1967), 230. Francis I to Montmorency, 14 July [1522], BF fr.3049, fo.1 (addr. page: 'à Montmorency', not yet marshal of France (named Aug. 1522). (see also 10 June [1523] BN fr.3021, fo.65). In July Francis addresses him as 'Monsr de la Roche' (Roche) (BN fr.3032, fo.76) while on 16 Oct. [1522] the King addresses him as 'Monsr le mareschal' (BN fr.3032, fo.4). After his nomination as grand maître in 1526, Montmorency is always 'Mon cousin' except in highly personal letters from the King. Francis to Yzernay, Anet, 8 April [1528], BN fr.3032, fo.78. The initial greeting could change according to the secretary who drew up the letter: see letters to Humières, 1537, BN fr.3088, fo.170, crs Breton ('Monsieur de Humières'), fo. 172, crs. Bayard ('Mon cousin'). Humières had been a chevalier of Saint-Michel since 1515.

or so copies and it is highly unlikely that Francis signed them all. The signature throughout, though, remains fairly uniform, though there are some significant variations and we have to decide whether the more standard forms indicate intervention by a secretary or not. Each *secrétaire des commandements* may possibly have had his own style of applying the King's signature to very routine documents, as is apparent when they are grouped together.

There is little doubt that every reign sees a greater level of preservation of royal letters missive bearing the King's signature. The unusually large number known for the reign of Louis XI and Charles VIII seems to contrast with the reigns of Louis XII and Francis I but this is simply a result of lack of publication. In fact the number of royal letters missive of all kinds was on the increase and I would estimate the likely number preserved for Francis as a minimum of 2500 and more likely to be around 5000. I have composed a preliminary database of the letters for two years, 1536 and 1537, and have found around 180 and 220 respectively (and estimate that there are probably about another fifty to the found in central collections). On that basis the total number preserved for the reign would be around 6000. Even this is just the debris of the King's political correspondence; there were obviously many more originally. One important side-effect of this may have been the devaluation of the King's signature. This, originally introduced in the thirteenth-fourteenth centuries as an extra-personal validation of the King's intervention, had plainly become so numerous that it became possible to argue that royal letters missive were not enough — that an act in the form of letters-patent authenticated under the regime of the chancery would only be enough to compel obedience²³. Sometimes it was argued that the King had been persuaded to sign letters 'par surprise' and that they were therefore challengeable in the courts.

The king's letters are preserved mainly in the form of original letters written to the individuals whose papers were preserved or collected by the seventeenth-century collectors Béthune, Gaignières, Clairambault and others. They were addressed to servants and councillors such as Bonnivet²⁴, Anne de Montmorency²⁵, Florimond Robertet, Jean de Selve, Antoine Dubourg, Jean d'Humières, La Rochepot²⁶, Bouchage, Yzernay, La Pommeraye (the two latter *valets de*

²³ D. Potter, *War and Government in the French Provinces: Picardy 1470–1560* (Cambridge, 1993), 261.

²⁴ The papers of Guillaume Gouffier de Bonnivet were collected by Philbert de la Mare in the 17th century and are now in BnF fr.5761.

²⁵ The papers of Montmorency in the BN tend to concentrate in certain periods: 1520–24, 1526–31, 1536–42, 1547–59 and this is largely reflected in the other section of the archive in the Musée Condé Chantilly.

²⁶ The papers of these two individuals were originally mixed together at the château of Monchy-Humières in Picardy before their transfer to the Bibliothèque royale in the 17th century.

chambre who carried out many confidential missions) La Fayette, governor of Boulogne (around 70 letters for 1515–21). These are scattered through the fonds français of the Bibliothèque nationale and the Archives Nationales. To these we can add the collection of forty letters from Francis to Joachim de Matignon between 1532 and 1546²⁷. Other collections of letters addressed to major royal servants have survived various sales of archives over the last generation²⁸. We therefore depend heavily on the preservation of original letters of Francis I, except for copies made in the archives of great cities (such as Paris and Lyon) and the sovereign courts²⁹. Letters to ambassadors are preserved sporadically in the BnF collections but in the second half of the reign it became more common for ambassadors to keep registers of their correspondence³⁰. In addition,

²⁷ L.-H. Labande, *Correspondance de Joachim de Matignon, lieutenant-général du roi en Normandie (1516–1548)* (Monaco/Paris, 1914). The King's letters are concentrated in the period 1544–46.

²⁸ Other than Jean de Selve's papers discussed above, there are the papers of Claude and Sébastien de L'Aubespine, once housed at the château of Villebon (Eure-et-Loire). Of these, two files of Francis I's letters were sent (i) to Tournon, filed by Claude de L'Aubespine as secretary attached to the cardinal at Lyon in 1542 (38 letters) and (ii) to Sébastien de L'Aubespine as ambassador to the German princes in 1545–6 (34 letters acquired by the Ministère des Affaires étrangères). The collection was microfilmed for the A[rchives] N[ationales] before dispersal in 1992. The letters to Tournon turn up on the autograph market.

²⁹ Other than the recently dispersed archive of Jean de Selve noted above, we can instance that of Charles and Guy Chabot de Jarnac, sold at intervals between the 1930s and the 2000s, and which originally contained 20 letters of Francis I. For both of these the catalogue of autograph sales have to be followed up but only a handful of the king's letters have surfaced since then (3 April [1521, 18 July [1522]; 22 Feb. and 12 March 1544). An analogous collection is that of Jean de Daillon, sr. du Lude, governor of Poitou originally in the château du Lude but dispersed during the Revolution and known only through copies now in BnF coll. Housseau and originals surviving in collections such as the BL and America, See B. Ledain, *Lettres adressées à Jean et Guy de Daillon*, vol. I, *Archives historiques du Poitou*, XII (1882). A half dozen of Francis I's letters survive. The enormous charterier of the La Trémoille (Thouars) family is relatively disappointing for the number of the King's letters (AN IAP 24, only 5 letters).

³⁰ Around 56 letters from Francis to Jean du Bellay have been preserved (though none after 1537). As ambassador in England he certainly kept some copies of his own letters (BN fr. 5499) and some original letters of instruction (see R. Scheurer, *Correspondance du cardinal Jean du Bellay*, 6 vols so far (Paris, 1969–2015) and the excellent data-base of his correspondence 1527–47, Orpheus, sponsored by the University of Neuchâtel; <http://fmsiwp.unine.ch/fmi/iwp/cgi?-db=orpheus1527-1547&-loadframes>). The bulk of Francis I's letters to him in England, though, are preserved in English collections. Charles de Marillac had royal letters copied into his register as ambassador in England, 1539–42. Other envoys, such as Guillaume Pellicier in Venice only recorded their own letters. Jacques Mesnage as ambassador to the Emperor kept no register but retained the king's letters to him. These have been dispersed but around 100 have survived and form part of my project on *Un dernier ambassadeur de François Ier: Jacques Mesnage et l'empereur Charles-Quint 1544–47*.

the market for manuscripts has always welcomed examples of the King's letters, which can sell for over 20 000 euros when entirely autograph, though many more are simple signed letters. These need to be pursued through sale catalogues. The papers of the king's servants continue to be dispersed in this way 500 years after his accession.

The King's political correspondence

And here we come up against one of the fundamental problems in studying the writings of Francis I: whether the vast number of his signatures on letters and documents of all kinds show the King's direct participation. The quantity of documentation is enormous, letters missive alone ranging from one to six manuscript pages. It is fairly obvious that no monarch of this period (except perhaps Philip II) drafted large numbers of his own letters. The problem is to decide the degree of participation. The first conclusion I come to is that this correspondence should be seen as a collaborative project between the King, his secretaries and his small inner group of advisers: Louise of Savoy down to 1531, admiral Bonnivet and his uncle grand maître René de Savoie down to 1525, cardinal-chancelier Duprat down to 1535 and grand maître Anne de Montmorency and admiral Chabot de Brion from 1525 until the 1540s.

First, we need to know how they were drawn up. Rather than just assuming that Francis's letters were simply formulated by the machinery of state while he got on with enjoying himself, we should look at the evidence. This is at times surprisingly full and consists of the parallel correspondence of royal secretaries from 1520s and 1530s. In 1536, there were five *secrétaires de la chambre*, two of whom, Villeroy and Jean Breton de Villandry, were identified as *conseiller du roi et secrétaire de ses finances*. We need to bear in mind obvious imperatives of a court in constant movement. Such was 1530, a year of frenetic negotiation for the return of the royal children and the arrival of the new Queen in France. We find Francis dictating a letter to Montmorency in July that it was midnight and that his bed had still not arrived, reported to be two leagues off³¹ while secretary Breton reported in March that the journey by river from Gien to Blois was so leisurely that they were leaving early in the morning and arriving at their destination at 2 in the night, some of the boats stranded on the shoals and no light or sustenance to be had. The women of the court were having to sleep in the boats fully dressed where they were because no beds had arrived³². On these occasions, letters were given the king in the evening on his return

³¹ Champollion, *Poésies*, letter 29 — to be found in BnF fr. 3016, fo. 5.

³² Breton to Montmorency, Gien, 1 March 1529/30, BnF fr. 3001, fo. 20, autograph.

from hunting³³. Midnight occurs several times in the dating of royal letters — another sent from San Lanfranco outside Pavia in December 1524 was written ‘a mynuyt’³⁴ and one at Briançon in 1524 about the military deployments the next day³⁵. Hunting at times dominated the King’s routine, even at moments of political crisis. It certainly played a part in the King’s routine alongside work and other activities. Admittedly, at times hunting came first; at Chantilly on October 1527, secretary Breton had to wait for his instructions for going to England because the king ‘a couru ce jourd’huy le cerf’³⁶. But, as often as not, work and pleasure were intertwined. One morning in 1527, the King spoke with the Venetian ambassador before going hunting³⁷. On 27 June 1529, at Coucy castle, the king took two big stags out hunting and on 28th after dinner spoke at length to the Venetian, Milanese and Ferrarese ambassadors in the presence of the English envoy about his plans should the peace negotiations fail. The following day after dinner he discussed finances with the general of Normandy. Then letters were drafted to du Bellay in England about the negotiations at Cambrai on the lines suggested by Montmorency but with a passage specified by the King. That same evening, in a good mood the king went out to shoot the crossbow, still out when his secretary sent off this description at 8 p.m.³⁸ René de Savoie reported in December 1523 that the King ‘prend luy mesmes la peyne tres souvent y adviser’³⁹.

The secretaries resident with the King certainly managed his correspondence and a great deal can be learned from their exchanges with the king’s leading advisers, for example with the *grand maître* Montmorency when he was absent from court. For instance, in July 1528, when Montmorency was at Saint-Germain with Louise of Savoy, the king stayed at Fontainebleau. The *grand maître* kept in close touch through a royal secretary, Jean Breton, who replied to one letter:

J’ay a ce matin receu vostre paquet de pesché d’hier à Saint Germain et ay leu au Roy vostre lectre à son levé, lequel a esté fort aisé d’entendre les nouvelles que luy avez escriptes de Madame. A ce soir, Monseigneur, ainsi que led. seigneur se vouloit coucher, sont arrivés lettres de monseigneur de Saint Pol et de messieurs le mareschal de Trevoice et Pomponyo et a le Roy veu le tout.

³³ Breton to Montmorency, Blois, 10 March 1529/30, BnF fr.3001, fo.27, autograph.

³⁴ Francis I to Montmorency, abbey of SanLanfranco, 28 Dec. [1524], BnF, fr.3015, fo.5.

³⁵ Francis I to ? Bonnavet, Briançon, 14 Oct BnF fr.3044, fo.49 (Champollion, *Captivité*, p. 28).

³⁶ Jean Robertet, 19 Oct [1527] 2976, fo.114.

³⁷ Jean Robertet to Montmorency, St Germain, ‘ce lundy à v heures du soir’, BnF fr.2976, fo.31.

³⁸ Jean Robertet to Montmorency, Coucy, 29 June 1529, BnF fr. 2976, fo.83.

³⁹ René de Savoie to Montmorency, Blois, 30 Dec. [1523], 2987, fo.61.

The king immediately mulled over these and other despatches and ordered them all to be passed on to Montmorency for discussion with Louise of Savoy⁴⁰. Again in 1528, we find the secretary receiving a packet from Ferrara in cipher and making extracts for the King to read after he had deciphered them⁴¹. Breton sometimes indicated the extent of the King’s intervention, as in March 1530, when he wrote of a royal missive that

le Roy la m’a nommé de mot à mot comme verrez et hier au soir le Roy je la luy feis veoir affin d’y adjoûter ou dyminuer ce qu’il luy plairoit. Et l’a trouvee comme il l’avoit ordonnee sinon qu’il y feist adjoûter ce petit article que vous verrez dessoubs sa signature.

This concerned how to deal with objections by the Emperor’s representatives to counting the ransom of the royal children without all the necessary documents⁴². Similarly, in March 1530, Jean Robertet tells Montmorency that he is awaiting the King’s decision on replies to his letters, while as for money for the ransom, Francis ‘m’a mandé vous escrire en la forme qu’il vous plaira veoyr’⁴³. When long ciphered despatches came in from Italy on Christmas Eve 1529 (at Nogent-sur-Seine where the king was ‘aussi mal logé qu’il est possible’) Breton deciphered and read them ‘mot à mot’ to the king⁴⁴.

Similarly In 1537, while at Briançon, Breton drafted the King’s letters to Montmorency and accompanied them with a series of his own which illustrate how they were composed. On 6 November he reported that the King expected to have a reply the next morning at his lever to the letter he had sent to the *grand maître* the day before and would despatch another courier in response. He also transmitted half a dozen other despatches in the packet⁴⁵. Later in the evening of the same day, anxiously asking for new letters 3 or 4 times an hour, the king received the news he was waiting for and fired off another long despatch. On the same day Breton ‘feiz signer au Roy’ a donation to Count William of Furstenberg⁴⁶. Shortly afterwards he reported that ‘j’ay aussi fait la lettre du

⁴⁰ Breton to Montmorency, 27 July, BL Egerton 17 fo.159; Francis I to same, 28 July 1528, BnF fr.3001, p.15; Bourrilly and Vaissière, *Ambassades de Jean du Bellay*, pp. 292–367 passim for the location of the king and Montmorency at this time. Marguerite of Navarre described Breton de Villandry and Châteaubriand as ‘ceux que je congnois estre vous-mesmes’ (Marguerite to Montmorency, Valence, 1536, Génin, *Lettres de Marguerite d’Angoulême* 1, p. 321).

⁴¹ Breton to Montmorency, 27 March 1528/9, BnF fr.3001, fo.6.

⁴² Breton to Montmorency, Blois, 29 March ‘1529’/30, referring to despatches dated the previous day — BnF, fr.3001, fo.41-2.

⁴³ Jean Robertet to Montmorency, Blois, 18 March [1530], BnF fr. 2976, fo.56v: ‘apres avoyr surce ouy Monsr l’admiral m’a mandé vous escrire en la forme qu’il vous plaira veoyr’.

⁴⁴ Breton to Montmorency, Nogent-sur-Seine, ‘vendredy veille de Noel 1529’, BnF fr.3001, fo.96.

⁴⁵ Breton to Montmorency, Briançon, 6 Nov. 1537, BnF fr.3056 fo.43.

⁴⁶ Breton to Montmorency, Briançon, 8 Nov. 1537, BnF fr.3056, fo.55.

Roy dont m'avez escript à messrs les cardinal de Tournon et Chancelier pour faire payer les quatre mil livres que le Roy a donnees au conte Guillaume⁴⁷. In June 1537, he is reading Montmorency's despatch about Venice 'de mot à mot' to the King, who instructs him in his reply⁴⁸. On 24 June 1537, the King's replies to despatches were finished in the morning but withheld until the evening when further news was expected. The arrival of Brissac later in the day brought packages of letters which the King was in the process of reading while his main despatch was being written⁴⁹. It would, then, be a mistake to think that the royal secretaries simply composed state despatches and got the King to sign them. Every despatch indicates the King's reception of news (he might be 'fort/merveilleusement aisé' or 'mal content' 'en une merveilleuse peine') and his decision about the response. The exact wording, of course, would usually, though not always, be left to the secretary.

Of course, the burden of business was enormous. In late June 1537 Breton was 'tant occupé que je ne scay de quel costé me tourner'⁵⁰. Sometimes, the King received news and replied with a brief note ('ung mot de response') to accompany a messenger⁵¹ but as often as not the whole process was a collaborative one. Letters went out sealed by the *cachet* or *sceau du secret*. By 1529, and probably earlier, Montmorency had daily control of this (the source of his influence over 'maniement des affaires'). But when he was absent from court, Chabot had to ask him to send it back since 'vous scavez combien il est malaisé de s'ayder de la main du Roy.' The *cachet*, in effect, enabled its holder to expedite letters to ambassadors, governors and commanders without detailed royal commands through secretaries, though whether this empowered them to apply a facsimile of the royal sign manual is not clear⁵². So, in July 1528, Breton sends to Montmorency the minute of the instruction for Langeac, newly appointed ambassador to Venice 'affin qu'il vous plaise la veoir et entendre le contenu et si vous la trouvez bonne il vousplaise la faire cacheter et renvoyer incontinent es mains de monsr le tresorier Babou [qui] l'envoyera si j'estoys d'aventure party d'icy, à l'ambassadeur de venise pour la faire tenir aud. sr d'Avranches par le premier courrier.' Montmorency, it was suggested, could add anything

⁴⁷ Breton to Montmorency, 12 Nov. 1537 BnF fr.3056, fo. 120v (and fo. 124v — news of Mme d'Etampes and Tallard who is ill).

⁴⁸ Breton to Montmorency, Fontainebleau, 19 June 1537, BnF fr.3055 p.17, 1 July 1537, *ibid.*, p. 51.

⁴⁹ Breton to Montmorency, Fontainebleau, 26 June 1537, BnF fr.3055, p. 55.

⁵⁰ Breton to Montmorency, Fontainebleau, 26 June 1537, BnF fr.3055, p. 41.

⁵¹ Breton to Montmorency, Fontainebleau, 17 June 37, 3055, p. 6; 7 July, *ib.*, p. 61; Breton to Yzernay, 22 July 1528, BnF fr.3014, fo.66.

⁵² Chabot to Montmorency, Nogent-sur-Seine, 22 Dec.[1529], BN fr.3066, p. 157: 24 Dec [1529], Bn fr.3066, p. 161.

else by a separate letter of his own rather than wasting time by re-writing the King's letter. Incidentally, in the same despatch we find Breton uncertain about the instructions for Passano, envoy to Rome, because Chancellor Duprat wanted to formulate them; so, Breton suggested that he could add a separate instruction if anything need to be added⁵³.

It is impossible, in the light of all this evidence, to suppose that the vast state correspondence did not involve much of the King's personal participation.

The King's autograph letters

Finally I come to the difficult problem of discussing how much Francis I wrote himself. Erasmus had put it elegantly and at some length in his *De Recta Latini Graecique Sermonis Pronunciatione Dialogus* (1528): 'Who is not struck with respect if a king writes to him with his own hand? With how many affectionate kisses one greets letters that a scholar or friend has traced with his own hand? Do we not see them face to face, hear them, see them? A letter written by someone one does not know is hardly worthy of the name. A secretary puts much of himself into such a letters. Even dictated word for word, it lacks something of the intimate'⁵⁴.

Later on, in the reign of Louis XIV, Saint-Simon wrote of the king's *secrétaire à la main* Toussaint Rose: 'Avoir la plume, c'est être faussaire public et faire par charge ce qui coûterait la vie à tout autre'⁵⁵. Rose had had the power not only to imitate the King's signature but also his writing and did so with great success. Kings had appended their chirographs to acts of state since Carolingian times. The full signature from the 14th century has been described as 'la manifestation privilégiée de la personne royale' in acts of state⁵⁶. Substantial additions in their own writing survive only from the 15th century onwards and then in relatively limited numbers. Acts of the 14th century contain in the reign of Charles V the formula 'Nous avons ces lettres signees de nostre propre main et seellees de nostre anel' followed by strict injunction to obey on pain of incurring 'nostre indignacion, et sur peinne de perdre vostre office'⁵⁷. We know that Louis XI employed a secretary to imitate his hand (he wrote to one 'Escripvez la lettre de ma main, ainsi que vous avez accoutumé de faire, afin

⁵³ Breton to Montmorency, Saint-Germain 6 July 1528, 3014, fo.68.

⁵⁴ Lyon, Apud Sebastianum Gryphium, M.D.XXVIII, p. 36.

⁵⁵ Saint-Simon, vol.12, vol Ib of *Histoire des hommes illustres* (Strasbourg, 1791), p.15.

⁵⁶ C. Jeay, 'Naissance de la signature dans les cours royales et princières de France (XIVe–XVe siècle). Auctor et auctoritas.' In *Invention et conformisme dans l'écriture médiévale. Actes du Colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines (1999)* ed. M. Zimmerman (Paris, 2001), p. 460.

⁵⁷ Letter-close of Charles dauphin mars 1360, MRM aut, seeG. Docquet, 'Le document autographe' p. 401.

de l'envoyer incontinent⁵⁸. Of the many letters missive signed by the king, one can assume that the presence of the signature pre-supposes some form of royal participation and this is amplified when drafts are preserved by the secretaries with alterations indicating some sort of adaptation to the royal will. Clearly few kings would have dictated the entire contents of such letters. But it should be noted that there is no record of a *secrétaire à la main* under Francis I. Villeroy in the later 16th century even recorded that it was only in the reign of Charles IX that secretaries 'commencèrent à signer pour le roy en toutes sortes d'expéditions que les roys precedents avaiant accoustumé de signer aux-mêmes'⁵⁹.

In the case of Francis we are faced by the phenomenon of the exceptionally large number of entirely autograph letters which in effect depart from all formulae, often to the extent of bearing no date at all. It is perhaps not surprising that many of the collections that include the king's autographs were assembled in the late 16th and 17th centuries, a period when their value was first widely appreciated. I would like to begin this discussion with perhaps the most difficult category: the so-called love letters of the King. In effect these are properly described as letters of courtly love or courtesy, preserved in two or three collections of the king's poetry and usually devoid of any addressee. The largest collection (BnF, ms français 2372) dates in my judgment from the middle of the 16th century and preserved the texts without signatures. It is absolutely clear that the letters were regarded as complementary to the poems and were collected by members of the court. So, the earliest known manuscript seems to have belonged to Guillaume du Bellay. We know, too, that Anne de Montmorency had a collection since we have a letter from Jean Robertet to the *grand maitre* from Bordeaux dated 26 June 1530 in which he reports that: 'le Roy se meist hier à vous escrire après avoyr fait ung aussy bon rondeau qu'il en feist oncques point que j'espere faire mectre en vostre livre avecques tout plain d'autres qu'il a fait depuys que vous ne le veistes' (ie. during the early months of 1530)⁶⁰.

To take one example:

Combien que l'escripture soit estimee le seul remedde de contantement à ceulx qui n'ont le bien du veoir, si ne lerra la force de mon amour de sentir peine congnoissant la felicité qu'aura ce papier de vostre heureuse veue et celuy dont il vient — et pour qui il est

⁵⁸ B. Fraenkel, *La signature, genèse d'un signe* (Paris, 1992), p. 30.

⁵⁹ *Mémoires d'état de Villeroy*, Quoted, comte de Luçay, *Les secrétaires d'état* (Paris, 1881), p. 19, Petitot, series I, p. 410; Michaud et Poujoulat, Paris, 1838, p. 220, n. 6).

⁶⁰ BnF, fr. 2976, fo. 127.

regardé n'en pouoir jouyr et s'il n'estoit amye que je suis — seur que la souvenance de l'absence de vostre amy en voyant cest escript aura la mesme auctorité envers vous que d'effect envers moy, je reputeroy en mon malheur tant d'heur à ceste lectre que je ne me fusse jamais consenti à l'ecripre...⁶¹

Other letters can be anchored with some certainty in particular occasions. So, in 1525, we have:

Estant ma triste fortune convertie a pitie, m'a donne par la peine congnoissance de mon aise, me faisant trouver l'occasion plaisante que peult remedier à tel ennuy et pource que le penser de vous revoir est seul en ceste puissance, ay delibereé pour plus grant bien en desirer veoir l'effaict mais si l'escript de l'heureuse esperance est accompagné de tant de force que sera le veoir et la parler. O amye comme à tous aultres est incongneue la perfection de vraye amour et comme à nous elle est prochaine et certaine, car l'eslongnement, perte de veue et longue absence ny nulles occasions que sur tout le monde eut puissance ne sont que les despoilles du triumphe de nostre fermeté, doncques à bon droict devons nous continuer affection de si grant contantement, non estant moins heureuse conversation que agreable la pensee⁶².

And then in early 1530 to Queen Léonor:

A ceste heure que nous partons pour seurement vous approcher, me semble ne vous devoir celer ne m'estre moins d'aise l'esperance de tost vous revoir que la liberté de mes enfans pour laquelle veue ne sera l'aissee nulle sorte de diligence affin que l'esperance par tant de moys soustenue par seure foy, ne perde une aultre foiz son profitable credit. Et soyez seure, amye, que le voulloir n'est moindre en moy que le desir est en vous et que nulle chose n'a la force de le remuer. Je me fusse resiouy avec vous de la liberté des mes enfans comme à celle qui a sa fortune commune et la mienne, mais le penser de vous povoir bien tost veoir a osté le lieu à tel contentement pour obeyr à la souvenance d'amour, laquelle pour vostre moyen a tousiours eu et aura puissance sur vostre trop esprouvé amy...⁶³

The letters (the majority) addressed to a lady of the court are usually said to be directed to Mme d'Etampes or Diane de Poitiers; though for what reason is unclear unless the latter was the only personage in a position to collect such texts after the king's death. Chloe Pardanaud has suggested that Francis invented the recipients of poems and the letters because they offered a means

⁶¹ Francis to ? BnF fr.2372, fo. 274v-75r. I have used these texts of this manuscript rather than the version given by Champollion-Figeac in *Poésies*.

⁶² Francis to ?, BnF fr. 2372, fo. 270v-71r.

⁶³ To Queen Leonor, c. May 1530 BnF fr. 2372, fo. 270v-71r.

of expressing his sense of powerlessness without losing face either to himself or others. I am not sure about this; it seems a massive project of invention⁶⁴. Some of the recipients are more less clear, like Leonor or Marguerite, for whom the following letter was written:

Ung chacun se scait esiouys ma mignonne de son aise mais celluy qui l'a tant forte qu'elle anticippe et occupe toute demonstacion se peult dire la sentir parfaitement. Parquoy puis que par ceste raison je ne puis, encores moins doibe je faire tant d'injure à ma felicité que de l'obliger et soubmettre à la foiblesse de ma plume seulement le peult savoir votre esprit et amour pour estre perpetuellement escript au papier de vostre chair par l'ancre de vostre sang commun à vous et à...⁶⁵

Marguerite herself shares the intensity when she writes to her brother: 'l'on m'escript que vostre santé est bien, nonobstant que j'entende bien quel bien c'est, car je le sens plus vivement que par lecture l'on ne le me peult desclairer'⁶⁶. The sentiment paralleled elsewhere in royal correspondence, such as in Henri d'Albret's letter to Jeanne d'Albret: 'Je ne vous diray l'ayse que se m'a esté d'avoir entendu la continuasion de voz beaus maus, pour se que m'estent de sy pres que vous estes, vous devés sentir tout ce que je sens, soit bien ou mal'⁶⁷. Yet Marguerite elsewhere wrote while far away at Pau in 1537: 'estant au pié de ces montagnes et separee de la bonne compaignie ... j'ay aprins à vivre plus de papier que d'aultre chouse'⁶⁸.

In the case of Francis' letters, though, there is more than just the expression of the idea that a letter is a second rate means of communication. That is certainly present in his remark on the 'l'imperfection de ce mauvais écrit'⁶⁹, that 'une tant agréable pensée n'est en la puissance de l'écriture'⁷⁰. Marot too at times was given to the idea that the communion of souls was better without words⁷¹. This, though, it is surely a literary conceit points to the fact that Francis was one of the few monarchs of the period who questioned the efficacy of his feelings and the means of expressing them. Pardanaud claims that these letters are marked by the almost complete avoidance of the first person singular as a mark his desire not to confront his dilemma in prison; this should be doubted

⁶⁴ Pardanaud, *Plumes royales*, p. 632.

⁶⁵ To Marguerite of Navarre BnF fr. 2372, fo. 245.

⁶⁶ Génin, II, 50.

⁶⁷ Rochambeau, *Lettres d'Antoine de Bourbon et de Jeanne d'Albret*, no 55, p. 72.

⁶⁸ Marguerite to Jean Breton, 17 Dec., Génin, *Lettres de Marguerite*, I, p. 406 (BnF fr.3081, fo.4 — spelling corrected).

⁶⁹ Champollion, *Poésies*, no. 6, p. 193.

⁷⁰ Champollion, *Poésies*, no. 3, p. 192.

⁷¹ Gérard Defaux, "Parole, présence, écriture: vers une rhétorique de l'intériorité", dans *Marot, Rabelais, Montaigne: l'écriture comme présence*, p. 13–56.

in view of the examples I have given here. But the King certainly does indulge in a range of tortuous circumlocutions and there is a tendency for the voice to be passive. 'car mon povoir en tel travail, pour ceste heure, seroit trop foible; mais vostre puissance peult, non mon povoir' (note the duality of pouvoir/puissance)⁷². This is as much the case in the curious prose Epistles which Francis used to introduce the groups of poetic *Epîtres* he wrote mostly in 1525 (contained in BnF fr. 2372) and which were effectively a *captatio benevolentiae* for the following poems. The first, invoking 'le reste de mon ingrate fortune' (echo of his first letter to Louise) asks that 'l'occasion, le lieu, le temps et commodité me sont rudes par triste prison vous plaira excuser le fruit qu'a meury mon esperit en ce penible lieu'⁷³. In the second group headed 'Triste prison' we find: 'Donnant peine au corps et contentement à l'esprit, travail à l'impuissance et satisfacion au savoir, lequel encores qu'il ait la cognoissance que ma triste prison vous soit trop prochaine et que l'ennuy que en prenez double son infortune, luy semble se pouoir par raison plaindre à tous ceulx qui peuent estimer la captivité'⁷⁴.

The relative infrequency of "je" though, does not imply that Francis is any the less the centre of the Universe in these letters. The compression of the meaning, characteristic of all his letters of courtesy, and also the metaphor, personification and symbolism inherent in them (in some ways anticipating the diction of the Grand Siècle) indicate a style of writing which is stunningly different from practically all the king's other letters.

The conclusion I have reached after pondering these texts is they are best regarded as prose poems, even though sometimes grounded in specific needs for exchange. Nevertheless, it is also quite clear that the king's voice in these letters is totally different from the tone of his clearly authentic autograph letters. Here we have what seems to me a completely different voice and certainly a highly idiosyncratic mode of writing that reflects pleasure, danger, response simple events and gives at least a hint of the king's personality. Such letters are devoid of ornament though not of the occasional dry humour. What is more, the sense of "je" is firmly at the centre.

As Gilles Docquet has observed, purely historical autographs have tended to survive much more frequently than literary ones in the late Middle Ages⁷⁵. This is certainly the case with Francis I: no autographs of his literary compositions, many of his more mundane letters. Few autographs letters survive from before the accession, though the main traits of his script are displayed in the envoi in a

⁷² Champollion, *Poésies*, no. 21, p. 200.

⁷³ BnF, fr. 2372, fo. 2.

⁷⁴ BnF, fr. 2372, p. 26.

⁷⁵ Docquet, p. 408–10.

letter to Louis XII between 1510 and 1514, signed as his ‘humble et tresobeysant subget et seruyteur’⁷⁶. After his accession, Francis seems to have written often and fully to his mother while he was away from her and did so in his own hand. Strangely enough, one original that has not survived is the famous one to his mother after his capture at Pavia already discussed.

Of the original autographs, a few examples will have to serve. To take just one that is fairly-well-known, there is the letter he wrote to Louise during the crossing of the Alps in the summer of 1515:

Madame seu quy me gardera de vous fere plus longue letre sera que ie monte aseteure cheval pour la grant trete qu’avons à fere pour parferre le demeurant de la journee vous aseurant que nous soumes de dans le plus estrange peys ou yames feut homme de sete compaynye mes demayn espere d’estre an la plene de Pyemont avesques la bande que je mene quy nous sera grant plesyr car il nous fache fort de porter lé armes par my ses montaynes pour se que la plus part du tanps nous fout estre à pyé et mener nos chevaux par le bryde (de quo mons le grant mestre est bien mary)...⁷⁷

Or the letter he wrote to her in September 1521 during the campaign along the north-east frontier:

Madame tout aseteure ynysy que je me vouloys metre olyt est aryue Laval le quel ma aporte la sertenete deu levemant deu syeye de Mesyeres et croy que nos an[n]emys sont an grant peure veu la onteuse retrete quyl ont fet pour tout le your. De demayn je sare le chemyn quyl prandront etselon sela yl nous fodra gouverner et sy lont joue la pasyon nous jourons lauanyanse. Vous supplyant madame vouloyr mander partout pour fere remersyer dyeu car sans poynt de fote yl a motre se coup quyl est bon francoys...⁷⁸

Louise took up the phrase the following day, in a letter she wrote to Robertet, echoing her son’s opinion that ‘Dieu c’est à ce coup monstré bon François’⁷⁹.

Then as an example of the kind of letter he would write under stress, is one from the group written during the crisis of Bourbon’s conspiracy in the summer of 1523:

Je receu ma dame laletre quyl vous a pleu me crye et veu la verty se mant deu grant senechal et sy lest verytable yl me troue byen a propos car je man aloys auant dyner a Molyns a ses mal acompagne mes puy que je suys auerty je croy que je leur fere fayllyr leur antepryse la fason deu remede que je y a done est que je susyourné an se lyeu de Saynt Pyare

⁷⁶ BnF, Dupuy 211, fo. 1.

⁷⁷ BnF fr. 3021, fo. 2. I have retained the exact spelling and word pattern in these texts, while inserting letters between brackets where the king has used superscript signs for abbreviations.

⁷⁸ BnF fr. 3897 fo. 132.

⁷⁹ BnF fr. 2978, fo. 5.

la moutyer pour se jour dy sant que je mal ung peu ama jambe et aussy que je vous metre tous mes lasque nes dauant moy car il fost que vous antandes que le Sr de Borbon auet fet tour ner tous les dys lase que nes an ors de tous las grans chemyns mes toute lauertyt je an voye Perot Doarty quy an nara sanble ungne bone bande que je fet venyr opres de moy .de sorte quaseteure je pleus demoye[n] de leur fere ung moves tour...⁸⁰

This was followed a week or so later commenting sourly on Bourbon’s pretence⁸¹. Sometimes Francis would write not in his own hand but obviously dictating to a secretary and signing as he would sign an autograph letter, as in the case of the one sent from Pont-Faverger on October 1521 commenting on the threat of war from England. Here all chancellery formulae are absent⁸². Only a handful of what must have been many more autograph letters to his mother during his captivity have been preserved (though there are many from her to her son). The subsequent text, from Pizzighetone on 12 May and hoping for rescue, has survived⁸³. Many such letters have obviously not survived, though there is occasionally a trace. One was written by the King to his mother at Coucy in July 1529 to assure her of his good health but we know of it only through a mention by one of his secretaries⁸⁴. But we do have other autograph letters written shortly afterwards to her, one approving her negotiation of one of the articles of the treaty of Cambrai and one deploring the lack of support from his allies⁸⁵.

As far as his advisers are concerned, most of Francis’ letters were more formal letters-missive but occasionally he would write by dictation to a secretary, signing informally at the end. Such is the case with the letter he wrote to Montmorency written at Maulconnant in June 1528 during a hunting expedition from Fontainebleau to Lagny. The letter which begins with thee nigmatic salutation ‘En bas ou en hault pierre rouault’ is marked by the vividness of expression apparent in the Marignano letter:

j’ay troué vne maison qui est à Laguete que je croy qui rand ses comptes d’extraordinaire deuant la Tour Carree car nous n’y auons troué ny vin ny saulse et nous a fallu partir à la frescheur de la lune où les estruyes nous tenoient au piedz et dieu scait la pacience de ce secretaire car il auoit froit fain et soif et bien las, toutesfois avecques l’aide de Dieu nous auons gagné ce logis⁸⁶.

⁸⁰ BnF fr. Dupuy 211, fo. 4.

⁸¹ Francis to Louise of Savoy, late August 1523 BnF Dupuy 211, fo. 6v–7v (incomplete).

⁸² BnF fr. 2978, fo. 1.

⁸³ To Louise, 1525 BnF fr. 20443, fo. 157, printed by Champollion. *Captivité*, p. 180–81 and *idem.*, *Poésies*, p. 180.

⁸⁴ Jean Robertet, 10 July 1529, BnF fr. 2976, fo. 129.

⁸⁵ BnF fr. 3021, fo. 1.

⁸⁶ BnF fr. 3021, fo. 112 — letter published by Génin, *Lettres de Marguerite*, I, p. 467.

Again in an undated letter that can be tied down to 22 July 1530, we find him in the middle of the hunt and quipping:

Vous direz a monsr l'admiral que vous escriis ceste lettre pour tous deux et si fust esté homme de bien il fust venu secourir son frere mais j'entens bien que pour mourir il n'abandonneroit le lit de sa femme...⁸⁷

Adding a post-script that he was sending two melons for the ladies with a warning not to eat them after dinner for fear of getting stomach ache.

Even in the course of his formal political correspondence, the King wrote in his own hand to Montmorency as in this note from 1537(?)⁸⁸ and would add a note in his own hand at the end of a formal missive, as with this one to Montmorency in 1523 emphasising the importance of re-supplying Théroutanne⁸⁹. As for correspondence with ambassadors, again this was a formal process (and often formulated in cipher), though until the end of his reign there are traces of Francis corresponding himself with ambassadors, as with his letters to Jacques Mesnage in 1546⁹⁰. Direct traces of the King's intervention by his own hand in the formulation of position papers is rare but we do have a set of articles probably drawn up in 1533 in the course of arranging the Franco-Papal meeting and linking an alliance with the Pope to the marriage of Catherine de Medici with the King's son Orléans⁹¹.

Writing to other sovereign princes was a special case, partly governed by carefully formulated modes of address and highly formal language but in some circumstances both Francis and Charles V thought it important to communicate in their own hand. The bulk of the letters written by Francis to the Emperor in 1525-6 were in his own hand. Oddly enough, Champollion published only a few of these and though, Roger Gaucheron called for a new edition of the correspondence⁹², nothing has been done. The first surviving — signed 'vre bon frère et amy' — is preserved in the Rothschild collection and asks Charles to 'syl vous plest avoyr sete oneste pytye de moy avecques la seurete que meryte la pryson dun roy de franse le quel lo[n] veust randre amy et non desespere vous poures estre seur de fere vng a quest au lyeu dun prysonyer innutyle de randre

⁸⁷ BnF fr. 3016, fo. 5, Champollion, *Poésies*, p. 205–6.

⁸⁸ BnF fr. 2982, fo. 2.

⁸⁹ To Montmorency, 12 June [1523] BnF, fr. 3021, fo. 14. No dating clause but endorsed 'Lettres du Roy du xij^{me} de juing signees de sa main' countersigned by Jean ('le bailli') Robertet

⁹⁰ Francis I to Mesnage, 1 July [1546], see Galerie Frédéric Castaing, <http://www.cne-experts.com/PopUpObjectDetails.aspx?dealerid=805&objectid=365570> and Compiègne, 22 Dec. [1546] Pierpoint Morgan Library.

⁹¹ BnF, fr. 20433, fo. 93.

⁹² Roger Gaucheron, *Lettres, autographes et manuscrits de la collection Henri de Rothschild*, t. I (Paris, 1924), p. 50.

ung roy [et] a yames vre esclau⁹³. There are at least 20 such autograph letters; most passed into private collections but are known through the Morrison and Rothschild collections, generally brief notes, signed 'vostre bon frere', 'vostre bon frère, amy et alyé', 'vostre bon frère cousin et alyé', or after his return occasionally 'vostre bon frère, parfet amy et pour james oblygé'. Another half dozen survive from the years of Cambrai negotiations and after, 1529–31 and then we find Francis writing again in his own hand during the preparations for the Emperor's crossing of France in 1539 and during the negotiation of the peace of Crépy in 1544⁹⁴. Most, as I say, are brief notes but there is the occasional longer text such as that of November 1526⁹⁵ making detailed proposals for the negotiation of his childrens' return and written far more carefully than many of the letters to his mother, with more conventional spelling and less fantasy over construction. It is a carefully crafted letter, balancing threat and a general appeal to the need for 'la paix unyverselle en ceste relygyon chretyenne a p[resent] tant desolee et aflygee et ruynee par le moyen des guerres et dyvvysons quy ont este par cydevant entre nous... In this case signed simply 'vre bon frère et cousin'.

As far as relations with Henry VIII are concerned, the picture is as much if not more complex. There are innumerable letters from Francis to Henry penned in the formal style of exchange between rulers opening 'Treshault et puissant prince, nostre trescher cousin et frere' but from 1527 onwards Henry and Francis were 'perpetual allies' and this was reflected not only in forms of address but in the fact that Francis now routinely wrote to Henry in his own hand and in fact continued to do so at least until 1536⁹⁶. Indeed, even in the midst of war in 1544, Francis still signed a secretarial letter 'vre bon frère cousin et allyé'. From 1526, though, there is a remarkable intensity of exchange both with Henry and Cardinal Wolsey⁹⁷, clearly seen by Francis as a key support of the Anglo-French alliance and involved too in correspondence with Louise of Savoy, Wolsey's 'la plus que toute bonne mere' etc. We even have an autograph post-script to a letter to Jean de Lorraine clearly designed

⁹³ Gaucheron, *Lettres, autographes et manuscrits*, no. 53, facsimile; copy in fr. 2936, fo. 31. Printed for the first time in 1845 by Capefigue from the copy in BN fr. 2936, then by Champollion from that copy and from the copy in BM Besançon, MS Granvelle 1. Both of these two copies are defective.

⁹⁴ AGS Estado, K 1484, no. 129 published in Gachard, *Troubles de Gand* p. 258–9. And Sept 1544, printed in *Catalogue of the Morrison Collection*, First series, II, p. 146.

⁹⁵ Gaucheron, *Lettres autographes et manuscrits... Rothschild*, no. 58, facsimile.

⁹⁶ BnF fr. 3013, fo. 40.

⁹⁷ Examples: Francis to Henry VIII, June 1527, 'vre bon frere cousin oblyge et antyer amy' (BL Calig. E II, fo. 100; to Wolsey, Paris, 24 July [1527], BL Calig E II, fo. 106) accompanied by a formal letter missive but not crs. TNA, SP1/42, fo. 224.

to be passed on the Wolsey during his journey through France in 1527⁹⁸. The most intensively preserved group of such letters was written by Francis in the summer of 1529 and 1530, when he was anxious keep Henry on side in the Cambrai negotiations and the subsequent exchanges on the return of the king's sons. Incidentally, so close were relations in the years 1526–29 that a large number of Francis's letters to the ambassadors in England, Passano and Jean du Bellay, were handed over to Wolsey⁹⁹. There are also significant numbers of Francis's letters which must have been intercepted by English agents in Italy in 1516–17¹⁰⁰.

Questions of style and penmanship remain. Francis himself admitted to his 'mauvoise ecripiture' in a letter to the Emperor, another that he signed 'votre bon frère et s'yl vous plest esclave'¹⁰¹. The spelling in many of these letters is not only phonetic — that is to be expected in a non-clerkly — hand but also varies in terms of its own spelling conventions. In some u is consistently written as a diphthong 'eu', which may tell us something about the king's accent but in others the more orthodox 'u' is retained. Sometimes the spelling is more than usually chaotic and fantastic — words broken up into fragments — and at others much more clear. The style of penmanship is sometimes neat and sloped and sometimes upright, crabbed and inept, as if written in a great hurry. These aspects of the king's autograph manuscripts need to be worked out systematically.

Above all, I suppose I am calling for a serious approach to the role of the King as a writer by some kind of attempt to assemble a credible edition of the letters of all kinds as well as a study of their composition.

Данные о статье:

Автор: Поттер Дэвид, профессор Университета Кента (Великобритания), d.l.potter@kent.ac.uk

Заголовок: Переписка ренессансного монарха: письма в стиле правления Франциска I (1515–1547 гг.).

Резюме: В настоящей статье представлен обзор корреспонденции французского короля эпохи Ренессанса и итальянских войн, Франциска I Валуа (1515–1547), приуроченный к 500-летию начала его правления. Автор анализирует все возможные сохранившиеся печатные и рукописные автографы монарха, равно как письма и реляции, ему адресованные, и пытается ответить на вопрос, почему до сих пор они не привлекли внимание специалистов этого периода времени. Демонстрируя первостепенную значимость корреспонденции

⁹⁸ To the cardinal of Lorraine, Paris, July 1527, handed over to cardinal Wolsey, BL Cotton, Vesp. F III, no. 49.

⁹⁹ E.g. Francis to du Bellay, Saint-Germain, 7 J. [1528] BL Calig. D X, fo. 301v.

¹⁰⁰ E.g. Francis to Bourbon, Lyon, 24 March 1516, TNA, SP1/13. fo.73.

¹⁰¹ *Catalogue of the Morrison Collection*, First series, II, p. 143–4.

Франциска I, Д. Поттер подчеркивает, что ее изучение необходимо для полного понимания целей, мотивов и логики королевских решений в деле управления внутренними и внешними делами французского королевства.

Ключевые слова: Франция, Франциск I, монархия, переписка, управление.

Information about the article:

Author: Potter David, Professor of University of Kent (Great Britain), d.l.potter@kent.ac.uk

Title: The Correspondence of a Renaissance Monarch: Letters in Francis I's Style of Rule (1515-1547).

Summary: The present paper offers a survey of correspondence of Francis I, who was a French king in the times of Renaissance and Italian Wars. This survey is dedicated to five-hundredth anniversary of the beginning of his rule. The author analyses all the possible survived printed and manuscript signatures of the monarch as well as letters and relations, which were addressed to him, and try to answer the question why these letters still has not received an attention of the scholars. Having demonstrated primary significance of Francis I's correspondence, D. Potter focuses that the study of these evidence is necessary for adequate understanding of aims, motives and logic of royal decisions concerning the government in internal and external affairs of French kingdom.

Key words: French, Francis I, monarchy, correspondence, ruling.

References:

- Berger de Xivrey, Jules (ed.). *Recueil de lettres missives de Henri IV*. 9 vols. Paris: Impr. Imperiale, 1843–1876.
- Champollion-Figeac Aimé. *Captivité du roi François Ier*. Paris: Imprimerie royale, 1847. 658 p.
- Champollion-Figeac Aimé. *Poésies du roi François Ier: de Louise de Savoie, duchesse d'Angoulême, ... et correspondance intime du roi*. Paris: Impr. royale, 1847. 235 p.
- Docquier Gilles. 'Le document autographe. Une "non-réalité" pour l'historien?', in *Le Moyen Age*. 2012. Vol. 117. Pp. 387–410.
- Fraenkel Béatrice. *La signature, genèse d'un signe*. Paris: Gallimard, 1992. 336 p.
- François, Michel, Boucher, Jacqueline (eds.). *Lettres de Henri III roi de France*. 6 vols. Paris: C. Klincksieck, 1959–2006.
- Gaucheron Roger. *Lettres, autographes et manuscrits de la collection Henri de Rothschild*. Vol. I. Paris: F. Lefrançois, 1924. 374 p.
- Génin, François (ed.). *Lettres de Marguerite d'Angoulême ... reine de Navarre*. 2 vols. Paris: J. Renouard, 1841–1842.
- Jéay Claude. Naissance de la signature dans les cours royales et princières de France (xive-xve siècle). Auctor et auctoritas, in Zimmerman, Michel (ed.). *Invention et conformisme dans 'écriture médiévale*. Actes du Colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines (1999). Paris, 2001. Pp. 457–475.
- Knecht Robert Jean. *Renaissance Warrior and Patron: the reign of Francis I*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 612 p.
- La Ferrière-Percy, Hector de, Baguenault de Puchesse, Gustave (eds.). *Lettres de Catherine de Médicis*. 11 vols. Paris: Impr. Nationale, 1880–1943.
- Labande, Léon-Honoré (ed.). *Correspondance de Joachim de Matignon, lieutenant-général du roi en Normandie (1516–1548)*. Monaco-Paris: A. Picard, 1914. 211 p.
- Marquis de Rochambeau (ed.). *Lettres d'Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret*. Paris: Renouard, 1877. 417 p.

Michaud Helene. *La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France, 1967. 419 p.

Pardanaud-Landriot, Chloé. *Plumes royales: l'art épistolaire chez les souverains et souveraines de Navarre et de France au XVIe siècle*. Thèse de doctorat, Lettres modernes, Université Saint-Etienne, 2014.

Pélicier, Paul (ed.). *Lettres de Charles VIII roi de France*. 5 vols. Paris: Librairie Renouard, H. Laurens, 1898–1905.

Potter David. *Henry VIII and Francis I: the Final Conflict*. Leiden: Brill, 2011. 562 p.

Potter David. *War and Government in the French Provinces: Picardy 1470–1560*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 393 p.

Scheurer Rémy. *Correspondance de Jean du Bellay*. Paris: Klincksieck, 1973. 530 p.

State papers of Henry VIII. Volume IX. London, 1849.

Vaesen, Joseph, Charavay, Étienne (eds.). *Lettres de Louis XI roi de France*. 11 vols. Paris: Librairie Renouard, H. Laurens, 1883–1909.

Viennot, Eliane (ed.). *Marguerite de Valois, Correspondance 1569-1614*. Paris: Honoré Champion Editeur, 1998. 674 p.

ББК 63.3(0)4 (4Нид); УДК 94(492).03

M. G. Logutova

**THE PORTRAIT OF NETHERLANDS PRIEST
OF THE TIME OF COUNTER-REFORMATION
(Basing on the manuscript housed at National Library of Russia,
shelf-mark: Goll. F. XIV. 2)**

The manuscript “Mirror of the World” (“Des werltz spigel”, shelf-mark: Goll. F. XIV. 2) from the National Library of Russia was created in 1560–1578 in the North-Netherlands town of Kampen. This codex containing the author’s texts of pious and historical content is written in the Dutch language all by the same hand but in different types of writing, and it is illustrated by many colourful figures and scenes. The cardboard binding is of the first third of the XIX century with gold stamping on the leather spine. On the backside of the upper cover of the binding there are stickers: ex-libris of Carel Gerard Hultman; cutting from the catalogue of the auction at which Hultman’s library had been sold; ex-libris of the count Jan Pieter van Suchtelen.

The prominent Netherlands statesman Carel Gerard Hultman (1752–1820) was bibliophile and connoisseur of books. “Mirror of the World” we are referring to, had been bought on sale of the Hultman’s collection on the 9th of July, 1821¹ by one of P. Suchtelen’s commissionaires. Dutchman by origin, lieutenant-Colonel Jan Pieter van Suchtelen (1751–1836) joined the Russian service in 1783. In Russia he rose to the rank of lieutenant-General of Engineering Troops and was conferred the earldom of the Russian Empire. For many years he served as Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia in

¹ Bibliotheca hultmanniana sive catalogus librorum ad omne scientiarum artiumque genus pertinentium inter quos saeculi XV editiones nec non multae ... Quorum auctio fiet Sylvaeducis ... per H. Palier et filium, die 9 julii 1821, p. 5, lot 11. Sold f 1,25 to the bookseller Van Cleef (commission of Van Suchtelen?). Description in the sale catalogue: “Hermanus Wolphius, 1560. Il traite des differentes matieres morales, et est chargé de figures coloriees symboliques; l’écriture bien lisible est de différentes mains. Cet ouvrage est certainement très rare, et unique en son genre. Exemplaire mal soigné”.

Sweden. He was a highly educated person and a passionate collector of books and works of art. After his death an important collection of books was left. It was of such a great value that there was no private person who could buy it. The Russian government bought Suchtelen's library and in 1836 the books were brought from Stockholm to Saint-Petersburg on a warship. The manuscript collection containing 262 West European codices including "Mirror of the World" and about 44 000 documents was a part of count Suchtelen's library and it was given to the Imperial Public library in Saint-Petersburg (now National Library of Russia).

Herman Wolf (Hermanus Wolphius, 1510 – after 1578), the author of the "Mirror of the World" was a Catholic priest at the guesthouse of the Holy Spirit in Kampen, the town of the North Netherlands province Overijssel. Wolf's life covered one of the most hard and crucial periods in the history of Netherlands when the Reformation was closely interlaced with the struggle of the people for the independence from the Spanish rule. The book reflects the mood of the Catholic part of the population devoted to traditional faith and the King. The present article, without pretending to give an exhaustive analysis of the manuscript, has for an object to show how a Catholic priest perceived the ongoing events, the fracture in society, and which tasks he tried to solve creating this book.

Many sheets have Wolf's initials: "H.W." and the dating of work on different parts of the manuscript². The earliest dates refer to 1560 when Wolf was 50 years old. We can suppose that a round date and considerable for its epoch age encouraged the priest to set out in writing his life experience gained over half a century. Blank sheets of stiff paper were bound in codex and numbered in the upper right corners by large Arabic numerals from the first up to 238. While working on the manuscript Wolf re-stuck and removed the sheets, so in the present state the manuscript has 219 sheets³. The book consists of four parts each containing many separate poetic and prosaic works. Texts are illustrated by many drawings. The reflection about the man in the world contemporary to Herman Wolf was the underlying theme to which all texts and images had been submitted.

The general title is written on the third sheet: "The title of the book is Mirror of the World" ("Den Titel des Bokes Is Werlts Spiegl"). It is preceded

² RNB, ms. Goll.F.XIV.2: **1560** (ff.1v, 4r, 216r, 228r, 232r), **1563** (f. 14r), **1566** (f. 83r), **1567** (f. 70v), **1574** (f. 98r), **1575** (f. 196r); **1577** (ff. 237r, 237v), **1578** (ff. 120r, 123r, 133r, 208v, 216r, 232r).

³ References are given according to author pagination.

by the words from the first Epistle of St. Paul to the Corinthians. It should be mentioned that references to the Holy Scripture abound, sometimes they are three or four on each sheet. The Bible texts are given in the Dutch language with accurate bibliographic references, in the present case it is Cor. 13, 12: "For now we see through a glass, darkly; but then face to face"⁴. Wolf explains that he wanted to provide people with the mirror of good conscience and life in order that everyone looking at thyself in the mirror could understand if he lived in harmony with the Christian faith, in obedience to the commandments of God and in deeds of love⁵.

Mirrors were one of the favourite literary genres of the Middle Ages. As a leitmotif they had the words carved on the temple of Apollo in Delphi: "Know thyself". In the Christian interpretation they meant the cognition of the highest spiritual essence of man: "Know your soul". First the theme of mirror appeared in Augustine's "Speculum de scriptura sacra". However, this genre became particularly prevalent in the XIV–XV centuries when because of the growth of personal self-consciousness, people felt strong need to self-knowledge and self-perfection. Most mirrors follow the ascetic tradition of dualism of body and soul. Love of God should prevail over the love for neighbour and for the world. Self-knowledge led to the awareness of the sins leading to a contempt of oneself (*contemptu sui*) and as a consequence, to a contempt of the world (*contemptu mundi*) — that was the only way to attain salvation of the soul⁶.

Wolf writes in the prologue to the first part of the "Mirror of the World"⁷: "I am beginning the book "Learn to die" called "Disce mori" in Latin and "Leert steruen"⁸ in Dutch. On the margin there is an inscription written by Wolf's hand: "Anno 60". Wolf presented Catholic doctrine in poetic form and in quite medieval spirit basing on the Ten Commandments and seven mortal sins.

⁴ Citations from Wolf's book are given according to the orthography of the manuscript, citations from Bible in English — by King James Version of Bible. RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 2v: "Nu sie wy doer een Spigel. In een donckerheit. mer dan sulle wy sien ansicht tegen ansicht" (Cor.13,12).

⁵ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 3r: "Den Titel des Bokes Is werlts Spiegl woerine die menschen als in een Spigel tgantse ansicht haerder conscientie ende leuen soe wel den guden. Als den quaden. in bestouwen moecht ende een ider mach weten oft hi in den geloue si oft niet. In die gehoorsamheit der geboden gods ende in die werken der liefden die daer wtvolgen".

⁶ P. Bange, *Spiegels der christenen. Zelfreflectie en ideaalbeeld in laat-middeleeuwse moralistisch-didactische traktaten*, *Middeleeuwse studies II*. Nijmegen, 1986, p. 16.

⁷ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, ff. 4r–70v.

⁸ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 4r: "Voorreden oft prologus. <...> Ick hebbe onlanges een boecgen wt laten gaen op latyn genant. Disce Mori (opt duitsche) Leert steruen".

The second part⁹ is entitled “What is a man” (“Wat is een mensch”, Iob 7.17; Ps. 8.5, 143.3)¹⁰. It is preceded by the epigraph in Latin and Dutch: “Know thyself” (“Nosce te ipsum. Kent v seluen”). There are no more medieval reminiscences and quite a critical view of society and human is presented rather in the spirit of the late Renaissance. To confirm his thoughts, Wolf refers to Greek philosophers Democritus and Heraclitus. This part ends by the “Final speech with teaching and exhortation written in 1566”¹¹. It should be noted that the end of the previous part is dated by 1567¹².

The third part is called “The World’s Course” (“Des werlts beloop”)¹³. The words attributed to Seneca serve as an epigraph: “The Fortune turns the wheel of fate”¹⁴. His narrating begins from the World Creation and creation of man and goes on through Golden, Silver and Iron Ages up to redemptive sacrifice of Christ. By words and in pictures he depicts Babylon (death) and Jerusalem (life)¹⁵ representing two paths of humanity — the path of death and the path of life¹⁶, portrays the story of the Fall¹⁷. According to medieval tradition, Wolf highlights three estates: praying, warring and all the other. He depicts the Pope (“Tu supplex ora”), emperor (“Tu protege”), peasant (“Tuque labora”)¹⁸. He also portrays the daughter of Zion, Holy Church — the bride of Christ, Christ — a bridegroom and the head of the Church¹⁹. After the scene of the Crucifixion²⁰ there is a sheet with the image of Christ bearing His cross followed by townswomen singing prayers, each of them carrying her own cross. The inscriptions say: “learn the cross”²¹, that is learn to carry your own cross imitating Christ as the only true way of life.

Wolf completes the third part of the book by the words “Lord teaches us to pray”²², followed by prayers in the Dutch language. In the manuscript prayer-books of the late Middle Ages, besides the canonical text of Pater noster and Ave Maria, we can often find extended versions of these prayers. After each

⁹ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 70v–85r.

¹⁰ Folio 92 with the title of the second part was re-stuck by Wolf, and now it is between ff. 70 and 72.

¹¹ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 83r: “Een besluit reden. mit een onderwijnsinge. ende vermaninge. des voerschreuen tractats. Exscriptu 1566”.

¹² RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 70v: the final prayer and a picture of an owl.

¹³ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 86r–119v.

¹⁴ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 86r: *Fortuna rotat omne fatum*.

¹⁵ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 89v.

¹⁶ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 96v–97r.

¹⁷ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 99v–100r.

¹⁸ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 99r.

¹⁹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 109v–110r.

²⁰ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 113r.

²¹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 113v–114r: “Disce cruce”, “Leert des cruce”.

²² RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 116r: “Here leert ons bidden”.

strophe of the main Christian prayers there are inserted 4–8 poetic lines in the vernacular illustrating the strophe in the form of prayer. Writing down Pater noster in his book, Wolf followed that medieval tradition²³.

Half of the codex (ff. 120–238) was intended for the last part of the “Mirror of the World”, however, 70 sheets were left blank²⁴. This final part was dedicated to the description of the world in which Wolf lived and to his reflections on his time.

Wolf could see that the world familiar to his moral values was collapsing. The last part begins with the words of the Netherlands proverb: “The world goes on stilts. Canticle or poem about changing of the world and sorrow of the time. The year 1578”²⁵. In this canticle we find the description of the “History and interpretation of the word *world* — *Mundus* in Latin and *die werlt* in Dutch that we are going to describe in this book”²⁶. The canticle is preceded by the introduction which reflected with the utmost clarity Wolf’s perception of the occurring changes and his opinion on what he called “sorrows of the time”:

“Here comes a poem or cantilena in the Dutch language, canticle on manners and customs of the time in Netherlands beginning since 1566. There I suffered in calamities (*as I had gone through it myself*)²⁷ all the changes of moral decline in speeches, in customs, in clothing, in trade, in crafts and in all the estates a great desolation <...> written down in Kampen on the 4th of September, 1578 at the age of 68 by me (Herman Wolf)²⁸ What I had gone through”²⁹. It is fol-

²³ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 116v: “Pater noster qui es in celis / math. 6.

O Ewige vader van Hemelrijcke
Verhoort des Ropen der Armen
Wy sunders bidden v <...> gelijcke
Latet v hier onser ontfermen
Al sume wij nutten Lichame bezwaert
Nochtans is onse verlangen
Na v O vader wt gudiger aert
Wilt onse gebet nit ontfangen ...”

²⁴ The following sheets were left blank: 137–195 between the first and the second parts; 213–222 between the second and the third parts.

²⁵ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 120r: “Die Werlt op steltenn gaet. Een Carmen oft gedicht van die verkiertheit des werlts ende bedroefheit des tides. anno 1578”.

²⁶ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 121r: “Historia ende Interpretatio op dat woort *Mundus* (op latyn) die werlt (op duitsch) der wi hier in dit boeckgen van scriuen sult”.

²⁷ Wolf’s brackets and italics.

²⁸ Wolf’s brackets.

²⁹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 123r: “Hier volget nu een gedicht ofte cantileen op duitsche carmina van die manieren ende zeeden des tegenwoordigen tijtz van des jare 1566 naemptliken in deser Nederlands. Daer in yammerken moecht (*als ic selues beleuet hebbe*) alle veranderinghe in verargeringe in reden in zeeden in cleden in politie in neringhe in hantiringe ende in allen staten grote desolatie. <...> binnen Campen 1578 des 4 September myns olderdoms 68. by mi (Hermannus Wolphius) dit seluen ook beleuet”.

lowed by 10 sheets of poetic text completed on the 5th of September, 1578³⁰. Probably this part was supposed to be more spacious as there are 60 blank sheets left for it.

After blank sheets comes the “Chronicle since 1566”³¹. What prompted the priest who wrote didactic works for laymen to undertake the compilation of chronicles? The answer lies in the date of 1566. That was the year when Netherlands raised a revolt against the Spanish rule. However, in 1566 Wolf could not realize yet to the full extent the scale of what was happening. The understanding came later. Next to the title a little bit aside there is an inscription “1575 HW” on a small drawn tablet, as if a wooden plate were nailed to a sheet. Wolf started writing the history of his time *ex post facto*, basing probably on his notes.

In 1566 the oppositional noblemen formed the union, on behalf of which on the 5th of April, 1566 in Brussels they handed over a petition to Margaret of Parma who was a governor representing the Spanish King Philip II. The petition claimed to put an end to religious persecution, to stop depriving provinces of their historical freedoms and to convene the General Estates to solve emerging problems. On the 11th of August the iconoclastic movement began in Flanders and quickly spread to other regions of the country. That caused the governor to make a number of concessions in the manifest dated by August 25, 1566 and to promise amnesty to members of the nobility union. The noblemen agreed to the terms of the governor, dissolved the union and joining the government troops proceeded to the armed suppression of the revolt.

Wolf describes the factual outline approximately in the way we are used to read in the textbooks on history, though the evaluation of the events is given with opposite signs. The positive sign (the struggle for the independence of the country under the banner of Calvinism) is changed to negative sign and vice versa. The “Chronicle” begins with exhortations to the Christian reader³² which Wolf completed by a picture representing four punishments of the Lord — war (orlich, bellum), famine (deurtijt, fames), plague (pestis), expulsion of sinners into eternal fire (gods ordel, Mt. 25,41)³³. Here he gives the opinion of Empedocles: “Changing religion and rule changes”³⁴, which may be mythical but very accurately describes religious and political aspects of the situation in the Northern Netherlands.

³⁰ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 133r.

³¹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 196r.

³² RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 197r: “Een vermaninghe totten christeliken leser”.

³³ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 199v.

³⁴ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 200v: “Empidocles philosophus Mutata religionem mutatur et regnum”.

“In the year of our Lord 1566, Dutch noblemen secretly gathered in the royal lands and swore that they would not allow to prevent the Reformation, from which came disasters, discords and terrible devastation to the lands and towns. But misfortune of misfortunes was that they raised the sword arm at His Majesty the King. All lands joined them. They called themselves *geuzen*. <...> Christ said: “No man can serve two masters” (Mat. 6, 24). Therefore, when you see that the love had gone and the evil has reigned, then you finally come to the idea that it is the time of the loss of all that is good and the day of damnation is coming”³⁵.

In total “Chronicle” took seven sheets³⁶ and deserves serious scientific publication. Here we gave only some passages that allow us to trace the context of Wolf’s perception of historical reality.

As the epigraph to the chronicle of 1570 serves the line from Psalm: “Die tyt to ontfarmenis nu gecomen” (Ps. 101)³⁷. Near the line of the Psalm there are two inscriptions: “Pius papa 5 — paardon — Phil. R. His.”, on the other: “Evil is removed, fear is overcome”³⁸.

“On the 1st of August the Pope and His Royal Highness issued a decree granting forgiveness for the armed crimes against His Royal Highness and also for burning and looting churches by Anabaptists, their Lords and elders. Those who are subject to the forgiveness get back their property”³⁹.

In the eyes of Wolf the flooding that occurred that year was not much different from disasters stemming from political and religious conflicts. Below the inscription “Flood of 1570” he depicted the inundated town, people on the roofs of submerged houses and in the tree branches pleading for help⁴⁰. On a

³⁵ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 202r: “In den jare ons heren 1566 hebben vole duitschen heren al hier in koninges landen to samen geconsperiert ende een gesworen et mencaderen gedaen om een nye reformatie to maken angaende de religioen daer alsoe groten jamer spul bloot sturtinge ende gruweliken desolatie der landen ende steden wt ontresen is dattet jamer meer dan iamer was want sie hem met gewapende hant tegens kon. Maiestat hebben geoponiert. Dair een groten toual wt allen landen is bigecomen. De ghenomet words *geusen*. <...> Christus sprect: Nymant kan desse twee heren togelike dinen. Aldus wanner y siet dat de liefde vergaet ende boosheit douer hant nemet so boret v hooft op ende gedenket die tijt des verlossinge is den guden anstaende ende den dach der verdomenisse is den quaden nae bj”.

³⁶ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 202r–208r.

³⁷ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 203v.

³⁸ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 203v: “Die boosheit belint / de duechde ouerwint”.

³⁹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 203’r: 1570: “Item den ersten augusti is dat pardoon ofghesant vanden paeus vnde van konigl. Maestat. Dat alle die geue die nz tegens kon. Maiestat in armis gewest were welk crimen lese Maiestatis is als oeck kerken scenders kerken rouers ende anabaptisten ende hairen heren ende olden religioen wolden ondertdanich zyn. solden genieten dat pardoon. ende een gracie geacceptiert worden toe comen een ider weder in syn possessie daer voele (omt geloue) an tuielden ende achterbleuen”.

⁴⁰ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 203’v: “Dat Diluuium in dem iare van 70”.

kind of tape drawn aside there is a line from the Apocalypse: “Woe, woe, woe, to the inhabitants of the earth” (Ap.8,13)⁴¹. Wolf writes:

“On All Saints Day there happened a very strong storm, which lasted day and night with deluges of rain, thunder and lightning”⁴². According to Wolf the flood had caused a terrible damage in Kampen. In Flanders perished 8000 people, in Groningen — 7000, in Holland and in Zealand many villages had been destroyed. “Let us pray to God that He looked with mercy upon us and turned away His wrath from us sinners”⁴³.

On the 11th of August, 1572 Kampen was liberated from Spaniards by the count van den Berg, brother of Wilhelm the Silent of Orange. Wolf writes down:

“On the 8th of August count van den Berg came close to Kampen<...> on the 22nd of September all churches, monasteries, guesthouses with all their decorations and ornaments of gold and silver were ransacked, the monasteries destroyed, the church service frustrated. <...> On the 26th of October the priests were sent into exile”⁴⁴.

Having got the news of the massacre made by Spaniards in the neighbour town of Sutphen, which killed 800 people, Kampen surrendered voluntarily to Spaniards:

“On the 17th [of November] Sutphen was again taken by the Duke of Alba <...> The next day the members of the town council of Kampen went to Deventer where resided the young Duke (Don Fadrique Alvarez, the son of Duke of Alba) and expressed to him their good will to become again loyal subjects of the King”⁴⁵.

In 1578, after the siege by Georg van Lalaing’s squad, the town was definitely liberated from the Spaniards. Wolf describes this event in the following

⁴¹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 203^v: “we, we, we den bewoonders der eerden (Apocal.8,13)”.

⁴² RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 204r: “Op alder hiliger dach iss der gewest een grooten storm wyndt durende den dach ende nacht mit sulker onwede regen donder ende bliren <...> dat die stenen in der groter kerken S. Nicolaes binnen Campen omme gekiert sinen doer ouvlodicht van wateren. Dat nie gehoort is gewest ende in vrouwen verdronken binnen campen in die eylanden voer Campen ende daerom trent 2000 sechten met vole volp verdronken voele op bomen geclommen”.

⁴³ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 204r: “Laet ons god bidden dat hy ons genedelick wil ansien ende wende syn toornne van ons op dat wy in sunden”.

⁴⁴ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 204v: “Den 8 Aug. Is de graue van den Bergen voer Campen gecomen <...> Den 22 September Summe kerken clusen cloesters gasthuys van allen haeren kerken ornamenten golt siluer kelker menstrancien gespolieert, die closters verdestruiert die kerken dienste afgesteld <...> Opt 26 Octob. hunne die priesteren in exilium gesant”.

⁴⁵ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 204v: “Den 17 [November] Sutphen wederom ingenome van duc de Alba <...> f. 205r: Voert op den seluigen dach sinnen onse heren van der stad na deunter getogen daer die jongen hertich was Alvaer sumen voert gevolgt van allen anderen steden Haeren legaten ende hebben sich guet willich wederom den konniijk onderr danicht”.

words: “On the 5th of June a suburb and three mills were burned <...> citizens were deprived of beer/bread and butter”⁴⁶.

“Chronicle” ends up at the taking of Kampen in 1578. Perhaps Wolf who was 68 years old in 1578 could no longer continue to work on his book.

Ten sheets without any text are followed by poems dedicated to the history and the place where Kampen is situated: “Den oirspronck ende dispositie van Campen”⁴⁷, and by the town plan made in paints. The plan of Kampen and the poem are dated by 1560 as the first part of the book.

The last sheets of the manuscript were reserved to autobiographical materials written in the third person and they are the following: the priest Herman Wolf’s life story in poetic form⁴⁸; the epitaph to Herman

⁴⁶ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 207v: “Item den fifth dach Junij hebben dese kurchten buiten Kampen liggende die voerstad verbrant”.

⁴⁷ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 223r–232r.

⁴⁸ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 236r:

Vita **Domini Hermani Wolphi.**

Is deser scripturae / Hoe mogi tleuent beramen

Oec mede bespuren / Hermannus Wolphius namen.

Inde jare van X / Soe was hi toe Campen geboren. (“Annus nativitatis .10.”)

Syns leuens termine / Wil ic v een weinich hier roren.

Eens was hi van sumen / Een monics habijt an to trecken. (“Tabor in Frisia”)

Hi geue dem beginnen / Een iaer kondt nauwe verstrecken

Roch wil ic verclaren / Een canonic soe worth hi tis ware. (“Oldenzeel in Twente”)

Een tiit van 4 iaren / Hi sceide wederommen van dare.

Vnde heft sich bgeuen / Toe Campen toen digen syn leuen. (“Toe Campen in des hilligen giest gasthuz 39”)

Daer hi gebleuen / Pastor in den gasthuse voerscreuen.

Also toe verbeiden / Die vre van eerden toe sceiden

God wil hen geseiden / In syn rike met salicheiden.

In den jare van een ende tsestich. / Trat hi den Olderdome (“Annus aetatis 61”)

Die siecten were hem sechtich / Smen dynst leet hi daer stan.

God geut dem weder voersien / Die hi dem toe betrouden.

Eyn leuen was hem een pijn / Mer gods woort was hem een vroude.

Hi sprac mit dauid also / Ic hebbe heer ionck gewest.

Rulope ic na folder don toe / Het gaet men mi naet lest.

Yen versaet dem uwen her niet / Dat heb ic bi v beuonden.

Nu here na u wen ghebiet / Regeer ic des leuens ontboden.

Want wi gie bliuende stede / Nu hebt in deser tijt

Geest ons o here v vrede / Toecomen oec daer ij zijt.

Die tijt nempf her een einde / Een ider gedenke dijt.

Die doot compt seer behemde / Hi ghift nimant respijt.

Hoe als mi was vollen bi acht / Die tit van sinen jare.

Hier mogi den sekeren dach / Wt desen ciferen eruaren. (“Anno Domini 157 ...”)

In round brackets there are notes made by Wolf’s hand on the left margin opposite the appropriate lines of his life story. I express my sincere gratitude to Dr. Jos van Heel for the editing of the Dutch text and his precious assistance for this article.

Wolf⁴⁹; Herman Wolf's genealogical tree⁵⁰; Herman Wolf's coat of arms⁵¹. They allow to compile the biography of the author of the "Mirror of the World". Herman Wolf was born in 1510 in Kampen in the family of the married priest (pastor maritus) who had two sons and two daughters. His father, who was a priest at the guesthouse of the Holy Spirit in Kampen, died in 1553 and his mother died in 1533. His brother Henrick was married and had five daughters and a son. His sister Swane married in Zwolle and had seven children. Her children and her first husband died and with her second husband she had no children. His sister Agnes was unmarried and lived with her brother Herman. Judging by the fact that gaps were left for the dates of death of the children including Herman Wolf himself, we can state that by the 24th of August, 1577 when genealogical tree was compiled Wolf's brother and sisters were alive.

In his poetic biography Wolf says that for a year he wore monastic robe. Near this line there is a note made by Wolf's hand: "Tabor bij Sneek". The Thabor monastery was situated in the province of Friesland to the north of Overijssel and entered the Windesheim Congregation of monasteries of Augustinian regular canons⁵². Windesheim, being spiritual and organizing centre of the "Modern Devotion" movement, influenced greatly the religious life of Netherlands and Germany from the end of the XIV century and up to beginning of the XVI century. Wolf's native town was one of the three cities (Deventer, Kampen, Zwolle) where the "Modern Devotion" had arisen.

Wolf did not indicate the date of his joining the monastery and wrote only that he had strictly served that year, neither he defined in what status he was admitted to the monastery. To become an Augustinian canon one had to pass a noviciate for a year. Only after that, having fully realized his vocation for the monastic life, the novice brought solemn monastic vows. Wolf might have left the monastery on the expiration of the noviciate.

After monastery Wolf stayed four years in the status of canon in a small town of Oldenzaal near Twente. Then in 1539 he returned to Kampen and like his father, became a priest in the church at the guesthouse of the Holy Spirit⁵³.

⁴⁹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 237r: "Epitaphium. Hic jacet Hermannus sub vili Wolphius / Qui verbi fuerat sacri Christique minister. 1577".

⁵⁰ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 237v: Die linea ende afkomst *Hermani Wolphi*.

⁵¹ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 238r: Dat wapen <...> syn .7. delen *Hermani Wolphi*

⁵² Regnerus Steensma. *Het Klooster Thabor bij Snak en zijn nagelaten geschriften* (Leeuwarden, 1970); *Monasticon Windeshemense*. Ed. Wilhelm Kohl/Ernest Persoons/Anton Weiler. P. 3: *Niederlande* (Archives et bibliothèques de Belgique. Numero special 16), Brüssel, 1980, p. 415–426.

⁵³ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 237v: "Herman filius. Pastor in ecclesia Sancti spiritus. 32 jaren syn legende vstget heervoer syn officium was to preken toe lessen toe studiren den cranken toe visiteren olt wesende is gestoruen".

The first mention of the guesthouse of the Holy Spirit in Kampen refers to 1310. Guesthouses were initiated in Netherlands by private individuals as a matter of practical charity, such as arranging orphanages, hospitals etc. Initially guesthouses served as a sleeping place for visitors. Later lonely old men began to find there shelter, food and care. Wealthy people had individual rooms, the poor begged alms and brought it home. In 1441 Kampen joined the North German Hansa, as a major trading centre on the Ijssel river, one of the arms in the delta of Rhine. The citizens of rich merchant town of Kampen could afford to keep charity institutions including two guesthouses: a big one of the Holy Spirit and a smaller one of Saint Gertrude.

As follows from the autobiographical notes, it was the fulfilment of the priestly duty which became for Wolf the cause of his life. He wrote in the epitaph which he composed for himself that he "was a minister of the holy word and of Christ"⁵⁴. The year of strict life in the monastery had been at the origins of this ministry⁵⁵. In his genealogical tree and in his coats of arms Wolf exposed his duties. In the place of the family tree reserved for him, Wolf tells that he was supposed to preach, to read and study [books], to visit the sick and give farewell dying⁵⁶. The coat of arms which he had created for himself consisted of seven segments. Each segment tells us about one of the aspects of his spiritual life and his pastoral deal. Wolf had to teach (leren); to pray (bidden); to write (screiuen,); to love God (god toe louen); to knoll, calling the inhabitants of the house to prayer (weiken); to visit the sick and dying (visitiren); to think of the final things in the Christian life — of death, of the Last Judgement, of Hell and Heaven (toe gedenken v vterste)⁵⁷. We find such reflections in the treatise of Gerard van Vliederhoven entitled "Four last things"⁵⁸ widely known in the last Middle Ages.

Wolf lived in the middle of the XVI century, yet to express his position he found necessary to refer to the medieval genre of mirrors and called his book "Mirror of the World". In the Middle Ages the encyclopaediae with geographical description of the world and geographical maps were called "Mirrors of the World". The only common thing which Wolf's book has with them is the plan of Kampen and its description. He gave a new content to the medieval genre and the medieval title, it had to reflect the image of man in a tragically changing

⁵⁴ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 237r: "Hic jacet Hermannus sub vili Wolfius. Qui verbi fuerat sacri Christique minister".

⁵⁵ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 236r: "Eens was hi van sumen / Een monics habijt an to trecken. / Hi geue dem beginnen / Een iaer kondt nauwe verstrecken".

⁵⁶ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 237v: "... syn officium was to preken toe lessen toe studiren den cranken toe visiteren olt wesende is gestoruen".

⁵⁷ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 238r.

⁵⁸ Gerardus de Vliederhoven. *Cordiale de quatuor novissimis*. Köln, 1477.

world. For all that, the first part of the manuscript called “Learn to die” (“Disce mori”) is entirely composed in the genre of the “Mirror of the art of dying well” (“Speculum artis bene moriendi”). There may be a question — how to explain the fidelity of the priest to medieval forms of self-expression though he lived at the time of Reformation and Counter-Reformation?

Let us turn to his autobiography. In his youth Wolf remained for a year in a Windesheim monastery Thabor. The Windesheim Congregation of Augustinian regular canons carried out reforms of the monasteries in the spirit of “Modern Devotion”. This movement appeared in the end of the XIV century in Overijssel as a community of brothers of common life. They lived like monks, but in the world, copying pious books. Need for such kind of literature increased considerably in the XV century due to the growth of personal self-consciousness. Brothers of the common life and monks of Windesheim satisfied this demand by their scribe work. The fact that Wolf was familiar with the Windesheim manuscript tradition becomes clear from his regular handwriting and from his ability to use different types of writing. Due to intensive scribe activity, the Windesheim monasteries possessed the largest libraries in Netherlands. Perhaps, in the Thabor monastery Wolf had acquired the knowledge of the medieval religious literature and late medieval practice of prayer, which can be seen on the example of the prayer Pater noster. Caring for spiritual enlightenment of the laity was the essential feature of the “Modern Devotion”. And it was with this aim that canon Jan Scutken translated the New Testament for laic brothers who lived in Windesheim. In his book Wolf cites all biblical passages and prayers in his native language.

Wolf considered writing (screiuen) one of his pastoral duties and portrayed it as a hand holding an instrument of writing⁵⁹. K. Porteman showed on the material of emblems that the word scrijuen, which primarily expressed only the process of writing itself or one of the types of handwriting (mode of writing), in the middle of the XVI century gains one more meaning — it denotes the creative process of composing a new text (mode of Poëterie)⁶⁰.

In the course of this study we have repeatedly mentioned the dates of creation of different texts of the book⁶¹. They let us trace the original intentions of Wolf and those adjustments that life had introduced in his plans. Let us recall

⁵⁹ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 238.

⁶⁰ K. Porteman. The earliest reception of the “Ars emblemata” in Dutch. An investigation into preliminary matters / The Emblem in Renaissance and Baroque Europe: Tradition and Variety: Selected Papers of the Glasgow International Emblem Conference 13–17 August 1987. Ed. Bernard F. Scholz, Michael Bath, David Weston. Glasgow, 1990, p. 37.

⁶¹ RNB, ms. Goll.F.XIV.2: **1560** (ff.1v, 4r, 216r, 228r, 232r,), **1563** (f. 14r), **1566** (f. 83r), **1567** (f. 70v), **1574** (f. 98r), **1575** (f. 196r); **1577** (ff. 237r, 237v), **1578** (ff. 120r, 123r, 133r, 208v, 216r, 232r).

that the manuscript had been started in a relatively quiet year 1560 and was written within 18 years. Undertaking this work, Wolf clearly realized the beginning and the end of his book. The number “1560” when Wolf was 50 years old was written down on the cover sheet, on the sheet with the title of the first part and also in the end of the book on the plan of Kampen and on the description of his coat of arms. In 1566–67 he completed the first part of the book (“Learn to die”) and the second one (“What is a man”). In 1574 Wolf continued working on the third part of the book entitled “The World’s Course”. These first parts of the “Mirror of the World” were written from the position of the observer who had a critical and pessimistic view of man and society.

We can suppose that the year 1575 was a turning point in Wolf’s consciousness. That was the year when he began to write “Chronicle since 1566”. One of the paragraphs dedicated to the events of that year ends with the words: “When you see that the love had gone and the evil has reigned, then finally you come to the idea that it is the time of the loss of all that is good and the day of damnation is coming”⁶². The last date written down in the book was the 5th of September, 1578 after he had finished the “Canticle”. In the preface to that canticle Wolf not only for the first time speaks in the first person, but also highlights his words in italics. I dare cite this text once again: “The Canticle on manners and customs of the time in Netherlands beginning since 1566. There I suffered in calamities (*as I had gone through it myself*) all the changes of moral decline in speeches, in customs, in clothing, in trade, in crafts and in all the estates a great desolation”⁶³.

He had not accepted Reformation and surely he could not have accepted it. Wolf did not see in Calvinism the main rival to Catholic doctrine because of its accurate church structure able to unite faithful round it, but he did see it in Anabaptism, which did not recognize church at all. In the last third of the XVI century Anabaptism was becoming obsolete gradually turning into Mennonites. However in the years 1530–40 when Wolf was young, radical Anabaptism with its preaching of common property represented the greatest threat to Catholicism.

Cornelis Dekker who studied the state of the Catholic priesthood in the XVI century writes that there were two streams in the Catholic church of the Utrecht diocese. Priests of the old tradition, making career caring about money and not about virtue belonged to one stream. The new generation, theologically

⁶² RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 202r: “Aldus wanner y siet dat de liefde vergaet ende boosheit douer hant nemet so boret v hooft op ende gedenket die tijt des verlossinge is den guden anstaende ende den dach der verdomenisse is den quaden nae bj”.

⁶³ RNB ms. Goll.F.XIV.2, f. 123r: “... Daer in yammerken moecht (*als ic selues beleuet hebbe*) alle veranderinghe in verageringe in reden in zeeden in cleden in politie in neringhe in hantiringe ende in allen staten grote desolatie”.

well-educated following the Trent Council decrees and taking care of the souls of their flock⁶⁴ belonged to the other one. Wolf cannot be attributed either to the first or to the second. Being the same age as the older generation, he did not care of making a career and did not seek to obtain ecclesiastical posts. Like his father, Wolf humbly and without any doubt honestly, fulfilled his pastoral duty. For a new generation he was too old, and though certainly well-read, had no theological education. Wolf received Christian education first in the family and then in the monastery of Thabor. It was there that he adopted ideas of the “Modern Devotion” of conformity of his life to terrestrial life of Christ and portrayed it in the picture⁶⁵. Wolf’s example shows how the principles of the “Modern Devotion” continued to work under the new historical circumstances⁶⁶. “Mirror of the World” was written for pious educated laity. Several sheets have Wolf’s addressing to the “Christian reader”, “to the reader of good will”⁶⁷. For the second part of the XVI century it would have been natural to assume the intention of the author to publish his book by printing method. However numerous colourful pictures, illuminations, play on different types of writing make us think that Wolf had created his book as a work of manuscript art and had not intended it for printing. Perhaps we can see in it the continuing writing tradition of the “Modern Devotion” in the information space of the new times.

Данные о статье:

Автор: Логутова Маргарита Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки, хранитель западноевропейских рукописей, Санкт-Петербург, Россия, m.logutova@mail.ru

⁶⁴ Cornelis Dekker. *De kerk en de Nederlanden: archieven, instellingen, samenleving*. E. S. C. Erkelens-Buttinger. 1997. *Contreformatie en traditionalism: tegenstellingen in de hoge geestelijkheid in de 16-e eeuw*. Blz. 15.

⁶⁵ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 114r. There is a similar picture in the manuscript prayer-book of the XV c., originating from the cloister in the Low Saxony where the influence of the “Modern Devotion” was very strong (HAB, ms. 1231 Helmst., f. 223–233r). Though, there Christ is followed by the soul depicted as a girl dressed in white cloths and carrying her cross on the shoulder. (M. G. Logutova. *Manuscript prayer-books from the monasteries of the “Modern Devotion” in the Herzog August library Wolfenbüttel, Germany / Arbor mundi. Comparative Studies in Culture. International Journal. Number 16. Moscow, 2010, p. 117.*)

⁶⁶ A.J. Jelsma. *Doorwerking van de Moderne Devotie. / De Doorwerking van de Moderne Devotie. Voordrachten gehouden tijdens het Windesheim Symposium Zwolle/Windesheim 15–17 oktober 1987. Onder red. van P. Bange, C. Glaafland, A.J. Jelsma, A.G. Weiler. Hilversum, 1988, blz. 9–28.*

⁶⁷ RNB, ms. Goll.F.XIV.2, f. 101r: “Een epistel totter leser”; f. 109r: “Ad lectorem — Totten leser”; f. 115r: “Totten christen”; f. 124r: “Totten Christenen”; f. 130r: “Een adhortatie totten christenen”; f. 197r: “Een varmaninghe totten christeliken leser”; последний лист: “Hermanus Wolphius Totten goet williger leser”.

Заголовок: Образ нидерландского священника эпохи Контрреформации (на основе рукописи, хранящейся в Российской национальной библиотеке, шифр книги: Goll.F.XIV.2).

Резюме: Рукописный кодекс «Зерцало мира» был написан в 1560–1578 гг. в северонидерландском городе Кампен католическим священником Германом Вольфом (1510 – после 1578 г.) в один из самых трагических периодов нидерландской истории, когда Реформация тесно переплелась с борьбой народа за свободу от испанского господства. Вольф, живший в сер. XVI в., для выражения своей авторской позиции избрал средневековый литературный жанр зеркал и озаглавил свое сочинение «Зерцало мира». Книга написана для благочестивых мирян и отражает настроения католической части населения, оставшейся преданной своей вере и испанскому королю. Последние листы рукописи содержат записанные от третьего лица автобиографические материалы. В статье дан анализ восприятия католическим священником разлома в обществе и тех задач, которые ставил перед собой Вольф при создании книги.

Ключевые слова: Нидерланды, Реформация, Контрреформация, Герман Вольф, рукописный кодекс «Зерцало мира».

Information about the article:

Author: Logutova Margarita Georgievna. PhD. Senior researcher of the manuscript department, curator of Western manuscripts. The National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, m.logutova@mail.ru

Title: The Portrait of Netherlands Priest of the Time of Counter-Reformation (basing on the manuscript housed at the National Library of Russia, shelf-mark: Goll.F.XIV.2).

Summary: The manuscript “Mirror of the World” was created in 1560–1578 in the North-Netherlands town of Kampen by a Catholic priest Herman Wolf (1510 – after 1578). Wolf’s life covered one of the most hard and crucial periods in the history of Netherlands when the Reformation was closely interlaced with the struggle of the people for the independence from the Spanish rule. Wolf lived in the middle of the XVI century, yet to express his position he found necessary to refer to the medieval genre of mirrors and called his book “Mirror of the World”. The book was written for pious educated laity and reflects the mood of the Catholic part of the population devoted to traditional faith and the Spanish King. The last sheets of the manuscript were reserved to autobiographical materials written in the third person. The present article has for an object to show how a Catholic priest perceived the ongoing events, the fracture in society, and which tasks Wolf tried to solve creating his book.

Keywords: Netherlands, Reformation, Counter-Reformation, Herman Wolf, Manuscript “Mirror of the World”.

Литература, использованная в статье:

Dekker, Cornelis. ‘Contreformatie en traditionalisme; tegenstellingen in de hoge geestelijkheid in de zestiende eeuw’ // De kerk en de Nederlanden. Archieven, instellingen, samenleving / Ed. by E. S. C. Erkelens-Buttinger et al. Hilversum: Verloren, 1997. P. 11–28.

Jelsma A. J. Doorwerking van de Moderne Devotie. // De Doorwerking van de Moderne Devotie. Voordrachten gehouden tijdens het Windesheim Symposium Zwolle, Windesheim, 15–17 oktober 1987 / Onder red. van Petty Bange, C. Glaafland, A. J. Jelsma, A.G. Weiler. Hilversum: Verloren, 1988. P. 9–28.

Monasticon Windeshemense. / Ed. by Wilhelm Kohl, Ernest Persoons, Anton Weiler. V. 3: Niederlande. (Archives et bibliothèques de Belgique. Numero special 16) Brüssel: Archives et bibliothèques de Belgique, 1980. 657 p.

Porteman, Karel. The earliest reception of the “Ars emblemata” in Dutch. An investigation into preliminary matters // *The Emblem in Renaissance and Baroque Europe: Tradition and Variety: Selected Papers of the Glasgow International Emblem Conference 13–17 August 1987*. Ed. Bernard F. Scholz, Michael Bath, David Weston. Leiden: E. J. Brill, 1990. P. 35–42.

Steensma, Regnerus. *Het Klooster Thabor bij Snak en zijn nagelaten geschriften*. Leeuwarden, 1970. 143 p.

References:

Dekker Cornelis. Contrareformatie en traditionalisme; tegenstellingen in de hoge geestelijkheid in de zestiende eeuw, in E. S. C. Erkelens-Buttinger (ed.). *De kerk en de Nederlanden. Archieven, instellingen, samenleving*. Hilversum: Verloren, 1997. Pp. 11–28.

Jelsma A. J. Doorwerking van de Moderne Devotie, in Bange, Petty (ed.). *De Doorwerking van de Moderne Devotie*. Voordrachten gehouden tijdens het Windesheim Symposium Zwolle, Windesheim, 15–17 oktober 1987. Hilversum: Verloren, 1988. Pp. 9–28.

Kohl, Wilhelm, Persoons, Ernest, Weiler, Anton (eds.). *Monasticon Windeshemense*. V. 3: Niederlande. (Archives et bibliothèques de Belgique. Numero special 16) Brüssel: Archives et bibliothèques de Belgique, 1980. 657 p.

Porteman Karel. The earliest reception of the “Ars emblemata” in Dutch. An investigation into preliminary matters, in Scholz, Bernard F (ed.). *The Emblem in Renaissance and Baroque Europe: Tradition and Variety: Selected Papers of the Glasgow International Emblem Conference 13–17 August 1987*. Leiden: E.J. Brill, 1990. Pp. 35–42.

Steensma Regnerus. *Het Klooster Thabor bij Snak en zijn nagelaten geschriften*. Leeuwarden, 1970. 143 p.

ББК 63.2 + 76.10; УДК 930

М. С. Бобкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПЕНДИУМ: ЗАМЕТКИ ОБ АППАРАТЕ ИЗДАНИЯ 1579 ГОДА

Первый компендиум в Европе раннего Нового времени, содержащий сумму реформационных идей и концептов, объясняющих смыслы познания истории, был напечатан Иоханном Вольфом в 1576 г. в Базеле. Второе дополненное издание под названием «Сокровищница истории. Сборник из восемнадцати трудов как древних, так и недавних [авторов] и, кроме того, что особенно следует отметить, шести книг Ж. Бодена о Методе истории» вышло в двух томах уже через три года, в 1579 г., у того же печатника, что выпустил и книгу 1576 г. — Пьетро Перна¹.

Это двухтомное издание «*Artis historicae Penus*» в XVI в. называли тезаурусом искусства истории, т. е. изданием, в котором представлен свод данных, полностью охватывающий термины и понятия «истории». Содержание этого двухтомника составили сочинения 16 авторов XVI в. — среди них шесть итальянцев, пять немцев, три француза, испанец и венгр; два — древнегреческих автора, в латинских переводах Андеаса Дудиция²

¹ *Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa*, Basileae, ex officina Petri Pernae, 1579. Далее, в тексте — АНР.

² Андреас Дудит (латинизированное — Дудиций) 16.02.1533 (Буда, ныне Будапешт) — 23.02.1589 (Бреслау, Германия, ныне Вроцлав, Польша) Венгерский астроном, астролог и математик. Сочетал политическую и религиозную деятельность с гуманистическими и научными интересами. Дудит имел смешанное венгерское и итальянское происхождение, воспитывался в венгерской традиции гуманизма. Много путешествовал по Италии, Англии и Франции в 1550-х гг. в качестве секретаря кардинала Реджинальда Пола; затем был епископом Печским, выполнял дипломатические миссии императоров Сигизмунда II и Максимилиана II в Польше (между 1563 и 1576 гг.). В 1576 г. Дудит удалился от политики и последние годы жизни посвятил научным и богословским занятиям в Бреслау. Дудит был человеком энциклопедической образованности, имел большую библиотеку, хорошо знал интеллектуальные течения своего времени. Активно интересуясь классической астрологией, Дудит сам перевел «Тетрабиблиос» Птолемея. Однако со временем Дудит стал выступать оппонентом ряда астрологов, склоняясь к мнению, что астрология посягает на свободу воли и что она осуждается церковными авторитетами. Особенно известны его выступления по поводу появления кометы в 1577 г. В работе «*De cometarum significatione*» (Базель, 1579) он заявляет, что кометы могут появляться и без того, чтобы быть причиной или предвестием политических бедствий. *Rose P. L. Dudith // Dictionary of Scientific Biography; Johann Christian Poggendorff. Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften*. Verlag von Johann Ambrosius Barth. Leipzig 1863.

и Якоба Мицелия. Иоханн Ступано, по просьбе типографа Петро Перна, перевел с итальянского на латинский «Десять диалогов об истории» Франческо Патрици.

Примечательно, что, несмотря на широкую известность АНР в историографии — едва ли не в каждой работе, посвященной историописанию XVI столетия, встречаются упоминания этого труда — специальные исследования, посвященные ему, мне не известны. Единственным исключением можно считать небольшую и уже достаточно давнюю статью американского историка Беатрис Рейнольдс³, которая, впрочем, проанализировала лишь часть включенных в АНР трактатов — а именно те, которые по времени предшествовали первой публикации «Метода» Ж. Бодена (1566 г.) и лишь по довольно ограниченному ряду проблем. Общий вывод Б. Рейнольдс сводится к тому, что представленные в сборнике сочинения демонстрируют характерную для XVI в. постепенную эволюцию от ренессансного идеала истории, восходящего еще к Аристотелю и Цицерону, как литературного жанра (сочинения «риторов» Понтано и Робортелло) к характерному для «юристов» Бодена и Балдуина стремлению связать историю с нуждами реального государственного управления⁴. Рейнольдс интересуют отдельные идеи, отдельных авторов, высказанные в отдельных сочинениях. Она обращается к АНР как к некоему сборнику самодостаточных трактатов об истории, волею какого-то случая оказавшихся под одной переплетной крышкой. Такой подход, безусловно, имеет право на существование, тем более, что она высказывает свое предположение о динамике идей об истории в этом двухтомнике. Но довольно фрагментарный анализ американской исследовательницы практически не приближает нас даже к постановке вопросов: для чего уже изданные и даже переизданные книги, хорошо известные просвещенной публике, понадобилось собрать вместе и еще раз печатать? Почему, судя по скорому переизданию⁵, АНР довольно быстро разошлась, найдя своего читателя? Кем она могла быть востребована, чей интерес и почему могла вызвать такая книга? Для ответа на эти и другие логически следующие вопросы мы попробуем рассмотреть АНР как целостное издание, имеющее своего «автора» или «авторов», свой смысл и назначение. Тем более, что сочинения, составившие два тома, очень разные и по идейному содержанию, и по «жанрам», и по своим функциям. Значительная часть из них — это трактаты, действительно, являвшие собой новую модель восприятия прошлого западноевропейским

³ Reynolds B. Shifting Currents in Historical Criticism // Journal of the History of Ideas. 1953. Vol. 14. P. 471–492.

⁴ Reynolds B. Cit. op. P. 490.

⁵ Второе издание вышло через три года после первого.

обществом переходной эпохи. Другая — традиционные риторические тексты, связанные с античной ораторской традицией; третья — попытка энциклопедической систематизации социального опыта.

Но в этой статье они не будут нас интересовать с точки зрения рассмотрения тех идей и подходов в оценках истории, которыми изобилуют. На данном этапе для нас это не столь важно. Для начала проанализируем те внешние признаки, которые формируют книгу как целое, обратившись к изучению ее аппарата (предисловие, послесловие, примечания или комментарии, ссылки, указатели (предметные, именные, географические), библиография, приложения (картографический материал, визуальный ряд, генеалогии и пр.). Выясним, насколько он был полным, для чего предназначался и кем создавался.

Изменения во внешнем облике книги, появление книжного аппарата в XVI в. были связаны с активной книгопечатной деятельностью, которая предъявила к книге требования, обусловленные расширением ее производства и распространения. Тиражируемая книга, ориентированная на значительно более широкое использование, на большую аудиторию, чем рукописная, нуждалась в иной подготовке. Это касалось как содержания, так и формы книги. Печатная книга уже не могла обойтись без оснащения дополнительными элементами. Читателю требовались сведения о содержании произведения, которые ориентировали бы его в тексте, подготавливали к его чтению и пониманию, помогали бы отысканию нужной информации, обеспечивали удобство работы с книгой⁶.

⁶ 14 августа 1457 г. в Майнце в типографии Иоганна Фуста и Петера Шеффера была выпущена Майнцская Псалтырь. Это была первая инкунабула, имевшая элементы аппарата. Они были напечатаны на последней странице и состояли из колофона и выходных сведений, вслед за которыми была помещена типографская марка. В последующем аналогичное оформление элементов аппарата встречается в книгах других типографов. В частности, типограф Антон Кобергер в 1493 г., в Нюрнберге издал «Книгу хроник» Гартмана Шеделя, в которой напечатаны колофоны (в них названы имена типографа; меценатов, финансировавших издание; художников-оформителей), выходные сведения с датой выхода и типографские знаки. Снабжена она и титульным листом. Вообще издательскую деятельность А. Коберга следует выделить. Его типография в конце XV в. была крупнейшим полиграфическим предприятием Европы, в ней работало около ста человек. За тридцать с небольшим лет им было выпущено около 220 изданий, тираж отдельных из них достигал предположительно 1000 экземпляров. Кобергер объединил книгоиздание, полиграфию и книгораспространение, став деятельным участником всех этапов пути книги от автора к читателю. Известно, что, наряду с наборщиками, иллюстраторами, печатниками и переплетчиками, в издательском процессе участвовали и корректоры. Заметные следы собственно редакторской правки текстов и активного комментирования рукописей обнаруживаются в Западной Европе в XVI в. Потребность в редактировании была вызвана тем, что вследствие перевода и переписывания в книгах оказывалось множество разнообразных неточностей и разночтений.

Итак, рассматриваемое нами издание представляет собой два тома *in octavo* (илл. 1) в переплетах более позднего времени, без сплошной нумерации страниц — в целом в двух томах их 2586. Оба тома с различающимися обрезами красного цвета с незначительной позолотой.

Переплет первого тома довольно простой, из тонкой, деформированной кожи светло-бежевого цвета, гладкий, без каких-либо изображений и надписей. На обороте авантаитула имеется три надписи, выполненные одной рукой в XVII в., и разными по яркости коричневыми чернилами. На мой

Илл. 1

взгляд, они носят какой-то учетный характер⁷. Первая — датирована апрелем 1613 г. «Себастьян Марти. Третья книга Истории Венеции». Вторая (август 1615 г.): «Сердонати Флорентийский». Третья (декабрь 1661 г.) «Галеотти Марти...». На титуле название, типографская марка — изображение полуобнаженной женщины слегка прикрытой одеждой с посохом в одной руке, и лампой — в другой (илл. 2). Под изображением девиз типографа: «**Lucerna pedibus meis verbum tuum**». «Слово Твое — светильник ног моей и свет стезе моей», — продолжает Псалтырь⁸. Использование этого девиза однозначно говорит о пребывании типографа Пьетро Перна

Илл. 2

⁷ Речь идет об экземпляре Музея книги РГБ.

⁸ Псалом 118 стих 105.

в лоне протестантизма. Протестанты считали, что Божье Слово является Повергнутой истиной, над авторитетом которого был поставлен авторитет церкви. Миссия же Реформации и протестантизма заключалась в восстановлении погрязшего света. Протестанты считали, что Божье Слово является Повергнутой истиной, над авторитетом которого был поставлен авторитет церкви. Миссия же Реформации и протестантизма заключалась в восстановлении погрязшего света.

Это указание на то, что протестантизм ничего нового не придумал, но лишь лучик за лучиком восстановил учение Библии и ее авторитет. Посему, «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей». Ниже — место издания (Basileae), типограф — Пьетро Перна (*Ex officina*), год издания — 1579. Издательское дело печатника и книготорговца, выпустившего в свет оба издания АНР, Пьетро Перна (род. не позднее 1522 г. в Лукке — умер в 1582 г. в Базеле) выглядело довольно весомо, хотя до 1533 г. он был монахом доминиканского монастыря Сан-Романо в Лукке. В 1542 г. его имя внесли в списки студентов теологического факультета Базельского университета. С 50-х гг. XVI в. начал разделять реформационные идеи и сблизился с протестантами. С 1557 г. он стал главным книготорговцем издателей членов Шафрановой гильдии в Базеле, а с 1559 г. занял лидирующие позиции и в производстве книг. В целом им было издано около 400 книг в основном итальянских авторов, многие из которых эмигрировали в Швейцарию⁹.

Совместно с Генрихом Петри¹⁰ Пьетро Перна напечатал два издания «Государя» Н. Макиавелли на латинском языке. Также была издана богато иллюстрированная Тобиасом Штимером «Хроника» Павла Джовио. Кроме того, Пьетро Перна выпустил в свет первое издание «Великой астрономии» Парацельса. В типографии Перна до 1574 г. были напечатаны отдельными изданиями сочинения Челио Секонде Курионе, Теодора Цвингера, Франческо Патриции, Жана Бодена, вошедшие в 1576 г. в АНР. В типографиях Генриха Петри и его партнера Иоанна Опориния (Joannem Oporinum) вышли в свет книги Франсуа Бодуэна, Франческо Робортелло¹¹, Кристофа

⁹ Perini L. La vita e i tempi di Pietro Perna. Roma, 2002.

¹⁰ Генрих Петри знаменит тремя базельскими изданиями (первое — 1540 г.) «Географии» Птолемея с картами и комментариями Томаса Мюнцера. Кроме «Географии» Птолемея Мюнстер издал у Генриха Петри в 1544 г. свой собственный труд — «Космографию», замечательный свод историко-географических и биологических сведений об известных тогда странах. Переиздания «Космографии» Мюнстера (в которой он продолжал использовать несколько карт Птолемея) Генрих Петри и его сын Себастьян продолжали выпускать до 1628 г.

¹¹ *Robortello, Francesco*. In librum Aristotelis de arte poetica explicationes. Paraphrasis in librum Horatii, qui vulgo de arte poetica ad Pisonem inscribitur. Munich: W. Fink. 1968 (Rpt. of Florence: Torrentinus, 1548).

де Молина, Иоанна Самбука, позднее включенные в АНР. Также в Базеле печатник С. Грифиус (S. Gryphius) издал «De Utilitate legendae historiae» Симона Гринеуса. После его смерти семейное дело перешло к его зятю Конраду Вальдкирху, книги которого выходили с 1583 по 1616 г.¹²

Впервые сочинения Кристофа Пецеля и Давида Хитроуса, вошедшие в АНР, были изданы немецкими печатниками К. Милием в Ростке и А. Вехуллом в Виттенберге.

Эти несколько типографий собственно и насыщали информационное пространство, давшее столь сильный толчок развитию историописания в XVI в.

Далее на титуле следует выражение, характерное для многих книг XVI в., «cum privilegio». Это «исключительное право» на тиражирование, распространение и продажу книги дано типографу. Следующий раздел «Оглавление» представляет содержание первого и второго тома¹³. Расположение авторов определяется алфавитным порядком, а очевидно, значимостью и известностью сочинений.

Далее следует своеобразное посвящение, принадлежащее перу издателя Иоханна Вольфа, старательного ученого-компилятора, благодаря которому и вышел двухтомник АНР (*илл.* 3). Специальной работы, посвященной исследованию жизни и творчества И. Вольфа, в историографии нет. Информация о нем в справочниках и словарях XX в. практически отсутствует, а вот XIX век его еще «помнит». Для воссоздания краткой биографии И. Вольфа мы использовали английские биографические словари 1826 и 1833 гг.¹⁴ В соответствии со сведениями, приводимыми там, он родился 10 августа 1537 г. в г. Бергцаберн герцогства Цвайбрюкен (земля Рейнланд-Пфальц, Германия). Его отец был главой магистратов этого города. Вольф обучался философии и праву в университетах Страсбурга, Виттенберга, Тюбингена, на факультете права в университете Доля (Бретань) и здесь получил степень доктора права. В Страсбурге он испытал на себе влияние одного из известнейших немецких гуманистов В. Штурма, в Виттенберге — учился греческому языку у одного из лидеров немецкой реформации Ф. Меланхтона, а в Брюгге слушал лекции у главы нацио-

¹² *Peter Gerhard Bietenholz*. Der italienische Humanismus und die Blütezeit des Buchdrucks in Basel: die Basler Drucke italienischer Autoren von 1530 bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Basel, 1959; *H. R. Guggisberg*. Pietro Perna Fausto Sozzini und die «Dialogi quatuor» Sebastian Castellios // in *Studia bibliographica in honorem Herman De La Fontaine Verwey*, 1967, S. 171–201.

¹³ АНР, V 1. P. 4.

¹⁴ *New Universal Biography* by Rev. John Platts. L., 1826. Vol. 5. P. 608; *A General Biographical dictionary*. Vol. 3. L., 1833.

нальной французской школы права, признанного «князя романистов» Ж. Куяса (1522–1590 гг.).

Он много и часто переезжал — в 1567 г. путешествовал с герцогом Стеттином в основном по территории Франции и Бургундии. В 1569 г. в составе вспомогательного корпуса герцога Вольфганга Цвайбрюккенского И. Вольф участвовал в третьей религиозной войне во Франции на стороне гугенотов и, когда герцог погиб, практически руководил возвращением

Илл. 3

этого корпуса в Германию. Корпус Вольфганга Цвайбрюккенского входил в состав армии Вильгельма Оранского. Благодарностью за спасенный корпус для И. Вольфа стала близость к семье Вильгельма Оранского, который был сыном Юлианы Штольберг Вернигероде.

Выдающиеся дипломатические способности обеспечили И. Вольфу в дальнейшем участие в двух посольствах — ко двору английской королевы Елизаветы I и польского короля

Генриха Валуа — с выполнением личных поручений от германских князей. По возвращению из Польши в 1573 г. Иоханн Вольф принял предложение маркграфа Баденского Карла и стал его советником. В 1575 г. он получил должность управляющего города Мундельхайм. В этот период он и публикует АНР.

В 1594 г. он оставил административную службу, вернулся в Хайденбург, где все свое время проводил в научных занятиях, чтении и в подготовке к печати еще двух изданий «Истории Хлодвига» и “Lectorum memorabilium et reconditarum centuriea” в 2 томах. Этот труд представляет собой собрание курьезных фактов и наблюдений из жизни и сочинений 3000 авторов. Мы этот текст не изучали, но мнения современников в отношении его разные — одни буквально воспитывались на этой книге; другие считали ее «отвлекающим и бесполезным чтением». Напомним, что все сочинения И. Вольфа носили компилятивный характер и говорили о широчайшей начитанности и эрудиции автора. Современники, видимо, имея в виду именно эти качества, называли его «уникальным библиоманом», добавляя к его характеристике то, что путешествуя с различными государственными поручениями по многим крупным городам, в то время как его товарищи бросались в объятия Бахуса, он отправлялся в публичные библиотеки этих городов.

В 1706 г. вышла книга “Vitae Eruditorum cum Germanorum tum exterorum...”, предисловие к которой — есть такое предположение — тоже написано И. Вольфом, там он повествует о своих литературных и дипломатических трудах «с большим интересом и пристойностью»¹⁵. В этом же предисловии рассказывается о секретаре Вольфа, некоем Мартине, который будучи в начале ревностным католиком, после общения с Вольфом стал протестантом «большим, чем Лютер». Так что из всего вышесказанного в отношении И. Вольфа сомнений быть не может — он был последовательным, убежденным и воинствующим протестантом. Значит, едва ли бы он, как составитель АНР, популяризировал взгляды на историю католических авторов.

Умер Вольф 23 мая 1600 г. в Хайденбурге, и в этом же году были напечатаны два тома его “Lectorum”.

Могли ли публичные библиотеки дать И. Вольфу возможность изучить сочинения 16 современных авторов и подготовить их к печати? Это вызывает серьезные сомнения. Заметим, что публичных библиотек в то время было ничтожно мало, фонды их были скудными и, вероятно, что он их хорошо знал, но ими не ограничивал свое любопытство. Имел ли доступ этот «библиоман» к частным библиотекам протестантов? Ответить на этот вопрос нам поможет обращение ко второму тому АНР.

Второй том АНР находился в библиотеке Штольбергов-Вернигероде. Об этом свидетельствует погашенный штамп на 4-й странице тома (илл. 4).

Описать это изображение мы можем следующим образом. Владелец(цу) Штольберг-Вернигероде (графы и князя) (Stolberg-Wernigerode (Grafen und Fürsten zu). «Штольбергская библиотека, принадлежащая графам Вернигероде». Библиотека Штольбергов в Вернигероде (GRAFL. STOLBERGISCHE BIBLIOTHEK Z. WERNIGERODE). В центре — герб графов цу Штольберг.

Илл. 4

Каким образом этот том попал в Российскую государственную библиотеку? Вопрос, конечно, второстепенный, но интересный, поэтому мы на него ответим. В 1943 г. был создан Государственный литературный фонд, в функции которого входило восполнение того урона, который был нанесен во время Великой Отечественной войны библиотечному фонду СССР. В 1948 г. с этой целью значительная часть томов из библиотеки Штольбергов в Вернигероде была вывезена в СССР, в том числе и интересующий нас том И. Вольфа 1579 г.

¹⁵ Dublin T.F. Bibliomania. L., 1842. P. 110–112.

издания¹⁶. Поступление этой книги из Гослитфонда в Государственную публичную библиотеку им. В. И. Ленина подтверждает и инвентарная книга библиотеки за 1949 г.

Итак, напомним, что владельцы второго тома установлены — это графы цу Штольберги. Далее, первый том открывает посвящение Фридриху Виттенбергскому. Мы полагаем, что речь идет о курфюрсте Саксонии Фридрихе III Мудром Виттенбергском (1463–1525 гг.). В 1502 г. он учредил университет «Лейкорей» в Виттенберге, предназначенный для подготовки юристов, теологов и врачей для саксонского эрнестинского правительства. Через пять лет после основания университета курфюрст Фридрих объединил университет с монастырем Всех Святых. Первым ректором университета стал Мартин Поллих, основателем теологического факультета — Иоханн фон Штаупиц. В первые годы в университете преподавали такие профессора, как Андреас Боденштайн из Карлсштадта. В 1508 г. Штаупиц содействовал приглашению в университет монаха-августинца Мартина Лютера. Позднее были приглашены также Николаус фон Амсдорф и преподаватель греческого языка Филипп Меланхтон. Виттенбергский университет в дальнейшем становится центром распространения новой реформированной религии — лютеранства и шире — протестантизма.

Теперь, логично поставить следующие вопросы: была ли какая-то связь между Штольбергами и Виттенбергским университетом? Имели ли Штольберги хоть какое-то отношение к изданию этого сборника? Кто такие вообще эти Штольберги?

Рассмотрим внимательнее второй том, который по оформлению сильно отличается от первого. Переплет очень дорогой, выполнен из кожи превосходного качества белого цвета с тисненным растительным орнаментом, в который вплетены четыре мужских портрета-медальона. Орнамент образует прямоугольник, в центре которого рука, держащая подсвечник с одной свечой, справа и слева от нее расположены свитки. В верхней части

¹⁶ Konrad Breitenborn. ...mit unbekanntem Ziel von den Sowjets abtransportiert / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren, im April 1948 und danach (Teil 1) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 9, 2. Mai 1996, S. 22; Derselbe. Reulecke verkraftete Exodus nicht / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 2) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 10, 15. Mai 1996, S. 24; Derselbe. "Ware" aus Georgien für deutschen "grauen Markt" / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 3) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 11, 29. Mai 1996, S. 22; Книги и судьбы (Тульской областной универсальной научной библиотеки). URL: http://www.tounb.ru/Library/Upload/kp/full_tekst_kp/bibliogr_11.pdf; Балкова И. В. «Трофейные» издания в фондах Национальной библиотеки Чувашской республики. URL: <http://www.libfl.ru/restitution/conf/balkova.html> свободный, (дата обращения 15.04.2015).

обложки расположены тисненные надпись WEGZS и внизу год — 1593-й. Что означают эти надпись и год? Мы предполагаем, что этот экземпляр книги был приобретен и хранился в частной библиотеке Вольфа Эрнста графа цу Штольберга (1546–1606 гг.), который был сыном Вольфганга Штольберга (1501–1552 гг.). Во время летнего семестра 1521 г. Вольфганг Штольберг выполнял обязанности ректора Виттенбергского университета и именно он положил начало одной из самых крупных частных библиотек XVI в. В ней в это время насчитывалось более 4000 томов¹⁷. Более того, мы можем предположить, что и переплет интересующего нас тома был выполнен по заказу Вольфа Эрнста цу Штольберга в 1593 г., в честь рождения сына Хайнриха Эрнста графа цу Штольберга (1593–1672 гг.) в будущем — рейхсграфа Штольберга, настоятеля монастыря святых Бонифация и Мауриция. В связи с этим мы можем высказать предположение и о значении надписи WEGZS, расположенной над символическим изображением свечи, указывающей дорогу. **WEG ZU STOLBERG** — дорога Штольберга, родившегося в 1593 г. Значит, эта книга была не просто приобретена Штольбергами. Заказав переплет, Вольф Эрнст серьезно в нее «вложился». Материалы для переплетов, сами переплетные работы стоили тогда дорого и требовали затраты значительных денежных средств. Более того, посвятив этот том, пусть через надпись на обложке книги, своему новорожденному сыну, Вольф Эрнст Штольберг указал на значимость этого издания для его семьи.

На форзаце этого (второго) тома расположен экслибрис, датированный 1721 г. и принадлежащий Христиану Эрнсту графу цу Штольбергу (илл. 5). Этот экслибрис представляет собой бумажный прямоугольный ярлык, наклеенный владельцем на книгу, и относится он к гербовому разряду экслибрисов.

Сверху он содержит ленту с титулом и именем владельца: Христиан Эрнст граф цу Штольберг. На этом экслибрисе, помимо основного гербового щита, мы видим по бокам две античные колонны, рядом с которыми восседают две аллегорические женские фигуры: одна из них держит в правой руке весы, на ее голове лавровый венок. По-видимому, она олицетворяет Справедливость или Правосудие. Вторая фигура с короной на голове, в левой руке держит дубовую ветвь, в правой жезл. Вероятно, она олицетворяет воинскую доблесть. В центре скамьи, на которой она восседают, указан год — 1721-й. Немного ниже подпись: Sg. Se. Возможно, это инициалы гравера.

¹⁷ Штольбергское частное собрание книг стало публичной библиотекой г. Вернигероде с 1746 г., тогда в ней насчитывалось 10 000 томов, а в 1771 г. — 30 000 книг.

Илл. 5

Геральдическая часть этого эклибриса читается следующим образом. Это три рыцарских шлема, поддерживающие щит, короны, украшающие шлемы и фигуры — орел, страусиные перья, оленьи рога. Основной щит, разделенный на части. На верхней части справа на золотом фоне изображение черного оленя. Это родовой герб семьи Штольберг. Рядом с ним, на золотом фоне изображен герб рода Кенигштайн — черный лев. В центре сверху, на таком же золотом фоне — красный орел — герб графов Рутшенфорт. Родовой герб древней семьи Вернигероде можно сразу узнать по изображению двух красных форелей, перевернутыми друг к другу головами и хвостом на серебряном щите. Мы располагаем источником, согласно которому германский король Генрих I Птицелов (919–936 гг.) по случаю основания города Гослара разделил среди соседних графов новые должности и пожаловал графам Вернигероде титул королевского рыбака и новый герб с форелями¹⁸. Следующие от герба Вернигероде — щиты сверху вниз — герб баронов (Freiherren) Эппштайн. А под ним щит, поделенный пополам, как мы предполагаем, принадлежал графам Мюнценберг. Пред-

¹⁸ *Lucae F. Friedrich Lucae. Des Heil. Roemischen Reichs Uhalten Graffen-Saal. Franckfurt am Mayn, 1702. S. 726, S. 731–732.*

полагаем также, что щиты с изображением шахматного поля относились к графам Марк. Небольшой серебряный щит с красным оленем между этими гербами принадлежал семье графов Клеттенберг. Под этим щитом на красном поле золотой лев — герб графов Витгенштайн и Хонштайн. Щиты с золотыми и красными полосами относились к графам Аигмонт. Как мы уже указали, основной щит поддерживают три турнирных шлема. Центральный шлем, с красным и серебряным плащом, увенчан красной шляпой, на ней золотое ядро, по бокам его два оленьих рога, красный и белый, в центре — павлиний хвост. Правый шлем, с золотым и черным плащом увенчан королевской короной, по бокам короны — два страусиных пера, в центре павлиний хвост. Левый шлем, с золотым и красным плащом, так же имеет королевскую корону, над ней стоит орел. Любопытно отметить, что в 1433 г. три графских дома — Шварцбург, Штольберг и Хонштайн — установили братский союз. Поэтому элементы гербов, в том числе центральный шлем с убранством присутствует в гербах этих трех фамилий¹⁹. В книге П. И. Спенеро приведены титулы графского рода Штольберг: графы Штольберг, Кенигштайн, Рутшенфорт, Вернигероде и Хонштайн, Эппштайн, Мюнценберг, Аигмонт, Лора и Клеттенберг²⁰. Таким образом, перечисленные графства со временем влились в род графов Штольберг, оставив след на фамильном гербе. Представители всех этих немецких и швейцарских аристократических фамилий, породненных со Штольбергами, были сторонниками реформированной церкви, активными, воинствующими и влиятельными участниками событий XVI в. в Германии.

А теперь время вспомнить про их частную библиотеку и про И. Вольфа. Для того чтобы сделать тематическую подборку сочинений, подобную той, что представлена в АНР, составителю или значительную часть жизни следовало бы посвятить сбору этих книг, или иметь к этому уже имеющемуся собранию прямой доступ. Вольф как минимум дважды — во время учебы в Виттенберге и в 1569 г. имел возможность близкого знакомства с представителями рода Штольбергов, а точнее с Вольфом Эрнстом графом цу Штольбергом. В посвящении И. Вольф напрямую не упоминает Штольбергов, но воздает хвалы их покровителю Фридриху III Мудрому курфюрсту Саксонии, а также благодарит за оказанную помощь некоего монаха Беллигара²¹, который, как мы выяснили, был библиотекарем у

¹⁹ *Ibid. S. 292.*

²⁰ *Spenero P. J. Historia insignium illustrium sev operis heraldici. Pars specialis. Francfurti ad Moenum, 1717. P. 772–773.*

²¹ *Illusterrissimo principi ac domino... // AHP. P. 2–5.*

Штольбергов²². На основании исследований наших немецких коллег²³, занимавшихся каталогизацией библиотеки Штольбергов, в ней в 70-х гг. XVI в. хранилось то самое собрание сочинений, которое Вольф включил в АНР. Значит, возможности публикации этих авторов, а скорее всего, и своеобразный идеологический заказ могли исходить непосредственно от Штольбергов.

По сути, издание АНР является уникальным по многим причинам. Это был первый в европейской истории сборник, включавший в себя сочинения об истории 16 современных авторов (многие из которых на момент издания двухтомника в 1576 г. были живы). И, несмотря на это, названия сочинений, включенных в АНР, расходятся в оглавлении сборника с названиями в самом тексте сборника и с теми названиями, которые давали авторы своим книгам при первом издании. Совпадений практически нет. Мы собрали эту информацию и представили в табл. 1, 2.

С чем связана такая «небрежность» И. Вольфа, библиомана и эрудита составителя сборника АНР? Прежде всего, отметим, что к сочинительским и издательским практикам того времени нельзя подходить с современными требованиями и нормами библиографии или оформления справочного аппарата. Надо помнить о том, что книгопечатание было для европейцев XVI в. занятием новым, и правила книжного оформления находились в стадии формирования. Да и издание книги тогда все еще было занятием не из дешевых, сопряженным с рядом технических трудностей (например, наличием шрифтов), и выход книги, безусловно, был событием неординарным. Изданные книги были «на слуху» и быстро становились хорошо известны в кругу ученых мужей. Поэтому, неточность в названии, на наш взгляд, не могла смутить или ввести в заблуждение человека знающего.

Но в названиях есть не только неточности, но и прямые «вызовы». Вот, например, Боден, по-видимому, был одним из самых выдающихся авторов, по мнению И. Вольфа, представленных в АНР. Это следует хотя бы и из полного названия двухтомника (напомним — «Сокровищница истории. Сборник из восемнадцати трудов как древних, так

²² Herricht H. Die ehemalige Stolberg-Wernigerödischer Handschriftenabteilung. Die Geschichte einer kleinen feudalen Privatsammlung, Halle 1970 (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 31).

²³ Pfeil B. Katalog der deutschen und niederländischen Handschriften des Mittelalters in der Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt in Halle (Saale) (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 89/1–2). 2 Bände. Halle (Saale) 2007, vor allem Bd. 1, S. XVII–XXX; Ulrich-Dieter Oppitz. Die «Deutschen Manuskripte des Mittelalters» (Zb-Signatur) der ehemaligen Stolberg-Wernigerödischer Handschriftensammlung. In: Geographia Spiritualis. Festschrift für Hanno Beck. Hrsg. von Detlef Haberland, Frankfurt a. M. u.a. 1993, S. 187–205.

Таблица 1

ПЕРВЫЙ ТОМ АНР

Автор	Название в оглавлении АНР	Название в самом тексте АНР	Оригинальное название в 1-м издании	Год 1-го издания	Годы жизни автора
<i>Joan. Bodini Andigavensis</i>	Methodus historica	Textori curieae Inquisitorum praesidi, J. Bodinus Methodus ad facilem cognitionem historiarum	Metodus ad facilem cognitionem historiarum	Parisiis, 1566	1530–1596
<i>Fr. Balduinus</i>	de Historia universa, et ejus cum juristrudentia conjunctione libri II	De institutione Historiae universae et ejus cum juristrudentia conjunctione	De institutione Historiae universae et ejus cum juristrudentia conjunctione prolegomenon libri II	Parisiis, ap. A. Wechelium, 1561	1520–1573
<i>Fr. Patritii</i>	Dialogi X de Historia	Dialogi X de Historia	Della Historia, dies dialoghi di Francesco Patrizzi, ne' quali siragiona di tutte le cose appartenenti all' historia	Venetia, Arrivabene, 1560	1529–1597
<i>Joan Pontanus</i>	De Historia	Actius dialodus	Giovanni Gioviano Pontano. Actius de numeris poeticis et lege historiae	Neapoli, 1507	1426–1503
<i>Sebastiani Foxii Morzilli</i>	De Historica Institutione	<i>Sebastiani Foxii Morzilli Hispanensis</i> De Historica Institutione liber	De Historiae institutione dialogues	Parisiis, M. Juvenis, 1557	1526–1559
<i>Joan. Ant. Viperanus</i>	de Scribenda Historia	de Scribenda Historia liber	de Scribenda Historia liber	1569	1535–1610
<i>Fr. Robertellus</i>	de Historia	de Historia	de Historia facultate commentiuiculae	Lutetiae, 1556	1516–1568

ВТОРОЙ ТОМ АНР

Таблица 2

Автор	Название в оглавлении АНР	Название в самом тексте АНР	Оригинальное название в 1-м издании	Год 1-го издания	Годы жизни
<i>Christopherus Milaeus (Milieu)</i>	de Historiae universitate	De Scribenda universitatis rerum historia libri quinque	De Scribenda universitatis rerum historia libri quinque	Basileae, J. Oporinus, 1551	?–1570
<i>Ubertus Folieta</i>	de Ratione scribendae historiae, et de similitudine normae Polybianae	1. de Ratione scribendae historiae. 2. de similitudine normae Polybianae	de Ratione scribendae historiae	Rome, 1574	1518–1581
<i>David Chytraeus</i>	de Recte instituenda Historiae lectione	De lectione historiarum recte instituenda	De lectione historiarum recte instituenda et historicorum fere omnium series et argumentum breviter et perspicue exposita	Rostak, Argentinae, C. Mylius, 1563	1530–1600
<i>Simon Grynaeus</i>	de Utilitate legendae historiae	de Utilitate legendae historiae	de Utilitate legendae historiae / опубли. с Justini ex Trogo Pompeio Historia	Basileae, 1539	1493–1541
<i>Coelius Secundus</i>	de eadem	Curionis de historia legenda sentential ad Basilium Amerbachium	De Historia legenda sentential ad Basilium Amerbachium	Basiliae 1576	1503–1569
<i>Christophori Pezelii</i>	Oratio de historia	Oratio de Argumento Historiarum, et Fructu ex earum lectione petendo Habita Witenbergae à Christophoro Pezelio	Oratio de Argumento Historiarum	Witenberg, 1568	1539–1604
<i>Theodorus Zwingerus</i>	Medicus Basiliensis	<i>Theodorus Zwingerus Medicus Basiliensis.</i> De Historia.	Historica exercitatio	Basileae, 1571–1576	1533–1588

Окончание таблицы 2

Автор	Название в оглавлении АНР	Название в самом тексте АНР	Оригинальное название в 1-м издании	Год 1-го издания	Годы жизни
<i>Ioan. Sambucus</i>	Caes. Historicus	De historia in praefatione ad bonfinii historiam ungariae	Antonii Bonfinii Rerum Vngaricarum decades quatuor, cum dimidia. Quarum tres priores, ante annos 20., Martini Brenneri Bistricensis industria editae, iamque diuersorum aliquot codicum manusciporum collatione multis in locis emendatiores: quarta uero decas, cum quinta dimidia, numquam antea excusae, Ioan. Sambuci Tirnauiensis, ... opera ac studio nunc demum in lucem proferuntur: ... Accessit etiam locuples rerum & uerborum toto opere memorabilium index	Basileae, 1568	1531–1584
<i>Antonius Riccobonus</i>	de Historia et de ea uerterum fragmenta recens adjuncta	Antonii Riccoboni rhodigini. De Historia Liber cum fragmenta historicorum veterum Latino-rum summa fide et diligentia ab eodem collectis et auctis	De Historia commentarius cum fragmentis ab eodem /.../ collectis	Venetiis, J. Barilletus, 1568	1541–1599

и недавних [авторов] и, кроме того, что особенно следует отметить, шести книг²⁴ Ж. Бодена о Методе истории»). Так вот, в отношении этого автора мы подметили как минимум две странные «неточности». Первое — Боден назван не анжерцем, как он сам подписывался в своих сочинениях, а андикавом²⁵ — этим, вероятно, подчеркивается древность народа, к которому принадлежал Боден. И второе — «текст президента Инквизиционной палаты (палаты следствий)». Это уже не неточность, это осознанное иска-

²⁴ Кстати, книга (или главы) было не шесть, а десять. Столько же и в тексте трактата, который содержится в АНР.

²⁵ Андикавы — это античное наименование галльского племени, населявшего области нынешнего Анжу (правый берег нижней Луары).

жение фактов. Боден никогда не занимал такого места, более того, в 1576 г. было общеизвестно, что он к этому времени уже трижды преследовался за скрытый протестантизм (один раз — проводился обыск у него дома и были сожжены найденные у него запрещенные книги; дважды он подвергался аресту). Этого ли было не знать эрудиту Вольфу? Кстати, мы не исключаем и факт их личного знакомства в 1573 г., когда оба присутствовали при событиях, связанных со вступлением на польский престол Генриха Валуа. Тем более, И. Вольф должен был быть прекрасно информирован о религиозных воззрениях Бодена.

Еще одна «странность», очевидная даже при беглом знакомстве с содержанием АНР. Протестанты включают в свой сборник сочинение придворного испанского короля Филиппа II и наставника инфанта Карла католика Себастьяно Фокс Морцелло, погибшего в 33 года при кораблекрушении. Возможно, здесь нужно учитывать, что он был известным натурфилософом своего времени и блестящим знатоком Цицерона, Платона и Аристотеля. Другой причиной, объясняющей уже обозначенные нами «странности» и «неточности» текста, может быть острейшая политическая и религиозная ситуация в Западной Европе второй половины XVI в. Не исключено, что И. Вольф, не отказываясь от стратегической цели издания (служить укреплению протестантизма), сделал глубоко продуманный тактический шаг, связанный с изданием и дальнейшей судьбой книги, и представил двухтомное издание АНР как сборник сочинений авторов, лояльных католицизму и папскому престолу. К сожалению, здесь мы можем только высказывать свои предположения и гипотезы. Возможно, со временем изучение этого текста даст нам ответы и на уже поставленные вопросы и те, которые, вероятно, еще появятся.

Данные о статье:

Автор: Бобкова Марина Станиславовна, д. и. н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, bobkova_marina@list.ru

Заголовок: Исторический компендиум: заметки об аппарате издания 1579 года.

Резюме: Автор рассматривает содержание и значение сборника трактатов по исторической науке, который был издан в 1576 г. в Базеле. Данный сборник состоял из трудов 16 авторов, от Античности до XVI в., посвященных смыслу и назначению исторической науки. По мнению автора, издатель сборника, немецкий ученый И. Вольф, собрал в этой книге те труды, которые находились в частной библиотеке графов цу Штольберг, живших в Виттенберге. Их покровителем был курфюрст Саксонии Фридрих III Мудрый. Заказ на подготовку и издание этого сборника мог исходить именно от графов цу Штольберг, с которыми, по мнению автора, И. Вольф познакомился во время учебы в университете Виттенберга. Изменив биографические данные некоторых авторов, труды которых вошли в состав сборника, И. Вольф тем самым представил этих авторов как мыслителей, лояльных и близких по духу католицизму, тогда как в действительности

своим содержанием сборник пропагандировал протестантское понимание исторического процесса.

Ключевые слова: Раннее Новое время, история исторического знания, библиотеки, типографы, справочный аппарат, издатель, книгопечатная деятельность, автор, заказчик.

Information about the article:

Author: Bobkova Marina Stanislavovna, PhD (in History), a chief researcher of Institute of World History of RAS, bobkova_marina@list.ru

Title: A Historical Compendium: notes on *apparatus criticus* of year 1579th's edition.

Summary: The author deals with the content and significance of collection of treatises about historical knowledge, which was edited in 1576 in Basel. This collection consisted of 16 authors' works, who ranged from Antiquity to XVI c. All their works were dedicated to meaning and purpose of historical knowledge. From the author's point of view, editor of the collection, a German scholar I. Wolf, compiled those works which were in private library of counts zu Schtolberg, who lived in Wittenberg. Their sponsor was the prince-electors of Saxony Frederick the Wise. Perhaps, an order on preparation and edition of collection might be generated strictly by the counts zu Schtolberg, with which I. Wolf met during his teaching in University of Wittenberg (as author supposes). Having changed biographical accounts of some authors, whose works became the parts of this compendium, I. Wolf represented these authors as the supporters of Roman-Catholic faith, while really, by its content, this collection promoted the Protestant's assessment of historical process.

Key words: Early Modern time, historiography, libraries, publishers, apparatus criticus, editor, publishing, author, purchaser.

Литература, использованная в статье:

Книги и судьбы (Тульской областной универсальной научной библиотеки). URL: http://www.tounb.ru/Library/Upload/kp/full_tekst_kp/bibliogr_11.pdf.

Балкова И.В. «Трофейные» издания в фондах Национальной библиотеки Чувашской Республики. URL: <http://www.libfl.ru/restitution/conf/balkova.html>

A General Biographical dictionary. Vol. 3. L.: Whittaker and Company, 1833. 820 p.

Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa, Basileae: ex officina Petri Pernaе, 1579. 650 p.

Bietenholz, Peter Gerhard. Der italienische Humanismus und die Blütezeit des Buchdrucks in Basel: die Basler Drucke italienischer Autoren von 1530 bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1959. 172 S.

Breitenborn, Konrad. "Ware" aus Georgien für deutschen "grauen Markt" / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 3) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 11, 29. Mai 1996.

Breitenborn, Konrad. ...mit unbekanntem Ziel von den Sowjets abtransportiert / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren, im April 1948 und danach (Teil 1) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 9, 2. Mai 1996.

Breitenborn, Konrad. Reulecke verkraftete Exodus nicht / Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 2) // Neue Wernigeröder Zeitung. Nr. 10, 15. Mai 1996.

Guggisberg, Hans Rudolf. Pietro Perna Fausto Sozzini und die "Dialogi quatuor" Sebastian Castellios // Studia bibliographica in honorem Herman De La Fontaine Verwey. Amsterdam: Menno Hertzberger, 1967. S. 171-201.

Herricht, Hildegard. Die ehemalige Stolberg-Wernigerödisch Handschriftenabteilung. Die Geschichte einer kleinen feudalen Privatsammlung. Halle: Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 1970 (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 31). 130 S.

Lucae, Friedrich. Des Heil. Roemischen Reichs Uhalten Graffen-Saal. Franckfurt am Mayn: Knoch, 1702. 1003 S.

New Universal Biography by Rev. John Platts. L.: Sherwood, Jones & Company, 1826. 444 p.

Oppitz, Ulrich-Dieter. Die "Deutschen Manuskripte des Mittelalters" (Zb-Signatur) der ehemaligen Stolberg-Wernigerödischen Handschriftensammlung. // Geographia Spiritualis. Festschrift für Hanno Beck. Hrsg. von Detlef Haberland. Frankfurt a. M. u.a.: P. Lang, 1993. S. 187–205.

Perini, Leonardo. La vita e i tempi di Pietro Perna. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2002. 528 p.

Pfeil, Brigitte. Katalog der deutschen und niederländischen Handschriften des Mittelalters in der Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt in Halle (Saale) (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 89/1–2). Bd. 1. Halle: Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 2007. 545 S.

Poggendorff, Johann Christian. Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1863. 1584 S.

Reynolds B. Shifting Currents in Historical Criticism // Journal of the History of Ideas. 1953. Vol. 14. P. 471–492.

Robortello, Francesco. In librum Aristotelis de arte poetica explicationes. Paraphrasis in librum Horatii, qui vulgo de arte poetica ad Pisones inscribitur. Munich: W. Fink, 1968 (Rpt. of Florence: Torrentinus, 1548.). 386 p.

Spenero Philipp Jakob. Historia insignium illustrium sev operis heraldici. Pars specialis. Francfurti ad Moenum, 1717. 778 p.

References:

Knigi i sud"by (Tul'skoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki) [Books and fates of Tula- region's universal scholar library] URL: http://www.tounb.ru/Library/Upload/kp/full_tekst_kp/bibliogr_11.pdf. (in Russian)

Balkova I.V. "Trofeynye" izdaniya v fondakh Natsional'noy biblioteki Chuvashskoy Respubliki [Books as spoils of war in the funds of National Library of Chuvash Republic]. URL: <http://www.libfl.ru/restitution/conf/balkova.html> (in russian)

A General Biographical dictionary. Vol. 3. L.: Whittaker and Company, 1833. 820 p.

Artis historicae Penus, octodecim scriptorium tam veterum quam recentiorum monumentis et inter eos Io. Praecipue Bodini libris Methodi historicae sex instructa. Basileae: ex officina Petri Permae, 1579. 650 p.

Bietenholz Peter Gerhard. Der italienische Humanismus und die Blütezeit des Buchdrucks in Basel: die Basler Drucke italienischer Autoren von 1530 bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1959. 172 p.

Breitenborn Konrad. "Ware" aus Georgien für deutschen "grauen Markt", Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 3), in *Neue Wernigeröder Zeitung*. Number 11, 29. Mai 1996.

Breitenborn Konrad. ...mit unbekanntem Ziel von den Sowjets abtransportiert, Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren, im April 1948 und danach (Teil 1), in *Neue Wernigeröder Zeitung*. Number 9, 2. Mai 1996.

Breitenborn Konrad. Reulecke verkraftete Exodus nicht, Das Schicksal der fürstlichen Bibliothek vor 50 Jahren und danach (Teil 2), in *Neue Wernigeröder Zeitung*. Number 10, 15. Mai 1996.

Guggisberg Hans Rudolf. Pietro Perna Fausto Sozzini und die "Dialogi quatuor" Sebastian Castellios, in *Studia bibliographica in honorem Herman De La Fontaine Verwey*. Amsterdam: Menno Hertzberger, 1967. Pp. 171–201.

Herricht Hildegard. Die ehemalige Stolberg-Wernigerödisch Handschriftenabteilung. Die Geschichte einer kleinen feudalen Privatsammlung. Halle: Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 1970 (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 31). 130 p.

Lucae Friedrich. Des Heil. Roemischen Reichs Uhalten Graffen-Saal. Franckfurt am Mayn: Knoch, 1702. 1003 p.

New Universal Biography by Rev. John Platts. L.: Sherwood, Jones & Company, 1826. 444 p.

Oppitz Ulrich-Dieter. Die "Deutschen Manuskripte des Mittelalters" (Zb-Signatur) der ehemaligen Stolberg-Wernigerödischen Handschriftensammlung, in *Geographia Spiritualis. Festschrift für Hanno Beck*. Hrsg. von Detlef Haberland. Frankfurt a. M. u.a.: P. Lang, 1993. Pp. 187–205.

Perini Leonardo. La vita e i tempi di Pietro Perna. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2002. 528 p.

Pfeil Brigitte. Katalog der deutschen und niederländischen Handschriften des Mittelalters in der Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt in Halle (Saale) (= Schriften zum Bibliotheks- und Büchereiwesen in Sachsen-Anhalt, 89/1-2). Bd. 1. Halle: Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 2007. 545 p.

Poggendorff Johann Christian. Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1863. 1584 p.

Reynolds B. Shifting Currents in Historical Criticism, in *Journal of the History of Ideas*. 1953. Vol. 14. Pp. 471–492.

Robortello Francesco. In librum Aristotelis de arte poetica explicationes. Paraphrasis in librum Horatii, qui vulgo de arte poetica ad Pisones inscribitur. Munich: W. Fink. 1968 (Rpt. of Florence: Torrentinus, 1548.). 386 p.

Spenero Philipp Jakob. Historia insignium illustrium sev operis heraldici. Pars specialis. Francfurti ad Moenum, 1717. 778 p.

ББК 63.3(0)4 (4Фра); УДК 94(44).029

В. В. Шишкин

КНИГИ ГЕНРИХА III ВАЛУА В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Французский король Генрих III (1574–1589), последний монарх из семьи Валуа, правил во время кульминации гражданских войн во Франции (1559–1598) и погиб от удара кинжала убийцы¹. Подобно своим предшественникам, которые весьма ценили и специально собирали рукописные кодексы, а затем и печатные издания, король и члены королевской фамилии старались облечь книги в красивые переплеты, которые по отличительным признакам всегда указывали бы на владельца². Как правило, на переплетах из кожи и сафьяна специальным прессом наносилось золотое тиснение с изображением гербов монарха, его инициалов, характерных инсигний, изысканного орнамента. Не вдаваясь в тонкости переплетного мастерства ренессансных мастеров и оставив эту тему коллегам из сферы искусствоведения³, хотелось бы заострить внимание на истории нескольких книг из Российской национальной библиотеки, явно принадлежавших Генриху III и волею судеб оказавшихся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (далее — РНБ).

Семья последних Валуа была интеллектуально одаренной и не только собирала книги, но и много читала⁴. Обладание библиотеками, содержа-

щими печатные книги и рукописные кодексы в ренессансную эпоху было не только важным элементом социального престижа, но в равной степени духовного превосходства, а в случае королевской библиотеки имело также сакральное значение⁵. Однако по причине социальных беспорядков и гражданской войны личные собрания книг подверглись разным испытаниям. Как таковой библиотеки Генриха III не сохранилось, и нам известно лишь, что она была намеренно рассеяна врагами короля. Вскоре после бегства короля из Лувра в мае 1588 г., во время парижского восстания — «Дня баррикад», и последующего отъезда членов королевской фамилии из Парижа, королевские городские и пригородные резиденции (Лувр, Тюильри, Венсенн и др.) попали в руки Католической лиги, где заправляли представители семьи герцогов Гизов⁶. Последние, претендуя на французский трон, не постеснялись поселиться в главной из них — Лувре, начав распродавать королевское имущество, поскольку остро нуждались в деньгах для продолжения гражданской войны. Публичная распродажа мебели, личных вещей и библиотеки короля, конечно, также являлась актом десаκραлизации королевского дома Валуа и лично Генриха III, «тирана», «содомита», как называли его сторонники Лиги⁷. Сохранилась уникальная запись на одной из книг, принадлежавшей королю и, по предположению французской исследовательницы Фабиенн Ле Бар, попавшей в руки Пьера де Летуаля, парижского чиновника, известного своим «Регистром-журналом царствования Генриха III»: «В год 1589, в Париже, Лига составила инвентарь мебели и книг из кабинета Его Величества, продав затем множество книг с молотка возле здания городского муниципалитета»⁸. Таким образом, судя по всему, эта богатая библиотека была распылена и попала в руки различных владельцев. Сейчас уже нельзя сказать, что мы располагаем «множеством книг» короля, однако отдельными экземплярами гордится Национальная библиотека Франции, замок-музей Шантийи, Библиотека Мазарини в Париже, и главное, — Российская национальная библиотека.

⁵ По словам немецкого медиевиста Ральфа Шпранделя, вообще в позднее средневековье «связь читателя и книги была более интимной», по сравнению с последующими временами: Шпрандель Р. Мои опыты в области истории ментальностей // История ментальностей. Историческая антропология. М., 1996. С. 50.

⁶ Babeau A. Le Louvre et son histoire. Paris, 1895. P. 87.

⁷ См., например: Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004. С. 720–753.

⁸ Le Bars Fabienne. Les reliures de Henri III: essai de typologie // Henri III mécène: des arts, des sciences et des letters. P. 233.

¹ Le Roux Nicolas. 1er août 1589. Un régicide au nom de Dieu. L'assassinat d'Henri III. Paris, 2006; Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. СПб., 2004. С. 19–50.

² Guigard J. Nouvel Armorial du bibliophile. T. I. Paris, 1890 (приведены образцы различных книжных переплетов королей Франции).

³ См., например: Долгодрова Т. А. Стили и школы западноевропейского (отчасти и восточного) переплета из собрания Карла Бехера. М., 2007. Текст размещен на сайте: <http://www.raruss.ru/excellent-bindings/1310-dolgodrova-styles.html> (дата обращения — 10 февраля 2015 г.).

⁴ Так, сестра короля Маргарита, королева Наваррская (Марго), в своих мемуарах говорит о чтении как одном из самых важных занятий в жизни, которое помогает познать суть мироздания и возвышает дух человека до божественных высот: Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Пер. и сост. В. В. Шишкина при участии Л. Ангара и Э. Вьенно. СПб., 2010. С. 85–86. О ее библиотеке см.: Baudouin-Matuszek M.-N. La bibliothèque de Marguerite de Valois // Henri III mécène: des arts, des sciences et des letters / Éd. sous la direction de Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier. Paris, 2006. P. 272–292.

© В. В. Шишкин, 2015

В отделе «Россика» хранится небольшая (in-8) книга с рядом любопытных и четких владельческих записей, которые, в общем, помогли воссоздать основные этапы ее странствий. Речь идет об *Arma Regni Poloniae* — «Гербы Польского королевства», которая была составлена и впервые напечатана Маркусом Амвросием или Мареком Амброжи (Markus Ambrosius, Marek Ambroży) в Антверпене в 1562 г.⁹ Впрочем, ни места издания, ни даты в книге нет, что может говорить о небольшом тираже, сделанном специально по заказу короля Сигизмунда II Августа (1548–1572)¹⁰. Известны ее переиздания — краковское 1572 г. и парижское 1573/74 г.¹¹

Маркус Амвросий, или Маркус из Нейсе (Neisse) (между 1520 и 1530–1585), согласно современным биографам, родом из Германии, был одновременно печатником, писателем, геральдистом и картографом. Так, известно, что в Кельне в 1566 г. он издавал сочинения врача и алхимика Парацельса, а до этого занимался картографией и издательской деятельностью в Антверпене¹². Однако большая часть его жизни была связана с Польшей, поскольку учился и жил он в Кракове и Гданьске, где обрел покровителей среди городского руководства. Известно также, что в марте 1573 г. он встретился с Гаспаром де Шомбером (Каспар фон Шонберг), дворянином из Саксонии, состоявшим на французской службе и ставшим со временем маршалом Франции и доверенным лицом королевской семьи. Еще в 1572 г. Шомбер был направлен французским двором в Германию с целью обретения поддержки немецких князей для успешного избрания на польский трон Генриха де Валуа, герцога Анжуйского, брата Карла IX и сына Екатерины Медичи. Как известно, этот французский принц, будущий Генрих III Французский, действительно был выбран королем Польши в апреле 1573 г., и немного позднее маршал сопровождал нового короля в Краков¹³. Надо полагать, парижское переиздание «Гербов Польского королевства» появилось не случайно, незадолго до отъезда Генриха

⁹ Graesse J.-G.-N. Trésor des livres rares et précieux. Livre I. Dresde, 1858. P. 222. Шифры «Россики»: 13.9.9.2

¹⁰ О чем и пишет польский исследователь этой книги: *Wdowiszewski Zygmunt*. Marek Ambroży z Nissy i jego “Arma Regni Poloniae” z 1562 r // *Polskie Towarzystwo Heraldyczne*, 1934. S. 166–170, 177–186.

¹¹ *Pettegree Andrew, Walsby Malcolm*. French Books III & IV : Books published in France before 1601 in Latin and Languages other than French. Leiden: Brill, 2011. P. 51.

¹² *Corpus Paracelsicum: Der Frühparacelsismus* / Eds. Wilhelm Kühlmann, Joachim Telle. Zweiter Teil. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. P. 550.

¹³ *Прокопьев А. Ю.* Немецкое дворянство и французские религиозные войны // Религиозные войны во Франции XVI в.: новые источники, новые исследования, новая периодизация / Под ред. Ю. Досси, В. В. Шишкина. СПб., 2015. С. 187–208.

в Польшу (ноябрь 1573 г.), и явилось следствием встречи Шомбера и М. Амвросия, выполнив важную задачу знакомства французского двора с польской знатью.

Конечно, для Генриха де Валуа далекая Польша — Сарматия, как называли часто ее во Франции, была малопривлекательным королевством, куда он искренне не желал отправляться и всячески оттягивал свой отъезд, поскольку Карл IX был смертельно болен, а Генрих являлся наследником трона¹⁴. Появление в Париже книги Маркуса Амвросия, видимо, было инициировано Карлом IX, продиктованное желанием короля ускорить отъезд брата-конкурента, и заодно продемонстрировать польским послам, что французский принц уже знакомится с гербами земель, входящих в состав его королевства, равно как с гербами знатнейших польских фамилий.

Книга действительно представляет собой сборник рисованных гербов земель тогдашней Польши и польского дворянства, всего — 150 фигур¹⁵. Предваряет их гравюра с изображением сидящего на троне короля Сигизмунда-Августа, предшественника Генриха де Валуа, с надписью: «*Sigismund Aug. D. G. Rex Polon.*». Каждая фигура имеет латинское название, по которому, собственно, и можно определить, какой семье принадлежит тот или иной герб¹⁶. Несмотря на отсутствие в книге выходных данных, на французское происхождение издания указывают прежде всего ценные владельческие записи, а также характер переплета.

Переплет — пергаменный, выполнен из свиной кожи, на которую нанесено золотое тиснение в виде орнамента, напоминающее парадный стиль «а ла фанфар» и занимающее всю центральную часть обложки, на остальном пространстве которой расположены повторяющиеся инициал королевского имени — буква «Н», и корона (форма которой напоминает корону на остальных переплетах дошедших до нас книг короля)¹⁷.

Самая старая по времени владельческая запись — «*Ballisdens*» — как удалось выяснить, принадлежит Жану Баллисанду (1595–1675) или,

¹⁴ *Малинин Ю. П.* Прощание с Польшей (политико-поэтический эпизод из истории франко-польских отношений XVI в.) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб., 2005. С. 67–74.

¹⁵ Упоминание об этой книге мы встретили также в специализированном, посвященном геральдике и сфрагистике, белорусском журнале: *Шаланда А.* Зямельныя гербы Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў XIV–XVIII ст. // Герольд Litherland. Год I. № 2 (2). Горадня, 2001. С. 57.

¹⁶ Существуют справочники таких соответствий, см., например: *Cubrzyńska-Leonarczyk M.* *Polskie supereklibrisy XVI–XVIII wieku*. Warszawa, 2001.

¹⁷ Например, книга Генриха III из Национальной библиотеки Франции: <http://reliures.bnf.fr/ark:/12148/cdt9x629/> (дата обращения — 15 февраля 2015 г.).

согласно иному написанию, Баллесдану (Ballesdens), известному в свое время библиофилу, члену Французской академии, адвокату Парижского парламента и одновременно секретарю канцлера Франции Пьера Сегье¹⁸. Современники отмечали, что собранная им библиотека печатных и рукописных кодексов едва ли уступает знаменитому собранию книг и рукописей самого Сегье. В РНБ хранятся и иные книги с автографом Баллесдана, одна из которых также входила в состав библиотеки Генриха III и еще будет упомянута в настоящей статье, а три остальные когда-то являлись частью книжных собраний королевы Марии Медичи и канцлера Сегье¹⁹.

Мы точно не знаем, что стало со всей библиотекой Баллесдана после его смерти. Известно, тем не менее, что некоторые из книг он дарил своему покровителю Сегье, о чем речь пойдет ниже, а большую часть завещал министру Людовика XIV, известному государственному мужу и страстному собирателю Ж.-Б. Кольберу²⁰. Однако, по-видимому, какие-то экземпляры ушли с молотка или рассеялись иными путями. Следующая запись, судя по почерку, уже XVIII в., говорит о том, что в какой-то момент книга попала в библиотеку парижских ораторианцев: «*Oratorii Parisiensis cat. inscriptus*», религиозно-образовательную конгрегацию, основанную во Франции кардиналом Пьером де Берюллем в начале XVII века и сыгравшую важную роль в деле образования и воспитания клира и прихожан²¹. Сохранился инвентарный номер книги — «М 38».

Наконец, последняя из записей (точнее говоря, речь идет о двух записях одним почерком, в верхней и нижней части титульного листа) — самая важная и информативная, которая и позволила осуществить всю предыдущую реконструкцию истории этой книги, сделана рукой польского коллекционера Юзефа Анджея Залуского (1702–1774), который и приобрел ее при неизвестных обстоятельствах для своей знаменитой библиотеки: «*Ex Henr. Valesy Regis Pol. et Galliae / Marci Ambrosii / Ex Bibl. Bellisdensis*

¹⁸ Pellisson Paul. Histoire de l'Académie françoise. Paris, 1729. P. 301–302.

¹⁹ Две из этих книг (принадлежавшие королеве) — печатные, и сведения о них были любезно предоставлены нашими коллегами из РНБ — С. В. Королевым и О. Э. Фроловой, сотрудниками отдела «Полиграфии», где и хранятся эти издания: 1) Piena, et larga paraphrase di M. Alessandro Piccolomini; nel secondo libro della Retorica d'Aristotele à Theodette. Venetia, 1569; 2) I tre libri della Retorica d'Aristotele à Theodette; tradotti in lingua volgare, da M. A. Piccolomini. Venetia, 1571. Третья книга с автографом Баллесдана — рукописная, и находится в Отделе рукописей. Речь идет о знаменитом «Бестиарии», кодексе XV в., созданном во Франции; см. описание и литературу: Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство / Сост. О. Н. Блескина. № 354. СПб., 2011. С. 145, 396.

²⁰ Delisle L. Le cabinet des manuscrits de la Bibliothèque impériale. T. I. Paris, 1868. P. 287, 452–453; T. II. Paris, 1868. P. 81.

²¹ Tabaraud M.M. Histoire de Pierre de Bérulle. Paris, 1817. P. 186, etc.

/ *ded. unum aureum in hoc libelli / Bibl. Patrum Oratorii D. Jesu / Parisis. 1756*» — «Из [книг] Генриха де Валуа, короля Польши и Галлии [Франции], [автора] Марк[уса] Амвросия / Из библиотеки Беллесдана / За эту книгу был отдан один золотой / Библиотека [конгрегации] Оратории Господа Иисуса / Париж, 1756 г.».

Итак, в 1756 г. книга попала в коллекцию братьев Залуских в Варшаву, одно из самых крупных и известных книжных и рукописных собраний тогдашней Европы, которое, в конце XVIII века, после раздела Польши, было перемещено, в качестве военного трофея, в Санкт-Петербург, став основой Императорской публичной библиотеки²². Юзеф Залуский, делая пометы на своих книгах, прекрасно разбирался в ценности приобретаемых печатных изданий и рукописных кодексов и, как правило, никогда не ошибался в определении их предыдущих владельцев. Однако «*Гербы Польского королевства*», не единственная из книг Генриха III, оказавшихся в РНБ в составе библиотеки братьев Залуских²³.

Владельческие записи Юзефа Залуского также имеются на титульном листе книги, изданной в Париже на итальянском языке в 1578 г. в типографии Дени Дюваля (Denys Du Val): Matteo Zampini «*De gli stati di Francia et della lor possanza*» — Mamteo Зампини «*О сословиях Франции и их могуществе*», и по форме похожи на вышеприведенные: «*Ex. Henr. III R. Galliae / v. Arma / la parisien*» — «Из [книг] Генриха III, короля Галлии [Франции] / Гербы / [приобретено] в Париже». Год приобретения не указан, поэтому можно только предположить, что это произошло в 1730–1750-х гг., времени библиофильской активности братьев. Иная запись на этом же титульном листе (неизвестной рукой XVIII в.) — «*Collegii Parisiens Societat Jesu*» — «Парижской коллегии [коллеж] общества Иисуса» — свидетельствует, что книга попала к Залуским через иезуитов, с которыми оба брата-епископа были тесно связаны и мечтали со временем передать свою библиотеку под защиту именно этого ордена²⁴. Однако судьба распорядилась иначе, и в 1794/95 г. это издание в числе прочих оказалось в Петербурге.

²² Королев С. В. Книги, принадлежавшие исследователям и знатокам античности, в библиотеке братьев Залуских // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 8. СПб., 2009. С. 499–514; Thompson P. Z. Biography of a Library: the Western European manuscript collection of Peter P. Dubrovskiy in Leningrad // The Journal of Library History. Vol. 19, № 4. Fall 1984. P. 477–503.

²³ Электронная копия этой книги доступна целиком, на основе переиздания XIX в.: <http://books.google.de/books?id=869AAAAAcAAJ&hl=de&pg=PT4#v=onepage&q&f=false> (дата обращения — 22 февраля 2015 г.).

²⁴ Королев С. В. Книги, принадлежавшие исследователям и знатокам античности, в библиотеке братьев Залуских. С. 499–500.

Автор книги — итальянский юрист (*dotto di leggi*) М. Зампини (1519–1600), видимо, прибыл во Францию в поисках покровительства королевской матери, своей соотечественницы Екатерины Медичи, которой и посвятил это свое сочинение, впрочем, не получившее большой известности и распространения²⁵. Спустя некоторое время оно, впрочем, появилось на французском языке, усилиями самого автора, идеи которого исследователи называют схожими с идеями знаменитого теоретика государства и права Жана Бодена²⁶. По сути М. Зампини, обосновывая идею целесообразности сильного государства, ставит ее в прямую зависимость от «могущества» всех сословий, объединяющихся в представительные органы власти, которые бы ограничивали королевскую власть. Неизвестно, как Генрих III и его мать отнеслись к этому сочинению, — по-видимому, автор лишился их покровительства, поскольку его последующие труды говорят о том, что он перешел на сторону Католической лиги²⁷.

Остается добавить, что переплет издания выполнен из свиной кожи, как и у предыдущей книги, однако содержит суперэкслибрис короля, выполненный в форме золотого тиснения, и представляющий собой изображение французского и польского гербов с цепью ордена Св. Михаила, а также инициалов короля с короной и геральдическими лилиями²⁸.

Возвращаясь к собранию Жана Беллесдана, напомним, что в РНБ есть и другие книги из его библиотеки, в том числе еще одна, принадлежавшая Генриху III. Так, автограф академика, представляющий собой дарственное посвящение его покровителю Сегье, также присутствует на обороте авантюла рукописи — поэмы на латинском языке — *“Asiados”* («*Азиада*») итальянского автора Барджео Пьетро Анджело (Pietro Angelo Bargeo, Pietro Angeli da Barga, Petrus Angelus Bargaeus)(1517–1596): *“Illustrissimo viro D. D. Petro Seguierio Franciae cancellario integerrimo hunc librum ineuntis Anni 1639 votivum Dono dedit. Addictissimus Joannes Balesdens”* — «*Знаменитейшему мужу господину Пьеру Сегье, честнейшему канцлеру Франции [дарю] эту книгу в начале 1639 года как обещанный и*

²⁵ Allen J. W. A history of political thought in the sixteenth century. London – New – York, 1967. P. 380–383.

²⁶ Allen J. W. A history of political thought in the sixteenth century. P. 380–381.

²⁷ Об этом свидетельствует его труд, изданный в Лионе в 1589 г. «О наследовании короны», где он обосновывает право кардинала де Бурбона занять трон после бездетного Генриха III // <https://books.google.ru/books?id=0BVnftYGyqC&pg=PP1&dq=matthieu+zampini&hl=ru&sa=X&ei=yzD4VLbdG8H5ygPV1IGADw&ved=0CCIQ6AEwAQ#v=onepage&q=matt%20zampini&f=false> (дата обращения — 5 марта 2015 г.).

²⁸ Книга находится в Отделе редкой книги, шифр: Непг III / Z-22. Искренне благодарю Н. А. Елагину за помощь в ознакомлении с этим экземпляром.

освященный подарок»²⁹. Библиотека Сегье в середине XVIII столетия была передана наследниками в Сен-Жерменское аббатство, где рассматриваемая книга и находилась, о чем свидетельствуют характерные номера каталога — «№ 1177.2». Позже, во время Французской революции, она оказалась составе коллекции П. П. Дубровского (1754–1816), дипломатического агента во Франции, секретаря и переводчика русского посольства, который и вывез рукопись наряду с прочими редчайшими раритетами во время эвакуации миссии из Парижа в июне 1792 г. Таким образом, с 1800 г. — времени возвращения П. П. Дубровского в Санкт-Петербург, «Азиада» хранится в Отделе рукописей³⁰.

Сама рукопись, выполненная на пергамене, подробно описана в каталоге, составленном Е. В. Бернадской, которая предположила, что, скорее всего она была создана во Франции в 1570–1580-е гг. Поэтическое произведение принадлежит перу известного в то время итальянского поэта-гуманиста, оратора и эрудита, какое-то время получавшего пенсию от Генриха III; позднее оно было издано в Париже и Риме в 1584–1585 гг. под названием «*Syriados*»³¹. Это — эпическая поэма о первом крестовом походе. Петербургский экземпляр содержит посвящение Генриху III, а сам текст поэмы несколько отличен от печатного. Предваряет поэму миниатюра исключительной красоты, символизирующая величие французской короны³². Переплет, современный рукописи, очевидно, был сделан по королевскому заказу, и напоминает по качеству переплеты «*Гербов Польского королевства*» и «*О сословиях Франции и их могуществе*»: он выполнен также из свиной кожи. Золотое тиснение представляет собой изображение королевских лилий и орнамента в восточном стиле.

История еще одной рукописной пергаменной книги Генриха III из Отдела рукописей РНБ вновь связана с Польшей, однако к библиотеке Залуских отношения не имеет, поскольку была приобретена П. П. Дубров-

²⁹ Как уже упоминалось выше, Баллесдан время от времени дарил свои книги Сегье, и в этих экземплярах везде оставял подобные дарственные записи: *Delisle L. Le cabinet des manuscrits de la Bibliothèque impériale*. Т. II. P. 81. Note 10.

³⁰ О П. П. Дубровском и его коллекции рукописей: *Воронова Т. П.* П. П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М., 1973. С. 101–114.

³¹ О самом авторе и его связях с Францией известно не так много; одна из итальянских энциклопедий — *Dizionario Biografico degli Italiani* (1961 г.) — содержит самые полные библиографические данные: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_\(Dizionario_Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_(Dizionario_Biografico)) (дата обращения — 1 марта 2015 г.).

³² *Бернадская Е. В.* Итальянские гуманистические рукописи в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) // Средние века. Вып. 48. М., 1985. С. 291–292. № 32; Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство / Сост. О. Н. Блескина. № 531. С. 209. Шифр рукописи: Lat.Q.v.XIV. № 3.

ским в Париже. Речь идет об «*Armeniorum fidei confession, Serenissimo ac potentissimo principi et domino Henrico Dei gratia regi Poloniae*» — «Исповедание веры армянского народа, Светлейшему и могущественнейшему государю и господину Генриху милостью Божьей королю Польши»³³. Подробное описание этого манускрипта было сделано в 1920-е гг. О. А. Добиаш-Рождественской, одной из выдающихся петербургских медиевистов и палеографов, но до настоящего времени, наряду с ее иными ценными описаниями рукописей, пока не опубликовано³⁴. В конце текста посвящения королю, предваряющего основное содержание, присутствует дата: «...*Leopoli edibus [sic! = diebus] februarii Anno Salutis [=Anno Domini] nostrae MDLXXIII*» — «В дни февраль года Спасения нашего 1574, во Львове»³⁵.

Итак, книга была написана во Львове, одном из крупнейших городов Польши XVI в. представителями армянской общины, которая там проживала уже несколько веков и со временем стала весьма многочисленной, сыграв важную роль в истории страны³⁶. Предваряет ее миниатюра с изображением польского герба со щитом с тремя геральдическими лилиями, символизируя объединение польского и французского государственного начала. Текст представляет собой 160 фраз, каждая из которых написана параллельно на армянском, греческом и латинском языках, содержащих основные положения вероисповедания армянской церкви³⁷. Что хотели сказать этим подарком армяне, преподнося рукопись с духовными постулатами новому королю (видимо, в Кракове)? Надо полагать, они преследовали несколько целей. Зная Генриха де Валуа как рьяного католика, одного из активных участников Варфоломеевской ночи, пытались заверить в своей лояльности, демонстрируя, что церковные доктрины армянской церкви очень близки католическим. Известно также, что уже многие годы

³³ Шифры: Отдел рукописей. Разн. Q.v.I. № 1.

³⁴ На сегодняшний день изданы только описания отдельных латинских рукописей РНБ, составленных О. А. Добиаш-Рождественской (ссылки на эти издания см. в кн.: Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство / Сост. О. Н. Блескина. С. 365–367). Карточный каталог с описаниями иных пергаменных рукописей РНБ, которые сделала О. А. Добиаш-Рождественская, существует только в рукописном виде: Разн. F. XVIII. № 196. Описание рукописи, о которой идет речь, значится под № 87.

³⁵ Благодарю Глеба Шмидта, аспиранта Санкт-Петербургского института истории РАН за ценные консультации при работе с латинскими текстовыми фрагментами.

³⁶ Весьма интересные исследования по истории армянской общины во Львове, наш взгляд, принадлежат украинскому историку М. Н. Капралю, см. в частности: Правовое устройство армянской общины Львова в XIV–XVIII вв. Обзор документов // <http://www.qurpchaq.unesco.kz/Docs/AQ-Code-Law/Qurpchaq-Laws-741-754.pdf> (дата обращения 3 марта 2015 г.).

³⁷ Например, л. 2v: “Consitemur Sanctissimam Trinitatem Patrem Filium et Spiritum Sanctum”, и т. д.

армянская община пыталась добиться равного положения с коренным польским населением, которое бы гарантировало торговые и ремесленные вольности, и значительную внутриобщинную юрисдикцию. Видимо, монарх-француз в их представлении весьма подходил для реализации этих целей. Однако только при следующем короле, Стефане Батории, армяне Польши были уравнены в правах с поляками — Генрих де Валуа просто не успел это сделать, спешно покинув страну уже в июне 1574 г. ради французской короны³⁸. Французы, оставшиеся в Польше, позже переправили личное имущество короля во Францию, и надо полагать, захватив с собой в числе прочего книги, включая «*Armeniorum fidei confession*».

Дальнейшая судьба книги неизвестна. В XVII в. она обрела свой нынешний переплет из розового бархата, находясь в чьем-то собрании, а в следующем столетии ее приобрел П. П. Дубровский, который и привез манускрипт в Россию. Сначала рукопись находилась в Эрмитажной библиотеке, о чем свидетельствует соответствующая наклейка, а позже нашла свое место в РНБ.

Таким образом, удалось выявить, что четыре книги из библиотеки последнего Валуа — Генриха III — находятся в Российской национальной библиотеке, из которых две являются печатными, а две — рукописными. Обращает на себя внимание, что среди авторов нет ни одного француза, зато есть два итальянца, что, конечно, говорит об итальянском культурном влиянии при французском дворе, характерном именно в XVI в. Вместе с тем жанровое разнообразие книг — Гербовник, политический трактат, поэма и исповедание веры (геральдика, политика, поэзия и богословие) — отражает типичный для ренессансных библиотек универсализм, стремление охватить все стороны человеческого знания, свидетельствуя вместе с тем о гуманистическом образовании и высоком уровне культуры последнего ренессансного монарха Франции и его семьи.

Данные о статье:

Автор: Шишкин Владимир Владимирович, к. и. н., доцент кафедры истории Средних веков СПбГУ, v.v.shishkin@spbu.ru

Заголовок: Книги Генриха III Валуа в Российской национальной библиотеке.

Резюме: Настоящая статья посвящена изучению истории четырех книг из библиотеки французского короля Генриха III Валуа (1574–1589), которые оказались в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (РНБ) и ныне рассредоточены по трем отделам. Речь идет о двух печатных изданиях и двух рукописных кодексах различных жанров: «Гербах Польского королевства» Марка Амвросия, «О сословиях Франции и их могуществе» Маттео Зампини, «Азиаде» Барджео Пьетро Анджело и «Исповедании веры

³⁸ Капраль М. Н. Правовое устройство армянской общины Львова в XIV–XVIII вв. Обзор документов. С. 747–748.

армянского народа», составленном армянской общиной г. Львова. В ходе работы удалось подтвердить принадлежность всех книг королевской библиотеке и проследить их путь из Лувра в РНБ: в разное время они входили в состав библиотек академика Жана Баллесдана, канцлера Пьера Сегье, парижского Сен-Жерменского аббатства, коллежей ораторианцев и иезуитов в Париже, польских епископов-братьев Залуских, дипломата русского посольства во Франции П. П. Дубровского. Окончательно, уже в XIX столетии они обрели свое место в Императорской публичной, ныне Российской национальной библиотеке.

Ключевые слова: Генрих III, книжные переплеты, история книги, ренессанс, гуманизм.

Information about the article:

Author: Shishkin Vladimir Vladimirovich, PhD (in History), Assistant Professor of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, v.v.shishkin@spbu.ru

Title: Books of Henry III of France in Russian National Library.

Summary: The present paper deals with the study of history of four books from the library of French king Henry III of France (1574–1589), which appeared in Russian National Library (Saint-Petersburg) and now they are distributed among three Library's departments. We mean two printed editions and two manuscript books of different content: "The Emblems of Polish kingdom" by Marcus Ambrosius, "On the Estates of France and their Power" by Matteo Zampini, "Aziade" by Bardgio Pietro Angelo and "Confession of Faith of Armenian People", composed by Armenian community of city of Lviv. During this study the author could prove that all these books belonged to Royal library and came to Russian National Library from Louvre Museum: in different times they were as parts of libraries of several prominent men and institutions, that are academician Jean Balesdan, chancellor Pierre Séguier, Abbey of Saint-Germain in Paris, collèges of Oratorians and Jesuits in Paris, Polish brothers-bishops Zaluski, diplomat of Russian embassy in France P. P. Dubrovskiy. Finally, already in 19th c., they found their place in Imperial Public (now — Russian National) Library.

Key words: Henry III of France, book bindings, history of book, Renaissance, Humanism.

Литература, использованная в статье:

Бернадская, Елена Викторовна. Итальянские гуманистические рукописи в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) // Средние века. Вып. 48. М., 1985. С. 185–214.

Воронова, Тамара Павловна. П. П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги. Архивы. Автографы. М.: Книга, 1973. С. 104–114.

Долгоорова, Татьяна Алексеевна. Стили и школы западноевропейского (отчасти и восточного) переплета из собрания Карла Бехера. М.: Пашков дом, 2007. 400 с.

Капраль, Мирон Н. Правовое устройство армянской общины Львова в XIV–XVIII вв. Обзор документов URL: <http://www.qurchaq.unesco.kz/Docs/AQ-Code-Law/Qurchaq-Laws-741-754.pdf> (дата обращения — 3 марта 2015 г.).

Каталог собрания латинских рукописей: право, философия, наука, литература и искусство / Сост. Ольга Н. Блескина. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2011. 480 с.

Королев, Сергей Викторович. Книги, принадлежавшие исследователям и знатокам античности, в библиотеке братьев Залуских // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 499–514.

Малинин, Юрий Павлович. Прощание с Польшей (политико-поэтический эпизод из истории франко-польских отношений XVI в.) // Проблемы социальной истории и культуры

Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 67–74.

Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Пер. и сост. В. В. Шишкина при участии Л. Ангара и Э. Вьенно. СПб.: Евразия, 2010. 352 с.

Прокопьев, Андрей Юрьевич. Немецкое дворянство и французские религиозные войны // Религиозные войны во Франции во Франции XVI в.: новые источники, новые исследования, новая периодизация / Под ред. Ю. Досси, В. В. Шишкина. СПб.: Евразия, 2015. С. 185–206.

Шаланда, Алексей. Зямельныя гербы Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў XIV–XVIII ст. // Герольд Litherland. № 2. Горадня, 2001. С. 52–67.

Шишкин, Владимир Владимирович. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII вв. СПб.: Евразия, 2004. 288 с.

Шпрандель, Рольф. Мои опыты в области истории ментальностей // История ментальностей. Историческая антропология. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 49–53.

Ямпольский Михаил. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 807 с.

Allen, John William. A history of political thought in the sixteenth century. London–New-York: Methuen, 1967. 527 p.

Arma Regni Poloniae. / Ed. Marcus Ambrosius. Paris, 1572. 159 f.

Babeau, Albert. Le Louvre et son histoire. Paris: Didot, 1895. 349 p.

Baudouin-Matuszek, Marie-Noëlle. La bibliothèque de Marguerite de Valois // Henri III mécène: des arts, des sciences et des lettres / Éd. sous la direction de Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. P. 272–292.

Corpus Paracelsicum: Der Frühparacelsismus / Eds. Wilhelm Kühlmann, Joachim Telle. Zweiter Teil. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 1090 S.

Cubrzyńska-Leonarczyk, Maria. Polskie superekslibrisy XVI–XVIII wieku. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2001. 270 S.

Delisle, Léopold. Le cabinet des manuscrits de la Bibliothèque impériale. T. I–II. Paris: Imprimerie Imperiale, 1868. 1079 p.

Dizionario Biografico degli Italiani. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_\(Dizionario_Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_(Dizionario_Biografico)) (дата обращения — 1 марта 2015 г.).

Graesse, Johann Georg Theodor. Trésor des livres rares et précieux. Livre I. Dresde: P. Kuntze, 1858. 588 p.

Guigard, Johannes. Nouvel Armorial du bibliophile. T. I. Paris: É. Rondeau, 1890. 390 p.

I tre libri della Retorica d'Aristotele à Theodette. Tradotti in lingua volgare da Alessandro Piccolomini. Venetia: Appresso Francesco de' Franceschi Sanese, 1571. 292 p.

Le Bars, Fabienne. Les reliures de Henri III : essai de typologie // Henri III mécène: des arts, des sciences et des lettres / Éd. sous la direction de Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. P. 229–230.

Le Roux, Nicolas. 1er août 1589. Un régicide au nom de Dieu. L'assassinat d'Henri III. Paris: Gallimard, 2006. 451 p.

Pellisson, Paul. Histoire de l'Académie française. Paris: Chez Jean-Baptiste Coignard Fils, 1729. 363 p.

Pettegree, Andrew, Walsby, Malcolm. French Books III & IV: Books published in France before 1601 in Latin and Languages other than French. Leiden: Brill, 2011. 1008 p.

Piena, et larga paraphrase di M. Alessandro Piccolomini nel secondo libro della Retorica d'Aristotele à Theodette. Venetia: Appresso gli heredi di Giouanni Varisco, 1592. 503 p.

Tabaraud, Mathieu Mathurin. Histoire de Pierre de Bérulle. Paris: A. Égron, 1817. 467 p.

Thompson P.Z. Biography of a Library: the Western European manuscript collection of Peter P. Dubrovskiy in Leningrad // *The Journal of Library History*. 1984. Vol. 19. N. 4. P. 477–503.

Wdowiszewski, Zygmunt. Marek Ambroży z Nissy I jego “Arma Regni Poloniae” z 1562 r. Warszawa: Polskie Towarzystwo Heraldyczne, 1934. 16 S.

Zampini, Matteo. De gli stati di Francia et della lor possanza. Parigi: Dionisio Duvallo, 1578. 234 p.

References:

Allen John William. *A history of political thought in the sixteenth century*. London–New-York: Methuen, 1967. 527 p.

Babeau Albert. *Le Louvre et son histoire*. Paris: Didot, 1895. 349 p.

Baudouin-Matuszek Marie-Noëlle. La bibliothèque de Marguerite de Valois, in Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier (eds.). *Henri III mécène: des arts, des sciences et des lettres*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. Pp. 272–292.

Bernadskaya Elena Vitorovna. Ital'yanskiye gumanisticheskie rukopisi v sobranii Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki im. M. E. Saltykova-Shchedrina (Leningrad) [Italian Humanist manuscripts in the funds of State Public M. E. Saltykov-Shchedrin library], in *Srednie veka*. 1985. Vol. 48. Pp. 185–214. (in Russian)

Bleskina, Ol'ga N. (ed.). *Katalog sobraniya latinskikh rukopisey: pravo, filosofiya, nauka, literatura i iskusstvo [Catalog of Collection of Latin Manuscripts: Law, Philosophy, Science, Literature and Arts]*. SPb.: Russian National Library Publ., 2011. 480 p. (in Russian)

Cubrzyńska-Leonarczyk Maria. *Polskie supereklibrisy XVI–XVIII wieku*. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2001. 270 p.

Delisle Léopold. Le cabinet des manuscrits de la Bibliothèque impériale. T. I–II. Paris: Imprimerie Imperiale, 1868. 1079 p.

Dizionario Biografico degli Italiani. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_\(Dizionario_Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/pietro-angeli_(Dizionario_Biografico)) (date of application — 01.03.2015).

Dolgodrova Tatyana Alekseevna. *Stili i shkoly zapadnoevropeyskogo (otchasti i vostochnogo) perepleta iz sobraniya Karla Bekhera [Styles and schools of West European (partly also Oriental) book binding from the collection of Karl Becher]*. M.: Pashkov dom Publ., 2007. 400 p. (in Russian)

Graesse Johann Georg Theodor. *Trésor des livres rares et précieux*. Livre I. Dresde: P. Kuntze, 1858. 588 p.

Guigard Johannes. *Nouvel Armorial du bibliophile*. T. I. Paris: É. Rondeau, 1890. 390 p.

I tre libri della Retorica d'Aristotele à Theodette. Tradotti in lingua volgare da Alessandro Piccolomini. Venetia: Appresso Francesco de' Franceschi Sanese, 1571. 292 p.

Kapral' Miron N. Pravovoe ustroystvo armyanskoy obshchiny L'vova v XIV–XVIII vv. Obzor dokumentov [A Legal Structure of Armenian Community of Lviv-city in XIV–XVIII c.] URL: <http://www.qypchaq.unesco.kz/Docs/AQ-Code-Law/Qypchaq-Laws-741-754.pdf> (date of application — 03.03.2015). (in Russian)

Korolev Sergey Viktorovich. Knigi, prinadlezhavshie issledovatelyam i znatokam antichnosti, v biblioteke brat'ev Zaluskikh [Books, which belonged to scholars and experts in Antiquity, in the library of Zaluski-brothers], in Frolov, Eduard Davidovich (ed.). *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. Vol. 8. SPb: SPb Publ., 2009. Pp. 499–514.

Kühlmann, Wilhelm, Telle, Joachim (eds.). *Corpus Paracelsisticum: Der Frühparacelsismus*. Zweiter Teil. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. 1090 p.

Le Bars Fabienne. Les reliures de Henri III : essai de typologie, in Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier (eds.). *Henri III mécène: des arts, des sciences et des let-*

ters Isabelle de Conihout, Jean-François Maillard et Guy Poirier. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. Pp. 229–230.

Le Roux Nicolas. *1er août 1589. Un régicide au nom de Dieu. L'assassinat d'Henri III*. Paris: Gallimard, 2006. 451 p.

Malinin Yuriy Pavlovich. Proshchanie s Pol'shey (politiko-poeticheskiy epizod iz istorii frantsuzsko-pol'skikh otnosheniy XVI v.) [Farewell with Poland (olitical-poetical nstance from the history of French-Poland relations in 16th c.)], in Lebedeva, Galina Evgen'evna (ed.). *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni*. Vol. 5. SPb: SPbGU Publ., 2005. Pp. 67–74. (in Russian)

Marcus Ambrosius (ed.). *Arma Regni Poloniae*. Paris, 1572. 159 f.

Pellisson Paul. *Histoire de l'Académie française*. Paris: Chez Jean-Baptiste Coignard Fils, 1729. 363 p.

Pettegree Andrew, Walsby Malcolm. *French Books III & IV: Books published in France before 1601 in Latin and Languages other than French*. Leiden: Brill, 2011. 1008 p.

Piena, et larga paraphrase di M. Alessandro Piccolomini nel secondo libro della Retorica d'Aristotele à Theodette. Venetia: Appresso gli heredi di Giouanni Varisco, 1592. 503 p.

Prokopiev Andrey. Nemetskoe dvoryanstvo i frantsuzskie religioznye voyny [German nobility and French Religious Wars], in Shishkin, Vladimir Vladimirovich, Dossi, Yug (eds.). *Religioznye voyny vo Frantsii XVI v.: novye istochniki, novye issledovaniya, novaya periodizatsiya*. SPb.: Yevraziya Publ., 2015. Pp. 185–206. (in Russian)

Shalanda Aleksey. Zemel'nye gerby Velikogo knyastva Litoyskogo, Ruskaga i Zhamoyskaga v XIV–XVIII vv. [The Land Emblems of Great Duky of Lithuania, Russian and Zhamoyski County], in *Gerol'd Litherland*. 2001. N. 2. Pp. 52–67. (in Ukrainian)

Shishkin Vladimir Vladimirovich. *Korolevskiy dvor i politicheskaya bor'ba vo Frantsii v XVI–XVII vv. [Royal Court and Political Struggle in France of 16-17th centuries]*. SPb.: Евразия, 2004. 288 p. (in Russian)

Shishkin, Vladimir Vladimirovich (ed. and tr.). *Margarita de Valua. Memuary. Izbrannyye pis'ma. Dokumenty [Margaret of Valois. Memoirs. Selected letters. Documents]*. SPb.: Yevraziya Publ., 2010. 352 p. (in Russian)

Shprandel' Rol'f. Moi opyty v oblasti istorii mental'nostey [My experiences in the history of mentalities], in *Istoriya mental'nostey. Istoricheskaya antropologiya*. M.: RGGU Publ., 1996. Pp. 49–53. (in Russian)

Tabaraud Mathieu Mathurin. *Histoire de Pierre de Bérulle*. Paris: A. Égron, 1817. 467 p.

Thompson P. Z. Biography of a Library: the Western European manuscript collection of Peter P. Dubrovskiy in Leningrad, in *The Journal of Library History*. 1984. Vol. 19. Pp. 477–503.

Voronova Tamara Pavlovna. P.P. Dubrovskiy i Sen-Zhermenskie rukopisi [P.P. Dubrovskiy and Saint-Germain Abbey's manuscripts], in *Knigi. Arkhivy. Avtografy*. M.: Kniga Publ, 1973. Pp. 104–114. (in Russian)

Wdowiszewski Zygmunt. Marek Ambroży z Nissy I jego “Arma Regni Poloniae” z 1562 r. Warszawa: Polskie Towarzystwo Heraldyczne, 1934. 16 p.

Yampol'skiy Mikhail. *Fiziologiya simvolicheskogo. Kn. 1. Vozvrashchenie Leviafana: politicheskaya teologiya, reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima [A Physiology of Symbolical. Book 1. The Return of Leviathan: political theology, representation of power and the end of Old Regime]*. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2004. 807 p. (in Russian)

Zampini Matteo. *De gli stati di Francia et della lor possanza*. Parigi: Dionisio Duvallo, 1578. 234 p.

ББК: Ч 611.63 (4 Фр.); УДК 655

С. В. Королев

КНИГИ — УЧЕНИЧЕСКИЕ НАГРАДЫ XVII в.:
УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ФРАНЦИИ
(к постановке вопроса)

Традиция награждения лучших учеников учебных заведений книгами появилась, вероятно, еще до изобретения книгопечатания. Однако закрепилась эта традиция позже, когда стоимость таких наград позволила сделать награждения массовыми. К сожалению, немногочисленность сохранившихся «наградных» экземпляров не позволяет охарактеризовать репертуар изданий, предназначенных для поощрения учащихся. Как правило, в большинстве светских учебных заведений Франции XVII в. предпочтение отдавалось античным авторам, в духовных (прежде всего — иезуитских) — богословской литературе¹. Каждая награда снабжалась особым наградным листом, в котором указывались, помимо персональных данных, категория ученического состязания (как правило, участники соревновались в сочинении латинских речей либо в переводах с греческого на латынь, реже — с французского на латынь), время и место вручения книжного приза. В крупных учебных заведениях наградные листы готовились заранее — в печатной форме — и экзаменатор заполнял от руки только пустые строчки. В большинстве случаев экзаменатором был один из руководителей учебного заведения; последний же и заверял своей подписью наградной лист. Наградной экземпляр книги брали, судя по всему, из библиотеки данного коллежа и переплетали в дорогой переплет с позолоченными декоративными украшениями. По крайней мере, экземпляры книг с наградными листами, выявленные в фондах Российской национальной библиотеки, предоставляют именно такие сведения. Немногочисленность находок позволяет делать лишь предварительные

¹ Очевидно, отдельного реестра «призовых» авторов не существовало; перечни античных авторов, рекомендованных для изучения в стенах Парижского университета см., напр.: в: [Beaune R. de.] *Réformation de l'Université de Paris*. Paris, 1667. P. 25.

выводы, которые, тем не менее, представляют определенный интерес как для истории бытования научной книги при Старом порядке, так и для изучения особенностей образовательного процесса в Парижском университете XVII в.

Для наглядности уместно привести полный текст печатного бланка одного из наградных экземпляров, описанного ниже (персональные сведения, исполненные от руки, даны курсивом):

“Ego infra scriptus Sacrae Theologiae/ in Facultate Parisiensi Doctor, &/ Grammaticorum in Regiâ Navarrâ/ Primarius Magister testatum facio in-
 genium & studiosum ___ adolescentem/ Joannem Stephanum Volland ___/ hoc
 primum strictae orationis praemium/ in secunda ___ Scholae ejusdem/ Regiae
 Navarrae retulisse, ac in ludis publicis frequentissimóque omnium ur-/
 bis ordinum conventu praeconis voce vi-/
 ctorem fuisse pronuntiatum die nona/
 Augusti mensis _____./

An. R.S.H. *millesimo sexantissimo sexagesimo / nono*”.

[Signé:]

“Tavernier” “Hose La Mare”.

[Перевод:]

«Нижеподписанным я, Священной Теологии в Парижском факультете доктор и грамматики и Наваррской регии первый магистр, свидетельствую, что благородный и усердный юноша Иоанн Стефан Воллан эту первую премию в строгой речи во второй ступени той же регии Наваррской получил и на публичных играх и при многочисленном стечении всех сословий города голосом глашатая был объявлен победителем в 9-й день августа месяца 1669 года.»

{подписи}

(Скорее всего, административный персонал коллежей вел регулярный учет выдачи «призовых» экземпляров. По крайней мере, во второй половине столетия существовали особые книги, в которых фиксировались подробности различных конкурсных состязаний в стенах коллежей². К сожалению, пока эти источники не введены в научный оборот.)

Ниже описаны экземпляры, полученные учениками-победителями школьных (студенческих) состязаний различных учебных заведений Франции в XVII в., в основном — системы Парижского университета. Следует отметить, что речь идет как о слушателях подготовительных отделений (пансионеров) при коллежах университета, которые посещали

² Напр.: ‘Liber praemiorum collegii Sorbonae Plessaei, ab anno 1685 ad annum 1718’ // *Monteil A.-A. Histoire des français des divers états. XVIIe siècle*. Bruxelles, 1843. T. 1. P. 25. (Здесь документ использован для исследования репертуара спектаклей, представленных школярами в рамках конкурсных состязаний.)

классы (*ordine*), так и о собственно студентах, которые осваивали *ступени* (*sholae*). В них учащиеся были приписаны к различным *коллегиям* или *коллежам* (*collegium*); последние возникли в раннем Средневековье как общежития студентов и впоследствии получили статус самоуправляемых филиалов университета. Судя по формулярам наградных листов, конкурсные состязания учащихся проходили именно на общих собраниях коллегий, но не в рамках факультетов университета. Необходимо уточнить, что отдельные коллежи имели большую самостоятельность и, соответственно, имели все основания варьировать формы ученических состязаний и награды для победителей последних³.

Выявленные в фондах РНБ книги-ученические награды описаны в следующем порядке:

- дата вручения награды и оригинальное название учебного заведения;
- персональные сведения об ученике-лауреате и его статус в коллеже;
- оригинальная категория учебного состязания; рукописные вставки в печатную форму наградного листа даны курсивом;
- фамилия и должность экзаменатора, подписавшего наградной лист⁴;
- описание наградного экземпляра и особенностей его переплета (дано после астериска);
- происхождение экземпляра — при возможности это установить ('Пр.')
- шифр хранения РНБ.

Издания расположены согласно дате выдачи наградного листа.

8 августа 1604 г.

Королевский Наваррский коллеж (*Regiae Navarrae*), основанный в 1305 г. королевой Жанной Наваррской; считался одним из наиболее

³ Современные исследователи полагают, что издревле в большинстве коллежей университета обычные, неформальные правила превалировали над уставными, формальными, см., напр.: *Уваров П. Ю.* Парижский университет и местные интересы (конец XIV – первая половина XV в.) // Средние века. М., 1991. Вып. 54. С. 62 и след.

⁴ Сведения о преподавательском составе (если это не оговаривается особо) извлечены из следующих изданий: *Vallet de Viriville.* Histoire de l'instruction publique en Europe et principalement en France. Paris, 1849; *Jourdain Ch.* Histoire de l'Université de Paris au XVIIe et au XVIIIe s. Paris, 1862; *Fouquieray H.* Histoire de la Compagnie de Jésus en France. Т. 1–2. Paris, 1910; *Irsay S. d'.* Histoire des universités françaises et étrangères. Т. 1–2. Paris, 1935.

⁵ Необходимо уточнить, что большая часть экземпляров, описанных в настоящей статье, поступила в РНБ (точнее в Императорскую Публичную библиотеку) в составе выдающегося книжного собрания польских эрудитов и библиофилов братьев Анджея-Станислава (1695–1758) и Юзефа-Анджея (1702–1774) Залуских; по существу, именно эта коллекция явилась ядром западноевропейских фондов РНБ.

престижных в составе Парижского университета: бursы (студенческие места на казенном довольствии) в нем распределялись лично королевским духовником⁶.

Габриэль Савуа (*Savoie*).

Статус: 2-я ступень ('*scholae*').

"*secundum strictae latinae orationis praemium*" (печатная форма).

Подписано: Жан Гиньяр (*Guignard*) принципал коллежа; в литературе встречается упоминание иезуита Жана Гиньяра, занимавшего различные посты в системе университета, в частности — пост регента и библиотекаря в коллеже Людовика Великого, однако он был казнен в 1595 г.⁷

**Vergilius Maro, Publius.*

P. Virgilii Maronis Opera, quae quidem extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica, & Aeneida Commentarijs Tib. Donati & seruij Honorati, summa cura ac fide à Georgio Fabricio Chemnicense emendatis. Adjecto etiam ab eodem rerum & verborum locuplete in ijsdem memorabilium indice. Quibus accesserunt etiam Probi Grammatici, Pomponii Sabini, Phil. Beroaldi, Ioan. Hartungi, Iod. Willichii, Georg. Fabricii, Bonfinis, & aliorum annotationes. Basileae: Per Henricum Petri, [1561]. 2°. [xiii] ff., col. 1–2174; index.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. На крышках переплета — позолоченное тиснение герба короля Генриха IV.

РНБ: 7.5.1.69.

не ранее 1610 г.

Коллеж д'Аркур, (*Collegium Harcourianum*).

{Рукописная форма; текст позднее затушеван.}

**Valeriano Bolzani, Giovanni Pierio.*

Ioannis Pierii Valeriani Bellunensis, Hieroglyphica seu de Sacris Aegyptorum aliarumque gentis commentarii: Summa cum industria exarati, & in libros quinquaginta octo redacti; quibus etiam duo alii eruditissimo viro sunt annexi. Nunc primùm verò his sexaginta libris auctarii loco subijuncta sunt hieroglyphicorum collectanea, ex veteribus & neotericis auctoribus descripta, atque in sex libros digesta. <...> Lugduni [Lion]: Sumptibus Pauli Frelon, 1610. 2°. [xlv], 644, [44], 100, 212, [7] p.

Переплет телячьей кожи; корешок украшен позолоченным тиснением королевских лилий. Крышки снабжены тиснением позолоченной монограммы коллегии: "CH" под королевской короной.

⁶ *Crevier J.-B.-L.* Histoire de l'Université de Paris. Paris, 1761. Т. 3. P. 345.

⁷ *Larousse Pierre.* Le Grand Dictionnaire universel. Paris, [s.a.] Т. 8. P. 1617.

Коллеж считался одним из старейших в Парижском университете: он был основан в 1311 г. Подобное оформление переплета характерно для книг, предназначенных для студенческих наград⁸.

Пр.: архимандрит Иннокентий (Дубравицкий; ок. 1760–1800), ректор Александро-Невской главной семинарии в Санкт-Петербурге (автограф на форзаце).

РНБ: А-6/17.

не позднее 1638 г.

Коллеж Сорбонна-Плесси (Collegiae Sorbonna Plessae), основанный в 1323 г. известным правоведом Жоффруа Дю Плесси, секретарем короля Филиппа IV; большинство бурс этой коллегии принадлежали студентам факультета права. В 1646 г. этот коллеж был объединен с Коллежем Сорбонны⁹.

Форма наградного листа утрачена, однако запись на титульном листе (“*Ex Bibliotheca Claudii Berthelotii, 1638*”) позволяет предположить, что книга попала к лауреату никак не позже означенной даты.

*Horace (Quintus Horatius Flaccus).

Q. Horatius Flaccus, cum erudito Laevini Torrentinii Comentario, nunc primum in lucem editio. Item Petri Nannii Alcmiani in Artem Poëticam. Antverpiae: Ex Officina Plantiniana, Apud Ioannem Moretum, 1608. 4°. [xx], 839, [47] p.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Крышки и корешок снабжены позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента и королевских лилий. В центре крышек — тиснение суперэклибриса коллегии — монограммы “PS”.

Пр.: собрание братьев Залуских.

РНБ: 7.68.2.11.

5 августа 1638 г.

Иезуитский коллеж Св. Марии в Бурже (Collège Sainte-Marie, Collegium Bituricense Societati Jesu), основанный в 1573 г.; позже был инкорпорирован в состав местного университета¹⁰.

Жозеф де Сен-Желе, барон де Лузиньян (Saint-Gelais de Lusignan) представитель знатной семьи из Пуатье¹¹.

⁸ Franklin A. Les Ancienes bibliothèques de Paris. T. 1. P. 370.

⁹ Crevier J.-B.-L. Histoire de l'Université de Paris. 1761. T. 2. P. 275.

¹⁰ Fouqueray H. Histoire la Compagnie de Jésus en France. Paris, 1910. T. I. P. 594.

¹¹ [Aubert de La Chenay Des Bois Fr.-A.] Dictionnaire de la noblesse. 2-е éd. Paris, 1778. T. XII. P. 445–447.

Статус: 5-й класс (‘rhetorica’).

“*in secundum carminis latini praemiae*” (рукописная форма; печать коллегии на кустодии).

Подписано: Жан Александер (Alexander) (студенческий префект).

*Turnèbe, Adrien.

Adriani Turnebi Adversariorum libri XX, in quibus variorum auctorum loca intricata explicantur, obscura dilucibantur, & vitiosa restituuntur. Opus perquamutile ac necessarium ad infinitos pene nodos in humanioribus literis soluendos. Additi indices tres copiosissimi, unus rerum & verborum Latinorum, alter Graecorum, tertius auctorum qui corriguntur aut explicantur. Aureliopoli [Orléans]: Excudebat Petrus Quercetanus, 1604. 4°. [viii], 694, [75] p.

Переплет телячьей кожи, корешок и крышки украшены позолоченным тиснением в виде геометрического орнамента. На крышках — гербовый суперэклибрис XVII в. неустановленного владельца, кавалера ордена Св. Михаила.

Пр.: собрание братьев Залуских.

РНБ: 7.10.12.2.

3 августа 1639 г.

Иезуитский коллеж в Руане (Collegium Rothomagensis Societati Jesu), основанный в 1592 г.¹²

Тома Корнель (Corneille, 1625–1709), впоследствии знаменитый французский комедиограф.

Статус: 3-я ступень (‘scholae’).

“*secundus solutae orationis Graecae praemium*” (рукописная форма; печать коллегии на кустодии). Награда выдана от имени Жака Тюрго (Turgot, †1659), советника и президента Руанского парламента в середине XVII в.¹³

Подписано: Жак Лемерье (Lemerier) (студенческий префект).

*Théophraste.

ΘΕΟΦΡΑΣΤΟΥ ἡξιμοὶ χαρακτήρες Theoprasti Notationes morum. Isaaci Casaubonis recensuit, in Latinum sermonem vertit, & Libro commentario illustravit. Editio ultima recognita. Cum indice necessario. Lugduni: Apud viduam Ant. de Harsy, 1617. 8°. [xvi], 367, [15] p.

¹² Farin Fr. Histoire de la ville de Rouen. 3-me éd. Rouen, 1731. Pt. VI. P. 297.

¹³ [Aubert de La Chenay Des Bois Fr.-A.] Dictionnaire de la noblesse. 2-е éd. Paris, 1778. T. 12. P. 698.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Крышки снабжены позолоченным суперэкслибрисом Тюрго.

Пр.: собрание братьев Залуских.

РНБ: 7.23.6.29.¹⁴

1641 г.

Коллеж Грассен (Grassin), основанный в 1569 г. в честь Пьера Грассена, советника Парижского парламента¹⁵.

Франсуа Дуже (Doujat), возможно, впоследствии автор религиозно-философских сочинений¹⁶.

Статус: 5-я ступень ('scholae').

"*secundum praemium*" (рукописная форма).

Подписано: Coqueret (доктор теологии и принципал коллежа).

*Aristoteles.

ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ ΠΕΡΙ ΤΕΧΝΗΣ ΡΗΤΟΡΙΚΗΣ τῷ ἄ ξτ Aristotelis Stagiritae Rhetoricorum libri tres. Ejusdem De Poetica liber unus. Parisiis: Apud Ioann. Libert, 1629. 8°. [iv], 550, 86 p.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Крышки снабжены сплошным позолоченным тиснением орнамента в виде королевских лилий. В центре крышек — герб Пьера Грассена, основателя Коллегии, окруженный шрифтовым тиснением девиза: 'LILIUM·INTER·SPINAS COLLEGIUM·GRASSINAEUM'.

РНБ: 7.15.6.15.

27 августа 1644 г.

Иезуитский коллеж Людовика Великого (Collegium Claeromontanum), основанный иезуитами в 1561 г. как «Клермонтский коллеж»; самый знаменитый выпускник этого учебного заведения — Вольтер. «Призовые» экземпляры книг могли поступать непосредственно из библиотеки коллежа, которая в конце XVII в. насчитывала свыше 46 тыс. томов¹⁷.

Жан Верри (Verry).

Статус: 2-й класс.

¹⁴ Подробнее об истории этого экз. см.: *Albina Larissa L.* Le Prix scolaire de Thomas Corneille // *Revue d'histoire littéraire de la France.* 1993. An. 93. № 1. p. 133–135.

¹⁵ *Franklin A.* Les Ancienes bibliothèques de Paris. Paris, 1867. T. 1. P. 268. (Histoire générale de Paris.)

¹⁶ *Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale.* Paris, 1897. T. 41. Col. 757.

¹⁷ *Franklin A.* Les Ancienes bibliothèques... P. 248.

"*latina carminum praemium*" (рукописная форма; печать коллегии на кустодии).

Подписано: Pierre Deschamps-Neufs (Boriau, *dit*) (1602–1675) (студенческий префект), известный комментатор библейских текстов и издатель античных авторов.

*Horace (Quintus Horatius Flaccus).

Q. Horatii Flacci Opera omnia, a Petr. Gualt. Chabotio viro in omni literatura perectissimo, admiranda Ingenii & Iudicii varietate, & linguarum elegantia, triplici artificio explicata. Nunc verò a I. Iac. Grasserò C. Rom. ex ipsius Chabotii Lucubrationibus manuscriptis, tantopere aucta, emendata & illustrata. 3 pts en 1 vol. Colon.[iae] Munatiana [Basel]: Apud Ludovicum Regem, 1615. 2°. [xxx], 545+[ii], 231+[ii], 274, [48] p.; titre gr.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы "L" под королевской короной, крышки — личным гербом Людовика XIII.

Пр.: Д. Г. Гинзбург (1857–1910), русский ориенталист и библиофил (гравированный гербовый экслибрис конца XIX в.)

РНБ: А-6/47.

1664 г.

Иезуитский коллеж Людовика Великого (Collegium Claeromontanum).

Рене-Франсуа Кустоль (Coustol).

Статус: 5-й класс.

"*primus ad praemium doctrina christiana*" (рукописная форма; печать коллегии на кустодии).

Подписано: Филипп Брие (Briet) († 1668), французский эрудит и исследователь античной географии, преподаватель различных коллегий Парижского университета (студенческий префект)¹⁸.

*Le Brun, le P. Laurent, S.J.

Laurentii Le Brun Nanntetensis, e Societate Jesu Juventus Sancta, variis opusculis ad juventutis institutionem spectantibus aucta. Parisiis: Apud Sebastianum Cramoisy, & Sebast. Mabre-Cramoisy, 1664. 4°. [xvi], 902, [15] p.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы "L" под королевской короной, крышки — личным гербом Людовика XIV.

Пр.: собрание Залуских.

РНБ: 15.51.7.34.

¹⁸ *Larousse Pierre.* Le Grand Dictionnaire universel. T. 2. Paris, [s.a.] P. 1266.

9 августа 1669 г.

Королевский Наваррский коллеж (Collegiae Regiae Navarrae).

Жан-Этьенн Воллан (Volland, †1719), впоследствии адвокат Парижского парламента и королевский советник; дед Софи (Луизы) Воллан, подруги и многолетнего корреспондента философа и энциклопедиста Дени Дидро¹⁹.

Статус: 2-я ступень ('scholae').

"*primum strictae orationis praemium*" (печатная форма).

Подписано: Никола Тавернье (Tavernier, 1620–1698) (директор коллежа, впоследствии — ректор университета).

**Adagiorum chiliades quatuor cum sesqui centuria*, Des. Erasmi Roterdami. <...> Henrici Stephani animadversiones in Erasmicas quorundam adagiorum expositiones. [Genevae:] Oliva Roberti Stephani, 1568. 2°. 32 ff; col. 1–1126.

Переплет телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы 'MN' под королевской короной, крышки — гербом Маргариты Наваррской, основательницы коллегии.

Пр: 1) предположительно — библиотека Дени Дидро;

2) Императорская Эрмитажная иностранная библиотека (гравированный экслибрис нач. XIX в.)

РНБ: 36.7.1.5.

20 августа 1680 г.

Коллеж Сорбонна-Плесси (Collegiae Sorbonna Plessae).

Луи де Витри (Vitry)²⁰.

Статус: 7-й класс (?).

"*secundum solutae orationes Latina praemium*" (рукописная форма).

Подписано: Gobinel (директор гимназии при коллегии, 'gymnasiar-cha').

**Auctores Latinae linguae in unum redacti Corpus: Quorum auctorum veterum & neotericorum elenchum sequens pagina docebit. Adjectis notis Dionysii Gothofredi I. C. Una cum Indice generali in omnes Auctores. S. Gervasii: Apud Iacobum Chouët, 1602. 4°. [iv] f.; col. 1–1294; [xxxvi] f.; col. 1–106; titre grave.*

¹⁹ Подробнее об истории экз. см.: Королев С. В. Книги — ученические награды лиц из окружения Дидро // *Книга: исследования и материалы*. М., 2005. Сб. 83. С. 312–317.

²⁰ Возможно, этот персонаж впоследствии работал в системе университета: так, в 1686 г. он выступал с похвальной речью в Коллеже Деламарш; см.: *Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale*. Paris, 1975. Т. 212. Col. 839.

Переплет телячьей кожи; корешок утрачен. Крышки снабжены позолоченным тиснением в виде стилизованного растительного орнамента и королевских лилий. В центре крышек — тиснение супреэкслибриса коллегии — монограммы "PS".

Пр: собрание Залуских.

РНБ: 7.50.3.6.

1682 г.

Коллеж Деламарш (Collegium Marchianum), основанный в конце XIV в. видными деятелями Университета — Жаном и Гийомом Деламарш²¹.

Форма наградного листа утрачена, однако датированное оформление переплета позволяет отнести утраченный формуляр к этому году.

**Macrobius, Ambrosius Theodosius.*

<...> *In Somnium Scipionis libri II. Saturnaliorum libri VII. Nunc denuo recogniti, & multis in locis aucti. Seb. Griphius. Germ. Lugd.[uni], 1532. 8°. [xlviij], 590, [2] p.*

Переплет телячьей кожи; обрез раскрашен от руки «под мрамор». В центре крышек — позолоченное тиснение букв "COLLE/GIUM/1682" (на верхней) и "MARCHI/ANUM/1682" (на нижней); крышки и корешок украшены сплошным позолоченным тиснением королевских лилий.

Пр.: собрание Залуских.

РНБ: 7.10.7.26.

Апрель 1693 г.

Королевский коллеж в Шартре (Collège Rolyale de Chartres chez Rocquet). Это учебное заведение было основано в 1572 г., причем местный буржуа Жан Поке пожертвовал для нужд коллежа свой дом²².

Пьер Боннель (Bonnell jun.)

Статус: не указан.

"*orationis Graecae praemium in Rhetoricâ jurementium*" (рукописная форма).

Подписано: Кордье (Cordier, суперинтендант коллегии, каноник и бакалавр Сорбонны).

*Lambin, Denis.

In Q. Horatium Flaccum, Dionysii Lambini Monstroliensis Regii professoris, Commentarius locupletissimus. Sexta et postrema editio emendatissima, atque ad eam conformata, quae ab auctore paulò ante obitum fuit recognita. Additae sunt Henrici Stephani diatriba, unde foelix ac faciliis ob curiorum

²¹ *Crevier J.-B.-L. Histoire de l'Université de Paris...* Т. 2. P. 417.

²² *Doyen. Histoire de la ville de Chartres*. Paris, 1786. Т. 1. P. 100.

locorum explicatio peri forest. Ps. I–II en 1 t. Aureliae Allobrigorum [Genève]: Excudebat Petrus de La Roviere, 1605. 4°. [xvi], 255, [xviii], 351 p.; titre grave.

Переплет телячьей кожи; крышки и корешок украшены позолоченным тиснением в виде королевских лилий.

Пр.: Никола Бургонь (Bourgongue) (1586–1639), бельгийский историк и правовед, профессор в Унивеститете Ингольштадта, советник и историкограф Максимилиана Баварского (автограф на титульном листе).

3 августа 1694 г.

Иезуитский коллеж Людовика Великого (Collegium Claeromontanum).

Филипп Паделу (Padeloup); возможно, этот студент принадлежал к знаменитой семье королевских переплетчиков Паделу, однако сведений об учебе Филиппа Паделу 2-го (1680–1765) в Парижском университете нет²³.

Статус: 4-й класс ('humanista').

"*praemiae doctrinae christiana primus accessit*" (рукописная форма, печать коллежа на кустодии).

Подписано: Шарль Мерувилль д'Алло (Hallot de Mérouville, 1625–1705) (студенческий префект).

*Panegyrici veteres, interpretatione et notis illustravit Jacobus de La Baune Soc. Jesu. Jussu Christianissimi Regis, ad usum Serenissimi Delphini. Parisiis: Apud Simonem Bernard, 1676. 4°. [xxiv], 350 p., index; frontisp. grave.

Переплет телячьей кожи, корешок позолочен.

Пр.: собрание Залуских.

РНБ: 7.15.4.19.

1690-е гг.

Иезуитский коллеж Людовика Великого (Collegium Claeromontanum).

Étienne Quiquebeuf<?>.

Статус: 2-й класс.

"*primum Latine sermoni in gallicum conversi*" (рукописная форма; награда не датирована).

Подписано: Шарль Мерувилль д'Алло (Hallot de Mérouville, 1625–1705) (студенческий префект).

*Jésus en son bas age, pour servir de modelle à la jeunesse chrestienne. Par un P. de la Compagnie de Jésus. 2-e éd. T. I. Paris: Gaspar Meturas, 1660. 8°. [xlviii], 262 p.

РНБ: 36.62.9.14.

1690-е гг.

Иезуитский коллеж Людовика Великого (Collegium Claeromontanum).

Louis-Charles Le Quin (Leguin?)

Статус: не указан.

"*primum inter veteranos solutio orationis praemium dedit*" (рукописная форма; печать коллежа на кустодии; награда не датирована).

Подписано: Шарль Мерувилль д'Алло (Hallot de Mérouville, 1625–1705) (студенческий префект).

*Varia de variis argumentis Carmina a multis è Societati Jesu. 8 pts en 1 vol. Parisiis: Apud Viduam Simonis Benard, 1696. 8°.

Переплет телячьей кожи, корешок снабжен позолоченным узором.

Пр.: собрание Залуских.

РНБ: 6.78.120.

1600-е гг.

Королевский Наваррский коллеж (Regiae Navarrae)

{Форма наградного листа утрачена.}

*Gellius, Aulus.

<...> Noctes Atticae, seu Vigiliae Atticae. Quas nunc primum a magno mendorum numero magnus veterum exemplarium numeris repurgavit. Henrici Stephani Noctes aliquot Parisinae, Atticis A. Gellii Noctibus seu Vigiliis inuigilatae. Edjusdem H. Stephani Annotationes in alios Gellii locos prodibunt cum notis Lud. Carrionis (qui vet. exemplaria contulit) prelo jam traditis. Parisiis: [Henri II Étienne], 1585. [vi], 23, [1], 587, [1], [74], 16, [iv], 205, [1] p. 8°.

Переплет XVII в. телячьей кожи; обрез позолочен. Бинты снабжены позолоченным тиснением монограммы 'MN' под королевской короной, крышки — гербом Маргариты Наваррской, основательницы коллегии в обрамлении тройной позолоченной рамки.

Пр.: 1) "*Ce livre appartient à l'abbé De Dampierre*" (автограф на титульном листе)²⁴;

2) Борис Владимирович Никольский (1870–1919), известный библиофил и знаток античности (запись на последней странице).

РНБ: 7.5.8.40.

Данные о статье

Автор: Королев Сергей Викторович, Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), bookart@yandex.ru.

Заголовок: Книги-ученические награды XVII в.: учебные заведения Франции (к постановке вопроса).

²⁴ Возможно, Шарль-Антуан-Анри Дампьерре (1746–1833), доктор Сорбонны; см.: Bibliothèque universelle, ancienne et moderne. Supplément. Paris, 1837. T. 62. P. 73.

²³ Thoinan E. Les relieurs français (1500–1800). Paris, 1893. P. 361.

Резюме: Статья посвящена книгам, которые вручались в XVII веке учащимся Парижского университета и некоторых других учебных учреждений Франции в качестве наград. Такие издания служили призами в различных студенческих состязаниях. Экземпляры, выявленные в настоящее время в Иностранном фонде Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), обязательно содержат специальный наградной лист (рукописный или печатный бланк), представляющие персональные данные о студенте и указывающие на вид учебного состязания. Такие экземпляры западноевропейских изданий ранее не становились предметом изучения.

Ключевые слова: книги-ученические награды, Парижский университет, Франция, Старый порядок.

Information about the article:

Author: Korolev Sergey Viktorovich, Russia, St.-Petersburg, National Library of Russia, bookart@yandex.ru.

Title: Books as a pupil-prize: the French educational establishments (17th c.)

Summary: This article deals with the books which were given as a pupil-prize in Paris University and other French educational establishments in the 17th c. Such books were presented to the students which achieved best results in their studies. The preserved copies of this books contain special manuscript or printed list with the inscriptions concerning the sciences in which a student attained excellent marks. The author describes the copies from Western languages stocks of National Library of Russia (NLR) in St.-Petersbourg. There have been no special research works on this theme so far.

Key words: books as a pupil-prize; Paris University; France; Ancien Régime.

Литература, использованная в статье:

Королев, Сергей Викторович. Книги — ученические награды лиц из окружения Дидро // Книга: исследования и материалы. М.: Наука, 2005. Сб. 83. С. 312–317.

Уваров, Павел Юрьевич. Парижский университет и местные интересы (конец XIV – первая половина XV в.) // Средние века. М.: Наука, 1991. Вып. 54. С. 55–71.

Albina, Larissa L. Le Prix scolaire de Thomas Corneille // Revue d'histoire littéraire de la France. Paris: P.U.F., 1993. An. 93. № 1. P. 133–135.

[Aubert de La Chenay Des Bois, François-André.] Dictionnaire de la noblesse. T. 1–15. 2-e éd. Paris: Duchesne, 1770–1786.

[Beaune, R. de.] Réformation de l'Université de Paris. Paris: Thiboust, 1667. 175 p. Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplément. T. 62. Paris: Michaud, 1837. 596 p. Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. T. 1–131. Paris, 1897–1981.

Crevier, Jean-Baptiste-Louis. Histoire de l'Université de Paris. T. 2–3. Paris, 1761.

Doyen, G. Histoire de la ville de Chartres. T. 1. Paris: Regnault, 1786. 431 p.

Farin, François. Histoire de la ville de Rouen. 3-me éd. Pt. VI. Rouen: L. Du Souillet, 1731. 456, [8] p.

Fouqueray, Henry. Histoire la Compagnie de Jésus en France. T. 1. Paris: Picard et fils, 1910. XXV, 673 p.

Franklin, Alfred. Les Ancienes bibliothèques de Paris. T. 1–3. Paris: L'Édilité Parisienne, 1867–1873 (Histoire générale de Paris).

Irsay, Stephen d'. Histoire des universités françaises et étrangères. T. 1–2. Paris, 1935.

Jourdain, Charles. Histoire de l'Université de Paris au XVIIe et au XVIIIe s. Paris: L. Hachette, 1862. VIII, 516 p.

Larousse, Pierre. Le Grand Dictionnaire universel. T. 1–17. Paris: Administration du Grand Dictionnaire universelle, [s.a.]

Monteil, A.-A. Histoire des français des divers états. XVIIe siècle. T. 1. Bruxelles: Wouters & Raspoet, 1843. 342 p.

Thoinan, Ernest. Les relieurs français (1500–1800). Paris: Paul, Huard et Guillemin, 1893. VII, 416 p.

Vallet de Viriville, Auguste. Histoire de l'instruction publique en Europe et principalement en France. Paris: Administration du “Moyen âge et la Renaissance”, 1849. IV, 400 p.

References:

Korolev, Sergey Viktorovich. Книги — оученические награды лиц из окружения Дидро. In: Книга: Исследования и материалы. Москва: Наука, 2005. № 83. С. 312–317.

Ouvarov, Pavel Yurievich. Parizhskiy Universitet i mestnye interesy (konets XIV – pervaya polovina XV v.). In: Srednie veka. Moskva: Nauka, 1991. № 54. S. 55–71.

Albina, Larissa L. Le Prix scolaire de Thomas Corneille in: Revue d'histoire littéraire de la France. Paris: P.U.F., 1993. An. 93. № 1. P. 133–135.

[Aubert de La Chenay Des Bois, François-André.] Dictionnaire de la noblesse. T. 1–15. 2-e éd. Paris: Duchesne, 1770–1786.

[Beaune, R. de.] Réformation de l'Université de Paris. Paris: Thiboust, 1667. 175 p.

Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplément. T. 62. Paris: Michaud, 1837. 596 p. Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque nationale. T. 1–131. Paris, 1897–1981.

Crevier, Jean-Baptiste-Louis. Histoire de l'Université de Paris. T. 2–3. Paris, 1761.

Doyen, G. Histoire de la ville de Chartres. T. 1. Paris: Regnault, 1786. 431 p.

Farin, François. Histoire de la ville de Rouen. 3-me éd. Pt. VI. Rouen: L. Du Souillet, 1731. 456, [8] p.

Fouqueray, Henry. Histoire la Compagnie de Jésus en France. T. 1. Paris: Picard et fils, 1910. XXV, 673 p.

Franklin, Alfred. Les Ancienes bibliothèques de Paris. T. 1–3. Paris: L'Édilité Parisienne, 1867–1873 (Histoire générale de Paris).

Irsay Stephen d'. Histoire des universités françaises et étrangères. T. 1–2. Paris, 1935.

Jourdain, Charles. Histoire de l'Université de Paris au XVIIe et au XVIIIe s. Paris: L. Hachette, 1862. VIII, 516 p.

Larousse, Pierre. Le Grand Dictionnaire universel. T. 1–17. Paris: Administration du Grand Dictionnaire universelle, [s.a.]

Monteil, A.-A. Histoire des français des divers états. XVIIe siècle. T. 1. Bruxelles: Wouters & Raspoet, 1843. 342 p.

Thoinan, Ernest. Les relieurs français (1500–1800). Paris: Paul, Huard et Guillemin, 1893. VII, 416 p.

Vallet de Viriville, Auguste. Histoire de l'instruction publique en Europe et principalement en France. Paris: Administration du “Moyen âge et la Renaissance”, 1849. IV, 400 p.

VII. РЕЦЕНЗИИ

ББК 63.3(0)4 (4Фра) + 63.3(0)4 + 63; УДК 94(430).016-017, 021 + 94(44).01 6-017

Д. Н. Старостин

Рецензия. Costambeys, Marios, Innes, Matthew, MacLean, Simon. The Carolingian world. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. XIX + 505 p. ISBN: 9780521564946; 0521564948.

Публикация по истории каролингского мира представляет собой в работу, в которой три англоязычных исследователя предприняли попытку написать обобщающую и одновременно вводную монографию по истории королевства франков в правление королей из династии Каролингов. Характер этой монографии был специально выбран таким образом, чтобы представить цельное видение истории Западной Европы в период с середины VIII в. до конца IX в. Представляется, что авторы сознательно постарались избавиться от сложных споров, которые возникают при детальном исследовании истории королевства франков в этот период. Монография написана так, что в ней не найти сложных методологических проблем относительно интерпретации документов и хроник этой эпохи или историографических споров относительно отдельных вопросов. Принципиальным выбором было обращать внимание только на новые интерпретации в каролингской истории и рассматривать самые новые концепции в этой области.

Монография разделена на девять частей, из которых две представляют собой вступление и эпилог. Во вступлении авторы рассматривают понятие «Каролингский мир». Смысл рассматриваемой проблемы понятен специалисту и не очень понятен тем, для кого каролингская история не является предметом специализации. На самом деле, такое начало представляет собой попытку ответить на ряд вопросов. Можно ли говорить о правлении Каролингов как об отдельном периоде в истории королевства франков, или его можно было бы объединить вместе с периодом правления Меровингов в один большой блок «франкское королевство в раннем Средневековье»? На самом деле, ряд более ранних работ, некоторые из которых были выполнены в духе гиперкритики, ставили под сомнение принципиальный характер изменений, произошедших с франкским

миром после прихода Каролингов и утверждали, что последние, равно как и Меровинги, были правителями, чья власть достигалась только путем сложных переговоров с региональными магнатами и что они никогда не смогли навязать какого-либо пути развития, отличного от того, который не соответствовал желаниям местной знати¹. В настоящей работе, наоборот, гиперкритический подход подвергается сомнению и авторы всерьез возрождают и рассматривают понятие «Каролингского мира», считая последний особой формой социума, в которой отлились свои особые структуры власти и представления о них, система социальных связей, культура и т. д. Однако авторы считают, что при детальном рассмотрении наше представление о четких очертаниях самого каролингского королевства и о границах между его областями начинают расплываться, потому что оказывается, что франкское королевство в этот период состояло из значительно отличавшихся друг от друга регионов, и провести четкие границы между ним и окружающим его миром было практически невозможно. Более того, влияние самих Каролингов, их окружения и образованных людей внутри самой империи в значительной степени отличалось и некоторые регионы могли находиться вне культуры, создаваемой каролингским двором. Более того, даже религиозный фактор не может считаться отличительной чертой внутреннего единства королевства франков, потому что отдельные представители знати, особенно на границах империи, могли, например, заключать союзы с язычниками из Скандинавии или со славянами. Главным фактором единения была сама династия. Однако даже при условии ее стабильности, источники показывают, что внутри империи существовали группы знати, которые были недовольны положением вещей, и чье отрицательное мнение выразилось в остатках анналов и хроник.

Вторая глава рассматривает приход династии к власти и показывает, что в течение долгого времени сохранялось положение вещей, при котором династия постоянно соотносилась с правлением Меровингов и рассматривала себя как антитезу последним, а не как самостоятельную династию, которой не было дела до своих предшественников. Она также показывает, как постепенно в сознании произошел перелом и исторические хроники постепенно стали отходить от постоянного сравнения Каролингов с предшественниками.

В третьей главе авторы предприняли попытку рассмотреть религиозную культуру эпохи и показать ее как важную часть всего каролингского мира. Подчеркивается ее особый характер, при котором религиозность напрямую увязывается с тем воинственным миром, в котором приходилось жить деятелям королевства франков. Более того, связь религиозности и

¹ Sullivan R. The Carolingian age: Reflections on its place in the history of the Middle Ages // Speculum. 1989. V. 64. P. 267–306.

экспансии была видна, потому что историки и теологи постоянно обращались к теме франков как избранного народа и постоянно использовали тему франкского королевства как «Нового Израиля». В отличие от предыдущих исследований, в этой работе подчеркивается, что обращение к ветхозаветной тематике было не столько выражением архаичной формы каролингского христианства, сколько, наоборот, интегральной частью того новаторского духа, который стоял за созданием империи. Более того, указывается на непосредственную связь религиозности и социальной структуры, потому что возросший поток дарений монастырям был показателем не только социальных сдвигов, и не только повышенного интереса к вопросам религии, но, скорее, показателем того, как религия стала частью социальных связей и, наоборот, социум воспринял религиозность не просто как абстрактную практику, а сразу как форму выражения социальных отношений.

В четвертой главе рассматривается вопрос о политическом единстве каролингского мира, которое было, как казалось многим исследователям, нарушено в период острых семейных конфликтов 830-х гг. В своей работе исследователи показывают, что этот период нужно рассматривать не столько как период кризиса династии и власти франкских королей как таковой, сколько как время полного успеха династии. Такой странный на первый взгляд вывод происходит от того, что авторы обратили внимание на постоянно существовавшее в королевстве франков недовольство и подчеркнули, что несмотря на кризис, все события этого периода проходили строго в рамках каролингской семейной политики.

Последующие три главы, пятая, шестая и седьмая посвящены вопросам социального устройства королевства франков. В пятой главе авторы рассматривают социальную основу каролингского мира, мир сельского хозяйства и деревень. Показано, что мир сельских владений был намного более динамичен, чем кажется. В шестой главе рассматривается мир знати и показывается, что в его исследовании есть определенные парадоксы. С одной стороны, можно проследить и описать тип их социального поведения, которое показывает их главенствующую роль в обществе. Однако с другой стороны, многочисленные археологические исследования так и не показали инфраструктуры, на которой покоилось общество знати. Оказалось, что нет возможности доказать существование поместий, которые могли бы служить своего рода родовыми гнездами для семей. Таким образом, каролингская знать — это люди, чьи интересы постоянно зависели не только от взаимоотношения сил между знатными семьями на местах, но и от тех почестей, которые даровались Каролингами и их окружением. В седьмой главе показывается, что с точки зрения экономики

каролингский мир был весьма динамичным, потому что в северной Европе было достаточно много торговых портов. Авторы показали, как менялась экономика, когда дальние торговые пути стали постепенно терять значимость, уступая торговым путям более короткой длины.

В целом монография дает интересную картину развития королевства франков, показывая, что Каролингский мир действительно существовал единая социокультурная общность, что в нем в результате поиска согласия между династией, окружавшей ее знатью, церковью и простыми земледельцами удалось создать уникальные для этого общества и отличавшие его от других формы социального взаимодействия.

Данные о статье

Автор: Старостин Дмитрий Николаевич, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории Средних веков СПбГУ, d.starostin@spbu.ru

Заголовок: Рецензия. Costambeys, Marios, Innes, Matthew, MacLean, Simon. *The Carolingian world*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. XIX + 505 p. ISBN: 9780521564946; 0521564948.

Резюме: Статья представляет собой рецензию на новую коллективную монографию, посвященную эпохе династии Каролингов в истории Европы. По мнению автора статьи, главная новая мысль данного сборника заключается в попытке представить эпоху Каролингов как особый период в истории средневековой Европы, во время которого сложились новые формы социальной, политической и культурной жизни. Как отмечает автор статьи, рецензируемый сборник опровергает распространенное в современной историографии мнение, что Каролинги и их правление не привнесли в историю Европы ничего принципиально нового, а сами Каролинги были всего лишь орудиями в руках крупной знати.

Ключевые слова: Каролинги, раннее Средневековье, магнаты, феодализм, династия, Церковь.

Information about the article

Author: Starostin Dmitriy Nikolaevich, PhD (in History), a senior lecturer of Medieval History Department at Saint-Petersburg State University, d.starostin@spbu.ru

Title: Review. Costambeys, Marios, Innes, Matthew, MacLean, Simon. *The Carolingian world*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. XIX + 505 p. ISBN: 9780521564946; 0521564948.

Summary: The present paper is the review of a new collective study, dedicated to the times of Carolingian dynasty in the history of Europe. From the author's point of view, the main new idea of this collected papers is an attempt to present the times of Carolingian dynasty as a special period in the history of early Medieval Europe, during which new forms of social, political and cultural life were established. As the author notes, the reviewed collected papers disproves an opinion, which is widespread among contemporary historians, that Carolingian dynasty didn't contribute anything new in the history of Europe, and that Carolingians themselves were only pure instruments in the hands of land nobility.

Key words: Carolingians, early Medieval time, magnates, feudalism, dynasty, Church.

References:

Sullivan Richard. *The Carolingian age: Reflections on its place in the history of the Middle Ages*, in *Speculum*. 1989. Vol. 64. P. 267–306.

ББК 63.3(0)32; УДК 930.2(37).08

А. С. Козлов

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И КНИГА А. ГОЛДСУОРТИ

Имя Галины Евгеньевны Лебедевой в кругу ведущих специалистов по истории отечественной медиевистики называешь сегодня по особой на то причине. Дело в том, что анализируя развитие петербургского служения Клио, она демонстрирует те профессиональные черты историографа, без которых это занятие неэффективно, — системность в подходе к процессу в целом, последовательность усилий, иногда не выговариваемый вслух, но подразумеваемый тезис: то, что я поддерживаю, это и есть для меня наука; то же, о чем умалчиваю или высказываюсь отрицательно, либо нуждается в опоре по источниковедческим основаниям, либо вообще считается исследованием лишь по недоразумению.

Пытаясь следовать в подобной методике за Галиной Евгеньевной, обращусь к одному из современных историографических сюжетов, касающихся поздней античности и воплощаемых в довольно спорных книгах, имя которым сегодня, возможно, и не легион, но которые, прямо скажем, по разным причинам на слуху.

На историографическом поле проблемы падения Римской империи имя современного английского исследователя Адриана Голдсуорти относится к тому сегменту, который, если использовать терминологию англо-саксонских штудий, определяет изучаемое явление как *descau owing to general malaise*. К наиболее видным английским специалистам этого направления в XX в. отчасти принадлежал Д. Б. Бьюри¹, и совершенно определено — А. Тойнби и А. Х. М. Джонс. Направление это, как известно, противостоит концепциям, сводящимся к идее *catastrophic collapse*, — именно к ней, в конце концов, склонился Бьюри, а в настоящее время ее активно проводят в своих исследованиях П. Хизер и Б. Уорд-

Перкинс². Однако описание угасания античной цивилизации, предлагаемая Адрианом Голдсуорти (прежде всего — в его недавно нашумевшей книге с довольно эффектным названием, вызывающим в памяти метафоры Артура Шопенгауэра, — «Падение Запада: Медленная смерть Римской сверхдержавы»³, как кажется, прочно вошедшей в круг ориентированной на «широкого читателя» литературы по указанной проблематике) по своему уникально. Уникально по двум причинам. Во-первых, — тем, что при рассмотрении причин и реалий гибели античности (и, прежде всего, римской имперской государственности) главный акцент автор, вопреки тенденциям второй половины XX – начала XXI в., делает не столько на множественности явлений, которые в современной российской историографии обычно именуют многофакторными, сколько на одной, хотя и очень важной составной части распада античного мира — на состоянии вооруженных сил Рима. Во-вторых, заслуживает пристального внимания совокупность методов того, как преподносится «широкому читателю» непростой научный материал, к которому в последнее время стремительно растет внимание как антиковедов так и византинистов.

В самом сжатом виде основная идея монографии Голдсуорти заключается в следующем. Крах Римской империи следует искать не в «декадансе» состава (*make-up*) легионов, а в совокупности гражданских войн между фракциями римской армии, борющихся за контроль над империей. Это ослабляло армию и общество, делая их неспособными защищаться от все большего числа врагов Рима. Армия все еще оставалась прекрасным инструментом борьбы с его противниками, как с цивилизованными, так и с варварами, — это видно по победам над германцами в битве при Страсбурге и в способности удерживать в течение IV в. границу от Сасанидов. Однако, как четко выразился Голдсуорти в другой своей монографии, «ослабление центральной власти, социальные и экономические проблемы и, более всего, продолжение гражданских войн постепенно разрушало способность политических структур поддерживать армию на таком уровне»⁴.

Подобный, редко встречающийся в специальной литературе монизм в трактовке причин распада мировой державы заставляет присмотреться к

² Наиболее важные работы: *Heather P. J.* 1) *Goths and Romans 332–489*. Oxford, 1991; 2) *The Goths*. Oxford, 1996; eodem. *The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians*. Oxford, 2006; 3) *Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe*. London, 2009; *Ward-Perkins B.* *The Fall of Rome and the End of Civilization*. Oxford, 2005.

³ Имеется в виду монография: *Goldsworthy A.* *The Fall of the West: The Slow Death of the Roman Superpower*. London, 2009. В дальнейшем ссылки в тексте статьи даются именно на это издание.

⁴ См.: *Goldsworthy A.* *The Complete Roman Army*. London, 2003. P. 214.

¹ Прежде всего см.: *Bury J. B.* *A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 a.d. to 800 a.d.)*. L., N.-Y., 1889. Vols 2.

роли *civil wars* в понимании автором истории империи. Например, яркое описание политической чехарды III в. служит у Голдсуорти тому, чтобы создать логическую базу для характеристики последующих двух столетий, которые привели к падению империи. В этой логике интересны два момента. Во-первых, по мнению автора (и этим он разительно отличается от многих своих англоязычных коллег, начиная с А. Джонса и кончая П. Хизером), варварские вторжения (и не только в III в.) были спровоцированы ослаблением римского государства, но не являлись первопричиной этого ослабления (р. 119, 406–407). Во-вторых, Голдсуорти считает, что реформы рубежа III–IV вв., о которых подавляющее большинство специалистов говорит как о могильщике «*military anarchy*» и стабилизаторе империи, в конечном счете ослабили ее.

Логика тут следующая. Империя была военной диктатурой, порожденной гражданскими войнами периода Поздней Республики. То, что создал Август, являлось «скрытой монархией», и в I–II вв. был сооружен фасад, создавший видимость управленческого консенсуса, — особенно с сенатом и сословием сенаторов. Сенаторы в этой системе получили властные и богатые посты в управлении провинциями и прочие почести. Консенсус работал и до некоторой степени обеспечивал стабильность. В III в. фасад рухнул, система обнажила свою суть как военной диктатуры, и теперь любой сенатор и даже всадник, обладавший должностью и возможностью апеллировать к армии, и имеющий деньги для подкупа преторианцев, мог стать императором, пусть и на короткое время. Изменения, проводимые в III в. в системе управления, были в основном нацелены на предотвращение узурпаций, — отсюда отстранение сенаторов от командных должностей, сокращение войск в провинциях (это снижало потенциал возможных инсurreкций, но повышало уязвимость границ), рост значения личного участия императора в оборонных мероприятиях и возрастание затрат городов на постройку стен и экипировку местных частей (р. 149–153, 409). Поскольку все эти факторы сохранялись и в IV в., то эффект реформ Диоклетиана и Константина I иллюзорен, ибо это только замедлило инсurreкцию. Концентрация власти над армией в руках императора снижала число узурпаторов, но размеры империи по-прежнему требовали сосредоточения войск на болевых участках границы, отсюда — появление тетрархии, что опять открывало дорогу гражданским войнам, где друг против друга могли уже выступать легитимные владыки. Разделение империи на сферы влияния членов императорских коллегий стимулировало рост различий между отдельными частями державы, что вызвало к концу IV в. окончательный раздел империи — для оптимизации управления. Но это, в свою очередь, делало каждую область уязвимее перед внешним врагом.

Как мы видим, отправной точкой для разворачивания всех этих бед стало, по мнению английского антиковеда, разрушение консенсуса в верхах империи и обрушение фасада принципата. Но если попытаться найти в книге Голдсуорти пояснение причины этого краха, то обнаружим простой ответ — борьба за власть. Недаром отсчет начала «медленной смерти» империи он ведет с гражданской войны, утвердившей у власти фамилию Северов (р. 423). Поэтому одна из основных мыслей автора в наиболее концентрированном виде выражена следующим тезисом: «Это были конфликты не идейные, а исключительно по поводу политической власти» (р. 408). Иными словами, глубинные детерминанты действительно постепенной смерти поздней Римской империи (ибо гражданские войны хоть и с перерывами — пусть иногда и большими, — но шли всегда) оказываются не столь уж глубокими.

Отсюда, полагаю, весьма своеобразная критика со стороны Голдсуорти в адрес тех исследователей, которые писали и пишут о трансформации позднеантичного мира в варварские королевства раннего Средневековья. Казалось бы, этим самым наш автор встает на сторону таких поборников концепции *catastrophic collapse* как вышеупомянутые Б. Уорд-Перкинс и П. Хизер. Однако эти исследователи не признают плавной эволюции в Средневековье системных реалий поздней античности — от экономических и социальных явлений до многих культурно-идеологических конструктов. У Голдсуорти все проще. Он понимает трансформацию как спокойную, при соучастии большинства членов общества эволюцию прежде всего властной сферы. Поскольку варварские вожди действовали в этой сфере силой, используя армии для захвата земель, а о добровольности участия большей части населения империи в подобной «эволюции» не может быть и речи, то идея «трансформации» *deeply misleading* (р. 372).

Поэтому для уточнения места труда Голдсуорти в сложнейшей и необъятной историографии падения Римской империи вряд ли целесообразно в ограниченной по объему статье излагать содержание смыслов и направлений такого рода тематики⁵. Достаточно обозначить особенности того историографического вектора, в рамках которого работает его методика и формируются его оценки *the decline and the fall of the ancient Rome*.

⁵ Из новейших историографических анализов падения Римской империи отмечу второе издание капитальной монографии А. Демандта (*Demandt A. Der Fall Roms. Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München, 2014*), третье издание книги Д. Кэгана [*Kagan D. The End of the Roman Empire: Decline or Transformation? (Problems in European Civilization). Lexington (Mass.), 1992*] и статью К. Вичеля (*Witschel C. Imperium im Wandel. Das Ende des Römischen Reiches im Urteil der modernen Geschichtswissenschaft // Praxis Geschichte, 2014. 1. S. 4–11*).

Если говорить кратко, то смысл концепций в пределах направления, характеризующего исчезновение античности как *decau owing to general malaise* (и во многом восходящего к идеям Э. Гиббона), заключается прежде всего в том, что падение империи не было predetermined событием. Крах произошел, скорее всего, из-за совпадения многих неблагоприятных для античности реалий, значительная доля которых оказалась вызвана Великим переселением народов. Общий эффект воздействия негативных факторов создал слишком большое напряжение в социальной и государственно-политической структуре империи, долго сдерживать которое она не смогла.

Нетрудно заметить, что подобное историографическое направление (преимущественно в англоязычной науке) частично (в конкретных случаях — в большей или меньшей степени) соприкасается с другими⁶. Например, с упомянутой выше концепцией, восходящей, повторяю, к Гиббону (империя с самого начала стояла на *unsound foundations*), его роднят конкретные оценки губительных для Римской державы явлений, — будь то варваризация армии, сопровождаемая снижением стандарта качества боевой подготовки и лояльности армии к властям (на чем акцентирует внимание А. Феррил⁷), или, наоборот, развитие системы патрониев и связанная с этим «феодализация» армейских структур (по А. Демандту⁸). В эту же группу суждений можно включать оценку римской экономики как экономики грабительской, которая с прекращением завоеваний вынудила искать поддержку в повышении налогообложения, вымывающем «средний класс» (о чем писал А. Тойнби⁹) или же вообще вела к сокращению численности населения (на чем настаивали независимо друг от друга Ж. Бурдо и Г. Дауни¹⁰). Таким явлением также представляются снижение качества валюты в условиях жесткой, ограничительной «прогородской» ценовой политики, объективно ведущей к дезурбанизации. Последнее суж-

⁶ Отмечу, что Голдсуорти, помимо источников, ссылается преимущественно на англоязычную литературу (нередкое качество современных специалистов по поздней античности, работающих в научных и учебных центрах Содружества наций и США). Поэтому для понимания концепции этого исследователя я привожу параллели преимущественно из такого рода работ, привлекая суждения немецко-, итало- и франкоязычных специалистов лишь в той мере и в тех сюжетах, где они либо серьезно дополняют англоязычных коллег, либо радикально контрастируют с ними.

⁷ См.: Ferrill A. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation*. N.-Y., 1986.

⁸ См.: Demandt A. *Der spätrömische Militäradel* // Hiron, 1980. 10. S. 609–637.

⁹ Емкий и краткий анализ взглядов А. Тойнби на проблему падения Римской империи см.: Demandt A. *Der Fall Roms*. S. 459–461, 483, 489, 507, 510, 530, 553, 555, 561.

¹⁰ См., например: Bourdon J. *Le monde antique s'est-il dépeuplé?* // *Journal de la Société de Statistique de Paris*. 1948. 89. P.113; Downey G. *The Later Roman Empire*. N.-Y., 1969. P. 96.

дение во многом в свое время совпало с мнением М. Ростовцева¹¹, идущим вразрез с выводами Ф. М. Хайхелхейма, выявлявшего новации в производстве поздней античности¹². Нередко в литературе можно встретить и мысль о тупике в денежно-кредитной политике, направленной на финансирование армии и приведшей к «фермеризации» легионеров и опять-таки к снижению обороноспособности (особенно четко сформулирована в этом ключе точка зрения Б. Бартлетта¹³). Особое место среди тех, кто с успехом пытается отследить связь распада не просто Римской империи, но античного общества с реалиями раннего Средневековья, является, безусловно, наш современник К. Уикхэм, заявивший о расщеплении римского социума на множество «отдельных состояний», живших как закрытые системы в условиях, когда непрерывно усложнявшееся государство было вынуждено половину бюджета тратить на армию¹⁴.

Наконец, в наши же дни Б. Уорд-Перкинс признает основным явлением в экономике и социальной жизни финала Рима не *recession* и не *abatement*, а «в высшей степени качественное изменение, включая исчезновение всех отраслей промышленности и коммерческих сетей»¹⁵. Заявление необычайно сильное, но с крайне спорной конкретизацией происходившего, ибо даже в самой книге английского исследователя содержится масса примеров, противоречащих тезису о *disappearance of entire industries*. Однако главная мысль Уорда-Перкинса в его концепции краха античной цивилизации вращается вокруг показателей неуклонного падения уровня жизни на Западе в V–VII вв., процесса, коснувшегося всех — «от земледельцев до королей»¹⁶.

Сразу скажу — подобные акценты в работах Голдсуорти, в том числе — в рассматриваемой монографии отсутствуют. Например, он признает возможность резкого ухудшения экономической ситуации в империи III в. по сравнению с хозяйственным подъемом I–II вв., оговариваясь (и справедливо), что отчасти упадок III в. оказался временным, а некоторые регионы (Африка, Палестина, Сирия) даже процветали (р. 145). Он также право-

¹¹ См.: *Rostovtzeff M. I. Social and Economic History of the Roman Empire*. 2. Ed. Oxford, 1957. Vol. 1–2.

¹² См., например: *Heichelheim F. M. Römische Sozial- und Wirtschaftsgeschichte* (*Historia Mundi: Ein Handbuch der Weltgeschichte in 10 Bänden / Hrsg. F. Valjavec*). Bern, 1956. Bd. IV. S. 470.

¹³ См.: *Bartlett B. How Excessive Government Killed Ancient Rome* // *Cato Journal*, 1994. Vol. 14. No. 2. P. 287–303.

¹⁴ См., например: *Wickham C. The Inheritance of Rome: Illuminating the Dark Ages, 400–1000*. N.-Y., 2009. Cap. 2, 4.

¹⁵ Ward-Perkins B. *The Fall of Rome and the End of Civilization*. Oxford, 2005. P. 117.

¹⁶ Ward-Perkins B. *The Fall of Rome ...* P. 87.

мерно пишет об экономической стабильности IV в., о наличии в руках государства внушительных ресурсов, оговаривая в то же время серьезные региональные различия в развитии провинций в целом и городов в частности даже на Востоке, не говоря о всей державе (р. 274–276). Голдсуорти подчеркивает, что по определенным территориям мы располагаем большим количеством данных (в том числе — археологических), но по другим районам их крайне мало. «Археологические данные не настолько масштабны для уверенных обобщений» (р. 274), — тезис, потенциально отвергающий методiku Урда-Перкинса, строящего свои выводы прежде всего на археологических источниках и главным образом — на анализе массового керамического материала¹⁷. Голдсуорти не устает подчеркивать, что статистическими показателями экономического и социального срезов истории позднеантичного общества мы не располагаем (например, р. 142, 145, 274, 310, 340), а потому «мы точно не знаем, что происходило на самом деле» (р. 142). Однако во множестве случаев в самом тексте книги подобная категоричность выглядит неуместной. Один только пример — блестящая характеристика развития римской и постримской (V в.) Британии, данная с привлечением обильного археологического материала (р. 335–352).

Таким образом, историографический метод Голдсуорти может быть предметом отдельного разговора. Однако ему не откажешь в строгом историзме, когда речь идет о попытках многих современных публицистов, популяризаторов науки и даже политиков найти аналоги судеб Рима с развитием держав XX – начала XXI в. и, прежде всего, с США. Голдсуорти приводит простой аргумент: помимо институциональных и культурных различий, контраст между Римом и современной Америкой заключается хотя бы в том, что в мире Римской сверхдержавы не было претендентов на ее место (р. 417). Прав английский ученый и в том, что если в целом трудно судить, изменилась ли в худшую или лучшую сторону ситуация в Европе с созданием варварских королевств, то уж точно можно сказать о повороте к худшему из-за резко участвовавших локальных войн (р. 373). И в этой связи бросается в глаза еще одно примечательное суждение, — касающееся возникшего в VII в. мусульманского мира. Наш автор считает, что в сравнении с Европой этот мир сохранил больше особенностей греко-римской цивилизации, к которым прибавил свои идеи и улучшения. И причина тому отчасти в факте его формирования там, где высокие цивилизации родились задолго до прибытия туда греков и римлян (р. 403–404). Такого рода суждения и критический (пусть даже умеренный) настрой по отношению ко многим западным институтам и явлениям (р. 416–423) не позволяют оценивать Голдсуорти как европоцентриста.

¹⁷ Ward-Perkins B. The Fall of Rome ... P. 94 ff.

В этой связи стоит обратить внимание на то, что даже цель своей работы английский антиковед формулирует предельно осторожно — «понять исторические события как таковые, с учетом того контекста, в котором они происходили» (14). Только через несколько страниц автор поясняет мотив выбора такой формулировки: его не удовлетворило «немалое количество выводов и предположений», высказанных в большинстве работ по поздней античности, и прежде всего в тех, которые есть в библиографическом списке его книги и на которые он ссылается (это в основном труды современных англоязычных специалистов). Конечно, мотив резонный, но вот игнорирование автором огромного пласта (в том числе — и обобщающих) работ современных исследователей из континентальной Западной Европы (о специалистах из Венгрии, Польши и тем более России я даже не говорю) представляется некорректным¹⁸.

Вместе с тем нельзя не заметить, что Голдсуорти активно и со знанием дела учитывает представляющиеся ему резонными (или же, наоборот, спорными и подлежащими дискуссии) наблюдения как по частным сюжетам позднеантичной истории, так и по обобщающим оценкам исторических процессов, — наблюдения, сделанные именно в упомянутой современной англоязычной литературе.

Хорошей иллюстрацией таких суждений по частным вопросам может быть, например, обзор политики Константина I, — заведомо крайне популярного и крайне дискуссионного сегмента поздней античности. Например, Голдсуорти следует за Н. Ленски в утверждении, что после 324 г. победитель Лициния не просто не пытался возродить тетрархию, — его успех является сильным аргументом против современных утверждений, будто в то время императору были необходимы несколько соправителей (р. 178–179). Так же принимается тезис Ч. Одела, М. Гранта и того же

¹⁸ Следует оговориться, что ряд исследований, выполненных немцами, французами и итальянцами, Голдсуорти в библиографический список все-таки включил. Но это — в основном книги и пара-другая статей или в переводе на английский или изначально написанные на английском языке (работы Х. Вольфрама, В. Шейделя, Х. Шонбергера). Чуть ли не исключением является фундаментальная историографическая монография А. Демандта “Der Fall Roms”, но игнорирование ее, полагаю, было бы вообще нонсенсом. И еще, пожалуй, книги К. Белоха и А. Пиганьоля. Статья словацкого исследователя Яна Райтара (фамилия в книге презентована неправильно — Raťár) на немецком языке упомянута лишь потому, что посвящена позднеантичным легионам, предмету специализации Голдсуорти. Зато не менее фундаментального компендиума того же Демандта “Geschichtder Spätantike” (1989) Голдсуорти даже не упоминает. Если из старых авторитетов в книге присутствуют такие громкие английские фамилии как Д. Б. Бьюри и уж конечно Э. Гиббон, то нет отсылки к трудам не менее, на мой взгляд, весомых исследователей поздней античности как О. Зека, Э. Штейн, Э. Демужо, Й. Фогт, И. Штрауб, Л. Варади, А. Момильяно и др. Парадокс, но нет упоминания даже Т. Моммзена.

Н. Ленски о схожести отношения Константина в начале его карьеры к христианам (отсутствие особой неприязни к ним, возможная симпатия) с позицией его отца, Констанция I, — что, однако не делает убедительным предположения о тайном принятии последним христианства в последние годы жизни (р. 181). Разделяет Голдсуорти и мнение Р. Томлина в интерпретации легенды о нанесении на щиты легионеров накануне битвы у Мульвийского моста букв «хр», — это была единовременная мера, не повторявшаяся в других кампаниях, не только символизирующая божественную помощь в экстремальной ситуации, но и *unit pride*, а также помогавшая отличить своих солдат от вражеских в хаосе сражения (р. 182). Аналогично, апелляцией к А. Дрейку, Д. Поттеру и Ч. Оделу, констатируется, что Константин был не первым императором, демонстрировавшим, что находится под покровительством божественных сил, — просто он выбрал себе другое божество (*Ibid.*). Говоря об отсутствии у Константина религиозного фанатизма, о приоритете у него стремления выжить в гражданских войнах (реформы он проводил намного позже) и сосредоточить силы на эффективном управлении, Голдсуорти базируется на выводах М. Эдвардса и А. Дрейка (р. 185). Интерпретируя феномен основания Константинополя, считая, что это событие целесообразно рассматривать в контексте политики тетрархов, возвышавших те или иные города, исследователь (вслед за Ч. Оделом, Д. Поттером, М. Грантом и С. Джонсоном) пишет, что у императора вначале не было планов превращать Византий в столицу некой Восточной римской империи, а было намерение прежде всего запечатлеть уникальность своей победы, утвердившей его единоличное правление. Лишь потом пришло осознание уникальности стратегических преимуществ города, необходимости прочно связать его статус с покровительством победителю со стороны христианского божества, — что и делало, по мысли автора, Константинополь в культурном плане преимущественно христианским центром (хотя говорить, что в нем не было и следа языческих построек и культов тоже нельзя) (р. 186).

Игнорируя французские (Ж. Дагрон) и немецкие (из современных авторов — Х. Брандт и М. Клаусс) исследования генезиса Константинополя, Голдсуорти игнорирует и альтернативные его тезисам выводы. Развивая наблюдения Ж. Дагрона¹⁹, в последнее время именно М. Клаусс сделал акцент на том, что Константинополь, в полном соответствии с традициями тетрархии, формировался как личная резиденция императора, освящение новой резиденции на Боспоре в мае 330 г. проходило по традиционному обряду, церковное строительство в ней на протяжении IV в. было довольно

¹⁹ См.: *Dagron G. Naissance d'une capitale; Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.*

скромным, зато другие новостройки и скульптуры демонстрировали значимость синкретических культов во главе с культом Солнца²⁰.

Если же обратиться к обобщающим оценкам, даваемых Голдсуорти эпохе Константина, то сразу бросается в глаза тезис о том, что религиозные взгляды императора не имели значения, и его следует прежде всего рассматривать как одного из многих узурпаторов того времени (хотя и как наиболее преуспевшего). Голдсуорти даже усиливает это суждение, заявляя, что “It is misleading to transfer the novelty of his faith to analysis of his political career” (р. 179). Подобная мысль, на мой взгляд, отрицает за религией когнитивную функцию, объединяющую способность любой системы убеждений вообще, тем более — объединяющую способность идей, исходящих от лидера с исключительной харизматикой. Возможно, сам исследователь подспудно ощущает это, ибо в другом месте все-таки признает, что “his conversion to Christianity was a very significant moment in the history of the world” (р. 192).

Не менее спорен и призыв не преувеличивать the depth of the discovery (речь идет о результативности реформ Диоклетина и Константина) (*Ibid.*). Если судить о жизнеспособности позднеантичной системы, то, как известно, в Византии она имела место до VII в., а на Западе ее структуры успешно функционировали даже в варварских королевствах, особенно у остготов. Если же имеется в виду лишь политическая comparative stability, то даже на Западе она продолжалась до начала V в. включительно. Это будет верным и при согласии с другим эффектным тезисом Голдсуорти — о том, что главной задачей поздней Римской империи являлось «обеспечение власти императора и выгоды для большого числа администраторов» (р. 414).

Отсюда резонен вопрос — как исследователь подводит ситуацию к причинам преобразований. Отмечу опять-таки двойственность, если не неопределенность его подхода. С одной стороны, Голдсуорти вроде бы признает термин «кризис III века», но признает как историографическую данность (р. 138–139). Сам автор, описывая конкретные внутримперские ситуации, предпочитает термин the third-century decline, хотя для характеристики нарастания внешнеполитических трудностей империи использует выражение «кризис на границах» (р. 109), а один из разделов главы «Кризис» прямо назвал “Surviving the Crisis” (р. 149).

²⁰ *Clauss M. Konstantin der Grosse und seine Zeit. München, 2009. S.89–93.* См. также схожие наблюдения: *Mango C. Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles) (Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies, 2). Paris, 1985. P. 6–11; Bassett S. The Urban Image of Late Antique Constantinople. Cambridge, 2004. P. 50–78; Bralewski S. The Porphyry Column in Constantinople and The Relics of the True Cross // Studia Ceranea, 2011. 1. P. 87–100.*

Для понимания отношения автора к «кризису III века», наверное, стоит начать с его оценок самого формального проявления последнего — политических переворотов, бесчисленных инсurreкций. Голдсуорти пишет, что в середине III в. ситуация в этом отношении стала много хуже, чем при Северах, «but it was mainly a question of degree» (p. 139). Получается, что явления, наполнявшие кризис, отличались от аналогичных (или схожих) явлений I–II вв. лишь количественными параметрами, а суть их оставалась прежней. И при Диоклетиане, добавляет исследователь, гражданские войны оставались обычным, хотя и не столь частым явлением. Так что же, суть политических и социальных конфликтов все это время не менялась? Оказывается, Голдсуорти так не думает. В другом месте, характеризуя закат Северов, он говорит, что не только гражданские войны стали нормальным явлением жизни, но и *the nature of the conflicts had also changed profoundly* (p. 84). Правда, что имеется в виду, не очень понятно. Да, императорская власть стала попадать в руки выходцев из всаднического сословия (Макрин, Максимиан), а Элагабал был первым в истории Рима мальчишкой на троне.

Конечно, в целом все больше всадников оказывалось на высоких должностях, как выборных так и административных, а само представление о римском гражданстве после эдикта Каракаллы, безусловно, изменилось (p. 84–85). Но это что — показатели изменений, меняющих именно *the nature of the conflicts*? Попробуем обратиться к оценкам, даваемым Голдсуорти социально-сословной обстановке III в., тем более что после констатации только что названных изменений он оговаривается — «все оставались членами своих и прежде существовавших общин (*communities*), будь то город или деревня»; другое дело, что среди граждан четко стали различать *the more honoured* и *the more humble* (p. 85). Такое наблюдение обнадеживает, но когда мы обращаемся к страницам, специально посвященным социально-сословным характеристикам, то никакой глубины анализа не обнаруживаем.

К сожалению, только один раздел главы о «кризисе III века» посвящен подобным характеристикам — и то лишь сенаторам и всадникам. Об остальных социально-сословных стратах упоминания разбросаны в разных местах главы, и назвать эти пассажи системой затруднительно. Что касается констатаций эволюции всаднического и сенаторского сословий, то и здесь особой глубины наблюдений со стороны автора не замечается, — отмечен рост влияния *equites* на ведущих гражданских и военных должностях и снижение на таковых процента лиц сенаторского звания (p. 84, 92, 409). Голдсуорти даже считает, что самым большим изменением в структуре империи на протяжении III в. была маргинализация (!) сенаторов (p. 409).

Признавая упадок «общего благосостояния» (*widespread prosperity*) (p. 142), Голдсуорти конкретизирует это в том числе и упадком городов в

ряде районов, запустением деревень, — оговариваясь, однако, что самые небольшие из общин прекращали существование по *разным причинам* (курсив мой. — А. К.). Исследователь приводит далее целый набор конкретных проявлений деградации *communities* — от забрасывания сельхозугодий в Италии (ввиду падения спроса на их продукцию) до перманентных войн в районе Дурра-Европос. Но автор не предпринимает никаких попыток даже намекнуть (хотя бы на материале историографии) на генерализующие составляющие упадка полисов и муниципиев. Он ни слова не говорит о судьбе сословия декурионов²¹ и чуть ли ни мимоходом упоминает их как часть элиты империи (после сенаторов и всадников), как часть ее зажиточных «классов» при описании структуры общества II в. (p. 40, 41). Не найти в книге ни плебса, ни колонов²², а о рабах сказано совсем немного, хотя тут надо отдать Голдсуорти должное — он отмечает невозможность установить долю населения, которую рабы составляли и уверен, что основной рабочей силой они были редко, разве только в крупных поместьях Италии (p. 44). Полагаю, однако, что в последнем случае антиковед изменяет одному из своих источниковедческих принципов — исходить из наличествующих на момент исследования массивов нарративных и археологических (в том числе — эпиграфических) данных: ведь провинции Рима, в отличие от Италии, не донесли до нас трудов своих

²¹ Уже применительно к ситуации II в. Голдсуорти называет их куриалами (66, 68), характеризуя как *the local aristocrats*, выполнявших в городах обязанности магистратов и членов городских советов, но разных по степени зажиточности (p. 40). Это не мешает ему объявить, что в империи не существовало *the middle class*, подобному тому, который был в Британии времен Виктории (p. 44). Трудно с этим не согласиться, но из подобного заявления вряд ли стоит делать вывод об отсутствии в I–II вв. «среднего класса» вообще.

²² Автор упоминает несколько раз о городской и деревенской бедноте, особенно отмечая безрадостную жизнь последней, но в то же время указывая, что нельзя доказать доведение сельского населения в поздней античности *to level of serfs* (p. 407). Говоря о городских ремесленниках, он отмечает наличие государственных *fabricae* и сетует на скудость наших знания о владельцах множества мелких мастерских (p. 46). Яркий пример определенной дистанцированности Голдсуорти от социальных проблем поздней Римской империи — его оценки движения багаудов. Детали и причина этого «мятежа» для исследователя — *obscure*, но основные силы восставших, полагает он, были все-таки в сельской местности (p. 159–160). Незнание специальных исследований этого движения, в том числе — венгерского специалиста Б. Шюта, не говоря уже о глубоких работах Р. Гюнтера и А. Р. Корсунского, делает уровень рассуждений Голдсуорти на данную тему схожим с тем, что был в конце XIX в. в работах Д. Б. Бьюри, а в середине XX в. — в работах Э. Демужо. Он пишет, что «багаудия», возможно, отражала десятилетия беспорядка, вызванного гражданскими войнами и варварских набегов. И только во вторую очередь звучит робкая мысль — “perhaps there were also wider social and economic problems”, — но она тут же сменяется призывом к осторожности с учетом тогдашней официальной пропаганды, низводившей багаудов до уровня обычных разбойников (p. 160).

Колумелл, а археологически (включая надписи с упоминанием рабов) Италия освоена, как известно, основательнее других территорий.

Но посмотрим, как характеризуются автором иные проявления кризиса. Что касается экономического коллапса III в., то, по мысли Голдсуорти, он возник из-за резко увеличившихся трат на армию и чиновный аппарат, а это повлекло за собой девальвацию (р. 139, 140). (Кстати говоря, если английский антиковед при характеристике многих явлений времен империи часто подчеркивает отсутствие статистических показателей, то в указанном случае уверенно пишет, что число *imperial bureaucrats* в III в. постоянно росло (р. 140). Никакой аргументации на этот счет, даже ссылок на соответствующие исследования, он не приводит. Более того, несколькими строками ранее, вслед за А. Джонсом, К. Хопкинсом и М. Корбайером, автор утверждает, что уровень налогообложения в провинциях в целом оставался постоянным. Несколько ниже сообщается, что в Риме тогда же продолжалось строительство, осуществлялась политика «хлеба и зрелищ». Как все это можно совместить с тезисом о перманентном росте чиновного аппарата? Полагаю, в данном случае Голдсуорти не принял во внимание те немецкие и французские исследования, где «кризис III века» рассматривается во многом как кризис системы принципата, который, хотя и разваливался, но структурно, с сохранением базовых магистратско-управленческих принципов (особенно на уровне полисов на Востоке и муниципиев на Западе), дотянул до реформ Диоклетиана. Принимая во внимание эти обстоятельства, говорить о серьезном росте администрации, особенно в провинциях III в., многие исследователи не спешат. Надо сказать, что сам Голдсуорти, рисуя обстановку рубежа III–IV вв., несколько корректирует свою оценку, заявляя, что рост бюрократии шел постепенно, но особенно ускорился при Диоклетиане, — и называет (вслед за Р. Мак-Малленом, А. Джонсом и Ч. Келли) приблизительное число администраторов в империи — от тридцати до тридцати пяти тысяч человек (р. 164). Однако в другом месте, дав увлекательный обзор «заговора» Сильвана при Констанции II, он замечает, что значительный рост бюрократии привел к снижению информированности императоров, а значит — к снижению эффективности управления по сравнению с I–II вв. (р. 202). При этом исследователь совершенно справедливо подчеркивает, что значительный объем управленческой работы в III в. предоставлялся местным общинам и особенно — городам (р. 164).

Вместе с тем, Голдсуорти, когда речь идет о *civil wars*, сомневается в разнице между усобицами времен принципата и конфликтами IV–V вв. (р. 657). Подобный взгляд означает, что видя разницу в системах управления принципата и домината, отмечая известные перемены в социально-

сословной структуре (прежде всего — в элите), автор не торопится увязать все эти изменения с возможными переменами в сути *civil wars*. Поэтому логика требует обратиться к взглядам исследователя на главный предмет его интереса в судьбах позднеримской системы, — на феномен армии.

Для Голдсуорти римская армия — самая организованная и значительная военная сила в истории до наступления современной эпохи (р. 59). Содержание армии составляло главную долю расходов в государственном бюджете в любой ситуации (р. 140). Даже в жестких условиях III в., по мнению автора, она действовала эффективно, если обученные должным образом солдаты были обеспечены всем необходимым и их возглавляли способные командиры (р. 134). И в IV в., будучи далека от совершенства, армия превосходила врагов империи во многих отношениях (р. 214, 414), обладая гораздо большими ресурсами, технологическими и другими преимуществами.

Голдсуорти — мастер в реконструкции внешних параметров имперских войск, описывая характер подразделений, вооружение, расквартирование и т. д. Он уделяет немало места вопросу о численности разных боевых частей в разные периоды жизни империи, — особенно впечатляют попытки показать трудность решения этой задачи при характеристике *limitanei* и *comitatenses* IV в. (р. 208–209). Но, как известно, один из важнейших моментов в состоянии вооруженных сил — источники и принципы их комплектования. И то и другое всегда во многом зависит от состояния общества. Голдсуорти же практически не останавливается на этой проблеме при характеристике принципата. Когда речь заходит о том, из кого тогда набирали легионы, он прибегает к неопределенным терминам «италийцы», «провинциалы»²³ и т. п. Немногим информативнее соответствующие пассажи при характеристиках армии времен IV в. Правда, неопределенность суждения «армия набирала *recruits* повсюду, где могла» (р. 210) частично компенсируется здесь же присутствующим рассказом о том, что сыновья солдат обязаны были идти по стопам отцов, а землевладельцы (*landowners*) обязаны были поставлять определяемое таксацией число рекрутов. Откуда землевладельцы брали этих людей, автор не поясняет. В то же время исследователь верно констатирует несостоятельность на сегодняшний день старого представления о «варваризации» армии благодаря притоку в нее новобранцев из внеимперских народов. Конечно, тезис о том, что по надежности и исполнительности разницы между иноземцами и жителями империи не было (*Ibid.*), может быть отчасти применен лишь к ситуации IV в. Мы знаем, что это — явное

²³ Типичный пример подобного рода конкретики — после I в. италийцы предпочитали военную службу в Риме (р. 61), а основу офицерского корпуса составляли всадники, выходцы из «среднего класса», в то время как командующие формировались из сенаторов (р. 63–64).

преувеличение, благодаря сведениям, например, Малха Филадельфийца, Приска Панийского, Аполлинария Сидония и особенно Прокопия (прежде всего при описании войн VI в. в Италии).

Однако нельзя отрицать, что в условиях частных поражений III в. значимость лояльности войск резко повышалась, и императоры старались еще лучше заботиться о солдатах (р. 140). Казалось бы, при описании проявлений подобных стимулов поведения императоров одним из главных аргументов должно быть развитие феномена ветеранского землевладения. Но об этом землевладении в книге упоминаний нет, — лишь говорится, что в I–II вв. легионеры либо получали *a plot of farmland or a cash bounty* (р. 61), — но неясно, в каких возрастных или должностных категориях такие легионеры состояли. Даже в предельно лаконичном рассказе о военной реформе Септимия Севера ничего не говорится об изменении практики наделения военнотружущих земель (р. 67), а ведь это весьма повлияло на характер социальных и политических ориентаций солдат в III в.

Примечательно, что в противоположность такому слабому вниманию к вопросу о землеобеспечении римских военнотружущих III в. Голдсуорти правомерно считает вопрос о наделении земель варваров в процессе формирования их королевств одним из наиболее важных, а в рамках современной историографии — по-прежнему дискуссионным (р. 374–375). Но, если вернуться к классической имперской армии, еще более поразительным является следующее суждение: хотя легионеры набирались из граждан, а вспомогательные войска — из неграждан, жизнь их протекала *отдельно* (курсив мой) от *roog civilians* (!), — прежде всего, дескать, потому, что солдаты были профессионалами (р. 60–61). Иными словами, допускается, что интересы армии и интересы граждан оказывались в разных системах координат. Но, во-первых, вряд ли сложно увидеть профессионализм у многих групп и корпораций гражданского населения империи (этому посвящена бездна литературы). Во-вторых, и это, по моему, более существенно, сам Голдсуорти приводит массу примеров зависимости настроений в войсках от явлений, присущих гражданскому обществу и от казусов, совершавшихся в нем. И дело не только в том, что после реформ Диоклетиана и Константина I армия зависела от гражданских чиновников, обеспечивавших ее содержание и экипировку (р. 207).

Например, исследователи давно заметили, что даже в III в. армия отдавала предпочтение тем императорским фамилиям, чье положение на троне было стабильным (это означало регулярное получение жалования, донатив и возможностей выдвинуться). Голдсуорти присоединяется к такому мнению (р. 151–152, 409), уточняя, что очень немногие узурпаторы могли поэтому рассчитывать на долгую лояльность войск.

Также примечательно, что отвергая губительность для империи так называемой «варваризации» армии, исследователь, рассказывая о «заговоре» Сильвана, отмечает, что, начиная со времен Константина I, число офицеров германского происхождения в армии растет, они получают римское гражданство и римские имена, соответствующий чину социальный статус, а по культурному облику превращаются в настоящих римлян (р. 200). В качестве примера приводится тот же Сильван, далее — Стилихон, который ценил благо империи выше собственной жизни (р. 290, 298), и, конечно, Рицимер (р. 357–358). Даже Одоакр характеризуется не как варвар, а один из командующих, стремившихся сохранить симпатии солдат, которые были недовольны отказом правительства Ореста наделить их землей (р. 367–368). Иными словами, даже офицерство варварского происхождения было ассимилировано римской цивилизацией, а значит, не было отделено стеной от гражданского общества. На примере политики того же Одоакра в Италии автор справедливо подчеркивает, что для жителей страны после 476 г. по сути ничего не изменилось: заседал сенат, работали муниципальные власти, был проведен капитальный ремонт Колизея и т. д. (р. 368).

Автор заявляет, что нет серьезных оснований для утверждения о гораздо большей силе врагов поздней Римской империи по сравнению с их потенциалом несколькими веками ранее (р. 406). Грабительские по своему характеру нападения концентрировались всегда на тех участках границы и на тех направлениях, где империя давала слабину, — прежде всего из-за ухода войск на очередную гражданскую войну (р. 119, 296). Из всех данных на этот счет, приведенных Голдсуорти, наиболее репрезентативными являются факты и их анализ относительно вторжения полчищ Радагайса в Северную Италию ок. 404 г. и перехода варварами Рейна 31 декабря 406 г. (р. 295–296, 307, 310). Справедливо отмечается, что, конечно, последствия для районов, подвергшихся нападению, были ужасны, но сил варваров хватало лишь на разграбление довольно ограниченных территорий. Тем более, что противостоять им могли уже не очень крупные римские соединения: 30 отрядов Стилихона вместе с союзниками, выступившие против Радагайса, могли быть, по мысли Голдсуорти, самым крупным войском империи на тот момент (р. 295, 310), но лишь 4000 солдат, прибывших в Равенну из Византии, изменили соотношение сил в кампании (р. 310). Следует согласиться и с тем, что хотя варвары уже были способны создавать крупные конфедерации, но структура последних отличалась рыхлостью, объединения состояли из множества отдельных, зачастую враждебных друг другу племен; это, считает Голдсуорти, было характерно для франков, алеманов, народов Причерноморья и Подунавья II – начала III в. и готов последней трети IV в. (р. 109, 246, 406). Но опять-

таки в подобных оценках видно приоритетное внимание исследователя к организационному, а не социальному фактору. Отсюда понятно, почему он считает, что в результате шестилетней войны с тервингами в начале правления Феодосия I римляне одолели врагов уже не в силу эффективности своих войск, но в силу многочисленности. Но, я полагаю, успех заключался не столько в том, что Феодосий навязал разным группам готов разные по тактике операции, сколько в удачных попытках разобщить их племенные фракции (в том числе, знаменитым октябрьским договором 382 г.) и дифференцировать верхушку варваров от рядовых общинников²⁴.

Что же касается трактовки организации державы гуннов (при ее противостоянии с империей), то здесь Голдсуорти следует опять-таки точке зрения своих коллег. И прежде всего — точке зрения П. Хизера (на которого он в данном случае не ссылается). Согласно Хизеру, гегемония гуннов в их державе во многом зависела от возможностей щедро вознаграждать союзников — готов, алан, герулов и т. д.²⁵ Интерпретация причин обращения взоров Аттилы на западную империю опять-таки базируется на суждениях Хизера: поскольку Балканы гуннами были уже опустошены, то новые богатства для удержания союзников следовало искать на других территориях (р. 331). Такая точка зрения абсолютно не учитывает опять-таки социально-политического фактора — степени сопротивляемости варварам восточно-римских полисов и митрокомий, отраженной, в том числе, в конечном отказе Византии очередной раз уплачивать гуннам дань.

В оценке исторической роли гуннов в судьбах Римской империи Голдсуорти также не оригинален: он фактически следует за Д. Б. Бьюри и П. Хизером (опять-таки без ссылок на этих исследователей), заявляя, что Аттила объективно отсрочил падение Запада, так как гуннская держава до поры до времени связывала в своем составе многие варварские племена, позже обрушившихся на Рим с разных сторон (р. 319–320)²⁶. Что же касается вполне справедливого замечания относительно того, что территориальные приобретения гуннов за счет империи, несмотря на жуткие опустошения ее балканских провинций, Галлии и Северной Италии, в целом были достаточно скромны, и само воздействие этих кочевников на империю было исторически недолгим (р. 319), то эти мысли восходят

²⁴ Ср.: *Wolfram H.* Gtschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979. S. 156–157; *Heather P.* Goths and Romans 332–489. P. 147–149; *Faber E.* Von Ulfila bis Rekkard : Die Goten und ihr Christentum (Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge, Bd. 51). Stuttgart, 2014. S. 148–152.

²⁵ *Heather P.* The Fall of the Roman Empire ... P. 324–330.

²⁶ Ср.: *Heather P.* The Fall of the Roman Empire ... P. 360–369.

к работам Э. Томпсона и О. Менхен-Хельфена²⁷. Впрочем, о построении очень многих положений книги Голдсуорти на основании изысканий его англоязычных коллег (по преимуществу) я уже говорил неоднократно.

Итак, эта работа довольно плотно и в увлекательной форме представила события истории поздней Римской империи. Что же касается анализа глубинных причин и сути таких событий, то здесь автор либо оказался зависим от уже существующих наблюдений и выводов, либо — когда пытается вникнуть в беды империи сам — оказывается в рамках идеи, близкой к монофакторной (очень редкой в современной историографии) характеристике причин ее падения. Я считаю, что Голдсуорти прав, акцентируя внимание на внутренних для римского общества основаниях его кризиса и распада. Но сводить детерминизм этого распада в конечном счете к гражданским войнам без попыток серьезного анализа их возникновения, без учета социальных составляющих, относящихся к самим войнам и к эволюции римской армии в целом, полагаю непродуктивным.

Данные о статье:

Автор: Козлов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, alarich@olympus.ru

Заголовок: Проблема падения Римской империи и книга А. Голдсуорти.

Резюме: Статья сосредоточивает внимание на следующих проблемах: основные вопросы падения Римской империи в современной западной, преимущественно — англоязычной историографии; место в этой историографии монографии А. Голдсуорти. Показана принадлежность концепции Голдсуорти к историографическому направлению, трактующему падение Римской империи как постепенно развивающуюся катастрофу. Однако в отличие от многих сторонников этого направления А. Голдсуорти видит основные причины гибели империи не во внешнем, а во внутреннем факторе. Внутренние причины распада античной цивилизации он сводит к частым гражданским войнам, которые для него имеют одинаковую сущность и в период Поздней Республики и в период империи. Причины самих гражданских войн он сводит к борьбе разных фракций армии за политическую власть. Социальная суть конфликтов исследователем игнорируется и сама эволюция сословной и социальной структуры империи им рассматривается очень слабо, — вплоть до практического игнорирования судеб одного из важнейших сословий античного общества — декурионов (куриалов), самой массовой части элиты Римской империи. Точно так же он игнорирует социальные изменения в обществах врагов империи — у варваров и в державе Сасанидов. Поэтому германцы III–V вв., по мнению Голдсуорти, отличаются от германцев I в. только организацией антиримских объединений. Это, по мнению автора монографии, не делало их намного сильнее, и поэтому империя, не будь в ней гражданских войн, а значит — ослабления государства, финансов, армии, могла бы с ними справиться без особого труда. Подобные оценки представляются очень спорными.

²⁷ См.: *Thompson E. A.* The Huns. Malden, Oxford, Carlton, 1999. P. 235–237; *Maenchen-Helfen O. J.* The World of The Huns Studies in Their History and Culture. London, 1973. P. 125–152.

Ключевые слова: Современная английская историография падения Римской империи, А. Голдсуорти.

Information about the article:

Author: Kozlov Alezander Sergeevich, Ph. D. in History, Russia, Ekaterinburg, Docent of Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, alarich@olympus.ru

Title: Problem of falling of Roman empire and A. Goldsworthy's book.

Summary: Article concentrates attention on following problems: the basic questions of falling of Roman empire in modern western, mainly — an English-speaking historiography; a place in this historiography of the monography of A. Goldsworthy. The accessory of the concept of Goldsuorti to the historiographic direction treating falling of Roman empire as gradually developing accident is shown. However unlike many supporters of this direction of A. Goldsworthy sees principal causes of destruction of empire not in external, and in the internal factor. It reduces the internal reasons of disintegration of an antique civilisation to frequent civil wars which for it have identical essence both in Late Republic and in empire. It reduces the reasons of civil wars to struggle of different fractions of army for the political power. The social essence of conflicts the researcher is ignored also evolution of class and social structure of empire by it considered very poorly, — up to practical ignoring of destinies of one of the major estates of an antique society — the curial class, the most mass part of elite of Roman empire. In the same way he ignores social changes in societies of enemies of empire — at barbarians and in power Sassanids. Therefore Germanic tribes III–V centuries, according to Goldsworthy, differ from Germans of I century only the organisation of the Antiroman associations. It, according to the author of the monography, did not do them much more strongly and consequently empire, there will be no in it civil wars so — easings of the state, the finance, army, could consult with them without special work. Similar estimations are represented very disputable.

Key words: Modern English historiography of falling of Roman empire, A. Goldsuorti.

Литература, использованная в статье:

- Bartlett, Bruce.* How Excessive Government Killed Ancient Rome // *Cato Journal*, 1994. Vol. 14. No. 2. P. 287–303.
- Bassett, Sarah.* The Urban Image of Late Antique Constantinople. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XIX, 247 p.
- Bourdon, Jean.* Le monde antique s'est-il dépeuplé? // *Journal de la Société de Statistique de Paris*, 1948. 89. P. 102–118.
- Bralewski, Sławomir.* The Porphyry Column in Constantinople and The Relics of the True Cross // *Studia Ceranea*, 2011. 1. P. 87–100.
- Brown, Peter Robert Lamon.* The World of Late Antiquity A.D. 150–750. London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.
- Brown, Peter Robert Lamon.* The World of Late Antiquity Revisited // *Symbolae Osloenses*, 1997. Vol. 72. P. 5–30.
- Bury, John Bagnell.* A History of the Later Roman Empire from Arcadius to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). London: Macmillan and Co, 1923. Vol. 1. 542 p.
- Clauss, Manfred.* Konstantin der Grosse und seine Zeit. München: C. H. Beck, 2009. 128 S.
- Dagron, Gilbert.* Naissance d'une capitale; Constantinople et ses institutions de 330 à 451 (Bibliothèque byzantine. Etudes, 7). Paris: Presses Universitaires de France, 1974. 578 p.
- Demandt, Alexander.* Der Fall Roms. Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München: C. H. Beck, 2014. 719 S.
- Demandt, Alexander.* Der spätromische Militäradel // *Hiron*, 1980. 10. S. 609–637.
- Downey, Grenville.* The Later Roman Empire. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1969. 148 p.

- Faber, Eike.* Von Ulfila bis Rekkared : Die Goten und ihr Christentum (Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge, Bd. 51). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 300 S.
- Ferrill, Archer.* The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation. London, New York: Thames and Hudson, 1986. 312 p.
- Goldsworthy, Adrian.* The Fall of the West: The Death of the Roman Superpower. London: Weidenfeld & Nicolson, 2009. 531 p.
- Goldsworthy, Adrian.* The Complete Roman Army. London: Thames & Hudson, 2003. 224 p.
- Jones, Arnold Hugh Martin.* The Later Roman Empire, 284–602 : a Social Economic and Administrative Survey. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1964. Vol. 1–2. XV, 1519 p.
- Heather, Peter.* Goths and Romans 332–489. Oxford: A Clarendon Press Publication, 1991. XVI, 378 p.
- Heather, Peter.* The Goths. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell Publishing, 1996. XVII, 358 p.
- Heather, Peter.* The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxford: Oxford University Press, 2006. XVI, 572 p.
- Heather, Peter.* Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe. London: Macmillan, 2009. XVII, 752 p.
- Heichelheim, Fritz Moritz.* Römische Sozial- und Wirtschaftsgeschichte (Historia Mundi: Ein Handbuch der Weltgeschichte in 10 Bänden / Hrsg. F. Valjavec). Bern: Francke, 1956. Bd. IV. 488 S.
- Kagan, Donald.* The End of the Roman Empire: Decline or Transformation? (Problems in European Civilization). Lexington (Mass.): D.C. Heath and Company, 1992. 172 p.
- Maenchen-Helfen, Otto John.* The World of The Huns Studies in Their History and Culture. London: University of California Press, 1973. XXIX, 602 p.,
- Mango, Cyril.* Le développement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siècles) (Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et de Civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies, 2). Paris: De Boccard, 1985. 69 p.
- Rostovtzeff, Michael.* Social and Economic History of the Roman Empire. 2. Ed. Oxford, New York: Oxford University Press, 1957. Vol. 1–2. XXXI, XX, 847 p.
- Thompson, Edward Arthur.* The Huns. Malden, Oxford, Carlton: Wiley-Blackwell, 1999. 326 p.
- Ward-Perkins, Bryan.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2005. XII, 239.
- Wickham, Chris.* The Inheritance of Rome: Illuminating the Dark Ages, 400–1000. New York: Viking, 2009. 672 p.
- Witschel, Christian.* Imperium im Wandel. Das Ende des Römischen Reiches im Urteil der modernen Geschichtswissenschaft // *Praxis Geschichte*, 2014. 1. S. 4–11.
- Wolfram, Herwig.* Gtschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München: C. H. Beck, 1979. XI, 495 S.

References:

- Bartlett, Bruce. How Excessive Government Killed Ancient Rome, in *Cato Journal*. 1994. Vol. 14. N. 2. P. 287–303.
- Bassett, Sarah. The Urban Image of Late Antique Constantinople. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. XIX, 247 p.
- Bourdon, Jean. Le monde antique s'est-il dépeuplé ? in *Journal de la Société de Statistique de Paris*. 1948. 89. P. 102–118.
- Bralewski, Sławomir. The Porphyry Column in Constantinople and The Relics of the True Cross, in *Studia Ceranea*. 2011. 1. P. 87–100.
- Brown, Peter Robert Lamon. The World of Late Antiquity A.D. 150–750. London: Thames and Hudson, 1971. 216 p.

- Brown, Peter Robert Lamon. The World of Late Antiquity Revisited, in *Symbolae Osloenses*. 1997. Vol. 72. P. 5–30.
- Bury, John Bagnell. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). London: Macmillan and Co, 1923. Vol. 1. 542 p.
- Clauss, Manfred. Konstantin der Grosse und seine Zeit. München: C. H. Beck, 2009. 128 S.
- Dagron, Gilbert. Naissance d'une capitale; Constantinople et ses institutions de 330 à 451 (Bibliothèque byzantine. Etudes, 7). Paris: Presses Universitaires de France. 1974. 578 p.
- Demandt, Alexander. Der Fall Roms. Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München: C. H. Beck, 2014. 719 S.
- Demandt, Alexander. Der spätrömische Militäradel, in *Hiron*, 1980. 10. S. 609–637.
- Downey, Grenvill. The Later Roman Empire. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1969. 148 p.
- Faber, Eike. Von Ulfila bis Rekkared: Die Goten und ihr Christentum (Potsdamer Altertumswissenschaftliche Beiträge, Bd. 51). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 300 S.
- Ferrill, Archer. The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation. London, New York: Thames and Hudson, 1986. 312 p.
- Goldsworthy, Adrian. The Fall of the West: The Death of the Roman Superpower. London: Weidenfeld & Nicolson, 2009. 531 p.
- Goldsworthy, Adrian. The Complete Roman Army. London: Thames & Hudson, 2003. 224 p.
- Jones, Arnold Hugh Martin. The Later Roman Empire, 284–602: a Social Economic and Administrative Survey. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1964. Vol. 1–2. XV, 1519 p.
- Heather, Peter. Goths and Romans 332–489. Oxford: A Clarendon Press Publication, 1991. XVI, 378 p.
- Heather, Peter. The Goths. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell Publishing, 1996. XVII, 358 p.
- Heather, Peter. The Fall of the Roman Empire: a New History of Rome and the Barbarians. Oxford: Oxford University Press, 2006. XVI, 572 p.
- Heather, Peter. Empires and Barbarians: Migration, Development and the Birth of Europe. London: Macmillan, 2009. XVII, 752 p.
- Heichelheim, Fritz Moritz. Römische Sozial- und Wirtschaftsgeschichte (Historia Mundi: Ein Handbuch der Weltgeschichte in 10 Bänden / Hrsg. F.Valjavec). Bern: Francke, 1956. Bd. IV. 488 S.
- Kagan, Donald. The End of the Roman Empire: Decline or Transformation? (Problems in European Civilization). Lexington (Mass.): D. C. Heath and Company, 1992. 172 p.
- Maenchen-Helfen, Otto John. The World of The Huns Studies in Their History and Culture. London: University of California Press, 1973. XXIX, 602 p.
- Mango, Cyril. Le developpement urbain de Constantinople (IVe–VIIe siecles) (Travaux et Mémoires du Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies, 2). Paris: De Boccard, 1985. 69 p.
- Rostovtzeff, Michael. Social and Economic History of the Roman Empire. 2. Ed. Oxford, New York: Oxford University Press, 1957. Vol. 1–2. XXXI, XX, 847 p.
- Thompson, Edward Arthur. The Huns. Malden, Oxford, Carlton: Wiley-Blackwell, 1999. 326 p.
- Ward-Perkins, Bryan. The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford: Oxford University Press, 2005. XII, 239 p.
- Wickham, Chris. The Inheritance of Rome: Illuminating the Dark Ages, 400-1000. New York: Viking, 2009. 672 p.
- Witschel, Christian. Imperium im Wandel. Das Ende des Römischen Reiches im Urteil der modernen Geschichtswissenschaft, in *Praxis Geschichte*. 2014. 1. S. 4–11.
- Wolfram, Herwig. Gtschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München: C. H. Beck, 1979. XI, 495 S.

CONTENT

- Daudov A. Kh., Prokopiev A. Y.* On the Anniversary
of Galina Evgenievna Lebedeva.....7

I. Pages from the History of Chair: People and Events

- Lebedeva G. E., Berezkin A. V., Cherepenina N. Y.* Works and Days of Professor
V. V. Shtokmar.....20

II. The Problems of Byzantine History

- Polyakovskaya M. A., Kushch T. V.* The Cult of Constantine the Great
in Byzantine Court Tradition.....38
- Stepanenko V. P.* Tmutarakan and Byzantium at the end of 11th c.50
- Medvedev I. P.* Constantinople comparé à Rome: l'ekphrasis
de Manuel Chrysoloras.....63

III. Evolution of Statehood during Late Antiquity and Early Medieval Times

- Starostin D. N.* An Emergence of Frankish Kingdom in Context of Roman Empire
and Barbarian's Interrelations: Childeric and Problems of Legitimacy
of the first Merovingian rulers.....70
- Mitrofanov A. Y.* Avarian «Flood»: 580–626 a.d.....85
- Mekhamadiev E. A.* Armenia and Roman Empire at the Beginning of 4th c.:
the Problems of Interstate Relations under the Reign of Armenian King
Tiridates III.....111

IV. German Studies

- Norbert Angermann.* Zur älteren Sozialgeschichte der Baltischen Länder:
Deutsche in der mittel- und unterschicht (13.–17. Jahrhundert).....134
- Lurie Z. A.* A Dramatist of the Reformation era: a Collective Portrait151
- Danilov I. A.* Dynasty and Name in Late Medieval Germany. Counts of Nassau170
- Vatslav Buzhek.* Representation of Rudolf II Habsburg in the Image
of His Funeral189
- Prokopiev A. Y.* A Mother, a Son and a Daughter in Law: the Duke Eberhard III
of Württemberg's family conflict (1628–1674).....207

V. Power and Society: from Middle Ages to Modern Time

- Potekhina I. P.* Procurations in the Taxation System of the Medieval Papacy228
- Dmitrieva M. I.* Holidays in Siena of the Trecento (according to city-state
Chronicles).238

<i>Krylov P. V.</i> “No Prophet is in own Homeland welcomed ...”: or how Joan of Arc became “the Maid of Lorraine”.....	252
<i>Green M.</i> Huguenots and their Impact on the Education of the Dutch Nobility	269
<i>Palamarchuk A. A., Fedorov S. E.</i> Council in the Marches of Wales and Conciliar Justice in the Welsh Borderland in the 16th – beginning of 17th c.	293
<i>Susan Richter</i> (University of Heidelberg). Instruments to Ensure the Dynasty in Russia under Peter I and Ekaterina I: Co-Regency and the Role of German Testaments.....	308

VI. Authors, Manuscripts, Books and Autographs

<i>Kuleshova E. V.</i> Claude de Seyssel (1450 – 1520) and his Treatise “Great French Monarchy” in Studies of Modern Scholars	336
<i>David Potter.</i> The Correspondence of a Renaissance Monarch: Letters in Francis I’s Style of Rule (1515–47)	351
<i>Logutova M. G.</i> The Portrait of Netherlands Priest of the Time of Counter-Reformation (basing on the manuscript housed at National Library of Russia, shelf-mark: Goll.F.XIV.2).....	373
<i>Bobkova M. S.</i> A Historical Compendium: Notes on apparatus criticus of year 1579th’s edition.....	389
<i>Shishkin V. V.</i> Books of Henry III of France in Russian National Library.....	410
<i>Korolev S. V.</i> Books as a pupil-prize: the French Educational Establishments (17th c.)	424

VII. Reviews

<i>Starostin D. N.</i> Review. Costambeys, Marios, Innes, Matthew, MacLean, Simon. The Carolingian world. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. XIX + 505 p. ISBN: 9780521564946; 0521564948.	438
<i>Kozlov A. S.</i> Problem of Falling of Roman Empire and A. Goldsworthy’s Book	442

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ООО «ИД «ПРАВО»
197022, Санкт-Петербург, Большой пр. П.С., 100
тел. (812) 635-83-60

Корректор *Л. В. Орлова*
Верстка *Л. А. Шитовой*
Оформление серии и обложка *Е. И. Егоровой*

В оформлении обложки использованы репродукции:
Христос-Пантократор — Собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы
города Монреале, XII в. (La cattedrale di Santa Maria Nuova).
Италия, Сицилия. Мозаика;
Феодора — Базилика св. Виталия в Равенне, VI в.
(Basilica di San Vitale). Италия. Мозаика.

Подписано в печать с готового оригинал-макета 14.12.2015
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 29,12.
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного историческим факультетом СПбГУ,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел./факс: (812) 552-75-26.